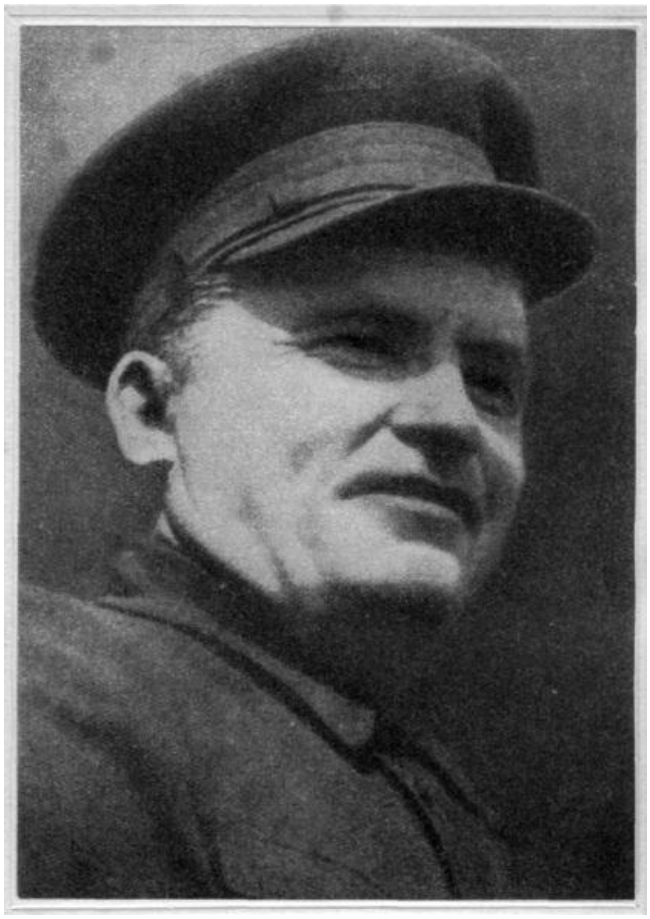
С.М. КИРОВ Избранные статьи и речи 1912 — 1934



Государственное издание политической литературы

1939

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

На северной окраине России в маленьком захолустном городе Уржуме полвека тому назад, 27 (15) марта 1886 года, родился человек, который стал одним из самых замечательных и ярких людей нашей эпохи, помощником, сподвижником и другом Сталина.

Детство Кирова (Кострикова) было тяжелым, суровым. Протекало оно в горькой нищете в уездной глуши заброшенного среди болот и лесов уездного города бывшей Вятской губернии, теперь — Кировской области.

Вятская губерния была хорошо знакома политическим изгнанникам. Уржум, стоящий далеко от железной дороги, считался одним из самых глухих городов Приуралья. Городская беднота была обречена на голодную жизнь. Многие уходили на заработки на Урал или в Сибирь.

Отец Кирова Мирон Иванович Костриков перебивался со дня на день случайной работой. Одно время служил объездчиком в лесничестве, потом выручал гроши, пуская на постой во двор своего домишка приезжавших на базар крестьян, таких же бедняков, как и он сам. Мирон Костриков упорно старался побороть нужду — и все безуспешно. Ему оставался один выход — искать работы где-нибудь на стороне. Оставив семью, он отправился на Урал и пропал там без вести.

Сыну Кострикова Сереже в это время едва минуло четыре года. У него были еще две сестры — одна моложе, другая старше его. Дети остались на руках матери — Екатерины Кузьминичны, или Кузьмовны, как звали ее соседки. Мать надрывалась, чтобы кое-как прокормить детей. В глухом городишке она бралась за всякую работу: ходила к местным купцам и чиновникам на стирку, на поденщину, брала на дом шитье. Но в Уржуме было много бедняков, готовых взяться за любую работу, а чиновники и лавочники, как и везде, были скупы и прижимисты. Тяжелым трудом давался Кузьмовне каждый гривенник! Непосильная работа, заботы о детях, вечная нужда подорвали силы. Когда Сереже было семь лет, Екатерина Кузьминична умерла от чахотки.

Пришлось старой бабушке Меланье Авдеевне, которая тут же в Уржуме служила в няньках, бросить место и взять на свое попечение сирот. Но нехватило ни сил, ни грошовой пенсии за мужа-солдата, погибшего на Кавказе, чтобы вырастить внуков дома.

Пенсии получала Меланья Авдеевна всего три рубля в месяц, да рубль семьдесят копеек квартирных на год. На такие деньги и думать нечего было прожить, с тремя ребятами и подавно. Оставалось одно — отдать ребят в сиротский приют. Меланье Авдеевне пришлось отвесить много поклонов уржумским богатеям-попечителям, но они приняли в приют только одного Сережу.

Сереже только что исполнилось в это время восемь лет, он горько плакал, не хотелось ему итти в приют, но делать было нечего.

Голодно, холодно, неприютно было в «Доме призрения малолетних сирот», долго не мог Сережа привыкнуть к унылой, безрадостной жизни. Кормили мало, одевали плохо, а молиться заставляли подолгу. Только изредка Сережу отпускали на побывку к бабушке. Хоть и тяжело было жить в приюте, но Сережа не терял бодрости.

В противоположность большинству приходских воспитанников, он был крепким, резвым и жизнерадостным мальчиком, первым во всяких играх и выдумках, проявлял большую независимость характера и сознание собственного достоинства.

Приютских ребят, остриженных наголо, одетых в бедную, плохо сшитую одежду, бледных и сутулых, постоянно дразнили, а иногда и поколачивали на улице упитанные сынки уржумских богатеев.

Напали как-то купеческие сынки и на Сережу, но он дал такой отпор, так обработал кулаками одного из приставших к нему балбесов, что после этого затрагивать Сережу уже не решались. Он сделался подлинным героем в глазах приютской детворы.

Приютских детей обучали в церковно-приходской школе. В эту же школу отдали и Сережу.

Учился он хорошо, был любознательным и способным, окончил школу одним из первых. В 1897 году Сережу как одного из лучших учеников приютское начальство направляет в городское училище. И здесь Сережа учится отлично.

Пытливым умом Сергей уже охватил различие в положении и судьбе встречавшихся на его пути людей: богатым все можно, им. все блага жизни, а беднякам — только нужда, только обиды и унижения. Все симпатии, все сочувствие Сергея на стороне этих последних.

Особенное внимание Сергея и его сочувствие вызывали жившие в Уржуме политические ссыльные — студенты и рабочие. Уржумские обыватели сторонились ссыльных, называли их «крамольниками», говорили о них всегда с некоторым страхом, с оглядкой.

Уже одна эта таинственность возбуждала в Сергее чрезвычайный интерес, к тому же еще политические ссыльные и приезжавшие в Уржум на летние каникулы студенты пели в роще за городом такие замечательные, бодрые, совсем особенные песни.

Сергей умел и любил петь, а песни «политических» так хорошо запоминались, хотя слова были порой непонятны для ребят.

В 1901 году, пятнадцати лет, Сергей оканчивает городское училище, и его как одного из лучших учеников уржумское благотворительное общество отправляет учиться в Казань в низшее механико-техническое училище.

Председатель уржумского благотворительного общества вручил Сергею для передачи в училище обязательство «одевать Сергея Кострикова по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату за правоучение», а также предоставить ему «необходимые для учебных занятий удобства». Однако на деле вся помощь Сергею ограничилась назначением стипендии по пяти рублей в месяц. Правда, один из уржумских «благодетелей» дал еще Сергею рекомендательное письмо к своей родственнице, жившей в Казани, и та приютила Сергея, устроив его в темном коридоре на сундуке. Здесь долгое время и жил Сергей: спал скорчившись на коротком сундуке, занимался и чертил по ночам на кухне, когда кухарка кончала уборку посуды.

Среди учащихся казанского технического училища было не мало бедняков. Но и среди этой бедноты Киров был одним из наиболее нуждающихся.

Преподаватели технического училища вспоминают, что Сергей Костриков форменным образом голодал, не имея возможности заплатить даже за самый дешевый обед.

Три года учебы Сергея в Казани — это три года тяжелых лишений. На прошении о выдаче пособия рука чиновника написала ответ: «Выдавать по 5 рублей три месяца». Однажды Сергей был временно исключен из училища, потому что не мог внести плату за ученье.

Но тяжелая нужда не надломила Сергея. И в казанском училище он все три года один из первых в учебе и из класса в класс переходит с наградами. Он с увлечением подолгу работает в мастерских училища, с таким же увлечением работает на практике.

По воспоминаниям его товарищей и учителей можно проследить, как в эти годы складывался характер Кирова. В нем уже тогда проявляются твердость, упорство, независимость и в то же время какая-то особая теплота к товарищам, к близким по нужде и лишениям людям, замечательное благородство— черты, отличавшие Кирова во все периоды его жизни, его борьбы.

Вот случай, достаточно характеризующий отношение Сергея Кострикова к своим близким товарищам.

Сергей, долго, напряженно работая, вместе с одним из знакомых студентов сконструировал и смастерил маленький мотор. Работа удалась, ею восхищались все его друзья. Но вот один из товарищей попадает в беду; он не может больше ходить на занятия: окончательно износились штаны. Киров, «с задумываясь, продает на рынке мотор, над которым так много работал. На эти деньги покупаются там же, на базаре, новые штаны.

Инспектору училища, грубияну и самодуру, Сергей открыто, при всех советует изменить свое отношение к ученикам. Твердость и достоинство Кострикова озадачивают даже старого царского служаку, и он больше не рискует издеваться над учениками. За этим поступком Сергея скрывается большее, чем обычная юношеская смелость, — в эти годы начинает складываться его политическое сознание.

1901–1904 годы, годы учения Кирова в казанском механико-техническом училище, — это период нарастающего подъема революционного движения во всей стране.

В крупных промышленных центрах проходили массовые стачки рабочих, принимавшие иногда всеобщий характер, все чаще отмечались волнения крестьян, особенно на Украине и в Поволжье, усиливались революционные настроения в широких слоях передовой интеллигенции, особенно среди студенчества. В Казани, которая была довольно крупным университетским центром, общий революционный подъем, охвативший страну, особенно сильно сказывался в быстром росте нелегальных революционных студенческих организаций.

Ученики казанского технического училища, близко соприкасавшиеся со студенчеством, также не оставались в стороне от быстро нараставшего революционного движения.

Началось со сравнительно невинных протестов против преподавания ненавистного для учащихся предмете — закона божьего. Позднее разыгралось крупное столкновение учащихся механико-технического училища со своим начальством, закончившееся сходкой и уличной демонстрацией.

Костриков, не испросив установленного разрешения у училищного начальства, отправился с несколькими товарищами на организованный студентами спектакль и был там обнаружен инспектором технического училища в тот момент, когда перед театром студенты готовились устроить демонстрацию.

На другой день Кострикова с товарищами посадили в карцер, а затем хотели выгнать из училища.

Все училище поднялось на ноги, в раздевальной собрались все учащиеся и потребовали к себе для объяснений начальство, а так как начальство струсило и не явилось, то ученики с пением студенческих песен вышли на улицу и перед квартирой директора спели ему «вечную память».

Губернатор секретным донесением сообщал, что 19 ноября «ученики промышленного училища, выйдя из училища в 5 час. вечера после занятий толпой, с пением студенческих песен прошли всю Грузинскую улицу до Державинского сада, откуда по требованию полиции разошлись по домам».

Начальство было напугано революционным выступлением учащихся, и Кострикова оставили в училище.

В Казани был большой завод Крестовникова, поставлявший на всю Россию мыло и свечи. Крестовников был злейшим эксплоататором. Его завод был каторгой для рабочих. На этот завод ученики механико-технического училища направлялись на практику. Сергей наблюдал, как живут рабочие крестовниковского завода, и вот что он пишет в Уржум своей крестной, поздравляя ее с наступающим праздником пасхи:

«Да, наступает праздник. . но не для всех: например, здесь есть завод Крестовникова (знаете, есть свечи Крестовникова). Здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников, а спросите вы их: зачем вы и в праздники работаете? Они вам ответят: если мы не поработаем хотя один день, то у нас стеарин и сало застынут, и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей 50, и 70, и 100. Но, скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться 100 рублей? — ведь, ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь — зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде, почему это, как вы думаете?» В том же письме Сергей рассказывает, какое сильное впечатление произвела на него новая пьеса, написанная одним казанским гимназистом.

«В настоящее время, — заканчивает Сергей, — этот гимназист уже по всей вероятности выставлен из училища. Ведь, вам известно, наверное, что у нас в России в училищах велят делать только то, что нужно начальству, и так же думать. Если же ученик начал развиваться, как следует, и начал думать лишнее, то его обыкновенно гонят и выгнать им ничего ровно не стоит. Ну, разве это не скотство?» Приезжая на каникулы в Уржум, Сергей близко сходится с политическими ссыльными. Еще мальчиком он учился у них революционным песням. А теперь Сергей целые часы проводит в разговорах с ссыльными, берет у них революционную литературу. Свои первые технические навыки он использует для того, чтобы смастерить гектограф. На нем он вместе с одним из товарищей тайком печатает революционные листовки и разбрасывает их на базарной площади, куда съезжаются крестьяне окрестных деревень.

В Казани Сергей устанавливает связь с подпольными студенческими и рабочими кружками. Он читает нелегальную революционную литературу, жадно вслушивается в ведущиеся на кружках споры.

С изучением революционной теории Сергей соединяет и здесь революционную практику: он организует похищение из того самого технического училища, в котором учился, ручного печатного станка и передает его в подпольную организацию для печатания революционных листовок.

С. М. КИРОВ
1903—1904 г.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг

В 1904 году Киров оканчивает казанское техническое училище и в самый канун революции 1905 года уезжает в Сибирь, в Томск. Он — уже революционно настроенный юноша, полный твердой решимости отдать свои силы на борьбу с царящим насилием. В Томске Киров устраивается чертежником в Городской управе и поступает на вечерние общеобразовательные курсы, чтобы подготовиться в Технологический институт.

Но в Технологический институт Сергею Мироновичу попасть не удалось: революционная волна вздымается все выше. Преступно затеянная в 1904 году правительством Николая Романова война с Японией вскрыла перед самыми широкими массами народа гнилость царизма.

«Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение и остановить революцию. Но его расчеты не оправдались. Война еще более расшатала царизм.

Плохо вооруженная и обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, русская армия стала терпеть одно поражение за другим» /История ВКП(б), Краткий курс, стр. 53.. /

Взятие японцами крепости Порт-Артур, разгром царской армии под Мукденом, гибель в Цусимском проливе царского флота, посланного из Балтийского моря на помощь осажденному Порт-Артуру, — все это означало, что война окончательно-проиграна царской Россией. Царское правительство оказалось вынужденным заключить позорный мир с Японией. На рабочих, на крестьян была возложена вся тяжесть лишений и жертв. Гнев и возмущение трудящихся города и деревни прорывались в форме все более и более грозных революционных выступлений. Революционная литература стала находить невиданный, спрос и живейший отклик в массах. Нелегальные революционные кружки создавались повсюду: на заводах, на фабриках, в мастерских, в учебных заведениях, наконец, в армии и флоте.

На общеобразовательных курсах в Томске Киров завел дружбу с рабочими-печатниками. Особенно близко он сошелся с братьями Кононовыми, при их содействии вступил в революционный кружок и в конце 1904 года стал членом большевистской группы Томской социал-демократической организации, в то время объединенной.

Вот как один из членов подпольного кружка описывает в этот период Кирова: невысокого роста, плотный, с только пробивающимися усиками, с откинутыми назад волосами, в потрепанной тужурке, в черной или синей косоворотке. Взгляд из-под немного нахмуренных бровей пытливый и внимательный.

Скромный, даже несколько застенчивый, Сергей Миронович своей вдумчивостью, решимостью и глубокой преданностью делу революции быстро завоевывает глубокое уважение всех, кому приходится с ним близко соприкасаться.

В подпольном кружке социал-демократов Киров впервые читает брошюру Ленина «Что делать?». Люди, знавшие Кирова в те годы, вспоминают, что брошюра произвела на него сильнейшее впечатление.

В конце 1904 года Киров входит в состав «подкомитета» социал-демократической организации. Сергей Миронович энергично берется за революционную работу, печатает на гектографе и мимеографе листовки, ведет агитацию среди рабочих, горячо отстаивая ленинские позиции.

Начинается бурный 1905 год. Кровавое воскресенье 9 января грозным эхом прокатывается по всей стране. Готовится выступление и в Томске.

12 января, в «татьянин день», день традиционного студенческого праздника, томские либералы устраивают политический банкет, намереваясь продемонстрировать свои оппозиционные настроения, не идущие далее весьма скромной и «пристойной» критики тех или иных мероприятий царского правительства.

Сергей Миронович по решению социал-демократического» подкомитета организует «захват» банкета: проникает на собрание с двумя сотнями членов партии и революционно настроенных рабочих и превращает либеральный банкет в революционный митинг. На импровизированном митинге распространяются революционные прокламации и выступает оратор с призывом принять участие в подготовляющейся Томским социал-демократическим комитетом демонстрации.

На Кирова вместе с несколькими другими товарищами комитетом возложена непосредственная организация демонстрации. Сергей Миронович, поддерживаемый большевистски настроенными рабочими, настаивает на том, чтобы это выступление было-вооруженным. Хотя револьверов, да и то очень плохих и старых, хватило только для пятнадцати-двадцати человек, — все же решено организовать вооруженную демонстрацию.

18 января на демонстрацию собралось несколько сот рабочих и студентов. Во главе дружинников Киров охранял знаменосца демонстрации, своего друга, рабочего-печатника Иосифа Кононова. Сначала демонстрация проходила беспрепятственно, но на главной улице города на демонстрантов напали городовые и казаки и открыли огонь. Демонстранты дали ответный залп из револьверов; среди нападающих замешательство, несколько казаков упало с лошадей, видимо, от неожиданности и испуга. Но замешательство скоро прошло, обстрел демонстрантов возобновился. Несколько демонстрантов тяжело ранено, и около ста человек избиты и получили легкие ранения. Смертельно ранен Иосиф Кононов. Демонстрация разогнана. Сергей Миронович едва спасся от озверевших казаков; у него шашкой рассечено пальто.

Некоторые товарищи вспоминают, что испуг и бегство казаков от неожиданного залпа из двух десятков плохоньких револьверов произвели большое впечатление на Кирова: стало быть, путь избран правильно, нужно только лучше организовать массы и крепче вооружиться. В тот же вечер после демонстрации Киров, рискуя попасть в лапы озверевших жандармов, проходит сквозь полицейские патрули, разыскивает где-то в покойницкой труп Кононова, на груди которого оставалось спрятанным знамя. Киров спасает из рук полиции революционное знамя томских рабочих, обагренное кровью павшего бойца. 26 января социал-демократическим комитетом были организованы похороны Кононова, на которые собралось около двух тысяч человек. Похороны превратились в крупную демонстрацию. Демонстранты были исполнены такой грозной решимости, что полиция не рискнула снова на них напасть.

Те, кто шли за гробом Кононова, читали на ходу листовку «В венок убитого товарища». Написал эту листовку Киров со своими товарищами. Листовка была отправлена за границу, и там в большевистской газете «Вперед» ее в траурной рамке напечатал Ленин. Здесь же была напечатана корреспонденция о томской вооруженной демонстрации.

Через несколько дней после демонстрации, 2 февраля, Кирова впервые арестовала полиция, накрывшая подпольное партийное собрание. Жандармы доносят по начальству, что «Костриков отказался от показаний по делу об его аресте». Донесение красноречиво. Киров в девятнадцать лет был уже крепким революционером-большевиком.

Первый арест Кирова длился около двух месяцев. Все арестованные вместе с Кировым отказались от всяких показаний. Полиции, не получившей в руки никаких улик, пришлось выпустить арестованных.

Выйдя из тюрьмы, Киров немедленно вновь принялся за революционную работу. Он заведывал нелегальной типографией Томского комитета социал-демократической партии, руководил рабочими кружками.

14 июня Томский комитет социал-демократической партии организовал траурный митинг на могиле Иосифа Кононова; присутствовало более тысячи человек. Митинг охранялся вооруженной боевой дружиной комитета. Сотня казаков во главе с полицеймейстером проехала мимо, но предпочла не вмешиваться. Митинг от имени Томского комитета социал-демократической партии открыл Сергей Миронович.

В июле 1905 года Сергей Миронович был избран в состав Томского комитета РСДРП.

Летом 1905 года в Томской организации, особенно в связи с происходившей конференцией Сибирского союза социал-демократических организаций, сильно обостряются разногласия между большевиками и меньшевиками. Сергей Миронович стоит во главе группы большевиков, которая вскоре фактически превращается в самостоятельную большевистскую организацию.

День за днем нарастает волна революции. Приходит осень 1905 года.

Девятнадцатилетний Киров по поручению Томского комитета руководит забастовкой железнодорожников на узловой станции Тайга, в 80 километрах от Томска, где работает свыше тысячи железнодорожных рабочих. Киров организует кружки, выступает на митингах, неустанно разъясняет рабочим неизбежность решительной схватки с самодержавием. Он собирает отряд дружинников из железнодорожных рабочих, достает для них оружие, вместе с ними учится владеть оружием.

Разгоралась всеобщая забастовка железных дорог. Стачечному комитету на станции Тайга, во главе которого стоял Сергей Миронович, фактически принадлежала вся власть на станции и на прилегающем участке железной дороги. Стачечный комитет разоружал жандармов и полицию и вооружал отобранным оружием рабочих, давал разрешение на отправку поездов, фактически руководил железнодорожным движением; в стачечный комитет шли не только рабочие, но и их жены со всякими жалобами и с просьбами о помощи.

Октябрь 1905 года. Железные дороги остановились по всей стране, почта и телеграф бездействуют, всеобщие забастовки охватывают крупнейшие промышленные центры. Сила правительства

парализована. Перепуганный насмерть царь вынужден итти на уступки. 17 октября издается царский манифест с обещанием неприкосновенности личности и политических свобод. Большевики разъясняют, что манифест — ловушка, что царское правительство хочет выиграть время, собраться с силами и потом ударить по революции. Большевики призывают рабочих к оружию, к подготовке вооруженного восстания.

Подавляющее большинство Томского комитета социал-демократической партии — на позиции меньшевиков. Меньшевики твердят, что время забастовок и вооруженных выступлений прошло, надо думать только о лучшем использовании «дарованных» свобод. Меньшевики выдвигают основной задачей для данного момента — проведение «демократических» выборов в Городскую думу. Киров, отстаивающий ленинские позиции, — необходимость подготовки к вооруженному восстанию, — в Томском комитете остался почти в одиночестве.

20 октября, всего через три дня после опубликования «всемилостивейшего» манифеста, черная сотня с крупными купцами во главе, под руководством губернатора, с благословения архиерея, учиняет в Томске зверский погром: черносотенцы поджигают дом Управления железной дороги, где укрылись участники происходившего по соседству митинга. Около 300 человек сожжено, убито и изувечено. Жертв было бы еще больше, если бы боевая дружина во главе с Кировым не организовала вооруженный отпор черносотенным бандитам.

По требованию большевистски настроенных рабочих социал-демократический комитет шире развертывает организацию дружин. Черносотенцы и полиция трусливо поджимают хвосты и не отваживаются на новое выступление.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве — высшая точка развития революции 1905 года. Героические рабочие дружины, слабо вооруженные и немногочисленные, но крепко поддерживаемые всем рабочим населением Красной Пресни и других рабочих окраин Москвы, в течение ряда дней держат в страхе царское правительство.

Но декабрьское восстание сломлено, реакция поднимает голову. По всей стране — аресты, разгром революционных организаций. По Сибирской магистрали, находившейся до того фактически в руках рабочих, движутся во главе карательных экспедиций царские генералы. Побитые японцами, они теперь показывают свою «воинскую доблесть», вешая и расстреливая безоружных рабочих. В Томске — также массовые аресты. Арестуют и Кирова накануне предполагавшегося его отъезда в Москву, куда организация направляла его за оборудованием для подпольной типографии. На квартире у Кирова жандармы нашли нелегальную литературу. Это было в январе 1906 года. Через несколько месяцев Киров добивается при содействии Томского комитета освобождения до суда под денежный залог.

Киров выходит из тюрьмы и снова немедленно принимается за революционную работу. По поручению комитета он вместе с другими товарищами организует большую нелегальную типографию. Под домом на Аполлинариевской улице, на окраине Томска, роют подвал, вход остроумно маскируют ящиком с землей, который передвигается на роликах. Работать исключительно трудно, — пришлось вынуть свыше 300 кубометров земли, по ночам вытаскивать землю на двор и тщательно ее разравнивать, чтобы не возбудить подозрения соседей. Непривычные к такой работе, товарищи стерли руки до крови, но работы ни на один день не прекращали.

Задание было выполнено в короткий срок (около полутора месяцев). Типографию уже готовились пустить в работу, как в дом, где помещалась типография, нагрянули жандармы. Великолепно замаскированной типографии они не обнаружили, но «ремонтных рабочих», в том числе и «уржумского мещанина Сергея Миронова Кострикова», арестовали. Это было в середине июля 1906 года. При аресте никаких доказательств «преступной деятельности» обнаружено не было, дело о нелегальной типографии жандармам создать не удалось. Товарищей Сергея Мироновича скоро освободили, а его после семимесячного заключения судили по старому «делу». Жандармерия сводила счеты с пролетарским революционером. 27 (14) февраля Киров был приговорен судом после уменьшения срока по несовершеннолетию (ему еще не было 21 года) на 1 год 4 месяца заключения в крепости. Победа реакции чувствовалась и в тюрьме. Тюремщики показывали свой нрав. Издан был закон, по которому телесные наказания вводились в тюрьмах даже для политических заключенных.

Киров готовится к побегу, но побег не удается. Два года (считая предварительное заключение) Киров проводит в томской тюрьме. Часты острые столкновения с тюремщиками. При малейших попытках протеста в тюрьму вводят солдат, начинается стрельба по окнам камер. Нередко среди заключенных оказываются раненые, а иногда и убитые. По ночам Кирову слышны прощальные крики смертников, которых уводят на казнь. Но Киров крепко держит себя в руках. Он готовится к будущей борьбе, не теряя даром ни одного дня. Он много читает, упорно, настойчиво работает над собой, помогает учиться товарищам по заключению, успешно ведет и в тюрьме борьбу с меньшевиками и эсерами.

Летом, 29 (16) июля, 1908 года заканчивается срок тюремного заключения Кирова. Он переезжает

в Иркутск, так как в Томске его знает буквально каждый шпик и городовой. В Иркутске Сергей Миронович налаживает старые связи с рабочими, понемногу восстанавливает разгромленную организацию. Однако оставаться долго в Иркутске Кирову не пришлось: та самая, организованная Кировым, типография (в Томске на Аполлинариевской улице), которую, несмотря на все старания, не могли обнаружить жандармы в июле 1906 года, через три года — 7 апреля 1909 года — провалилась (в прямом, а не в переносном смысле этого слова). Когда начали раскапывать место происшедшего обвала, нашли типографское оборудование. Таким образом, жандармы все-таки нашли типографию, которую Киров устроил в Томске, и теперь изо всех сил разыскивали ее организатора, чтобы учинить над ним жестокую расправу.

Киров в мае 1909 года скрывается из Иркутска, уезжает на Северный Кавказ, в город Владикавказ (теперь Орджоникидзе).

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 1909 г. — февраль 1917 г

Владикавказ был главным городом Терской области, местом пребывания наказного атамана Терского казачьего войска, соединявшего в своем лице высшую гражданскую и военную власть в области. При всем том это был довольно глухой провинциальный мещанско-чиновничий город с большим количеством военщины. На окраинах города, в слободах жил «мелкий люд»: наемные рабочие, мелкие кустари и ремесленники, мелкие торговцы и т. д. В слободах жило немало горцев, особенно осетин и ингушей.

Во Владикавказе было только два более или менее крупных промышленных предприятия: мастерские Владикавказской железной дороги и небольшой цинковый завод. В то, же время в городе был огромный кадетский корпус, где из сынков казацкого дворянства, а также горских феодалов царизм воспитывал надежные кадры архичерносотенного офицерства. Владикавказ был исстари одним из главных опорных пунктов колонизаторской политики царизма на Кавказе, осуществлявшейся правительством в союзе с горскими феодалами, кулаками и горским духовенством путем жестокого угнетения и прямого ограбления горских народных масс.

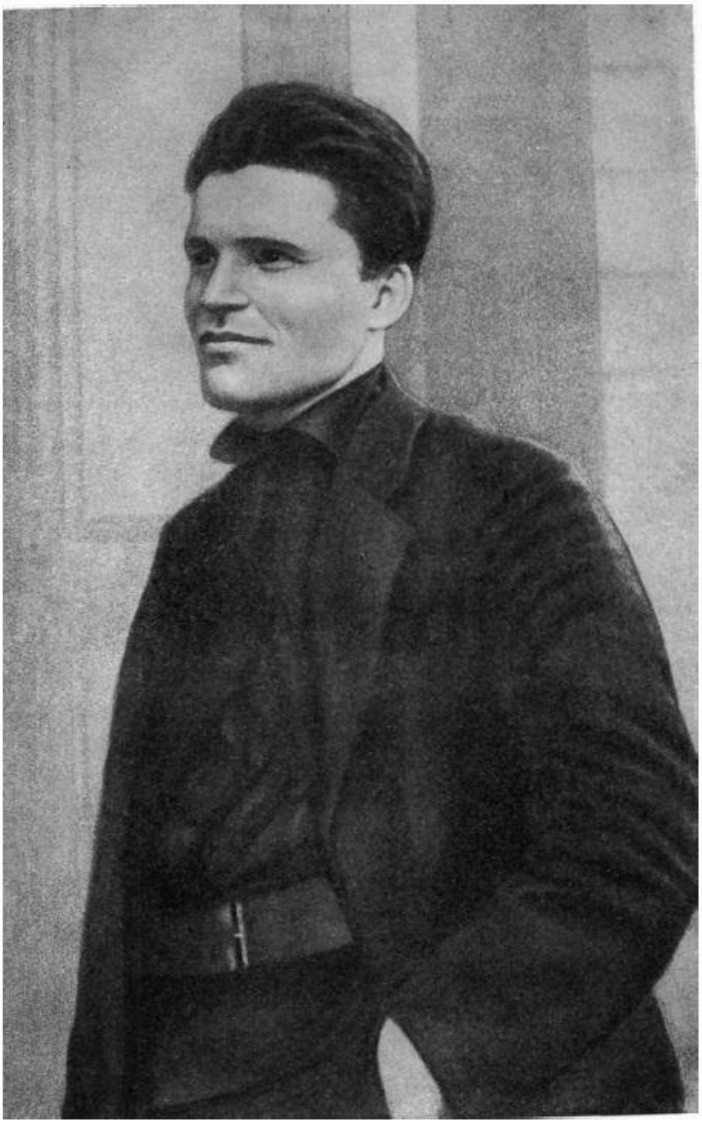
Социал-демократической организации во Владикавказе тогда не существовало: она была разгромлена полицией еще в 1906–1907 годах.

1908–1912 годы — годы черной реакции — были труднейшей порой для революционной работы. По приезде во Владикавказ Сергей Миронович приступает к восстановлению большевистской партийной организации, устанавливает связи с рабочими типографий, железнодорожных мастерских и т. д., ведет среди них пропагандистскую работу, устанавливает связи с отдельными приезжающими во Владикавказ товарищами, поддерживает отношения и помогает своими советами, указаниями большевистским организациям ближайших рабочих центров (Грозного, Минеральных Вод и т. п.). Одновременно Сергей Миронович работает в местной газете «Терек» и на ее страницах, преодолевая цензурные рогатки, разоблачает политику царского самодержавия и «героев» третьеиюньского режима.

Много времени Сергей Миронович проводил за книгой — дома в своей скромной комнатушке или в библиотеке. Часто он уходил с книгой за город, порой отправлялся в горы, забирался в горские аулы, беседовал с горцами, изучал их быт, вслушивался в их жалобы, на конкретных фактах изучал практику колонизаторской политики самодержавия. Как бы случайно Сергей Миронович в 1912 и 1913 годах бродил по горным ущельям около Эльбруса как раз во время известного «бунта» кабардинцев, пытавшихся силой отстоять свои права на горные пастбища (на Золке). Во время своих путешествий Сергей Миронович опять-таки «случайно» встречался и знакомился со скрывающимися в горах вожаками кабардинских крестьян.

Для Сергея Мироновича это был период огромной работы над собой, той работы, которая в ближайшие годы принесла такие богатые плоды.

Во Владикавказе Киров встречается со своей будущей женой — Марией Львовной Маркус, верным другом Сергея Мироновича до последнего дня его жизни.



С. М. КИРОВ
1910 г.

Осенью 1910 года Сергей Миронович собирает впервые после долгого перерыва рабочую массовку в лесу за городом. На массовке он выступает с простой по форме и глубокой по содержанию' речью. Правда, на первой массовке только пятнадцать рабочих, но лед уже сломан, начало массовой работы заложено.

Однако в августе 1911 года, после двухлетних поисков, жандармы обнаруживают Сергея Мироновича и арестовывают его по делу томской типографии. После двухмесячного путешествия по этапу, по всем пересыльным клоповникам, 4 ноября 1911 года Сергея Мироновича привозят в Томск и сажают в тюрьму, в хорошо знакомое ему «Томское исправительное арестантское отделение № 1».

Через четыре месяца, 16 марта 1912 года, — суд. Но тут властей ждал чрезвычайный конфуз: Сергей Миронович с 1906 года значительно изменил свою внешность, и главный свидетель обвинения, полицейский пристав, арестовавший в

1906 году в доме по Аполлинариевской улице довольно оборванных, небритых и нечесанных рабочих, отказался в прилично одетом молодом человеке опознать того самого рабочего парня, которого он арестовал пять лет тому назад. К тому же суд не мог не считаться с начинавшимся по всей стране новым революционным подъемом. И... «уржумский мещанин Сергей Миронов Костриков» оправдан «за отсутствием улик».

Сергей Миронович снова во Владикавказе, снова с владикавказскими рабочими и снова в редакции газеты «Терек». Здесь он помещает свои статьи под псевдонимом «С. Киров». Этот литературный псевдоним стал в годы революции новой фамилией Сергея Мироновича, под которой он стал известен миллионам людей.

В ноябре 1912 года в «Тереке» помещается за подписью «С. Киров» статья «Простота нравов», в которой Сергей Миронович, переступив все границы подцензурной печати того времени, разоблачает роль Государственной думы, реакционность и низкопоклонство членов Думы, именовавших себя «представителями народа».

По реакционному избирательному закону 16 (3) июня

1907 года в Думу могли попадать в подавляющем большинстве только вполне верные правительству чиновники, помещики, попы и крупные буржуа.

Правительству Николая Романова нужна была Дума как ширма для внутреннего, и особенно для «внешнего» употребления. При всяком затруднительном случае, ведь, можно было сослаться, что такой-то закон, особенно ненавистный трудящимся массам, одобрен «представителями народа». И еще того важнее — за границей, когда нужно было хлопотать (а это приходилось делать частенько) о новом иностранном займе, царскому правительству, очень важно было иметь в руках этот козырь: займы правительства одобрены-де «представителями народа», и потому нечего опасаться за целость и сохранность денег, одолженных царю.

Реакционные III и IV Государственные думы с успехом выполняли эту предназначенную для них постыдную роль ширмы, прикрывавшей насилие и мракобесие царского самодержавия.

Дума фактически стала одной из опор власти Николая Романова.

И вот в глухом провинциальном городишке никому неведомый до тех пор «С. Киров» осмеливается разоблачать бутафорскую роль мнимых «представителей народа». Он помещает в газете статью, в которой заявляет, что «на спине России взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеть «резиной» /Прозрачный намек на то, что многие депутаты Государственной думы участвовали в организации еврейских погромов/, что «паяцы вроде Пуришкевича играют роль посланников народа», что «страна должна принимать законы из рук людей, достойных, быть может, какого угодно звания, но только не звания народных представителей».

Киров указывал в статье на «удивительную способность политических деятелей, сидящих направо», «перекрашивать себя в случае надобности».

«Это депутатское хамелеонство объясняется тем, — продолжает Киров, — что огромное большинство наших депутатов, в силу многих условий, имеет весьма отдаленное отношение к населению… поэтому на всякое свое поведение они смотрят с точки зрения «как прикажете».

Понятно, человека, нападающего на одну из опор царского самодержавия, ожидала самая суровая кара.

Против автора статьи и издателя газеты возбуждается уголовное преследование. Прокурор владикавказского окружного суда ведет следствие, которое тянется полгода. Но тут подоспел «высочайший манифест» по поводу 300-летия дома Романовых, и окружный суд постановил дело производством прекратить, а вещественное доказательство (конфискованный номер газеты «Терек») — уничтожить.

В августе 1914 года Россия вступила в мировую войну. Против меньшевистско-эсеровского отречения от революции и предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны большевики выдвинули лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую».

Годы империалистической войны были годами все усиливающейся нужды и лишений для широких масс рабочих и крестьянской бедноты как по всей России, так и особенно на Северном Кавказе, где основная масса так называемого «иногороднего» крестьянства и горских народов жила и до этого в самых тяжелых условиях.

Терская область /Терская область включала в свои границы почти весь нынешний Орджоникидзевский край (без северо-восточных районов бывшей Ставропольской губернии), а также нынешние автономные советские социалистические республики: Северо-Осетинскую, Кабардино-Балкарскую и Чечено-Ингушскую/ считалась казачьей областью, хотя казаков там было менее одной пятой всего населения и вдвое меньше, чем горцев.

Накануне империалистической войны 1914–1918 годов терское казачество владело 60 % годной для обработки земли, в разное время отнятой казаками у горцев. По официальным данным за 1916 год, на одну мужскую душу казачьего населения Терской области приходилось 14,4 десятины земли, на горца — всего около 4 десятин, большая часть которых была негодна для обработки. Значительную часть населения составляли крестьяне, так называемые «иногородние», которые, как правило, своей земли не имели, а арендовали ее у богатых казаков на кабальных условиях или батрачили у этих казаков, подвергаясь жестокой эксплоатации. Особенно тяжело было с землей в горной Чечне,

горной Осетии, Ингушетии и Дагестане.

Вообще казаками были заняты лучшие, плодороднейшие земли, а худшие — каменистые, малодоступные, с трудом поддающиеся обработке, — были оставлены горской бедноте.

К тому же казаки были освобождены от налогов, и вся тяжесть обложения падала на горцев, которые официально на чиновничьем языке именовались «проживающими на территории Терского казачьего войска».

Неуклонно проводя руками казаков и чиновничества политику ограбления горских народов, царское самодержавие оставляло их в полной темноте и невежестве. Своей письменности у горских народов не было. Грамотность же на арабском языке была, конечно, недоступна огромному большинству населения. Как правило, грамотными (и то относительно) были только муллы. Например, в Чечне грамотных насчитывалось менее 1 % (0,8 %) всего населения.

Загнанные в горы «туземцы сельского сословия», как именовали горцев на своем суконном языке царские колонизаторы, вынуждены были искать какого-то выхода, так как земли местами нехватало для пятой части горского населения. Местные кустарные промыслы, и без того слабые, приходили в упадок, не выдерживали конкуренции с развивавшейся в России крупной промышленностью. Горцы массами уходили на отхожие промыслы, где выполняли самую грубую, черную работу.

Но в горах все же оставалось слишком много людей, у которых не было порой даже кукурузной лепешки. На казачьи станицы никогда не прекращались набеги, в горах никогда не прекращалась вооруженная борьба.

Казацкие атаманы и местные власти, конечно, не оставались в долгу, жестоко расправляясь с попавшимися им в руки участниками лихих набегов, отправляя их массами в тюрьмы и на каторгу. Но никакие кары и насилия не могли сломить и укротить горцев: борьба, то несколько затихая, то усиливаясь, фактически продолжалась беспрерывно.

Столкновения были не только с казаками, но нередко и с соседними горскими народами — из-за земли и из-за горных пастбищ. Нападения, угон лошадей и скота, убийства были заурядным явлением.

Исконная политика всех поработителей — «разделяй и властвуй» — усердно проводилась и здесь. Русские власти, воспитывая казаков в фанатической ненависти к горцам, в то же время усиленно разжигали антагонизм между отдельными горскими народами.

На фоне этих чрезвычайно сложных и обостренных межнациональных отношений особое значение приобретало классовое расслоение, сказывавшееся более или менее отчетливо у всех национальностей. Среди казачества был изрядный слой бедноты, терпевшей притеснения от сановной и богатой казачьей верхушки. Русские крестьяне, так называемые «иногородние», ненавидели богатых казаков — своих алчных эксплоататоров.

У горцев были свои князья (у кабардинцев), потомки старых феодалов (у осетин) и своя торговая буржуазия, владельцы табунов лошадей, больших стад скота, прибравшие к рукам лучшие из оставшихся у горцев земель. Они находили себе крепкую опору в духовенстве, в муллах. Здесь во взаимоотношениях еще полностью царила та первобытная дикость и патриархальщина, о которой с такой горечью говорил не раз Ленин.

Если всем вообще подданным русского царя отнюдь не полагалось заниматься политикой, то здесь, в горах Северного Кавказа и в его предгорьях, люди жили слухами — по местному «хабар», — распространявшимися с поразительной быстротой, но зачастую содержавшими чудовищные небылицы, сфабрикованные муллами, местными феодалами или кулаками в своих корыстных целях. Газет и книг у горцев, почти поголовно неграмотных, не было и в помине. Единственной книгой, которую можно было найти в горах, был коран на арабском языке.

Промышленность во всем крае была развита чрезвычайно слабо. За исключением Грозненских нефтяных промыслов и железной дороги, крупных промышленных предприятий в крае не было. Мелкие кустари и ремесленники, рабочие мелких предприятий были темны, отсталы, проникнуты мелкобуржуазными стремлениями и предрассудками. Все это создавало исключительно сложную и трудную обстановку для работы большевиков.

Такой Терская область была ко времени Февральской революции 1917 г.

В дни Февральской революции во Владикавказе организовался Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором в огромном большинстве были меньшевики и эсеры.

Широкие массы народа, опьяненные первыми успехами революции, оказались на некоторое время в плену у соглашательских партий.

«Перед большевистской партией встала задача — разъяснение опьяненным от первых успехов рабочим и солдатским массам, что до полной победы революции еще далеко, что пока власть находится в руках буржуазного Временного правительства, а в Советах хозяйничают соглашатели, меньшевики и эсеры, народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам» / История ВКП(б), Краткий курс, стр. 173./

Киров, во главе маленькой группы большевиков, принимает активное участие в организации Владикавказского совета. В противовес меньшевикам и эсерам, всячески старающимся наводнить Совет представителями служащих и буржуазной интеллигенции, Сергей Миронович организует выборы в Совет от рабочих Владикавказа.

Киров с огромной энергией и энтузиазмом развертывает массовую партийную работу, вовлекая в ряды партии наиболее активных рабочих. Лично организует рабочие профессиональные союзы, в частности среди самых отсталых групп владикавказских рабочих — строительных рабочих и домашней прислуги.

Быстрее, чем где-нибудь, здесь, на Северном Кавказе, организуются и силы контрреволюции: собирается казачий Войсковой круг, организующий свое правительство во главе с архичерносотенным депутатом Государственной думы от терских казаков Карауловым.

Горское дворянство и горская буржуазия в союзе с мусульманским духовенством создают «Центральный комитет объединенных горцев», позднее превратившийся в «горское правительство», во главе с крупным помещиком князем Капланом и владельцем нефтяных промыслов Чермоевым. В одной Терской области оказалось несколько правительств. Но у каждого из этих правительств было весьма мало реальной власти, и приказы их принимались к исполнению лишь тогда, когда они отвечали интересам и стремлениям руководящих групп на местах.

В этот период кадеты, меньшевики и эсеры были по горло заняты всевозможными съездами и совещаниями, до одури заседая на всяких пленумах, в президиумах, комитетах и правительствах.

Небольшая группа владикавказских большевиков во главе с Кировым отдавала все свои силы работе в массах, разъясняя рабочим, солдатам, горцам, казакам подлинный смысл Февральской революции, терпеливо и настойчиво подводя их к пониманию необходимости неослабной борьбы за освобождение от эксплоатации помещиков и капиталистов, разоблачая изменническую тактику соглашательских партий. Киров выступал буквально каждый день, а иногда и по нескольку раз в день на собраниях, на митингах. Простой и понятный язык, образная речь, всегда полная едкого сарказма, огромный темперамент борца и страстная преданность идеям революции делали Сергея Мироновича наиболее популярным, любимым оратором.

Как только узнавали, что на том или ином собрании должен выступить Киров, двери ломились от напора желающих послушать вдохновенную речь подлинного народного трибуна.

Меньшевики и эсеры как огня боялись его острого языка, разоблачающего их предательскую позицию, его едких, бичующих насмешек; они выдвигали своих лучших ораторов на те собрания, где выступал Киров, и все же неизменно терпели поражение.

В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В апреле 1917 года В. И. Ленин выступил со своими знаменитыми Апрельскими тезисами, давшими партии и пролетариату ясную революционную линию перехода от буржуазной революции к социалистической. Сергей Миронович эти тезисы сразу же положил в основу всей своей политической работы на Северном Кавказе.

В мае Киров выступил во Владикавказском совете от имени фракции большевиков с резким протестом против постановления так называемого «Гражданского комитета» /При Временном правительстве «Гражданский комитет» во главе с гражданским комиссаром был высшей властью на местах — в губернии и области. На деле гражданский комиссар пользовался властью в той мере, в какой ему оказывали поддержку руководящие в данный момент группы населения, прежде всего местные Советы (бывшие тогда еще в руках меньшевиков и эсеров). /, вводившего ограничения свободы собраний и митингов, и против решения Войскового круга о введении смертной казни для «бандитов». Реакционность того и другого постановления была очевидна. Контрреволюционное казачество в союзе с горскими князьями и горской буржуазией хотело заткнуть рот «смутьянам» — рабочим и беднякам-крестьянам, ничего не получившим от Февральской революции и выражавшим недовольство таким положением. Смертная казнь, восстанавливаемая для «бандитов», давала контрреволюционерам средство для решительной расправы с теми, кто пытался вступить на путь открытой борьбы с ними.

Несмотря на преобладание в Совете меньшевиков и эсеров, отнюдь не имевших склонности всерьез выступать против казачьих верхов, Владикавказский совет большинством голосов принял резолюцию большевиков, предложенную Кировым. В ней постановление «Гражданского комитета» квалифицировалось как попытка задушить завоевания революции, и Совет, решительно протестуя против постановления, заявлял, что признает его для себя необязательным. У дворца Караулова решено было организовать митинг протеста, и в Центр была послана телеграмма с протестом против действий Караулова. Временному правительству пришлось сместить своего не в меру распоясавшегося представителя.

На усиление влияния большевиков контрреволюционные элементы отвечают хитросплетенной системой провокаций. Казачьими верхами усиленно распространяются слухи, что большевики призывают горцев грабить и захватывать казачьи станицы. В то же самое время кабардинские князья, осетинское офицерство, кулаки и торговая буржуазия горцев совместно с муллами, выполняя поручение Центрального комитета «союза горцев», распространяют «хабар»: большевики — «шайтаны» (дьяволы), они-де уничтожают мечети, отнимают жен и детей, вооружают против горцев казаков. .

В самом Владикавказе в начале июля происходит спровоцированное контрреволюционными элементами столкновение солдат 135-го полка с приехавшими на базар ингушами. Солдаты зверски расправляются с безоружными горцами.

Весть об этом моментально разносится по близлежащим горным аулам; ингуши вооружаются, готовясь мстить за нанесенные обиды. Межнациональная вооруженная борьба готова уже разгореться. Видя в этом величайшую опасность для дела революции, Киров, рискуя жизнью, отправляется в ингушские аулы, чтобы вскрыть перед горцами корни контрреволюционной провокации и предотвратить готовую вспыхнуть межнациональную войну.

Кирову удается не только остановить вооруженное выступление ингушей, но и установить непосредственные связи с лучшими, революционно настроенными представителями ингушей, которые впоследствии не раз выступают на поддержку революции.

Большое значение Киров придает работе среди горской бедноты; он устанавливает тесные связи и крепко поддерживает революционную партию осетинской бедноты «Кермен». Эта партия хотя и не имела четкой программы, но являлась действительно революционным объединением осетинской бедноты и решительно боролась за ее интересы. У некоторых большевиков были большие сомнения, как относиться к этой партии, которая не имеет последовательной революционной программы, не приняла программы большевиков. Киров зло высмеивал таких буквоедов, указывая, что «Кермен» возглавляет бедноту, борется за интересы бедноты и идет вместе с большевиками против всех тех, кто является врагами большевиков. Партия «Кермен» сыграла большую положительную роль в революционной борьбе на Тереке, и позднее, в мае 1918 года, значительная часть керменистов — все лучшие ее элементы вступили в коммунистическую партию.

В августе 1917 года Киров, по поручению большевистской организации и Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов, едет в Петроград. На обратном пути из Петрограда Киров узнает, что в начатом генералом Корниловым мятеже активное участие принимает так называемая «дикая дивизия» (в составе которой были горские национальные части). По инициативе Сергея Мироновича от Центрального комитета горских народов направляется специальная делегация в

«дикую дивизию» для разъяснения контрреволюционных замыслов Корнилова. Это имело большое значение, так как именно на «дикую дивизию» Корнилов возлагал большие надежды. После разъяснительной работы делегации «дикая дивизия» отказалась от активного участия в мятеже.

По возвращении во Владикавказ Киров снова развертывает огромную агитационную работу, выступает в заседании Совета с докладом о московском Государственном совещании и корниловском мятеже, делает доклад о текущем моменте на собрании солдат и офицеров владикавказского гарнизона. Он выступает изо дня в день, настойчиво разъясняя политику большевиков и те задачи, которые они ставят перед собой в дальнейшей революционной борьбе.

Наконец, настойчивая разъяснительная работа владикавказских большевиков приносит свои плоды: осенью 1917 года — еще до Октябрьской социалистической революции — руководство Владикавказским советом переходит в руки большевиков.

5 октября делегатом от Владикавказа и от Кабарды на II Всероссийский съезд Советов избирается Киров. В Петрограде Киров, не ограничиваясь работой на съезде Советов, принимает непосредственное участие в октябрьских боях.

Возвратившись во Владикавказ, Киров 17 (4) ноября выступает на заседании Владикавказского совета в переполненном до отказа городском театре с ярким, вдохновенным докладом об октябрьских событиях.

Нужно отметить, что в резолюции Совета по докладу Кирова не был поставлен вопрос о переходе власти в руки Владикавказского совета. Сергей Миронович считал, что поставленная Лениным задача — подвести рабочий класс и беднейшее крестьянство к пролетарской социалистической революции — на Северном Кавказе еще далеко не была выполнена и что прямая постановка вопроса о захвате власти пролетариатом в условиях Северного Кавказа неизбежно должна была повести к отрыву революционного авангарда от основных масс трудящихся города и деревни и к немедленному разгрому революционных сил организованными силами казачьей и горской контрреволюции.

Именно поэтому в резолюции Совета, принятой по докладу Кирова, не был поставлен вопрос о переходе власти в руки Владикавказского совета. Далее мы увидим, что позиция Сергея Мироновича была вполне правильной.

В течение ряда дней в десятках докладов, выступая на рабочих собраниях, в клубах, в кино, Киров снова и снова разъясняет рабочим, солдатам, горцам, всем трудящимся значение и смысл Великой Октябрьской социалистической революции, открывающей широчайшие перспективы для национального хозяйственного и культурного возрождения угнетавшихся царизмом народов Кавказа.

К этому времени происходит окончательное и формальное обособление большевистской организации во Владикавказе. До ноября владикавказские большевики хотя и вели упорную и настойчивую работу по разоблачению предательской тактики меньшевиков, однако, считаясь с особенными условиями Владикавказа, являвшегося опорной базой и гнездом казачьей и дворянско-горской контрреволюции, не создавали самостоятельной большевистской организации. Оставаясь в рамках формально единой организации, владикавказские большевики ставили себе задачей полное завоевание всех рабочих, состоящих в объединенной организации. В ноябре эта задача оказалась выполненной. На городском партийном собрании произошел раскол по вопросу об отношении к Учредительному собранию, и из собравшихся 500 человек на платформе меньшевиков оказалось… 10 человек, и из них всего один или двое рабочих!

После этого собрания меньшевистская организация фактически перестала существовать во Владикавказе.

Гарнизон Владикавказа был также завоеван большевиками. Но казачья и горская контрреволюция не дремала и тотчас же после Октябрьской революции объединилась уже формально, образовав так называемое «терско-дагестанское правительство». Это был союз казачьих верхов с горской буржуазией и горскими феодалами для отпора пролетарской революции. Нужно сказать, что и это правительство было в значительной степени эфемерным, его мало кто принимал всерьез. Войсковой круг признавался казаками, «горское правительство» признавалось горцами, но приказы того и другого, как мы уже говорили, выполнялись постольку, поскольку они отвечали интересам руководящих в данный момент и в данном месте групп населения. Реальной опорой контрреволюции были вызванные с фронта части «дикой дивизии» и казачьи полки. Опираясь на них, контрреволюционеры повели решительное наступление против рабочих революционных организаций на Тереке, широко применяя методы провокации и разжигая межнациональную борьбу всеми средствами, вплоть до провокационных убийств самых видных и уважаемых представителей той или иной народности.

Одновременно контрреволюционеры, опасаясь, что солдаты, возвращавшиеся по демобилизации с

турецкого фронта, окажут поддержку местным революционным силам, начали бешеную агитацию против них, распуская слухи, что вооруженные солдаты — это сплошь большевики, что они идут грабить и уничтожать казачьи станицы и горские аулы. Казачья контрреволюция, а иногда и чеченские контрреволюционеры разбирали железнодорожные линии, останавливали воинские эшелоны, разоружали солдат. Солдаты, встретив неожиданное сопротивление, нередко пробивались вперед силою оружия. По линии железной дороги порой происходили настоящие бои. Это полностью отвечало планам казачьей и горской контрреволюции. Однако, не довольствуясь этим, контрреволюционеры разжигают в то же время войну между горцами и казаками. Снова применяется испытанный метод: в декабре 1917 года организуется около станицы Грозной провокационное убийство представителя горцев шейха Дени Арсанова, который ехал по приглашению казаков для мирного разрешения спорных между казаками и горцами вопросов. В ответ на это горцы сожгли казачью станицу Кахановскую, а казаки в свою очередь захватили и сожгли ряд горских аулов. Контрреволюционеры добились своего: вопросы классовой борьбы и прежде всего самый острый на Тереке вопрос — земельный — были сняты с очереди разгоревшейся межнациональной борьбой. При этих условиях контрреволюционерам можно было не стесняться и во Владикавказе. Самарская пешая дружина /Дружинами назывались воинские части, сформированные во «время империалистической войны из признанных негодными для строевой службы на фронте/, вооруженная опора Владикавказского совета, была разоружена. 30 декабря Владикавказский совет постановил: «признать Советскую власть и подчиниться распоряжениям Совета Народных Комиссаров». На другой же день банды офицеров-горцев по приказанию контрреволюционного «горского правительства» напали на Совет, разгромили его и арестовали президиум во главе с Буачидзе. (Киров случайно в этот вечер не был в Совете.) Разгромили также и партийный комитет большевиков. На улицах контрреволюционеры расклеили плакаты с призывом убивать большевиков.

5 января на улицах Владикавказа появляется новый отряд контрреволюции: в город вступает контрреволюционное казачество, которое начинает расстреливать горцев, прежде всего ингушей.

«Горское правительство» во главе с крупным помещиком князем Капланoвым спокойно взирает на расправу казачьей контрреволюции с горской беднотой.

Казачьи офицеры усиленно разыскивают Кирова, и ему приходится уехать из Владикавказа. 7 января Киров с большим риском пробирается в Пятигорск.

Во Владикавказе полная анархия: в центре города хозяйничают «самооборонческие» отряды черносотенного офицерства, но они не рискуют заглядывать в рабочие слободы — Курскую, Молоканскую, где порядок поддерживают рабочие отряды самообороны. Большевистская организация во Владикавказе уходит в подполье.

Такое же примерно положение было и во многих других местах в Терской области.

В Моздоке, небольшом городишке с населением преимущественно из богатых казаков и помещиков-овцеводов, хозяйничал в это время казачий «военный совет» (он именовал себя также, в целях демагогии, «военно-революционным комитетом») во главе с полковником Рымарем и есаулом Пятирублевым. В ноябре 1917 года этот «военный совет» созвал съезд казаков Моздокского отдела / В казачьих областях отделы являлись административными подразделениями области /.

Задачей съезда было собирание контрреволюционных сил, а формально он ставил своей целью выработку мер против нападений горцев. На съезде казаки жаловались, что их некому защитить, нет твердой власти. Присутствовавший на этом съезде большевик, представитель Георгиевского / Георгиевск — небольшой город недалеко от Моздока; туда перебрались из Грозного некоторые большевики / совета, внес предложение созвать Терский областной съезд трудового народа, который и должен будет создать твердую власть. Предложение это было принято; областной съезд решено было созвать также в Моздоке. По всей области были разосланы воззвания с приглашением на съезд. Съезд собрался 7 февраля (25 января) 1918 года. В организации съезда принимали непосредственное участие казачьи офицеры, но большевики также мобилизовали свои силы для участия в съезде. Пятигорскую группу представителей на съезд возглавлял Киров, владикавказскую группу — большевик Ной Буачидзе.

Буржуазно-помещичья, казачья и горская контрреволюция ставила себе определенную задачу: добиться утверждения съездом уже начатой казачьей верхушкой подготовки войны против ингушей и чеченцев (наиболее ограбленных и потому наиболее беспокойных непосредственных соседей терских казаков). Это был новый провокационный маневр контрреволюции, подготовлявшийся в широком плане.

Перед большевиками стоял огромной важности принципиальный вопрос — какой тактики держаться на съезде перед лицом вооруженной до зубов контрреволюции, ловкими маневрами в ряде случаев увлекавшей за собой широкие массы трудящихся казаков и горцев.

К немедленному признанию пролетарской революции и Советской власти массы крестьян, казаков

и горцев были несомненно не подготовлены. При этих условиях прямо поставить на съезде вопрос о немедленном признании власти Совета Народных Комиссаров значило изолировать большевиков, отбросить от них большинство делегатов съезда, толкнуть население в объятия контрреволюционного казачьего офицерства и не менее контрреволюционных горских феодалов и буржуазии, нефтепромышленников Чермоевых, князей Каплановых и их сподвижников, дать толчок войне между казаками и чеченцами и облегчить разгром большевиков.

Большевики с Кировым во главе решили применить другую тактику — тактику объединения всех трудящихся против наступавшей казачьей и буржуазно-феодальной горской контрреволюции.

Большевиками совместно с меньшевиками-интернационалистами и «левыми» эсерами было выдвинуто и осуществлено предложение о создании «социалистического блока» — тактического объединения на съезде всех партий, которым угрожала обнаглевшая контрреволюция. К этому блоку присоединились также правые меньшевики и эсеры, втайне лелеявшие надежду протащить на съезде любезную их сердцу «учредилку».

«Социалистический блок» выступил под лозунгами объединения всех революционных сил и организации на местах действительной власти трудящихся, организации отпора контрреволюции и немедленного прекращения межнациональной войны.

Главным оратором и фактическим руководителем «социалистического блока» был Киров.

И вот на съезде, организованном контрреволюционным казачьим офицерством, в окружении реакционно настроенных казаков, на съезде, где в немалом количестве присутствуют те же казачьи и осетинские офицеры (в то же время ингуши и чеченцы совсем не приглашены на съезд), Киров, благодаря тщательно продуманной тактике, благодаря необыкновенной силе своего пламенного красноречия, добивается большинства (сначала, правда, незначительного), стоявшего за отказ от похода на чеченцев и ингушей.

Киров выступает еще и еще раз. С каждым новым выступлением этого скромного человека, заряженного гигантским запасом революционной энергии и обладающего способностью просто и понятно разъяснять сложнейшие вопросы, слушают все более охотно, приветствуют все более горячо.

Дело доходит в конце концов до того, что открытые контрреволюционеры, вроде полковника Рымаря, вынуждены убраться со съезда, а его приспешники и единомышленники вынуждены молчать на съезде, больше того — вынуждены, стиснув зубы, изображать на лицах сочувствие речам и предложениям Кирова, чтобы не потерять окончательно влияния на рядовых делегатов съезда.

Крайне интересным было выступление Кирова на Моздокском съезде по поводу так называемого «заявления 132-х». На съезде под влиянием агитации «левой», непримиримой группы большевиков было составлено и поступило в президиум съезда за подписью 132 делегатов предложение немедленно обсудить вопрос об отношении к власти Совета Народных Комиссаров /Часть казаков готова была пойти на признание Советской власти в надежде получить вооружение и санкцию на военное выступление против горцев /. Ясно, что принятие этого предложения в данной обстановке привело бы неизбежно к полному разгрому большевиков.

Киров от имени «социалистического блока» выступает против этого предложения, угрожающего внести раскол в ряды большинства съезда, которое с такими невероятными трудностями удалось создать. Съезд принял предложение Кирова и снял с обсуждения вопрос об отношении к Совету Народных Комиссаров. Однако все речи Кирова были пропагандой за признание Октябрьской революции и власти Совнаркома.

По предложению Кирова, учитывавшего неустойчивый состав делегатов съезда и крайне тяжелое внешнее окружение съезда, в Моздоке был выбран временный Народный совет Терской области. Съезд обратился с составленным Кировым воззванием к народностям Терской области. Съезд был объявлен «первой сессией Народного съезда Терской области», и сейчас же была назначена вторая сессия съезда — уже в Пятигорске, где Совет находился под руководством большевиков и воинскими частями также руководили большевики. На новый съезд были посланы приглашения всем народностям Терской области, в том числе также ингушам и чеченцам.

29 (16) февраля в Пятигорске открывается вторая сессия Терского областного народного съезда.

На этом съезде большевики с Кировым во главе выступают уже признанными руководителями подавляющего большинства съезда.

В то же время правые эсеры и меньшевики, чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, формально еще оставаясь в рядах «социалистического блока», снюхиваются с представителями открытой или скрытой контрреволюции и совместно с ними пытаются провокационными маневрами если не сорвать съезд, то по крайней мере подорвать по силе возможности его значение.

Так, они пытаются взять на испуг и не допустить на съезд с громадным трудом и риском приехавшую делегацию ингушей и чеченцев.

Однако провокация социал-предателей на этот раз не удается. Делегаты ингушей и делегат чеченцев, мужественный боец революции Асланбек Шерипов, появляются на съезде, и съезд встречает их бурной овацией; даже делегаты казаков приветствуют прибывших.

Несмотря на продолжающиеся кровавые провокации на местах, на съезде торжественно устанавливается мир между чеченцами, ингушами, осетинами, казаками, между всеми народами Терской области.

17 (4) марта съезд большинством 220 против 22 при 40 воздержавшихся под бурные аплодисменты принимает предложение большевиков о признании власти Совета Народных Комиссаров. Съезд посылает торжественную телеграмму председателю Совета Народных Комиссаров Ленину. Тактика терских большевиков, руководимых Кировым, увенчивается полным успехом.

По предложению большевиков с Кировым во главе съезд, несмотря на возражения меньшевиков и эсеров, принимает решение переехать всем составом в центр Терской области — Владикавказ — и там организовать правительство Терской области.

21 (8) марта, в 12 часов ночи, съезд под звуки оркестров, встречаемый массой рабочих и трудящихся города, торжественно прибывает во Владикавказ в поезде из товарных вагонов, разукрашенных флагами. Контрреволюционные офицеры, правда, устроили провокационную стрельбу из винтовок, но реального сопротивления съезду оказать не решились.

Во Владикавказе областной народный съезд избрал Терский совнарком с большевиком Ноем Буачидзе во главе.

Немедленно по прибытии съезда во Владикавказ возобновились провокационные убийства, организуемые контрреволюционерами. К самому зданию, где заседал съезд, привозят трупы обезображенных осетин, убитых ингушами. Волна негодования охватывает осетинские селения, раздается призыв к кровавой мести. Осетинские и ингушские селения, расположенные иногда совсем близко друг от друга, обносятся окопами, начинается настоящая война между осетинами (которых поддерживают представители других народностей, а также и казаки) и ингушами. Особенно острое положение создается между ингушским селением Базоркино и осетинским селением Ольгинское, расположенными в километре друг от друга. Киров во главе делегации от Народного областного съезда выезжает на место, под пулями идет в окопы, уговаривает немедленно прекратить междоусобную войну, доказывает, что она выгодна только врагам трудящихся… Его товарищ по делегации балкарец Калабеков падает под пулями, но Киров не отступает и, производя неотразимое впечатление на горцев своей смелостью и решительностью, в конце концов добивается примирения враждующих сторон.

В середине лета с очевидностью выясняется, что предстоит борьба не на живот, а на смерть с бандами Деникина, наступающими с севера. В связи с наступлением Деникина удваивают свою энергию и местные контрреволюционеры; многие казачьи станицы превращаются в вооруженные опорные базы контрреволюции. Своими силами терским большевикам с этими задачами было не справиться.

На Кирова возлагается ответственное поручение ехать в Москву и там добиться помощи людьми, оружием, средствами.

Киров выезжает в Москву и забирает там оружие для северо-кавказских большевиков. В конце августа Сергей Миронович через Царицын и Астрахань по Калмыцким степям (Ростов уже был занят Деникиным) добрался до Георгиевска с транспортом оружия и боеприпасов. Но пробраться обратно на Терек ему уже не удается. Пробыв несколько недель в Пятигорске /Приезд Кирова на Северный Кавказ в августе — сентябре 1918 года документально не установлен, но подтверждается рядом товарищей/, Киров возвращается опять в Москву и подготовляет новую, более крупную экспедицию на помощь Северному Кавказу; однако на этот раз Сергею Мироновичу не удается добраться даже до Георгиевска. Деникин овладевает Северным Кавказом и вынуждает XI армию красных отступить по пустынным пескам, по безлюдным степям на восток, к Астрахани.

Киров в декабре 1918 года, после безуспешной попытки пробраться на Терек, вынужден вернуться в Астрахань.

Работа Кирова на Северном Кавказе, его самоотверженная борьба за установление межнационального мира, успешно проведенное им объединение горской и русской бедноты под знаменем Советов, под лозунгами — мир, хлеб и свобода, имели значение далеко за пределами Северного Кавказа.

В крае, где господствовала дикость и патриархальщина, где, казалось, была безгранична власть казачьего и горского офицерства, мулл, горских князей и кулаков, Киров с горстью большевиков,

которыми он руководил, создал крепкий фронт борьбы за Советскую власть.

В крае, который был русской Вандеей, где контрреволюция собирала и накапливала свои силы, Киров сумел революционизировать тыл белогвардейских армий, тем самым отсрочив и ослабив подготовляемое контрреволюционерами наступление на молодую республику Советов.

ВО ГЛАВЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ АСТРАХАНИ

В Астрахани открывается новая героическая страница революционной большевистской работы Кирова. Астрахань, находилась на стыке деникинского и колчаковского фронтов. Задачей на этом участке фронта являлось не дать возможности соединиться белобандитским войскам Колчака и Деникина.

К моменту прибытия Кирова в Астрахань в январе 1919 года положение там создалось исключительно тяжелое.

Уже с декабря 1918 года в Астрахань начали подходить вконец измученные труднейшим переходом через безлюдные астраханские степи части XI армии. По сути дела это уже были не организованные воинские части, а изголодавшиеся, обессилевшие, чуть ли не сплошь зараженные тифом массы людей, нуждавшихся в безотлагательной медицинской помощи, в длительном отдыхе, в восстановлении своих физических и моральных сил. О боеспособности этих отрядов, проделавших героический переход, в котором погибли тысячи людей и самые крепкие бойцы истощили все свои силы, конечно, в данный момент не могло быть и речи.

В самой Астрахани в это время почти не. было крепких красноармейских частей, а между тем именно в этот момент там крайне необходимы были надежные вооруженные силы.

В Астрахани — большом приволжском торговом городе с преобладающим мещанско-купеческим населением, с большим количеством церквей и попов, центре астраханского казачьего войска — к концу 1918 года собралось много помещиков, бывших царских офицеров, попов, крупных и мелких буржуа, бежавших из областей, охваченных гражданской войной, и надеявшихся подальше от красной Москвы найти себе убежище и простор для контрреволюционной работы.

Промышленного пролетариата в собственном смысле слова в Астрахани почти не было, за исключением рабочих нескольких сравнительно небольших судоремонтных заводов. Рабочие водного транспорта, матросы, грузчики, рабочие рыбных промыслов были крайне отсталы, неорганизованны; в огромном своем большинстве это были крестьяне, еще не порвавшие непосредственных связей с деревней.

Таким образом, силы контрреволюции в Астрахани были; представлены очень густо, а в противовес этому крепкого-революционного пролетарского ядра не было. Советские органы работали еще очень плохо. Многие важные отрасли работы находились в руках левых эсеров (Комиссариат просвещения, Комиссариат земледелия; в качестве заместителей левые эсеры работали и в других комиссариатах).

На почве тяжелого продовольственного положения не без успеха велась в широких массах городского населения контрреволюционная белогвардейская агитация, распространялись провокационные слухи. Работе контрреволюционных элементов не давалось надлежащего отпора в силу слабой организованности и недостаточной сознательности рабочих, которые сами поддавались иной раз белогвардейской провокации. В профсоюзах и на многих предприятиях орудовали меньшевики, ведя разлагающую работу. Ко всему этому присоединилась жесточайшая эпидемия тифа, занесенная в город и все время питаемая вновь и вновь подходившими частями XI армии.

Извне же, с востока, Астрахани угрожал в то время колчаковский генерал Толстов, собравший отряды контрреволюционного казачества; с Каспийского моря к устью Волги подходили военные корабли интервентов-англичан, а вокруг Астрахани в рыбацких поселках и крестьянских селах зачастую верховодили кулаки, поддерживавшие связь с белобандитами.

Командование XI армии обосновалось в Астрахани еще до приезда Кирова; во главе Реввоенсовета стоял небезызвестный прихвостень Троцкого — Шляпников. Вместо того чтобы работать, Шляпников развел склоку и разваливал работу по укреплению и оздоровлению положения.

Киров вскоре по своем прибытии в Астрахань занял фактически руководящее положение как в Реввоенсовете армии, так и в жизни города. Он быстро ориентировался в обстановке и определил важнейшие задачи, на которых должны быть сосредоточены все силы.

Первая задача — воссоздать из того добротного человеческого материала, который представляли собой революционные «бойцы XI армии, новую, крепко сколоченную, твердо организованную армию, с которой снова перейти в наступление и «чистить Северный Кавказ от Деникина.

Вторая задача — установить. в Астрахани революционный порядок и во что бы то ни стало удержать Астрахань как наиболее удобный пункт для переформирования армии и как опорный пункт революции, охраняющий устье Волги от белогвардейцев и не дающий Колчаку и Деникину сомкнуть силы и создать единый контрреволюционный фронт.

Третья задача — обеспечить сохранение связей, помощь и руководство коммунистам, работавшим в

подполье в Баку, в Закавказье, на Северном Кавказе, а также красным партизанским отрядам Дагестана и Терека, находившимся в тылу у Деникина.

Ввиду исключительно трудного положения и прежде всего для отпора внутренней контрреволюции, которая — это ясно чувствовалось — снова поднимала голову /В августе 1918 года Астрахань уже пережила очень крупное контрреволюционное восстание, организованное казачьим офицерством /, в Астрахани вскоре по прибытии туда Кирова организуется Временный военно-революционный комитет, который является высшею властью в Астраханском крае. Председателем Ревкома избирается Киров. На следующий день Сергей Миронович выпускает обращение «Ко всем рабочим и трудящимся Астраханского края», в котором он требует от всех сознательных и честных граждан чрезвычайного напряжения сил для борьбы с хозяйственной разрухой, с тифом, для помощи Красной Армии.

Обстоятельства были действительно чрезвычайные. Пришлось первым же приказом Ревкома (от 27 февраля 1919 года) ввести сокращение хлебного пайка всему населению ввиду крайне ограниченных запасов муки в Астрахани.

Ряд приказов Ревкома посвящен борьбе с тифом, они имеют задачей мобилизовать не только врачей и работников медицинских учреждений, но и все решительно население на борьбу с надвинувшимся на город ужасным бедствием.

Приказ Ревкома от 7 марта предписывает установить работу во всех гражданских учреждениях «применительно к работе военного ведомства» не только до, но и после обеда ввиду необходимости довести работу «до максимальной степени интенсивности».

Киров в этот период не только руководит Ревкомом и организует работу всех и всяческих военных и гражданских учреждений, но он спешит непосредственно связаться с рабочими массами, почти ежедневно выступает на партийных, профессиональных, рабочих и красноармейских собраниях. Сергей Миронович за короткое время успевает обеспечить крепкое настроение, поднять революционную энергию в массах. А именно сейчас это было особенно необходимо: 10 марта белогвардейцами был поднят мятеж, очень ловко ими организованный, — у них был тщательно продуманный и четко выполнявшийся план, были значительные силы, много оружия и опытные командиры, офицеры и генералы.

Но большая работа, проведенная под руководством Кирова, сказалась: мятежникам был дан сокрушительный отпор, и через два дня мятеж был подавлен.

В приказе Реввоенсовета Каспийско-кавказского фронта и Ревкома от 11 марта, подписанном Кировым, — категорическое требование: «Всех бандитов, мародеров и сопротивляющихся велениям Советской власти расстреливать на месте». Так как в Астрахани в тот период собралось немало людей, враждебных Советской власти, пытавшихся организовать саботаж в момент выступления белогвардейцев, в приказе объявлено: «. .кто не желает работать, тот не должен есть. Все продовольствие — только работающим на Советскую Россию». Киров лично руководил борьбой с белобандитами, и именно благодаря его энергии и находчивости удалось быстро сломить белогвардейцев и ликвидировать восстание с сравнительно небольшими потерями с нашей стороны.

13 марта уже публикуется в газетах подписанный Кировым приказ Реввоенсовета, командующего военной флотилией и Ревкома о ликвидации мятежа: «Красная армия, Красный флот и революционные рабочие Астрахани дружным ударом разбили впрах контрреволюционные банды, и Рабоче-крестьянская власть приобрела новые силы для борьбы за святой идеал, за социализм.

Белые банды еще раз должны будут убедиться в том, что, выступая против Советской власти в Астрахани, они тем самым идут против всей Советской России, которая» непобедима, которая каждым днем своего существования доказывает это». Через несколько дней Сергей Миронович издает специальный приказ Ревкома о порядке оказания скорейшей помощи семьям погибших бойцов и всем пострадавшим от белогвардейского восстания.

Для характеристики тягчайшего продовольственного положения в тот период приведем телеграмму члена Реввоенсовета Анисимова от 3 апреля 1919 года, адресованную в Ревком Кирову:

«Примите экстренные меры к снабжению населения продовольствием смертность больных громадная от недоедания доходит до колоссальных размеров точка Выдача населению из запасов отдела снабжения пшеницы доведена до минимальных размеров на днях выдачу прекратим точка Результаты телеграфировать № 336

Член Реввоенсовета Анисимов

Начштаб Нихсаев».

В этой труднейшей обстановке Сергей Миронович не падает духом и не знает колебаний — он поспевает всюду, всех ободряет, воодушевляет своими пламенными речами и личным примером на

преодоление всех и всяческих препятствий.

В ряду сохранившихся записей речей Кирова за этот период первой по времени является блестящая, полная мощного революционного энтузиазма речь от 26 марта, посвященная провозглашению Венгерской социалистической советской республики.

Мы здесь приведем воспоминания одного бывшего венгерского военнопленного:

«Я и все военнопленные плохо понимали русский язык. Но этот язык правды был нам понятен. Сергей Миронович призывал нас, вместе с русскими пролетариями, защищать завоевания Октября и вступить в красногвардейские отряды. После этой речи, протискиваясь к столу, мы спешили скорее записаться в красногвардейский отряд. Шестьсот венгерцев в тот день записалось в Красную гвардию».

На пленуме Астраханского горсовета 31 мая Сергей Миронович сообщает о захвате в Каспийском море парохода, на котором ехали белогвардейские агенты.

Это чрезвычайно интересный эпизод. На форт Александровский в Закаспии (форт был в руках белых) под руководством Кирова был произведен внезапный налет нашей флотилии, причем форт был захвачен врасплох настолько быстро и неожиданно, что радист даже не успел передать сообщение о нападении. Целые сутки радиостанция форта, уже находившаяся в наших руках, работала с Гурьевом, где был штаб генерала Толстова, и с Петровском, откуда поступали депеши Деникина для Колчака.

Киров лично занимается расшифровкой донесений Деникина Колчаку и по одной из телеграмм устанавливает маршрут следования по Каспийскому морю деникинского посланца к Колчаку генерала Гришина-Алмазова. Киров организует захват судна, на котором едет Гришин-Алмазов, и находит там письма и документы Деникина, которые раскрывают стратегический план белогвардейцев.

Свои доклады о положении на фронтах гражданской войны, вкрапливая туда вопросы международного положения и важнейшие вопросы нашей внутренней политики, Сергей Миронович, как правило, делал через каждые две недели на объединенных собраниях Горсовета, Совета профессиональных союзов, представителей фабрично-заводских предприятий и на других массовых собраниях. Таким образом Сергей Миронович держал в курсе важнейших событий весь партийный и беспартийный актив, заражая сотни и тысячи людей своим безграничным энтузиазмом, революционной решимостью и здоровым, ничем непобедимым оптимизмом.

Сергей Миронович никогда не прикрашивал действительности, строго выполняя ленинский завет — говорить рабочим то, что есть.

Откровенно говорил он о величайших трудностях, создающихся на фронте и в тылу. Ни в какой мере не преуменьшал успехов Деникина, захватившего 1 июля 1919 года нашу пролетарскую твердыню — Царицын.

Сергей Миронович прямо говорил о той величайшей опасности, которая создалась для Астрахани вследствие прекращения сообщения по Волге и возможного захвата белыми железной дороги Астрахань — Саратов, последнего средства сообщения с центром и единственного пути подвоза продовольствия, без которого Астрахань не могла продержаться буквально ни одного дня.

Но, сообщая самые тревожные, самые мрачные вести о деникинском фронте, Сергей Миронович тут же напоминал о наших успехах в борьбе с Колчаком и всю свою речь умел пропитать таким мощным революционным оптимизмом, что в результате самых тяжелых его сообщений создавался новый прилив энтузиазма:

«Советская власть все равно опять восторжествует и не даст белобандитам возможности терзать пролетарское тело!» После докладов Сергея Мироновича энтузиазм охватывал слушателей, и нередко тут же после собрания начиналась запись добровольцев на фронт на защиту подступов к Астрахани.

А нужда в укреплении сил на ближайших участках фронта была огромная. Дело в том, что первую, с большим трудом сформированную Кировым из остатков XI армии, крупную и надежную часть — 33-ю дивизию, — командование Южного фронта в июне вынуждено было взять из Астрахани для усиления других участков фронта, так как положение там было в это время исключительно тяжелое.

С уходом 33-й дивизии Астрахань фактически оставалась без сколько-нибудь серьезной защиты, а как раз в это время Деникин начал все крепче и крепче наседать с запада, отлично учитывая важность захвата Астрахани. Дальнейшая оборона Астрахани в этот момент многим казалась делом совершенно безнадежным.

Предатель Троцкий вместе с теми «специалистами», которыми он себя окружил, уже давал в это время из штаба главнокомандующего указания о необходимости эвакуировать Астрахань — в целях «выравнивания фронта». Уже многие коммунисты в Астрахани сложили чемоданы. Однако Киров» и Реввоенсовет заявили решительный протест против предательских приказов Троцкого и обратились непосредственно к В. И. Ленину. Ленин дал ответ: «Астрахань защищать до конца».

В своем докладе на партконференции 3 августа Сергей Миронович заявляет:

«…пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!»

Киров, опираясь на призыв Ленина, переломил в короткий срок эвакуационные настроения, еще теснее сплотил коммунистическую организацию — гражданскую и военную, сумел вдохнуть в партийных и беспартийных большевиков Астрахани новую энергию и выполнил приказ Владимира Ильича.

Был ряд моментов исключительно опасных, особенно в начале июля, непосредственно вслед за взятием Деникиным Царицына. Но Киров, подкрепляя добровольцами те отряды, которые обороняли подступы к Астрахани, усиленно вел в то же время новые формирования. В трудные минуты Сергей Миронович сам появлялся на опасных участках фронта и своим мужеством и решимостью вдохновлял бойцов на новую борьбу, на новые победы.

Отметим здесь один эпизод, весьма характерный для этого особенно тяжелого периода.

Аэропланы интервентов почти ежедневно появлялись над Астраханью, сбрасывая бомбы, убивая людей, зажигая пожары и чрезвычайно нервируя широкие массы населения.

Должный отпор авиации противника дать было невозможно, так как наша «авиация» состояла всего из трех или четырех действующих самолетов устарелой конструкции и? сильно изношенных (их именовали попросту «гробами»); к тому же и горючего почти не было. Безнаказанность белых налетчиков создавала гнетущее настроение среди всего населения, в том числе среди рабочих и красноармейцев.

Киров с этим помириться не мог: он вызвал летчиков Щекина и Короткова и убедил их взяться за почти безумное предприятие — вступить в бой с противником, силы которого во много раз и во всех отношениях превосходили наши силы.

Отважные красные летчики выполнили поручение, вступили в воздушный бой с противником, подбили и заставили снизиться один из самолетов противника (летчика и наблюдателя— английских офицеров — забрали в плен), остальные самолеты обратились в бегство.

Успех наших славных летчиков сильно поднял настроение в Астрахани и, главное, показал, что даже и при нашей отсталой технике борьба с воздушным противником вполне возможна.

В июле белогвардейщина в самой Астрахани снова поднимает голову: попы и офицеры организуют заговор и ставят себе задачу — завладеть городом, организовать отравление всех руководящих коммунистов и единственной находившейся в Астрахани небольшой красноармейской части. Заговор был раскрыт, и его участники уничтожены.

Во все время своего пребывания в Астрахани Киров, разбивая гигантскую работу по укреплению обороны и ликвидации прорывов, которые обнаруживались чуть ли не ежедневно на том или другом участке боевой или гражданской работы, продолжал самым интенсивным образом поддерживать связи с подпольными партийными организациями и с партизанскими «отрядами, действовавшими в тылу у противника. Киров лично принимал товарищей, с опасностью для жизни прибывавших Каспийским морем на рыбачьих лодках из Баку и Петровска (ныне Махач-Кала), снаряжал обратно надежных товарищей с оружием, письмами, деньгами, с коммунистической литературой на разных языках. Значение этой работы для товарищей, действовавших в Баку, в Закавказье, на Северном Кавказе, было огромно, так как только через Астрахань они могли сноситься с Москвой, только через Астрахань могли получить необходимую помощь и руководящие указания.

В то же время и Сергей Миронович получал от кавказских товарищей крайне важную информацию о положении в Закавказье и на Северном Кавказе и немедленно сообщал полученные сведения в ЦК партии, В. И. Ленину.

Нужно отметить, что сношения с Баку имели большое значение и непосредственно для Красной армии и в частности для обороны Астраханского района.

Сергей Миронович сумел, опираясь на героическую работу революционных пролетариев Баку и Петровска и революционных моряков Каспия, организовать получение из Баку и Петровска контрабандным путем, на рыбачьих лодках, большого количества бензина и смазочных масел, так необходимых для наших военных автомобилей и особенно для военной авиации.

В июне из Баку, где владычествовали буржуазные националисты и англичане, на утлом баркасе через Каспийское море приехал в Астрахань Г. К. Орджоникидзе с товарищами. В Астрахани впервые встречаются С. М. Киров с Г. К. Орджоникидзе. Между ними завязывается тесная, боевая дружба, длившаяся до конца их славной жизни.

Снабженный мандатом для проезда за подписью Кирова, Серго Орджоникидзе направляется в Москву для секретной информации Совета Обороны и Совета Народных Комиссаров о политическом и военном положении на Северном Кавказе и в Астраханском крае.

К августу положение под Астраханью улучшается. Многократные атаки белых на разных боевых участках отражаются с успехом. Становится уже очевидным, что Астрахань под руководством Кирова удалось отстоять. Теперь можно ставить вопрос о подготовке наступательных операций. В своих речах Сергей Миронович все чаще указывает на непосредственную близость решительного перелома на деникинском фронте.

Август — октябрь — это период подготовки XI армии к наступлению на противника, к борьбе за освобождение от белогвардейцев Царицына и Северного Кавказа. Эту работу Сергей Миронович проделывает вместе с В. В. Куйбышевым, прибывшим в Астрахань осенью 1919 года.

Но, конечно, и этот период ни в какой мере не может быть назван периодом сколько-нибудь спокойной работы. Об этом ясно говорит короткая, но исключительно сильная, огненная речь Кирова на одном из митингов в Астрахани 4 сентября 1919 года. Он говорит, что вся Россия разделилась на два борющихся лагеря — буржуазию и пролетариат. Кто прячется от этой борьбы — тот дезертир и предатель своего класса.

«Довольно быть беспартийными! — заканчивает с огромным подъемом свою речь Сергей Миронович. — Идите или к нам, или в противный нам лагерь, но не болтайтесь между нами и не мешайте нам! Середины уже нет и не может быть!»

Сергей Миронович, именем всего поднявшегося на борьбу пролетариата, требует, чтобы каждый честный трудящийся, большевик или беспартийный, немедленно встал в ряды бойцов большевистской армии, борющейся под руководством великого Ленина и его ближайшего помощника — товарища Сталина.

В ноябре XI армия перешла к наступательным действиям. Первой задачей в этом направлении было ликвидировать отряд белого казачества под командой генерала Толстова, который не переставал угрожать Астрахани с востока.

План операции против генерала Толстова был составлен под непосредственным руководством Кирова, наступление было начато 18 ноября и в десятидневный срок закончено с полным успехом. 1 декабря 1919 года Сергей Миронович сообщает в Москву ЦК партии, В. И. Ленину о результатах этой блестяще проведенной операции. XI армия под руководством Кирова принимает активное участие в осуществлении сталинского плана разгрома Деникина. 3 января 1920 года одновременным натиском частей X и XI армий взят Царицын.

СНОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. В ТБИЛИСИ

После взятия Царицына начинается под руководством товарища Сталина решительное наступление наших войск против Деникина. XI армия по плану, разработанному непосредственно по указаниям Кирова и Серго Орджоникидзе, двигается на Северный Кавказ по тем самым безлюдным, голодным степям, по которым армия отступала под ударами Деникина в 1919 году. Теперь, ровно через год, теми же путями, но в обратном направлении выполняется тщательно подготовленное и продуманное героическое наступление той же XI армии, правда, значительно укрепленной новыми силами.

29 февраля наши войска занимают Ставрополь.

17 марта Киров вылетает из Астрахани на фронт в город Святой Крест на старом, изношенном самолете, настоящем «летающем гробе». Самолет терпит аварию в момент посадки, но, к счастью, Киров остается жив и невредим.

Наступление на Северном Кавказе продолжается далее под совместным руководством Кирова и Серго Орджоникидзе и в короткое время завершается блестящим успехом. 30 марта Сергей Миронович вместе с Серго Орджоникидзе прибывает во Владикавказ, только что занятый частями Красной армии. Деникинские войска разгромлены, Северный Кавказ очищен от белобандитов.

В ночь на 28 апреля 1920 года красный бронепоезд вступает в столицу Азербайджана на помощь восставшим против муссаватистов /Муссаватисты — партия буржуазных тюркских националистов. Во время интервенции они выполняли роль лакеев сначала германского, а затем английского империализма / бакинским рабочим.

5 мая, через неделю после освобождения Баку от муссаватистов, на собрании бакинских большевиков Киров провозглашает:

«Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран. . — над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак».

Еще в феврале — марте 1920 года на имя Кирова приходят от Ленина одна за другой срочные телеграммы с предложением напрячь все силы и, по открытии навигации, «.. не теряя ни часа, с максимальными предосторожностями, перевезти всю нефть из Гурьева..» Киров буквально на другой день после своего прибытия в Баку организует отправку в Астрахань первых транспортов той драгоценной нефти, которая вскоре привела в движение пароходы и паровозы и помогла оживить парализованную промышленность Страны Советов.

После освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев Киров, в качестве члена Северо-кавказского ревкома, включается в работу по организации Советской власти на Северном Кавказе.

Характерно, что Киров немедленно после занятия Северного Кавказа Красной армией делает доклад по земельному вопросу на заседании Северо-кавказского ревкома, происходившем 27 апреля под председательством Серго Орджоникидзе, и вносит предложение «очистить притеречные (т. е. лежащие по реке Тереку) земли для ингушей и чеченцев».

29 мая 1920 года Киров получает новое чрезвычайно важное поручение: он назначается полпредом РСФСР в меньшевистскую Грузию; на него возлагается реализация только что заключенного с правительством Ноя Жордания договора. Перед отъездом из Москвы Киров в личной беседе с Лениным получает директивы о работе. 20 июня Сергей Миронович уже в Тбилиси. Там в день своего прибытия он произносит пламенную речь перед собравшимися около здания полпредства тбилисскими рабочими и передает пролетариям Грузии привет от пролетариев России.

Нельзя сказать, чтобы меньшевистское правительство была обрадовано прибытием советского посла.

В письмах к Ленину и Сталину из Тбилиси Киров рассказывает о том, как принимало его меньшевистское правительство. Меньшевики встречали полпреда Советской страны почетным караулом, а потом окружили Кирова шпионами, буквально не давая ему ступить шагу. Вынужденные после разгрома Деникина и провозглашения Советской власти в Азербайджане подписать мирный договор с Советской Россией, меньшевики все более и более осязательно чувствовали непрочность своего владычества и трепетали перед Советской Россией и ростом идей коммунизма в Грузии.

В силу договора с РСФСР от 7 мая 1920 года грузинское правительство обязано было отвести войска из пограничных с РСФСР районов и с горных перевалов, но из страха перед Красной армией оно не решалось это обязательство выполнить. Грузинское правительство по договору обязано было не оказывать никакой помощи, в каком бы то ни было виде, белым армиям, сражающимся против

Советской России, но меньшевики пользовались всяким случаем, чтобы переправить в Крым деникинцев-офицеров или по сходной цене перепродать Врангелю бензин и нефть.

Правительство Ноя Жордания вынуждено было принять в Тбилиси посла РСФСР и представительство Внешторга, но, объятое страхом за свое существование, оно в каждом дипкурьере готово было видеть перебирающегося на территорию Грузии вождя нового коммунистического восстания. Поэтому советское полпредство в Грузии и все, кто входил в какое бы то ни было соприкосновение с «агентами Москвы», были окружены стеной сыщиков и шпионов, которые арестовывали каждого, кто решался входить в полпредство или в торговое представительство. Меньшевистское правительство задерживало «по ошибке» дипкурьеров и «по ошибке» же вскрывало их багаж, приносило извинения и опять продолжало трусливо шкодить. Меньшевики сделали даже наглую попытку снять советский флаг со здания торгового представительства РСФСР.

Но больше всего боялись и яростнее всего ненавидели меньшевики грузинских коммунистов, а по договору от 7 мая они обязались прекратить преследования коммунистов, освободив арестованных из тюрем. Ясно, что и этого пункта договора меньшевики не выполняли.

В Метехском замке, в тюрьмах других городов — в нарушение договора с РСФСР — томились десятки, сотни грузинских коммунистов без суда, без следствия. Беспрерывно производились новые и новые аресты, закрывались коммунистические газеты и т. д. Письма Кирова из Тбилиси, его сообщения в Наркоминдел, а также ноты меньшевистскому правительству Грузии с необычайной яркостью рисуют жалкую беспомощность, растерянность и злобу лакеев иностранной буржуазии, оставленных на произвол судьбы своими господами. С дикой злобой и ненавистью расправлялись меньшевистские сатрапы с рабочими и крестьянами своей страны. После кровавой расправы над восставшим крестьянством Южной Осетии агенты меньшевистского правительства согнали к советской границе тысячи осетин.

Киров настойчиво и решительно протестует против нарушения договорных прав Советской страны, посылая правительству Ноя Жордания чуть ли не ежедневно резкие ноты, в которых он разоблачает всю фальшь и лицемерие меньшевистских калифов на час.

В начале сентября Сергей Миронович принимает участие в I съезде народов Востока в Баку. Вскоре по своем возвращении в Тбилиси (около 10 сентября) он получает новое дипломатическое назначение — участвовать в качестве представителя Советской России в переговорах о заключении перемирия, а потом и мира, с Польшей. В переговорах с поляками Сергей Миронович принимает самое деятельное участие.

После подписания договора с Польшей Киров возвращается на Северный Кавказ. Здесь в качестве члена Кавказского бюро ЦК, вместе со своим ближайшим другом Серго Орджоникидзе, по указаниям, а иногда и при непосредственном участии товарища Сталина, Сергей Миронович проводит очень сложную, в условиях многонационального Северного Кавказа, работу по укреплению рядов партии, по созданию и укреплению Советской власти. За этот период Сергей Миронович часто выступает с речами и докладами на больших собраниях во Владикавказе, в Пятигорске и других местах, разъясняя важнейшие решения партии и правительства.

В ноябре 1920 года наступает исторический день для народов Северного Кавказа. Собирается съезд народов Терской области. На этом съезде товарищ Сталин оглашает декларацию об образовании Автономной Советской Горской республики. После речи товарища Сталина и выступлений Кирова и Серго Орджоникидзе съезд в своей резолюции торжественно приветствует предложение об образовании Автономной Горской республики как «великий акт социальной справедливости».

В феврале 1921 года Киров выполняет задачу огромного политического значения. В момент восстания, поднятого рабочими и крестьянами Грузии против меньшевистской тирании, Сергей Миронович подготовляет помощь восставшим и с этой целью организует переход через Кавказский хребет дигорских партизан Северной Осетии (через Гебский перевал) и частей Красной армии (через Мамисонский перевал). Эти переходы были делом исключительного геройства и самоотвержения. В зимнюю пору, засыпанные снегом, перевалы считались абсолютно недоступными даже для отдельных смельчаков, не говоря уже о целых воинских отрядах. Пламенный революционер Киров сумел вдохнуть в людей невиданный энтузиазм и воодушевить их на выполнение такой задачи, осуществление которой казалось совершенно немыслимым.

На Северном Кавказе Киров неустанно работает над сплочением партийных рядов, над большевистским воспитанием членов партии; он (ведет жестокую борьбу с троцкистами, выступившими против Ленина, против партии, уже тогда пытавшимися сорвать великую борьбу рабочего класса нашей страны за построение социалистического общества.

В январе — феврале 1921 года Киров выступает с целым рядом докладов (к сожалению, не сохранившихся) о роли и задачах профсоюзов. Он последовательно и твердо отстаивает ленинскую позицию в профсоюзной дискуссии. Троцкисты разгромлены: на Терской областной

партконференции 16 февраля 1921 года за платформу Ленина подано 172 голоса, за троцкистскую платформу — 3 голоса. Киров единогласно избирается делегатом на X съезд партии. На съезде он выбирается кандидатом в члены ЦК.

После возвращения с X съезда Киров продолжает в качестве члена Кавказского бюро ЦК энергичную работу по сплочению и укреплению партийных рядов, по созданию и налаживанию правильной работы органов Советской власти, комсомола, профсоюзов на Северном Кавказе и в Закавказье. С докладами о X съезде партии, о внутреннем и внешнем положении Советской федерации он выступает во Владикавказе, в Пятигорске, в Тбилиси, в Баку.

По указаниям товарища Сталина, под непосредственным руководством Кирова создается Горская республика, объединяющая народы Северного Кавказа.

16—22 апреля Киров руководит Учредительным съездом Горской республики во Владикавказе. Здесь он произносит ряд блестящих по форме и глубоких по содержанию речей. Особенно замечательна его речь о шариате /Шариат — религиозное право мусульманских народов, определяющее религиозные, брачно-семейные, имущественные, правовые и морально-бытовые отношения мусульман, — имел глубокие корни в широких массах населения Чечни, Ингушетии и среди мусульман-осетин. Единственно правильной политикой Советской власти в тот период было, разрешая шариат (несмотря на всю его чрезвычайную реакционность), вести линию на постепенное перевоспитание отсталых горских масс. В настоящее время шариат как религиозно-правовой кодекс в СССР нигде не применяется/. В этой речи Сергей Миронович говорил:

«Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Пройдет время — будет подлинный коммунистический рай. Но все же это не значит, что все во всех отношениях на земном шаре будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень нескоро заговорит на одном общем для всех языке». И дальше:

«Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине». В первых числах мая Киров участвует в работах пленума Кавказского бюро ЦК партии во Владикавказе и избирается в состав президиума Кавказского бюро. В конце мая Киров в Тбилиси.

Летом 1921 года (12–17 июня) Кирову довелось еще раз выступить на борьбу с меньшевиками в Закавказье. Но теперь меньшевики уже «не ходят в министрах». Они укрылись в некоторых профсоюзах Грузии и пытаются там организовать саботаж Советской власти. С трибуны I конференции профсоюзов Грузии Киров разоблачает предательскую роль и подлое лицемерие меньшевистских «радетелей» рабочего класса.

В начале июля Сергей Миронович участвует в работе пленума Кавказского бюро ЦК РКП (б) в Тбилиси. В работах пленума принимает участие товарищ Сталин.

Киров участвует в разрешении обострившихся в это время пограничных споров — между Грузией, Арменией и Азербайджаном.

РУКОВОДИТЕЛЬ ТРУДЯЩИХСЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

В июле 1921 года Киров — в Баку. Он избирается секретарем ЦК коммунистической партии Азербайджана. В то время страна начала переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. Неотложной стала задача восстановления разрушенного империалистической войной и интервенцией народного хозяйства. Нужно было заставить на всю мощь работать промышленность, транспорт и сельское хозяйство.

Не легкие задачи возложила партия на Кирова. Первое — положить конец жестоким раздорам в рядах Бакинской организации, возникшим из-за разногласий по вопросам национальной политики, обеспечить проведение в Азербайджане четкой линии Ленина — Сталина в национальном вопросе, восстановить единство рядов крупнейшей пролетарской партийной организации в Закавказье.

Второе — возродить нефтяную промышленность, восстановить бакинские нефтяные промыслы, доведенные до крайней степени разрушения хищническим хозяйничаньем интервентов и муссаватистов.

Киров с величайшей осторожностью, но твердо и последовательно исправляет ошибки тюркских коммунистов. В то же время он одергивает не в меру ретивых молодых товарищей, в борьбе с национал-уклонистами позабывших об особенных условиях многонационального Азербайджана.

Вместе с Серго Орджоникидзе Киров ведет в Закавказье упорную и успешную борьбу с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом. Эта борьба закончилась разгромом национал-уклонистов.

Киров смело и решительно ставит вопросы хозяйственного укрепления отсталых сельских районов Азербайджана (развертывание крупных работ по орошению, внедрение культуры хлопка и т. д.), настойчиво борется за насаждение грамотности, поднятие культурного уровня тюркской деревни, уделяет огромное внимание выращиванию национальных кадров, борьбе за освобождение порабощенной женщины-тюрчанки.

Почва выбита из-под ног национал-уклонистов, и они уже не находят себе поддержки в рядах партийной организации.

Через каких-нибудь полгода Киров, отчитываясь на IV съезде компартии Азербайджана о своей работе, имеет все основания заявить, что внутренняя борьба, так долго раскалывавшая ряды коммунистов Азербайджана, ликвидирована.

Установление правильной национальной политики и разгром национал-уклонистов в Азербайджане создали необходимые условия для выполнения указаний Ленина и Сталина об объединении Закавказских республик в Закавказскую федерацию.

Создание Закавказской федерации открыло надежный путь к изживанию местного национализма, к установлению действительного братского сотрудничества народов Закавказья в деле строительства социализма.

Киров был одним из основателей Закавказской федерации, работая над ее созданием рука об руку с Серго Орджоникидзе, под его непосредственным руководством.

Успешная работа Кирова в Баку скоро дала большие результаты.

«Азербайджанская коммунистическая партия, во главе с товарищем Кировым, быстро разгромила национал-уклонистов.

Бакинский пролетариат, верный интернациональному знамени Ленина — Сталина, выступил в первых рядах борцов за образование и укрепление Закавказской федерации» / Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 124/.

Не случайно именно в Баку собирается в конце 1922 года I Закавказский съезд Советов. Выступая на съезде, Киров говорил:

«Пусть темно для западноевропейских рабочих сегодня, но они увидят величайшее солнце, которое озаряет Советскую страну. Этого солнца не заслонит никакая реакционная соглашательская политика». На съезде избирается первый Закавказский ЦИК. Дорога к социалистическому расцвету Закавказья проложена, создана основная предпосылка для превращения в дальнейшем республик Закавказской федерации — по новой Сталинской Конституции — в союзные республики.

Первая, решающая часть этого мудрого плана Ленина — Сталина была выполнена Серго Орджоникидзе при непосредственном и ближайшем участии Кирова. Киров до самого отъезда своего из Баку (декабрь 1925 года) является одним «3 руководителей Закавказской федерации.

На Кавказе в трудных условиях его многонационального состава на опыте подтвердилась правильность ленинско-сталинской национальной политики.

На Кавказе в течение веков сталкивались в жестокой борьбе между собою многочисленные племена и народы Европы и Азии. Царское правительство, а после Октябрьской революции местные буржуазные националисты разжигали дикую межнациональную вражду, приводившую к зверским побоищам, к взаимоистреблению.

Водворив мир и содружество народов на Кавказе, Киров вместе с Серго Орджоникидзе и с лучшими большевиками Закавказья дал поучительнейшее доказательство великого значения, великой силы национальной политики Ленина — Сталина, и в день двадцатипятилетия Бакинской партийной организации Киров с гордостью мог заявить:

«Здесь, в Баку, на этом огромном пересечении дорог, ведущих во все углы земного шара, мы здесь на деле, в жизни, на практике, сумели осуществить один из величайших пунктов нашей программы — международное, межнациональное братство». Много и упорно работал Киров над ленинским воспитанием азербайджанских коммунистов, в особенности над воспитанием тюркских партийных кадров, сплачивая партийные ряды под знаменем Ленина — Сталина.

Сергей Миронович неустанно призывал молодежь овладевать ленинизмом. В докладе на V съезде АКСМ он говорил: «Изучайте Ленина, знайте его жизнь от доски до доски, знайте великие заповеди гениальнейшего во всем человечестве вождя до последней запятой». В 1923–1924 годах Киров вместе с Серго Орджоникидзе борется со всеми антипартийными группировками и прежде всего с троцкизмом. Бакинская организация, руководимая верным учеником Ленина — Сталина, дает жестокий отпор попыткам троцкистов расшатать единство партии, столкнуть ее с ленинского пути.

В 1924 году Троцкий выпускает свою гнусную книжонку с клеветой на нашу партию, на ее вождя Ленина, на героическую историю большевизма. Бакинские большевики, руководимые непоколебимым большевиком С. М. Кировым, требуют беспощадной борьбы с троцкизмом. В резолюции, принятой на расширенном пленуме Бакинского комитета АКП(б) 2 декабря 1924 года по докладу Кирова, говорится:

«Попытки заменить ленинизм троцкизмом должны встретить сильный и решительный отпор со стороны всей партии, как это было не раз в предшествующие годы». Киров говорил на XIV Бакинской партийной конференции: «Вокруг Троцкого группируется все то, что против большевизма, против ленинизма, против коммунистической партии». Величайшей трудности задача стояла перед Кировым в борьбе за нефть. Без нефти немыслимо было восстановление народного хозяйства. Ленин требовал установить постоянное наблюдение за работой бакинских промыслов.

Бакинская нефть — это был не только внутренний вопрос Советской страны. Вопрос о нефти приобретал международное значение. Иностранные капиталисты не отказывались от надежды вернуть себе промыслы. На Генуэзской конференции они заявили, что кредиты на восстановление народного хозяйства Советская страна получит только в том случае, если бакинские промыслы будут возвращены их прежним владельцам.

Советская делегация, в составе которой находился и представитель Закавказья Нариманов, отвергла кабальные условия капиталистов. Страна начинала своими силами восстанавливать нефтяную промышленность.

С первых же дней приезда в Баку Киров берется за эту огромную работу. Он буквально изо дня в день бывает на промыслах, на нефтеперегонных и механических заводах, наблюдает, изучает людей, изучает условия и все особенности работы, быстро схватывает самое главное и со всей присущей ему энергией берется за дело.

А положение нефтепромыслов было не из легких. Начать с того, что Баку жил всегда привозным хлебом, а хлебом Советская страна была тогда совсем не богата. Баку зачастую приходилось испытывать острые продовольственные затруднения. Допотопное оборудование промыслов и заводов было в самом жалком состоянии, обеспечить же материальное снабжение нефтяной промышленности было исключительно трудно. Ведь это было время, когда вся наша промышленность в целом и особенно металлопромышленность едва начинала восстанавливаться. И, наконец, что было всего важнее: вследствие плохого продовольственного снабжения и тяжелых условий работы сильно сократились кадры рабочих-нефтяников.

Но энергия Кирова неисчерпаема, его настойчивость непреодолима. Он заботится и о продовольствии, и о техническом снабжении промыслов, о рабочих и технических кадрах, об установлении твердой трудовой дисциплины. Его глаз всюду, его совет, а зачастую и решающее слово — в каждом значительном вопросе.

Собираются, сплачиваются кадры старых нефтяников. Киров подолгу беседует с инженерами и с рабочими. Он у каждого поднимает энергию, всех вдохновляет на борьбу в победу.

По прямым указаниям, по настояниям Кирова развертывается успешная работа по освоению новых нефтеносных площадей: на площади Солбаз (Солдатский базар) под непосредственным повседневным руководством Кирова создается по заранее разработанному плану первый советский промысел.

На Солбазе до революции нефтепромышленники пытались уже работать, но им получить там нефть не удалось. Скептики предостерегали, что все затраты будут напрасны. Но Киров беседует с геологами, с инженерами, со старыми производственниками-рабочими и приходит к убеждению, что нефть на Солбазе должна быть и, следовательно, промысел организовать нужно.

Киров вникает во все детали работы, бывает на промысле чаще, чем работники Азнефти. Заботится об оборудовании, о материалах, о транспорте, обходит много раз каждую буровую. Весной 1922 года первые две скважины вошли в эксплоатацию. Промысел по требованию рабочих был назван именем товарища Кирова.

Киров форсирует работы по засыпке Биби-Эйбатской бухты (ныне Бухты Ильича). Здесь сопротивление маловеров еще сильнее, а старые служащие «нефтяных королей» сознательно тормозят дело, стремясь сохранить в неприкосновенности нефтяные богатства на этом участке до возвращения своих «господ».

Киров, изучая самым серьезным образом вопрос о засыпке Бухты, приходит к убеждению, что работу проводить нужно, и сам берется за дело так же, как и на промысле Солбаз.

В это начинание не верят даже многие коммунисты. Они шлют жалобы в Москву, дело изображают так, что Киров выбрасывает в море драгоценнейшие силы и средства. Вопрос доходит до Центральной контрольной комиссии. В апреле 1923 года из первой буровой на Бухте забил мощный фонтан нефти.

Нужно здесь, пожалуй, еще добавить, что уже во время работы Кирова в Баку Бухта Ильича давала около 10 процентов добычи Азнефти, а позднее значение этого промысла еще более возросло.

Медленно, но неуклонно на промыслах восстанавливается жизнь. В середине 1922 года Баку начинает уже регулярно вывозить нефть. Каждый год дает рост добычи на миллион тонн. Промыслы спасены. Количество действующих скважин увеличено вдвое.

Товарищ Сталин выдвигает перед бакинцами смелый план технического перевооружения промыслов. Старая желонка /Желонка — большая железная бадья, спускавшаяся на канате в нефтяную скважину и служившая для вычерпывания нефти. Работа с желонкой была одной из самых тяжелых работ на промыслах / — свидетель рабского труда — отжила свой век. Ее должен заменить глубокий насос. Тихоходное ударное бурение, введенное капиталистами еще в прошлом веке, должно уступить место вращательному.

Киров руководит разрешением этой задачи: опираясь на лучшие кадры бакинских пролетариев, он разбивает сопротивление рутинеров, вдохновляет упавших духом, увлекает за собой колеблющихся. Киров — первый в борьбе за освоение новой техники.

А трудности были большие: консервативные или подкупленные старыми хозяевами промыслов инженеры уверяли, что вращательное бурение в бакинских условиях невозможно. Некоторые геологи вторили им, заявляя, что благодаря особенностям геологических пластов в Баку инструменты неизбежно будут ломаться.

Введение вращательного бурения и особенно замена желонки глубокими насосами вызывали чрезвычайное сопротивление отсталых слоев рабочих. Работавшие на желонках рабочие опасались, что с введением насосов они совсем останутся без работы.

Киров неустанно детально, тщательно разъяснял рабочим на собраниях и в беседах, которые вел при посещении промыслов, все огромное значение и выгодность для самих рабочих технических нововведений. Он беседовал с техниками, инженерами и многих превратил в энтузиастов новых методов работы.

Меньшевики, эсеры, дашнаки /Дашнаки — партия «Дашнакцутюн» — армянская буржуазно-националистическая партия. Дашнаки стремились к созданию отдельного армянского буржуазного государства из русской и турецкой частей Армении. В 1918–1920 годах, встав во главе буржуазной республики Армении, дашнаки превратили ее в опорный пункт англо-французских интервентов и белогвардейских сил Закавказья в борьбе с Советской властью. После установления Советской власти в Армении (29 ноября 1920 года) лидеры дашнаков эмигрировали и продолжают борьбу против Советской Армении/, контрреволюционеры всех мастей, используя предрассудки отсталых рабочих, вели усиленную агитацию против технических нововведений, распускали панические слухи, сеяли гнусную клевету, организовали вредительство в процессе самой работы.

Под твердым руководством Кирова в Баку были вскрыты и разгромлены контрреволюционные

группы, создавшиеся по заданиям и на средства крупнейших капиталистов, прежних владельцев нефтяных промыслов, организовавшие в широких размерах систематическое вредительство, неоднократно устраивавшие поджоги промыслов. Все препятствия под руководством Кирова были сломлены, и техническая реконструкция нефтяной промышленности развертывалась быстро и успешно. Выполнение задачи, поставленной товарищем Сталиным, была обеспечено.

Накануне своего отъезда из Баку в декабре 1925 года Киров на VII съезде АКП(б) мог с законной гордостью сказать: «В нашей нефтяной промышленности сейчас совершается величайшая промышленная революция». На съезде Советов Азербайджана Сергей Миронович говорил:

«.. если вы вспомните то нефтяное кладбище, которое осталось нам здесь после господства муссавата, вы должны будете согласиться с тем, что мы несомненно достигли здесь громаднейших успехов». Огромную часть своего внимания и своих сил отдавая нефтяной промышленности, Киров ни на минуту не забывал и об отсталой и темной азербайджанской деревне, о необходимости крепить союз бакинского пролетариата с азербайджанской деревней.

«Можно произносить много красивых речей, можно сколько угодно хвалить свою работу, но до тех пор, пока мы не выведем крестьян из нынешней обстановки сельского хозяйства, наша работа не достигнет настоящих успехов». Так говорил Киров на III Азербайджанском съезде Советов.

Одним из условий материального и культурного подъема» азербайджанского крестьянства Киров справедливо считал развитие технических культур в Азербайджане, в первую очередь хлопководства.

«Огромная будущность ожидает нашу республику, — говорил Киров на VI съезде АКП(б) в мае 1924 года, — если мы сумеем в достаточной степени сделать пригодными для ценных культур наши громадные азербайджанские степи. В этом отношении первейшую роль должен будет играть хлопок». Сергей Миронович уже в то время вплотную ставит вопрос о механизации сельского хозяйства: он лично дает указания, куда направить и как распределить те несколько десятков тракторов, которые были получены для Азербайджана из-за границы.

Киров едко высмеивает тех горе-специалистов сельского хозяйства, которые пытаются доказать, что буйвол гораздо лучше трактора, так как «у буйвола ноги хорошие», а «для трактора надо иметь квалифицированного шофера». Киров беспощадно бичует тех, кто мирится с отсталостью, с бескультурьем, патриархальщиной азербайджанской деревни, кто недооценивает важность борьбы с этой отсталостью.

«Принято думать, что половина населения Азербайджана снимает свою чадру. Это глубокая ошибка. Чадру носит не только половина населения Азербайджана… 90 процентов нашего населения до сих пор пребывает в чадре темноты, невежества, безграмотности и — надо

сказать прямо — культурном невежестве… Нужно добиться всеми средствами, силами и мерами, чего бы это ни стоило, чтобы «чадру» эту дольше не носили». Так говорил Киров на III Азербайджанском съезде Советов в декабре 1923 года.

Настойчиво и решительно Сергей Миронович вел борьбу за раскрепощение тюрчанки. В этой области ему приходилось преодолевать скрытое, а порой и явное сопротивление не только в широких массах беспартийных, но и в рядах партии и даже у некоторых руководящих работников-тюрок.

С помощью Сергея Мироновича, под его непосредственным руководством, в Баку был создан «Дом тюрчанки», опорный пункт широкой массовой работы среди тюркских женщин. Около «Дома тюрчанки» воспитался смелый и решительный отряд первых женщин-активисток, проводивших героическую борьбу за освобождение тюрчанок от вековых пут экономического и семейного рабства.

Киров был инициатором широкого жилищного строительства в Баку. Он лично наблюдал за постройкой новых домов для рабочих, интересуясь, просматривая, проверяя каждую деталь.

При непосредственной помощи Кирова был построен в Баку трамвай. Грязные, запущенные рабочие окраины под руководством Кирова быстро преображались.

Широкие задачи, смелые социалистические планы Киров осуществлял с неизменным успехом, так как ни на минуту не терял непосредственной связи с теми скромными, незаметными участниками социалистической стройки, честная, беззаветная работа которых решает успех каждого дела. Киров ясно видел и твердо намечал главную задачу и отдавал этой задаче все силы. Занятый огромной работой, он всегда находил время разобрать жалобу промыслового рабочего на неправильное распределение квартир или ответить на письмо комсомолки, которая обращается к нему за советом о том, в какой, вуз ей итти учиться. Нередко Киров заглядывал в жилища бакинских рабочих-нефтяников, беседовал об их делах, расспрашивал об их нуждах.

Вся работа Сергея Мироновича в Баку, как и везде, где он работал, была прежде всего работой в массах. Киров обладал исключительной способностью находить доступ к сокровенным мыслям и чаяниям трудящихся масс и поднимать массы на преодоление самых тяжелых препятствий. Таким Киров был везде и всегда. Он в совершенстве владел ленинско-сталинским стилем работы.

За 4,5 года работы в Азербайджане Киров завоевал горячую любовь рабочих, коммунистов и беспартийных, и всех трудящихся. Его выступления, его глубокие по содержанию и ясные, доступные по форме речи волновали, крепко запоминались тысячами и тысячами людей. Рабочие-тюрки, плохо знавшие русский язык, говорили после речей Кирова, что переводчик им не нужен, они и так понимают своего Кирова. Это происходило потому, что пламенные речи Кирова были прямым продолжением его практики талантливейшего организатора, дальновидного, вдумчивого руководителя, внимательнейшего товарища и друга бакинских рабочих.

Работа Кирова в Баку — это подготовка к первой пятилетке на одном из самых важных участков хозяйственного фронта Страны Советов.

Под руководством Кирова бакинские нефтяные промыслы начали давать Советской стране то драгоценное «черное золото», которое, растекаясь по железным дорогам, заводам и фабрикам, возвращало к жизни нашу промышленность, наш транспорт.

ВО ГЛАВЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

Декабрь 1925 года. XIV съезд партии. Враги партии, подлая зиновьевская оппозиция, ведут атаку против ленинского ЦК, открыто выступают против ленинского плана построения социализма в нашей стране, делают попытки сбить партию с ленинского пути, подменить ленинизм троцкизмом, ставя себе задачей восстановить капиталистическое рабство в нашей стране.

Предательская вылазка новой оппозиции против ЦК, против партии отбита, капитулянтские «теории» оппозиции отвергнуты подавляющим большинством партийного съезда, оппозиция разгромлена. Вся партия объединилась вокруг своего ЦК, вокруг товарища Сталина. Дело Ленина — Сталина осталось непоколебимым.

Решительно разоблачая зиновьевцев, являвшихся плохо замаскированными троцкистами, Киров фактами доказывал, что они получили мандаты на съезд в результате подлого двурушничества, обманув ленинградских большевиков. До съезда зиновьевцы всячески восхваляли ЦК, ни слова не заявляли о разногласиях, и только на съезде они противопоставили себя ЦК. Разбитые на съезде, зиновьевцы не подчинились партии. Они начали преступную борьбу против решений XIV съезда.

Перед партией на очереди неотложная, ответственнейшая задача: выправить ряды ленинградских большевиков, часть которых оказалась в сетях наглой демагогии, обмана и клеветы Зиновьева и его приспешников.

Еще во время XIV съезда товарищи Орджоникидзе, Киров, Микоян выезжают в Ленинград, выступают на собрании партийного актива Выборгского района, твердо стоявшего на партийной позиции, а также на партийных собраниях ряда заводов Ленинграда.

После XIV съезда ЦК партии для разъяснения ленинградским большевикам решений съезда и окончательного разоблачения эиновьевской оппозиции направляет в Ленинград группу членов ЦК: товарищей Молотова, Ворошилова, Кирова, Калинина, Андреева и других.

Занимавшие руководящие посты в Ленинградской организации враги партии — зиновьевцы встретили облеченных доверием и любимых всей партией членов ЦК нескрываемой злобой и ненавистью. Они пытались закрыть доступ членам ЦК на партийные собрания, срывать собрания, на которых выступали члены ЦК, встречая их выступления свистом, улюлюканьем, пытались подтасовывать состав собраний, чтобы фальсифицировать решения партийных коллективов. Но члены ЦК и в их числе Киров твердо выполняли возложенное на них поручение, встречая горячий отклик у рабочих-партийцев. Они выступали ежедневно на заводах и фабриках, разоблачая ложь и клевету Зиновьева против ЦК, против партии, против великого дела строительства социализма, раскрывая перед ленинградскими пролетариями буржуазную сущность оппозиционных «теорий», разоблачая преступную «тактику» оппозиционеров, развязывающих силы контрреволюции.

Киров выступает 6 января на заводе «Электросила», 7 января — на фабрике «Красный ткач», 8-го — на фабрике «Красный маяк», 11-го — на заводе имени Егорова, 12-го — на объединенном собрании коллективов «Красного гвоздильщика» и «Электроаппарата», затем на «Красном путиловце», на целом ряде других заводов и фабрик, на собраниях профсоюзных работников, комсомола.

В течение месяца по приезде в Ленинград С. М. Киров сделал 15 докладов на заводах и фабриках. 6 февраля в докладе на IX Чрезвычайной конференции Петроградского района Сергей Миронович подводит итоги разгрома зиновьевцев. «Достаточно было каких-нибудь четырех-пяти недель для того, чтобы здесь, в Ленинграде, произошел полный перелом. Это, товарищи, говорит о том, что партия как жила, так и живет здоровой жизнью».

Сложнейшие вопросы партийной политики становятся в речах Кирова для всех понятными, не допускающими ни малейших сомнений.

За внешним спокойствием речей Кирова все чувствуют огонь большевистской страстности, величайшую решимость и преданность делу партии.

На партийных собраниях провокаторы-зиновьевцы пытались организовать прямой саботаж, встречали Кирова, как и других верных защитников линии ЦК, дерзкими выкриками, свистом. Но Киров начинает говорить, и они вынуждены замолчать: все собрание с напряженным вниманием слушает ясную, убедительную речь Кирова. Он быстро захватывает аудиторию, покоряет слушателей. Киров заканчивает, и все, полные энтузиазма, поднимаются и приветствуют того, кто только что в простых, всем доступных словах разъяснил самое главное, самое нужное, рассеял все сомнения, укрепил веру в дело рабочего класса, в дело партии Ленина — Сталина.

Кирова, которого совсем недавно еще не знали в Ленинграде, провожали бурной, восторженной овацией на каждом собрании, после каждого его выступления — будь то в заводском коллективе, на профсоюзном или комсомольском собрании, на районной или губернской партконференции. Авторитет Кирова рос на глазах у всех. Скоро Киров, непоколебимый борец за генеральную линию

партии, сделался самым нужным, близким, родным для всех трудящихся города Ленина.

Потеряв возможность обманывать Ленинградскую организацию, быстро теряя остатки влияния среди членов партии, зиновьевцы попытались оторвать ленинградский комсомол от партии. Но, подчеркивал Киров, верхушка Ленинградского комсомола, зиновьевские выкормыши, не отражала настроений комсомольских масс Ленинграда. Поэтому она легко была разгромлена и вскрыта. Ленинградская комсомольская организация вновь заняла подобающее ей место в комсомоле.

В докладе на собрании комсомольского актива Выборгского района 15 января 1926 года С. М. Киров вдребезги разбивает все хитросплетения зиновьевцев и призывает комсомол итти по пути сплочения и единства со всей партией.

«Мы видим, что ленинградский пролетариат и ленинградские коммунары пошли уже по этому пути, и немного дней пройдет, товарищи, до того, когда вся стотысячная Ленинградская организация в унисон со всем миллионом членов партии, объединенная вокруг Центрального Комитета нашей партии, с решениями XIV съезда в руках, пойдет смело вперед и. будет действительно по-настоящему, по-большевистски, по-революционному отстаивать заветы товарища Ленина, а за нею пойдет и комсомол». 10 февраля 1926 года собирается Чрезвычайная губернская партийная конференция, на которой ленинградские большевики разоблачают ложь и обман зиновьевской оппозиции и заявляют о своей полной готовности бороться до конца за дело социализма под испытанным руководством ленинского ЦК и вождя партии — товарища Сталина.

Отвечая на приветствие московской делегации, под бурные аплодисменты всей конференции Киров заверяет делегатов Москвы, что Ленинградская организация рука об руку с Московской организацией и со всеми остальными организациями нашего Советского Союза будет укреплять великую миллионную ВКП(б). Больше 97 % большевиков Ленинграда полностью одобрили решения XIV съезда партии и осудили зиновьевскую «новую оппозицию». Последняя представляла уже тогда генералов без армии.

Киров — секретарь Севзапбюро ЦК и первый секретарь Ленинградского губкома, руководитель ленинградских большевиков, пролетариев города Ленина.

«Дорогие товарищи, — писал Киров из Ленинграда бакинцам в феврале 1926 года. — На-днях закончилась Чрезвычайная губпартконференция, на которой подведены итоги работы Ленинградской организации после XIV съезда партии. Оказалось, что за шесть недель, прошедших со дня окончания съезда, сто с лишним тысяч коммунаров Ленинграда вполне разрешили стоящую перед ними задачу. Они по-ленински оценили всю сущность новой оппозиции партии и решительно, как и следовало ожидать, встали на защиту всех решений съезда, лишив какого бы то ни было политического кредита свою делегацию на съезде. .» 1926 год был не легким годом для Ленинградской организации. Снизу доверху шла перестройка партийных рядов. По требованию широких партийных масс с руководящих постов в районах, на заводах, в цехах, в профсоюзах, в комсомоле изгонялись политические банкроты — зиновьевские приспешники. Выдвигались сотни, тысячи новых товарищей на руководящую работу.

В этой огромной перестройке — всюду и везде направляющая рука Кирова, его зоркий глаз. Он присматривается к людям, быстро оценивает, на кого можно крепко положиться. Беседует с одним, с другим, третьим, подкрепляет советом, своей теплой и твердой улыбкой, товарищески поправляет возможные на первых шагах ошибки, во всех вселяет ту же уверенность, какой полон сам; своим личным примером, своим словом и советом в каждом поднимает энергию, преданность партии, великому делу пролетарской революции.

Замечательный организаторский талант Кирова развертывается в это трудное время во всем блеске. Пророчества оппозиционеров о якобы неизбежном развале работы, наглые заявления зиновьевцев о том, что без них Ленинградская организация никак не сможет обойтись, опровергнуты на деле.

Удаление зиновьевских выучеников, которые напрягали все силы к тому, чтобы сорвать великое дело социалистического строительства, зажимали активность и инициативу широких масс, подменяли ленинскую политику антипартийным политиканством, выдвижение на место зиновьевцев массы новых свежих работников из рядовых членов партии сразу принесло оживление, бодрость, повышенный интерес, подъем работы решительно повсюду.

Ровно через год после своего приезда в Ленинград, в январе 1927 года, Киров, отмечая несомненные успехи во всех областях работы, с полным правом от имени XXIV Губернской партийной конференции заявляет:

«Мы, товарищи, уже можем твердо сказать, что те шатания, те колебания, та неуверенность в отдельных звеньях нашей партии, которые имели место, теперь изжиты».

«… шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно». Поставленный партией во главе Ленинградской организации, Киров быстро ориентируется в новой обстановке и

крепко, уверенно выдвигает те вопросы, от которых в огромной степени зависит будущность ленинградской промышленности, будущность самого Ленинграда как крупнейшего пролетарского промышленного центра страны.

Полный глубочайшей уверенности в правоте учения Ленина — Сталина о возможности победы социализма в нашей стране, Киров в адресе по поводу 125-летия «Красного путиловца» заявляет:

«Мы растем, мы крепнем, мы строим социализм, мы его построим и вместе с тем доведем до успешного конца и дело мировой пролетарской революции»,

Исключительно большое внимание, которое уделяли ЦК партии и лично товарищ Сталин Ленинградской партийной организации и поднятию промышленности Ленинграда, сыграло огромную роль в успешном выполнении того ответственного задания, которое партией было возложено на Кирова.

В апреле 1926 года в Ленинград приезжает товарищ Сталин и выступает с докладом о хозяйственном положении Советского Союза (о работе апрельского пленума ЦК) сначала на пленуме Ленинградского губкома, а затем на собрании партийного актива Ленинграда.

Подлая демагогия оппозиционеров, нагло кричавших, что Ленинградом начинают пренебрегать, что ленинградской промышленности и ленинградским пролетариям отводится третьестепенная роль в общем плане индустриализации, была разбита вдребезги. Большую роль в этом сыграла резолюция, принятая пленумом Ленинградского губкома по докладу товарища Сталина. Резолюция указывает:

«Особое значение производства средств производства в настоящей полосе развития требует усиленного внимания и к ленинградской промышленности, являющейся одним из главных центров машиностроения в нашем Союзе».

Вскоре после доклада товарища Сталина Киров выступает на съезде металлистов и во всю широту ставит вопрос о роли Ленинграда и ленинградской промышленности в индустриализации страны. Сергей Миронович говорит:

«… наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны будут в последующий период нашей работы сосредоточить исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках». Киров возвращается к этому же вопросу в своей речи на торжественном заседании Губернского съезда профсоюзов в ноябре 1926 года:

«…город Ленинград и ленинградская промышленность в деле индустриализации страны должны будут сыграть, примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли во всех этапах нашей великой революции». У Кирова слова никогда не расходятся с делом.

Киров изо дня в день следит за работой крупнейших заводов Ленинграда — «Красного путиловца», «Электросилы», завода имени Сталина, «Большевика», Балтийского завода и многих, многих других. В самые тяжелые периоды недостатка сырья, топлива, нехватки всяких материалов Киров лично организует подвоз угля, чугуна, нефти, в особенно трудные периоды сам устанавливает порядок распределения дефицитного сырья по заводам.

Несмотря на все трудности, ленинградская промышленность быстро идет в гору и по количеству и по качеству своей продукции.

В декабре 1926 года на конференции Московско-Нарвского района Киров с законной гордостью говорит об освоении производств, не знакомых нашей промышленности в дореволюционное время, о постройке на Металлическом заводе (теперь завод имени Сталина) паровых турбин, об организации на «Красном путиловце» производства тракторов, о том, что в Ленинграде создается громадная отрасль, «… которой в нашей 135-миллионной стране принадлежит, несомненно, гигантское будущее, это — налаживающееся текстильное машиностроение».

Киров скупо, в коротких словах упоминает в докладе об этих важнейших достижениях, и он, конечно, ни слова не говорит о том, что сам десятки раз бывал на Металлическом заводе, на «Большевике», на заводе имени Карла Маркса и особенно на «Красном путиловце», что он сам следил буквально за каждой новой турбиной, что он лично рано поутру, а еще чаще поздно ночью в тракторных цехах «Красного путиловца» не раз и не два вместе с инженерами и техниками, вместе со старыми рабочими-производственниками тщательно просматривал каждую деталь вновь организуемого производства, обдумывал, как преодолеть то или иное неожиданно возникшее затруднение, всегда находя самый короткий и самый верный способ разрешения вопроса.

Под непосредственным руководством Кирова, при его повседневной помощи было впервые в СССР организовано серийное производство тракторов «Фордзон путиловский». Это было немалой победой советской промышленности, советского машиностроения. Ленинградские пролетарии могут гордиться тем, что первые советские тракторы пошли на советские поля из Ленинграда, сделанные

на ленинградском заводе руками ленинградских пролетариев, что первые мощные турбины на новые советские электростанции вышли с ленинградского Металлического завода. Многие другие заводы Ленинграда осваивали производство новых машин, новых станков, новых сложных агрегатов. На заводах приступили к постройке новых корпусов, устанавливали новые станки, заграничное оборудование. Ленинград стал принимать ответственейшие заказы на оборудование для новых строек.

Под руководством ленинского ЦК с товарищем Сталиным во главе, под повседневным руководством Кирова ленинградская промышленность, ленинградские пролетарии, преодолевая все трудности, шли к новым и новым победам.

Так делами Киров разбивал гнилые капитулянтские установки оппозиции, ее паникерские предсказания, так в повседневной практике мощной строительной работы объединял и сплачивал Киров партийных и непартийных ленинградских большевиков вокруг ЦК партии, вокруг товарища Сталина.

Ленинградская промышленность работала исстари на привозном топливе и на привозном сырье. Киров в первый же год своей работы в Ленинграде смело и' решительно ставит вопрос о создании собственной энергетической базы на местных видах топлива и об отыскании новых источников и новых видов сырья для промышленности.

Киров добивается того, что затянувшееся строительство Волховской гидроэлектростанции, наконец, заканчивается в декабре 1926 года.

«Созданная пролетариатом гидростанция, — говорит Киров на открытии Волховской электростанции, — даст новую, живую силу нашей промышленности. .

Но всего этого нашей стране еще мало. Выдержан только первый экзамен. Выдержав его, мы должны продолжать итти вперед смелой и верной поступью».

Киров принимает непосредственное участие в разрешении вопроса о постройке мощной гидроэлектростанции на Свири и внимательнейшим образом следит за ходом работ.

Преодолевая сомнения многих «испытанных практиков», Киров смело ставит вопрос о сооружении самой северной в мире — заполярной гидроэлектростанции на реке Ниве, а также еще дальше на севере — станции на реке Туломе.

Сейчас Нивская и Туломская электростанции уже обеспечивают электрификацию Мурманска, северного участка Мурманской (ныне Кировской) железной дороги и становятся базой мощного индустриального развития Кольского полуострова.

Киров является инициатором постройки мощной Дубровской электростанции (на торфе), дающей энергию Ленинграду. По настоянию Кирова, под его повседневным наблюдением, с его помощью реконструируются другие ранее построенные электростанции Ленинграда, во много раз увеличивается их мощность.

Энергии и настойчивости Кирова мы обязаны тем, что осенью и зимой 1934 года, в последний год жизни Кирова, ленинградская промышленность впервые за много лет была полностью обеспечена электроэнергией.

Ставя задачей замену привозного угля и нефти местным топливом, Киров повседневно ведет настойчивую борьбу за расширение добычи торфа и за широкое внедрение торфяного топлива, преодолевая и здесь огромное сопротивление неповоротливых хозяйственников, не желавших тратить усилия на освоение этого вида топлива, требующего особенных забот в неблагоприятных климатических условиях Ленинграда.

Киров сам вплотную занимался сланцевой промышленностью, выезжал на Гдовские сланцевые рудники, спускался сам по мокрым и скользким лестницам в ствол опытной проходки и на основании лично, непосредственно произведенной проверки установил, что сланцы разрабатывать можно и должно и что они послужат одним из важных источников топлива и специфического сырья для Ленинграда.

По инициативе Кирова начата разработка тихвинских бокситов и под его непосредственным руководством создается первый в Союзе Волховский алюминиевый завод.

Точно так же, когда поставлен был под сомнение вопрос о возможности разработки апатитовой руды в мерзлой тундре за Полярным кругом, Сергей Миронович сам поехал в Хибины, сам все проверил и решил: апатиты можно и нужно разрабатывать, и притом немедленно.

Сергею Мироновичу обязана наша страна организацией разработки богатейших, имеющих мировое значение залежей апатитов в Хибинской тундре. Благодаря личному вмешательству Кирова вопрос

о создании гигантского индустриального комбината и нового крупного промышленного центра в мерзлой тундре, в суровых условиях Заполярья был решен твердо и бесповоротно.

Роль Кирова в освоении богатств нашего Севера огромна. По его указаниям развертывается строительство мурманских рыбных промыслов, мощного мурманского тралового флота, незамерзающего Мурманского порта, развитие Мурманской железной дороги и самого города Мурманска, превратившегося в большой промышленный и культурный центр на далеком и угрюмом Севере.

В своем докладе на IV Ленинградской областной партконференции в январе 1932 года Киров с законной гордостью говорит об успехах индустриализации Ленинградской области:

«. .далеко от Ленинграда, за Полярным кругом, развертывается на протяжении последних двух лет огромнейший Хибинский комбинат (апатиты).

Развивается новое производство, новая отрасль производства, и на этой базе вокруг Хибинского комбината создается целый новый город, город с 30-тысячным населением. В ближайшем будущем должен начать свою работу Алюминиевый комбинат, расширяют работу бокситовые рудники, шире развертывают работы по добыче всякого рода местных видов топлива...

Пример Хибин особенно показателен с точки зрения дальнейшего подъема производительных сил нашей страны.

Это нагляднейшее доказательство того, что в итоге свержения капиталистической системы создается невиданный размах развертывания производительных сил. М ы во второй пятилетке покажем, что нет такого места на земле, которое нельзя было бы поставить на службу социализму». По прямым указаниям и настояниям Кирова производится широкое исследование скрытых в земле богатств Кольского полуострова, давшее огромные результаты: открытие залежей медно-никелевых руд (теперь уже разрабатываемых), железа, свинца, редких земель и пр.

Киров в своей замечательной речи на XVII съезде партии говорит:

«Даже на одном этом примере можно понять, в каких необъятных пределах на социалистических основах может разворачиваться дальнейший подъем производительных сил. То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, Макар телят не гонял, куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь там волей большевиков, на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и др.), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр заполярного круга». Активнейшее участие принимает Киров в начатом по инициативе товарища Сталина строительстве Беломорско-Балтийского канала, связывающего Балтийское море и Ленинград с Белым морем и Северным Ледовитым океаном.

Много заботы и труда отдал Киров подъему сельского хозяйства Ленинградской области, количественным и качественным успехам коллективизации. Он крепко и четко поставил вопрос о превращении Ленинградской области из потребляющей в производящую. Неустанно заботился о механизации сельского хозяйства. Лично руководил организацией машинно-тракторных станций.

Под непосредственным руководством Сергея Мироновича осуществлялась в Ленинградской области на основе сплошной коллективизации ликвидация кулачества как класса.

На собраниях ленинградского актива, на пленумах Ленинградского областного комитета партии Сергей Миронович внимательно и детально разбирает все вопросы колхозного строительства, бичует недостатки работы на селе, в каждый данный момент умея найти основное звено, выдвинуть на первый план самое нужное, самое главное. Эти выступления Кирова, точно лучом прожектора, освещали путь преодоления трудностей и ошибок, вселяли огромную бодрость, желание работать засучив рукава, организовывали и сплачивали людей на упорную борьбу за выполнение задачи, поставленной товарищем Сталиным, — сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Замечательны речи Сергея Мироновича на съездах колхозников-ударников Ленинградской области. Эти речи просты, ясны и полны какой-то особенной убедительности.

«Надо понять, что если есть люди, — Говорит Киров на I съезде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии в марте 1933 года, — которые думают, что, находясь в колхозе, можно построить новую жизнь, сидя на печке, то из этого дела ничего не выйдет. Никак не выйдет. Нигде, ни в какой социалистической книжке не написано, что, не работая, не трудясь честно, можно построить новую жизнь. Там написано как раз обратное — надо работать, надо стараться всем нам и каждому, а того, который предпочитает сидеть на печке, — не только гнать с печки, а если он не может исправиться, — то нужно гнать и из колхоза.

.. Если ты хочешь быть достойным членом колхоза, то ты должен по-настоящему, по-большевистски

— как мы говорим — работать.

К стыду нашему встречаются еще такие колхозы, которые празднуют и на Фрола, и на Лавра, и по случаю всех святых, которые по случаю каждого праздника устраивают выпивки, в которых молодежь целыми ночами на мосту устраивает танцульки, а потом целый день «отдыхать» надо…

Лишь тот работает по-большевистски, кто выше всего ставит интересы социалистической стройки, кому дороже всего интересы нашего общего дела, кто подает пример дисциплины, более высокой производительности труда, образцового отношения к колхозному добру». Приводя в пример колхозника, у которого за год выработано 35 трудодней, Сергей Миронович продолжает:

«Я вас спрашиваю — какой социализм может получиться, если за год человек будет трудиться 35 дней?

Это у помещика выходило так потому, что он имел большие тысячи десятин земли и сам ничего не делал, а люди работали за него. Помещик все 365 дней в году был прогульщиком и жил неплохо. Но если мы с вами будем так работать, как помещик, или будем работать 35 дней в году, из этого ничего не выйдет, и наш колхоз протянет ноги». Особенно горячо Киров призывает вовлекать в активную работу в колхозах женщин:

«Колхозницы — громадный источник силы колхозов. Если женский труд поставить по-настоящему, если сделать таким образом, чтобы та обязанность, которая лежит на женщине, ребят рожать, — а вперед тоже надо будет рожать, потому что ребята нам нужны, — не мешала женщине участвовать в общей колхозной работе, то колхозная стройка пойдет вперед еще более быстрыми шагами.

Надо поставить дело так, чтобы женщина не была вынуждена слишком много сил тратить на ребенка, чтобы как только этот маленький большевичок родился, матери помочь и дело так организовать, чтобы и ребенок рос хорошо и она могла работать.

Ясли и очаги для детей надо развить очень широко. Этого требуют как наши обязанности по отношению к детям, которые только что нас приветствовали, так и задачи хозяйственной работы в колхозах. Если хорошо поработать с колхозницами, то вы увидите, какой неисчерпаемый источник новой силы мы получим». Участники съезда, колхозники и колхозницы, во время речи Кирова сидели не дыша, боясь проронить хоть одно слово, и несказанно потом удивлялись, откуда это Сергей Миронович так знает все колхозные дела и все сокровенные мысли и сомнения колхозников, как будто бы подслушал их разговоры и споры.

Киров первый выдвинул задачу широкого внедрения пшеницы на нашем Севере и, опрокинув возражения многочисленных скептиков и оппортунистов, добился полного успеха в этой области.

«Нам надо переключиться на разведение пшеницы очень смело и очень решительно», — настойчиво повторял Киров.

«Не верно, товарищи, что наш край какой-то особо бедный, озерный, болотистый. Нет такой земли, которая бы в умелых руках при Советской власти не могла быть повернута на благо человечества. Мы уже забрались за Полярный круг и там начинаем осваивать промерзшую почву, а не освоить наши здешние земли — это было бы просто позором для нас». Киров непрестанно держал в поле своего наблюдения важнейшие работы многочисленных научно-исследовательских институтов Ленинграда и часто в трудную минуту приходил на помощь смелым исследователям. Использование сланца и торфа, выплавка чугуна на торфяном коксе, добыча металлического магния, способы использования нефелина (который является обременительным отходом при добыче апатита), получение этилового спирта из древесных опилок, новые способы использования пластмасс — все это и еще десятки других крупных проблем привлекали живейшее внимание Кирова, который следил за всем, помогал всеми силами и средствами выполнению наиболее актуальных работ.

Именно при непосредственной помощи Кирова профессору Лебедеву удалось успешно завершить важнейшую работу, разрешившую проблему синтетического каучука.

Исключительно много энергии и сил, много дней напряженной работы, много бессонных ночей отдал Киров делу укрепления мощи нашей Красной армии и Красного флота, укреплению обороны Ленинграда и всего Советского Союза. Часто бывал Сергей Миронович в красноармейских частях, почти каждый год вместе с товарищем Ворошиловым он плавал на линкоре «Марат» во время маневров Краснознаменного Балтийского флота, своим бодрым большевистским словом поднимая новую энергию красноармейцев и краснофлотцев в их борьбе за освоение военной техники.

«Горячий братский привет краснофлотцам, командирам и политработникам могучего «Марата» от рабочих города Ленина и от большевиков Ленинградской организации, — пишет Киров, покидая славный корабль после одного из очередных плаваний на нем. — Пролетарии Ленинграда не сомневаются, что зоркий часовой нашего славного города — краснознаменные балтийцы крепко овладевают военной и политической учебой и тем обеспечат наше общее победоносное социалистическое строительство под руководством боевой Коммунистической партии и ее

испытанного рулевого товарища Сталина. Да здравствуют неустрашимые маратовцы!» Товарищ Киров имел все основания заявить на V областной и II городской Ленинградской партконференции в январе 1934 года:

«Пусть знают все, кто хочет поправлять свои безнадежные дела за счет Советского Союза, что мы сумеем организовать полный разгром противника на фронте». В немалой степени наша Красная армия и наш Красный флот успехами своего технического вооружения обязаны Кирову. За выдающиеся заслуги по укреплению обороны нашей родины С. М. Киров в десятую годовщину РККА был награжден орденом Красного Знамени.

Много внимания и забот, особенно в последние годы своей работы, уделял Киров обновлению Ленинграда, строительству новых домов, прокладке новых широких улиц, всем вопросам благоустройства Ленинграда, превращению его в подлинный социалистический город.

В своем докладе на ленинградском активе в июне 1931 года Киров подробно излагает решение ЦК партии о московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР. Киров четко ставит задачи в области коммунального строительства, которые возникают перед ленинградскими организациями и ленинградской промышленностью в связи с этим решением ЦК партии.

«…Что такое коммунальное хозяйство? Это, в конечном счете, тот участок нашего советского хозяйства, где наши рабочие проводят если не большую часть своего времени, то во всяком случае половину. 7–8 часов рабочий работает на заводе, а остальное время он проводит в своем жилище, на улице, в саду, в театре, где хотите, т. е. проводит в коммунальном хозяйстве в широком смысле этого слова».

«.. можем ли мы сделать, — продолжает Сергей Миронович, — более того, что мы сделали для нашего коммунального хозяйства, исходя из разного рода местных ресурсов? Должен сказать прямо: можно. Не сделали только потому, что на коммунальное хозяйство, к великому сожалению, смотрели сквозь пальцы». Киров крепко предостерегал тех, кто надеялся, что помощь ЦК избавит ленинградские организации от необходимости напряженной работы:

«Было бы большой ошибкой, если бы, успокоенные последним решением ЦК, мы сказали себе: теперь займутся и нами. Занялись Москвой, займутся и Ленинградом. Это было бы неправильно — сидеть и ждать, что придет механизация, рационализация всяческих работ и пр. и пр. и что годика через 3 мы с вами будем жить в такой столице, что можно в любую Европу выезжать и хвастать, — не выйдет это, товарищи…» В декабре 1931 года Ленинград был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр. В докладе на I Ленинградской городской партконференции Киров указывает конкретные очередные задачи в области коммунального строительства. Неоднократно выступает он на эту тему. Яркие речи Кирова подкрепляются его повседневной практикой, личным примером. Он детально обсуждает с архитекторами проекты новых жилых домов в Ленинграде и со всей энергией борется против стремлений «во имя дешевизны строить пониже, потеснее, поплоше». Он сам рассматривает проекты перепланировки улиц, прикидывает, как это выйдет в натуре, сам каждое утро ездит к Зимнему дворцу, когда там не ладится асфальтирование огромной площади имени Урицкого, сам проверяет, как Октябрьская дорога строит пересечку у завода «Красный путиловец» на улице Стачек, заходит по дороге в квартиры рабочих, чтобы проверить качество новой стройки.

Ежедневно утром Киров приезжает на ту или иную стройку. Он знает город Ленина лучше любого исконного ленинградца, и везде, куда он заглядывает своим зорким глазом, работа, спорится лучше, люди набираются новой энергии, все трудности разрешаются быстрее.

Нет возможности перечислить здесь даже самые крупные из тех вопросов, которые поставлены на очередь и частично или полностью разрешены при участии, по указаниям и советам, а иногда под прямым руководством Сергея Мироновича.

Рабочий стол Кирова в его кабинете в Смольном — это целая лаборатория: тут и новые краски для тканей и для окраски домов, первые слитки советского алюминия, изделия из чугуна, выплавленного на торфяном коксе, образцы редких ископаемых Кольского полуострова; тут бутылочка с этиловым спиртом, впервые добытым из древесных опилок, целая коллекция пробирок, показывающих все составные элементы и все переходные стадии образования синтетического каучука.

Кабинет Кирова был центром, куда сходились все нити гигантского строительства Ленинграда и Ленинградской области.

Не было буквально ни одной отрасли работы в Ленинграде и в Ленинградской области, где бы не чувствовались зоркий глаз и твердая рука Кирова, его вдумчивые и четкие указания.

Но больше всего и охотнее всего Киров думал и заботился о живых людях.

Рабочее снабжение, строительство домов для рабочих, для специалистов, вопросы жизни и быта

рабочих, колхозников, советской интеллигенции, культурные запросы трудящихся города и колхозного села — занимали всегда важнейшее место в работе Кирова.

«Рабочий класс начинает завоевывать по-настоящему культурные вышки, и не пройдет много времени, когда весь арсенал современной культуры будет находиться в руках рабочего класса», — говорил Киров уже в 1930 году.

Одним из больших начинаний Кирова было создание на Островах (теперь — Кировские острова) гигантского Парка культуры и отдыха для трудящихся Ленинграда. Сделать жизнь веселой и радостной для сотен тысяч, для миллионов — было постоянной мыслью Кирова, вдохновлявшей его заветной мечтой.

Его заботы о молодежи, о детях, о школе, его огромная любовь к детям — всем известны.

Дети обращаются к Сергею Мироновичу со своими нуждами, со своими вопросами. Киров чутко откликается на письма детей, дает им практические, нужные советы.

«Дружным коллективом, под руководством своих учителей овладевайте знаниями, — пишет Киров пионерам и школьникам Ленинграда. — Соревнуйтесь в учебе между собой, помогайте отстающим. Настойчиво, с пионерским упорством изучайте математику, физику, химию, обществоведение, историю, родной и иностранные языки.

Изучайте нашу великую социалистическую стройку… Крепите дисциплину в школе. Берегите школьное имущество и учебные пособия». Сергей Миронович сурово корит лентяев, прогульщиков, опаздывающих на уроки, портящих парты, столы, стены, доски. «.. только тот пионер, та пионерка, которые хорошо учатся, станут в будущем настоящими борцами-коммунистами». С глубокой радостью, с волнением отмечал Киров рост новых дарований, обязательно присутствовал на концертах юных музыкантов, отобранных на конкурсах, многим из талантливых детей сам лично помогал подняться на ноги.

С раннего детства Киров любил музыку, пение; хороший оперный спектакль был для него большой радостью. Зато плохого, шаблонного исполнения он не выносил.

Киров очень много читал: газеты, журналы, вновь выходящие книги. Он знал все новинки литературы и искусства, достижения науки и техники. Киров страстно любил природу. Дни отдыха Сергей Миронович обычно проводил на охоте, проходя пешком по лесным зарослям, по болотным трясинам десятки километров. Выносливый, неутомимый, он порой доводил до полного изнеможения даже самых крепких спутников, а потом сам же над ними добродушно подшучивал.

Пройдя через величайшую нужду, через тягчайшие испытания, Киров, может быть, именно потому особенно ярко чувствовал радость жизни, радость творчества.

«. .мы здесь, на шестой части земной суши, видим, — говорит Киров на пленуме Ленинградского областного комитета партии в июле 1934 года, — как изо дня в день, из часа в час куется новое, социалистическое общество, строится действительно могучая жизнь трудящихся, и надо быть слепым, чтобы не видеть, как сейчас весь земной шар раскололся на два гигантских, но неравных полушария: на одном ночь, мрак и запустение и мертвое слово — смерть, на другом — жизнь, работа и творчество и победное слово — вперед к новой жизни. И, товарищи, нет людей участливее тех, которые называются большевиками. На этом полушарии мы с вами несем вперед это победное знамя, и мы безусловно победим, если будем верны заветам Ленина, если будем следовать указаниям нашего любимого Сталина». В этом же 1934 году, последнем году своей жизни, своей работы, с трибуны XVII съезда партии, съезда победителей, Киров говорил:

«Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!» Но тут же немедленно Киров добавляет:

«Но есть опасность: можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что кругом творится.

А без самокритики предупредить себя от головокружения никоим образом нельзя.

Самокритика — самое надежное, единственное и самое прочное оружие для предупреждения той болезни, которую товарищ Сталин назвал головокружением от успехов». Киров был подлинным большевиком, он замечательно умел сплачивать вокруг себя людей, не только партийцев, но и беспартийных, объединять, вдохновлять их на упорную борьбу за дело Ленина — Сталина.

В Кирове была огромная сила, притягивавшая к нему всех, кто с ним соприкасался хоть раз в жизни. Источник этой силы — его безграничная преданность делу пролетарской революции, его глубокая принципиальность, его необычайная выдержка, решимость и твердость в борьбе за те задачи, которые поставлены партией, его проницательность и дальнозоркость.

Киров всегда безошибочно выбирал то основное звено цепи, за которое прежде всего нужно ухватиться в работе. Он ставил в порядок дня именно те задачи, успешное разрешение которых обеспечивало наши новые огромные успехи. Наперекор тем, кто всегда опасается, «как бы чего не вышло», Киров смело выдвигал крупнейшие новые проблемы и, побеждая нерешительность одних, рутину и консерватизм других, успешно шел к достижению намеченной цели, не отступая ни перед какими препятствиями.

Киров умел по-настоящему воспитывать большевиков. Вопросы партийной жизни, партийного воспитания он всегда ставил крепко и остро.

«Самое ценное, самое дорогое, самое близкое для всякого большевика — это ленинское воспитание членов нашей партии», — говорил Киров и подтверждал это прежде всего своей собственной работой.

«Каждый сознательный член партии должен заниматься учебой, работать над собой не только в школе», — не раз повторяет Киров.

«Каждый день нашей практики будет ставить перед каждым сознательным членом партии все новые вопросы, и разрешить их мы сможем только в том случае, когда сознательным кадрам, руководящим кадрам нашей партии то, что называется основами ленинизма, будет действительно ясно, ясно настолько, что никакие отклонения, никакие соблазны в правую или левую сторону не смогут поколебать наших отдельных товарищей». Сергей Миронович постоянно напоминает о необходимости поднятия общего культурного уровня, общего развития каждого коммуниста:

«Возьмите такую область, как литература… Литература уже является заметной, солидной частью нашей теперешней жизни, теперь она приобретает совершенно определенное влияние на огромные слои трудящихся нашей страны. Мимо этой области может ли пройти сознательный, отдающий себе отчет в работе коммунист? Конечно, нет. Самым внимательным образом он должен во всем этом разбираться».

«Вся жизнь партии, вся ее работа есть огромная марксистско-ленинская школа — такой она и должна быть. Мы должны поставить дело так, чтобы каждое наше мероприятие — постановление, решение, декрет имели популярное идейно-ленинское обоснование, которое должно быть доступно широким массам, широким слоям партии и беспартийным трудящимся». Киров учил крепко держать в руках надежный компас ленинизма, итти твердо и неуклонно по пути, который прокладывает достойный ученик и продолжатель дела Маркса и Ленина, великий стратег революции, вождь народов — товарищ Сталин.

Киров говорил, что каждый член партии должен

«.. иметь в своем коммунистическом мозгу настоящий ленинский компас. . Это будет самая крепкая основа, самое главное условие для того, чтобы наша партия сохранила единство, чтобы наша партия сумела при каких бы то ни было испытаниях выйти из всяких Затруднений и остаться той действительно ленинской, действительно железной, действительно единой партией, которая приведет нашу страну к победе». Так говорил Киров в 1926 году, выступая в Ленинграде на собрании звеновых парторганизаторов. Ту же мысль он настойчиво повторяет во многих своих речах.

В духе безграничной преданности коммунизму воспитывал Киров комсомольцев, учил их бороться за чистоту ленинского учения:

«Учиться коммунизму и овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством, везде и во всем быть последовательным борцом за коммунизм, за чистоту ленинизма, за международную пролетарскую революцию — такова центральная задача ленинского комсомола в текущий период». Киров много раз подчеркивает острейшую необходимость большевистского воспитания комсомола.

В своей речи на пленуме Ленинградского обкома партии в октябре 1934 года Сергей Миронович напоминает о только что закончившемся призыве в армию родившихся в 1912 году. «Эти призывники родились за два года до мировой войны. Сегодняшний призывник был двухлетним карапузиком, когда началась мировая война, был пятилетним ребенком, когда началась великая русская революция.

Этот человек сейчас идет охранять наше отечество, нашу родину. Ему 22 года. Призывники — цвет комсомола, цвет нашей молодежи, это будущее нашей страны, это самое сильное, самое ценное, что у нас сейчас есть… И для того, чтобы из таких людей выросли настоящие, выдержанные большевики, твердокаменные революционеры, которые действительно способны защищать нашу страну по-настоящему, и физически и идейно, необходимо хорошо поставленное ленинское воспитание. Ведь мы, люди старшего поколения, мы живем, я прямо должен сказать, пускай меня поправят люди моего возраста, — мы живем на 90 % багажом, который мы получили в старые, подпольные времена. И тут правильно говорят: не только книжки, а каждый лишний год тюрьмы

давал очень много — там подумаешь, пофилософствуешь, все обсудишь 20 раз, и когда принимаешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь, к чему это обязывает, что это значит. А комсомольцы — это всходы, выросшие уже на советской ниве, прекрасные всходы, и потому им нужно уделить особое внимание, им нужна такая школа, чтобы из них выросли настоящие строители социализма». Киров постоянно бичует косность, разгильдяйство и самоуспокоенность, которые идут рука об руку и зачастую являются первопричиной крупных прорывов в нашей работе.

За несколько недель до трагической своей гибели Сергей Миронович в речи на пленуме Ленинградского обкома и горкома партии особо останавливается на этих вопросах. Он подчеркивает большую опасность того, что «у целого ряда наших работников, и здесь в области, и у вас в районах, существует глубоко вредное для нашей работы настроение, которое можно назвать настроением самоуспокоенности». Далее Киров на конкретных примерах плохой работы по уборке исключительно хорошего урожая 1934 года показывает, «как из-за самоуспокоенности можно даже при великолепных объективных условиях терпеть неудачи в решении задач, поставленных партией».

«Самоуспокоенность — злейший враг нашей работы, — заканчивает Киров эту часть своего доклада. — Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная внутренняя тревога за дело партии». Оппортунизм во всех его видах, ставку на самотек Киров разоблачал беспощадно и в своих речах, и в своей практической работе.

«Пафос и энтузиазм, а не отдых и самотек! Тот, кто рассчитывает выполнить план первого года второй пятилетки сложа руки, на волнах самотека, — плохой хозяйственник и плохой коммунист», — говорит Киров на собрании ленинградского актива в январе 1933 года.

Десятки раз Киров доказывает в своих речах, что ставка на самотек — это характерная черта правых. В своей речи на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов в июне 1931 года Киров, со всей остротой ставя вопрос о прорыве на топливном фронте, вскрывает причины невыполнения поставленных заданий.

«Ведь, только подумайте, товарищи, если мы, благодаря своему неумению, неорганизованности, безрукости не сумеем эти 30 тысяч рабочих бросить на дровозаготовки, не сумеем выделить нужную рабочую силу на торф, — что получится? А после этого будем говорить: «Мы, конечно, за генеральную линию партии, мы, твердокаменные большевики, «левым» и правым уклонистам даем сокрушительный отпор». А на деле что получится? Худшее проявление правого уклона, чем лишение рабочих и промышленности топлива в результате оппортунистического самотека, вряд ли найдешь». Бичуя оппортунистов и самоуспокоенность, Киров крепко ставит вопрос о необходимости решительной большевистской самокритики:

«Рассуждения некоторых товарищей о том, не слишком ли много самокритики, — очень вредная штука, — говорит Киров на XVII съезде партии. — На самом деле, если плохо, если не годится, так где же об этом говорить, как не в среде нашей партии? Если я сегодня как будто ничего, смазливенький, а завтра стал неказистым, — куда же мне итти, кроме партии, за лечением?

Только таким порядком можно мобилизовать партию. Тут иногда я, грешный человек, думаю, не страшно даже, если перегнешь; тут гораздо опаснее, если не догнешь, потому что «женевская» самокритика, которой там занимаются, — и так и этак, в которой не поймешь, плохо или хорошо, — нам не к лицу, нам такой самокритики не надо.

У нас, большевиков, так ведется: если самокритика — доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится. Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин». Упорно, настойчиво и последовательно ведет Сергей Миронович борьбу с теми, кто выступает против ленинской партии: с правыми, «левыми» и право-«левацкими» уродами. Перед лицом ленинградских большевиков и перед лицам всей партии, с трибуны общепартийных съездов он неустанно разоблачает контрреволюционную сущность оппозиции всех мастей и оттенков.

На XV съезде партии, в заключение своей глубокой речи, полной едкого сарказма по адресу антипартийного троцкистско-зиновьевского блока, Киров говорит:

«.. я думаю, на теперешнем XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом. Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат. .

Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам!» Киров вел решительную борьбу с правыми, являвшимися внутри партии агентурой буржуазии, и в первую очередь кулачества, бешено сопротивлявшихся развернутому партией социалистическому

наступлению.

Гневно обличал Сергей Миронович предательскую позицию правых, стремившихся, как и троцкисты, снова надеть на наш народ ярмо капиталистического рабства.

На XVI партийном съезде Киров обрушивается всей тяжестью своих сокрушительных аргументов против правых:

«…вы должны, — обращается Киров к главарям правой оппозиции, — по-большевистски квалифицировать вашу программу и, не вдаваясь в глубоко теоретические изыскания, сказать прямо, что ваша программа по сути дела — программа кулацкая, выполнение которой в конечном счете погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма.

. .нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твердо, решительно и бесповоротно покончить с правым уклоном. Решительно, твердо и бесповоротно». В октябре 1932 года в своем докладе об итогах сентябрьского пленума ЦК на активе Ленинградской партийной организации Киров с предельной четкостью поставил вопрос о путях всяких внутрипартийных оппозиций:

«Было время, когда мы дрались с различными внутрипартийными группировками по вопросам, которые были принципиально ясны и бесспорны для громадного большинства членов нашей партии, но которые казались спорными для той или другой оппозиционной группы. Мы дрались с ними тогда внутри нашей партии, но мы в то же время предупреждали их, что борьба имеет свою логику, что всякая группа, которая будет упорствовать в своей оппозиционной борьбе против генеральной линии партии и ее ЦК, совершенно неизбежно логически скатится в лагерь контрреволюции. Сейчас все вопросы, по которым мы когда-то спорили с «левыми» и правыми оппозиционерами, решены победоносным строительством социализма в пользу ленинской линии партии».

«С врагами социализма, с людьми, которые выступают против завоеваний Октября, мы не спорим и спорить не собираемся.

Мы с ними ведем борьбу как с врагами, окончательно перешедшими на сторону белогвардейцев, в лагерь явных врагов пролетарской диктатуры.

Мы предупреждали в свое время вождей правой и «левой» оппозиции. ., что если они во-время не остановятся, то придут в лагерь контрреволюции. Мы их предупреждали, что, упорствуя в своих ошибках, они неизбежно скатятся на путь Троцкого — человека, который оказался по ту сторону баррикад, в стане злейших врагов рабочего класса. И теперь каждый может видеть, что мы были совершенно правы, что чем дальше мы продвигаемся по пути строительства социализма, тем ярче выступает контрреволюционный характер всяких оппозиционных течений.

В последнее время обанкротившиеся осколки разбитых партией оппозиций, правые и «левые» оппортунисты сомкнулись в объединенную контрреволюционную группу, поставившую себе задачей восстановление буржуазно-капиталистического строя. В этой группе мы находим не мало людей, частью выброшенных из партии, частью посредством двурушничества оставшихся в ее рядах.

Эти жалкие банкроты пытались поколебать железную мощь пролетарской диктатуры.

Они встретят сокрушительный отпор партии и рабочего класса, они подписали себе окончательный приговор, они стали политическими мертвецами». Эти знаменательные слова, произнесенные Кировым более шести лет тому назад, характеризуют политическую прозорливость Сергея Мироновича. В своей замечательной речи на XVII съезде партии товарищ Киров клеймит «обозников», трижды проклятых троцкистско-бухаринских бандитов.

Ведя неустанную и непримиримую борьбу с врагами партии, с врагами социализма, с врагами народа, Киров сплачивал ленинградских большевиков, партийных и непартийных, вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг Сталина. Киров питал глубокую любовь, безграничную преданность к великому вождю, учителю и другу трудящихся товарищу Сталину.

С глубоким волнением, с огромной силой говорил Киров о товарище Сталине:

«Трудно представить себе фигуру этого гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны.

Я должен сказать, что это относится не только к строительству социализма в целом, но и к

отдельным вопросам нашей работы. Например, если взять вопрос об обороне нашей страны, то надо со всей силой подчеркнуть, что всеми нашими успехами, о которых я говорил, мы целиком и полностью обязаны Сталину.

Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивают партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализм а».

«Товарищ Сталин, — говорит Киров, — это образец большевика в полном смысле и значении этого слова. Не случайно поэтому враги направляют свои стрелы прежде всего в товарища Сталина, воплощающего в себе непобедимость и величие большевистской партии».

Глубока, беспредельна была преданность Кирова делу Ленина — Сталина, делу мировой пролетарской революции.

В своем вдохновенном докладе об итогах январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 января 1933 г. Сергей Миронович говорил:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, для того чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, как мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма». Член Политбюро и секретарь ЦК нашей партии, Киров принимал непосредственное активное участие в разрешении всех крупнейших вопросов внутренней жизни и международной политики Советского Союза.

На Кирова ЦК нашей партии возлагает ряд труднейших и ответственнейших поручений.

Так, осенью 1930 года Киров по поручению ЦК выезжает в Закавказье, чтобы восстановить поколебленные подлым двурушником Ломинадзе единство и сплоченность рядов закавказских большевистских организаций. Киров в самый короткий срок с успехом выполняет это задание.

В 1934 году вследствие слабости и растерянности Казахстанской партийной организации создалась угроза потери богатейшего урожая в одной из житниц Советского Союза. В Казахстан ЦК партии направляет Кирова, и Сергей Миронович в короткое время организует большевистскую уборку урожая, обеспечив в самый короткий срок успешное завершение хлебоуборки и сохранение собранного хлеба.

Придавая огромное значение вопросам революционной теории, Киров участвовал в разработке ряда больших теоретических проблем (вопросы изучения истории СССР и другие).

«История большевизма, — говорит Киров в своем докладе в январе 1932 года на IV Ленинградской объединенной областной и городской конференции ВКП(б), — боевое оружие международного пролетариата в борьбе за коммунизм, непобедимое оружие рабочего класса СССР в строительстве социализма. История нашей партии учит тому, как освобождать трудящихся от гнета капитала, как завоевать диктатуру рабочего класса.

История нашей коммунистической партии есть история победоносной пролетарской революции и строительства социализма. Каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой нельзя делать пролетарскую революцию». Киров глубоко интересовался вопросами международного рабочего движения и хорошо знал его. Нашу революционную борьбу, наши завоевания, наши победы он всегда неразрывно связывал с борьбой пролетариата в странах капитализма.

«Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, — говорит Киров на торжественном заседании Ленсовета, посвященном десятилетию Великой Октябрьской революции, — что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетенный, каждый эксплоатируемый, если он действительно всерьез хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это дорога Октября и никакая другая».

«Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается, она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнет своими красными волнами страны всего мира и несомненно сметет в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света». Киров был любимцем всей партии, пользовался огромной, исключительной любовью взрослых и детей, партийных и беспартийных большевиков, рабочих, колхозников, советской интеллигенции, всех трудящихся.

Киров руководил разгромом троцкистско-зиновьевской банды в Ленинграде, оставив оппозиционных генералов без армии. Киров был в первой шеренге бойцов за единство партии,

беспощадно разоблачал всех и всяких уклонистов и оппозиционеров, вел жестокую борьбу с врагами ленинской партии, был соратником и другом великого Сталина, был одним из руководителей великой социалистической стройки, одним из тех, кто закладывал фундамент счастливой и радостной жизни советского народа.

Поэтому он был ненавистен троцкистско-зиновьевским, правым и всем прочим бандитам, врагам народа. Поэтому на Кирова был направлен удар подлых наймитов фашизма.

1 декабря 1934 года, в тот самый час, когда ленинградские большевики собрались во дворце имени Урицкого на доклад Кирова о пленуме ЦК партии, Киров у дверей своего кабинета в Смольном был сражен злодейской пулей подло подкравшегося сзади гнусного фашистского наемника, троцкистско-бухаринского бандита.

Жестокая весть о злодейском убийстве Кирова молнией пронеслась по городам и деревням, по цехам заводов и фабрик, по избам колхозников, лабораториям ученых, по детским школам и красноармейским казармам. Острой болью пронзила она нашу страну, тяжелой скорбью отозвалась в сердцах трудящихся всех стран мира.

В боли и скорби о невознаградимой утрате, в великом гневе, жгучей ненависти к фашистским убийцам — врагам народа — объединились все, кто порвал с миром насилия, нищеты, угнетения, кто под знаменем Ленина — Сталина идет вперед, к социализму, к счастливой и радостной жизни.

На удар взбесившихся контрреволюционных выродков, задумавших восстановить наемное рабство в нашей счастливой стране, наш великий народ дал твердый ответ.

Железными рядами еще теснее сомкнулся он вокруг нашей партии, вокруг нашего вождя и друга — любимого Сталина. Невиданным подъемом энтузиазма и энергии в стахановском движении показал он свою волю и непоколебимую решимость довести до победного конца строительство социализма, великое дело Ленина — Сталина, дело мирового пролетариата, за которое Киров отдал свою жизнь. Светлый образ Кирова — неустрашимого бойца, пламенного трибуна, подлинного пролетарского вождя будет жить в памяти грядущих поколений, будет вдохновлять на новые победы в борьбе за радостную, счастливую жизнь.

Товарищ Жданов в своей речи на активе Ленинградской партийной организации ярко выразил мысли и чувства всей партии, всего нашего великого народа:

«Жизнь товарища Кирова была оборвана предательской пулей злодея в период полного расцвета творческих сил покойного Сергея Мироновича. Этот расцвет его творческих сил был тесно связан с буйным расцветом социализма, который идет в нашей стране, который так ярко цветет в Ленинграде, в этом передовом форпосте коммунизма.

Вся партия, весь рабочий класс, вся страна в эти дни замерла в одном общенародном горе. Сжалось сердце партии и рабочего класса, сжалось сердце всего народа. И весь народ во главе с партией и рабочим классом поклялся над гробом товарища Кирова отомстить злодеям, убившим его, покончить с охвостьем, с подонками контрреволюции в нашей стране, вымести с нашей земли всю нечисть, тщетно пытающуюся повернуть назад колесо истории, стреляющую в новых людей созданного нами нового человеческого общества, и победно завершить дело коммунизма в нашей стране, за которое так пламенно боролся товарищ Киров.

Вся партия, весь рабочий класс и весь народ нашего Советского Союза будет свято чтить, будет беречь, как зеницу ока, память о товарище Кирове, и он, наш народ, поставит великий памятник товарищу Кирову. Это будет не только необходимое увековечение его памяти, которое связано с наименованием именем товарища Кирова городов, областей, фабрик и заводов. Мы, партия и рабочий класс, поставим памятник Сергею Мироновичу в делах социализма, в победном шествии коммунизма вперед».

В своем письме к организациям партии, изданном в связи с злодейским убийством С. М. Кирова, ЦК партии указывал:

«Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительными».

ПРОСТОТА НРАВОВ Статья в газете «Терек» 3 ноября 1912 года

/ После выхода из томской тюрьмы, в 1908 г., С. М. Киров уезжает в Иркутск. В мае 1909 г. он узнает о том, что организованная им в Томске подпольная типография попала в руки жандармов, которые усиленно разыскивают его. С. М. Киров спешно перебирается во Владикавказ (ныне г. Орджоникидзе), живет на нелегальном положении, ведет революционную работу и работает корректором, а потом и сотрудником в либеральной газете «Терек». — Ред./

Удивительная простота нравов наблюдается в нашей политической жизни! Разительные примеры этому дает на-днях организовавшаяся новая Государственная дума. Выяснилось окончательно, что в четвертой Думе неизбежно господство черных, и притом черных весьма определенного тона, тона Пуришкевичей и Замысловских /Пуришкевич В. М. — депутат II, III и IV Государственных дум, крупный помещик, монархист, черносотенец, основатель погромного «Союза русского народа». Замысловский Г. Г. — депутат III и IV Государственных дум, крайний правый, черносотенец, организатор еврейских погромов, активный участник «дела Бейлиса». — Ред./. Создается положение трагикомическое вполне. В самом деле, мы так привыкли думать, что Россия в потенции хранит неисчерпаемый источник культурных сил и богатств, и вдруг на спине ее взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеть «резиной». А ведь принято предполагать, что в парламенте собирается цвет всей страны, гордость ее.

Глядя на наш четвертый парламент, очень легко уподобиться тому оттоману, который, посетив французскую палату депутатов, воскликнул:

— Благодарю Аллаха, избавившего мою родину от столь гибельного испытания!..

Трагизм России заключается в том, что она в политическом отношении переросла анекдотического турка. Ей уже не к лицу славословить страны, в которых «слава богу, нет парламента».

И тем не менее ей приходится «гордиться» народным представительством, в котором паяцы вроде Пуришкевича играют роль посланников народа. Страна должна принимать законы из рук людей, достойных, быть может, какого угодно звания, но только не звания народных представителей.

Усиленные старания добиться во что бы то ни стало парламента, совершенно послушного, привели к тому, чтя и сами любители послушания, глядя на «молодых» депутатов, конфузятся.

Невольно возникает вопрос: что же делать с таким административным «отбором» граждан российских? Как работать с такой палатой депутатов, в которой большинство исповедует только одно ретроградство? Казалось бы, что на все эти вопросы тщетно искать ответа, вопросы неразрешимы. Оказывается, нет! Можно и такой парламент приспособить, и он прекрасно будет работать. Ведь можно же было во-время остановить хлынувших в Думу пастырей.

В первую очередь решено обратить серьезное внимание на депутатов-чиновников. Предлагается депутатам, бывшим чиновникам и исповедующим «правую» религию, переменить политическое исповедание и перейти к националистам. Ввиду того что карьера бывшего депутата третьей Думы Гололобова, уехавшего из Таврического дворца на пост полтавского вице-губернатора, у всех еще в памяти, можно надеяться, что «чиновников» в четвертой Думе окажется гораздо больше, чем ожидают.» Памятуя о своей дальнейшей карьере, многие депутаты охотно примут предложение пересесть к Балашову и Крупенскому /Балашов П. Н. — крупный помещик, член III и IV Государственных дум, ярый реакционер. Крупенский П. Н. — крупный землевладелец, черносотенец, депутат II, III и IV Государственных дум. В Думе выступал с погромными речами против левых партий — Ред./ в надежде, что такое их послушание занесется в депутатский формуляр как знак отличия по службе.

Кроме внушения депутатам-чиновникам проектируется, как сообщают газеты, сделать соответствующее предложение правым вообще. Предполагается выделить ретроградов и умерить реакционный пыл остальных. В результате всех этих мероприятий и предложений надеются из октябристов, националистов и правых создать нечто среднее, на которое и будет опираться совет министров.

Невероятного в этих случаях нет ничего. Всем давно известно, что наши политические деятели, сидящие направо, отличаются удивительной способностью перекрашивать себя в случае надобности. И делают они это чрезвычайно просто. Весь этот процесс занимает ровно столько времени, сколько его потребно для того, чтобы пересесть с одного кресла на другое.

Такая простота политических взглядов господствовала и в третьей Думе. «В зависимости от обстоятельств» там происходили очень существенные перегруппировки.

Это депутатское хамелеонство объясняется тем, что огромное большинство наших депутатов в силу многих условий имеет весьма отдаленное отношение к населению. Депутаты часто совершенно не

связаны с пославшими их, и поэтому на всякое свое поведение они смотрят с точки зрения «как прикажете». Куда подует политический ветерок, в ту сторону и поворачивается большинство думских законодателей. Отсюда и делают свое заключение официальные газеты, что в четвертой Думе нет черной опасности.

ОБЪЕДИНИТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Доклад и заключительное слово на Народном съезде Терской области в Моздоке 11 февраля (29 января) 1918 года

/Примечание редакции: Терская область до революции числилась казачьей областью, хотя казаки там составляли меньше 1/5 всего населения — вдвое меньше, чем горцы. Накануне империалистической войны казачество владело 60 % годной для обработки земли, в разное время отнятой казаками у горцев. Составлявшие значительную часть населения так называемые «иногородние» крестьяне, как правило, своей земли вовсе не имели, а арендовали ее у богатых казаков на кабальных условиях или батрачили у этих казаков. В период Февральской революции все эти противоречия чрезвычайно обострились.

Тотчас после Октябрьской революции казачьи верхи объединились с горской буржуазией и горскими феодалами и, опираясь на вызванные с фронта части «дикой дивизии» и казачьи полки, повели решительное наступление против революционных рабочих организаций, в то же время всеми средствами разжигая вражду между казаками и горцами, между казаками и «иногородними» крестьянами, между отдельными горскими народами.

В феврале 1918 года в маленьком городке Моздоке, с преобладающим богатым казачьим населением, был созван Народный съезд Терской области. Фактически он был организован контрреволюционным казачьим офицерством, которое и участвовало в нем в немалом количестве. В то же время ингуши и чеченцы совсем не были приглашены на съезд. Большевики мобилизовали свои силы для участия на съезде. Пятигорскую группу представителей возглавлял С. М. Киров, владикавказскую группу — большевик Ной Буачидзе.

Официальной целью съезда было создание «твердой власти». Казачье офицерство ставило себе на съезде определенную задачу: добиться утверждения съездом уже начатой казаками «войны на истребление» против ингушей и чеченцев (наиболее ограбленных и потому наиболее беспокойных непосредственных соседей терских казаков). Для «поддержки» своих предложений организаторы съезда вызвали в Моздок от каждой станицы по 50 «надежных» казаков в полном вооружении.

К немедленному признанию пролетарской революции массы крестьян, казаков и горцев не были подготовлены. При таких условиях прямо поставить на съезде вопрос о признании Советской власти значило изолировать большевиков, толкнуть население в объятия контрреволюционного казачьего офицерства и не менее контрреволюционных горских феодалов и буржуазии.

Большевики с С. М. Кировым во главе решили применить тактику объединения всех трудящихся против наступления контрреволюции, лелеявшей надежду протащить на съезде любезную ее сердцу «учредилку».

Совместно с меньшевиками-интернационалистами и «левыми» эсерами большевики создали «социалистический блок» под лозунгами: объединения всех революционных сил и организации на местах действительной власти трудящихся, организации отпора контрреволюции и немедленного прекращения междоусобной и межнациональной войны. К этому блоку присоединились также правые меньшевики и эсеры. Фактическим руководителем «социалистического блока» был С. М. Киров.

На съезде под влиянием агитации нескольких «левацки» настроенных большевиков группой делегатов было выдвинуто предложение немедленно обсудить вопрос об отношении к власти Совета народных комиссаров.

С. М. Киров от имени «социалистического блока» выступает против этого предложения, угрожающего внести раскол в ряды большинства съезда, которое с такими невероятными трудностями удалось создать.

Съезд принял предложение тов. Кирова и снял с обсуждения вопрос об отношении к Совету народных комиссаров.

Учитывая неблагоприятный состав съезда и крайне тяжелое внешнее его окружение, С. М. предложил не производить в Моздоке выборов постоянного верховного областного органа, отложив их до II сессии съезда. Съезд был объявлен «I сессией Народного съезда Терской области», и сейчас же была назначена II сессия съезда — уже в Пятигорске, где Совет и воинские части находились под влиянием большевиков. На II сессию съезда были приглашены все народности Терской области, в том числе ингуши и чеченцы. — Ред. /

= =

Товарищи и граждане! Съезду угодно было по вопросу, поднятому 132 делегатами, выслушать мнение «социалистического блока». Последний возложил эти обязанности на меня. Я вполне

учитываю всю трудность своей задачи.

Прежде чем изложить нашу точку зрения на поднятый здесь вопрос, я должен напомнить, что мы, социалисты разных течений, пришли сюда на съезд вовсе не за тем, чтобы демонстрировать перед съездом свои партийные различия. Напротив, наша задача — показать съезду те точки соприкосновения, которые нас объединяют, ибо мы знаем, что грозный момент, переживаемый нами, требует напряжения и объединения всех наших сил как авангарда демократии. Нам здесь нужно объединиться и создать прочный кулак, чтобы избежать нависшей опасности). Я думаю, что для нас сейчас важнее всего указать те пропасти, которые лежат на пути перед демократией нашей области и всей страны.

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения на вопрос, поднятый здесь, необходимо остановиться на другом — на характеристике текущего момента, которым живет сейчас Россия.

Несмотря на то, что мы лишены газет, мы чувствуем, что Россия переживает тяжелый момент, и нами должно руководить одно желание: спасти во что бы то ни стало завоевания революции. И если мы посмотрим на то, что делается на Руси, то для каждого из нас станет ясной необходимость того твердого общедемократического фронта, который может спасти завоевания свободы.

Если мы в этом отношении сговоримся, то тогда легко ответим на вопрос, как мы должны относиться к тем или иным органам, выдвинутым революцией.

Как живет теперь Россия?

Революционная Россия в настоящий момент разделилась на много отдельных оазисов, почти ничем между собою не связанных. В то время как в центральной России твердо установилась Советская власть, на окраинах творится совершенно иное. В Финляндии бьют на то, чтобы оторвать ее от революционной России; на юге вся Россия разбилась на многие районы, политически ничем не связанные, ведущие между собой жестокую борьбу. Каждая область хочет жить самостоятельно: одни стремятся водворить Советскую власть, как в Петрограде, другие борются за свержение Советской власти. В последнем отношении особенно жестоко выступает «тихий Дон», который теперь превратился в широкий поток человеческой крови. На Дону засели большие силы контрреволюции, которые стараются воспользоваться былой дисциплиной казачества, силятся раздавить демократическое движение на Дону, а затем направить свои силы против центральной России. Страна, свыше трех лет изнемогавшая от страшной европейской войны, стонет теперь в тисках войны гражданской.

Россия разбилась на два враждебных лагеря. Одни борются за утверждение в России народовластия, другие не останавливаются ни перед чем, чтобы набросить на свободный народ мертвую петлю. Эта контрреволюционная волна началась с первых же дней революции.

Для народа важно было удержать власть в лице Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Другая часть, буржуазия и крупные землевладельцы, если и не особенно скучают без царя, то без жандармского отделения жить не могут, и они начали борьбу с нами с первых же дней революции и определенно усилили ее после того, когда буржуазии промышленной и земельной стало ясно, что трудовой народ преследует в революции цели широких экономических завоеваний. Демократия России стремится создать такой порядок, чтобы вся тяжесть наследия войны пала на плечи богатых. Демократия борется за мир, за землю, за рабочий контроль на производстве. Демократия считает, что земля должна безвозмездно перейти в руки народа. Однако, как бы законны ни были эти стремления демократии, они встречают ожесточенное сопротивление со стороны владельцев земли.

И буржуазия энергично занялась мобилизацией своих сил, в центре которых стал генерал Каледин.

И если вокруг Каледина группируются все враги народа, от Пуришкевича до Милюкова, то мы, чтобы должным образом встретить грозную опасность, должны выравнять революционный фронт, мобилизовав все активно-революционные социалистические силы. Мы знаем, что если победит контрреволюция, то погибнут не только большевики, но и все социалисты.

Положение в Терской области то же, что и в России. Местами господствует, худо или хорошо, Советская власть, местами царит военная диктатура, берущая за горло социалистов. II у нас, как и в России, положение крайне запуталось. Терская область разбилась на несколько частей, ведущих между собой кровавые бои. И если в России широкой волной разливается гражданская война, то у нас она представляет особенно грозную опасность. Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь, будет погублено.

И во Владикавказе уже, где недавно боялись на общественном собрании назвать себя кадетами, теперь смело называют себя сторонниками старого строя. И вот эти люди с нетерпением ждут

момента, когда разные народности кинутся друг на друга.

Нам необходимо сказать на всю область, чтобы демократия объединилась, перестала заниматься перемыванием косточек друг другу.

Если мы этого не сделаем, то будем разбиты по частям. Если перед победным шествием народа ничто в мире не может устоять, то это при условии, что он идет стройными рядами. Если он идет отдельными ротами, то будет разбит.

Невольно приходится ответить на запрос «социалистическому блоку» 132 депутатов о нашем отношении к Совету народных комиссаров. Прежде чем выяснить, что такое власть Совета народных комиссаров, надо ответить, как создать такой порядок, при котором интересы демократии будут удовлетворяться в первую очередь. Путь к этому один — это утверждение истинного народовластия. Здесь хотят признать власть Совета народных комиссаров, но те товарищи, которые думают, что Совет народных комиссаров одним мановением руки может водворить порядок, ошибаются. Только сама демократия Терской области может успокоить наш край, и никто либо другой. Ведь это в прежнее страшное время думали, что Питер, [царская власть], даст все нужное всей стране, и за это страна поплатилась миллионами напрасно загубленных жизней. Не Советы, которые от нас сейчас далеко / Советская власть была установлена в то время только севернее Донской области, занятой бандами Каледина/, а сама демократия, только сам народ может вывести нас из полосы анархии. Если трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то и Совет народных комиссаров вам не поможет. Здесь говорили, что декрет Совета народных комиссаров разрешил земельный вопрос. Вы ошибаетесь. Я сам принимал участие в создании земельного декрета. Там сказано, что вся земля с переходом власти к Советам переходит к народу. Но как получат землю Петр и Иван, там не сказано. Там важнейшая часть — инструкция, как делить землю, — написана со слов крестьян. Сам народ должен писать себе законы, и вы сами должны работать и думать, как лучше разделить земли помещиков и свободные земли. Если сам народ не организуется, не будет сам творить законы, то декрет вам не поможет, и земли вы не разделите и вообще не получите.

До сих пор мы не жили своей жизнью. Мы жили по милости терского, горского, войскового и других правительств. Сам народ не выделил еще народной власти. Пока этого нет — в опасности и земля и все завоевания революции. Поэтому мы думаем, что, прежде чем создавать власть, надо выделить демократии свои силы и слить их в одно.

Учитывая, что каждый день организуются черные силы, думающие в братоубийственной войне задушить все завоевания революции, мы говорим, чтобы прежде всего в каждой деревне, станице, ауле народ нашел в себе силы утвердить народоправство, создав органы власти.

Между Терской областью и Советом народных комиссаров стоит с полчищами генерал Каледин, и пока там не будут разбиты контрреволюционные полчища, с севера ждать помощи нельзя. Нам надо рассчитывать только на свои силы и задушить свою контрреволюцию. Поэтому, когда мы пришли на съезд, мы в нашем приветствии к вам призывали вас создать единый фронт. Мы хотели быть образцом для вас. Мы недавно сидели в Советах врозь, теперь стоим в одном ряду. И если в Терской области можно спасти положение, то только единым фронтом. Знайте, мы, революционная демократия, на это пошли во имя того, чтобы спасти область от кошмарного шествия гражданской войны.

Мы говорили, что пойдем на все, но не пойдем на то, чтобы вырыть между нами черную пропасть. Помните, что если легко признать и провозгласить Советскую власть, то так же легко провозгласить и другую власть, от которой будет больно всем. Если вы не пойдете единым фронтом, то мы все погибли. Нам нужно расчистить кровавую атмосферу, дать населению свободно дышать, чтобы делегаты, сидя здесь, не боялись, что в станицах их дома разрушаются. У нас условия страшнее, чем на Дону. Мы все более и более погружаемся в пасть анархии. Если мы не создадим единого фронта, то на следующем съезде создастся такое положение, что демократ не будет понимать демократа. На нас наступают. Нам «не до жиру — быть бы живу».

В блоке смотрят на власть Совета народных комиссаров по-разному. Но у нас есть демократическая платформа, на которую мы призываем встать весь съезд; мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян. Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих, интересы мозолистых рук, скажут: «Да здравствует Республика солдат, крестьян и рабочих!» (Бурные аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Некоторые ораторы, ссылаясь на станичные наказы, призывали признать Совет народных комиссаров. Я не отрицал этого, я говорил, что нужна народная власть, но заявлял, что для авторитета этой власти нужно объединение всех народов нашей области.

Здесь говорили: чтобы разбить ингушей и чеченцев, надо признать власть Совета народных

комиссаров. Но ведь тогда завтра и ингуши соберут съезд и признают власть Совета народных комиссаров, чтобы разбить казаков. Вся беда в том, что казаками и горцами правили люди, чуждые интересам народа. Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти. Во имя народоправства надо отказаться от гражданской войны.

Отвечая далее на возражения ораторов, С. М. Киров подчеркивает, что демократия неизбежно приходит к признанию Советской власти.

Настал радостный момент, когда все искусственные препятствия, строившиеся врагами народа, рухнули и народ сам говорит о своих болях и запросах души.

Делегаты разъедутся по домам и там расскажут о голосе народа. Все, что боится народоправства, уже трепещет. Если они очищают дорогу, когда мы не успели еще собраться, то это первая победа Моздокского съезда. Будут другие великие победы. Мы начинаем понимать друг друга. Мы продолжим наши работы, и я надеюсь, что тогда с нами будут истинные представители других народностей, которых кое-кто считает за извергов. Тогда, в более спокойной обстановке, мы не предадим своих политических убеждений под угрозой оружия и признаем искренно власть Советов. Я слышу недовольные голоса. Но кто говорит против этого, тому остается лишь чистить винтовку, точить шашку.

Наша задача — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти. Объединение даст нам спокойную жизнь, и мы услышим свободную песнь радостной, мирной жизни. Создайте демократический фронт, и вы победите все, что стоит перед вами! (Бурные аплодисменты.)

С. М. Киров предлагает принять резолюцию следующего содержания:

«Обсудив вопрос в заседании 29 января о текущем политическом моменте, Терский областной съезд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контрреволюционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны и сделают все к тому, чтобы углубить ее и расширить.

Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности, и главным образом организации сельского населения без различия национальностей.

Вместе с тем безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революцией момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, объединения всех элементов страны, борющихся за Республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту Республику можно успешно побеждать контрреволюцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых интересами революционной демократии, необходимо прежде всего создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в глазах масс населения без различия сословий и национальностей.

Такая власть может быть создана только на общеобластном демократическом съезде рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский край.

Новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией, как то: земельный вопрос, правовой, рабочий, продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и пр., проявить самую широкую инициативу в деле организации всей области».

Делегат съезда Науменко задает вопрос: «Кому будет эта власть подчиняться?»

Люди так привыкли кому-либо подчиняться, что, не успев создать власть, спрашивают, кому ее подчинить. Сейчас фактически вашу власть вы никому подчинить не можете, пока там, на Дону, царит Каледин. Часть Кавказской армии признала власть Совета народных комиссаров. Ей были посланы деньги, но их перехватил Каледин. Вы создайте революционную демократическую власть, и она, конечно, будет подчиняться только общенародной власти.

Резолюция ставится на голосование и принимается съездом в составе свыше 400 делегатов единогласно под гром аплодисментов на всех скамьях и многочисленной публики у входов.

ЗА РЕСПУБЛИКУ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ!

Доклад и заключительное слово на II сессии Народного съезда Терской области в Пятигорске 5 марта (20 февраля) 1918 года

Товарищи и граждане! Если на первой сессии Народного съезда в Моздоке мы говорили о том, что общероссийские условия жизни и условия жизни Терской области проходят под знаком борьбы трудового народа, то вторая сессия съезда проходит под знаком таких событий, которые должны возбудить в нас последнюю силу и волю к борьбе за осуществление наших надежд. На нашем внешнем фронте произошли события, перед лицом которых мы должны признать, что все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится Республика трудовых масс.

На нашем западном фронте началось наступление германских полчищ. Этому наступлению предшествовал длительный период мирных переговоров, на которых я не хочу останавливаться, но которые закончились тем, что германский империализм наотрез отказался признать формулу революционного мира без аннексий, т. е. без захватов, и контрибуций и на основе самоопределения народов.

Германский империализм, долго наблюдавший внутреннюю жизнь России, убедился, что в самой России нет элементов, которые могли бы вернуть ее в лоно буржуазного строя. И в то время, как Россия окончательно утверждала Республику рабочих, солдат и крестьян, германские полчища двинулись в глубь России и имеют намерение проникнуть к самому революционному сердцу ее — Петрограду. Я не знаю, насколько правдивы сведения, но есть основание считать, что германские войска действительно идут на Республику Советов, и есть основание опасаться, что они не остановятся перед тем, чтобы набросить мертвую петлю на Великую российскую революцию. Германский империализм, который потерял надежду внутри России получить необходимые ему контрреволюционные силы, решил собрать свои собственные силы и выпустить кровь из российского пролетариата и идущего с ним об руку революционного крестьянства.

Есть один документ, в действительности которого вряд ли можно сомневаться, который говорит, что на согласие народных комиссаров на занятие части русской территории, германские империалисты ответили, что они «не воюют» с русским народом, но что «вопли» со всех концов России «о помощи», «заставляют» их итти против советской власти. Вот каковы «задачи» германского наступления, по словам германцев.

При таких условиях все удары контрреволюции, возможные в центральной России, сугубо угрожают и Терской области.

Поэтому, если на Моздокском съезде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты Республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить наши силы для еще большего торжества этого лозунга.

Говорят, что нам необходимо расширить базу нашей опоры. Но это, верное на первый взгляд, утверждение может быть опасным для дела революции в Терской области. Будем говорить откровенно — революционный год прошел, в сущности, мимо Терской области. Если Терская область и улавливала до последнего времени что-либо из Великой российской революции, то больше грязную пену революционных волн, чем ее здоровое содержание. Достаточно сказать, что после каждого переворота к нам сюда попадали все те элементы, какие выбрасывались из центральной России. Достаточно примера того генерала, который слишком увлекся удушением революции и после июльских дней очутился здесь, и не рядовым лицом, а желанным гостем — ему было поручено формирование национальных полков. {Голос: «Половцев» Половцев П. — генерал, летом 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа. Руководил подавлением июльского выступления петроградских рабочих и разгромом «Правды». После Октябрьской революции — белоэмигрант.)

В то время как в центральной России господствовала власть Советов, здесь царила крупная земельная буржуазия. Так, например, у нас еще существует терско-дагестанское правительство, которое считает себя живым. У нас только теперь начинают сплачиваться силы революционной демократии. Только 25 января, почти через год после начала революции, демократия Терской области могла встретиться без посредников и заявить твердо, смело и определенно, что она собралась не для слов, а для революционного творчества. И если это так, то лозунг защиты Республики крестьян, рабочих, казаков и горцев должен приобрести для нас еще большее значение. Надо понять, что внешнее наступление таит в себе грозную опасность потому, что оно будет встречено не без ответа внутри России. Ибо если у настоящих революционеров сейчас болит душа и они собирают все силы для борьбы с внешним наступлением, то есть элементы, которые постараются внутри России создать условия, благоприятные для взрыва. И если мы теперь же не отметем в сторону контрреволюционные силы именно этим лозунгом, то они постараются разложить и погубить нас. Огромнейшее значение приобретает задача разделить население

области на две части — имущих и неимущих — и тем дать возможность демократии осознать себя.

Вы все помните, что первым словом, какое нам пришлось услышать на Моздокском съезде, было слово война. Нам указывали на необходимость начать борьбу с теми племенами, которые создали себе такую дурную славу. Нам говорили о необходимости ударить по этим племенам так, чтобы покончить не только с абречеством, но, как говорили некоторые горячие головы, и с обоими племенами. Я хочу верить, что Это говорилось только в пылу страстей.

Вокруг нас горели костры гражданской войны. Но, так или иначе, нам удалось тогда погасить эти шовинистические порывы и предотвратить пожар войны. К сожалению, полученные вчера известия говорят о новых продолжающихся вспышках гражданской войны, и опасность организованных выступлений с той и другой стороны налицо. И я не ручаюсь, что в настоящий момент, когда я говорю это, на Сунже такое организованное наступление не ведется.

Если вы признаете, что это так, что опасность в Терской области есть, то это еще более должно убедить вас в необходимости сплотиться вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев». Надо сказать откровенно, что за 12 месяцев революции были испробованы все способы устроения жизни в Терской области. И ни один из этих способов не дал положительных результатов. Мы стоим еще одною ногой над пропастью.

Не надо думать, что мы могли бы своими силами потушить пожар и справиться с Терской областью. Все те, которые выступали вчера с весьма решительными заявлениями, — я думаю, что в них говорит не разум, а голос политических страстей, — если бы они выслушали внимательно нашу мирную делегацию, которая вела переговоры с ингушами, они бы поняли, что между нами и ингушской демократией уже есть связующие нити. Надо только продолжить их, и мы без оружия дошли бы до разрешения всех вопросов.

Я может быть слишком подозрителен, но обратите внимание на следующее. После 25 января в области наступило успокоение. И вдруг 15-го числа, в день открытия съезда, именно 15–16 февраля, на Сунже начались бои.

После Моздокского съезда во Владикавказе бывали ингуши, и с ними ничего не случилось. Но стоило только открыться второй сессии Народного съезда, как во Владикавказе убито три ингуша. Это были не делегаты, а только сопровождавшие их. Тот, кто знает бытовые и нравственные устои туземных народов, тот понимает, на что было рассчитано это грубое убийство. А что было бы, если бы убитыми оказались делегаты?

Черная рука работает, чтобы сорвать Народный съезд, сорвать дело единения трудящихся.

Так же работает она и в Чечне.

И не только шовинисты стоят поперек революции, но стоят и те, которые еще недавно считали себя поборниками революции.

Только вчера вы слышали телеграмму из Нальчика о том, что окружной комитет не признает народной власти и заявляет о поддержке терско-дагестанского правительства в созыве им Учредительного собрания.

Все это зовет нас, товарищи, к объединению, ибо, я утверждаю, если мы не сумеем укрепиться на фундаменте единения сил трудовых народов, то наша революция в Терской области будет сорвана, будет сорван наш путь ликвидации мирным путем всех недоразумений и столкновений.

Вам будут говорить, что вот это можно делать только во всероссийском масштабе, а это только тогда, когда во всей России будет установлено единообразие. А в это время черная рука контрреволюции будет натравливать один народ на другой, и от демократии Терской области, как организованной силы, не останется и следа.

События, которые сейчас происходят на нашем западном фронте, стоят в тесной связи с тем, что произошло на Дону.

Вы знаете, что там шла титаническая борьба революции с контрреволюцией, которая завершилась победой пролетариата. И когда пал Дон, оплот реакции, началось немецкое наступление.

Вам известно, что реакционные силы, собравшиеся на Дону, находились в какой-то связи с капиталистами наших «союзных» стран. И немедленно после падения Дона империалисты решили наступать извне на Республику рабочих, солдат и крестьян.

И вы должны понять, что с падением Дона реакционные банды передвинулись на Кубань, а оттуда перейдут на Терек.

И это должно заставить нас твердо придерживаться принятого курса. Ибо никто не сумеет

доказать, — я это утверждаю, — что мы вступили на неправильный путь.

За очень короткий срок сделано уже много, когда работа шла в условиях крайне неблагоприятных. В Моздоке было сказано, что в борьбе с экономической разрухой, в борьбе с анархией Терский народный совет должен уйти с головою в гущу сельской жизни.

И пока в каждом ауле, в каждой станице и селении не будет утверждено народовластие, — никто не имеет права сказать, что мы взяли неправильный курс. Дайте нам утвердить народоправство всюду и везде, без всякой примеси элементов, чуждых интересам народа, и тогда говорите, насколько правилен наш путь.

Те же депутаты, которые с Моздокского съезда вернулись сюда, говорят, что народная власть уже дает положительные результаты. (Аплодисменты.)

Характерно, что главные враги революции в Терской области, землевладельцы и князья, затрепетали после 25 января.

Кумыкские князья, которые спокойно жили вблизи Грозного даже в период власти там грозненского пролетариата, теперь совершенно растерялись.

Характерно, что все они бегут из столицы области на места, чтобы там спасти хоть что-нибудь.

Кумыкские помещики торопятся присоединить Кумыкскую плоскость к Дагестану, чтобы таким путем спасти свои земли, свое княжеское господство.

И вот, не в обиду и укор будет сказано «туземцам» — при встречах с нами их трудовые элементы всегда говорят, что мы всегда с социалистами, разделяем их взгляды и будем итти с ними рука об руку. (Аплодисменты.)

Но, к сожалению, так сложна и запутана их жизнь, что на деле они этого почти не проявляют.

Когда, например, князь Капланов, потерявший доверие у всех, должен был бежать из Владикавказа, то уже через несколько недель он председательствует на окружном съезде трудовых кумыков.

И я повторяю, что если мы все не сплотимся деятельно вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», мы не только все здесь потеряем, но не окажем поддержки и тем, кто борется сейчас с опасностью извне. (Аплодисменты.)

Надо сказать, что при всем росте сознания нашей демократии мы все-таки не имеем здесь настоящего революционного сознания. Ибо и сейчас еще на съезде раздаются речи, которым здесь по-настоящему не место.

Моя речь была бы неполной, если бы я не указал конкретно на схему основ организации власти. Я не хочу быть слишком смелым, но скажу, что кто непосредственным образом не обжигался о пламя гражданской войны и не задыхался в парах человеческой крови, тот невольно призывает к творчеству власти по четырехчленным и иным системам. Когда мы возвращались с Моздокского съезда, нас многие спрашивали, как мы относимся к созыву местного Учредительного собрания. Нам говорили: пока вы не выясните своего отношения к этому вопросу, дело устроения области останется сомнительным.

Я скажу то, что говорил в Моздоке. Там мы признали одну простую истину, что для того, чтобы устроить жизнь в области, надо отбросить всех богов. Надо внимательно взглянуть на почву и посмотреть, что на ней произрастает и много ли там плевел. Мы говорили, что нам надо собрать свои силы, объединить их и выявить под углом защиты интересов трудящихся масс. Что же касается местного Учредительного собрания, то оно нас принципиально мало интересовало. Практически же мы знаем, что если оно будет создано, то в нем первую скрипку будут играть те, которых мы еще не успели сбросить в исторический тартар. (Шумные аплодисменты.)

Мы говорим, что готовы явиться в какое угодно Учредительное собрание, являться хоть каждый месяц, но только при одном условии: с надеждой на успех утвердить в нем народовластие. И пока наши ряды не упрочены, пока мы знаем, что Этой надежды нет, — ибо как раз сторонниками скорейшего созыва Учредительного собрания являются наши враги, — пока казак не может говорить с чеченцем, а ингуш с казаком, Учредительное собрание будет для нас только ловушкой.

Я знаю, что нам будут много возражать сторонники быстрейшего созыва Учредительного собрания, но я прошу их осветить одно обстоятельство: как прошли выборы во Всероссийское учредительное собрание? Результаты неизвестны до сих пор, и во многих местах области они не производились вовсе. Нам возразят: а как же съезд собирается аккуратно? Но разница между Народным съездом и Учредительным собранием огромна. Мы зовем сюда, на съезд, все живое, все энергичное, что таится в недрах демократии, наиболее активные элементы ее, которые явятся к нам во что бы то ни стало. Нас не пугает то, что при выборах того или иного депутата будет нарушена какая-нибудь

формальность, — это пустяк. Но мы Знаем, что при выборах в Учредительное собрание как раз это обилие формальностей будет играть наруку нашим врагам и погубит нас.

И я кончу так, как начал: мы готовы выполнить все формальности, мы готовы явиться куда угодно, одеться в какой угодно костюмчик, но мы сделаем это тогда, когда не будем бояться встречи с нашими врагами не только на улице, но и в парламенте.

Мы готовы расширить нашу базу, наше основание — ведь это является такою понятною истиною. Но мы говорим, что лучше опираться на три кулака, чем на четыре, если один из них будет стараться сбросить народную власть. А такие примеры в истории всех революций бывали, сколько угодно.

Если сейчас непрерывно, и день и ночь, из самого живого тела Терской области льется кровь, если расхищаются скудные богатства края, если самые цветущие места области превращаются в пустыню, то это потому, что положение мало изменилось. Хотя мы и имеем радостное явление, свидетелями которого являемся сейчас / С. М. Киров имеет в виду достигнутое на съезде единство всех трудящихся против наступления контрреволюции /, но условия кругом нас страшно тяжелы. Я не знаю, как мы справимся с задачами, какие стоят перед нами, если соотношение сил на этом съезде не изменится. Я говорю с глубоким сожалением, что среди туземных депутатов здесь нет представителей тех народов / С. М. Киров имеет в виду ингушей и чеченцев. /, которых здесь называли огульно врагами порядка и мира. Я не смотрю на них так безнадежно и считаю, что революционности у них имеется достаточно. И если завтра они были бы среди нас, на девяносто процентов дело революции было бы у нас спасено.

Но даже теперь я утверждаю, что, если на Сунже и Тереке льется человеческая кровь и ведется организованная или неорганизованная война, — там победителей не будет, там будут только побежденные. Когда я говорил, что на Дону льются потоки крови и что там победит революционная демократия, вы аплодировали этому, но войне на Тереке и Сунже аплодировать не придется. Поймите, наконец, что единственный путь и для вас, казаки, и для вас, горцы, — это во что бы то ни стало, ценою каких угодно жертв протянуть друг другу братскую руку. Ибо какие бы вы жертвы при этом ни приносили, они будут несравненно меньше тех жертв, какие дает война. Вот война длилась только один день —15-го — 16-го, и уже погибло с обеих сторон сто человек. Сколько их погибнет еще? Я спрашиваю воинственных — сколько они еще потеряют?

Представители горной Чечни говорят, что там народ уже задыхается: там платят 150 рублей за 5 пудов кукурузы, там голодают, там пухнут от голода. Вот к чему привел этот способ ликвидации всех больных вопросов.

Представители казачьей фракции говорили здесь, чтобы поставить первым их вопрос о войне и мире. Товарищи казаки! Вы пропустили способ решения вашего вопроса. Для Этого надо было решить все вопросы, стоящие в программе работ съезда, — вот путь, на который мы вас звали все время. И, как и в Моздоке, мы призываем вас к этому, говорим, что единственное, что нам остается, это чтобы каждому рабочему, солдату, крестьянину, трудовому казаку и трудовому горцу шире развернуть наше революционное знамя и итти с ним к братству народов.

(Оратор покидает трибуну под гром аплодисментов, переходящих в овацию.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи и граждане! Мне чрезвычайно прискорбно, что при краткости времени приходится возобновлять перед вами те основные положения, какие я выдвинул в своем докладе. Но, к глубокому моему сожалению, все выступавшие по моему докладу — или, вернее, по части моего доклада — не усвоили основную линию доклада. Все положения возражающих сводятся к двум: одни говорили, что центр тяжести всего Киров направил в сторону казаков, другие утверждали, будто я не дал прямого ответа на вопрос о войне и мире. Мне особенно прискорбно слышать это от тех депутатов, которые были на Моздокском съезде. Я все время подчеркивал, что с нашей точки зрения мы не видим никакой разницы между демократией русской, казачьей и горской, и мы закрепили это даже в своем воззвании ко всем народам Терской области на Моздокском съезде. Я думаю, что это простое недоразумение. Было бы по меньшей степени странно, чтобы на демократическом съезде, в докладе представителя социалистического блока, проглядывала та племенная вражда, которую мы призваны ликвидировать. Мы зовем всех трудящихся к объединению, и я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорят, что в этом повинны ингушский и чеченский народы, — те творят политическое преступление. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.)

Но я говорил, что так же преступно считать и все казачье население враждебным по отношению к туземным народам. Я говорил о горячих головах казаков и горцев, и говорил не без основания. Тот, кто знает события в Грозном, кто читал об этом в газетах, тот помнит, вероятно, как около Назрани ингушская молодежь бросилась с винтовками на пассажиров поезда и как старики-ингуши удерживали их и спасали русских и казаков, закрывая их полами своих черкесок, своим телом. Вот горячие молодые головы из ингушей! Но и среди казаков есть такие головы. В моем распоряжении

имеется документ, источник которого я не хочу называть, но который отлично известен многим казакам. В нем один казачий «военнореволюционный комитет» в очень резкой, грубой и недопустимой форме от имени казаков, которые истомились и исстрадались, требует прямо покончить дело с чеченцами войною. Я этот документ привожу не потому, что хочу кого-либо скомпрометировать, но я хочу сказать казакам, что раз и навсегда надо покончить с точкой зрения огульных обвинений целого народа. И если полного осуждения достойна та фанатичная часть туземного населения, которая подбрасывает письма с требованиями принять мусульманство, если такую агитацию мы называем преступною, то как назвать те формы выражения мыслей, какие допущены в вышеуказанном документе?

И совершенно прав тот оратор, который говорил, что мы, демократия Терской области, собрались вместе почти впервые и что нам надо договориться до конца. Ибо если мы часто будем обвинять друг друга в том, в чем мы совершенно неповинны, то из этого ничего хорошего для нашего общего дела не будет. И, конечно, не нам, социалистам, вы можете говорить, что мы обвиняем какой-нибудь народ. Зачем пришли сюда представители социалистических партий? Вы можете нас обвинять в чем угодно, в каких угодно преступлениях, но в одном преступлении вы нас упрекнуть не имеете права: будто мы возлагаем всю ответственность за происходящие сейчас в области события на один народ. Это обвинение достойно тех господ, которые сидят сейчас во Владикавказе и распускают провокационные слухи о первом почине народного творчества. Здесь мы имеем дело со всею объединенной демократией Терской области и только с нею. (Аплодисменты.)

Этого заявления, я думаю, совершенно достаточно, чтобы рассеять всяческие недоразумения.

Один из ораторов говорил, что мы пришли сюда за правдой и ждем ее от новых людей — социалистов. Я готов приветствовать это искреннее желание найти правду. И тот же оратор сказал, что если эту правду мы не найдем, то мы погубим и революцию и Россию. И мы, социалисты, говорим, что необходимую для народа правду мы пришли сказать до конца. Вот для этой правды и составлена программа наших работ. И я имею смелость утверждать, что если мы не решим всех этих вопросов, то мы не доведем нашего правого народного дела до конца. Я говорю это потому, что один из ораторов сказал мне в ответ: достаточно признать власть народных комиссаров, и все будет сделано, все вопросы будут решены. Но кто решит их и кто сделает за нас? Ибо от принятия одной резолюции жизнь не устраивается, и демократия не будет чувствовать себя в лучших условиях.

Горская демократия знает, что горцы собирались не раз на всякие съезды и совещания и выносили не раз всякие прекрасные резолюции. Но что осталось от всех этих резолюций? — спрашиваю я горцев. Надо понять, наконец, что если мы сами не решим всех этих вопросов, то за нас никто их не решит. В нашей программе имеются все больные вопросы, которые мучают демократию: и вопрос о земле, и национальный вопрос, и рабочий вопрос, и т. д. И если мы теперь же не найдем общего языка вокруг этих вопросов, если мы теперь же не сумеем договориться до конца, то дело революции от этого не выиграет никак, и нам останется действительно решать все войною.

Когда я говорил об этих вопросах и о горячих головах, то это не значит, что я предлагал не обращать внимания на то, что делается на Сунже и Тереке. Это не значит, что я предлагал не предпринимать никаких мер и спокойно смотреть на то, как льется кровь наших братьев. Именно Киров говорил о необходимости принять немедленно такие меры, какие ясно бы указывали всем и каждому, что народная власть не может спокойно смотреть на то, как льется кровь наших братьев, поддерживающих эту власть, — будут ли то казаки или чеченцы — все равно.

Других возражений против положений, выдвинутых в моем докладе, не было. Были некоторые замечания по поводу схемы основ организации власти, но они вызваны сплошными недоразумениями, какие я постараюсь разъяснить.

Если мы на Моздокском съезде провозгласили лозунг: «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», то за это время ничего нового не произошло, что бы могло поколебать Этот лозунг. Наоборот, мрачные тучи, какие сгустились над всей Россией и Терской областью, должны только упрочить этот лозунг. И пусть все те, которые не хотят признать этот лозунг, знают, что никакими учредительными сеймами, никакими иными богами они нас не соблазнят, ибо у нас есть один бог, которого мы признали на Моздокском съезде. (Шумные аплодисменты.)

И этому богу мы верим. И уже никакими фетишами с этого пути нас сбить нельзя.

Когда я говорил о четырех кулаках, то один из казаков почему-то решил, что четвертым, нежелательным и опасным, кулаком являются казаки. Надо помнить мои слова, а я говорил, что если в нашем объединении не будет хоть одного народа, то оно никогда не будет прочным. И вот теперь, когда опасности надвигаются со всех сторон, если бы мы приняли в нашу семью тех, кто уже просится к нам, этот новый кулак был бы тою силою, которая помогла бы нам окончательно упрочить дело революции. Надо отбросить все племенные различия, надо собрать ягнят всей демократии в одну семью и ни одного волка буржуазии в эту семью не пускать, ибо в момент острой опасности этот волк может всех нас поссорить. И я утверждаю, что среди чеченцев и ингушей есть непобедимое стремление быть с нами, в нашей семье. Но у них много волков, и они ходят в

причудливых шкурах. И вот эти-то волки мешают чеченской и ингушской демократии слиться с нами.

Я вернусь к вопросам порядка дня съезда. Я вернусь к тому товарищу, который говорил, что достаточно признать власть народных комиссаров, а вопросов никаких решать не надо. Этот товарищ рассуждает наподобие того, как говорит буржуазия: мы готовы отдать демократию кому угодно во власть, лишь бы она не касалась этих вопросов / Имеются в виду вопросы о земле, о рабочем контроле и т. д. — Ред /. И когда демократия Терской области поставила эти вопросы вплотную перед помещиками, то кумыкские князья, например, стараются присоединить Хасав-Юртовский округ к Дагестану, чтобы сохранить за собою земли и положение. И я скажу больше: враги народа готовы присоединить ту или иную область не только к Дагестану, а к какой угодно отдаленной губернии или даже государству, чтобы спасти свои земли и свое богатство. И всякий говорящий, что эти вопросы не надо решать, играет наруку тем господам, которые не хотят расставаться со своими землями и экономиями при помощи каких угодно средств.

Было бы глупо, товарищи, непроходимо глупо, если бы на рабочем съезде не говорили об устроении условий труда и рабочего быта. И вот здесь съехались люди от сохи, сельчане, и вы хотите, чтобы они не решали вопроса о земле, те вопросы, без решения которых они не могут вернуться обратно; и я знаю, что когда мы разовьем наши работы, то может быть совершенно неожиданно для многих обнаружится связь земельного вопроса с теми событиями, какие имеют место в Терской области.

И, возвращаясь опять к мрачным обстоятельствам текущего момента, я хочу напомнить заявление казаков о том, что они являются давно уже социалистами и революционерами. И если, говорил этот казак, мы раньше не умели формулировать наши убеждения, то теперь наши слова тверды и определенны. И я готов приветствовать казаков за то, что их дорога и дорога честных социалистов и революционеров одинакова. Но я также приветствую слова горцев, которые они произносили на своих съездах, что пусть знают там, в России, что горцы будут не последними среди тех, с кем придется воевать всем тем, кто покушается на свободу. (Шумные аплодисменты.)

И если мы собрались сюда не для кощунства, то наше слово должно претвориться в дело. И если мы безжалостно хотим отбросить все контрреволюционные силы, то мы должны вновь подтвердить наше единение, нашу братскую общность, революционный, я бы сказал — священный союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии /На II сессии Народного съезда большевики с С. М. Кировым во главе выступали уже признанными руководителями подавляющего большинства съезда. Меньшевики и правые эсеры, формально еще оставаясь в рядах «социалистического блока», начали закулисную кампанию против большевиков, договариваясь с представителями открытой и скрытой контрреволюции.

После принятия съездом решения об организации местной власти и решения по аграрному вопросу в духе советского декрета о социализации земли большевики выдвинули на обсуждение съезда вопрос о признании власти Совета народных комиссаров. Меньшевики и правые эсеры выступили против признания власти Советов, однако, съезд большинством 220 голосов против 22 при 40 воздержавшихся принял предложение большевиков и послал приветственную телеграмму председателю СНК В. И. Ленину. — Ред/.

(Оратор покидает трибуну под громовые аплодисменты всего съезда, которые превращаются в овацию.)

ТЕЛЕГРАММА СЪЕЗДА В. И. ЛЕНИНУ О ПРИЗНАНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу ЛЕНИНУ.

Терский областной демократический съезд народов 4 сего марта постановил признать власть Совета Народных Комиссаров и поручил президиуму съезда приветствовать Совет.

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ СОВЕТОВ — С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ РОССИИ!

Речь на демонстрации в годовщину Февральской революции 12 марта (27 февраля) 1918 года

Товарищи и граждане! Чрезвычайно знаменательно, что в Этот исторический день годовщины революции Терская область слилась с революционной демократией всей России. Вторая сессия демократического областного съезда только что устами представителей всех народов, населяющих Терскую область, признала власть Совета народных комиссаров.

Значение этого знаменательного дня написано на ваших красных знаменах. Но народная власть, организованная в Терской области, нуждается не в одних манифестациях, как бы внушительны они ни были. В этот опасный момент, переживаемый революцией, народной власти нужна ваша реальная поддержка, ваши силы. И под этими красными знаменами вы должны дать священную революционную клятву в том, что все силы ваши, самую жизнь вы отдадите во имя революции, во имя трудящихся масс. И эта священная клятва, которую вы первые произнесете, должна разнестись по всей области и должна быть повторена всеми народами и племенами, во имя интересов которых здесь работает демократический съезд. (Крики «ура», гром аплодисментов, овации.)

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ!

/В ноябре 1918 г. С. М. Киров как делегат от Терской области участвует в работе VI Всероссийского съезда Советов. В конце декабря во главе экспедиции с большим транспортом оружия и военных припасов С. М. отправляется на Северный Кавказ через Астрахань (так как Ростов в это время был уже занят белогвардейцами). Но пробраться на Северный Кавказ не удалось — и этот путь был отрезан белогвардейцами. С. М. остается в Астрахани и организует оборону этого важнейшего стратегического пункта, одновременно подготовляя переход в наступление./

Речь на митинге в Астрахани, посвященном провозглашению Венгерской советской социалистической республики, 26 марта 1919 года

Товарищи! Когда вы слушали краткие телеграммы о тех событиях, которые развиваются в Венгрии / Венгерская советская социалистическая республика существовала с 21 марта по 1 августа 1919 г./, когда вы слушали приветственные речи наших новых товарищей и братьев по оружию, мне хотелось крикнуть вам: слышите ли вы треск разрушающегося буржуазного мира? Мне хотелось спросить: видите ли вы ту необъятную пропасть, над которой стоят буржуазные государства? Товарищи, многим из вас может показаться, что все то, что совершилось в Венгрии, упало на нас, как снег на голову, многим из вас события в Венгрии могут показаться неожиданными, как они кажутся присутствующим здесь гражданам Венгрии и гражданам других стран буржуазного мира. Товарищи, думающие так, глубоко заблуждаются.

Для нас, коммунистов, то, что совершилось сейчас в Венгрии, было только вопросом времени, и мне хотелось подчеркнуть это перед нашими братьями, бывшими военнопленными. Вы помните, товарищи, что еще сравнительно недавно, когда вас, закованных в оковы империализма, гнали на братоубийственную бойню, мы еще в то время говорили, насколько имели к тому возможность, что буржуазный мир, затягивая кровопролитную войну, захлебнется в крови этой бойни. Вы, сбросившие сейчас оковы империализма, идущие под знаменем революционного социализма, на основе всего своего опыта, всех своих переживаний последних лет должны были если не вполне осознать, то во всяком случае почувствовать, что все те горести и несчастья, все огромные разрушения, которые буржуазный мир произвел на протяжении длинных четырех лет, что все это ни в коем случае не может пройти без наказания для буржуазного строя.

Вы видели, товарищи, как прогнивший до основания буржуазный мир наполнял кровью трудящихся полную чашу и подносил ее к своим жадным устам. Еще четыре года тому назад партия коммунистов говорила о том, что буржуазный мир совершенно неизбежно захлебнется в море человеческой крови, которая по его вине проливается. Мы тогда еще говорили, что это страшное состязание двух буржуазных коалиций ни в коем случае не может привести к победе ту или другую сторону. Перед нами вырисовывалась только одна единственная победа тех, кто ослепленный буржуазией шел на страшное кровопролитие, которое было делом капиталистов всех стран.

Мы тогда говорили, что иного выхода из тех страданий, которые выпали на долю всех непосредственно захваченных войной, нет. Был только единственный выход — это революция трудящихся. Для нас, коммунистов, не подлежало ни малейшему сомнению, что вся эта страшная братоубийственная война является не чем иным, как предсмертными судорогами буржуазного строя. И весь вопрос заключался для нас в том, успеем ли мы до окончания войны сбросить буржуазные оковы и зажечь огонь пролетарской борьбы.

Весь вопрос сводился к тому, чтобы наша пропаганда идей коммунизма шла быстрее, чем развивались предсмертные судороги буржуазного мира. И вот то, что совершается сейчас, с неизбежной неуклонностью подтверждает то положение, что оптимисты среди нас были, конечно, правы. Мы не скрываем, что еще много препятствий предстоит нам преодолеть. Мы не скрываем, что мы еще сравнительно далеки от нашей цели, что царство социализма, как бы ярко ни обрисовалось оно теперь на фоне борьбы российского и западноевропейского пролетариата, как бы ясны ни были те идеалы, в которые мы верим и во имя которых мы увлажняли кровью наши знамена, — мы знаем, что это царство еще не так близко.

Мы знаем, что впереди нам еще предстоит тяжелая и суровая борьба. Мы знаем, что в процессе этой борьбы нас ждут не одни блестящие победы, но и временные поражения. Но так или иначе, мы все же знаем, что курс на социалистическую революцию, взятый нами, — единственно правильный, единственно возможный курс. Шестнадцать месяцев тому назад мы, которых в лучшем случае прославляли за наше безумство храбрости, и не больше, мы вышли в безбрежное море разбушевавшегося империализма почти совершенно одни. За эти шестнадцать месяцев в обстановке невероятных лишений и борьбы с буржуазным миром нас жестоко бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда наша небольшая ладья почти опрокидывалась. Мы были почти накануне смерти, но, несмотря на это, выдержали все испытания, и теперь мы пересели с нашей ладьи на крепкий пролетарский корабль. Мы видим теперь, что на нашем корабле находятся не только русские коммунисты, имеющие опору среди русского рабочего класса. Вы видите, что Ленин является рулевым этого корабля, и мало-помалу спереди и сзади подплывают все новые и новые

смельчаки и садятся на наш пролетарский победоносный корабль. И несомненно, что этот корабль взял шестнадцать месяцев тому назад единственно возможный и единственно победоносный курс. Я еще раз повторяю, товарищи, что, как бы ни было прекрасно настоящее торжество, как бы ни был важен момент, когда к нам присоединились новые наши товарищи — венгерцы, не надо забывать, что перед нами стоят огромные задачи. Об этих задачах говорили и предыдущие товарищи. И, какие бы формы ни приняла борьба, для нас не подлежит сомнению, что не сегодня, так завтра ближайшие соседи Венгрии, которые сейчас находятся еще под буржуазным гнетом и как будто готовы набросить петлю на молодую социалистическую республику, эти ближайшие соседи Венгрии прозреют, если не сегодня, так завтра, и наша социалистическая семья будет множиться не только с каждым днем и часом, но буквально с каждой минутой. Тем не менее мы должны твердо помнить, что наша усиленная борьба, наша энергичная пропаганда, которым так много препятствий оказывает умирающий буржуазный мир, что эта борьба и эта пропаганда должны не только не ослабляться, а должны усиливаться с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой нашего существования. Вы должны знать, товарищи, что как бы ни прогнил этот буржуазный строй, как бы ни было безотрадно его положение, но мы сейчас находимся перед самым трудным моментом. Мы отлично понимаем, что буржуазный мир смотрит в могилу, которую он сам для себя приготовил, мы ни на минуту не сомневаемся в том, что пролетарская мощь, которую мы создали, в один прекрасный день раздавит буржуазный мир навсегда, но этот момент будет самым бурным и трудным. Надо помнить, товарищи, что, как бы много ни было нас и как бы ни было мало наших непосредственных противников, за их спиной стоят культура и средства борьбы, накопленные целыми столетиями. И если в течение этих столетий миллионы и сотни миллионов людей держались в невероятном рабстве, то теперь, какие бы усовершенствования и ухищрения ни придумывались для подрыва все растущего могущества пролетариата, нужно помнить, что пролетариат всего мира уже объединяется в одну тесную семью и сможет стройными рядами войти в социалистическое отечество.

Мы должны так же неустанно, как и прежде, так же настойчиво и неусыпно продолжать вести свою пропаганду идеалов коммунизма. Вы видите, что наша пропаганда, которой буржуазный мир ставит всяческие препятствия, чтобы только заглушить наш мощный призыв, вы видите — эта пропаганда дает блестящие результаты. В настоящее время буквально нельзя указать ни одной стороны в нашей современной жизни, которую русская социалистическая революция в конечном счете не повернула бы в свою пользу. И вам, товарищи военнопленные, которых, быть может, уже оплакали матери и жены, вам я скажу, товарищи, что вы здесь не чужие. Перенеся невероятные лишения, испытав невероятное горе и несчастья, вы в конце концов получили непосредственную возможность приобщиться к тем светлым идейным лозунгам, которые написаны на этих красных знаменах. Вы видите также, что там, где буржуазное влияние особенно сильно прососалось в пролетарскую среду, там, где буржуазный мир захватывает не только силу, но и посягает на душу пролетарскую, — даже и там наша социалистическая пропаганда, наше дело завоевания социализма находит свой отклик, свою собственную опору.

Какое бы горе мы ни испытали, товарищи, какие бы лишения и несчастья мы ни пережили, в конечном счете мы нашли свое счастье. Еще раз повторяю вам, что, как бы ни старался издыхающий буржуазный мир воспрепятствовать нам в наших завоеваниях, какие бы преграды ни ставил, какие бы обвинения ни высказывал по нашему адресу, какие бы ужасные бури ни ожидали нас на нашем океане, — наш корабль достаточно прочно забронирован и пройдет через все препятствия.

К нам будут примыкать все новые и новые силы, и близок час, когда мы пойдем вперед, имея в своих рядах представителей уже нескольких народов. Не пройдет много времени, как в этом же зале соберутся представители всех мест, где только живет человеческая душа. Для того чтобы этот счастливый момент настал возможно скорее, нам необходимо объединиться с нашими новыми союзниками, которые не за страх, а за совесть пойдут с нами рука об руку. Пусть и они чувствуют, что нам нужно не только пополнять свои ряды, но нужно слить воедино наши сердца и души, и пусть отныне, с момента возникновения Советской власти в Венгрии, Советская Венгрия и Советская Россия будут представлять собою единое тело трудящихся, в котором будет биться единое пролетарское сердце. Только при этом условии мы действительно сможем осуществить тот союз, который нам предлагают наши новые братья, только при этом условии мы можем с новой силой поднять всесокрушающее оружие и натиском новых сил присоединить к своим рядам также тех, кто, к великому несчастью, еще придерживается союза о буржуазией и думает до сих пор, что социализм — это фантазия и что социалистическая революция в данный момент есть не что иное, как каприз, а не неизбежный закон истории, ведущий к неизбежному крушению государства эксплоататоров и созиданию нового отечества трудящихся. Итак, товарищи, да здравствует единение русских коммунистов с коммунистами венгерскими, и пусть этот новый союз явится новым залогом того, что на деле осуществится величайший лозунг, провозглашенный нами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Продолжительные рукоплескания.)

ЦАРИЦЫН ВЗЯТ БЕЛЫМИ, НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОПЯТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

Доклад на пленуме Астраханского горсовета 6 июля 1919 года

Товарищи! Наше сегодняшнее объединенное заседание /На пленуме присутствовали представители партийных и профессиональных организаций и предприятий / открывается в тяжелой обстановке. Наша Астрахань объявлена на военно-осадном положении. По городу гуляет провокация обнаглевшей в своей бессильной ярости белой своры. Но вы знаете, товарищи, что Советская власть ничего не скрывает и не намерена скрывать от вас самой горькой правды.

У нас в руках есть анонимное письмо какого-то белогвардейца. В этом письме белогвардеец выражает уверенность, что в скором времени в Астрахань ворвутся белогвардейские отряды генерала Деникина, и тогда вы, мол, господа комиссары, все будете болтаться на столбах. И этот обнаглевший подлец смакует это удовольствие — видеть нас с вами повешенными. Дни чрезвычайно тяжелых испытаний настали для всех нас. Еще не так давно здесь предупреждали вас о том, что над честной советской рекой Волгой нависли черные белогвардейские тучи. Наши опасения, что мы не сумеем противостоять надвигающимся бандам белогвардейцев, отчасти сбылись. Вы знаете, что пал Царицын, тот самый революционный Царицын, подступы к которому залиты кровью рабочих — верных стражей и защитников его. Пал тот красный Царицын, который четыре раза отражал бешеный натиск белогвардейцев, но на пятый раз пал. .

Наступление Деникина на этот раз носило такой организованный характер, что трудно было устоять. Нужно сознаться, что противник обладал такими техническими средствами, которых у нас не было, к великому нашему сожалению, и в этом отношении перевес был на его стороне. На другом фронте пал Харьков. Вы знаете также, что белогвардейские банды захватили город Балашов по дороге от Камышина к центру. Белогвардейцы не останавливаются на занятых пунктах, но продвигаются дальше. И это движение имеет пока определенный успех.

Вы знаете, однако, что вслед за тем, как белогвардейцы занимали Харьков и Екатеринослав, наша Красная армия заняла Пермь и Кунгур, а сегодня пришло уже известие о взятии Красноуфимска. И недалек тот час, когда нога красноармейца вступит на Урал. Приуралье богато хлебом, железом и лесами. Там мы найдем хлеб для голодающих и сырье для наших фабрик и заводов. Еще недавно союзники торжественно заявили, что единственным законным правительством России, которое они признают, является правительство «повелителя всей Сибири» — Колчака. Союзники надеялись на то, что Колчак дойдет до Волги, возьмет Пензу и пойдет прямо на Москву. И союзники двинули Колчаку на помощь северными морями массу снаряжения и технической помощи. Союзники уже делили между собой карту России, но мы ударили по Колчаку и этим самым разбили не только Колчака, но и союзный империализм. У многих из нас, однако, сейчас уже появляется сомнение в прочности Советской власти. Положение деникинского фронта для нас неблагоприятно. Очень возможно, что Деникин не остановится на своих головокружительных победах и Займет, может быть, еще несколько городов. Но не нужно отчаиваться и падать духом. Вспомним недавние успехи Колчака. Колчак зарвался и на основе своих временных успехов думал уже о полном удушении Советской власти. Но мы в момент собрались с духом и дали Колчаку такой могучий удар вооруженным кулаком в грудь, что Колчак теперь кубарем катится обратно в Сибирь.

Деникин быстро сейчас продвигается вперед, но он не может прочно закрепить у себя в тылу ни экономической, ни политической жизни. Даже на самом Северном Кавказе, который уже более полугода находится в его руках, Деникин не смог еще до сих пор организовать и наладить сколько-нибудь сносной буржуазной власти. Там еще до сих пор царствуют отдельные генералы.

Советская власть находится в тяжелом положении, но не нужно чересчур безнадежно смотреть на возможность разгромить деникинское движение: ВЦИК обратил внимание на «казачью опасность» с юга и решил мобилизовать для борьбы с нею все силы страны.

Будем надеяться, что на южном фронте в скором будущем будет перелом в нашу пользу.

Если Астрахань объявлена крепостным районом, то не нужно смотреть на это тревожно, считая положение наше опасным. Наше положение, наоборот, можно даже считать безопасным. Нам грозит опасность не со стороны Царицына, а со стороны Лагани. Но мы знаем уже, что на этом участке фронта наши части перешли в наступление и разбили белогвардейцев.

Занятие белыми Царицына — для нас это значит прекращение всякого сообщения по Волге. И в нашем распоряжении для сообщения с внешним миром и с центром остается одна только железная дорога. Но она по своей провозоспособности гораздо слабее Волги, и поэтому сидеть сложа руки нам сейчас преступно. Несомненно, если мы будем сидеть невинно сложа ручки, белогвардейцы переправятся через Волгу, подойдут к Владимировке и перережут нам ту ниточку, на которой мы сейчас держимся, — железную дорогу.

Возможно, что дальше этого пункта — Владимировки — противник не пойдет, но наше положение

уже будет критическим. У нас в Астрахани много разных богатств, но нет главного, без чего нет жизни, — хлеба. Запасов у нас никаких нет. Какой же выход из нашего положения? Само собой разумеется, что все меры к ликвидации дальнейшего продвижения Деникина приняты. Прилегающие к району Царицына армии делают свое дело. Советская власть все равно опять восторжествует и не даст белобандитам возможности терзать пролетарское тело. Сейчас мы должны строго и внимательно смотреть за тем, что делается у нас в тылу. Сегодня на базаре был пущен слух, что взят не только Царицын, но и Саратов. Вы должны взять такого гражданина, сеющего подобную провокацию, и направить его по адресу — в Особый отдел. И если вам говорят успокоительно, что Царицын взят обратно, то и такого гражданина вы должны взять за шиворот и тащить по тому же адресу, ибо он такой же провокатор, как и первый. Если первый пугает нас, стараясь посеять среди нас панику и тревогу, то и второй делает свое черное дело, закрывая нам глаза на опасность и уверяя нас, что «на Шипке все спокойно». И я не знаю еще, который из этих двух провокаторов опаснее. Как у Колчака и Деникина кипит наша работа, так и наш тыл наполнен их агентами.

Белогвардейцы прислали мне анонимное письмо, что если бы Кирова и еще нескольких советских работников «убрать» с их дороги, то участь Астрахани была бы решена. Несомненно, они отчасти правы. Если в Астрахани устранить несколько активных советских работников, может быть это торжество подлых негодяев было бы обеспечено. Крепкая работа в тылу — вот лозунг, который должен быть в сознании каждого рабочего. Нам нужно иметь не только прочный фронт, но в придачу ему еще и красный тыл. Тыл Деникина за нас, а здесь осадное положение дает нам все революционные права. И центральная Советская власть дает нам понять, что, заботясь о фронте, не нужно забывать и тыла. Шкурникам, сознательным и несознательным, не должно быть места в наших рядах. Занятие Астрахани будет сигналом к белогвардейской расправе не с одним только Кировым и коммунистами, это будет поголовная расправа со всеми рабочими, со всеми, имеющими мозолистые руки. Деникин, занимая города, дает полную волю своим разнузданным частям. У него в частях находятся отбросы из чеченцев и других горских народов Северного Кавказа.

Но пусть не радуются белогвардейские агенты, предвкушая удовольствие видеть всех нас болтающимися на столбах. Мы сами знаем, что целоваться с белогвардейцами нам не придется. Для Деникина нет других классов и сословий, кроме буржуазии и пролетариата, и он не пощадит ненавистный ему класс, так же как и никого, стоящего между этими силами. Если мы сейчас ведем разговоры, сватаемся с дезертирами из Красной Армии, то, поверьте, Деникин и Колчак этого не любят и много свататься ни с кем не будут.

Если сейчас в Астрахани наблюдается сравнительная тишина, то это нужно объяснить, тем, что все малодушные и имеющие белую окраску попрятались по углам и оттуда начинают свою грязную провокационную работу.

Все революционное в нашем городе должно быть мобилизовано для борьбы с белыми!

ЗНАМЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — ЗНАМЯ БРАТСТВА ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ

Доклад по текущему моменту на I Общебакинской партконференции 5 мая 1920 года

/В январе 1920 г. по указаниям товарища Сталина и под непосредственным руководством Кирова и Орджоникидзе развертывается наступление XI армии на Северный Кавказ. 31 марта Киров вместе с Орджоникидзе во главе частей XI армии прибывают во Владикавказ, только что занятый красными войсками, а к 1 мая они уже в Баку, где восставшие бакинские рабочие при поддержке подошедших красных бронепоездов свергли власть муссаватистов и провозгласили власть Советов. — Ред/

Товарищи! Ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего солнца, совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключается в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией. Правда, через несколько дней мы, вероятно, услышим, как буржуазная Европа будет по нашему адресу метать громы, будет называть это новое бракосочетание незаконным, будет указывать на то, что мы не спросили разрешения у пап Западной Европы — Ллойд-Джорджа, Клемансо, Мильерана и других. Но мы знаем, что тот союз, который был заключен на-днях, является единственно верным союзом, который рабоче-крестьянский Азербайджан заключал когда бы то ни было и с кем бы то ни было. Правда, надо сознаться, что злые языки, особенно из бывших социалистических партий, до некоторой степени будут правы, когда будут изображать перед трудящимися массами Азербайджана, что та невеста, которую приобрел революционный Азербайджан, не совсем пригожа. Она действительно не особенно румяна, не особенно дебела, особенным приданым не обладает. Наша страна — Советская Россия — представляет в смысле экономическом почти в полном смысле слова сироту. Но азербайджанские массы должны в то же время знать, что их нареченная одна только остается честной, непоруганной и целомудренной, какой не имеет сейчас буржуазный мир в своих границах. От этого союза, будем надеяться, произойдет такое потомство, которого ханам и бекам производить не удавалось. От этого союза явятся такие ростки, которые сумеют оплодотворить и другие капиталистические страны. Здесь мы положим начало великому объединению народов цивилизованной Европы и так называемого отсталого, некультурного Востока.

Для того чтобы оценить положение молодой рабоче-крестьянской Азербайджанской республики, необходимо прежде всего посмотреть на вторую половину этого союза — молодого революционного жениха. Нужно, товарищи, сказать определенно, что революция в Азербайджане вспыхнула не сама по себе, не благодаря тому, что скопившиеся здесь революционные силы не находили больше выхода и взорвались, независимо от какого-либо внешнего революционного влияния. Революция в Азербайджане глубоко связана с тем, что происходило у нас в Советской России. Для того чтобы уверенно строить молодую рабоче-крестьянскую власть в Азербайджане, необходимо и теперь очень внимательно, очень серьезно следить за всем тем, что происходит в России, нужно раз навсегда сказать, в тысячный раз подтвердить, что чем больше будет укрепляться рабоче-крестьянская Россия, тем крепче будут устои Советской рабоче-крестьянской власти в Азербайджане. Я думаю, что рабочие Баку в достаточной степени хорошо и полно были ознакомлены с тем, что происходило в России; здесь, пожалуй, не во всем Азербайджане, а именно в самом Баку, каждое наше слово, каждая наша мысль улавливаются с первого же мгновения, именно здесь рабочие без различия национальностей воспринимают особенно полно те задачи, которые ставит перед собой Советская Россия. Я думаю, едва ли в этом зале найдется человек, который на одну минуту усомнился бы в прочности и незыблемости рабоче-крестьянской власти в России.

Не подлежит теперь, товарищи, не только для нас, но и для наших заклятых врагов, почти никакому сомнению, что не существует больше смертельной опасности, которая могла бы встать на пути российских рабочих и крестьян, строящих новую жизнь. Я не думаю, чтобы сейчас можно было найти здравого человека, который еще мечтал бы о воцарении в России новой соглашательской или какой-нибудь иной власти — такой, которая могла бы повернуть большевистско-коммунистический руль, твердо направляющий сейчас Россию. Даже заклятые враги говорят, что на этой территории есть только одна сила: они ее называют большевизмом, а по-нашему она называется коммунизмом. И действительно, Россия теперь приобрела такой крепкий становой хребет, так укрепилась, что мы сможем, вероятно, в ближайшие месяцы покончить с теми теневыми сторонами, которые еще сейчас в достаточной степени режут нам глаза. Опыт показал, что все попытки задушить революционную непокорную страну, откуда бы эти попытки ни исходили, извне или изнутри, оказались совершенно безуспешными. Правда, нужно сказать, что именно потому рабоче-крестьянская Россия стала до такой степени изможденной, как это мы видим сейчас, что ей пришлось пройти через невероятно тяжелые испытания, отражая не только врагов внутри, но, главное, натиск международного капитализма. Были, действительно, такие моменты, о которых можно вспомнить без содрогания только потому, что они уже прошли, потому, что они от нас очень далеко, и мы глубоко уверены, что они вновь не повторятся. Но если те неслыханные трудности, перед которыми временами оказывалась рабоче-крестьянская Россия, изобразить перед вами, то вся та огромная борьба, которую наша Советская республика выдержала, должна будет

вырисовываться перед вами как невероятный подвиг, не записанный еще в истории ни одного народа. Эти два с лишком года рабоче-крестьянской революции в России представились бы каким-то сплошным кошмарным восхождением на Голгофу через море человеческой крови. И тем не менее мы можем уверенно сказать, что основной курс, основная линия нашей политики была взята вполне правильно и целесообразно. Если недавно еще мы видели, как разгружались в окраинных портах России танки, пулеметы и прочее смертоносное оружие для белых армий, то теперь в тех же самых портах начинают появляться орудия для восстановления советской хозяйственной жизни. В балтийских портах выгружают американские паровозы, сельскохозяйственные орудия. Если еще несколько месяцев тому назад кое-кому казалось, что мы должны, пожалуй, отдать нашу большевистскую душу богу, то теперь положение изменилось. Очевидно, в Европе почувствовали, наконец, что на краю пропасти стоит не большевистская Россия, а капиталистическая Европа. Если европейская буржуазия прежде со злорадством смотрела на пожарище гражданской войны, которой была охвачена вся Россия, то теперь буржуазии капиталистических стран приходится любоваться на эти схватки не издалека, а видеть их в своей собственной стране. 1 мая буржуазии пришлось быть свидетельницей того, как восемь миллионов английских рабочих бросили заводы и фабрики и демонстративно вышли на улицу. Западная Европа понимает, что пролетариат даром с фабрик не уходит, что восьмимиллионные колонны рабочих для шуточных дел не создаются, что если идет такая рать пролетариев Европы, то, очевидно, недалек тот день, когда рабочие от пассивного протеста в форме забастовок перейдут к нашим, решительным, «азиатским» способам борьбы с капиталом. На шикарных улицах Парижа рабочие, прошедшие жесткую капиталистическую выучку, к тому же поголовно грамотные, являющиеся на фабрики не иначе, как в воротничках и манишках, громят уже кондитерские, недалек тот момент, когда они воспримут наш «азиатский» способ ведения гражданской войны. Западная Европа с каждым днем все более и более начинает понимать, что неизбежностью в современном мире является не только война империалистическая, но что такое же неизбежное явление — война гражданская. Убедившись в том, что большевистской силы в России оружием сломить нельзя, что все резервы контрреволюции, которые можно было бы двинуть, чтобы залить революционный пожар в России, уже иссякли, буржуазия Европы думает уже сейчас под тем или иным видом войти в добрососедские отношения с Советской Россией. Буржуазия в Западной Европе теперь уже думает, что чем больше они отгораживаются от России, тем более Россия приобретает соблазна в глазах западноевропейских рабочих.

Западная Европа помаленьку начинает снимать блокаду, которой была окружена Россия. Буржуазная Европа знает, что, помимо всего прочего, ей жить без России очень мудрено, так как Россия располагает богатством всякого сырья, которого хватит не только ей самой, но в котором нуждается также изнуренная войной Западная Европа. Вот для того, чтобы выкачать нужное им сырье, с одной стороны, и для того, чтобы попробовать разжечь старую капиталистическую страсть купли и продажи в гражданах Советской страны, буржуазные хозяева Западной Европы стараются сейчас вступить с нами в деловые, торговые сношения. Правда, с нами, как Советской страной, Западная Европа открыто до сих пор пока не разговаривает. Она говорит с нами через посредников языком в достаточной степени эзоповским, заботясь, чтобы так или иначе не нарушить свою капиталистическую целомудренность. Западная Европа хочет говорить пока что только с нашими советскими кооператорами.

Мы командируем за границу людей, которые прошли большую школу в области коммерции, и думаем, что западные империалисты не сумеют обойти нас так, чтобы мы остались в дураках. Мы понимаем, что вслед за паровозами из-за границы могут попасть к нам и другие, более или менее неприятные, вещи, но мы вовсе не думаем, что если на паровозах будут английские и французские марки, то какой-нибудь рабочий или крестьянин будет особенно на это негодовать.

Я вспоминаю историю, когда во время войны на далеком Севере мы вступили в переговоры с командующим английскими войсками с таким же предложением об установлении торговых сношений и дали гарантию, что ни одна рабоче-крестьянская прокламация ни в одной спичечной коробке не попадет к ним. Этот командир сказал: «Это все правильно, но вот вы все-таки так или иначе сумеете на тех самых предметах, которые двинете в Англию, поставить большевистский герб. Если бы вы знали, каким магическим действием обладает эта небольшая, в достаточной степени плохо нарисованная фигурка: каждый рабочий, каждый житель Лондона постарается узнать, что это символизирует, и само собой понятно, что нам придется объяснить, в чем у вас тут дело, и в конечном счете это поведет к тому, что население проникнется желанием узнать все о том, что делается в Советской России».

Тут дело очень просто: капиталистическая Европа и в первую очередь миллионы ее подданных-рабочих еще не вкусили, что такое Советская власть, что такое начало социальной революции, и, конечно, помимо всего прочего, у них возникнет естественная жажда поинтересоваться, что представляет собою эта новая рабоче-крестьянская Россия.

Но мы в Советской России гарантированы от такого соблазна. Мы не имеем сейчас ни малейшего желания интересоваться тем, что такое западноевропейская «культура», потому что достаточно каждому из нас пощупать свою спину, чтобы снова почувствовать все прелести этой «культуры».

Правда, русский мужик еще далек от восприятия полностью коммунистических идей, у него еще от коммунистической пропаганды поднимается в голове путанный вихрь, и нужно сказать правду, что коммунистические идеи будут проникать в эту среду болезненно, это будет сопровождаться жестокой ломкой. Но мы все-таки имеем основание быть уверенными, что этот новый период мы пройдем успешно и что та борьба новыми методами, которую сейчас начинает с нами Западная Европа, окажется тщетной, как было и до сих пор.

При новом способе единоборства, которое сейчас принимает все новые и новые формы, мы все-таки выйдем победителями, как выходили до сих пор в вооруженной борьбе. Правда, еще и на фронте вооруженной борьбы есть отдельные вспышки, оружие сверкает до сих пор на границах нашего рабоче-крестьянского отечества. Выступила на арену еще новая сила, в достаточной степени внушительная — панская Польша. Дела на этом участке борьбы в последние дни приняли весьма серьезный оборот. Польские паны сумели в достаточной степени одурачить польское население, сумели в достаточной мере распропагандировать своих людей. Белополяки бросили свои силы в одно из самых слабых мест на нашем фронте. Нашествие идет довольно стремительно, но мы полагаем, что, как бы ни были страшны эти новые враги — польская шляхта, — наш большевистский бог будет достаточно милостив к нам. Не нужно быть, товарищи, особенным пророком, чтобы предсказать, что не только польские войска, которые сейчас так быстро двинулись от Варшавы сюда внутрь России, будут отброшены назад, но и те самые исторические города за нашей теперешней границей, которые не имели еще возможности за все время великой революции испытать на практике, что такое режим Советской России, получат удовольствие наблюдать его непосредственно. В этом, товарищи, может быть порукой то, что освободившиеся огромные силы с кавказского фронта будут двинуты туда, на Запад, и они сумеют быть защитниками не только молодого рабоче-крестьянского Азербайджана, но сумеют также усмирить и ту блудницу — панскую Польшу, которая пытается стать на пути рабоче-крестьянской России. Есть у нас еще одно бедствие — хозяйственная разруха. Вы знаете, что Россия никогда не располагала особенно сильным, могущественным и гибким хозяйственным аппаратом. Но я думаю, что и здесь те начинания, которые проводятся рабоче-крестьянской властью, увенчаются успехом. Особенно теперь, когда Азербайджан идет рука об руку, в дружеском объятии с Советской Россией, и бакинская нефть потечет быстрым потоком в Россию, рабоче-крестьянская Россия получит возможность вздохнуть если не полной грудью, то в достаточной степени свободно. Если теперь по всем артериям побежит живительная черная влага, то в ближайшие же месяцы хозяйственная работа пойдет гораздо быстрее, гораздо энергичнее. В этом важный залог восстановления хозяйственной жизни России.

Нужно сказать, что в России имеется одна сила, которая, мобилизуя все для борьбы с хозяйственной разрухой, выйдет несомненно победительницей и здесь, как она выходила до сих пор победительницей на всех фронтах. Этой силой является наша партия.

Если вспомним историю борьбы с Колчаком, то увидим, что перелом наступил только тогда, когда партия бросила все силы, которые имела, на восточный фронт. Именно тогда в течение нескольких дней наступил перелом. Так же было и на нашем фронте. Там, где коммунистическая партия бралась за дело всеми силами, заставляя каждого коммуниста думать день и ночь об одной задаче, об одной опасности, — там мы всегда выходили победителями. Точно так же победителями выйдем мы и в борьбе с хозяйственной разрухой.

Здесь хотелось бы сказать о политической линии нашей коммунистической партии, которая в конечном счете определяет всю политику Советского государства. По мере того как мы пробивались в глубины Кавказа, нам все чаще, даже из собственной нашей среды говорили, что мы стали победителями потому, что наша физиономия изменилась, что мы-де не стали уже теми красными, от которых все шарахаются в сторону, что мы-де даже не выносим вида человеческой крови, и когда выходим на фронт — начинаем митинговать и пропагандировать, вместо того чтобы рубить и стрелять. Говорят, что в нашей коммунистической политике в период последней тяжелой борьбы все острые углы стерлись, что говорить теперь о смертных казнях в России — дело совершенно невероятное, что у нас нет теперь даже и «чрезвычаек». Вот эти самые небылицы, которые распространяли о Советской России, оказались для нас в иных случаях весьма полезными. Мне самому приходилось видеть целые дивизии, которые сдавались без единого выстрела, и когда начинали со сдавшимися разговаривать, то оказывалось, что они имели о нас именно такое представление. Но вот для коммунистов, находящихся во вновь занятых местностях, эти россказни принесли и весьма много вреда. Оказалось, что эта болтовня в сильной степени подпортила наши коммунистические мозги: представители нашей партии в этих местах (не в упрек будь это им сказано) из революционных коммунистов чуть-что не превратились в каких-то христианских коммунистов, и первый манифест, который ими был выпущен, до последней степени не соответствовал нашей коммунистической политике.

Во всяком случае надо здесь сказать, что все то, что было начертано с первых дней Октябрьской революции, — все это остается на знаменах коммунистической партии совершенно незыблемым. Если мы перестали казаться какими-то вельзевулами, то это только потому, что препятствия, которые мы встречаем теперь, — не больше как карточные домики. Если раньше, например под

Царицыном, приходилось биться четыре месяца, то когда мы подходим теперь — нас встречают хлебом и солью. При таких условиях особенно часто обращаться к нашему советскому трибунальскому лексикону не приходится, и, действительно, в повседневном обиходе чрезвычайные комиссии показывают свое лицо гораздо меньше, чем раньше. Во всяком случае, говоря о Советской России, мы должны сказать, что ни от чего, что мы там сделали, мы не отрекаемся и что весь опыт, проделанный многомиллионным народом, со всеми положительными и теневыми его сторонами, целиком лежит на ответственности нашей коммунистической партии. Мы с гордостью и с большевистским мужеством в свое время, в великие Октябрьские дни, отбросили всю социал-предательскую сволочь, и на протяжении двух с лишним лет мы ни разу об этом шаге не пожалели. И теперь с той же гордостью, с тем же сознанием коммунистической правоты мы повторяем, что, какие бы тяготы мы ни переносили, какие бы отдельные ошибки мы ни делали, мы все же на протяжении двух с половиной лет ни разу не вступали на одну дорогу с людьми, которые заигрывают с капиталистами и строят глазки буржуазии. Мы с этими людьми ничего общего не имеем, мы их отбросили раз и навсегда. Об этом мы заявляли всему миру и прежде всего всем рабочим Западной Европы. И вы должны помнить: как бы мало вас ни было, какую бы численно ограниченную группу людей вы собой ни представляли, гоните от себя всех молодцов, которые умеют писать длинные революционные программы, но которые на деле всегда оказываются предателями. В этом, товарищи, главный залог успеха коммунистической партии; мы сумели на протяжении двух с половиной лет, благодаря такой непримиримой и последовательной политике, показать всему миру на деле, какую силу мы, коммунисты, собой представляем.

Мы должны перейти в общих чертах к нашим задачам здесь, в пределах Азербайджана.

Медовым дням, которые мы переживаем сейчас, надо положить конец. Надо перестать бить в торжественные литавры, а попристальнее посмотреть на азербайджанскую действительность глазами марксистов, большевиков-коммунистов.

Первое, что бросится нам в глаза, — это то, что в сущности настоящая, потрясающая самые основы буржуазного строя, революция в Азербайджане еще не произошла, что массы азербайджанского населения просто оглушены тем, что случилось, но не больше. Нужно напрячь все усилия, чтобы вызвать к активности силы трудящихся в пределах Советского Азербайджана. Нам нужно, с одной стороны, помочь всем тем, кто имеет стремление присоединиться к нам, помочь им освоить те пути, которые развертываются перед нами. С другой стороны, нам нужно добиться, чтобы огромные массы средних слоев населения поняли требования революционного порядка. Среди них есть много людей, которым место в наших рядах; но есть среди них и такие люди, которые не пойдут под нашими знаменами, — нам надо определить этих людей и отмежеваться от них.

Лучшее средство достичь этого разделения всего азербайджанского населения — это произвести первый решительный удар по беко-ханскому строю. Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю. Именно в этом направлении нам, коммунистам, нужно приложить как можно больше сил, развернуть борьбу с беками и ханами шире, полнее.

Следующий удар должен быть по крупному капиталу. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран, прежде всего наши нефтяные промысла, — над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак.

Полный переворот в жизни фабрик, заводов, промыслов нужно провести решительно, безапелляционно, без всякого колебания, без какого-либо соглашательства

/ Вскоре (27 мая 1920 г.) был опубликован декрет Азербайджанского ревкома о национализации нефтяной промышленности. — Ред /.

Вот эти два мероприятия, как огромные камни, брошенные в беко-ханское азербайджанское болото, поднимут такое волнение, которое пробудит всех мещан, спящих безнадежным сном. Когда революция подойдет к основам жизни азербайджанского жителя, когда коснется земельки, на которой он сидит, то тут пробудится от сна и сожмет кулаки каждый. Тот крестьянин, который ходит по горам и полям Азербайджана и пасет баранов, как только почувствует, что пастбище можно расширить, что баранту можно умножить, не боясь бека или хана, — он станет весьма и весьма активным участником устройства Советского Азербайджана.

Не надо забывать, что революционный декрет не может быть написан иначе как человеческой кровью! Нужно это запомнить раз и навсегда, запомнить окончательно, и, чтобы не проливать человеческой крови напрасно, надо действовать решительно и твердо.

Надо нам знамя III Интернационала, знамя братства всех трудящихся развернуть здесь так, как подобает развернуть его истинным революционерам. Тому, что делается в Карабахе и в других местах Азербайджана, тому, что называется племенной враждой, должен быть положен конец окончательно, раз и навсегда, под знаменем Советов. Это может быть сделано при одном условии —

если будет действовать советская организация, которая не знает компромиссов и соглашений, знает лишь прямоту и последовательность.

Если эти три основные задачи мы сумеем разрешить в ближайшее время, то, поверьте мне, все остальное пойдет просто и планомерно.

Сейчас очень часто нам приходится выслушивать целые делегации, являющиеся от так называемых социалистических партий. Здесь есть местные, чисто азербайджанские, разновидности их, которые мелкая буржуазия подносит нам под малопонятными для нас названиями, но мелкобуржуазная соглашательская сущность их всех чувствуется определенно.

Ни малейшей тени взаимного содружества, никаких коалиций, или, как любят говорить старые меньшевики, «контактной работы», которая была до прихода англичан и Бичерахова с ними теперь не должно быть.

/Бичерахов Л. — полковник царской армии, затем начальник бело-эсеровского отряда, субсидируемый англичанами, боролся против Советской власти. Участвовал в оккупации Баку англичанами в июле 1918 г. — Ред/,

Чтобы провести твердую революционную линию, от этих молодцов нам, коммунистам, нужно раз и навсегда отмежеваться.

Другое дело — советский государственный аппарат: он требует огромного количества людей, здесь приходится использовать и не вполне советские элементы.

В Советской России работает большое количество буржуазной интеллигенции, которая, с одной стороны, за Советскую власть, а с другой… если придет Деникин — наполнит, конечно, его департаменты.

При последних выборах в Московский совет депутатов произошла недопустимая вещь: в него было выбрано 40 или 50 эсеров и меньшевиков. Они прошли в Совет на плечах буржуазной интеллигенции. Эти люди способны разжижать мозги; они местами начинают так действовать и на рабочих. Это заметно в Екатеринославском районе и в Донском бассейне. Они заявляют, что стоят на платформе Советской власти обеими ногами, они говорят, что только коммунистическая партия высоко несет знамя свободы, а они-де сами за нами робко шествуют, «помогая» нам не споткнуться по дороге. Но они имеют особую способность замечать только отрицательное в действиях Советской власти. Их бичераховская психология заключается в том, чтобы, выставляя отрицательное, умалчивать о положительном в работе коммунистической партии.

Мы должны строить жизнь под нашим коммунистическим Знаменем, и никаких других знамен нам не надо.

Это явится, товарищи, лучшей гарантией того, что наше дело пойдет быстро и успешно и мы скоро придем к нашей желанной цели, к тому, чтобы заложить основы социализма. Нам могут сказать, что мы мало знаем, что мы мало опытны и так далее, но нам нужно пользоваться опытом, который дан Советской Россией.

Мы смело подходили к каждому новому вопросу, мы с каждым днем все решительнее перестраивали жизнь по-своему, мы уже создали в России начерно Советское государство. Оно, правда, не ласкает рабочего и крестьянского взора особым блеском и внешним лоском, но его фундамент, его стены выстроены так твердо, что нет крестьянина и рабочего в России, который сомневался бы в прочности своего дела.

Я знаю, что здесь в Азербайджане есть другие трудности, тут есть резкие различия — религиозные, племенные. Это будет служить дополнительным препятствием в нашей работе, но, если мы сумеем сохранить чистоту партии и с первого дня легального существования создадим стройную партийную организацию, если будем помнить, что каждый должен отвечать за всех и все за одного, если будем уверены, что в нашей среде нет таких, которые пришли разлагать наши коммунистические ряды, — мы сумеем двинуться стройной колонной вперед, и, поверьте, наши заветы, написанные на знамени коммунистов Азербайджана, будут служить той правдой, которая примирит племенную рознь и религиозные противоречия.

Чем более мы будем жестки к своим врагам, тем более жестки мы должны быть в своей коммунистической среде к тем, кто пытается подорвать наше единство. И верьте, товарищи, что рабоче-крестьянская Россия стала великой Советской страной именно потому, что руководящая всей работой коммунистическая партия не представляет собой собрания Петровых и Сидоровых, как отдельных личностей, а составляет единое целое, коммунистическую скалу, которой распоряжается Центральный Комитет партии так твердо и уверенно, как не распоряжался еще ни один военачальник своими армиями.

Пусть не пугают нас те, которые говорят, что мы задохнемся в атмосфере национальной вражды.

Мы знаем, что мы располагаем ленинской программой, перед которой не посмеет обнажить меч ни один проклятый дашнак, ни один бесчестный муссаватист, и пройдет немного времени, как эти люди забудут собственные свои имена. (Громкие аплодисменты и крики «браво!»)

Если кто-нибудь из них, из дашнаков или муссаватистов, из той или другой партии, попробует набраться смелости и начнет играть на темных религиозных или племенных чувствах, то мы сумеем обойтись с ними так, что не только голоса, а и запаха этих насильников, власть которых проклятием тяготела так долго над Азербайджаном, не будет слышно. (Громкие аплодисменты, крики «браво!»)

ТРИ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ

/В 1920 г. после заключения мирного договора РСФСР с грузинским меньшевистским правительством С. М. Киров назначается полномочным представителем РСФСР в Грузии.

Два о половиной месяца С. М. ведет борьбу посредством дипломатических нот и протестов с правительством Ноя Жордания из-за невыполнения последним важнейших пунктов мирного договора, особенно той его части, которая обязывала прекратить преследование коммунистов.

Эти письма написаны С. М. Кировым в бытность его в Тбилиси. Письма печатаются с копий, найденных в личном архиве С. М., с пометкой его рукой: «Письма товарищу Ленину»; на копиях подписи С. М.Кирова не имеется. — Ред. /

I

Тифлис, 20 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши предвидения о моей работе здесь подтверждаются блестяще и на каждом шагу. О том положении, в котором оказалось здесь наше представительство, Вам Чичерин вероятно сообщал.

Достаточно сказать, что до сих пор не изжиты еще самые уродливые формы проявления к нам совершенно своеобразного, внимания со стороны агентов грузинского правительства. Эта невероятная «бдительность» привела к тому, что даже такие невинные органы наши, как представительство Наркомвнешторга, оказались не в состоянии вести какую бы то ни было работу: всякий, выходящий из помещения представителя Наркомвнешторга, подвергался задержанию или аресту, или высылке за пределы Грузии. Все мои дипломатические шаги, предпринятые к устранению этого, ни к чему не привели, и я вынужден был заявить категорически грузинскому правительству, что мы должны будем поставить грузинское представительство в Москве в такое же точно положение, в каком находимся мы здесь. И только после этого стало замечаться несколько иное отношение к нам. Много содействовало такому действию грузинского правительства по отношению к нам развитие операций Врангеля. Каждый успех Врангеля вселял здесь большие надежды, и это чувствовалось во всем. Совершенно иное настроение замечается теперь, когда мы так блестяще громим поляков. Особенно сильное впечатление произвело здесь предложение Керзона открыть мирные переговоры с Польшей. Это и ответ Чичерина на предложение Керзона произвели здесь буквально ошеломляющее впечатление. Грузинское телеграфное агентство, а также Министерство иностранных дел не нашли возможным опубликовать в газетах это сообщение, исходившее от нашего информационного отдела. Директор агентства заявил, что это сообщение «переворачивает все». . Подробно о ходе своих работ здесь я сообщаю Чичерину и сейчас у Вас не буду отнимать время. Скажу только, что, как и следовало ожидать, пункт нашего договора, предусматривающий легальное существование коммунистической партии, оказался не по зубам здешним меньшевикам. Организованные в высшей степени прочно, грузинские меньшевики, освободив заключенных коммунистов и дав возможность остальным объявиться, немедленно предприняли широкие репрессии в отношении партии коммунистов. Пользуясь самыми невероятными, фантастическими предлогами, грузинские меньшевики повели аресты и ликвидацию партии коммунистов, и в настоящее время партия переживает чрезвычайно тяжелый момент: газеты закрыты, ряд организаций ликвидирован совершенно, многие товарищи в тюрьмах, много выслано из Грузии. Тем не менее местные товарищи делают все к тому, чтобы так или иначе продолжить свое легальное существование и ни в каком случае не забираться в подполье. 17 июля одновременно были закрыты обе выходившие здесь коммунистические газеты, сотрудники все арестованы. Сегодня товарищи подают заявление о выпуске новой газеты. Само собой понятно, что на все это я соответствующим образом реагирую. В заключение хотел бы обратить Ваше внимание на необходимость возможно скорее определить наше отношение к Армении. Этот вопрос для нас здесь имеет весьма большое значение. Надежда мусульманских и армянских масс на то, что Советская Россия разрешит, наконец, мучительные для них вопросы, может определенно поколебаться. Я об этом неоднократно сообщал Чичерину, но, очевидно, из наших переговоров с армянской делегацией в Москве пока ничего не выходит. Тем не менее вопрос как-нибудь разрешить надо. С горячим коммунистическим приветом.

II

Тифлис, 24 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши заветы исполняю в точности. Думаю, что Вы достаточно хорошо осведомлены из докладов Чичерина о здешних делах, поэтому об этом говорить не буду. К настоящему письму я прилагаю статью из одной кемалистской / Кемалисты — сторонники вождя турецкого национально-освободительного движения Мустафы Кемаля, ныне умершего президента Турецкой республики. —

Ред /газеты, характеризующую «Отношение мусульман к большевизму». По-моему, эта статья дает довольно точную характеристику того настроения, которое господствует сейчас не только в Турции, но также в Персии и других отсталых странах Ближнего Востока. Я на-днях прочитал в «Правде» отчет о Вашем докладе на втором конгрессе III Интернационала о нашем отношении к народам отсталых в капиталистическом отношении стран и думаю, что эта статья будет для Вас иметь кое-какой интерес. В ней, мне кажется, одно из многочисленных подтверждений Вашего блестящего анализа по указанному вопросу. Не буду отнимать у Вас больше внимания.

С горячим коммунистическим приветом.

III

Р. С. Ф. С. Р. НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ

РЕСПУБЛИКИ В ГРУЗИИ

Тифлис, 30 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Посылаю Вам резолюции, вынесенные на заседаниях «Анатолийского и Румелийского общества защиты прав». Хотя эти резолюции приняты год тому назад, они имеют и сейчас большой интерес, так как в основе программы деятельности правительства Мустафы Кемаля лежат именно эти резолюции.

Здесь особых новостей нет. Грузинское правительство по-прежнему стоит в раздумье, не зная, куда ему совершенно определенно качнуться — к нам или к Антанте. А тем временем хозяйственная жизнь Грузии расстраивается с каждым днем все больше и определеннее, и весьма уже недалек тот момент, когда Ною Жордания 1 вместе с экзархом 2 Грузии придется запеть «На реках Вавилонских» 3.

С горячим коммунистическим приветом.

/1- Жордания Н. Н. — лидер грузинских меньшевиков, ярый социал-шовинист. С 1918 г. по февраль 1921 г. глава меньшевистского грузинского правительства, заключившего соглашение с Деникиным для совместной борьбы против большевиков.

2 — Экзарх Грузии — титул высшего представителя грузинской церкви.

3 — Это предположение С. М. вскоре оправдалось. 25 февраля 1921 г. в освобожденный от меньшевиков Тбилиси вошел Ревком Грузии, а правительство Ноя Жордания эвакуировалось в Батуми и оттуда в Париж. — Ред. /

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ, ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ, ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Доклад на Учредительном съезде Советов Горской ССР 18 апреля 1921 года

Товарищи! Для того чтобы подойти к осуществлению той задачи, которая стоит перед вами, — к созданию новой формы управления, для того чтобы дать основные директивы, основные указания той новой власти, которую вам предстоит избрать на этом съезде, для этого необходимо прежде всего дать себе более или менее точный и ясный отчет во всем том, что происходит сейчас по всей Российской республике. Тут нужно подходить к делу без всякого лишнего теоретизирования, а просто, прямо, непосредственно.

Всякий участвующий в создании новой республики должен знать, насколько прочно, насколько обеспеченно чувствует себя общероссийская рабоче-крестьянская власть. Только при этом условии можно будет смело, без оглядки подходить к разрешению тех миллионов практических вопросов, которые встанут перед вами с завтрашнего дня.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ УСТАНОВЛЕНА ТВЕРДО

Скрывать не буду: всякий приехавший сюда из своей станицы, аула знает, что среди населения много идет разговоров на тему о том, что Советская власть — такая власть, которая за собой особой прочности не чувствует, что очень легко может случиться так, что Советская власть будет сброшена, — в этом направлении ведется агитация среди чеченцев, путают казаков, работают злые языки среди всех народностей Горской республики. Вокруг всякого вопроса, который имеет то или иное политическое значение, создаются сплетни на тему о прочности Советской власти.

Я не буду говорить о том, что происходит в вопросе о так называемом «переселении казаков». Присутствующие здесь казаки об этом знают. Казакам говорят, что центральная Советская власть не только приостанавливает дальнейшее выселение, но будто бы намерена обратно вселить казаков, которые выселены из Сунженской линии. С другой стороны, говорят чеченцам, что всякий из вас, который рискнет переселиться в станицу, который по своей воле это сделает, — этот человек рискует своей головой, что не сегодня-завтра власть перевернется и придется жестоко поплатиться за самовольный захват казачьей земли. Об этом говориться будет специально. Я сейчас напомнил об этом, чтобы лишний раз показать, какая масса разных слухов распространяется в целях подрыва Советской власти.

Здесь, на этом ответственном Учредительном съезде, надо поставить вопрос прямо. Если действительно с прочностью Советской власти дело обстоит не совсем благополучно, нужно призвать все честное, всех, кто идет не за страх, а за совесть за Советскую Россию, чтобы организованно, единодушно выступить на укрепление и защиту рабоче-крестьянского государства. А если дело этого не требует, то можно сказать, что мы можем спокойно приступить к нашей созидательной работе.

Естественно, что, живя в аулах, в далеких ущельях, куда не заглядывает никто из центра, куда не попадают газеты, — а если попадают, то часто некому их прочитать, — население питается россказнями шептунов, которым нет другого дела, которые тем только и занимаются, что распространяют всякий вздор.

Для всяких слухов почва у нас в горах чрезвычайно богатая, и мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом приходилось сталкиваться с такими последствиями нашептываний и слухов, из-за которых лилась человеческая кровь, так как люди были одурачены всяким вздором.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда можно говорить о совершающемся в стране совершенно открыто, не надо быть особо сдержанным, как это было года полтора тому назад, когда приходилось не всегда все говорить, чтобы население не особенно пугать, чтобы оно не теряло веры в правоту и надежды на успех нашего дела. Теперь ничего этого нет.

Вы знаете, что несколько месяцев тому назад мы закончили последний этап гражданской войны, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Побили Врангеля и всех тех, которые претендовали на власть в России, далеко выбросили их за пределы государства. И сейчас у нас, если не считать мелких, едва заметных на территории громаднейшего государства вспышек, можно сказать, что у нас руки совершенно, в полном смысле слова, развязаны. Мы чувствуем себя как власть особенно прочно, настолько прочно, что можем совершенно спокойно кому угодно рассказать, вывернуть на какую хотите изнанку все, что имеем сейчас, и все то, что делается сейчас в рабоче-крестьянском государстве. Мы знаем, что население настолько сроднилось с Советской властью, а мы настолько научились управлять государством, что полная откровенность для нас решительно нестрашна. Мы теперь и на местах и в центре всему населению, в том числе и вам, определенно заявляем, что рабоче-крестьянская власть в России — это не случайность, она не явилась в результате случайно выигранной войны или в результате неоконченной борьбы, которая

еще может завтра повернуться иначе. Нет, это настоящая твердо установившаяся государственная власть.

Если мы полтора-два года тому назад взывали к нашим окраинам, к тем или иным областям, объясняя, что мы-де в таком-то тяжелом положении, звали на помощь и так далее, то теперь мы этот язык оставили и со всеми этими уговорами покончили; теперь мы определенно и твердо говорим, что власть рабочих и крестьян в России это есть подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, это власть, которая имеет в своем распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную армию.

И со всяким, который независимо от племени, национальности, языка и состояния и всего что угодно встанет хотя бы в малейшее противоречие с интересами рабочих и крестьян России, государственная власть поступит с ним как с врагом рабочих и крестьян.

И разговариваем мы таким тоном и языком не только потому, что мы чувствуем себя прочно, а главным образом потому, что у нас слишком много государственных задач и вопросов, которые стоят перед нами. Если бы у нас было время и была возможность до некоторой степени торговаться с теми или другими группами, тогда иное дело. Но сейчас, в силу наших общегосударственных интересов, всякий день и каждая минута нам дороже, чем все то золото, которым располагает наша Республика, нам торговаться, выражаясь грубо, церемониться не приходится. Мы слишком бедны и слишком заняты; поэтому там, где рабоче-крестьянская власть встречает какое-нибудь сопротивление, там мы действуем решительным ударом и всякое сопротивление, которое мы встречаем в своей работе, устраняем и будем устранять точно такими же приемами, ибо для других приемов у нас нет ни времени, ни возможности.

Как бы ни считали вас отсталыми, вы должны знать и понимать, в каком положении может оказаться государство, которое ведет в течение почти семи-восьми лет войну.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ ПРИВЕЛИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НЕУРЯДИЦЕ И ТЯЖЕЛОЙ НУЖДЕ

Вы знаете и помните, что международная война много миллионов людей поставила под ружье, собрала все, что было в государстве, все живое и мертвое — все было двинуто на фронт. И в конечном итоге все, что было создано трудами поколений, было погублено самым безжалостным образом. Миллионы человеческих жизней загублены, загублено несметное количество всяких материальных богатств.

Это было в стране, которая и до того времени далеко не отличалась особым избытком продуктов промышленности, сельского хозяйства и прочего.

Дальше наша страна вступает в период революционной борьбы, снова начинается уничтожение.

Каждый из вас видел, в какие формы выливается гражданская война в смысле уничтожения всяких благ и средств.

Вы знаете, сколько аулов сравнены с землей. Вы знаете, какое количество станиц приведено в расшатанное состояние. Вы знаете, что на железных дорогах нет ни одного нетронутого места, все уничтожалось. Каждый понимает, что в период гражданской войны всякий хозяин не следит уже, чтобы все в хозяйстве было в порядке, чтобы не расхищалось его добро, а умножалось, об этом не думали, а всякий думал о том, как бы сохранить свою голову и как бы поудачнее бить своего противника. Вот какой философией руководствовался каждый гражданин в период гражданской войны.

Естественно, когда ставится вопрос о жизни или смерти, — человек не щадит ничего, он жертвует всем, вплоть до своей жизни, чтобы выйти из борьбы победителем.

И вот три с лишним года мы вели такую борьбу. Естественно, наше государство за это время понесло очень тяжелые потери.

Не нужно скрывать, — нужно сказать прямо, что мы сейчас находимся в состоянии ужаснейшего обнищания, ужаснейшей нужды во всех отношениях. У нас нет самого необходимого, самого насущного, что в мирной обстановке может понадобиться на каждом шагу. Сейчас вы необходимого не найдете не только в селах, аулах, но даже и в городах. Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу.

Вот до каких пределов дошла наша рабоче-крестьянская Россия в смысле отсутствия самого необходимого и насущного.

Это положение сейчас, по окончании гражданской войны, раскрылось перед нами во всей своей наготе.

Таким образом выходит, что внешне в смысле борьбы мы чувствуем себя совершенно обеспеченными людьми. Нас теперь никто не беспокоит, и будем надеяться, что никто и не осмелится беспокоить.

Но выявляется другой фронт — фронт экономической неурядицы и хозяйственной нужды.

Если дагестанская женщина должна искать случая для того, чтобы, пойдя за водой, не быть под угрозой пытливого и не совсем целомудренного взгляда какого-нибудь молодца, то наши рабочие в России чувствуют себя плохо в другом отношении: временами бывает решительно нечего есть.

Здесь помимо общих причин, последствий жестокой войны, сказывается и то, что население огромной России, миллионы людей далеко еще не целиком втянуты в интересы рабоче-крестьянского государства. Некоторые смотрят еще так: лишь бы у меня в Ардоне было хорошо, а что будет в Иваново-Вознесенске, то это меня не касается. Бывает также вот что: когда нам нужно что-нибудь просить у государства, то оказывается нас полмиллиона, а когда заходит речь о том, чтобы помочь государству спасти от голодной смерти московских рабочих, оказывается у нас населения не полмиллиона, а только двести тысяч. Это говорится не в виде упрека. Нужду государства надо почувствовать. И если посмотреть ту Красную Армию, которая вчера проходила перед вами такими стройными рядами, когда вы вскроете душу этой армии, то увидите, чем болеет рабоче-крестьянская армия. И если посмотрите в сердце красноармейца, вы в нем прочтете, что вместе с мужественной стойкостью, которая поражает каждого из людей, это сердце наполнено огромнейшими страданиями. Подчас буквально сгибаются колени под тяжестью ноши, которую они несут на своих плечах. Наша эмблема — красное знамя, которое видим всюду, — не только красного цвета — это знамя буквально насыщено кровью, и нужно быть слепым, чтобы не видеть, как с него широкими ручьями льется настоящая человеческая кровь.

Вот каково положение. Мы хотели бы, чтобы были обеспечены интересы не только угнетенных горских рабочих и крестьян; задача, которая стоит перед нами, это — задача освобождения трудящихся всего мира. Об этом нужно говорить совершенно прямо, откровенным языком.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ПУТЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТ РАЗРУХУ

Нужно сделать так, чтобы все наши съезды представляли собою коллективную, общую работу и чтобы они приняли несколько иной характер и давали другие результаты, чем те, которые были до сих пор. Мало того, чтобы собраться, принять резолюции и разойтись. Нужно почувствовать себя хозяином всей нашей государственной семьи, нужно, чтобы все, что будет сделано и записано на этом съезде, действительно являлось обязательным, как коран для правоверного магометанина. И нужно с оружием в руках карать как врага Советской власти человека, не желающего выполнять те обязанности, которые написаны на знамени нашей революции. Мы теперь всегда и всюду стараемся дать населению совершенно неприкрашенную, яркую характеристику всего того, что происходит в нашей Республике. Мы говорим, что власть нужна такая, которая справится с самым опасным фронтом в Республике — фронтом нужды: нам нужна власть рабочих и крестьян. Несмотря на всю нашу отсталость, некультурность, неумение работать, слабую практику в области государственного управления, несмотря на это, мы, несомненно, если захотим, сумеем расшевелить многомиллионные массы рабочих и крестьян, сумеем заинтересовать каждого в судьбе своего государства. И мы, несомненно, выйдем из этого трудного положения.

Всякий из вас на примере своего хозяйства знает, что тут нехватает этого, там недочет в том, кто-то собирал, кто-то ремонтировал, но каждый чувствует, что всему этому скоро будет конец, что нужны новые источники, нужны новые ресурсы, которые бы дали широкий государственный размах работе, чтобы все машины завертелись, чтобы все то, что сейчас мертво, заснуло — фабрики и заводы, — чтобы они зашевелились. И чтобы этого достигнуть, центральная Советская власть в данный переходный момент, когда от войны мы переходим к другой работе, к осуществлению других задач, вовсе не желает изображать из себя сатрапа, который сидит наверху и ничего знать не хочет; она, наоборот, протягивает руки к населению и старается вызвать в нем желание работать и инициативу. Мы, учтя момент и взвесив прошлое, решили установить отныне такие приемы управления, чтобы дать возможность более широким пластам народа подняться к участию в государственной работе. И здесь, когда вам будут докладывать о нашей продовольственной работе и земельном вопросе, вам скажут, что разверстка, замененная налогом, означает не только новую форму продовольственной политики, но открывает совершенно новую хозяйственную полосу вообще.

Мы хотим сделать так, чтобы население, сознающее нужду государства, понимающее задачи государства, имело развязанные руки и получило возможность вкладывать в свое хозяйство все то, чем оно располагает.

Мы все, конечно, за Советскую власть и уважаем коммунистическую партию и во всех наших

резолюциях все клятвенно заверяем в своей готовности содействовать проведению тех огромных задач, которые стоят перед нами; но когда тот или иной гражданин приходит домой, для него его хозяйство становится выше всяких хозяйственных интересов Республики. Так будет еще до тех пор, пока мы не научимся жить по-коммунистически.

Государственная Советская власть понимает, что тут насилием взять нельзя, что нужно действовать так, чтобы найти другой выход, найти точки соприкосновения между интересами рабочих и крестьян.

С этой стороны и нужно рассматривать новую продовольственную политику. И мы полагаем, — по крайней мере в России мы уже это чувствуем, — результат этой политики будет хороший. Крестьянские массы это учли, и их не особенно доброжелательные отношения теперь резко изменились, они снова идут плотными, твердыми рядами с рабоче-крестьянским правительством.

Мы полагаем, что на окраинах эта политика также даст свои благоприятные результаты.

Во всяком случае то, что намечается в этой области, и то, что отчасти уже сообщалось, это должно быть принято отнюдь не как какая-нибудь уступка или как результат неуверенности Советской власти в том, что она прочна; это отнюдь не означает, что мы — новые соглашатели и соблазняем кого-то своими уступками, чтобы добиться большей устойчивости. Это вздор. Новая экономическая политика диктуется вовсе не этим, а тем, чтобы создать больший интерес у большего количества населения к государственной работе, к укреплению нашей страны, к умножению материальных, экономических богатств рабоче-крестьянского государства.

Так обстоит дело у нас внутри страны. И мы думаем, что эта новая политика даст много новых возможностей дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского государства.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СУМЕЕТ СУРОВО РАСПРАВИТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПОЙТИ ПРОТИВ НЕЕ

Все то, что здесь рассказывают о кронштадтских событиях, о широких волнениях, которые происходят в России, — это вздор.

Мы знаем, как во многих аулах изображались кронштадтские события: будто бы дело доходило до того, что пора складывать рабочим и крестьянским; представителям свои пожитки и бежать в дикие ущелья. Нет. То, что было, то ушло безвозвратно. То, что произошло в Кронштадте, было действительно самым настоящим, вооруженным бунтом: кронштадтское «правительство» возглавлялось бывшими царскими генералами, руководилось нашими политическими противниками — меньшевиками и эсерами, все это было, и была самая настоящая драка, отчасти происшедшая потому, о чем я говорил, — слишком тяжело и голодно в центре. Люди под влиянием ежедневной нужды очень легко поддаются на всякие авантюры.

Но кончилась эта авантюра печально не для нас, а для тех, кто хотел пошатнуть рабоче-крестьянское государство.

И если Советская власть очень часто прибегает к широким уступкам трудовым слоям населения, то она в то же время жестоко наказывает за измену, где бы она ни происходила, хотя бы и в Кронштадте. Горцы должны почувствовать и понять, что всякие новые попытки в этом направлении будут оканчиваться тем же, чем окончилось в Кронштадте. Горский народ был отрезан от нас еще совсем недавно огромным фронтом, на котором стояли враги, вооруженные с ног до головы и снабженные лучшей современной военной техникой, всеми теми чудовищами, вроде танков, которые вам вчера показывали. Это ведь их техника! Если и в то время горцы смотрели с огромной надеждой на ту власть, которая сидела чуть ли не в одной Московской губернии, то теперь не имеется основания сомневаться, что мы можем хотя бы на одну йоту почувствовать себя непрочно. Всякий, кто встретит в ауле у себя какого-нибудь агента, шептуна, вроде Ахмета Цаликова /Цаликов А. Т. (Ахмет) — помощник присяжного поверенного, осетинский меньшевик, буржуазный националист. В 1921 г. — член контрреволюционного Азербайджано-Северокавказского комитета, образовавшегося в Тбилиси, ставившего своей целью борьбу против большевиков на Кавказе. После советизации Грузии эмигрировал за границу. — Ред/, который попробует нарисовать ему картину возможного возврата к прошлому, пусть плюнет этому человеку в глаза и предложит оставить все несбыточные надежды.

Прошлое ушло в историческую вечность. И каждый, к какой бы партии и группировке он ни принадлежал, должен твердо и определенно сказать себе: Советская власть есть и будет, в этом нечего сомневаться.

Нет такой силы и возможности внутри рабоче-крестьянской России, которая могла бы не только сбросить, а хотя бы только поколебать власть в этом огромном государстве. Поэтому все те, у кого есть истинное и искреннее желание укреплять рабоче-крестьянскую власть, те должны на это отдать все свои силы, а тот, кому эта власть наступает на мозоль, — должен смириться. Если же она

кого-нибудь задевает слишком, тот должен как-нибудь сжаться. Другого выхода нет. Если барашек нужен Советской власти, то, как ни перекрашивайте его в черный цвет, она его возьмет, если только барашек не пойдет сам и на своем бараньем языке не заявит, что принадлежит Советской власти.

Наша задача и задача населения всех республик, входящих в огромную Советскую федерацию, сводится именно к тому, чтобы везде и всюду, приехав в аулы, собравши стариков и молодых, прямо сказать: «Хорошо ли, плохо ли, полагается по шариату или не полагается, — Советская власть никуда не уйдет. Единственный способ избавиться от Советской власти — это последовать примеру Чермоева, Джабагиева, Цаликова: забрать все, что есть, и направиться в отдел пропусков и взять пропуск на проезд, сначала поехать в Грузию, потом дальше куда-нибудь, за пределы нашей огромной РСФСР. Если душа не терпит, то надо постараться переломить себя, — будет легче, так как рано или поздно мы приведем все в советский порядок».

Теперь, по окончании гражданской войны, мы чувствуем себя твердым государством, которое может и имеет право разговаривать с каждым, как с сыном одной огромной семьи, где никаких раздоров и междоусобиц поднимать нельзя. И что это действительно так, об этом свидетельствует не только то, что мы вам заявляем здесь и имели честь докладывать, — об этом так же думают и наши противники, наши враги.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПРОЧИЛОСЬ

Прочность всякого государства зависит не только от того, как внутри дело обстоит, но зависит и от того, как смотрят на него соседи.

Вы хорошо знаете, что было время, когда у нас здесь было несколько государств, от Базоркино нельзя было проехать в Ольгинское / Базоркино — ингушское, Ольгинское — осетинское селения, расположенные в километре друг от друга. Здесь были наиболее ожесточенные столкновения между ингушами и осетинами в 1918 году. — Ред. /, потому что там уже было другое государство. Так было недавно.

То же самое представляла и наша Республика. Она была окружена со всех сторон бандитами, которые имели огромное желание каждый день и каждую минуту наброситься на рабочих и крестьян России. Если это перевести на время, то выйдет, что полгода мы воевали с отечественными врагами и три года воевали с иностранной контрреволюцией, ибо белогвардейцы все для войны получали от Антанты. Оттуда все шло.

Теперь мы посмотрим, как сейчас о нас думают в Западной Европе. Вы знаете, Европа нас за государство не считала и делала все, чтобы завоевать Советскую Россию, бросала на это большие деньги и т. д. А теперь, когда пришлось барону Врангелю, не как библейскому, а как новоявленному маленькому Ною, сесть в ковчег и выехать за наши пределы, наше положение стало настолько приличным, так что мы ходим сейчас по Европе, как и всякий там живущий.

Раньше мы, чтобы провезти туда хотя бы одного человечка посмотреть, как живут в буржуазном мире, брали массу пропусков и документов, и нельзя было все-таки проехать, чтобы не быть где-нибудь арестованным.

Сейчас ничего подобного нет. Сейчас представители рабоче-крестьянского государства в Европе во многих местах если не первые люди, то приняты в «самом хорошем обществе». Если вчера они считались «бандитами» и опасными, которых нельзя допускать в буржуазные страны, то теперь ничего подобного нет. Сейчас с ними разговаривают таким языком, на котором принято говорить с представителями организованных твердых государств. И там, где нам не открывали двери вчера, сегодня — «почет и уважение», не боятся, что ты коммунист, что ты большевик, который устроил беспорядок в России. С нами разговаривают как с представителями огромной организованной страны. Даже когда мы делаем какую-нибудь неосторожность и даем повод вмешаться в наши дела, этого вмешательства не происходит. Антантовские пароходики, скользя мимо Черноморского побережья во время недавних событий в Грузии, только для приличия дали несколько залпов по железной дороге, проложенной по берегу, — и этим дело ограничилось. А раньше, если грузинское правительство сказало бы: «Пойдемте бить большевиков», если бы меньшевики закричали о помощи, то вся Европа стала бы им помогать, очередь устроила бы, чтобы помогать бить русскую большевистскую Красную Армию. Теперь эта мода прошла. Теперь Европа все чаще и чаще посылает таких людей, которые разговаривают не винтовками, а дипломатически ведут переговоры во фраке и белых перчатках, как полагается в буржуазных государствах.

НЕТ СЕЙЧАС ТАКОГО БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ХОДИТЬ СПОКОЙНО, ПО БЕЗОПАСНОЙ ДОРОЖКЕ

Это происходит вовсе не потому, что мы выцвели, побледнели, легче стали брать на поворотах, чтобы не свалиться под откос автомобилю, на котором едет русский пролетариат. Нет, мы какими были, такими и остались. Так же будем заниматься тем делом, которым занимались, вести борьбу за

интересы трудящихся и будем помогать освобождению всех угнетенных и обиженных на всем свете. Изменились не мы, изменилось положение нашего противника, самой Антанты. Если вчера Антанта представляла из себя нечто могущественное и грозное на земном шаре, то теперь от такой Антанты не осталось и следа. И теперь об этом антантовские бабушки рассказывают как о прошлом.

Прежде по малейшему мановению английского адмиралтейства английский флот запирал все выходы и входы великой Советской страны. Теперь ничего не выходит. Всякий приказ наталкивается на то, во что сейчас уперлись главные бандиты на международном поприще — руководители буржуазной Англии. Эта страна исстари славилась тем, что прекрасно била всех на морях и называлась «владычицей морей». Последняя война показала, что она не менее могущественна и на суше. Теперь эта могущественная страна, которая дирижировала всем миром и задавала тон, от которого до сих пор очень солоно, — она сейчас стоит перед вопросом своего собственного существования. Миллионы английских рабочих забастовали самым настоящим, самым безжалостным в отношении буржуазии образом, — эта штука может легко привести к тому, что в Англии произойдет революция. И скрывать не станем: несмотря на то, что мы как бы узаконили главу английского правительства — Ллойд-Джорджа (он для нас в высокой степени заманчивая персона), недавно заключили с ним договор, — но все-таки «торговать» с рабочими нам приятнее, чем якшаться с антантовской буржуазией. Пророчествовать не стану, но возможность такого поворота не исключена. Об этом говорит и знает само английское правительство, которое и день и ночь занято тем, чтобы собрать надежные воинские части английской армии, поставить их во все уголки государства, чтобы в каждую минуту быть готовым верным ударом расправиться с бастующими рабочими. Удастся это или нет — я не знаю. Но, во всяком случае, государство, которому приходится ставить одну часть населения против другой, это государство переживает очень невеселое время.

У нас таких вещей не бывает. А там, где рабочие напирают на буржуазию, мы там приложим свои руки самым настоящим образом. (Аплодисменты.) Мы бастующим английским рабочим скажем: поможем всем, чем можем. Люди мы небогатые. Все, что от нас зависит, сделаем, но главное — посоветуем вам: поставьте дело так, чтобы ваша коммунистическая партия, которая у вас есть, повела бы вас вперед, ибо только она может вывести вас из тяжелого положения. Если, бросив работу на заводах и фабриках, станете ходить заложив руки в английские штаны и ждать, то так у вас ничего не выйдет. Дождетесь того, что было с ленскими рабочими в 1912 году, о чем мы вспоминали вчера. Это дело не подходит. Если остановите английские фабрики и заводы и шахты будут заливаться водой, конечно, буржуазия не будет на вас смотреть и, конечно, будет бить. Чтобы не дождаться этого момента, есть один исход: как в Октябрьскую революцию, взять инициативу в свои руки, подойти, развернуться и хлопнуть самому, действовать так, как это у нас было в Октябрьскую революцию. Приехали в Петроград — такой-то полк — за нас, такой-то — против. Мы видим, что с той стороны, у Керенского, не твердо. Одни говорят: «соглашательством действуйте», другие — «уступками». Нет, таким моментом надо пользоваться. И мы начали наступать. Из Питера тогда вся буржуазия стала катиться на юг и на север. Такое положение сейчас по всей Европе. Нет такого правительства, которое могло бы ходить совершенно спокойно, по безопасной дорожке. Всякое правительство в Европе сейчас ходит по канату, балансируя, как бы не сломать себе голову. Это не слова, а действительность. Об этом свидетельствует то, что происходит в Англии, что наблюдается в Германии. То, что было у нас во времена керенщины, — примерно то же сейчас в Германии. Если слышим: «могущественная культура, огромное государство», — это вздор. Теперь этого нет. Это было в старой Германии, а сейчас в Германии что ни область, то и свое особое положение, все держится на вооруженной белогвардейской солдатчине и больше ни на чем. Даже и в Англии все старые пружины теперь лопаются и трещат. Таким образом, то изменение отношений к нам, которое произошло в Европе, совсем не объясняется тем, что мы стали более причесанными и выцвели за эту гражданскую войну. Если понадобится, покраснеем еще больше, но не побледнеем ни на йоту. Это мы заявляли всегда. (Аплодисменты.)

С Англией плохо. Дома у английской буржуазии неблагополучно. Пока они занимались Российской республикой и смотрели за рабоче-крестьянской Россией, вместо того чтобы посмотреть у себя дома, они свои дела просмотрели, так как дом-то оказался разоренным. И теперь, что ни день, все начинает разваливаться по всем швам. От прежнего авторитета не остается и следа. Дело дошло до того, что на предложение персидского правительства вывести войска Англия отвечает: «С полным нашим удовольствием». (Аплодисменты.)

Если недавно те же английские генералы успешно заправляли войной против Мустафы Кемаля на турецком фронте, то теперь настолько изменилось положение, что турецкая делегация принята в Лондоне и начинаются деликатные переговоры. Дело дошло до того, что кемалисты бьют по носу Антанту, а несчастным грекам настолько плохо, что они растрепаны совершенно. (Аплодисменты.)

При таких условиях ничего другого не остается, как стать на путь переговоров, которые уже начались с турецким правительством. Политика хождения по канату сейчас заставляет Антанту искать дружественных отношений и устанавливать торговую связь с теми, с кем они вчера воевали, кого хотели

уничтожить. Хорошо, отвечаем мы, если придет к нам паровоз из буржуазной Америки, мы купим и скажем: «С полным удовольствием». (Аплодисменты.) Наши советские рельсы его выдержат. Подписывая с нами договоры, страны Антанты знают, что одновременно мы устанавливаем дружественные отношения с врагами Антанты — с правительством Ангоры, которое, конечно, ближе нашему советскому сердцу, ибо борется с нашими врагами за свое освобождение. (Аплодисменты.) И Антанте приходится мириться с этим, так как выхода у нее нет. Это лишь доказательство того, до какого состояния европейские государства доведены: им приходится молиться и корану, и евангелию, и чему угодно. Главная наша задача была в том, чтобы с мертвой точки сдвинуть европейский порядок, и мы его нарушили несомненно. Весь европейский лоск покрыли самым настоящим нашим «азиатским» налетом, и не сегодня-завтра трещины, которые продолжают углубляться нашими договорами и нашими братскими отношениями с западноевропейскими коммунистами, еще больше увеличатся. Таким образом все приводит к тому, что Антанта разваливается. Нет уже больше былой стройности, нет того величия. Напрасно страны Антанты поклялись защищать друг друга до последней капли крови. Клятву пришлось нарушить. Каждый сам себя защищай. Поучителен пример маленькой Грузии, которая попала в самое трудное положение, и Антанта должна была бы встать по всем правилам на защиту ее от грузинских рабочих и крестьян, так как Грузия является членом Лиги наций. Если теперь английским рабочим придется взять за горло Ллойд-Джорджа, Париж не отзовется, а скажет: «Как-нибудь сами справьтесь, так как у нас здесь тоже плохой ветер дует и с каждым днем и часом у нас, в нашей мировой столице, все более популярным становится коммунист». Вот какое положение сейчас в Европе. Таким образом, если мы говорим, что внутри у нас вопиющая нужда в самом необходимом и жизненном, то в смысле политическом рабоче-крестьянское государство прочнее, чем любое государство Европы, и можно сказать, что мы живем в самом счастливом, обеспеченном государстве.

Кто-то из буржуазных представителей Европы сказал, что в Советской России можно наблюдать смену одного наркома другим и третьим и все-таки в России проводится одна политическая линия. Ничего подобного нет ни в одном европейском государстве. Там идет правительственная чехарда, вызываемая обостряющейся борьбой между капиталом и трудом. Эта борьба принимает такой характер, что хотя нет открытых вооруженных столкновений, но те, которые находятся во главе государств, сидят не крепко. Со времени, когда стал признанным факт существования рабоче-крестьянской страны, ломаются все министерские кресла Западной Европы.

НЕ УПУСКАЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ, ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сейчас наша задача внутри страны — добиться того, чтобы всякий честный и порядочный человек, который понимает хотя немного больше того, что есть у него под носом, сознательно относился к строительству рабоче-крестьянской власти. Все должны понять, что сейчас нужно не упускать ни одной минуты, возможно дружнее и храбрее подойти к нашему фронту нужды, потому что от этого будет зависеть не только удовлетворение собственных экономических интересов каждого трудящегося, но это и перед лицом европейских государств поможет нашим интересам. А мы знаем, что существование Советской власти в одном оазисе — России — полностью и окончательно обеспечено не будет, а в то же время каждый лишний день нашего прочного существования расшатывает Европу.

Советская Россия самым фактом существования ведет агитацию среди всех народов, и всякий, кто в Европе упомянет о нас, о том, что Россия первая подняла знамя мировой революции, тем самым покоряет сердца рабочих и, несмотря на старания бандитов в Кронштадте, агитирует за нас, указывая, что все же в Кремле сидит Совнарком.

Народ в Европе видит и знает, что рабочие и крестьяне России крепко держат власть в своих руках. Это в России, самой некультурной стране, рабочие и крестьяне не только взяли власть, но и правят государством свыше трех лет. Враги говорили, что правят какими-то особыми приемами: грабят, режут, насилуют, глотают живых кроликов и умирают голодными. Но оказывается, что и в нужде и в радости поют «Интернационал» и верят в правоту своего дела. Очевидно, на русских рабочих клевещут, так как они вовсе не звери. Этого достаточно, чтобы Европа революционизировалась.

Теперь нам нужно не только подписывать торговые договоры, но и делать все, чтобы содействовать укреплению рабоче-крестьянской власти, и, как прежде мы все несли на фронт войны, теперь нужно нести на фронт хозяйственной нужды.

По мере того как мы будем побеждать на этом последнем фронте, перед нами все шире и шире будут открываться двери к нашей конечной цели. Для всемерного содействия борьбе на фронте хозяйственной нужды мы решили использовать все возможности не только внутри нашей страны, но и вне ее.

Мы не задумаемся заняться торговлей, «спекуляцией» в международном масштабе. Мы посылаем для этой цели всюду нашу советскую агентуру. Мы объявили свободными для входа иностранных торговых судов все наши советские порты, куда могут иноземные торговцы привозить любые

товары, за которые мы будем платить золотом, сырьем, которым располагаем в изрядных размерах.

Идем мы и дальше: можем дать под разработку иностранным капиталистам огромные нетронутые лесные пространства, залежи угля и прочее.

Для нас все равно, куда они будут отправлять это сырье. Куда угодно, в любую страну! Только бы не попасть нам в новое рабство, только бы скорее видеть и там, в Европе, красное знамя, раздвинуть фронт борьбы, которая закончится победой труда над капиталом.

Капитал Европы, конечно, против нас, но тем не менее и капиталистам не так весело, как это принято думать: им также приходится изощряться, искать выхода, — сказываются последствия продолжительной войны и хозяйственное истощение в результате ее.

Мы сейчас находимся в такой стадии существования, когда вскрываем все возможности к укреплению рабоче-крестьянского Советского государства: мы заключаем торговые соглашения с капиталистическими странами, мы даем возможность проявить инициативу всей огромной массе крестьянства, которая еще не может воспринять коммунистические идеалы, которая укрепляет свое собственническое мелкобуржуазное хозяйство. Как бы ни был ответственен и труден тот момент, который переживает Советское государство, мы все же имеем и много возможностей для того, чтобы начать со всех сторон обогащать и укреплять Советскую Россию. Возможность развернуть настоящие широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную. (Аплодисменты.)

Каждый наш успех будет немедленно отзываться в Европе и на Востоке. На нас смотрели с полной безнадежностью и думали, что как только в России окончится гражданская война и рабочие и крестьяне примутся за восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства, тогда мир будто бы увидит, какие большевики безнадежные хозяева.

Нам нужно сейчас как можно скорее показать, что мы способны не только разрушать, но умеем и созидать, а это явится огромным плюсом в деле освобождения трудящихся. (Аплодисменты.)

НА ПУТИ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Задача наша поставлена. Наш последний партийный съезд совершенно откровенно вскрыл и перетряхнул весь хлам. Оказалось, что мы приехали к мирной гавани очень усталыми. Но мы установили, что в огромной, многомиллионной России, для того чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и идеалы лучших умов человечества и подлинных защитников угнетенных, — для этого в России еще найдутся силы.

Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, созидается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надежный путь, и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и, несомненно, победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и радоваться, он идет к счастью, и ничто не ввергнет его в анархию.

Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придет в царство социализма.

(Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

О ШАРИАТЕ

Речь на Учредительном съезде Советов Горской ССР 21 апреля 1921 года

Товарищи! Я немного времени отниму у вас только для того, чтобы дать некоторый отвод не совсем точному толкованию отношения Советской власти к вопросу, который долго и слишком горячо дебатировался здесь сегодня.

Дело в том, что горячность эта совершенно понятна потому, что между нами, носителями рабоче-крестьянского красного знамени, и многомиллионным Востоком наши противники стараются вбить клин, часто спекулируя именно на этом вопросе — на вопросе о шариате.

Как мыслим мы это дело?

С первого дня мы заявили, как мы относимся к религии. Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь; это первое положение установлено нами давно.

Что такое шариат — все вы знаете. Если бы весь вопрос сводился только к религиозной стороне дела, все было бы просто. Но тут затрагивается другая область — область общего управления.

И вот маленькие справки из той области, как Советская власть смотрит на этот вопрос.

Что такое Советская власть? Это такая власть, которая должна быть в полном смысле слова властью рабочих и крестьян. Управлять может крестьянин и рабочий и каждый выбранный ими, лишь бы эта власть была такой властью, которая народу, рабочим и крестьянам, была понятна и близка от начала до конца, и все то, что наполняет Советскую власть, было бы целиком и полностью воспринимаемо и непосредственно было бы годным для этих широких трудящихся масс.

Отсюда вывод. Раз это так, — а это несомненно так, — то нельзя придумать власти рабочих и крестьян, которая была бы по методам своей работы одинаковой для всех народов.

Если мы будем по одному шаблону строить наши суды, — о чем говорилось здесь, — естественно, из этого решительно ничего не выйдет. Это совершенно определенно и понятно. Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти вам не раз говорили: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату: это дело ваше» — в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей, живущих здесь, Советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята.

Вот как просто стоит для нас этот вопрос. И только то, что в старое время сплошь и рядом этот вопрос принимал здесь совершенно неправильную, уродливую форму, привело к тому, что здесь товарищи из отдельных национальностей подходили к нему несколько сгоряча.

Никоим образом наша коммунистическая партия никогда не собиралась устанавливать какого-либо контроля над вашим шариатом. Это дело ваше. Коммунистическая партия не касается этого вопроса ни с какой стороны.

Те новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым и должна отвечать Советская власть, где бы она ни была — в Москве, в Назрани или Константинополе. Только при этих условиях мы сумеем осуществить те общие идеалы, которые нами здесь развивались так долго, в течение всего съезда.

Мы вовсе не стараемся вести какой-то экзамен религии. Это ваш мир. Еще повторяю, это дело не касается нас. В этом смысле я мог бы привести целый ряд фактов из советской практики, и все их так или иначе знают.

Здесь один из делегатов заявил: тут как будто все предлагается, что нужно нам, но чувствуется определенное недоверие к нам и какая-то, как он сказал, дипломатия. Это буквально его выражение.

Этот человек не может понять самого простого. Я скажу, что никакой дипломатии нет. Пусть он присмотрится, что делается среди его единоверцев в Турции. Мы видим, что турецкий народ раскололся пополам. Получилось константинопольское правительство, которое продалось Антанте, — там существует свой шариат, и знаем другое правительство, анатолийское, где во главе стоит Мустафа Кемаль, — там тоже шариат. Очевидно, шариат служит народам или группам людей, но не наоборот.

Основное требование к форме судопроизводства, которая интересует вас и которая здесь устанавливается, мною уже изложено.

Мы заявляем: устраивайте это дело как угодно, ибо это дело ваше, только не должно быть отступлений от работы на пользу укрепления рабоче-крестьянского государства.

Больше решительно ничего не нужно, и вся наша «дипломатия», о которой говорил здесь т. Измайлов, сводится именно к этому.

Он говорил: «Если дадите шариат, то дайте целиком и полностью».

Но что такое «целиком и полностью»? Вот здесь-то мы и видим самую форменную, настоящую дипломатию. У нас в смысле устройства рабоче-крестьянской власти на местах нет ни малейшей дипломатии. Вся дипломатия сводится к тому, что независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Если под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять.

Это наша задача. Я не знаю, может быть, многие принадлежащие к разным верованиям нас не понимают, но мы такими уже родились и не умрем, а будем жить и развиваться в дальнейшем. Берите нас, какие мы есть. Я думаю, что всякий, на какой бы точке зрения он ни стоял, нас поймет в конце концов.

Те резолюции, которые завтра предложат здесь в окончательной форме, должны быть поняты так, что единственная дипломатия, которую мы преследуем, — это освобождение всех угнетенных национально и экономически в пределах Горской республики. Если эту заповедь принимаете, то мы говорим дальше: в области религиозной делайте что хотите. Это не касается нас.

И дальше мы говорим: создавайте свои школы на вашем родном языке, на каком языке хотите — это ваше дело. Если хотите устраивать суды на своих основаниях, — делайте это как вам угодно. Никакого контроля коммунистическая партия не может и не должна наводить в этом отношении. Но помните, что все эти формы жизни, и школы и все организуемые нами институты, должны стремиться к одному — чтобы укрепить здесь власть рабочих и крестьян.

Приведу такой пример: предположим, завтра волею Христа или Магомета поднимется генерал Деникин и пойдет в суд шариата и отдаст себя на волю революционного правосудия. И этот шариатский суд (я, правда, этого не допускаю), вместо того чтобы сделать усекновение генеральской головы Деникина, окружит его ореолом мученика, — такого суда ни один рабочий и крестьянин, преданный настоящей власти, не допустит.

Однажды ингуши, обсуждая вопрос о грабежах и разбоях, в своем постановлении сказали так: судите грабителей судом шариата, но по закону Военно-революционного трибунала. Это то самое, что действительно нужно для укрепления рабоче-крестьянской власти.

Напрасно упрекали нас, что здесь какая-нибудь дипломатия. Единственная дипломатия наша заключается в том, чтобы возможно больше дать средств для укрепления власти вашей, трудящейся бедноты. Но переворачивать советский аппарат для того, чтобы он служил прикрытием черных воронов, врагов наших, этого мы не потерпим. В Москве была такая обстановка, когда в Кремле часы на башне играли «Коль славен наш господь», а теперь часы играют наш коммунистический «Интернационал». Мы не знаем и не хотим знать, как мыслят сидящие под куполами этих башен, но «Коль славен…» играть им не позволим. А религия — их дело. Это — собственное их дело, и только.

Пусть в душе какой-нибудь архиепископ и не стоит за Советскую власть и пусть мысленно поет контрреволюционные мотивы, но когда это выльется наружу, когда получится угроза государству, тогда мы будем никуда негодными людьми, если не предупредим это зло.

Если благодаря автономии, шариатскому суду и прочему попытается развязать руки контрреволюция, мы тогда скажем: этот шариат не годится. Если шариат потребует, чтобы сегодня взяли меня за глотку, меня как представителя рабоче-крестьянской власти, — я, как и Советская власть, умирать не хочу, защищаться буду, и уже тогда разрешите взять за горло того, кто собирается душить Советскую власть. Как видите, философия очень простая.

Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Пройдет время — будет подлинный коммунистический рай. Но все же это не значит, что все на земном шаре во всех отношениях будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень нескоро заговорит на одном общем для всех языке.

Если такая точка зрения кое-кем считается неудобной и кое-кто думает, будто бы мы вам не доверяем, а разыгрываем дипломатию, то это говорит о том, что есть среди вас такие элементы, которые хотят воспользоваться вопросом о шариате, чтобы поссорить собравшихся здесь. Могут

сказать: «Мы просили шариат, но с нами разыграли дипломатию». Это говорит о том, что есть элементы, которые недовольны Советской властью вообще.

Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине.

Совершенно неправильно говорили, что Советская власть пошла на уступки и прочее. Здесь никаких уступок нет. Здесь просто союз отдельных национальностей. И мы вовсе не такие дураки, извините за грубость, что, придя в совершенно новый для нас мир, стали бы навязывать вам то-то и то-то. Скажем, если бы мы приехали в Чечню и сказали бы: «Разговаривай только по-русски», это покажется смешным. Также смешно показалось бы, если бы мы пришли и сказали: «У вас есть шариат, а у нас в Москве никакого шариата нет. Бросьте ваш шариат и берите нашу московскую форму суда, а свою бросьте».

Чеченский язык плох или неплох, я не знаю: язык как язык, каких много; и если вам угодно устраивать ваши судебные учреждения — устраивайте как хотите, но помните одно: не пойте на чеченском языке «Боже, царя храни», хотя бы на чеченском или другом языке — мы этого не допустим. (Аплодисменты.)

То же самое надо сказать и о шариатском судопроизводстве. Если будут восстановлены в ваших судебных руководствах старые законы и старые положения и если вместо портрета товарища Ленина в помещении суда будет висеть портрет Николая II, извините, такое помещение должно быть запечатано при всем нашем уважении к шариату. (Аплодисменты.)

Вопрос о шариате — тот же самый, как и вопрос об языке. Нам все же было бы приятно, если бы, проходя в школах все науки на чеченском языке, для укрепления власти рабочих и крестьян ученики интересовались бы тем, что написано в нашей рабоче-крестьянской азбуке, интересовались бы рабочей и крестьянской мудростью и — в лучшем случае — мудростью коммунистической.

Когда ингуши в Назрани задали мне вопрос, как мы смотрим на религию, я им сказал: «Эти мечети кто разрушил? Найдите хоть одну мечеть, которая разрушена была бы представителями рабоче-крестьянской власти или нашей Красной Армией. Этого вы не укажете».

И после этого здесь говорят о каком-то недоверии, о каком-то политическом подвохе. Это вздор, это форменная ерунда. Рабочие и крестьяне, будь то татарин или русский, кто угодно, они не могут подходить дипломатически к рабочим и крестьянам других народов.

Мы идем в этом вопросе совершенно открыто. Никакого тайного замысла здесь нет. Если кто путает и нас и вас, — это безусловно наши общие враги, которым выгодно воспользоваться религиозным моментом и начать сеять рознь, затормозив съезд, чтобы он разделился, и тем попытаться сорвать рабоче-крестьянскую власть.

Это вздор. Между рабочими и крестьянами всех национальностей и всех горских народностей никакой дипломатии не существует. Если мы ловкие дипломаты в отношении контрреволюции, то обманывать бедноту — чеченцев, ингушей, осетин — рабочих и крестьян — это значит обманывать самих себя.

В тех резолюциях, которые здесь будут предложены шариатистами и коммунистами, особой разницы не будет — мы договоримся; а всех остальных, которые хотят нас запугать, без всяких сомнений выгоняйте и продолжайте дело укрепления власти рабочих и крестьян.

Давайте создавать более близкие вам формы рабоче-крестьянского общежития, и, надеюсь, вы сделаете это здесь подавляющим большинством съезда.

Мы умышленно просили открыть по этому вопросу прения, чтобы сказать не только о нашем понимании шариата, а сказать также: когда приедете на места, то скажите, что все было сделано соответственно вашим чаяниям и нуждам трудящихся.

Приступайте к окончательной постройке такой рабоче-крестьянской власти, в прочности которой не сомневался бы ни один из делегатов, хотя бы он был сторонником шариата.

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

30 декабря 1922 года

Товарищи! Товарищ Сталин в своем докладе сегодня сказал, что настоящий день является днем торжества новой, рабоче-крестьянской России. Товарищи, я не знаю, как относятся к этому те, которые живут близко к главному источнику Советской власти и коммунизма — в Москве, но я ручаюсь, что все те рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдаленных окраин, они как нельзя больше торжествуют в сегодняшний день. У нас у всех в памяти старая Россия. Мы знаем основную заповедь царского режима: гнет, унижение, национальная травля. Мы помним, как нам еще в детстве пели песни о том, что там, на далеких и диких окраинах, живут какие-то безумцы, которые занимаются, как, например, чеченцы, только тем, что неустанно ползут на берег и точат свой кинжал. Вы помните, как все делалось для того, чтобы отдельные народности стонали под сапогом, торжествовавшим тогда в России. И только теперь, только спустя пять лет, мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью. Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»

Я думаю, что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося сейчас. Я думаю, что не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих, скамьях нехватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт. Я думаю, что вместе с тем это здание должно являться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Товарищи! Может быть, этот момент послужит лишним толчком к тому, чтобы европейский пролетариат, все еще спящий в большинстве своем, все еще не уверенный в торжестве революции, все еще сомневающийся в правильности тактики коммунистической партии, чтобы он при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю.

Может быть, тогда они поймут, что настал, наконец, такой момент, когда надо тряхнуть проклятую капиталистическую землю так, чтобы все, что гнуло нас в течение веков, было сброшено в бездну истории. И на этом новом, румяном, красном, революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными, стройными рядами пойдем из этих жалких хижин в волшебные дворцы с великим гимном Интернационала.

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС

Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 года

Товарищи! Вы знаете, что говорить о жизни незабвенного Ильича — это то же, что говорить о жизни и движении русского пролетариата. Так тесно переплелась вся личная жизнь Владимира Ильича с судьбами русского рабочего движения.

Ровно 54 года тому назад на берегах великой русской реки родился человек, которому суждено было потрясти весь мир. В это время рождался также застрельщик мировой революции — русский рабочий класс.

Ленин рано обнаружил данные вождя мирового пролетариата. Уже с ранней юности он проникается теми идеями, которым отдал всю свою жизнь.

Есть интересные воспоминания Марии Ильиничны о том, что, когда был казнен старший брат Ленина, эта роковая весть потрясла его. И не потому, что это был его старший брат. Он видел ошибки в деятельности народовольцев — партии, к которой принадлежал казненный. Но эта казнь не могла не повлиять на выработку мировоззрения Ильича. Получив эту весть, он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо итти».

Уже в то время он намечал новые методы революционной борьбы пролетариата. К 25 годам Ильич так знал Маркса, как мы еще не знаем его и до сих пор.

ПРОВИДЕЦ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже тогда путь и исход борьбы были для него ясны — этот путь говорил, что только захватом власти революционным пролетариатом начнется перестройка человеческого общества на новых, коммунистических началах. Но 30 лет тому назад еще никто так не думал и когда появились первые книги Ильича, многим стало ясно, что в будущем он развернет все силы своего обширного ума.

Уже с тех пор Ильич начал завоевывать прочное руководящее положение в революционной среде. Он был гений прежде всего. Он был гений и в отношении силы воли. Трудно найти равного ему по характеру.

И своей дорогой он шел уж не так «просто». В оценке же окружающих его людей он был беспощаден.

Постепенно он вырастает в вождя мирового пролетариата. Если проследить историю партии, то видно, как давно уже он приобрел авторитет.

МАРКС И ЛЕНИН

Маркса он знал от корки до корки. Он всегда и неизменно возвращался к великому учению и в нем он черпал свои силы и свои откровения. Он был великим последователем Маркса.

Целая эпоха отделяет друг от друга этих людей. При Марксе только зарождалась борьба с капиталом. Ленин же жил в эпоху, когда революционный пролетариат уже сложился в класс. Ленин развил учение Маркса. В применении марксизма он сочетал широту русской натуры с американским практицизмом.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Когда Ленин руководил 150-миллионным народом, в особенности крестьянством, ему помогал его практицизм.

Сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого еще не видал мир.

Ленин прекрасно знал этапы развития капитализма в России. Он видел небольшую кучку пролетариата и огромную массу крестьянства. Уже в 1905 году, когда многие из нас теряли голову при развертывавшейся буржуазной революции, Ильич ясно поставил вопрос о крестьянстве. И мы поняли, что у нас должно быть государство рабоче-крестьянское. Необходимость рабоче-крестьянского союза глубоко врезалась в наше сознание. Ильич не сомневался ни на одну минуту, что подлинными носителями социализма могут быть только рабочие, вместе с тем он пришел к выводам, что пролетариат не может один совершить революцию, что он может ее осуществить в союзе с крестьянами.

ЛЕНИН И ВОСТОК

В деятельности Владимира Ильича следует отметить его интерес к угнетенным национальностям

Востока. И в вопросе об угнетенных национальностях Ильич нам дал не меньше откровении, чем в других областях.

Если русский мужик называет Ленина отцом, то люди желтой, черной и всех рас с неменьшим правом также называют его отцом. В масштабе мировой борьбы за социализм он учел огромную армию Востока.

Мы видим громадное движение в странах Востока, где капитализм только развивается. Только гениальный Ильич мог предвидеть, что Восток может стать революционным. В этом его огромная заслуга.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто знал Ильича, могут констатировать факт, что империалистическая война сильно повлияла на развитие его мировоззрения. В то время социал-соглашатели Гильфердинг, Каутский и другие утверждали, что война оправдается, что она создаст какую-то новую эпоху для демократии. И только Ильич отнесся глубоко отрицательно к этой мерзкой бойне. Он определенно заявил, что капитализм хочет утопить в крови революционное движение европейских рабочих. Тогда его голос был одинок. Но уже в Циммервальде он находит сторонников. Никто, как Ильич, не разоблачал эту войну. Он делал все возможное, чтобы она была последней. Он говорил: мир погибнет, если не повернет своих штыков против своих угнетателей.

От этого у меньшевиков волосы становились дыбом. Но воля Ильича не знала препятствий. Теперь мы видим, что его гениальная тактика была плодотворна. Уже тогда, уходя с меньшевистских дискуссий, Ильич говорил, что в момент захвата власти пролетариатом меньшевики будут по ту сторону баррикад. Он не ошибся. Тогда же создавались гнусные легенды о германском золоте, запломбированном вагоне и т. д. Но Ильич твердо ковал свои заповеди против войны и выковал то, что называется III Интернационалом.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ

История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича. В деле создания Российской коммунистической партии (большевиков) он показал себя как великий организатор. Наши враги, соглашаясь, что у Ленина светлый ум, отнимали у него организаторские способности.

Его уменье предвидеть, огромная энергия и настойчивость, его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию. Наши враги за границей отлично учитывают, что самый злейший враг их — это наша организация.

В нашей партии много твердых людей, но таких, как Ленин, не было. Вступавшим в Коминтерн он диктовал жесткие условия. Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии.

Настанет пора, когда извлекут из архивов документы, где зафиксирована гигантская работа Ильича. Но есть и другие документы, говорящие об Ильиче, как о великом провидце. Он предсказал империалистическую войну и Февральскую революцию. Когда же настал февраль, Ильич писал, что назревает другая революция, которая поведет рабочих и крестьян против английского и французского капитала. Он не ошибся.

Можно сказать, что изучение международного революционного движения — это есть изучение самого Ленина.

ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ

Скажу несколько слов о Ленине как о человеке. Более сердечного человека никто из нас не встречал. Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас. Был ли такой член партии, который не знал бы его сердечности!

В кругу товарищей он видел всех насквозь, но этого не показывал. Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах. Даже наши враги были очарованы Ильичем.

Никто не знал так человечество, как он, и только этим можно объяснить его революционную смелость.

СОХРАНИМ В ПАРТИИ ДУШУ ИЛЬИЧА

Ленин умер. Но уйдя от нас в могилу, он только вчерне успел закончить гигантскую работу.

Он заложил фундамент будущего социалистического строя.

Каждый из нас, выросший в коммунистической партии, чувствует руководящую руку Ильича.

И если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведем его постройку до конца. Нам все же теперь уже легче. У нас надежный, проверенный партийный компас, и мы дорогу найдем.

Ильич говорил нам: идите вперед и вперед, чтобы зверский капитализм больше не бросал на поля сражений рабочих и крестьян.

Из его наследства мы создадим ленинизм. Только один путь к будущему — изучение ленинизма.

Проникнемся же вдохновением нашего вождя, возненавидим всеми фибрами нашей души все, что порабощает и оскорбляет человека.

С. М. КИРОВ
1925 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМСОМОЛ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ БУДЕТ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ОТСТАИВАТЬ ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА

Доклад на собрание комсомольского актива Выборгского района 15 января 1926 года

Товарищи! Мне поручено сделать вам доклад о работах XIV съезда нашей партии. Я должен заранее оговориться, что я остановлю ваше внимание только на самом главном и самом основном, что было на последнем нашем партийном съезде.

Вы не сомневаетесь, конечно, в том, что наш съезд имел исключительное значение. Вы знаете, что мы впервые получили возможность заняться строительством нашего государства без прямых, непосредственных помех со стороны наших врагов, и поэтому эти последние полтора года, прошедшие со времени XIII съезда, во многих отношениях являются для нашей партии экзаменационным периодом. И когда мы подводим — что и было сделано на съезде — общие итоги нашей работы за эти полтора года, мы должны с полной уверенностью сказать, что даже при самой строгой оценке всего того, что сделано нашей партией, — пусть эту оценку производят не только наши друзья, но даже наши враги, — и те должны будут признать, что у нас позади остался кусок времени, заполненный очень большим содержанием.

Я думаю, что едва ли есть необходимость подробно характеризовать состояние страны и прежде всего нашего хозяйства. Ведь основной работой, основным углом зрения нашей партии за последние полтора года было именно восстановление экономического состояния нашей страны. И я думаю, что каждый член партии, каждый комсомолец, по-моему, каждый здоровый человек, у которого голова на плечах и который способен разбираться в том, что он видит, всякий такой человек должен сказать, что мы действительно за последнее время совершенно» определенно шагнули вперед. У нас принято сейчас, подводя итоги нашему промышленному хозяйству, говорить, что мы подошли почти что к довоенному уровню. Цифра — 95 процентов довоенного уровня — сейчас как будто никем не оспаривается можно сказать, что как раз к XIV съезду нашей партии мы закончили восстановительный период работы в области нашего промышленного хозяйства. Все то, что мы получили в наследство, все то разорение, всю ту разруху, вокруг которой мы ходили, временами чуть ли не предаваясь отчаянию, — все это мы сумели залечить, и сейчас, вступая в новый год, мы должны уже себе ставить задачу иного порядка — задачу не равнения по довоенному уровню, а задачу реорганизации нашей промышленности и дальнейшего развертывания ее, о тем чтобы более или менее быстро превзойти все то, что было сделано до сих пор.

Если мы посмотрим на наше сельское хозяйство, то и здесь мы тоже уже сошли с мертвой точки, на которой стояли. Правда, у нас имеется еще много препятствий, начиная с того, что наша многомиллионная крестьянская масса, еще отсталая, находится на довольно низкой ступени культуры, что мы еще подвергаемся различным стихийным невзгодам, что мы в отношении усовершенствования нашей сельскохозяйственной техники отстаем, что мы находимся в условиях, когда перед нами стоят чрезвычайно серьезные и острые затруднения, не дающие возможности сельскому хозяйству развиваться так быстро, как нам хотелось бы. Но, несмотря на все это, нельзя отрицать того, что и в этой области наша партия, наша власть сделала, как я говорил, очень заметные, совершенно реальные успехи. Я думаю, что каждый из вас — не нужно для этого обращаться к каким-нибудь статистическим и прочим скучным исследованиям — что каждый из вас, просто наблюдая окружающую жизнь, видит, что имеется определенная разница между тем, что у нас было два года тому назад, и тем, что мы имеем сейчас.

Даже самые заскорузлые люди, которые думают, — правда, не совсем серьезно — притти в ближайшие годы на наши похороны, — и эти люди, несмотря на большую ненависть к нам, несмотря на то, что они нас обвиняют в тысяче смертных грехов, все же признают, что большевистская, коммунистическая партия показала себя не только в области разрушения, но и в области созидания, что большевики умеют не только сокрушать то, против чего они борются, но они умеют и созидать, возглавлять государственную власть в многомиллионной стране, окруженной со всех сторон врагами, готовыми каждую минуту воспрепятствовать мирному существованию этого многомиллионного народа, большевики и при этих условиях мало-по-малу, потихоньку создают государство, прочное государство, прочное, которому, даже по мнению врагов, могут позавидовать наши недоброжелательные соседи.

Вот с каким примерно, говоря в общих чертах, балансом мы подошли к отчетному периоду нашей работы, т. е. к XIV съезду нашей партии. И вот с первых же дней работы съезда, как вы теперь все: знаете, у нас в жизни партии обнаружились такие явления, которые заставили наш съезд, всю партию в целом чрезвычайно серьезно задуматься над тем, что мы имеем. Всем товарищам, которые стояли близко к нашей партийной жизни, было известно, что еще задолго до съезда у нас в партии намечались отдельные течения, которые в общем и целом отходили от основного русла движения нашей партии; но так как мы давно условились, чтобы нам не особенно роскошествовать по части развертывания разногласий, по части того, чтобы без особой нужды не выносить отдельных вопросов, имеющих спорный характер, на широкую дискуссию, то ЦК поступил совершенно правильно, когда всячески старался эти отдельные разногласия, отдельные недомолвки

в нашей партии изживать, ликвидировать внутри Центрального Комитета партии.

Вы помните, что Владимир Ильич неоднократно предупреждал нас о том, что увлекаться дискуссиями наша партия сейчас не может. Мы понимаем, что каждая дискуссия имеет свои положительные стороны. Каждый член партии откроет лишнюю книжку, внимательнее следит за газетами, внимательнее слушает, что говорится на собраниях. Словом, всякая дискуссия помогает каждому члену партии лучше усваивать основы марксистско-ленинского учения. Но наряду с этим дискуссия имеет и много отрицательного, и бывают дискуссии, которые в отрицательном смысле могут сыграть большую роль, чем в смысле их положительной стороны. И вот, исходя из этого, Центральный Комитет партии — я думаю, вы согласитесь со мной — поступал правильно, когда старался изживать появившиеся разногласия внутри ЦК — верховного органа партии.

Вы знаете, что разногласия были по вопросу, который вам очень близок. Разногласия были по вопросам комсомола и особенно, я бы сказал, по вопросу о комсомоле в деревне. Я не думаю, что вам надо разъяснять, какое значение имеет комсомол для партии, для государства и т. д. Мы уже давно условились, что комсомол есть в известном смысле «приготовительный класс» нашей партии. Если в этом «приготовительном классе» дело обстоит благополучно, то завтра и в партии дело будет обстоять также благополучно. Но если в комсомоле дело будет обстоять так, как оно обстоит здесь, в Ленинграде, на некоторых фабриках и заводах (например, вчера на фабрике «Скороход» я наблюдал это), то тогда и в партии дело будет неважно. Если мы в этом «приготовительном классе» не произведем соответствующей работы: во-первых, если мы не подтянем самих учащихся; во-вторых, если мы не обеспечим их добропорядочным педагогическим персоналом, если мы не примем всех мер для того, чтобы поставить это дело как следует, то ясно, что последствия для партии получатся нежелательные. Это, товарищи, в городе.

Что же касается деревни, то вы, конечно, знаете, что там дело обстоит еще более сложно. Ведь в городе у нас есть фабрики, заводы, партия, профсоюзы, вообще всякие такие атрибуты нашего с вами существования, благодаря которым мы на это самое подрастающее поколение влияем с самых разнообразных сторон и подчас незаметно можем очень быстро охладить горячие головы молодого поколения и повернуть их в определенное русло. В деревне не то. В деревне все разбросано на десятки тысяч верст, раскидано бог знает как: пространства колоссальные, темнота местами невероятная. Там даже в «старших классах» и то дело, можно сказать, на все ноги хромает, а что же сказать о «приготовительном классе»? И тут мы были свидетелями таких явлений, — об этом вы тоже слыхали, — когда у нас стихийно создавались разного рода организации молодого поколения в деревне, когда это подрастающее поколение, вырвавшись из-под влияния всяких наших органов, государственных, партийных и прочих, создавало свои самочинные организации, ничего общего ни по духу, ни по задачам с нашей партией не имеющие. И если бы они получили достаточное развитие, то это были бы как раз противодействующие нам организации, которые противоборствовали бы нам на местах. Все это свидетельствует о чем? Прежде всего о той сложности обстановки, которая у нас в деревне имеется.

Вы помните, что у нас очень пространно одно время дебатировался вопрос о том, как же нам быть с деревенским комсомолом, как нам сделать, чтобы не вышло так, что у нас зажиточные слои — вернее, дети зажиточных слоев — не захватили бы все влияние в деревне и не повели бы за собой всю эту громадную молодую деревенскую массу. Стоял вопрос о приеме в комсомол в деревне. Это вы все хорошо знаете. Особенно много у нас возникало разговоров по вопросу о том, не создать ли, дескать (было такое предложение со стороны некоторых), такие организации в деревне, на манер, скажем, женских делегатских собраний, которые впитывали бы в себя, организовали бы вокруг себя эту самую молодую, подрастающую массу, стоящую вне комсомола. Вопрос с внешней стороны как будто бы не бог весть какой, — на самом деле, при тех условиях, о которых я вам говорил, именно в деревне он имеет, конечно, громадное значение. Само собой понятно, что мы относительно незначительную часть деревенской молодежи объединяем в нашем комсомоле, громадные же массы ходят мимо. Они ко всему приглядываются, кое-что видят, кое-что понимают или стараются понять, словом, так или иначе, у них возникают соответствующие запросы. И тут, конечно, нужно очень крепко подумать, прежде чем решиться на то или другое мероприятие. Поэтому большинство Центрального Комитета нашей партии решительно восстало против создания всякого рода дополнительных организаций молодежи, помимо тех, которые существуют у нас в деревне. Если бы мы встали на путь создания такой дополнительной организации (каково будет ее название, дело, конечно, не в этом), находящейся вокруг комсомола, получившей известные легальные формы своего существования, тем самым мы дали бы своими собственными руками кулацкой молодежи легальный выход, легальный способ борьбы с нашим комсомолом в деревне. Вопрос этот у нас стоял, и было решено так, как настаивало большинство нашего Центрального Комитета. /По указанному вопросу XIV съезд ВКП(б) в своей резолюции «О работе комсомола» вынес следующее решение: «При этом необходимо всемерно избегать мероприятий, могущих разорвать связь между пролетарской и крестьянской частью союза. С этой точки зрения съезд считает нецелесообразной предлагавшуюся некоторыми товарищами особую от РЛКСМ организацию середняцкой беспартийной крестьянской молодежи вокруг комсомола в виде постоянных делегатских собраний. Такие организации неизбежно развивали бы тенденцию превращения в другой, чисто крестьянский союз, в противоположность РЛКСМ и партии» («ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 77, изд. 5-е). —

Ред. /

Перед съездом партии мы имели дискуссию по вопросу о том, каким образом пополнять нашу партию. Этот вопрос был поднят, как вы, вероятно, слышали, некоторыми из членов Центрального Комитета как раз здесь у вас, в Ленинграде. Был выдвинут проект развернуть партийные ряды так, чтобы вовлечь в партию к следующему — XV — съезду нашей партии примерно 90 процентов рабочих от станка. Но пока считали, основываясь на жизни ленинградских фабрик и заводов, получался более или менее подходящий вывод — действительно здесь есть фабрики, где в коллективах громадный процент рабочих от станка, — но, когда прикинули эти 90 процентов в союзном масштабе, то получилась такая арифметика, что по ней нам нужно было бы иметь в партии вместо нынешнего миллиона — миллионов пять человек. Само собою разумеется, что так поставить дело ни ЦК, ни партия, ни съезд не могли. Съезд поступил совершенно разумно, когда указал, что в этом отношении нам пересматривать нашу политику нет никакого основания. На XIII съезде мы так и записали, что нужно вовлекать как можно меньше интеллигентского, чиновничьего, буржуазного и другого элемента, других групп и брать как можно больше рабочих, главным образом рабочих квалифицированных. Мы прекрасно это понимали, и едва ли курс нашей партии мог заслужить какой-нибудь упрек. Никогда нельзя было указать на злоупотребления с нашей стороны в смысле привлечения нерабочих элементов в наши организации. При известной строгости можно сказать, что кое-какие плевелы нужно выбрать из нашей партии; мы выбирали-выбирали, просеивали-просеивали, но эти плевелы, конечно, еще имеются. Сказать, что их большой процент, который может повлиять на нашу партию, внести мелкобуржуазный, нэпманский дух и другие вредоносные течения, — для этого нет никаких оснований, так как все-таки основной стержень, основной кадр, основной актив нашей партии, конечно, преимущественно рабочие.

Вот со всеми этими вопросами и с рядом других, о которых буду говорить дальше, мы подошли к съезду нашей партии.

На съезде прения вокруг этих вопросов развернулись так, как они, пожалуй, не развертывались никогда. Достаточно указать, что прения по отчету о работе ЦК нашей партии заняли круглым счетом недельку. Обычно было так, что весь съезд заканчивался в течение недели, а тут семь дней и семь ночей, говоря по-библейски, ходили около основного вопроса — отчета ЦК партии. И это одно уже свидетельствует, что мы подошли, видимо, к такой полосе, когда у нас в партии накопилось кое-что нездоровое. И это, товарищи, не случайно.

Я уже вам указывал, что за последние полтора года наша работа стала очень богата содержанием. Надо сказать, что несмотря на все наши успехи, несмотря на то, что мы достигли очень многого, нас, в свое время, Владимир Ильич, неоднократно предупреждал, что в партии могут возникнуть разного рода болезни, разного рода недомогания не только в тот период, когда партия живет в полосе военного коммунизма, но могут возникнуть такие вопросы, которые могут поставить партию в гораздо более трудное положение, чем то, в каком она находилась, когда решала военные задачи, И каждый с этим согласится. Ведь в военный период нашей работы перед нами лицом к лицу стоял наш враг. Каждый из нас, начиная с маленького и кончая большим, видел этого врага, видел его совершенно отчетливо, знал откуда он идет и какими способами ему надо сопротивляться. Сейчас совершенно другое дело. Сейчас обстановка как будто бы мирная, но хозяйственный и другие переплеты такие сложные, что здесь враг может подстеречь нас гораздо успешнее, чем в военное время. Мы сейчас вступаем в полосу великого строительства, в полосу, которая наряду с успехами создает в очень большие затруднения, выдвигает большие вопросы.

Громадное место занимал до съезда и занимает сейчас вопрос о возможности строительства социализма в одной стране. Этот вопрос принял такую жгучую форму не случайно. Со стороны может показаться, что этот вопрос больше теоретический, чем практический. Но это неверно. То, что он принял такой жгучий характер, объясняется тем, что строительство социализма в одной стране принимает реальную форму. Это не просто спор, как мы спорили в старое время — можно или нельзя принимать участие в министерствах, а мы тогда еще и в министерских передних не бывали, нас туда еще не приглашали, обычно посылали куда-нибудь-подальше. Тогда это был на 70 процентов теоретический спор, а вот сейчас вопрос о строительстве социализма в одной стране приобретает насущный интерес для сегодняшней нашей работы. Если не ответить на этот вопрос с полной определенностью, то вся наша работа в значительной степени затруднится. И вот, к великому сожалению, в рядах нашей партии оказались люди, которые выразили на этот счет совершенно определенные сомнения.

Вы, конечно, понимаете, что просто выйти на кафедру и сказать, что «я не верю в строительство социализма в одной стране», — так просто не скажешь, таких чудаков нет. Но вот, например, мы в Центральном Комитете нашей партии решаем вопрос о монополии нашей внешней торговли. Обсуждаем этот вопрос всесторонне, и вот, предположим, что я вношу предложение о том, что монополию внешней торговли надо отменить и дать возможность вести за границей частные обороты, как у нас здесь, ввести своего рода нэп во внешней торговле. Всякий из вас догадается, что это вопрос не только внешней торговли, а это вопрос в конечном счете как раз тот, о котором я вам только что говорил, — это вопрос с возможности строительства социализма в одной стране,

потому что прежде всего надо, подводя итоги, ответить на следующий вопрос: что мы имеем в нашем с вами советском отечестве? Ведь социализм можно строить только тогда, когда действительно у нас что-то такое социалистическое есть, а если, подытожив всю нашу работу за восемь с лишним лет с Октябрьской революции, мы скажем, что у нас социализмом даже не пахнет, тогда, конечно, вопрос о строительстве социализма в одной стране отпадает.

И вот отсюда вытекает другой вопрос — вопрос о том, что такое представляют собой наши государственные предприятия. Большинство Центрального Комитета, а теперь и весь съезд и вся партия, как вы знаете, стоят на той точке зрения, что наши государственные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа. Но, к великому сожалению, опять же были у нас и, кажется, даже до сих пор остаются, такие люди, которые думают, что, пожалуй, скорее наши предприятия — госкапиталистические, чем предприятия последовательно социалистического типа. Вот теперь представьте себе на минутку, что наши государственные предприятия действительно являются предприятиями госкапиталистическими, следовательно, капиталистическими в конечном счете. И если мы посмотрим под этим углом на все «стальное, что мы имеем в нашей стране, то получится: мы имеем частного собственника-крестьянина в деревне, в руках государства у нас предприятия госкапиталистического характера, следовательно, где же говорить о возможности строительства социализма в одной стране? Оказывается, социализм у нас только в наших коллективах, в наших ячейках, а дальше никакого социализма реального у нас нет, потому что, за что ни возьмись, в лучшем случае имеется госкапитализм. Если это так, — а некоторые утверждали, повторяю, что наши промышленные предприятия, железные дороги, банки и прочее, что это предприятия государственно-капиталистического типа, — если так, тогда, конечно, всякий вопрос о строительстве социализма в одной стране отпадает. А если он, товарищи, отпадает или если он даже не отпадает, а у нас только зарождаются сомнения в том, что наши государственные предприятия являются предприятиями социалистического типа, тогда, предположим, вам, ставшим на такую точку зрения, завтра предлагают отправиться на фабрики и заводы и вести, скажем, агитацию за поднятие производительности труда. Приходите вы, предположим, на «Красный выборжец», собираете там беспартийное собрание и с присущей вам, комсомольцам, горячностью и настойчивостью начинаете «разоряться» среди рабочих на тему о том, что вот, мол, ребята, надо поднять, нажать, навалиться и прочее, и прочее, и в то же время рассказываете им, что «вы работаете на госкапиталистическом предприятии». И сами рабочие — допустим — так понимают. Что бы из этой работы у вас вышло? Если грубо говорить, послали бы вас ко всем чертям с этой фабрики, ибо ни один рабочий, ни один понимающий человек никак не мог бы воспринять вашей агитации. Если я работаю на предприятии госкапиталистическом, то, следовательно, есть какой-то капиталист, который является хозяином этой фабрики. С какой же стати я, рабочий, буду принимать ваши советы на тему о поднятии производительности труда? Конечно, в программу рабочего это не входит. Это было бы то же самое, что было у нас в старое время, когда мы приходили к рабочим, работающим на капиталистических фабриках. Тогда никому не могло притти в голову говорить о поднятии производительности труда; наоборот, мы говорили тогда, что нужно волынить, бастовать, итальянить — слово «бузить» тогда не было известно, а то сказали бы, что нужно бузить вокруг и около каждого мастера, инженера и прочее и прочее, т. е. мы делали как раз обратное тому, что делаем сейчас.

Однако никто из наших беспартийных рабочих, даже отсталых рабочих, которые иногда по адресу нашей власти и нашей партии отпускают, под тем или другим влиянием, слова не совсем приемлемые, все-таки никогда не скажет, что он работает на фабрике, которая ничем не отличается от фабрики, находящейся в руках капиталистов, — он все-таки это понимает. Правда, он пожалуется на то, что ему плохо платят, что расценки низки, что вообще то или другое нехорошо, что есть та или другая прореха, но основной вопрос он понимает: как бы он ни жаловался и ни грустил, какие бы крепкие слова он по нашему адресу ни отпускал, он знает, что он работает не на капиталиста, и мы все это знаем. Таким образом, в этом вопросе как будто бы у подавляющего большинства не может быть никаких разноречий.

Однако перед съездом партии, так же как и после съезда, обсуждение этого вопроса у нас развернулось очень широко. В частности тут, в Ленинграде, мне приходилось слышать от очень ответственных товарищей: «Конечно, нельзя назвать наши предприятия капиталистическими, но они и не совсем социалистические». — Почему? — «Потому, что есть разница в оплате труда, есть директор фабрики, есть рабочие, есть сдельщина и прочее и прочее». Но разве этим определяется сущность социалистического или капиталистического предприятия? Нужно понять одно, понять, что мы начали управлять предприятиями, сделали их последовательно социалистическими в течение нескольких лет, предварительно разрушив старое, а нужно сказать, что разрушение было колоссальное. Когда мы пришли и создали новое наше государство, то мы за восемь лет не смогли его изменить настолько, чтобы всякому рабочему, всякому трудящемуся человеку жилось бы много лучше, чем при капитализме. Мы изменили условия, но количество наших материальных благ далеко не то, которое было в старое время. Но сейчас вопрос измеряется не этим, а тем, на кого сейчас работает рабочий класс — работает ли он на себя, на государство, которым управляет рабочий класс, работает ли он на все миллионы народа, находящиеся под руководством рабочего класса, или он работает на другой класс, который пользуется плодами труда рабочего класса. Двух ответов на этот вопрос быть не может.

Следующий вопрос, который вызвал большие разговоры, — вопрос о нэпе. Этот вопрос точно так же имеет самое непосредственное отношение ко всему тому, что у нас происходит.

Вы понимаете, что наряду с положительными успехами в области нашего хозяйства на почве нэпа растут и отрицательные моменты. Все это мы прекрасно понимали, но мы также хорошо знали, что на основе нэпа, несмотря на его отрицательные стороны, нашему хозяйству будет дана возможность развить производительные силы нашей страны гораздо полнее, чем это было в период военного коммунизма. И вот здесь возникает уже новый спор о том, что представляет собою наша новая экономическая политика. Были люди, которые определяли новую экономическую политику одним словом — «отступление». Что в самом деле выходит с нэпом, что лучше развивается — элементы ли социализма или элементы капитализма? Тут надо взять большой промежуток времени для того, чтобы проследить систему нэпа, проследить, что она нам дает. Ведь мы имеем четырехлетнюю практику. Если нэп является отступлением, то надо проследить за эти четыре года практики нэпа, что случилось с хозяйством в нашей стране. Я думаю, что не надо терять времени, чтобы доказывать вам, что за четыре года мы сделали очень приличный шаг вперед.

Есть очень интересные цифры, — вы, вероятно, их видели, — цифры нашего Госплана, которые впервые подводят итоги тому, что мы сейчас имеем в нашем хозяйстве. Правда, наши статистики еще не совсем хорошо научились считать, так что ошибки у нас иногда бывают, иногда и очень серьезные, но все-таки эти цифры кое-что говорят, и, как строго ни подходи к этим цифрам, как их ни проверяй, прямо или косвенно, все-таки выходит, что элементы социализма за эти годы растут быстрее, чем элементы капитализма.

О чем это говорит? Прежде всего это говорит о том, что на основе новой экономической политики, несмотря на те отрицательные стороны, которые она несет с собой, мы все-таки сможем защищать совершенно точно и определенно наше социалистическое преуспевание. Успех, значит, на нашей стороне. Таким образом, та формула, которую нам дал в свое время товарищ Ленин, провозглашая новую экономическую политику: «кто кого» — мы капитализм или капитализм нас, «чья возьмет», — сейчас разрешается совершенно точно и определенно: взяла наша. Несмотря на то, что развиваются разные отрицательные стороны, все-таки мы имеем рост социалистических элементов гораздо больший, чем рост элементов капиталистических. О чем это говорит? Это говорит, что определять нэп только как отступление ни в коем случае нельзя. Новая экономическая политика — очень сложная система, которую Владимир Ильич в первый период ее введения определял так: сейчас, говорил он, мы подошли к такому рубежу, что нам надо немножко отойти, передохнуть и снова пойти вперед. Тут сидят товарищи военные, которые знают, что когда борешься с кем-нибудь, как мы боремся с капитализмом, то не всегда надо бить в лоб; иногда надо брать обходом, обойти, а бить прямо в лоб иногда бывает очень опасно. Несмотря на очень почтенные и серьезные силы, если не сделаешь это обходное движение, можно растерять все на свете.

Вот такой план — план не только движения в лоб, но и более сложных обходов, которые дали бы отдельным частям передохнуть, избрать новый путь, новую дорожку, — определяет сущность новой экономической политики. Между тем у многих из наших товарищей это преломляется совершенно иначе. Новая экономическая политика изображается ими так, как будто бы растут только отрицательные элементы нэпа: частная торговля, нэпман бухнет так, что не сегодня-завтра все задавит. Одним словом, все то, что есть отрицательного, заслоняет в глазах этих товарищей те общие достижения, которые мы на почве этой системы нэпа имеем.

Наконец, товарищи, последний существенный вопрос, который занимает нашу партию, — пожалуй, не менее серьезный, чем все остальные вопросы, — это вопрос о нашей деревне. Вы, конечно, достаточно знаете о том, что есть у нас бедняк, середняк, кулак. Это теперь как будто и есть те три сосны, в которых некоторые, по-моему, заблудились. Новая экономическая политика — это же ведь основа смычки рабочего класса с крестьянством. Конечно, она сыграла свою роль и в нашей деревне. Деревня оживилась, появились те успехи, о которых я вам говорил, деревня подняла свое хозяйство. Конечно, на этой почве усилились те самые социальные брожения, которые у нас в деревне имеются. И вот наша оппозиция обвиняла большинство Центрального Комитета в том, будто наш Центральный Комитет маленько кулацкий уклон взял. Так оно выходило. Правда, вслух этого твердо не говорили. Говорили только о том, что появился в природе такой популярный человек — теперь это уже европейская знаменитость — «профессор» Богушевский, который написал какую-то очень страшную статью, — это вы все наверное слышали, — и что, дескать, Центральный Комитет партии допустил это, что это написано в центральном органе и что Богушевский-де дал новую директиву партии. Помаленьку некоторые стали рассказывать разные вещи на тему о том, что действительно мы, большинство Центрального Комитета, начинаем уклоняться, и не только относительно Богушевского, а что по целому ряду мероприятий Центральный Комитет как будто недостаточно отчетливо ведет ленинскую линию, недостаточно мы защищаем бедноту, недостаточно внимательно относимся к интересам бедных слоев и слишком уж широко распахиваем двери для развития этого самого кулака. А тут еще на грех в этом году у нас произошел весьма серьезный просчет в деле хлебозаготовок. Это тоже поставили в вину нам, большинству ЦК, и сказали: видите, вы не замечаете, что в деревне кулак расцвел таким пышным, махровым цветом, что он забрал все на свете, что у него 60 с лишком процентов хлебных излишков

и что благодаря вашему попустительству кулак не хочет этот хлеб продавать. Одним словом, все стало складываться в такую сторону, что у нас среди большинства членов Центрального Комитета якобы получился крен в кулацкую сторону, и пошли маленькие — правда, шепотком вначале, но достаточно отчетливо слышные — предупреждения о том, что у нас вообще начинается какое-то перерождение Центрального Комитета партии. Словом, обвинения были совсем нехорошие, и все это главным образом на почве будто бы нашей неправильной политики в деревне.

Наша политика в деревне, как вам известно, определена особенно отчетливо XIV партийной конференцией1. /XIV конференция РКП (б) происходила 27–29 апреля 1925 г. «Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму». — Так сформулировал товарищ Сталин центральную задачу партии в тот период (см. доклад товарища Сталина «К итогам работ XIV конференции РКП(б)». «Вопросы ленинизма», стр. 128, изд. 9-е). Конференция осудила капитулянтские «теории» открытых и скрытых оппозиционеров и утвердила установку партии на победу социализма в СССР, приняв соответствующую резолюцию. — Ред. /

Мы там этот вопрос обсуждали самым подробнейшим образом. На этой самой конференции были впервые разобраны очень отчетливо те процессы, которые происходят в деревне за последнее время; было указано, что беднота попадает в сугубо тяжелое положение вследствие развития определенных течений в деревне, что кулачок воспользуется всеми благами свободного товарооборота; было указано, что в партии может создаться таким образом два уклона: одна сторона будет как будто бы забывать рост кулака и его влияние в деревне, а другая может забыть основное звено, на которое мы опираемся в деревне, — того середняка, о котором так много спорили. На октябрьском пленуме мы еще отчетливее отчеканили наше отношение к бедняку и пути помощи ему со стороны государства. И вдруг после этого нам преподнесли такую вещь, что наш ЦК приобрел кулацкий уклон.

/Октябрьский пленум ЦК происходил 3—10 октября 1925 г. В своем докладе на XIV партсъезде товарищ Сталин отмечал: «Основная задача, стоявшая перед нами на октябрьском пленуме Центрального Комитета, состояла в том, чтобы не дать сорвать ту политику, которую мы выработали на апрельской конференции, политику прочного союза с середняком, не дать эту политику сорвать, так как у нас наметились в партии настроения, которые считали, что политика прочного союза с середняком неправильна или неприемлема. Наметились также настроения, что политика прочного союза с середняком означает будто бы забвение бедноты, что будто бы через голову бедноты старается кто-то устроить прочный союз с середняком. Это глупо, товарищи, но это факт, ибо такие настроения были» («Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)», стр. 44–45.). — Ред. /

Еще задолго до съезда мы у некоторых наших ответственных работников видели некоторую забывчивость по части основного звена, которое мы имеем в деревне, — середняка. Многие из очень ответственных работников, уделяя много внимания кулаку, его росту, опасности этого роста, стали совершенно забывать об основном звене, на котором сейчас строится наша деревенская политика. Смешно, конечно, говорить, что вдруг наша коммунистическая партия забыла бедняка, — это сплошной вздор, но нужно помнить еще другое: мы вступаем в полосу, когда приходится сказать, что если на нашей стороне не будет подавляющего большинства крестьянства, то погибнет революция.

Приведу очень простой и, на мой взгляд, очень показательный пример. Возьмите сейчас состав нашей вооруженной силы. В подавляющем своем большинстве — это крестьянство и в очень большой части — середняцкое крестьянство. Возьмите экономическую сторону: подавляющее большинство деревенской продукции находится в руках середняка. Таким образом, с какой бы стороны мы ни подошли — с количественной ли стороны или с качественной, — вы видите огромное значение группы середняцкой. Когда часть товарищей стала об этом забывать, то вокруг этого вопроса поднялись очень большие разговоры. Мы вынесли эти вопросы на съезд, и на съезде развернулись дебаты по этому поводу. Вы знаете, до каких размеров они дошли. Оппозиция приписывала нам целый ряд смертных грехов, но от этих обвинений в конечном счете она должна была сама отказаться.

Вот примерно в кратких чертах те разногласия, которые были у нас до съезда и которые в основном развернулись у нас на съезде.

Приехали мы на съезд. В первый же день съезда уже обнаружилось нечто такое, что говорит не о кулацком или бедняцком уклоне, а о том, что у нас в отдельных звеньях партии определенный крен.

После отчета ЦК мы заслушали, как вы знаете, содоклад Зиновьева, которого «уполномочила» на это ленинградская делегация и еще два-три делегата из других мест. Вот тут два слова в разъяснение оппонентам. Нас все время спрашивают: «С каких пор в партии, на партийном съезде, нельзя говорить откровенно, что думаешь?» Мы отвечаем: «Можешь говорить все, что тебе угодно, никто тебе не помешает; можешь говорить с утра до ночи, если красноречиво говоришь, съезд и это вынесет, а вот содоклада мы никак не можем принять». По какому вопросу мы выслушали

содоклад? По отчету Центрального Комитета партии за полтора года совместной работы. Одно требование этого содоклада показывает, что имеется оппозиция, имеется совершенно другая линия, чем та, которую выдвигает генеральный секретарь Центрального Комитета партии. И это тогда, когда мы на всех конференциях, по всему лицу нашей советской земли приняли резолюции, что мы приветствуем генеральный штаб, что мы за единство и прочее. Ведь всякий понимает, в чем тут дело. И мы, конечно, были тысячу раз правы. Теперь на всех империалистических колокольнях звонят во все колокола, что у большевиков трещина, и т. д.

Кончился содоклад, и дальше — знаменитое голосование против резолюции по отчету Центрального Комитета партии. Теперь все это уже начинает покрываться временем, хотя бы двух-трехнедельной давностью. Теперь уже начинают объяснять это другим. Один из делегатов съезда, с Гвоздильного завода, говорил мне, что они голосовали против потому, что так вышло технически. «Мы, — говорил он, — были поставлены в такие условия, что должны были голосовать против». Но это не объяснение: вышло «против». Технически ли, механически или еще как-нибудь, но получилось «против». (Голос: «Химически».) Вот тут подсказывают: химически. Может быть и так, но как ни поверни — выходит «против», «за» никак не получается. Как было дело, товарищи? Имейте в виду: вначале мы руки подняли кто «за», кто «против», но так как это вопрос колоссальной важности, это не то, что бюро коллектива переизбрать, так мы решили поименно каждого человека переспросить: «Иванов, ты «за» или «против»?» Терпеливо сидели несколько часов, нас 665 делегатов было, и мы каждого по фамилии выкликали и спрашивали, и он говорил — «за» или «против». И здесь ленинградские делегаты говорили «против». Руки, значит, поднимали «технически», сказали «против» потом тоже как-то случайно, и теперь приехали сюда, в Ленинград, и говорят: «У нас времени не было, не успели, не обсудили, перерыва не сделали, по частям не голосовали, за основу не голосовали, а в целом сразу приняли». Одним словом, как-то не выходит никак «за», а все-таки выходит «против». (Смех.) Ну, товарищи, хотя я и назвал вас «приготовительным классом», но все-таки вы люди взрослые, — если вам предложат резолюцию, в которой вы, предположим, не разобрались, толком не прочитали, просто не сумели разобраться, времени нет, надо через две минуты голосовать, — скажите: будете вы голосовать или нет. Ведь закричите, как вы умеете это делать (смех) — дайте прочитаем, переговорим с активом, как это у нас делается, и только, дескать, после этого голоснем. Это так и бывает. Как можно навязать голосование, да еще на съезде партии, по столь серьезному вопросу, кого можно заставить крикнуть «да» или «нет» механически или технически? Никак это не выйдет.

Таким образом, имея налицо все эти разногласия, оппозиция, видимо, имела в виду дать свою платформу. Мы, грешные люди, глубочайше убеждены в том, что они хотели в этом содокладе развернуть свою платформу. Когда мы предложили резолюцию, оппозиционеры внесли некоторые «поправочки» такого характера, что они ставили на дыбы всю нашу резолюцию. Мы тогда сказали: вы эти поправки положите в карман, вот вам резолюция, желаете — голосуйте «за», не желаете — голосуйте «против», как хотите. Ну, это у них не вышло. Просчет получился.

Теперь съезд кончился — как же быть? Оппозиционеры остались в меньшинстве. Кроме той делегации, которая явилась уже с готовым мнением по всем вопросам, никто к ним не присоединился, ничего у них не вышло. И вот дальше мы видим, уже после подведения итогов работы съезда, заявление о том, что, дескать, съезд партии кончился, решения съезда для нас обязательны, мы их проводить будем и прочее. Казалось бы, не о чем и разговаривать. Но я думаю, что вы согласитесь со мной, что разговаривать все-таки есть о чем. Разговариваем мы тут до двух часов ночи иногда, а иногда и маленько позже, и никак не можем договориться. Дело изображают так, что как будто за спиной ленинградских делегатов стоит Ленинградская организация. Так дело изображали — что, дескать, «нас послали», «мы уполномочены заявить», «мы имеем право предложить», и т. д. и т. п. Когда мы на съезде произвели это голосование, тогда половина ленинградской делегации вернулась сюда обратно и здесь заручилась свежими мандатами на крупных предприятиях. Им удалось изобразить дело так, — как нам теперь на заводах рассказывали, — что «Ленинград бьют», «надо нам подтянуться, плечом к плечу, надо гамузом нажать» и прочее и прочее. А вы знаете, что у нас в партии — народ артельный: «Если наших обижают, то давайте подмахнем». Вынесли резолюции на Обуховском заводе и других, хотя в это время решение съезда по отчету ЦК уже было принято. Вынесли такие резолюции: «Мы целиком и полностью поддерживаем нашу делегацию, которая отражает наше, мол, мнение», и т. д. и т. п. Оппозиционеры опять в Москву приехали и привезли делегатов от заводов с «приветствиями» — вы это читали в газетах, — где говорится, что «мы, ленинградцы, за них».

Когда мы приехали сюда, то застали здесь двойную бухгалтерию. Может быть, вам тут тоже откроют страничку из этих бухгалтерских книг, скажут: «Мы стоим за резолюцию, но мы стоим и за ленинградскую делегацию; съезд поступил правильно, но и ленинградская делегация поступила правильно, защищая. .» и прочее. Товарищи, согласитесь, что если дело пойдет так, что в одном месте одно будет правильно, в другом — совсем другое, а завтра — что-нибудь третье, то получится, что у нас будет не партия, а какой-то базар. Нужно все-таки помнить, что, несмотря на все эпитеты, которыми нас награждают, называя нас чуть ли не полуварварами, нет ни одного серьезного человека, который пытался бы опровергнуть, что более сильной, сплоченной, могущественной партии, чем ВКП(б), во всем мире не найдешь. Это знают все. (Бурные аплодисменты.) Все

прекрасно понимают нашу роль в международном революционном движении. Если бы действительно обнаружилось то, что наметилось, то ни один достопорядочный член партии не мог бы спать ни одной ночи спокойно на тех угольках, которые подогрели оппозиционеры к XIV съезду партии. Вот почему с таким жаром и настойчивостью, в частности, сторонники большинства съезда, которые признают и разделяют до последней запятой то, что было принято съездом, защищают свои позиции.

Если, товарищи, мы действительно с завтрашнего дня хотим наметить новые вехи нашей дальнейшей работы, новые вехи нашего движения вперед по пути к социализму, хотим действительно итти по этому пути успешно, то ведь главное и основное условие заключается в том, чтобы ряды нашей партии не были расстроены ни в одном месте, так как малейшая заминка, сбивчивость, сдвинутость наших стройных рядов повлечет за собой глубоко отрицательные моменты в нашей работе и в нашей жизни. Вот почему ЦК партии так внимательно и настойчиво добивается того, чтобы выслушать подлинный голос Ленинградской организации. Мы на съезде, до съезда и после съезда, мы, большинство ЦК, ни на одну минуту не сомневались в том, что подавляющее большинство испытаннейших революционеров Ленинграда, лучших членов нашей партии, несомненно, находится в заблуждении, а не разделяет тех ошибочных взглядов, которые развернула оппозиция на съезде. (Аплодисменты.)

Теперь, товарищи, несколько слов о нашем комсомоле. Тут греха таить нечего и скрывать ничего нельзя. Мы знаем, что то, что происходило в рядах нашей партии, перекочевало явным образом и в наш комсомол. Если мы со стороны ряда взрослых товарищей, членов нашей партии, встречаем такое поведение, то в рядах комсомола мы сплошь и рядом видим прямо бесшабашные настроения. За последние десять дней мы наблюдали колоссальнейший переворот в стотысячной организации Ленинграда. Не подлежит никакому сомнению, что как бы ни были разгорячены головы у известной части ленинградского комсомола, но все-таки он найдет в себе мужество и спокойствие для того, чтобы действительно от доски до доски разобраться во всем том, что происходит, и он не замедлит последовать за лучшими, испытанными отрядами нашей партии. (Аплодисменты.)

Еще два слова, товарищи, на тему о том, что нам всюду и везде говорят: «Вот вы, ответственнейшие товарищи, приехали сюда и разрушаете Ленинградскую организацию». Товарищи, поймите, съезд кончился, 665 делегатов сейчас находятся в разных уголках нашего советского отечества, и все с трепетом ждут голоса Ленинградской организации, с трепетом ждут ответа на вопрос — действительно ли все 100 тысяч ленинградских коммунаров идут целиком и полностью за теми 65 делегатами, которые представляли собою на XIV съезде партии оппозицию. Поэтому мы говорим: «Правда, здесь происходит много болезненных явлений, но всякий честный коммунар, всякий, кто искренно стремится объединиться вокруг Центрального Комитета и съезда нашей партии, должен прежде всего стараться стать в одни ряды со всей ВКП(б)». (Аплодисменты.) Если мы, товарищи, этого достигнем, если каждый из ленинградских коммунаров действительно проникнется сознанием этой необходимости, не страшны никакие надрывы в отдельных частях нашей великой миллионной семьи коммунаров. (Аплодисменты.) Мы видим, что ленинградский пролетариат и ленинградские коммунары пошли уже по этому пути, и немного дней пройдет, товарищи, до того, когда вся стотысячная Ленинградская организация в унисон со всем миллионом членов партии, объединенная вокруг Центрального Комитета нашей партии, с решениями XIV съезда в руках, пойдет смело вперед и будет действительно по-настоящему, по-большевистски, по-революционному отстаивать заветы товарища Ленина, а за нею пойдет и комсомол. (Бурные аплодисменты. Собрание стоя приветствует товарища Кирова.)

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ — КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

Из доклада на заседании коммунистической фракции съезда председателей уездных, волостных и городских исполкомов Ленинградской губернии 19 января 1926 года /Печатается по сокращенной стенограмме — Ред./

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

Товарищи! Мне поручено сделать вам отчетное сообщение о работе XIV съезда нашей партии, но я думаю, что было бы более целесообразно, если бы мы прежде, чем перейти к общему обзору нашего съезда, остановили свое внимание, хотя бы на короткое время, на общей обстановке, в которой находится СССР. Эти оба вопроса, на мой взгляд, связаны между собою самым непосредственным, самым тесным образом, и, если не дать себе точного отчета о том положении, которое занимает сейчас наш Союз, будет до некоторой степени трудно разобраться в тех основных вопросах, которые стояли в порядке дня недавно закончившегося XIV партийного съезда.

Несколько недель тому назад наше правительство в лице такого органа, как Госплан, сумело подытожить в цифрах то хозяйственное положение, которое сейчас занимает наш Союз. Эти знаменитые цифры Госплана обошли сейчас всю нашу печать, они еще до сих пор дебатируются во всей европейской печати как на страницах газет наших друзей, так и наших врагов. Я думаю, что для многих даже живущих в Советском Союзе эти цифры являются в достаточной степени неожиданными. Ведь надо сознаться, что до самого последнего времени у нас в некоторых слоях населения имеется еще некоторого рода скептицизм, неверие в те действительные успехи, которых мы достигаем. У нас еще в оценке нашего внутреннего и особенно хозяйственного положения часто исходят из того, что мы имели примерно два-три года тому назад, когда мы еще не могли достаточным образом связать концы с концами, привести нашу хозяйственную систему в более или менее единое, связное, стройное целое. Вот эти самые последние цифры Госплана как раз и делают первые попытки представить все наше хозяйственное положение в такой стройной, выдержанной системе. Я не берусь утверждать, что эти цифры совершенно точны. У нас на этот счет очень много еще прорех; вы все знаете, что мы даже в отдельных ячейках нашего хозяйства сплошь и рядом не можем подсчитать точно, что мы имеем; мы сплошь и рядом не можем свести концы с концами, порой не можем этого сделать с достаточной точностью в каком-нибудь небольшом сельском кооперативе. Этот же недостаток имеется у нас и в общегосударственной хозяйственной системе, но все-таки, несмотря на отдельные возможные неточности, «в общем и целом» нужно признать, что эти цифры с достаточной отчетливостью, с достаточной полнотой дают характеристику того, что мы имеем. О чем говорят эти цифры, товарищи? Я не буду приводить вам этих цифр подробно, я укажу только на самые главные. Все эти цифры сводятся в конечном счете к одному — рассматриваем ли мы состояние нашего сельского хозяйства, исследуем ли мы на основании этих цифр нашу промышленность, мы приходим к одному и тому же выводу: и в сельском хозяйстве и в нашей городской промышленности мы к концу прошлого и началу текущего года уперлись в так называемый довоенный уровень. Вы помните, что годика два тому назад мы выдвинули лозунг: восстановить наше хозяйство во что бы то ни стало до довоенного уровня, — и вот как раз в канун 1926 года мы можем уже смело утверждать, что и в области нашего сельского хозяйства и в области нашей промышленности мы к этому уровню подошли. Нехватает у нас очень немного процентов для того, чтобы та или иная отрасль поравнялась полностью с довоенным уровнем. Конечно, с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, с точки зрения того, что мы еще восемь с лишком лет назад поставили себе задачей строить социалистическое общество, — эти достижения не могут считаться головокружительными, ибо каждый из нас помнит и должен помнить в данном случае, что довоенный уровень, уровень сельского хозяйства и нашей промышленности, который мы имели накануне свержения царского самодержавия, — этот уровень в общей системе мирового хозяйства считался и не мог не считаться в полном смысле слова нищенским.

Можно утверждать, что если царское самодержавие, а затем и буржуазно-помещичий строй пали, то одной из основных причин их падения явилась нищета страны, огромная отсталость как нашей деревни, так и нашего города. Так что с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, эти достижения не бог весть какие. От этих достижений голова кружиться не может ни у какого здорового человека. Но если мы сравним эти достижения с тем, что нам досталось в наследство после того, как мы сумели с оружием в руках отстоять свое советское отечество, — тогда каждый сознается, что эти достижения имеют огромное, колоссальное значение. Ведь у всех в памяти тот период времени, когда мы находились буквально в какой-то хозяйственной трясине. Ведь если взять период нашего существования, скажем, три, три с половиной года тому назад, то, я думаю, каждый из вас, если покопается в памяти, должен будет вспомнить, что едва ли нам верилось в возможность того, что через три года мы будем говорить о довоенном уровне нашего хозяйства. Я полагаю, что три года тому назад мы думали совершенно иначе. Мы думали о том, как бы нам расползавшееся по всем швам наше хозяйство хоть как-нибудь немножко связать, чтобы выбиться из периода систематической голодухи, систематических недостатков во всех областях нашего хозяйства. И вот, несмотря на это, подходя к 1926 году, мы видим, что наше положение в этом смысле меняется очень резко, и особенно в этом отношении характерны последние полтора года. Тут мы можем с

полным правом утверждать, что мы переживаем буквально бурный период расцвета нашего сельского и городского промышленного хозяйства. Я не буду брать отдельных отраслей нашего хозяйства, но скажу, что мы сейчас имеем такие отрасли хозяйства в нашей промышленности, которые уже перерастают довоенный уровень. Я думаю, что все-таки для вас не подлежит никакому сомнению, что мы вступили сейчас в очень бурную полосу интенсивного восстановления нашего хозяйства.

Что касается нашего деревенского хозяйства, то я думаю, что вы могли бы поделиться гораздо более подробными данными, чем те, которыми я располагаю. Я хотел бы вам только указать на одно, что если мы возьмем развитие сельского хозяйства по нашему Союзу, то мы здесь наблюдаем чрезвычайно интересное, чрезвычайно ценное явление для нашего хозяйства — явление, заключающееся в том, что наше сельское хозяйство восстанавливается не только в количественном отношении, не только в том отношении, что увеличиваются запашки, увеличивается количество собираемого хлеба, но у нас, особенно в тех местах, где земля представляется очень ценной, наше крестьянство под влиянием той огромной культурной работы, которую ведет Советское государство, постепенно переходит от отсталых к более ценным культурам. Если вы посмотрите на южные волости, то вы увидите, как с каждым годом, из года в год вытесняются те отсталые культуры, которые заполняли наши советские поля в прошлом; наше крестьянство помаленьку, но совершенно закономерно переходит на более ценные, на более необходимые для нашего государства культуры. Такие культуры, как хлопок, которые представляют собою огромнейшую ценность, такие культуры, на которые мы до сих пор еще тратим громаднейшие деньги, — их закупают для наших текстильных фабрик за границей, мы не имеем возможности пополнять наши фабрики своим сырьем. И вот такие большие, такие ценные культуры начинают в жизни нашего сельского хозяйства занимать все больше и больше места. Нельзя также не заметить, — каждому из вас это видно, а в нашей черноземной полосе этого абсолютно нельзя не заметить, — как быстро крестьяне начинают переходить к более совершенным, к более современным способам обработки земли.

Ведь надо, товарищи, сознаться, что, несмотря на высокую задачу, которую мы ставим перед собой, несмотря на колоссальнейшую революцию, которую мы с вами проделали, все-таки еще и до сих пор подавляющее большинство крестьянских хозяйств у нас работает таким орудием, как соха времен святого Владимира. Каждый из вас понимает, что при этих орудиях производства свершить промышленную революцию в нашем хозяйстве — задача абсолютно невозможная. Если несколько лет тому назад товарищ Ленин бросил громадного значения лозунг о необходимости электрифицировать нашу страну, то это, товарищи, надо понимать в самом широком смысле слова. Электрификация заключается не только в том, что мы построим такое-то количество Волховстроев или еще какие-нибудь такого же рода гиганты. Электрификация нашего хозяйства должна заключаться в техническом переоборудовании как нашей промышленности, так и нашего сельского хозяйства — в самом широком, в самом обширном смысле этого слова. Электрификацию отнюдь нельзя понимать в том смысле, что в один прекрасный момент даже в наших захудалых деревушках в хатах крестьян вместо лучины будет гореть электрический свет. Дело не только в этом и даже, пожалуй, не столько в этом, а главным образом в том, чтобы путем вот этих новых технических основ нам перевернуть всю нашу технику не только в области промышленности, но и в области нашего сельского хозяйства.

И вот сейчас, несмотря на все еще громадную отсталость нашей деревни, мы все-таки мало-помалу начинаем переходить к новым, более усовершенствованным способам обработки. Тут надо сказать, что те достижения, которые мы имеем, являются, конечно, очень заметными в жизни нашей страны, но ни в коем случае нельзя себя обольщать мыслью, что мы здесь находимся накануне такого преуспевания, что можно спать спокойно. Это, конечно, неверно. Впереди у нас в этой области еще колоссальный кусок работы. Нам нужно дойти до довоенного уровня в общей системе нашего хозяйства, нам нужно дальше совершенствовать ту работу, которая в сельском хозяйстве в ближайшие пять лет должна привести нас к «обновленной земле», очень красноречиво описанной в одной книжке, которую неоднократно хвалил наш великий учитель товарищ Ленин /Имеется в виду книжка Гарвуда «Обновленная земля». — Ред. /

Это, конечно, не та обетованная земля, о которой пишется в библейских книжках, а это та обновленная земля, которая имеет место здесь, на грешной планете, и которая называется Соединенными штатами Америки. Владимир Ильич всегда настойчиво рекомендовал эту книжку, в которой описана вся современная сельскохозяйственная американская техника. Когда мы сравним то, что имеем сейчас, с тем, что имеет сейчас американское сельское хозяйство, то между нами и ими получится, конечно, громаднейшая пропасть. И вот нам эту пропасть нужно заполнить во что бы то ни стало. Но если мы согласимся на том, что мы сейчас не только сдвинулись с той мертвой точки, на которой стояли три года тому назад, если мы действительно согласимся с положением, что наше хозяйство, в том числе и сельское, переживает, как это всем заметно, бурный период своего развития, то, я думаю, что при прочих необходимых для созидательной работы условиях мы, крепко напрягая наши силы, несомненно сумеем перешагнуть и через эту полосу и пойдем еще дальше.

Я думаю, что наше государство и наша партия сумеют повести работу в области революционизирования нашего хозяйства. Все это, конечно, будет возможно, при непременном условии, если нам, паче чаяния, не учинят помехи какие-нибудь из многочисленных наших недругов, это — с одной стороны; с другой стороны — если наша партия сумеет и впредь вести достаточно определенную и достаточно понятную для каждого рабочего и для каждого крестьянина работу и политику, вокруг которой мы могли бы и впредь так же успешно объединять миллионы населения нашей огромной страны.

Вот если эти два условия будут соблюдены, то, очевидно, не будет никаких оснований сомневаться в том, что, несмотря на предстоящие впереди серьезные трудности, мы сумеем перейти в дальнейшем в полосу уже подлинного, настоящего великого строительства нашего социалистического государства.

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Трудно, конечно, строить это государство, находясь восемь с лишним лет в полосе железного окружения со стороны империалистических держав. Делали мы разного рода попытки, чтобы как можно полнее, как можно ближе связаться с западноевропейскими странами. Вы помните, что мы переживали полосу усиленных попыток привлечения иностранного капитала, в форме ли концессий или в другого рода формах, чтобы восполнить те недостатки, которые имеются сейчас в нашем хозяйстве, но в общем вся наша политика, вся наша работа в этом направлении до самого последнего времени принесла очень ограниченные результаты: мы все еще с этой стороны в достаточной степени изолированы.

И вот, несмотря на то, что мы не имеем никакой материальной, осязаемой помощи извне, несмотря на то, что империалисты попрежнему продолжают окружать нас китайской стеной, мы все-таки имеем возможность восстанавливать с достаточным успехом наше хозяйство, Это говорит, конечно, не только о нашем умении, не только о нашей большевистской дерзости, — это говорит о таких богатых объективных условиях, в которых находится наша страна.

Я думаю, что каждый из вас понимает, что страна протяжением от Ленинграда до Владивостока, от Архангельска до Эривани, страна с колоссальными, далеко еще не использованными природными богатствами, страна, имеющая громадный внутренний рынок, дает возможность нашему правительству и нашей партии без внешней помощи, без внешнего рынка поднимать и развивать наше хозяйство. Поэтому, несмотря на отсутствие какой-нибудь заметной поддержки, несмотря на то, что нам чинят всякого рода препятствия в деле нашего преуспевания, наш Союз окреп настолько, что он занял совершенно определенное, по праву ему принадлежащее место в семье всех народов.

Если мы три-четыре года тому назад занимали на земном шаре совершенно нелегальное положение, если мы еще четыре года тому назад жили в своего рода подполье, если человек, выехавший с советским паспортом, скажем, в Европу, должен был претерпевать самые невероятные затруднения, то сейчас, в тот период, который мы с вами переживаем, уже нет ни одной страны, ни одного государства, где бы на наш 150-миллионный Союз смотрели как на какую-нибудь нелегальную организацию, — теперь, я говорю, таких государств и таких народов в природе уже не существует. Мы, благодаря тем успехам, о которых я говорил вкратце в начале доклада, заняли совершенно законное, совершенно определенное место в семье всех народов. Теперь самым высоким представителям современного империализма приходится скрепя сердце входить во взаимоотношения с нашим Союзом. О чем это говорит? Прежде всего не о том, что сердца империалистов, наших врагов, под влиянием восьмилетнего нашего существования стали мягче. Нет, их сердца какими были зверскими в отношении к нам, такими и остались. Но правильным является то, что наш Союз, которым можно было несколько лет назад пренебрегать совершенно безнаказанно, теперь, в силу всех обстоятельств, на которые я указывал, является такой единицей на мировых весах, которую просто так не скроешь, мимо которой не пройдешь, не заметив ее, а, наоборот, проходя мимо которой приходится очень внимательно, очень тщательно задуматься над всем тем, что создавалось на этой самой шестой части земного шара. На этой частичке всего мира постепенно, понемногу за восемь лет создалось такое государство, которое приобрело совершенно твердый, совершенно определенный вес во всей системе мирового хозяйства.

… Газеты пестрят изо дня в день известиями о непрекращающемся движении на Востоке. Я думаю, что не каждый даже из товарищей коммунистов отдает себе отчет в том, что происходит сейчас на Востоке. Еще к великому прискорбию, некоторые относятся к восточным народам с известным недоверием к их революционному настроению, к их революционной настойчивости и последовательности, между тем это совершенно неверно. Дело не в том, товарищи, как мы можем отнестись к тому или иному восточному народу, а дело в той объективной обстановке, которую ни один народ в мире не сможет отрицать в том положении, которое сейчас создалось. Во всех восточных колониях, среди восточных народностей положение такое: что бы ни сделали, что бы ни предпринимали империалисты, — все это в конечном счете поворачивается против них же самих, и как бы они ни изощрялись в отношении восточных колоний, — ничего кроме разжигания революционных страстей и освободительных войн они вызвать там не могут. Временно, правда, как

в Персии, англичанам удалось заглушить не только революцию, но даже демократическое движение, и после той бескровной революции, которая там была совершена несколько недель тому назад, когда был свергнут шах персидский, — англичанам удалось через несколько дней посадить в Персии другого шаха. Но все Это является только кратковременным эпизодом, в результате которого революционное движение должно будет только усилиться и только обостриться. И тут, товарищи, основное заключается в той объективной обстановке, которая там создалась. Если бы нужно было грубо выразить те соотношения, которые существуют между восточными колониями и западноевропейскими государствами, то надо было бы уподобиться железнодорожникам и сказать, что западноевропейские государства — это современные тяжелые, усовершенствованные паровозы, а восточные колонии — это тендер, который питает паровоз, и для всякого не только стрелочника, но и для всякого человека понятно, что если мы паровоз от тендера отделим, то никакое сколько-нибудь продолжительное движение паровоза невозможно. Вот, грубо говоря, точно такие же соотношения существуют между современными капиталистическими государствами и восточными колониями. Восточные колонии представляют те источники питания для европейского империализма, которые представляет тендер для паровоза. Именно поэтому с таким остервенением западноевропейские державы подавляют всякое движение в восточных колониях.

Тут дело, товарищи, не только в кровожадности; мы это опишем как угодно, и как мы умеем это делать, но дело в том, что объективно у них нет решительно никакого другого выхода. Они должны делать все, употребить всякие способы для того, чтобы эти колонии удержать в своих собственных руках. Отсюда те непрерывные войны, которые мы наблюдаем на Востоке. Войны не только среди таких народов, как, скажем, 400 с половиной миллионов китайского народа, но даже у такой горсточки людей, как, скажем, рифы, о которых вы Знаете, и войну, с которыми ведет Франция на протяжении очень долгих месяцев и которая все еще не может кончиться ничем. Чем объясняется та напряженность борьбы, которую мы видим со стороны народов, населяющих колонии? Она объясняется тем, что эти народы сейчас подошли к такому рубежу своего существования, что приходится отстаивать уже не только ту или иную часть своих политических прав, но они сплошь и рядом становятся на грани необходимости защищать свое физическое существование. Именно поэтому, если вы своим взором обойдете по всему огромному Востоку, вы не встретите ни одного уголка, где бы было тихо, спокойно и где были бы совершенно мирные взаимоотношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Нет ни одного уголка на этом огромном, подавляющем, в смысле количества населения, всю остальную часть земного шара, Востоке, где бы не наблюдался в том или ином виде и размерах революционный огонек. Поэтому тысячу раз был прав Владимир Ильич, который при всяком случае обращал наше внимание на те гигантские, колоссальные возможности революционных освободительных войн, которые могут развернуться на Востоке. Подумайте хотя бы над одним только движением, которое мы сейчас видим в Китае.

Правда, я соглашусь с вами, что разобраться в этом движении очень трудно. Эти многочисленные генералы, носящие очень сложные, трудно выговариваемые имена, еще больше запутывают положение и дают еще меньше возможности разобраться по существу происходящего там движения, но я думаю, что каждый из вас признает одно, что в общем и целом можно всех этих генералов наемных и ненаемных расставить по 2 шеренгам — одна шеренга: те, которые борются за независимость, освобождение многомиллионного китайского народа; другая часть делает все для того, чтобы этому освободительному движению противопоставить замыслы империалистов, замыслы угнетателей, противопоставить все то, что было до сих пор в Китае.

Война продолжается с огромнейшим ожесточением. Временами наступает как будто бы затишье, но все это затишье напоминает затишье перед бурей при малейшей новой перестановке сил, при ближайшей новой возможности там снова и снова должна будет развернуться война в самом широком, жестоком смысле этого слова. Вся временная передышка, которую там дают, характеризуется тем только, что во время этой передышки втягиваются все более и более широкие массы китайского народа в это движение. Многомиллионный китайский народ в общей своей массе сейчас все более и более сознает необходимость во что бы то ни стало сбросить империалистическое иго. Многомиллионный китайский народ, как и наш народ в свое время, понял значение своих собственных сил, уверовал в собственные свои силы и он все более и более становится твердым в том отношении, что знает, что без всякой империалистической помощи, без всяких внешних угнетений он сам выйдет из того, временами первобытного. состояния, которое представляют из себя китайские провинции. Так или иначе, товарищи, это движение на Востоке в истории освободительного движения человечества будет зачтено и сыграет, несомненно, одну из первейших ролей. Вот это обстоятельство дает новые силы, новые возможности и наш Советский Союз все больше и больше укрепляет свое положение.

Если мы, товарищи, как я уже говорил, не имеем реальной помощи извне, со стороны западно-европейских государств, то мы имеем громадное моральное сочувствие со стороны трудящихся, со стороны западно-европейских рабочих. Можно смело утверждать, что если бы не громадные волны, не широкое движение среди трудящихся, среди широких масс Западной Европы, то неизвестно — пользовались бы мы и теперь той мирной передышкой, которую мы сейчас с вами имеем. Не подлежит никакому сомнению, что в отношении сдерживающих моментов для западно-европейской буржуазии, все еще лелеющей надежду посчитаться с нашим Союзом, — западноевропейские

рабочие играют далеко не последнюю, чтобы не сказать первую роль. Я не буду напоминать вам о тех успехах, которых нам удалось достигнуть в смысле более тесных взаимоотношений с английскими тред-юнионами и т. д. Я об этом сейчас не распространяюсь, но скажу одно — вы знаете, что мы являемся виновными во всякого рода пропаганде, агитации и проч.: достаточно вспыхнуть где-нибудь забастовке — виноваты большевики; если провалится потолок в соборе и задавит несколько сановников — виноваты русские большевики, — словом, что бы ни случилось — во всем виноваты большевики; что бы, где бы ни случилось — обвиняли наших агитаторов. Теперь помаленьку как будто бы эта сплетня начинает затихать и затихать под влиянием одного, на мой взгляд, очень многозначительного факта.

УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ

Вы знаете, что за последний год мы с вами наблюдали громаднейшее паломничество со стороны европейских рабочих в Советский Союз. Мы несколько десятков западноевропейских делегаций пропустили по нашим городам и деревням — делегаций, пожелавших воочию убедиться в том, что собою представляет Советский Союз. В составе этих делегаций мы видели не только членов коммунистических партий, не только представителей желтого Интернационала, — мы видели там и просто беспартийных рабочих. За самым ничтожным исключением, за исключением лишь тех, которых может, очевидно, как горбатого, только могила исправить, подавляющее большинство из них, посмотрев на все, что они видели в Советской стране, возвращались к себе на родину полнейшими нашими друзьями. Всякому рабочему, который честно, попросту смотрел на работу трудящихся нашего Союза, становилось совершенно очевидным, что действительно рабочие и трудящиеся Советского Союза не на словах, а по-настоящему, на деле, строят социалистическое государство, что те трудящиеся, которые восемь лет назад разрушали дворцы и поместья феодалов, оказываются способными не только разрушать, не только сокрушать, но умеют и строить. За короткий промежуток времени европейские рабочие увидели, что у нас проделана колоссальнейшая, совершенно невиданная работа. Европейские рабочие увидели, какие огромные творческие возможности открывает в себе рабочий класс, когда он становится господином положения, диктатором в государстве. Эти рабочие увидели, что свершается то, о чем они читали лишь в полулегальных книжках, именно — что настанет когда-нибудь счастливый период, когда власть в государстве будет в руках рабочих, когда каждый из угнетенных будет принимать непосредственное участие в государственном строительстве, когда в эту работу будут вовлечены огромные миллионы людей и будет положено основание тому великому будущему, которое называется социализмом. Об этом европейские рабочие только мечтали, читали в книжках, а здесь они, приехав, увидели это на деле, увидели реально, что действительно изо дня в день, понемногу, кропотливейшим образом это совершается. Действительно, это может произвести переворот в голове не только беспартийных, но даже и представителей желтого Интернационала. То, что видишь, — от этого не уйдешь, не отмахнешься. Это движение, это паломничество в Советский Союз сыграло и играет колоссальную роль в деле укрепления наших взаимоотношений с трудящимися Западной Европы. В самом деле, представьте себе, что ваш покорнейший слуга рассказывал бы где-нибудь, — если бы представился случай, на широком собрании, например, в берлинских кварталах, — какие мы с вами хорошие люди. Конечно, я был бы последним дураком, если бы не похвалил всех нас. Я глубочайше, как и вы, убежден, что самая лучшая порода людей на свете — это, конечно, большевики. В этом нет никакого сомнения, хотя бы судя по пословице, что «всяк кулик свое болото хвалит». Но представьте себе положение европейского рабочего, который вас слушает. Когда я ему разведу все эти Волховстрои и всякие такие вещи, он скажет: «Хорошо поешь, но неизвестно, где сядешь, ничего этого я не видел и не знаю, как это есть на самом деле». Совершенно другое дело, когда рядом со мной выступит воспитанник «почтенного» предателя социализма Карла Каутского и начнет рассказывать то же, что мы с вами рассказываем. Как вы думаете, какое это впечатление произведет на европейского рабочего? Я думаю, что если он нам с вами не совсем поверит, то, когда он послушает этого «желтого» человека, он сделает выводы гораздо большие и скажет: «Если этот «желтый» человек, который вчера воевал с большевиками и вешал всех собак на Советский Союз, теперь, побывав там, рассказывает, что там дело делается не плохо, а даже совсем подходяще, то наверное, он, мерзавец, еще не все рассказывает. Наверное на самом деле там еще лучше, чем он говорит, потому что вчера только этот человек говорил, что там, кроме крови, кроме того, что живых людей глотают, ничего больше нет, а теперь говорит, что там есть социалистическая промышленность, что там — полнейшая свобода рабочего класса, что там — громаднейшая восстановительная работа, что там — теснейший союз между рабочими и крестьянами» и прочее и прочее. Рабочий слушатель сочтет необходимым сделать из этого естественный и логический вывод: «Не все он говорил, что-нибудь да скрывает; было бы хорошо, если бы я сам съездил туда и посмотрел, что там делается». Отсюда мы видим следующее: не успеет вернуться домой одна делегация, как к нам стучат: «Не можете ли принять еще человек пятьдесят, которые едут из разных весей и градов?» Как в Мекку — священный город мусульман — круглый год шагают длинными вереницами верующие мусульмане, так теперь идут к нам; мы сами превратились, как бы в эту самую Мекку, куда идут с горячей надеждой посмотреть и научиться, как надо создавать социалистический строй, как надо создавать социалистическое государство.

Если взвешивать общее соотношение сил, которое имеется, то как будто бы мы и впредь можем с достаточной уверенностью, с достаточной надеждой продолжать строить наше социалистическое

государство, но только при одном, товарищи, условии, о котором я хочу сказать в заключение. Трудности, как я говорил вначале, огромны. Ведь шутка сказать, товарищи, — пусть каждый всерьез задумается над задачей, которую мы сейчас поставили, — уже одно то, что мы сокрушили, разбили старую царскую и буржуазную Россию, является невиданным в истории человечества. Это такой след, о котором тысячелетиями будет помнить человечество, оно будет помнить, что в великую Октябрьскую годину победа угнетенных рабочих и крестьян в одном из уголков земного шара перевернула вверх дном все их государство. Это является величайшим, небывалым в истории человечества актом. А какую задачу, товарищи, мы должны разрешить в конечном счете? Ту задачу, которую конкретно, ярко, наглядно трудно еще себе представить. И понятно, что трудности впереди колоссальные. Нам, которые являются воспитанниками старого строя, нам, которые сплошь и рядом проникнуты многочисленнейшими предрассудками, нам — людям, которые еще далеко не со всей кожей и костями проникнуты тем, что называется настоящим социализмом, нам, которые будут иметь в дальнейшем еще тысячи всевозможных препятствий, — обольщаться тем, что мы вышли на дорогу, на которой не будет ни одного ухаба, нельзя. Но можно сказать одно: черновую работу мы несомненно закончили, основные вехи, основные столбы установлены, стены здания, которое мы строим, поставлены, и как будто бы общая объективная обстановка складывается таким образом, что и впредь мы можем камень за камнем воздвигать это здание, но, как я сказал, при одном очень серьезном условии — при благополучии нашего внутрипартийного положения.

ПО КАКИМ ВОПРОСАМ СПОРИЛА ОППОЗИЦИЯ С ПАРТИЕЙ

Мы только несколько дней назад подытожили на XIV партсъезде всю ту огромную работу, которую мы проделали, и мы постарались проанализировать, проверить наше внутрипартийное положение. На вопросах, которые стояли перед съездом партии, я подробно останавливаться не буду. Остановлюсь только на самом основном и главном. Вы знаете, что у нас на съезде развернулись довольно широкие разногласия по разного рода вопросам.

К числу этих вопросов относится прежде всего вопрос о возможности построения социализма в одной стране.

Второй вопрос — о том, как нам дальше относиться и как расценивать новую экономическую политику.

Следующий вопрос, вызвавший разногласия (я останавливаюсь только на самых главных вопросах), — это вопрос о нашей деревне.

Все эти три вопроса имеют очень существенное, очень крупное значение для всей нашей дальнейшей работы. Взять хотя бы вопрос о возможности построения социализма в одной стране. Может показаться, что этот вопрос имеет только теоретическое значение. На самом деле это, конечно, не так, и далеко не случайно, что именно через восемь лет после Октябрьской революции этот вопрос встал на нашем партсъезде и принял такую острую форму. Восемь лет мы строим наше социалистическое государство. Восемь лет мы работаем в деле воссоздания и дальше будем говорить уже о пересоздании нашей хозяйственной системы, и все-таки не случайно, что именно сейчас у нас встал вопрос о том, возможно или невозможно построить социализм в одной стране. Когда мы совершали с вами Октябрьскую революцию, казалось бы, тогда и нужно было поставить этот вопрос. Когда после свержения капиталистической системы мы провозгласили социалистическую революцию, тогда, казалось, и надо было спросить себя: а что же дальше, сможем ли мы дальше построить социалистическое хозяйство? Тогда этот вопрос в такой степени как сейчас не стоял. Тогда вообще обстановка была совершенно иная. Едва ли не каждый из нас верил в возможность на завтра революции на Западе. А вот теперь пришла полоса, когда западноевропейская революция, как вы знаете, запаздывает и неизвестно, в какую годовщину нашей революции нас поддержит. Тем не менее мы все-таки существуем. Тем не менее мы как будто бы что-то строим, и вполне естественно задать себе, вопрос: что же мы строим? Строим ли мы действительно социалистическое государство или, быть может, какое-нибудь другое государство, ничего общего с социализмом не имеющее? Таким образом, вопрос о строительстве социализма в одной стране сейчас для нас имеет самое непосредственное, прямое, практическое значение.

Каждый из трудящихся должен сейчас действительно ответить себе на вопрос: а что же дальше? В первые годы нашей революции мы были заняты обороной государства, защищали каждую пядь земли, отстаивали независимость нашей страны. Теперь эта полоса прошла. Теперь мы занимаемся в полном смысле слова строительством. Мы сейчас вступаем в полосу великого строительства. Позволительно задать себе вопрос: во что же выльется это самое строительство? Возможно ли строительство социализма в одной стране? Нет никакого спора о том, что окончательное торжество коммунистического строя возможно только в мировом масштабе. Спор идет не об этом, а о том, возможно ли вести успешное социалистическое строительство в одной стране, притом такой стране, как наша, стране отсталой и на девяносто процентов сельскохозяйственной, можно ли строить и построить социалистическое государство в капиталистическом окружении? Подавляющее большинство на съезде отвечает на этот вопрос положительно. Прошедший период нашей работы и те грядущие перспективы, которые мы намечаем на ближайшие годы, говорят о том, что это

строительство возможно. Когда мы анализируем проблему создания нашего государства сейчас, то видим, что несомненно элементы социализма в нашем государстве крепнут гораздо быстрее, чем элементы капитализма… Вы понимаете, что охарактеризовать наш строй одним словом нельзя; нельзя сказать, что мы живем в социалистическом государстве, но нельзя сказать и того, что мы живем в государстве капиталистическом, а можно сказать, что наше государство находится в переходном периоде: от капитализма мы отплыли, а к социализму мы еще не приплыли; мы находимся где-то на перепутье, и чем дальше по времени мы будем уходить от великих Октябрьских дней, при условии если у нас будут крепнуть элементы социализма, — тем самым мы все дальше будем отходить от капитализма и приближаться к социализму. Вот какой период мы сейчас переживаем.

Поэтому необходимо проверить, что растет быстрее — элементы социализма или элементы капитализма. Это решает дело. Если элементы социализма растут медленнее, а элементы капитализма быстрее, то настанет такая минута, когда у нас элементы социализма замрут и будет процветать без помех капитализм. Отсюда идет спор о том, что представляет собою наша государственная промышленность. Мы считаем, — и съезд тоже так считает, — что наша государственная промышленность, фабрики, заводы, железные дороги, находящиеся в руках государства, представляют собою предприятия последовательно социалистического типа, что эти предприятия находятся в руках самого рабочего класса, что хозяином этих фабрик, заводов, железных дорог является рабочий класс, следовательно, здесь налицо элемент социализма. В основе именно эти предприятия являются социалистическими, а все окружающее — наше сельское хозяйство как частное хозяйство, имеющаяся у нас частная промышленность, частная торговля и прочее и прочее, представляют собою капиталистические элементы или среду, питающую эти капиталистические элементы. Теперь нужно взвесить, какие из этих элементов растут быстрее.

Когда я в начале своего доклада говорил вам о знаменитых цифрах Госплана (очень рекомендую их просмотреть), то нужно сказать, что они говорят о том, что те элементы, та часть хозяйства, которая целиком находится в руках рабочего класса, растет быстрее, чем растет частное капиталистическое хозяйство. Да, растет нэпман в городе и кулачок в деревне, увеличивается частный оборот — это верно, но если взять в общем и подсчитать, то окажется, что частное капиталистическое хозяйство растет медленнее, чем растет хозяйство социалистическое, а это решает дело, решает дело в том отношении, что нам нужно и впредь навалиться так, чтобы еще быстрее развивались наши социалистические элементы, чтобы они не могли увядать под влиянием развивающихся капиталистических элементов. Если мы на этом условимся, то увидим, что строительство социализма в одной стране возможно, и это мы доказываем на практике, а также путем подсчета, который мы производим /По контрольным цифрам Госплана доля обобществленных фондов равнялась в тот период 11,7 млрд. (в червонных рублях), а у частных владельцев капитальных фондов насчитывалось не более 7,5 миллиарда. См. доклад товарища Сталина на XIV съезде партии («Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)», стр. 34, Гиз, 1926 г.). — Ред. /

Но были люди, которые в этом отношении выражали сомнение по многим основаниям. Эти основания заключались в том, что страна наша слишком бедна, у нас отсталое сельское хозяйство, нет большой промышленности, нет десятка миллионов рабочих. Эта техническая отсталость и прочие элементы становятся поперек дороги возможности строить социализм в одной стране. Но после тщательного обсуждения всех этих вопросов на съезде подавляющее большинство съезда пришло к заключению, что строительство социализма в одной стране несомненно возможно. Отсюда вытекает и наше отношение к новой экономической политике.

Вы все, конечно, знаете сущность нашей новой экономической политики. Некоторые, наблюдая за тем, как проводится нэп в городе и деревне, пришли к выводам такого порядка, что, дескать, новая экономическая политика это есть отступление, как, мол, в свое время говорил Владимир Ильич, и здесь поставили точку. Мы, большинство съезда, считаем, что это безусловно заблуждение. Ленин действительно говорил о первом этапе новой экономической политики, что это отступление. Вы, может быть, помните его слова о том, что сейчас наступил такой период, когда нам надо несколько отступить, а потом, разбежавшись, снова шагнуть вперед. Ленин это говорил в момент, когда мы с вами, увлекшись военным коммунизмом, с трудом поворачивали на всякого рода новую экономическую политику. Вспомните, с каким сопротивлением на местах встречали этот самый нэп. Многим казалось, что это сдача всех позиций, что мы идем назад, что ни о каком социализме не может быть и речи. Но вот теперь, товарищи, прошло четыре года проведения новой экономической политики, и мы можем проверить: что мы — отступали за эти четыре года или нет? Если бы новая экономическая политика была только отступлением, — очевидно, мы бы в лучшем случае топтались на месте, но не было бы тех плюсов, которые мы несомненно сейчас имеем. Значит нэп не есть только отступление, как думают некоторые. Это есть очень сложный стратегический маневр, при котором временами мы отступаем, временами перестраиваем наши ряды и снова наступаем. Словом, это целая система, при помощи которой мы развиваем наши производительные силы в таком направлении, что, давая выход частному капиталу, мы в то же время в гораздо большей степени развиваем наши социалистические элементы, и я уже сказал, что наша практика говорит о том, что социалистические элементы у нас растут быстрее, чем элементы капиталистические.

Наконец, последний вопрос, имеющий связь со всеми остальными, — это вопрос о крестьянстве.

У нас на съезде и до съезда развернулась дискуссия на тему о том, как же на основе нэпа, на основе целого ряда мероприятий, которые мы провели за последние годы, как то: допущение аренды земли и наемного труда в деревне, — как на этой основе изменяются классовые отношения в деревне.

Некоторые считают, что на основе всех наших мероприятий в деревне замечается слишком быстрый, слишком заметный рост кулака, что кулак, пользуясь своими экономическими преимуществами, помаленьку начинает захватывать под свое влияние все отрасли деревенской жизни, что дело дошло до того, что кулак начинает вносить поправки не только в работу председателей волисполкомов, но что он начинает вносить поправки во всю нашу государственную работу. В качестве иллюстрации указывают на то, что кулак якобы «регулирует» заготовки (которые у нас потерпели очень заметный изъян в этом году). Вы знаете, что в области хлебозаготовок мы не выполнили плана, который наметили, — мы не смогли вывезти того количества хлеба, которое предполагалось. Действительно, товарищи, был такой просчет, огромный и болезненно сказывающийся до сих пор на нашем государственном организме, но некоторые объяснили этот просчет тем, что громадное количество излишков находится у кулака, что кулак встал в оппозицию к государству и что тем самым создались эти недочеты. Мы полагали, что то обстоятельство, что растет кулак, это ни для кого, так сказать, не должно являться новостью. Нэп совершенно неизбежно должен был к этому привести. Усиление товарооборота между городом и деревней, оживление частных хозяйственных отношений — все это в конечном счете должно было вызвать соответствующие социальные изменения в деревне. Когда мы вводили нэп, то знали, что в городе должен возникнуть нэпман. Никто не должен удивляться тому, что прошел, предположим, год нэпа и в городе вырос нэпман, — это было неизбежно. Но, если поставить вопрос: в угоду ли нэпману был введен нэп? — я думаю, что ни один из вас не ответит положительно на этот вопрос. Что нэпман извлекает выгоду из той хозяйственной обстановки, которая есть, в этом нет сомнения, но что мы будто бы провозгласили нэп в угоду нэпману — это вздор. Мы провозгласили нэп ради развития производительных сил страны, а что на этой почве могут произрастать известного рода отрицательные явления — в этом нет сомнения.

На съезде задавали такой вопрос: а аренда земли в деревне и наемный труд — это уступка кулаку или нет? Мы отвечаем, что нет. Как нэп не есть уступка нэпману, так и аренда земли и наемный труд в деревне не есть уступка кулаку, а это — мероприятие, направленное к развитию производительных сил в деревне. Что на этой почве может подработать кулак — это другой вопрос, но все эти мероприятия в деревне исчерпать тем, что сказать, что это делается в угоду кулаку, — это полнейший вздор. Это значит сказать, что наша партия и ЦК в области нашего сельского хозяйства становятся на точку зрения интересов кулака. Этого ни один здоровый человек в мире не может сказать. Если мы действительно завтра в городе возьмем курс на нэпмана, а в деревне — на кулака, то о каком социализме можно разговаривать, а тем более о строительстве соцализма в одной стране? Это сплошной вздор. Ни один здоровый человек этого утверждать не может.

Вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос об отношении к нэпу, к кулаку — все это явления одного и того же порядка, проистекающие из того, о чем предупреждал Владимир Ильич, когда он говорил, что перед нашей партией в период восстановления нашего хозяйства после военного коммунизма могут встать такие задачи, которые партии придется решать с гораздо большим трудом, чем все задачи, стоявшие в период военного коммунизма. И это, товарищи, как нельзя больше правильно. То, что было в период военного коммунизма, — в этом разбирался каждый из рядовых членов партии. Враги у нас были перед лицом. Каждый из нас видел — где мы и где враги. Каждый в то время отстаивал судьбы диктатуры рабочего класса. Не то сейчас. Сейчас борьба далеко не прекратилась. Мы переживаем полосу так называемого «мирного» строительства. Но это именно так называемое мирное строительство в кавычках. На самом деле борьба продолжается, как было и прежде, денно и нощно, но только ведется в других формах — в формах более сложных и более скрытых. Взять хотя бы тот же самый нэп. Это, товарищи, не есть только накопление нашего национального богатства, — это новая форма борьбы, о чем нам говорил в свое время товарищ Ленин.

Товарищ Ленин ставил вопрос так: «кто кого» — чья возьмет: мы ли возьмем капитализм или капитализм возьмет нас? Каждый день нашей работы в кооперации, в совете, в каком угодно нашем учреждении — все это есть не просто организационная работа, а все это борьба, отстаивание наших социалистических позиций. Вот как стоит вопрос.

И, когда сейчас мы перешагиваем за довоенный уровень, эта борьба все более и более усложняется, и поэтому естественно, что в такой сложной обстановке вырастает очень много и отрицательных явлений, которые подействовали определенным образом на известную часть нашей партии. Это мы видели на нашем съезде. Отсюда все те разногласия, которые перед нами развернулись. Нам говорили об опасностях растущего кулака, нам намекали на то, что мероприятия наши в деревне на руку кулаку, являются уступкой кулаку. Нам выражали сомнения в возможности строительства социализма в одной стране. Нам указывали на то, что трудно утверждать, будто наши государственные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа.

О чем это говорит? В конечном итоге о том, что затруднения, которые мы перед собой имеем, у некоторых создают ложную перспективу, закрывают перед их глазами дорогу действительного нашего движения вперед, по социалистическим, ленинским рельсам. Отсюда та дискуссия, которая с таким ожесточением и оживлением развернулась на нашем партсъезде. Вопросы, как вы видите, не только чистой теории, но и живой практики. Вопросы такие, от правильного разрешения которых зависит вся наша дальнейшая работа.

Особенно подробно на съезде дебатировался вопрос о деревне.

Мы указывали представителям оппозиции, видевшим огромную опасность в растущем кулаке, что ни один из нас роста кулацкого элемента в деревне не отрицает, но мы говорим: кулак не настолько в настоящее время разбух, что есть основание кричать «караул». Мы говорим, что по-прежнему нужно продолжать в деревне ту политику, которую мы практиковали до сих пор. Вы помните, Владимир Ильич говорил, что 10–20 лет правильных отношений с крестьянством — и победа революции обеспечена даже в мировом масштабе. О чем это говорит? О том, что Владимир Ильич придавал вопросу о крестьянстве колоссальное, решающее значение в наших условиях. И это несомненно так. Вокруг этого вопроса главным образом сосредоточивались все наши разговоры и до съезда и в особенности во время него. Подавляющее большинство съезда пришло к выводу, что как прежде мы держали курс на союз с середняком, опираясь на бедняка, так этот курс должен продолжаться и сейчас.

Мы этот курс полностью несомненно не осуществили. Бедняк с нами, но середняк сплошь и рядом идет за кулаком. Середняк сплошь и рядом вне нашего влияния. Середняк очень часто вне нашей советской орбиты. Это надо нам исправить во что бы то ни стало. Тут, товарищи, разговор идет не о симпатиях к бедняку, или середняку, или кулаку, а о реальных взаимоотношениях. Об этом надо говорить, пока это не навязнет в зубах у каждого члена партии. Если мы не сумеем действительно по-настоящему закрепить союз этих трех групп — рабочего класса, деревенской бедноты и середняка, то дело должно повернуться в другую сторону: рабочий класс и беднота останутся на одной стороне, а вся остальная деревенская масса — на другой. Столкновение этих двух групп, если бы они образовались, станет неизбежным, ибо, не говоря о большинстве населения, большинство всей деревенской мощи будет находиться по ту сторону, и нам придется всем петь отходную самым безнадежным образом. Для того чтобы этого не случилось, съезд сказал, что политика в деревне должна остаться прежняя, та, которая была до сих пор, т. е. опора рабочего класса на бедноту и союз со средним крестьянством. Нужно сделать этот союз отчеканенным, таким, чтобы он был выдержан от начала до конца. Тогда неизбежный рост кулака на основе свободных товарных отношений в деревне нам не будет страшен. Мы тогда при помощи этого союза и имея целый ряд рычагов в руках государства (налоговая система и ряд других мероприятий) можем обуздывать кулака, обуздывать его мероприятиями легально- государственно- советского порядка, не прибегая к насильственным мерам: к раскулачиванию и прочему. Большинство съезда нашей партии оставалось на этой точке зрения.

НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ ВЫПОЛНЯТЬ РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА

Я не скрою от вас, товарищи, что на этот раз дискуссия на съезде прошла в чрезвычайно острой форме. Подробности всего этого вам известны. Укажу вам только, что мы уже давно не наблюдали в жизни нашей партии, чтобы по отчету ЦК, решающему вопросу на любом съезде, мы получили 65 голосов против одобрения линии ЦК нашей партии.

Оппозиция исходила главным образом отсюда, из Ленинграда. Она объясняла это голосование случайными причинами, тем, что голосование резолюции было поставлено не в том порядке, как следовало бы поставить, что резолюцию не голосовали сначала «за основу», а сразу в целом, не голосовали по отдельным параграфам и прочее. Но мы, грешные люди, думаем, что как бы это ни объясняли, — техническими причинами или иначе, — все-таки никак нельзя найти достаточных оснований для того, чтобы оправдать поведение этого меньшинства в 65 человек, у которого поднялась рука против, когда мы одобряли линию поведения ЦК нашей партии.

Съезд и собирается для того, чтобы каждый делегат съезда мог честно, по-большевистски, откровенно изложить свою точку зрения по поводу того или другого вопроса — любой делегат съезда может поставить перед партией какой угодно вопрос, каким болеет член партии или вся организация — никакого запрета на этот счет в нашей практике не существует. Наоборот, все это желательно и необходимо. Но заявления оппозиции на съезде были клеветническими. На протяжении полутора лет между XIII и XIV съездами, мы проводили разные местные конференции, обсуждавшие общую линию партии, но нигде, никогда ни одним словом никто не заикался о том, будто руководящая часть ЦК партии к 1926 году скатывается с ленинских рельсов, катится куда-то под откос, берет совершенно угрожающую линию поведения, против которой надо поднимать руки. А именно такие утверждения слышали мы на съезде нашей партии.

Решения съезда вам известны, и теперь нам остается только одно — признать правильность этих решений. Я думаю, что подавляющее большинство партии убеждено в том, что все эти спорные вопросы мы несомненно разрешили правильно. Никакого другого ленинского, большевистского

решения этих вопросов на данной стадии нашей революции быть не должно и очевидно не могло быть. Решения эти приняты, и перед нами сейчас стоит задача, принимая во внимание важность тех вопросов, которые дискуссировались, разъяснить всем молодым членам партии те ошибки, которые допустила на нашем съезде оппозиция. Надо каждому члену партии сделать понятными те решения, которые наш съезд вынес, а они будут понятны только в том случае, если мы совершенно открыто, совершенно прямо изложим и точку зрения меньшинства, нашей оппозиции, разберем ее самым детальным образом, чтобы для каждого члена партии стало ясным, почему решение большинства правильно и почему позиция меньшинства неправильна. Здесь мы очень часто со стороны некоторых, на мой взгляд слабонервных, слышим: «Чего же вы хотите? Съезд кончился, разве вы четвертовать оппозицию хотите?» Это неверно: такими заявлениями хотят разговор пустить по совершенно другим рельсам. Речь идет вовсе не о крови и не о четвертовании, а о разоблачении. Тут ничего не сделаешь: если ты ошибку совершил, ее надо вынести на свет если не божий, то наш, коммунистический, посмотреть ее со всех сторон, разобрать на составные части и помочь товарищам разобраться в том, как дошли они до жизни такой и как они пришли к таким ошибочным выводам. Нужно помочь такому товарищу исправить свою ошибку, если он может исправить, и затем предупредить остальных товарищей, всю партию в целом. Если у тебя случится так, что ты в одно несчастное для тебя утро будешь хромать на левую ногу, то ты постепенно можешь так передвинуться налево, что станешь левее самой левой стороны. (Смех.) Будет очень звонко и красиво, что ты, дескать, против нэпмана, против кулака, против наемного труда, против всяких уклонов и соглашательских вещей, что ты совершенно «левый» человек, но что ты можешь при этом слишком далеко зайти, дорогой товарищ, в этом нет сомнения, как нет сомнения в том, что одинаково опасно для тебя и для партии — заберешься ли ты слишком вправо или слишком «влево».

Всякий уклон, всякий отход от партийной позиции для нас сейчас, в такое время, которое мы с вами переживаем, чрезвычайно опасен. Я уже указывал в связи с теми вопросами, которые вообще стоят перед нами, что обольщать себя тем, что у нас «тишь, гладь и божья благодать», — неправильно.

Трудности у нас впереди еще колоссальные, и поэтому всякая расхлябанность в партии, всякие уклонения в разные стороны — «вправо» или «влево» — несомненно принесут нам громадный вред в нашей работе. Разногласия были. Разногласия эти мы разрешили. Решения съезда имеются, и мы теперь предлагаем эти решения считать единственно-правильными, которые сейчас только и могут иметься в нашем распоряжении. Эти решения надо проводить не за страх, а за совесть, не путем простого, формального подчинения, а проводить по-настоящему. Нам сплошь и рядом представители оппозиции говорят: «Мы, конечно, решения съезда признаем. Съезд кончился. Резолюцию будем осуществлять и решения съезда проводить». Но когда мы ведем разговоры о том, что произошло на съезде, когда мы объясняем в Ленинградской организации те ошибки, которые допустила оппозиция, то выходят те, которые эти ошибки совершили, или сторонники их, и здесь же начинают доказывать, что они все-таки были правы, и, несмотря на то что есть решения съезда и что они признали эти решения, они говорят: «А наши ребята тоже поступали правильно, мы их уполномочили, в обиду не дадим, выгонять их нельзя».

Мы считаем такую постановку вопроса вредной не только для Ленинградской организации, но и для всей партии. Если в известной части партии создается такое мнение: «Съезд решить — решил, решениям съезда подчиняюсь, но и ленинградская делегация тоже права», тогда выходит, что у нас две правды: одна — в одном кармане, другая — в другом, одна — правда большинства, а другая — правда меньшинства. Мы как революционные практики принимали решения на съезде вовсе не для того, чтобы сдать их в Истпарт или Академию наук, а для того, чтобы завтра реально осуществлять по-революционному все то, что приняли. Но как мы будем это осуществлять с двумя правдами? Никакого осуществления не выйдет. Каждый рабочий, каждый крестьянин, который нас поддерживает, будет думать так: мы строим социализм, а есть люди, которые говорят, что его не построишь; если так строить, то ничего не построишь. Если будешь строить избу, поставишь сруб, а мимо пройдет Мария Петровна и скажет: «Сидор, а ведь тебе избы не построить», то Сидор почешет за ухом и скажет: «Да ведь и вправду не построить». И действительно, мы ничего не сможем построить, если будем думать так и этак; нужно что-нибудь одно. Это возможно при одном условии, когда в партии не будет ни двойной, ни тройной, никакой другой бухгалтерии, а будет одна единственная, большевистская правда, написанная на съезде нашей партии. Вот при таких условиях, товарищи, возможна та великая работа, которая возложена самой историей на нас с вами. Вот почему с такой страстностью и горячностью развертывается эта дискуссия.

Я думаю, что вы наблюдали и наслушались много разговорчиков, которые идут по Ленинграду. Тут дело не в том, что ущемлено самолюбие кого-либо, — дело не в этом, а в том, как, в каком порядке, какими рядами пойти партии завтра. Поэтому я думаю, что вы согласитесь со мной, что это не только вопрос Ленинградской организации, но и всей партии, и можно без всякого преувеличения сказать, что все наши делегаты — 665 человек, которые были на XIV съезде, которые сейчас разъехались по всему необъятному СССР, — несомненно с напряженнейшим вниманием ждут вместе со своими организациями, как преломятся решения съезда в одной из лучших организаций — в передовой нашей Ленинградской организации.

Партия в целом с напряженным вниманием ждет, что скажут по поводу всего, что произошло на XIV съезде, сто тысяч членов и кандидатов Ленинградской организации. Именно поэтому-то ЦК послал сюда несколько членов ЦК и Политбюро, чтобы помочь сторонникам съезда, большинства съезда, имеющимся здесь, в Ленинграде, помочь всем этим ста тысячам имеющихся здесь членов и кандидатов партии детальнейшим образом разобраться, в чем дело, что именно имело место на XIV съезде. Поэтому, товарищи, по поводу тех, которые с очень большим рвением и горячностью обвиняют в частности нас, приехавших сюда, что мы якобы посеяли какую-то рознь, что мы разрушили устои, годами создававшиеся в Ленинградской организации, — мы должны сказать, что это неверно. Нельзя скрывать, что в организации сейчас обстановка нездоровая, временами здесь бывает чрезвычайно тяжело. Ленинградская организация переживает очень болезненный, лихорадочный период, в этом нет сомнения. Но это, товарищи, логически совершенно неизбежное явление после всего, что произошло на съезде. Я думаю, вы признаете правильным, что мы на всех собраниях говорим: «Товарищи ленинградцы, если вам действительно дорого единство и прочность Ленинградской организации, вы должны вопрос поставить иначе, а не так, чтобы сохранить единство Ленинградской организации за счет единства партии». Вы подходите к решению вопроса, говорим мы, не с того конца. Вам надо сказать всем ста тысячам партийцев в Ленинграде: «Объединитесь вокруг решений XIV съезда нашей партии и Центрального Комитета, избранного этим съездом. Если вы вокруг этого Центрального Комитета сумеете объединиться, тем самым вы сумеете создать единство и в Ленинградской организации. Без единства в партии не может быть единства в Ленинградской организации».

Вот, товарищи, какие трудности стоят перед нами и какие последствия проистекают от того или иного разрешения этого безусловно очень серьезного и очень большого вопроса.

В заключение скажу только одно. Мне сдается, что самая тяжелая опасность, которая может выпасть на долю нашего государства и нашей партии, заключается в том, что если мы спутаем наши собственные партийные ряды. Это самая преступная, самая недопустимая вещь. Нет более серьезной опасности для революции, для диктатуры пролетариата, чем нетвердость наших собственных рядов.

Мы сумели отбить тысячи опасностей. Мы сумели в полном одиночестве, в самых тяжелых условиях защищать нашу рабоче-крестьянскую родину. Я думаю, что впредь от всякой внешней помехи мы отбиться безусловно сумеем. Но горе нашей революции, горе диктатуре пролетариата, если мы запутаем наши собственные коммунистические ряды. Мы уже два года живем без Ленина, без великого вождя и основоположника нашей партии и государства. Мы Ленина заменяем миллионом членов партии, тем огромным коллективом, который мы сейчас имеем. Единство этого коллектива нам нужно сохранить во что бы то ни стало. Если мы это единство сохраним, мы добьемся того, что наша действительно историческая Ленинградская организация снова займет то почетное место, которое принадлежит ей по праву. Я думаю, что, невзирая на ту лихорадку, которую мы переживаем, на ту огромную встряску, которая выпала на долю нашей партии, пройдет немного недель, и мы снова под знаменем, оставленным нам Лениным, с ключами строительства социализма в руках, с теми ключами, которые он нам завещал, мы все вместе, весь миллион членов партии — и Ленинградская организация в первых рядах — мы пойдем теми путями, которые нам указаны, и будем изо дня в день с большевистской выдержкой, с ленинской решимостью проводить в жизнь те действительно важные решения, которые принял XIV съезд нашей партии. (Продолжительные аплодисменты.)

РАБОТАТЬ НЕ ПОКЛАДАЯ РУК НАД УКРЕПЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОГО ЕДИНСТВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Заключительная речь на XXIII Чрезвычайной ленинградской губернской партконференции 12 февраля 1926 года

Товарищи, работа нашей XXIII конференции подошла к концу. Вы все знаете, какие условия, какие обстоятельства привели нас на XXIII конференцию. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что все мы с полнейшим вниманием, хладнокровием и выдержкой отнеслись ко всем тем вопросам, которые стояли перед нами. Я думаю, что ни один из нас ни на одну минуту не сомневается в том, что мы нашли безусловно правильное, безусловно ленинское решение вопросов, стоящих перед нами. (Аплодисменты.)

Мы, товарищи, заслушали также обширный доклад по вопросу о том положении, в котором находятся сейчас у нас основные командные высоты — социалистическая промышленность. Мы из доклада видели, что в общем и целом можно сказать: наша партия, наше пролетарское государство преуспевают; но мы также должны сказать, что наряду с этим перед нами, товарищи, открывается полоса достаточно серьезных, достаточно крутых затруднений. Мы знаем, что наряду с успехами за последнее время перед нами выдвигаются новые, очень сложные, очень серьезные задачи в деле дальнейшего поднятия нашей социалистической промышленности. Но мы твердо, с надеждой смотрим на будущее и полагаем, что эти новые затруднения и эти новые осложнения наша партия, а с ней вместе рабочий класс сумеют преодолеть успешно при одном условии, что мы выполним то, что мы обещали на нашей Чрезвычайной XXIII губернской конференции — во что бы то ни стало, всем и каждому в отдельности, работать не покладая рук над укреплением единства, железного единства нашей ленинской партии. (Аплодисменты.)

В наших резолюциях, товарищи, мы приняли на себя целый ряд обязательств. Я думаю, что ни у кого из вас нет и тени сомнения в том, что мы эти обязательства выполним. Я думаю, что вся наша стотысячная организация, начиная с сегодняшнего дня, немедленно приступит к реализации всего того, что мы здесь с вами решили. Это будет лучшим доказательством и лучшим свидетельством выполнения нашего основного обязательства — поработать над дальнейшим восстановлением нашего хозяйства, укреплением нашего государства и сохранением единства нашей партии во что бы то ни стало. (Аплодисменты.)

Товарищи, вся внутренняя и внешняя объективная обстановка, несмотря на целый ряд серьезных затруднений, стоящих перед нами, говорит все-таки о том, что мы и дальше можем с тем же успехом продолжать дело нашего великого социалистического строительства. Самое главное, самое близкое для нас, товарищи, — это единство нашей партии. Если может разразиться какое-нибудь несчастье над нашими головами, то это несчастье будет заключаться в том, что если действительно дрогнут ряды нашей могущественной, монолитной ленинской партии. Мы уверены в том, что этого не будет, как этого не было до сих пор: малейшую трещину, малейший надлом в нашей партии мы умели преодолевать решительно и твердо. Это мы сделали и на нашей XXIII губернской партийной конференции; это мы сделаем всегда, если заметим, что в огромных рядах нашей партии на том или ином фланге ее дрогнут те или иные колонны.

Товарищи, восемь с лишним лет тому назад из этого самого зала наша партия, ведя за собою рабочий класс, вышла на первые баррикады пролетарской социалистической революции. Восемь с лишним лет идем мы по этой твердой ленинской дороге, преодолевая препятствия, сметая затруднения, вырастающие на нашем пути. Я думаю, что не ошибусь и выражу волю конференции, если скажу, что и сегодня мы выйдем из этого зала полные той же беззаветной веры в нашу глубочайшую историческую правоту, будем продолжать ту величайшую миссию, которая возложена на нас человечеством, продолжим великую работу, начатую восемь с лишним лет тому назад, для того чтобы добиться конечной цели — торжества пролетариев всех стран и угнетенных всего мира.

Для этого, товарищи, нам нужно прежде всего и главным образом единство, твердость и решительность нашей великой ВКП(б). Если мы это сумеем соблюсти, если мы сумеем это сохранить, то все остальное будет обеспечено. Какие бы препятствия ни стояли на нашем пути, какие бы тучи ни нависали над нашей коммунистической головой — мы их сумеем рассеять.

Да здравствует же великая ВКП(б)! (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, объявляю XXIII Чрезвычайную ленинградскую губернскую конференцию ВКП(б) закрытой.

(Все поют «Интернационал».)

МЫ ВЫШЛИ НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Доклад на торжественном заседании VIII губернского съезда ленинградских металлистов 19 апреля 1926 года

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

СССР — САМОЕ ТВЕРДОЕ И УСТОЙЧИВОЕ ГОСУДАРСТВО В МИРЕ

Товарищи, мне поручено сделать доклад о международном и внутреннем положении нашего Союза.

Я думаю, будет вполне достаточно, если я остановлю ваше внимание только на самом основном, на самом существенном, чего мы не можем не заметить сейчас как внутри нашей страны, так и вне ее. Вы знаете, товарищи, с каким багажом мы приступили к делу социалистического строительства в нашей стране. У вас у всех сохранился в памяти тот тяжелый восьмилетний путь, который мы прошли. Вы знаете также, товарищи, что было время, когда многим из нас те великие задачи, которые мы перед собой поставили, казались почти неразрешимыми. Многие из нас полагали, что та задача, которую поставил перед собой рабочий класс нашей страны, едва ли окажется ему по плечу. Но эти годы и эти сомнения ушли далеко. Мы сейчас уже с полным сознанием и с гордостью можем сказать, что мы вышли на достаточно просторную и достаточно прочную дорогу подлинного, реального социалистического строительства.

Вы знаете, товарищи, что самым сложным в нашей работе в области воссоздания нашего хозяйства являлся тот период, когда мы начали осуществлять новую экономическую политику. Это был тот период нашей работы, когда на наши головы как раз больше всего сыпалось утверждений, что вот, мол, наконец и сами большевики, сама Советская власть становятся на путь постепенного растворения в буржуазном окружении. Но вот прошли годы, и мы видим нечто иное, чем то, что нам предсказывали. Если в начале новой экономической политики мы имели в области нашей промышленности 18, максимум 20 % довоенного уровня, то сейчас в общем и целом мы стоим на уровне 95 % довоенного времени. Если наше сельское хозяйство в начале новой экономической политики едва добралось до 50 % довоенного уровня, то сейчас оно перешагнуло уже за 90 %. Одних этих цифр достаточно для того, чтобы сказать, что мы не только не стоим на одном месте, но что наше дело действительно развивается с достаточно определенной, с достаточно заметной стремительностью.

Я уже не говорю, товарищи, о нашем росте за последние годы, о чем вы, конечно, все знаете. Вы все знаете, что в прошлом году в области промышленности мы сделали надбавку на целых 64 %, в этом году мы думаем шагнуть вперед на 30–40 % и надеемся, что не обманемся.

Если в прошлом году наш государственный бюджет имел 2 миллиарда 900 миллионов червонных рублей, то в текущем году мы подходим уже к 4 миллиардам рублей.

Все эти цифры говорят о том, что дело советского строительства и укрепления нашего государства развивается настолько заметным темпом, что нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Теперь уже прошла та пора, когда хорошие отзывы о нашей работе можно было слышать почти исключительно из наших собственных уст. Было время, когда мы находились на положении тех куликов, которые хвалят свое болото. Теперь мы уже выбрались из этого периода нашего существования, сейчас мы имеем свидетельства о наших успехах не только со стороны наших друзей, но и со стороны наших недругов.

Вы, товарищи, вероятно, внимательно следите за газетами, и, надеюсь, вы читали переписку между Наркоминделом и секретарем Лиги наций по поводу приглашения советского правительства принять участие в работах предварительной комиссии, которая должна подготовить конференцию по разоружению, созываемую в ближайшее время /Имеются в виду письма генерального секретаря Лиги наций (от 18 и 19 марта 1926 г.) Наркоминделу с приглашением советскому правительству принять участие в предварительной конференции по разоружению в Женеве и ответная нота Наркоминдела генеральному секретарю Лиги наций (от 7 апреля 1926 г.), подтверждающая отказ СССР принять участие в конференции, созываемой на территории страны, в которой в 1923 г. было совершено гнусное убийство т. Воровского. — Ред. /

Я вам очень рекомендую как-нибудь на сон грядущий повнимательнее почитать эту переписку — она чрезвычайно любопытна. Вдумайтесь в каждую фразу и каждое слово советской ноты, и вы поймете, товарищи, что тот язык, которым наш дипломат разговаривает с этой самой почтенной Лигой наций, каждое слово, каждая буква этой ноты свидетельствуют о том значении, которое мы сейчас в этом самом международном концерте приобрели.

Три-четыре года назад мы такие ноты обычно писали в пространство, это называлось: всем, всем, всем. . Для того, чтобы все услышали, для того, чтобы никто в отдельности придраться к нам не мог.

Сейчас мы уже начинаем разговаривать с нашими недругами, адресуя наши разговоры самым

непосредственным образом. Конечно, это упало не с неба, это свидетельствует о том, что мы внутри своей страны сумели укрепиться таким образом, что сейчас можем уже выйти на любую политическую международную арену.

На это мы приобрели теперь не только моральное, как это было раньше, но и чисто реальное право. Мы сейчас можем в отношении твердости и устойчивости своего государства поспорить с любым государством в мире. Но, товарищи, было бы, конечно, ошибкой полагать, что у нас все на целых 125 % так уже выросло и укрепилось, что дальше итти и торопиться некуда. Это, конечно, неверно. Именно потому, что мы с вами все время торопимся и не покладая рук день и ночь трудимся над укреплением нашего государства, — именно потому явились те положительные результаты, о которых я вам вкратце сообщал. Не подлежит, конечно, никакому сомнению для каждого честного рабочего, что нам и дальше необходимо двигать дело тем же самым темпом, каким мы разворачивали работу до сих пор, а в известном смысле, может быть, и с большим упорством.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ — ОСНОВНОЙ ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

Каждый рабочий великолепно понимает, что, доведя народное хозяйство до довоенного уровня, ни одной минуты нельзя останавливаться на этих достижениях, а, наоборот, надо, не теряя ни одной исторической минуты, двигаться во что бы то ни стало дальше. Каждый из нас повседневно чувствует недостаток в промышленных товарах, с чем мы встречаемся на каждом шагу, каждый из нас видит те высокие цены на наши изделия, которые существуют в рознице, с чем мы сталкиваемся и все вместе и каждый в отдельности. Ни один из нас не может спокойно смотреть на состояние производительности труда, где за последнее время у нас также появляются некоторые тревожные моменты.

Все эти вопросы, а также вопрос о заработной плате неизменно стучатся в двери нашего с вами государства.

Затруднения, товарищи, налицо, они очень заметны вследствие непрерывного роста платежеспособности населения нашей страны как в городе, так и в деревне. Несмотря на все напряжение наших фабрик и заводов, сколько бы они ни выбрасывали продукции, эта продукция с громадной стремительностью поглощается, и на рынках все снова и снова ощущается в ней недостаток.

Для того чтобы изжить это явление, нам необходимо принять все меры к дальнейшему развитию нашей промышленности. Одновременно нам нужно принять все меры к тому, чтобы наше хозяйство и впредь развертывать таким образом, чтобы оно становилось все более и более самостоятельным. Если мы хотим построить социалистическое государство в нашей стране, нам нужно прежде, всего обеспечить рабоче-крестьянские советские границы не только с точки зрения военной, но нужно позаботиться и о других фронтах, нужно сделать все, чтобы основательно подковать наше государство и со стороны хозяйственной.

Совершает ошибку тот, кто думает, что мы с нашим врагом — империализмом Западной Европы — ведем войну только вооруженной рукой, только вооруженной силой. Нет, это не так, — во всех областях нашей жизни мы находимся на военном положении.

Таким образом, на одном из основных и главных фронтов нашей борьбы — в области экономики — нам необходимо так обеспечить наше государство, чтобы оно было возможно меньше ущемляемо со стороны наших врагов. Для этого нам нужно развивать все отрасли нашего хозяйства не только в количественном, но и в качественном отношении. Нам нужно сделать все возможное для того, чтобы нашу страну индустриализировать. Нам нужно повернуть дело нашей промышленной работы таким образом, чтобы в действительности, а не в мечтах, не в теории, не в резолюциях только, а на деле усеять нашу рабоче-крестьянскую советскую землю заводами, при помощи которых мы могли бы собственными руками и собственными средствами создавать все нам необходимое не только в смысле предметов личного потребления, но и в смысле средств производства для нашего хозяйства. Без этого условия, товарищи, никакого социализма в нашем государстве мы не построим. Без этого условия нам нельзя будет чувствовать себя обеспеченными как следует со стороны опасности от наших врагов — империалистов... Если мы и впредь будем лишены возможности собственными руками создавать средства производства, то перед нами будет только один выход получать эти орудия и средства из-за границы, т. е. находиться в положении зависимости от сильных европейских капиталистических государств, быть в таком положении, что во всякое время дня и ночи без всякого вооруженного вмешательства в наши дела эти западноевропейские государства могут затормозить нашу хозяйственную жизнь, когда им это заблагорассудится.

Вот для того, чтобы этого не было, и для того, чтобы нам обеспечить подлинную возможность социалистического строительства, — для этого нам необходимо индустриализировать нашу страну во что бы то ни стало. Эта задача, товарищи, нелегкая, это не то, что восстановить старый завод, оставшийся нам от капиталистов, это не то, что перебрать старые, заржавелые станки и пустить их в ход, это не то, что заставить дышать, заставить гореть стоявшую потухшей несколько лет ту или иную печь, — это значит создавать на нашей земле новые заводы по последнему слову современной

техники.

Ведь, товарищи, надо понять, что если мы взяли на себя историческую миссию — построить такое общество, которое было бы во всех отношениях образцовым, вышестоящим по сравнению с любым западноевропейским государством. Нам надо добиться того, что если сейчас мы с вами смотрим через далекие пространства с завистью на Северо-Американские Соединенные Штаты, на их технику, на их колоссальные заводы и фабрики, то, ведь, товарищи, должен пройти известный исторический отрезок времени, и мы с вами должны смотреть на Америку уже не вперед, а оглядываясь назад. Мы должны добиться такого состояния, чтобы обогнать эти страны во всех отношениях.

Таким образом, вы видите, что дальнейшая наша работа сопряжена еще со множеством и множеством огромных испытаний. Параллельно с преобразованием нашего промышленного хозяйства и индустриализацией нашей страны нам необходимо будет подтягивать и наше сельское хозяйство, нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времен святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким вещам, которые пока еще фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо их действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом.

Нам необходимо будет не забывать и о той области нашей государственной работы, которая называется культурой. Если наша страна, как и теперь, будет на 60°/о лаптем хлеб резать, если наша страна будет наполовину еще безграмотной, то, конечно, ни о какой индустриализации страны разговаривать нам с вами не придется.

Нельзя дать мужику трактор и прочие усовершенствованные орудия производства, если он все еще на Николая чудотворца надеется гораздо больше, чем, скажем, на бензиновый двигатель. Надо повернуть и эту область работы таким образом, чтобы она шла параллельно с основной нашей хозяйственной работой. Работа, как вы видите, огромнейшая, которая требует от нашего государства и от рабочего класса прежде всего громаднейших жертв и громаднейших усилий.

Но надо помнить, товарищи, что все-таки основная линия нами, очевидно, взята совершенно правильно, но если мы сумели в течение такого короткого времени, что и сами не ожидали, восстановить свое хозяйство почти до довоенного уровня, то, я думаю, и на новых путях, по которым нам дальше придется поднимать наше огромное хозяйство, мы эту задачу также осуществим.

ПОЧЕТНАЯ РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДЕЛЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о тех уже более узких задачах, которые стоят непосредственно перед нами, живущими здесь, в Ленинграде.

Вы все, товарищи, понимаете ту роль, которую играла, играет и должна играть ленинградская промышленность. Но вот сейчас, когда мы переводим рельсы нашей работы в сторону индустриализации нашей страны, здесь, товарищи, ленинградская промышленность по всем своим историческим, фактическим и каким угодно правам должна будет занять исключительное место.

Дело сложилось таким образом, что если есть действительно самый квалифицированный, самый надежный уголок в нашем Союзе, где можно было бы с достаточным успехом создавать орудия и средства производства, то это, несомненно, Ленинград. И поэтому наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны будут в последующий период нашей работы сосредоточить исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках.

Это кратчайший путь в постановке дела машиностроения и производства всех прочих предметов оборудования, необходимых для нашей промышленности.

Отсюда, товарищи, вы понимаете, какая непосредственная задача стоит перед вами. Ясное дело, что в этой работе ленинградскому металлисту предстоит взять в руки в полном и буквальном смысле слова первую скрипку, ибо ему нужно будет взять на свои плечи главную тяжесть той работы, которая предстоит нам здесь.

Я думаю, что все объективные условия говорят за то, что эта работа будет выполнена. Во всяком случае здесь, в Ленинграде, нет ни одного учреждения, которое бы не имело того или иного соприкосновения с хозяйством и которое не заботилось бы об этих задачах завтрашнего дня. Начиная с партийных, советских, хозяйственных и всех прочих организаций, мы видим, как здесь, в Ленинграде, все учреждения ставят эти вопросы. Каждая организация со своей точки зрения взвешивает ту программу, которую она должна осуществить в этом деле. Это, конечно, должно служить лучшим залогом, лучшей гарантией того, что мы эту задачу так или иначе разрешим безусловно с успехом.

Но не надо, товарищи, отрицать того, что и здесь нам, возможно, придется выдержать не меньшие,

а в некоторых отраслях даже большие трудности, чем те, которые стоят перед рабочими всего Союза.

Мы знаем, в каком состоянии сейчас находится наш уже почти полуторамиллионный город, мы знаем, что за период гражданской войны и разрухи он вынес на себе большую тяжесть. Всякий вопрос, который мы ставим перед собою, напоминает нам об этом. Нет сейчас ни одного собрания, ни одного разговора с рабочими, где бы не поднимался вопрос, скажем, о той огромной жилищной нужде, которая все острее и больше чувствуется здесь, в Ленинграде.

Необходимо, конечно, будет сделать все для того, чтобы так или иначе это дело поднять. Вы знаете, что для того, чтобы поднять его так, как этого бы нам всем хотелось, мы, конечно, не имеем пока еще никакой объективной возможности: мы очень сильно стеснены в средствах.

Но я думаю, что той программы, которая намечена в этом отношении, будет вполне достаточно для того, чтобы сгладить остроту положения.

Встают, встанут и, конечно, всегда будут стоять в нашей работе вопросы о положении рабочего класса и прежде всего — о его заработной плате. Как вам уже указывали, в той полосе затруднений, которую мы переживаем сейчас, нам нужно проявить совершенно твердо и совершенно определенно чрезвычайную экономию.

ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЖЕСТКОЕ ПРОВЕДЕНИЕ РЕЖИМА ЭКОНОМИИ

Мы сейчас делаем все для того, чтобы сохранить тот уровень заработной платы, который у нас имеется, и, конечно, каждый сознательный рабочий согласится с нами в том, что сейчас нельзя говорить, что мы выйдем из положения, если завтра поднимем заработную плату на тот или иной процент, а все остальное — рост цен в розничной торговле и прочее — не изменится.

Нет, каждый рабочий прекрасно понимает, что надо начинать с другого конца — с повышения производительности труда в Широком смысле этого слова, с борьбы за повышение производительности труда всем фронтом, как со стороны хозяйственников, так и со стороны самих рабочих.

Упорная борьба за снижение розничных цен на наши продукты потребления является более надежным, более верным, наилучшим способом действительного удержания заработной платы на том уровне, на каком она находится сейчас.

Я не буду говорить, товарищи, об остальных задачах, которые стоят сейчас перед нами, но я не могу не обратить вашего внимания на то обстоятельство, о котором здесь уже говорилось, а именно на то, что если мы хотим действительно по-настоящему осуществлять свои задачи в области индустриализации, то нам необходимо с завтрашнего же дня — вернее, с сегодняшнего дня — действительно развернуть всем фронтом, как можем сделать только мы, большевики, а с нами вместе и весь рабочий класс, борьбу за режим экономии.

Я на этом вопросе останавливаюсь только потому, что мне думается, что многим из нас этот лозунг — «борьба за режим экономии» — не совсем ясно представляется. Многие товарищи ставят эту задачу в достаточной степени ограниченно, на самом же деле этот вопрос имеет сейчас колоссальнейшее значение.

Мне приходилось слышать вопросы со стороны рабочих, которые говорили: «Неужели вы серьезно думаете, что путем этой грошевой, мещанской экономии можно что-то сделать, что-то получить?»

Этот вопрос объясняется тем, что товарищи, задававшие его, недостаточно широко представляют себе это дело.

Надо повести сейчас борьбу не только в узком смысле слова за сбережение копейки, а надо сделать все к тому, чтобы действительно создать из нашего государства такой аппарат, который работал бы по возможности с точностью часового механизма.

Только таким порядком можно будет действительно по-настоящему перелицовать наше хозяйство и действительно твердой поступью итти вперед.

Что же, товарищи, мы видим? К сведению тех, которые полагают, что этот режим экономии не сможет нам дать особенно заметных, особенно реальных результатов, я много примеров приводить не буду, а приведу один.

Есть у нас такое учреждение, которое называется Чаеуправлением. В этом самом Чаеуправлении начали помаленьку проводить режим экономии, проводить, конечно, не бог знает каким военным порядком, проводить с прохладцей, как мы в большинстве случаев такие вещи проводим.

И что же оказалось? Достаточно было совершенно ничтожного нажима на это самое Чаеуправление для того, чтобы у них оказалась экономия в 1 миллион 200 тысяч целковых. Вы, товарищи, подумайте, сколько у нас в Советском Союзе разного рода Чаеуправлений! Вы все знаете, что учреждений у нас разных, всяких «хозов» и прочих столько, что, если бы написать словарь, получилась бы огромнейшая книга.

Но если даже с каждого такого «хоза» получить не миллион, а на круг полмиллиона целковых экономии за год, то ясно, к чему это, товарищи, приведет даже при самом прохладном отношении к этой самой экономии! Представьте себе, что если мы этот самый режим экономии начнем проводить по нашей большевистской привычке с некоторым нажимом, что если мы заставим каждого «хоза» и «зава» и всех прочих, вниз от них идущих, маленько крякнуть под нажимом в борьбе за режим экономии, то нет сомнений, что процент сбережений все больше и больше будет возрастать.

Второй пример — относительно наших штатов. Вы все знаете о том учреждении, которое называется Югосталью. Это — учреждение почтенное во всех отношениях. В этом учреждении полтора года назад служащих было 250, а сейчас там имеется 900 человек. Конечно, работа расширилась — это мы все понимаем, но вы смотрите, в какой прогрессии растет штат этого учреждения.

Вы знаете также, товарищи, какую большую роль в жизни нашего государства играет наша кооперация. Каждый из нас является членом того или иного кооператива, каждый из нас, как правоверный христианин великим постом, время от времени отдает должное кооперации — ведет соответствующую кампанию по вовлечению, привлечению, по взносам и прочее. Недавно был съезд уполномоченных Центросоюза и там подсчитали, что благодаря так называемому «умелому» ведению дел самые непосредственные растраты — короче говоря, самое ничем не прикрытое прямое воровство — приводят в кооперации к тому, что там разворовали в течение года 1 миллион 800 тысяч целковых.

Это, товарищи, то, что удалось записать. А вы знаете, что растрата и воровство — это такая штука, которую не всегда можно поймать, а тем более записать.

Вот, товарищи, те болячки, которые зияют на нашем теле и которые нам надо срезать, выжечь каленым железом во что бы то ни стало не только потому, что они безобразны, но и потому, что это может дать нашему государству действительно громаднейшее обновление во всех отношениях.

Мы сумеем наряду с той экономией, которая естественным образом отсюда проистечет, сделать, организм более здоровым, более подвижным, более работоспособным.

Безобразия, товарищи, доходят до того, что я не могу вам не напомнить одного случая — этот случай был описан в газетах.

Дело было в центре нашего Советского Союза, в городе Москве, в московском отделении Иваново-вознесенского текстильного треста.

Сидел там какой-то заведующий торговой частью, наверное, к стыду нашему, член нашей коммунистической партии, как это чаще всего в таких случаях бывает. И вот на-днях он сделал заказ в типографии Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии на 100 тысяч этикеток для наклейки на мануфактурные кипы. Заказ был выполнен в 20 тысячах экземпляров и принят. На этикетках была изображена крестьянка. Приняли заказ, он понравился, заказали еще 600 тысяч этикеток. Когда весь заказ был выполнен и его преподнесли этому самому «заву» торговой части, он посмотрел, и что с ним случилось — трудно сказать, но почему-то ему крестьянка на этикетках не приглянулась, и этикетки были забракованы. Дело было брошено, но на нем потеряли несколько тысяч целковых, а в результате эти этикетки пришлось продать частному человеку за 27 целковых.

Вот, товарищи, как будто мелочь, пустой эпизод, но разве можно равнодушно об этих эпизодах говорить в тот момент, когда каждая советская копейка должна взвешиваться на вес золота, когда мы сейчас сплошь и рядом буквально задыхаемся от недостатка самых пустых вещей, когда зачастую почти на полном ходу останавливаются целые цеха на фабриках и заводах только потому, что мы не можем найти 50—100 тысяч целковых, чтобы получить из-за границы небольшие приспособления, делать которые сами, к сожалению, мы пока что еще не в состоянии.

В тот момент, когда мы просматриваем свой государственный рабоче-крестьянский бюджет и с факелами днем и ночью ищем каждую копейку, положенную не на место, внимательным образом взвешиваем каждый расход и стараемся сделать все, чтобы ни одной копейки не израсходовать бесполезно, а тем более вредно для государства, — в этот самый момент мы в нашей советской, коммунистической печати читаем те анекдоты, о которых я вам только что рассказал.

И когда мы посмотрели, что за человек этот почтенный «зав», которому не понравилась крестьянка на этикетках, то оказалось, что это действительно субъект во всех отношениях любопытный.

Он работает в качестве «зава» не больше не меньше как 17 месяцев, из этих 17 месяцев он 11 месяцев сплошь находился в разъездах. Вы видите, вместо того чтобы действительно заниматься непосредственно тем делом, к которому он приставлен, этот человек гарцует из города в город, из села в село, собирает командировочные и все, что вообще сопряжено с такими поездками, а в результате перед вами получаются подобные образцы работы такого солидного учреждения, как московское отделение Иваново-вознесенского треста.

Это, товарищи, взятые на выдержку примеры тех зияющих ран, которые у нас имеются и которые вытравить нам во что бы то ни стало необходимо. Если мы к этой работе подойдем вплотную, мы это сумеем сделать несомненно. Я не говорю, что можно убить сразу нескольких зайцев одним выстрелом, но, для того чтобы это дело провести действительным образом, нам необходимо вокруг лозунга экономии сейчас мобилизовать все внимание не только нашей партии, но всего рабочего класса, и, конечно, профсоюзов в первую очередь. Нам надо каждому зарубить себе на носу необходимость этой борьбы. Надо обдумать всяческие способы и методы, чтобы как можно плотнее и надежнее охватить эту самую работу, и вы, товарищи, увидите, что не пройдет много времени, как мы сумеем, во-первых, выжать эти застрявшие в разных расщелинах громадные миллионы рублей, а во-вторых, сумеем наш государственный механизм очистить от той ржавчины, которая к нему пристала на протяжении этих восьми лет. В этой борьбе за режим экономии рабочему классу надо поставить дело таким образом, чтобы поднять наше хозяйство как можно выше, потрясти его как можно покрепче, чтобы та сволочь, которая к нему присосалась, отпала раз и навсегда. (Аплодисменты.)

Тут нечего бояться того, что дело зайдет слишком далеко, что мы кое-кого больно зацепим, смущаться нам ничем не приходится, если мы только хотим этот режим экономии действительно осуществить полностью на всех фронтах. Вот, товарищи, какие основные вопросы стоят перед нами сейчас внутри нашего государства.

МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО НАЗРЕВАЕТ РЕВОЛЮЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ

В заключение скажу несколько слов о том, какая внешняя обстановка сейчас нас окружает. Вы все понимаете, что сейчас как будто бы мы переживаем такое время, что извне особой, непосредственной угрозы предвидеть ниоткуда нельзя, как будто бы мы обеспечили себя достаточно полно для того, чтобы продолжать начатую работу.

Конечно, никто не может быть пророком и сказать, что мы имеем полную гарантию в этом отношении. Это не так, но рост сочувствия со стороны рабочего класса к нам на Западе, громадное сочувствие к нам со стороны угнетенных народов Востока и третий фактор — наше внутреннее состояние — все эти три силы достаточно гарантируют нашу дальнейшую более или менее спокойную работу.

Однако, если мы не видим сейчас определенного стремления устроить очередной нажим по адресу рабоче-крестьянского государства, то, с другой стороны, нет и такого отношения, чтобы нам кто-нибудь где-нибудь хотел бы за хороший или, во всяком случае, приличный процент оказать какое-нибудь содействие. Очевидно, и с этой стороны мы должны будем больше надеяться на себя. С другой стороны, надо знать и то, что если перспективы западноевропейской революции, на которую мы все в свое время весьма и весьма определенно рассчитывали, как будто теперь становятся неопределенными, то все-таки в общем, если посмотреть на все окружающее нас, нельзя сказать, чтобы там была действительно тишь, гладь да божья благодать и чтобы какому-нибудь Болдуину или еще кому-нибудь там не снились тревожные сны.

Состояние легких контузий западноевропейский капитал переживает непрерывно.

Правда, он делает все к тому, чтобы заглушить волны революции. Свидетельством этому служат китайские события, о которых вы также знаете. Китайский народ сейчас оказался в таких жестких японо-английских клещах, вырваться из которых ему будет очень нелегко.

Это верно, но так же верно и то, что прошла уже та пора, когда можно было 400-миллионный народ трепать как вздумается совершенно безнаказанно. И даже, несмотря на то, что там наблюдается отлив революционной волны и что там пущены в ход такие жесткие империалистические клещи, не надо быть пророком, чтобы сказать, что не пройдет много времени, как измученный, исстрадавшийся многомиллионный китайский народ сумеет эти империалистические клещи разжать и снова выйти на дорогу борьбы за свое элементарное человеческое освобождение. (Аплодисменты.)

Если нельзя на Западе предвидеть таких жарких вспышек в грядущие дни, то, товарищи, все-таки каждый из вас, следя за рабочей хроникой в Западной Европе, видит то здесь, то там то забастовку, то локаут, то какие-нибудь иные неприятности для господ капиталистов, что говорит об усиливающейся там жестокой классовой борьбе.

Вот, товарищи, те общие черты, которыми характеризуется сейчас внешнее положение. В общем и

целом, товарищи, выходит, что как бы медленно ни развивались революционные события, какими бы осторожными шагами, на первый взгляд, история сейчас ни шагала, но все-таки, если мы взвесим все за и против, дело исторически складывается таким образом, что время как работало, так и продолжает работать на нас. Наша революционная коммунистическая мельница работает быстрее, надежнее, веселее, чем мельница капитализма.

Очевидно, тот исторический приговор, который рабочий класс России восемь лет назад произнес над капиталистическим строем, — этот приговор историей оправдывается все больше и больше.

Нам, как непосредственным деятелям революции, непосредственным строителям социализма в нашей стране, хотелось бы, конечно, видеть большее, хотелось бы, чтобы революционные волны вздымались выше и возможно скорее поглотили бы в бездну проклятый капиталистический строй.

Но что история идет в эту сторону — в этом нет ни малейшего сомнения. Все остальное, товарищи, будет зависеть от нас с вами и прежде всего, товарищи, от вас, рабочих-металлистов. Вы в великие Октябрьские дни вышли в первой шеренге к той исторической баррикаде, которая была взята здесь, в Ленинграде.

Вы заняли первые, самые ответственные позиции в этой, тогда, казалось, еще неравной борьбе. Вы, товарищи, победите, я думаю, и впредь, если вас не покинет та металлическая твердость, которая вам принадлежит по праву, и если и впредь вы сумеете сохранить ту же железную выдержку и спокойствие, если вы сумеете сохранить хладнокровие даже в самые жестокие моменты, которые все еще возможны впереди. Не подлежит никакому сомнению, что победит то великое дело, ради которого мы здесь, в городе Ленина, восемь с лишним лет назад вышли на борьбу и провозгласили величайший лозунг освобождения всех обиженных, угнетенных и порабощенных. Не подлежит никакому сомнению, что наш призыв к борьбе будет, наконец, услышан и теми, которые гнут свою спину под тяжестью империализма на Западе, и теми, которые проливают сейчас свою кровь под натиском того же империализма на Востоке. (Аплодисменты.)

КОМСОМОЛ — АКТИВНЕЙШИЙ УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Доклад об итогах апрельского пленума ЦК ВКП(б) па расширенном пленуме Ленинградского губкома ВЛКСМ 12 мая 1926 года

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ

Товарищи, я думаю, что многое из того, что происходило на последнем пленуме ЦК нашей партии,

/С. М. Киров имеет в виду пленум ЦК ВКП(б) 6–9 апреля 1926 г. с участием членов Президиума ЦКК и членов Центральной ревизионной комиссии. Пленум особо тщательно обсудил вопросы хозяйственного положения и хозяйственного строительства, вопросы конкретного осуществления генерального курса на индустриализацию страны, провозглашенного XIV партсъездом. — Ред. /

вам в достаточной степени известно, поэтому я думаю, что нам придется останавливаться только на самых основных, характернейших вопросах, которые сейчас занимают всю нашу партию, весь рабочий класс и, я полагаю, всех тех, кто действительно серьезно работает над созданием социалистического строя в нашей стране.

Вы знаете, товарищи, что последний наш пленум носил в смысле своего содержания чрезвычайный характер. Можно без преувеличения сказать, что он будет иметь в работе нашей партии не меньшее значение, чем, пожалуй, любая очередная партийная конференция.

По существу оно так и было: основной вопрос — о положении нашего хозяйства, стоявший на последнем пленуме, предполагался к обсуждению на очередной партийной конференции, но так как вопросы нашего хозяйственного строительства буквально выпирают из всех щелей нашей повседневной работы, этот вопрос пришлось поставить во всей его полноте на последнем пленуме.

Вы, товарищи, вероятно, согласитесь со мной в том отношении, что наше государство сейчас переживает такую историческую стадию, в которой решение хозяйственных вопросов должно считаться самым основным и самым главным, и, конечно, с полной серьезностью товарищи осознают ту мысль, что все наше дальнейшее социалистическое строительство будет зависеть от того, в какой степени будет развиваться наше народное хозяйство.

Я не скрою, что в нашей партии, а особенно вне нашей партии, за последние месяцы очень внимательно дебатируется вопрос о том, что наше хозяйство вступило сейчас в полосу чрезвычайно тяжелых затруднений. В общем и целом это мнение, товарищи, правильно. Весь вопрос заключается только в том, какую глубину, какое содержание представляют собою эти затруднения: являются ли они настолько глубокими и серьезными, что возникает опасение — преодолеет ли партия эти затруднения, или эти затруднения такого порядка, как все бывшие затруднения, которые мы усилиями партии совместно с вами разрешали более или менее успешно.

Для того чтобы подойти к этому вопросу, необходимо сделать некоторое отклонение, некоторое отступление в небольшую историю этого вопроса.

Вы знаете, товарищи, что к строительству нашего хозяйства мы приступили вплотную сравнительно недавно. Только за последние годы мы получили возможность максимально, почти на все сто процентов, направить наши силы на эту сторону нашей работы. Можно сказать, что более или менее успешно и заметно наше движение пошло вперед с момента перехода к так называемой новой экономической политике. Память у вас моложе моей, и вы должны хорошо помнить, с каким недоверием, я бы сказал скептицизмом, некоторая часть нашей партии подходила к вопросу о новой экономической политике. Тогда некоторым казалось, что, несмотря на то, что новая экономическая политика была провозглашена вождем нашей партии товарищем Лениным, все-таки с применением этой новой экономической политики мы идем назад, а не вперед в деле социалистического строительства. Теперь мы уже имеем ряд лет практики новой экономической политики, которые дали нам возможность подытожить достаточно точно, с цифрами в руках, успехи в этой области.

Я не буду загромождать свое сообщение длинным рядом цифр, приведу самые основные, самые общие цифры, их, по-моему, необходимо запомнить. Эти цифры следующие. Накануне проведения новой экономической политики наша промышленность достигала примерно 18–20 % довоенного уровня. Как вы видите, наша промышленность достигала едва одной пятой того уровня, на котором она пребывала до войны.

Наше сельское хозяйство к тому времени достигало 48 %, в лучшем случае 50 % довоенного уровня. Вот это обстоятельство, товарищи, необходимо особенно запомнить. Что мы сделали на основе новой экономической политики? В данное время наша промышленность, как вы знаете, достигает почти что довоенного уровня. Мы достигли сейчас 95 % того уровня, на котором промышленность

находилась в 1913 году; наше сельское хозяйство достигает 91 % довоенного уровня. Еще любопытнее то, что чем дальше мы отходили от первых лет новой экономической политики, тем быстрее развивалось наше хозяйство. Так, например, в прошлом году наша промышленность по сравнению с предыдущим годом продвинулась вперед на целых 64 %.

Мы видим прирост рабочих в индустрии за один только последний год почти на полмиллиона человек. Эти цифры говорят о том, что мы действительно проделали громаднейшую работу. В промышленности не хватает 5 %, в сельском хозяйстве 9 % для того, чтобы сравняться с довоенным временем, т. е. с 1913 годом.

Вы видите, что нет никаких оснований приходить в уныние. Если бы мы и впредь могли двигаться такими шагами, какими двигались до сих пор, — а вы видите, что эти шаги иногда достигали по сравнению с предыдущим годом 64 % прироста продукции, — то можно было бы опасаться, что у нас в известный период может начаться даже головокружение от тех успехов, которые мы имеем.

Для того чтобы резче оттенить вам то, чего мы сейчас достигли, я сошлюсь на практику западноевропейских стран. Мы все, товарищи, свыклись с тем, что мы страна отсталая, что нам, конечно, далеко до того, чтобы равняться с такими высокоразвитыми в техническом отношении странами, как, скажем, Англия, Франция, даже Италия. О Германии говорить не буду, ибо эта страна находится сейчас в очень серьезном международном ущемлении. Но посмотрите на так называемые великие державы-победительницы (которые вышли из войны победителями) — чего они достигли за время, прошедшее после окончания империалистической войны. Оказывается, что ни одна из этих стран — ни Англия, ни Франция, ни Италия, — ни тем более Германия после разорения, причиненного им во время империалистической войны, до настоящего дня не могут восполнить тех потерь, которые они понесли, т. е. они не могут до сих пор подравняться к довоенному уровню. Это звучит парадоксом, это кажется чем-то невероятным. В самом деле — гражданской войны они не переживали, затруднений внешних и внутренних в той степени, в какой испытывали мы, они не знали, и тем не менее, работая в установившихся буржуазных условиях, эти страны, казалось бы, имевшие все объективные условия для скорейшего излечения ран, которые им были нанесены во время войны, не находятся до сих пор в том хозяйственном состоянии, с которым они вступили в войну. Единственная страна, которая перешагнула довоенный уровень на десятки процентов, — Соединенные Штаты Америки. Вы знаете, что эта страна за время войны не столько потеряла, сколько заработала.

Для чего я вам это привожу? Для того, чтобы вы убедились, каких колоссальнейших успехов при всех затруднениях, внешних и внутренних, которые мы переживали, сумели мы достигнуть за восемь лет нашей с вами послеоктябрьской работы.

ОЧЕРЕДНАЯ И РЕШАЮЩАЯ ЗАДАЧА — СОЗДАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ

Как развивалось, товарищи, наше хозяйство? С момента введения новой экономической политики нужно считать, что мы пережили две полосы хозяйственного развития.

В первый момент мы под натиском голодовки, под натиском недостатка продовольственных продуктов большую часть нашего внимания сосредоточили на нашем сельском хозяйстве. Правильна ли была такого рода политика? В то время она была правильна. Каждый товарищ понимает, что если мы хотим построить социалистическое государство, то, переводя это на другой язык, нужно сказать, что в первую очередь нужно создать высокоразвитую промышленность. Если у нас не будет высокоразвитой промышленности, то ни о каком социализме в нашей стране говорить не придется. Оказывается, однако, что мы начали это дело с восстановления сельского хозяйства. Несмотря на те сомнения, которые были в некоторых частях нашей партии, опыт показал, что мы поступали совершенно правильно: приступая к восстановлению нашей промышленности, нужно было подвести базу под эту промышленность, обеспечить рабочий класс в достаточной степени продовольствием. Для промышленности, развитие которой мы должны были поставить на очередь, необходимо было создать рынок, потому что внешнего рынка перед нами не было. Ввиду этого мы главное внимание сосредоточили на деле восстановления нашего сельского хозяйства. Мы поступили, как видите, совершенно правильно.

Построив базу для промышленности, восстановив сельское хозяйство, мы перешли к другой части работы — ко второму пункту нашей хозяйственной программы — к восстановлению легкой индустрии, т. е. такой, которая изготовляет средства потребления.

Наша легкая индустрия, в частности в Ленинграде, во многих частях перешагнула довоенный уровень. Таким образом, следующая наша задача — это переход к восстановлению и дальнейшему расширению нашей тяжелой индустрии. Это как раз, товарищи, та программа нашей хозяйственной работы, которую нам начертал в свое время вождь нашей партии товарищ Ленин. В самом начале нашей восстановительной работы он говорил:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству

предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также тяжелая индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы» /Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 349. — Ред. /

Вот та программа, которая была написана в двух словах товарищем Лениным и которая в общем и целом охватывает весь ход той хозяйственной работы, которую мы с вами проделали. И когда мы сейчас прикидываем эту программу к тому положению, которое мы имеем в настоящее время, то выходит, что первые два пункта этой программы мы уже выполнили в достаточной степени и подошли к осуществлению третьего пункта этой программы, т. е. к созданию тяжелой индустрии, той отрасли нашей промышленности, которая должна будет дать нашей стране не предметы потребления, а, как принято выражаться в учебниках политической экономии, орудия и средства производства.

И когда вы, товарищи, посмотрите постановления XIV съезда нашей партии, вы увидите, что самым основным и самым ударным в решениях съезда является как раз тот вопрос, который характеризуется двумя словами: «индустриализация страны», как раз тот самый вопрос, вокруг которого скрестились все разногласия в нашей партии, как раз тот самый вопрос, от того или иного разрешения которого будет зависеть наше дальнейшее социалистическое строительство.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

В чем наша основная задача? Эта задача выражается в организации социалистического общества. Что это значит? Это значит, что нам надо организовать наше промышленное хозяйство так, чтобы оно во всех отношениях превосходило современное капиталистическое хозяйство. Эта задача, если мы соразмерим ее с тем, что мы имеем сейчас в западноевропейских развитых капиталистических странах, представляется как будто бы буквально неосуществимой. Но, товарищи, надо смотреть на вещи совершенно прямо и трезво и надо сказать, что если мы не сумеем этого осуществить, если мы не сумеем поставить свое промышленное хозяйство на такой уровень, чтобы американское хозяйство осталось позади нас, то никакого социализма у нас, конечно, не будет. Это всякий должен понять. Только на основе высокоразвитой техники в нашей промышленности и в нашем хозяйстве можно будет говорить о преобразовании всех сторон нашей государственной, общественной и всякой другой жизни. Это бесспорная истина.

На словах это очень просто, а на деле это такая трудная, такая громадная задача, преодолеть которую нисколько не легче, а гораздо труднее, чем преодолеть те затруднения, которые мы имели на наших вооруженных фронтах. И поэтому, когда мы успокаиваем себя мыслью о том, что мы пребываем в мирном состоянии, что над нами не каплет, что мы ведь работаем в мирной обстановке, — это и верно и не верно. Верно это в том отношении, что мы не ведем открытой гражданской войны, но не верно потому, что мы ведем изо дня в день, из ночи в ночь, из часа в час войну на экономическом, на хозяйственном фронте и из этой войны мы должны выйти победителями в полном смысле этого слова, т. е. мы не только должны вызволить свою страну из разрухи, должны не только обеспечить страну в смысле восстановления нашего хозяйства, но должны построить такое хозяйство, такую промышленность, которые были бы буквально во всех отношениях выше любого хозяйства, выше промышленности любой из современных капиталистических держав. Вот какая задача, товарищи, стоит перед нами. Если это верно, — а я думаю, что этого оспаривать нельзя, — то должно быть верно и другое, а именно, что нам сейчас необходимо перейти к осуществлению того лозунга, который продиктован последним съездом нашей партии, — к индустриализации нашей страны. Надо под всю нашу промышленность, под все наше хозяйство мало-помалу подвести новую техническую базу, — вот как стоит вопрос, товарищи.

Степень завоевания социалистических начал будет зависеть прямым и непосредственным образом от осуществления этой основной задачи — индустриализации нашей страны. Я думаю, что эта мысль бесспорна. Во всех беседах, указаниях и печатных трудах Ленина она проходит красной нитью. Я думаю, что каждому члену партии и каждому комсомольцу эта истина в достаточной степени ясна и понятна.

Вопрос этот, казалось бы, бесспорный, а если посмотреть на последнюю дискуссию, если разобрать детально, вокруг чего вращалась эта дискуссия, то окажется, что она вращалась вокруг этого вопроса. Когда мы начинаем рассуждать вообще о новой технике, об индустрии, то все кажется бесспорным — ни один член партии не может возразить против этого, ибо это очевидно, бесспорно, ибо это аксиома, но когда подходим к вопросу, как нам дело делать, то тут начинаются разговорчики. Вот вокруг этого вопроса и началась тревога — не теперь, а ещё до съезда нашей партии. Вы помните, что раздались разговорчики, что хозяйственное дело зашаталось, что мы переживаем громадный кризис в смысле недостатка товаров, что ощущается недостаток в товарах в деревне, и т. д. Это заставило ЦК партии не отодвигать вопрос о нашем хозяйстве до очередной партконференции, а поставить его на апрельском пленуме ЦК партии. Вопрос этот не терпел никакого отлагательства, ибо вокруг хозяйственных затруднений, которые мы, несомненно, переживали и которые мы переживаем до сих пор, стали наслаиваться небольшевистские взгляды; были такие колебания и разговоры, — кое-кому казалось, будто мы скатываемся на другие рельсы. Нужно было под этот вопрос, который рассматривался на съезде, подвести практическую

программу, чтобы уяснить, как поступать сегодня, завтра и т. д.

РЕОРГАНИЗОВАТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ОСНОВЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ

В чем выражались и выражаются наши затруднения?

Основное затруднение, которое мы переживаем, которое имеет место еще и сейчас, лежит в области нашей промышленности: соотношение между промышленностью и сельским хозяйством у нас таково, что мы сейчас не можем удовлетворить в достаточной степени всего того спроса, который предъявляет нам крестьянское хозяйство. Есть, конечно, много причин так называемого субъективного порядка, т. е. такого порядка, который целиком зависит от нас с вами. Здесь целый ряд недочетов, здесь неумение работать, неумение торговать, неумение изготовлять хорошую продукцию, вообще миллионы всяких других причин. Все это есть, и все это правильно, но все-таки самое основное — это, как у нас принято выражаться высоким стилем, — диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. Эта диспропорция практически, в обыденной жизни, выражается в том, что у нас продуктов промышленности меньше, чем спрос на эти продукты. Спрос превышает имеющееся количество промышленных продуктов. Отсюда получаются все те основные неувязки, которые мы сейчас имеем. Вот это — самое главное, это — самое отрицательное в нашем хозяйственном положении.

Для того чтобы мы могли полностью осуществить нужное соотношение промышленности и сельского хозяйства, нам необходимо реорганизовать всю нашу промышленную технику таким образом, чтобы она давала максимум продукции. А спрос на продукцию промышленности растет. Крестьянское хозяйство поднимается, рабочий класс также крепнет, потребности у него растут, растет и спрос на всякую продукцию. Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к этому вопросу, нам надо начать создавать внутри нашей страны такие очаги, которые позволили бы нам реорганизовать нашу промышленность на новых началах. Что для этого необходимо? Для этого необходимо построить такие заводы, которые дали бы нам возможность своими собственными руками, своими собственными силами и средствами изготовлять машины, станки и все прочее, что необходимо для легкой индустрии, для крестьянского хозяйства и т. д.

Вот, товарищи, так стоит вопрос и только так могут быть разрешены все те основные затруднения в области нашей промышленности, которые имеют у нас место в данный момент. Когда вы поймете, как много нам нужно сделать для того, чтобы перевести все наше дело на новые рельсы, вы увидите, почему в свое время в некоторых слоях партии получилось такое недоверие к возможности выкарабкаться из того положения, в каком мы сейчас находимся, почему получилось недоверие к тому, что мы сами, без всякой посторонней помощи, сумеем справиться с этим делом.

Следом за этим у нас встает вопрос о том, каким образом мы можем это сделать. А сделать, товарищи, надо очень много, еще раз повторяю, как в общесоюзном масштабе, так, быть может, чуть ли не в первую очередь, у нас здесь, в Ленинграде. Если мы берем курс — а мы его берем — на индустриализацию нашей страны, нам надо на всех тех центрах, где сосредоточена тяжелая индустрия, — а Ленинград занимает первое место в нашем Союзе в этом отношении, — сосредоточивать максимум работы.

Мы здесь уже подошли к такому состоянию, что, например, в легкой индустрии у нас использован основной капитал, который имелся в нашем распоряжении, примерно на 95 %; имеется запасец всего в 5 %. Мы его используем, но наше дело должно застопориться, если пойдем дальше так, как шли раньше. В тяжелой индустрии мы использовали 75 % возможностей, которые имеются; остается небольшое звено, которое нам надо еще так или иначе использовать, а дальше нужно ставить дело на новые рельсы.

Это значит, товарищи, что если мы, например, подойдем к Путиловскому заводу, то нужно будет делать то, что частично и делается: нужно реорганизовать мастерские, нужно устанавливать новые станки и машины, — короче говоря, нужно ставить дело на совершенно иные рельсы; а то в некоторых мастерских, куда вы заходите, днем — ночь и ночью — ночь, там еще такая темень, которая пахнет десятилетней давностью. На основе старой техники поднимать индустрию не представляется никакой возможности, нужно дело реорганизовать.

МЫ ИМЕЕМ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ УСПЕШНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Как это сделать, откуда почерпнуть необходимые средства и все остальное, что для этого нужно? Тут, конечно, ждать, что откуда-то на нас что-то свалится, что кто-то нам что-то подарит, — не приходится — вы ведь прекрасно все в этом разбираетесь. Единственный источник, на который можно рассчитывать, — это источники нашей собственной страны. Есть ли у нас какие-нибудь источники? Несомненно, есть. Уже один тот факт, что мы хозяева всех тех благ, которые имеются в нашей громадной, 150-миллионной стране, раскинутой на одной шестой части земного шара, хозяева колоссальнейших природных богатств, которых не имеет безусловно ни одна современная держава, уже одно то, что все это находится сейчас в наших рабоче-крестьянских руках, показывает, что это может и должно быть повернуто только в сторону производительного

использования. Уже одно это дает материальную базу для того, чтобы мы на этой основе могли совершить эту новую промышленную революцию. Далее, в наших руках имеются не только материальные блага, но в наших руках имеются и государственные рычаги, а государственные рычаги измеряются не только количеством милиционеров, имеющихся в данной стране, — они измеряются и целым рядом других аппаратов, которые для государства и для государственного строительства имеют колоссальное значение. Возьмем такие организации, как банки. Банки, товарищи, вещь почтенная и полезная, нужно только их повернуть должным образом. Если банки находятся в руках государства, в руках рабочих, то при помощи этих банков при настоящей организации дела можно повернуть хозяйство так, что все средства, которые имеются не только у нас с вами, но которые имеются и в руках частного капитала, можно в значительной степени оборачивать на дело социалистического строительства. Путем банков можно громадные миллионы, которые имеются в нашем крестьянском хозяйстве, также поворачивать на дело нашего социалистического строительства. Словом, в наших руках имеется ряд могущественнейших возможностей, при помощи которых можно все имеющееся в стране направлять по совершенно определенному руслу, централизовать и целесообразно затем направлять это по расходящимся ручейкам, которые дадут возможность оживлять и реорганизовывать наше промышленное хозяйство.

Буржуазия, в частности английская, действует иначе, у нее дело обстоит проще. Если у них происходят какие-нибудь материальные затруднения в том или другом звене государственной машины, то они измыслят какую-нибудь авантюру: зажмут Индию, зажмут Китай. Ведь независимо от того, белый ли это народ, желтый ли он, из него можно выжимать при известной настойчивости достаточно серьезные ресурсы. Мы к такого рода нажиму прибегать не можем. Можно было бы похлопотать относительно займов. Всякая страна, кроме нас с вами, живет и работает в значительной степени за счет всяких займов. Даже Ротшильд, богатейший человек в мире, без кредита не обходится. Ни одно самое богатое государство без кредита не обходится. Только мы, единственная страна, лишены возможности работать с займами. В газетах часто мелькают сообщения о том, что там-то ведутся разговоры о займах. Разговоры-то мы ведем, — народ мы вообще разговорчивый и за словом в карман не лезем, благо за восемь с лишком лет революции нам уже приходилось разговаривать на всех языках, со всеми народами и со всеми расами, но все-таки до сих пор мы выговорили всего-навсего полтораста миллионов взаймы, и то у кого? — у немцев, которые сами, с позволения сказать, чуть ли не на ладан дышат в хозяйственном отношении, но от своей скудости они дали нам (и то о процентах до сих пор не договорились) 150 миллионов. Что же касается всех остальных держав, всех остальных народов, то тут дело обстоит из рук вон плохо.

Но допустим, товарищи, невозможное; допустим, что с завтрашнего дня все капиталисты под влиянием наших благих намерений в деле устройства социалистического государства прониклись бы такими добродетелями, что открыли бы перед нами свои кошельки: занимай сколько хочешь. А мы разослали бы своих гонцов во все концы света — с участием комсомола даже — и назанимали бы направо и налево. Конечно, на занятые деньги мы бы сумели сделать очень много, но вы понимаете, что деньги даром не даются. Деньги даются под известный процент, и чем больше ты занял, тем больше, конечно, ты платишь процентов, тем больше ты закабаляешься. Если хорошо нахватал, то приходится платить такой процент, от которого ты задохнешься. Тогда перед нами встала бы дилемма: не то проценты платить, не то индустрию строить. Так что мы непрочь брать в меру, но рассчитывать на рационализацию нашей промышленности, на развертывание у нас индустрии за счет внешних займов — это дело вредное и безнадежное. Это была бы кабала, а не индустриализация страны.

Значит, единственный источник, самый верный, самый надежный, — собственный советский карман. Когда мы говорим об этом вслух, — а мы говорим об этом вслух, печатаем в газетах, — то зубоскалы, которые, к великому сожалению, в природе еще остались, которые имеются среди русских эмигрантов, болтающихся за границей, вроде Милюкова, эсеров, меньшевиков, читая это, надрывают животики и говорят: «Какие молодцы! Ходят без штанов, а говорят, что за свои собственные средства поставят такую индустрию, на которую Форд американский будет смотреть с завистью». Действительно, выходит, что это как будто бы немного смешновато. Они говорят, что это — очередное большевистское очковтирательство, что люди зашли в тупик, дальше ехать некуда. Враги говорят, что это — очередное пускание пыли, на что большевики большие мастера, что рабочие-де им поверили, что, кстати, это дает возможность не повышать заработную плату, потому что, мол, поднимают индустрию, что это дает возможность увеличить и налоги, взимаемые с крестьян, потому что раз завтра мы дадим американскую технику, то почему сегодня не заплатить лишних 50 тысяч рублей. Есть и среди нас такие «товарищи», которые звонят: паровоз подошел к последней станции — стоп, дальше ехать некуда.

Конечно, можно посмеяться над всякой мыслью, но я думаю, что достаточно посмотреть серьезно, чем мы на самом деле располагаем, чтобы каждому грамотному человеку стало ясно, что можно увеличить собственные средства и осилить это дело собственными силами. Я приведу в пример такую страну, как Соединенные Штаты Америки. Этой страной стоит поинтересоваться: она интересна нам не только потому, что там есть сногсшибательные миллиардеры, а потому, что Это единственная страна, которая живет главным образом и преимущественно своим собственным

рынком, своими собственными внутренними ресурсами. Английские лорды страдают теперь главным образом потому, что все хозяйство у них построено на вывозе, в частности на вывозе угля, на тех угольках, которые так горячо разгорелись и которые потихоньку поджаривают лордов.

/Намек на забастовку углекопов в 1926 г., переросшую во всеобщую стачку (с 4 по 12 мая), дезорганизовавшую всю хозяйственную и политическую жизнь Англии. — Ред. /

В Америке такого положения нет и не может быть, потому что в смысле самостоятельности Америка — единственная в своем роде страна: громадная территория, громадные внутренние богатства, которые дают возможность поворачивать дело как угодно.

Если поковырять на нашей грешной советской земле как следует, вооружившись наукой, конечно, не эксплоататорской, не капиталистической, а трудовой наукой, то можно найти величайшие богатства. Если принять во внимание, что эти богатства находятся в наших с вами руках, в руках трудящегося народа, то можно совершить колоссальные дела. Это можно не только мыслить теоретически, но все это можно осуществить на практике при известной выдержке, напористости, нажиме.

Вот на этом, товарищи, и построены те решения, которые вынесены нашим последним пленумом в развитие решений XIV съезда нашей партии. Я думаю, что эти решения целиком и полностью должны будут оправдаться нашей жизнью.

Если мы, действительно, сумеем воспринять эти решения так, как их надо воспринять, разжевать их так, чтобы в каждую, даже пионерскую, печенку эти решения залезли соответствующим образом, мы сумеем продвинуть это дело. Но надо помнить одно, надо помнить, что это — дело трудное, что это — дело тяжелое, что мы на этом деле набьем шишек сколько угодно.

Что значит построить индустрию? Это значит использовать основной капитал, доставшийся нам от капиталистов, и создавать новый основной капитал на новых началах. Возьму, к примеру, Путиловский завод. Я на-днях справлялся, во что оценивается Путиловский завод. Я получил справку, что Путиловский завод оценивается в 45–46 миллионов золотых рублей. Вот и подумайте, почесав в комсомольских затылках, сколько десятков миллионов рублей надо для того, чтобы построить такие новые заводы. Возьмем текстильную фабрику: казалось бы, не такое уж сложное дело, — а чтобы построить даже скромненькую фабрику, с небольшим числом рабочих, но которая отвечала бы последнему слову техники, надо миллиончиков 7–8—10. Это в достаточной степени говорит о том, как много надо поработать.

Мы все-таки думаем, что мы не напрасно поставили эту задачу. Она не упала нам, как снег на голову, мы подошли к ней в процессе нашей хозяйственной работы.

И вот теперь, ставя перед собой эту задачу, мы говорим: первое, что нам надо сделать, — это поставить по-настоящему накопление средств внутри нашей страны. Это не значит, что, разойдясь с сегодняшнего собрания, вы должны откладывать в кубышку по копейке. Не об этом речь идет, а речь идет о государственном накоплении, речь идет о том, что надо стараться организовать наше хозяйство таким образом, чтобы по возможности все сто процентов ресурсов, стекаясь по разным каналам, сосредоточивались в нашем государственном кошельке. Тут должны быть не только одни «казенные» деньги, выражаясь по-старому, они всегда у нас, а надо привлекать и нэпманские капиталы, и крестьянские капиталы, и страховые капиталы, привлекать через банки, всякими другими путями, и все это накапливать в общей государственной кружке. Для чего нам нужно это накопление? Во-первых, для того, чтобы производить обновление старого основного капитала, заменять его новым основным капиталом, более стойким в техническом отношении, и, во-вторых, необходимо наряду с этим создать некоторые резервы, некоторые страховые суммы во всех областях нашей жизни, нашей государственной, хозяйственной и всякой другой работы.

СДЕЛАТЬ НАШ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АППАРАТ ПРОЩЕ, ДЕШЕВЛЕ, ДОСТУПНЕЕ

Вот отсюда, товарищи, и возникает тот модный вопрос, который сейчас фигурирует везде и всюду, а именно, режим экономии. Ну, о нем, я думаю, вам говорилось достаточно много, достаточно подробно, каждый это понимает, и я о нем говорить не буду, я только хотел бы сказать одно. У нас режим экономии понимается недостаточно хорошо. Часто товарищи понимают режим экономии как работу, которая дает непосредственно копеечку. Скажем, на заводе нужно произвести какой-нибудь расход. И вот смотрят, нельзя ли тут сэкономить. Конечно, это правильно, но, товарищи, режим экономии надо понимать гораздо шире. Вы меня уж извините за те горькие слова, которые я скажу дальше. Под режим экономии, безусловно, надо подвести, — а, по-моему, об этом мало говорят и пишут, — борьбу со всем этим проклятым бюрократизмом. Мы это дело приняли как будто бы к исполнению, но что мы его не исполнили — в этом нет сомнения; что мы эти заветы не выполнили — об этом никто спорить не имеет права. Чему учил Ленин? Прочитайте его огненные слова, они должны обжигать совесть каждого коммуниста. Он говорил, что наше пролетарское государство надо организовать так, чтобы весь аппарат был как можно более дешев, как можно более прост, как

можно более доступен для всякого трудящегося. Вот три основные требования, которые он предъявил нашему государству.

Разберем по совести, что представляем мы собой, что представляет собой вся наша государственная машина: правительственный аппарат, хозяйственный и прочие, которые у нас имеются. Если говорить по совести, — а тут мы люди свои и втирать очки друг другу нет необходимости, — то нужно сказать прямо: наше несчастье, наше коммунистическое несчастье, особенно ответственных людей, заключается в том, что мы перестали чувствовать ту государственную сложную бюрократическую махину, которую мы вырастили за 8 лет. И действительно, когда попадаешь в среду не совсем подходящую, то в первый день чувствуешь себя несколько неловко, но проходит неделька, месяц, смотришь — попривык и думаешь, что так и должно быть. Вот и теперь мы думаем, что так и должно быть, а давайте проделаем для опыта такую махинацию: возьмем любого из нас, скажем, меня, почтенного человека, обратим в беспартийное состояние, сделаем просто гражданином, дадим в руки какую-нибудь бумагу, ходатайство по какому-нибудь законному делу, по самому простому вопросу, и скажем ему: «Иди и ходатайствуй». И вот, товарищи, я ручаюсь своей головой, что Амундсен, вылетевший вчера на Северный полюс, скорее откроет полюс, который он обещался найти, найдет и благополучно вернется, чем мы добьемся толку с этой бумагой. (Смех.) Это факт, подлинный факт, и над этим следует подумать — и вот почему: у нас членов партии больше миллиона, комсомольцев — 2 миллиона, в общем семья в 3 миллиона, а всего у нас народу живет 150 миллионов. Построить социалистическое государство мы, 3 миллиона, не сможем, нам нужно включить в эту государственную работу всю эту громаду, без этого никакого социализма и коммунизма нам не увидеть, это вы знаете из того, что писал Ильич. Это верно, а раз это верно, то верно и другое. Когда кто-нибудь из вас, комсомольцев, носящих комсомольский значок, приходит в учреждение, к совбарышне, то она, увидев, что это комсомолец или комсомолка, иначе к вам относится, разговор другой, маленько вас боится: «Это такой народ, с которым только свяжись — греха не обобраться». Если приходит партийный человек, скажем, я — почтенная особа, секретарь губкома, то дело идет еще лучше на лад — все стоят, руки по швам, в два счета можно добиться чего угодно. А когда приходит гражданин, советский работник, служащий, но беспартийный, то он будет ходить из лабиринта в лабиринт, не поймет, куда и итти. Мы расплодили столько этажей, столько учреждений, что очень сложно разобраться, куда надо по какому делу ходить, и получается бесконечное хождение. Я даже рассказываю вам еще не все. Мы испытали это на своей собственной шкуре. Если у нас дело не вышло, мы сейчас же в райком, поставим вопрос так, что только, держись. По совести говоря, так бывает. А куда пойдет гражданин? В лучшем случае он вернется, выйдет из учреждения, подойдет к дежурному милиционеру и спросит: «Не знаешь ли, дескать, как пойти в такой-то трест, в такой-то главк» и прочее. Походит, походит, плюнет и скажет: «Да ну вас ко всем чертям». О чем это говорит? Это говорит о том, что наша машина, наш аппарат слишком тяжел, слишком сложен, слишком малодоступен.

Какое отношение это имеет к режиму экономии? Самое непосредственное и нисколько не меньшее, а может быть и большее, чем простое сбережение копейки. Потому что аппарат очень сложный, работает очень медленно, колеса вертятся страшно тяжело, скрипят — и смазал бы, да не найдешь, где скрипят, где надо смазать, потому что столько деталей, подшипник на подшипнике, и какого механика ни посади, все равно ничего не выйдет до тех пор, пока мы не упростим эту машину. Чтобы вы отчетливо поняли, я приведу вам пример из области промышленной практики и на этом примере покажу, к чему приводит эта бюрократическая система.

Я был на пленуме Московско-Нарвского райкома и слышал там, что на «Треугольнике» отчетность измеряется 28 пудами бумаги. Вот теперь и дайте самому бойкому из вас, даже целой комиссии, эти 28 пудов. Попробуйте поднять их — тяжеловато, а как разобраться, что написано в этих 28 пудах? Ведь это все надо прочитать. Очень ошибаются те, кто говорит, будто все равно эти отчеты никто не читает. Если бы не читали, я бы сказал: ну, пропали 28 пудов бумаги. Но в том-то и дело, что читают, в этом-то весь вопрос. Там все размежевано: здесь калоши, здесь шины, здесь то-то, здесь это. И все это будет сосчитано. Будут эти чудаки сидеть над счетами, будут все высчитывать, выкладывать. И пусть бы они считали, и на это можно согласиться, но ведь они считают и наш хлеб кушают и наши советские ставочки глотают, да еще и по приличному разряду, да еще и всякие другие требования предъявляют. И пока они все это высчитают, пока они эти ставочки используют, да пока эти 28 пудов придут с выводами обратно на «Треугольник», оказывается, что все это сделано впустую. Вот это и есть бюрократизм, самый безобразный, самый бесшабашный, самый отчаянный бюрократизм. Спросите любого хозяйственника, как он ходит с разными своими проектами, с разными своими планами по плановым органам и как они там проводятся. Действительно, иной раз легче достать снежок будущей зимы, чем получить во-время утверждение планов и ходатайств.

Когда мы говорим о режиме экономии, надо расширять это понятие и надо сюда включать и борьбу с этим проклятым бюрократизмом. Ведь здесь и время даром теряем, и людей лишних держим, и хлеб наш они зря едят, а в результате все делается так, чтобы так или иначе затормозить, осложнить работу нашего хозяйственного восстановления. Разбух наш аппарат, слишком много всяческих надстроек. Он еще насчитывает только 9-й год своего существования, еще пионером

должен был бы быть (если перевести на наш язык), а на самом деле это уже старик. Сейчас полезно сосредоточить все внимание практической и научной мысли на том, чтобы омолодить наш государственный аппарат, — вот задача, которая стоит перед нами самым неотложным образом. (Аплодисменты.)

Не буду приводить примеры того, что могла бы дать борьба за экономию в другом отношении, в смысле бережливого обращения с копейкой, правильного направления и употребления этой копейки и т. д. и т. п. Этих примеров вы наслушались, они ходят как анекдоты. Не везет например «Треугольнику»: во вчерашней или сегодняшней «Правде» появилось сообщение о накладных и других непроизводительных затратах. Там есть механик или мастер — приведена его фамилия. Механик этот служит на «Треугольнике». Подсчитали, что он 31 день находился на «Треугольнике», а 470 дней числился в командировке — вот какие штуки у нас бывают. Когда стали разбирать это дело, то оказалось, что он был в командировке в Москве, что-то там собирал, но во всяком случае это стоило государству 5 тысяч рублей. О таких случаях вы можете прочитать в любой газете.

Теперь подходим к тому, чтобы это дело борьбы за режим экономии оформлять и обобщать. Например, в Ленинграде, когда мы подводим итог возможного сокращения всяких расходов в наших трестах, трестовских управлениях, не касаясь заводов (я беру эти данные из сведений Промбюро), то оказывается, что они могут дать в год около 2–2 % миллионов рублей чистеньких, а когда мы всерьез захотим провести режим экономии, то, как утверждают, мы можем сэкономить, как одну копеечку, 10 миллионов рублей. Что значит экономия в 10 миллионов рублей в нашей ленинградской практике? Это значит разрешить в этом году основной вопрос в области ленинградской промышленности, который мы не можем разрешить до сих пор из-за отсутствия средств. У нас была составлена программа по новому строительству, по восстановлению и изысканию новых средств. На это дело не хватает 20 миллионов рублей с лишним. Вот если мы сможем сэкономить 10 миллионов в год, то, принимая во внимание, что наш капитал в промышленности оборачивается два раза с лишним, у нас получается 20 миллионов рублей с лишним. Что это значит? Это значит, что нам нужно пошевелиться, порастрясти кое-кого в Ленинграде, чтобы сэкономить 20 миллионов рублей для промышленности. Мы можем найти их в Ленинграде, и мы можем их найти, коснувшись только наших правлений трестов, не касаясь даже ниже стоящих аппаратов и организаций. А если мы просмотрим все организации в области промышленного хозяйства и все советские аппараты и прочее, то вы должны согласиться, что мы сумеем тут сберечь громадные средства.

Я думаю, товарищи, что вы согласитесь со мной, что если в этой области нужно проводить большую работу, то нужно большую работу проводить и в области борьбы с излишествами. Не будем каяться, но грехов здесь хоть отбавляй. Дайте какого угодно исповедника, а этих грехов он отпустить не сумеет. Нужно подходить к этому делу вплотную и выжигать безобразия самым решительным образом. У нас наблюдаются позорные явления — казнокрадство, хищения, воровство, растраты, расточительность. Это дело приобрело такие права гражданства, что куда ни кинь — везде на эти дела натыкаешься. Вы знаете, как это дело поставлено у хозяйственников, но мы уж на чужих не будем пенять. В комсомоле у нас это тоже есть, в профсоюзах у нас это имеется, в партии у нас это тоже налицо. И что еще, товарищи, опасно, так это то, что мы так привыкли к расточительству, к растратам и воровству, что начинаем смотреть на это дело спустя рукава. Мне пришлось делать доклад недалеко отсюда, в Пскове. Я говорил о том, что нам необходимо бороться с растратами самым беспощадным образом. Люди, конечно, соглашались, как всегда. В этом вопросе у нас как будто разногласий нет. Но после меня выступил губернский прокурор, конечно, член нашей партии, и говорит: «Киров, конечно, прав, что с растратами надо бороться, но только он забывает одно, что в нашем советском законодательстве растрата это есть такое понятие, что надо доказать, что человек растратил государственные деньги со злым умыслом. Если это будет доказано, то его за эту штуку можно расстрелять, а уж изоляцию можно прилепить какую угодно. Но ежели злостность умысла не доказана, то это выходит как упущение, и тогда, принимая во внимание пролетарское происхождение, комсомольский стаж и все такое прочее, полагается ему выговор, перевод на менее ответственную работу и т. д.». Я на это ответил на том же самом собрании, что если перевести это не на юридический язык, а на наш простой человеческий язык, то получится такая вещь: если я завтра пропью губкомовские деньги, то вы должны будете доказать, что я это сделал со злым умыслом, обозлился на 40-градусную — дай-ка я тебе покажу с губкомовскими-то деньгами. И если вы не докажете злого умысла, я скажу: шел я с губкомовскими деньгами, комсомольцы встретились, ребята хорошие, пошли и выпили, — то, «принимая во внимание мое губкомовское происхождение и все прочее. .» (Смех.) Это не так смешно, товарищи, как грустно. Это говорит о том, что даже наши советские законодатели не могут иначе мыслить. Если гибнут кровные советские, рабоче-крестьянские миллионы, то надо доказать, что тут злой умысел, что тут контрреволюция, а если не доказал — то и взятки гладки.

Если вспомните то, что я говорил с самого начала, то вы должны будете со мной согласиться, что, кончивши гражданскую войну на военном фронте, мы не кончили еще войны за завоевание социализма в нашей стране. Мы эту войну ведем на хозяйственном фронте. Как поступают с красноармейцем, если он в боевой обстановке покидает фронт? Его за это расстреливают, не спрашивая, почему он покидает боевой фронт. Когда этот же красноармеец расхищает в период

гражданской войны военное достояние, что ему за это бывает? Если, скажем, исчезли патроны, которыми уничтожаются враги Советской власти, что ему за это делают? Его предают за это военно-полевому суду. Когда мы ведем сейчас войну на фронте восстановления нашего хозяйства и когда здесь глотают, расхищают миллионы, что это такое? Иначе, как изменой социализму, это назвать нельзя. Если говорить по-настоящему, говорить по-большевистски, по-коммунистически, иначе Это квалифицировать нельзя. Вслед за пленумом и Центральный Комитет всячески нажимает на эту сторону дела и заставляет нас мобилизовать все свое внимание и сосредоточить все силы вокруг этого вопроса.

Я думаю, что изложенного мною для вас достаточно, чтобы понять, что мы поставили перед собой задачу, безусловно разрешимую. Объективные условия, чтобы разрешить эту задачу, перед нами налицо, и все будет зависеть лишь от того, насколько мы с вами сумеем эту задачу воспринять так, как это подобает воспринять ленинцу, большевику, комсомольцу, а все остальные условия есть, несмотря на все трудности, которые стоят перед нами. Если мы сумеем мобилизовать все общественное мнение — и партийных и советских учреждений и т. д. — вокруг всех тех вопросов, которые я поставил, то, несомненно, мы эту задачу сумеем разрешить!

РОЛЬ КОМСОМОЛА НА ФРОНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Я не хочу говорить вам комплиментов, но должен сказать (это мой личный взгляд), что комсомол может сыграть тут гораздо большую роль, чем кто-либо другой, и вот почему: у вас есть большое желание, у вас есть большие возможности, у вас есть большая восприимчивость, большая чуткость, большая энергия, большой пыл; а здесь нужно все приложить: здесь нужен и холодный рассудок, здесь нужна и выдержка, здесь нужен и темперамент, здесь нужен революционный пыл, иначе эту задачу не выполнить, иначе вопрос, который стоит перед нами, не разрешить.

Может ли комсомол проявить себя так, как он хотел бы? Я думаю, что может. Сейчас у нас, в Ленинграде, не только комсомольцев, но молодежи вашего возраста (это шире, чем брать только комсомольцев) имеется от 20 до 25 % всего населения, а это большое количество, это величайшая сила. Это самый подвижный, самый бойкий, самый восприимчивый элемент; это такая сила, которая может совершить величайшее дело. И вот здесь, по моему мнению, вам необходимо развернуть отнюдь не меньшую, а большую работу, чем та, которую развертывает наша партия. Прежде всего вы знаете, что в деле строительства социализма, помимо всего, что я говорил (что является нашей общей задачей), нам необходимо выращивать, воспитывать командиров социалистического хозяйства, социалистической работы. Где мы главным образом и преимущественно будем их черпать? От вас. Эта работа рассчитана, конечно, не на сегодняшний день, не на ближайшие месяцы, а, как это видно из того, что я вам цитировал из Ленина, понадобятся годы, пока мы создадим тяжелую индустрию. К тому времени вы, все ваше поколение, будете взрослыми людьми. Вы должны будете выполнять основную задачу, которая начертана перед нами. То поколение, которое подходит к разрешению этого вопроса, наметит программу, приступит к черновой работе, а самая главная работа, самое большое содержание работы падет на ваши головы. Тут необходимо от взаимных комплиментов перейти к тому, чтобы дать вам самый главный, боевой лозунг — лозунг усиления вашей учебы, учебы не в общем смысле, а производственной учебы: фабрично-заводского ученичества, бригадного ученичества, всех других видов ученичества. Вы должны проявить здесь максимум напористости и настойчивости, ибо нет другой возможности стать вам действительно красными командирами нашей промышленности, а ведь отсюда, из ваших рядов мы будем брать этих командиров. Следующее учреждение, мимо которого вам проходить нельзя, в которое вы должны вдохнуть новую душу, — это производственные совещания. Мы знаем все отрицательные стороны этой работы, знаем неправильный взгляд хозяйственников на эту работу. Все это надо перевернуть. Речь идет о том, чтобы вовлечь в это дело комсомольцев, вовлечь самым настоящим образом.

Дальше, товарищи, вы знаете, что мы должны вести город рука об руку с деревней. Только на основе индустриализации мы сумеем действительно, не только на словах, а и на деле хозяйственно, экономически укрепить союз рабочих и крестьян. Я ведь вам говорил о том, что мы сможем удовлетворить потребности крестьянства только в том случае, если мы поднимем индустрию. И вы как проводники индустрии должны быть самой настоящей, самой прочной связью с деревней, вы должны быть основным цементом, скрепляющим этот союз.

И, наконец, товарищи, нам необходимо иметь в виду всю ту обстановку, в которой мы сейчас находимся, когда мы должны десять раз взвесить, прежде чем израсходовать каждую копейку. Это должно отозваться и на вашей комсомольской работе. Вы также должны проявить величайшую бережливость не в личном отношении, конечно, а в той организации в целом, которая именуется Коммунистическим союзом молодежи. Все отрасли вашей работы, так же как и нашей партийной, надо рассматривать с точки зрения бережливости, экономии, чтобы каждая копеечка давала новую советскую копеечку.

И, наконец, в заключение, товарищи, я хотел бы вам сказать еще о том, что вам надо добиться во что бы то ни стало того, чтобы сделаться образцом строителей новых фабрик и новых заводов. Молодой рабочий должен явиться застрельщиком в этом деле. Вот если бы нам удалось

осуществить эту задачу, — а нечего греха таить, мы еще от этого далеко, — то мы гораздо легче и гораздо скорее разрешили бы и все другие стоящие перед нами задачи.

Я пробовал собрать цифры относительно отрицательных сторон работы взрослых рабочих и молодого поколения. Тут трудно сказать, кто кого обгоняет. Возьмем прогулы, которые очень больно отзываются на наших фабриках и заводах, и тут надо прямо сказать, что трудно разобраться, кто кого обгоняет — старики ли молодняк или молодняк стариков. В одном случае одни обгоняют других, в другом случае обратно, но в общем друг от друга недалеко уходят. Надо воспитывать комсомольцев так, чтобы там черпать кадры новых красных командиров для нашего хозяйства. Надо сделать комсомольца действительно передовым рабочим на фабрике и заводе. Если мы этого не сделаем, я скажу прямо, мы поставим под большую угрозу всю нашу дальнейшую работу. Если мы не найдем средств и возможности поставить воспитание комсомольцев таким образом, чтобы на фабриках и заводах они служили образцом, то дело социализма окажется под большой угрозой. Это надо понять, и поэтому все те вопросы, которые вытекают из решений апрельского пленума, должны быть восприняты каждым членом партии, каждым комсомольцем, каждым рабочим как вопросы жизни и смерти нашего социалистического государства в буквальном смысле этого слова.

В этом нет ни малейшего сомнения, ибо неуспех в области индустриализации означает неуспех в области строительства социализма.

Второе, что отсюда вытекает. Если наше молодое поколение, которое выросло в период, последовавший за революцией, в период, который сейчас ознаменовывается решающим поворотом в организации социалистического хозяйства, если эти молодые кадры всеми ста процентами своих способностей и возможностей не воспримут стоящих перед нами задач, если они не воспримут всей важности максимального разрешения этих задач, то мы с вами, товарищи, социализма не построим.

Наконец, товарищи, последнее, самое главное, самое основное — единство наших собственных рядов. Я сказал вам, что социализм не построишь только руками коммунистов и комсомольцев, — социализм можно построить только руками всех трудящихся; это вы прекрасно знаете, но это можно сделать только при одном непременном условии — при единстве наших рядов. Если ряды коммунистов и комсомольцев, авангарда всех трудящихся, под влиянием того или другого дрогнут, если пошатнутся наши собственные ряды, тогда и среди десятков миллионов трудящихся, строящих социализм, начнется разброд. Для того чтобы успешно строить социализм, чтобы действительно осуществлять индустриализацию нашей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, нам в нашей коммунистической, комсомольской семье необходимо приложить все усилия, как мы это делали до сих пор и как завещал Ленин, приложить все силы к тому, чтобы ряды нашей партии были действительно железными, чтобы наше сознание было стальным в твердом проведении ленинских заветов. Если мы это выполним, мы индустрию построим, социализм организуем. (Бурные аплодисменты.)

ПАРТИЯ НАЙДЕТ СРЕДСТВО ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ ТРОЦКИЗМА. СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИМ И ПОСТРОИМ

Из доклада об итогах XV партконференции на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 9 ноября 1926 года 1

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

Товарищи, прежде чем приступить к изложению вопросов, которыми занималась последняя Всесоюзная партийная конференция, я должен в двух словах остановиться на работах Объединенного пленума ЦК и ЦКК,

/Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) происходил 23 октября 1926 г. Пленум утвердил тезисы докладов на предстоящей XV партконференции и назначил товарища Сталина докладчиком по вопросу об оппозиции и о внутрипартийном положении. — Ред. /

который предшествовал нашей конференции. Объединенный пленум кратко занимался теми же вопросами, которые стояли на общесоюзной конференции; на одном вопросе организационного порядка пленум остановился довольно подробно.

РЕШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ОБ ОППОЗИЦИИ

Вы знаете, что нашей конференции предшествовали события исключительной важности в жизни нашей партии. Вы знаете, что накануне самой конференции наша партия оказалась лицом к лицу с выступлением оппозиции, которая повела энергичную, рассчитанную атаку на ЦК партии и тем самым на партию в целом. Я не буду подробно останавливаться на этом. Вы все это прекрасно знаете. Мы, присутствующие здесь, были также свидетелями одной чрезвычайно знаменательной экскурсии, которую совершил сюда, под предлогом навестить своего больного дядюшку или папашу, Зиновьев. Для каждого из вас понятно значение этого выступления.

Пленум не мог пройти мимо последних событий, несмотря на то, что к тому времени уже было опубликовано известное письмо за подписью представителей оппозиции, где они отказывались от дальнейшего ведения фракционной работы, отмежевывались от тех «ультра-левых» групп, которые вели атаку против Коминтерна, отмежевывались от Оссовского, обещали не подавать больше «политической руки» Медведеву и Шляпникову. Несмотря на это, пленум не мог пройти мимо этих событий.

Как раз по инициативе членов ЦК и ЦКК, работающих в Ленинграде, на Объединенном пленуме было внесено предложение, заключавшееся в том, чтобы, принимая во внимание совершенно исключительное нарушение партийной дисциплины со стороны оппозиции, независимо от того, как пойдет работа общесоюзной конференции, уже на пленуме сделать соответствующие организационные выводы, чтобы обеспечить в дальнейшем спокойную работу нашей партии.

Предложение, которое мы внесли, которое было принято подавляющим большинством на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК и опубликовано затем в газетах, вам известно. Я думаю, что Ленинградская организация в целом — я тут уж поступлюсь своей скромностью, ибо я являюсь также членом ЦК партии — должна одобрить тот шаг, который члены ЦК — ленинградцы — сделали на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК (аплодисменты), внося предложение о выводе Троцкого из состава членов Политбюро, о выводе Каменева из состава кандидатов в члены Политбюро и, наконец, решение о необходимости освободить Зиновьева от работы в Коммунистическом Интернационале.

К этому же времени, товарищи, мы имели на руках постановление почти всех — если не ошибаюсь, то решительно всех — центральных комитетов крупных коммунистических партий Запада и Востока, которые также не считали возможным дальнейшее пребывание Зиновьева во главе Коммунистического Интернационала.

Вот к этому в общем сводились все организационные решения, которые были приняты на последнем нашем пленуме. Необходимо также оговориться, что оппозиция, вернее вожди оппозиции, выступили на этом пленуме для нас — по крайней мере для меня — совершенно неожиданно. Они изобразили дело так, будто бы ничего и не произошло. Ну, заходили на «Авиаприбор», посетили Путиловский завод, развернули неслыханную агитацию против ЦК партии, признали, что они ведут систематический фракционный подкоп под ЦК партии… «. .Но ведь потом, — говорили они, — мы признали все эти ошибки, мы почувствовали ту громадную тревогу, которая охватила партию, мы почувствовали все те последствия, которые могут проистекать из дальнейшей фракционной борьбы, и поэтому во-время отказались от всех фракционных методов работы».

Они пришли на пленум и сидели, как турецкие святые, как будто бы в партии ничего не случилось. Они заявили, что и в дальнейшем готовы итти на всяческие миролюбивые шаги.

Троцкий с несвойственной ему скромностью попросил разрешения Объединенного пленума изложить свою точку зрения по тем вопросам, которые были затронуты в тезисах товарища Сталина. Главное, он хотел объясниться по поводу того пункта, где указывается на то, что оппозиция заражена социал-демократическим уклоном.

Я думаю, что Объединенный пленум поступил совершенно правильно, вынеся известное вам решение.

Вы, конечно, понимаете все значение и всю глубину вопросов, стоявших на XV партконференции.

/В порядке дня XV партконференции (26 октября — 3 ноября 1926 г.) стояли четыре вопроса: 1. О международном положении; 2. О хозяйственном положении страны и задачах партии; 3. Итоги работы и очередные задачи профсоюзов; 4. Об оппозиции и о внутрипартийном положении (доклад товарища Сталина). — Ред. /

Мы не имеем никакой возможности в деталях и подробно знакомиться на сегодняшнем собрании со всеми работами и решениями конференции. Я думаю, что нам придется волей-неволей ограничить свою задачу, и ограничить ее чрезвычайно существенно, изменив и порядок изложения вопросов, которыми мы занимались, и не вдаваясь в детали этих вопросов. Я думаю, и нужды в этом особенной нет, потому что все это, за исключением только некоторой части, уже опубликовано в печати, и, конечно, обязанность и долг каждого члена партии самым тщательным, самым детальным образом изучить весь тот печатный материал, который опубликован в связи с работой XV конференции.

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ

Существенное и важное значение, товарищи, имеет международное положение. Совершенно неизбежно вновь пришлось остановиться на вопросе, которым всем вам уже в достаточной степени пришлось заниматься, — на характеристике периода, переживаемого теперь капитализмом.

Еще на съезде и после съезда очень много и долго мы спорили по вопросу о характеристике того состояния, в котором находится сейчас капиталистический мир. Вы знаете, что подавляющее большинство нашей партии оценивает это положение как относительную, частичную стабилизацию капитализма. Оппозиция выступила с другой точкой зрения на международную обстановку. Спор по этому вопросу заключался не только в теоретической дискуссии, но неизбежно повлек за собою и постановку ряда практических вопросов (об Англо-русском комитете, о едином фронте, вопросы польский, китайский), которые, в конечном счете, упирались в эту основную характеристику современного капиталистического периода. Если бы хотя на одну минуту согласиться с Зиновьевым и другими, которые в самый разгар, в начале английской забастовки провозгласили, что капиталистическая стабилизация крахнула, то отсюда, конечно, нужно было бы сделать соответствующие практические выводы, к которым наша оппозиция нас и призывала.

Теперь мы имеем целое полугодие английской забастовки, имеем громадный опыт, на котором можем проверить правильность нашей оценки положения капиталистического мира.

Мы с вами очень долго и часто останавливались на знаменитой английской забастовке, детально разбирали соотношение классовых сил, которое сложилось в Англии. Прошло уже полгода, в течение которого мы неустанно «четвертовали» современных вождей английских тред-юнионов. И что же? Несмотря на то, что налицо все объективные данные, которые должны были бы повести к огромному подрыву авторитета вождей английских профсоюзов, оказывается, что на перевыборах, на съездах профсоюзов эти самые вожди оказались избранными уже не только на срок, но даже и пожизненно.

Все это я говорю к тому, что, очевидно, тысячу раз прав был наш Центральный Комитет, говоривший, основываясь на завете Владимира Ильича, — что компартии не должны игнорировать профсоюзную работу, они должны завоевывать организованные в профсоюзах массы. Тактика, которую наша партия и Коминтерн наметили в отношении английского рабочего движения, — единственно верная тактика. Если бы мы хотя на одну минуту послушались совета (что особенно настойчиво рекомендовал Троцкий) о немедленном взрыве Англо-русского комитета и принятии ряда мер, вытекающих отсюда, — ничего, кроме международного конфуза и кроме торжества Амстердамского и II Интернационалов, мы бы не имели. Опыт и события последнего времени это наше предположение оправдали.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Я говорил, что на всех деталях работы конференции остановиться нет возможности. Однако нельзя обойти крупнейшие вопросы — о хозяйственной политике и о профсоюзах.

Резолюция партконференции является документом, намечающим новые задачи, которые вытекают теперь из хозяйственной обстановки. Мы закончили восстановительный период нашего хозяйства, закончили его в более быстрый срок, чем сами рассчитывали, закончили, опираясь исключительно

на внутренние ресурсы, и, что самое главное, с положительным балансом для социалистических элементов. Теперь мы вступаем в новую полосу, и перед нами стоят новые задачи. Обстановка становится более сложной, и усложняется борьба с капиталистической стихией.

Нам теперь предстоит строить новые предприятия, развертывать усиленно электрификацию, вводить новую технику, — без этого невозможно дальнейшее движение к социализму. А это требует большого напряжения наших сил и средств. Это еще и еще раз подчеркивает необходимость более тщательного, умелого использования образующихся внутри страны накоплений, для того чтобы направить их на индустриализацию.

Необходимость проведения режима экономии, удешевления и упрощения наших аппаратов, необходимость развития кредитного дела, займов и особенно сберегательных касс для вовлечения средств населения на поддержку промышленности — все это выдвигается теперь с особенной настойчивостью. К этим задачам должно быть приковано сейчас внимание партии.

Новый период выдвигает вместе с тем и необходимость перестройки наших аппаратов. Эти аппараты зародились при военном коммунизме или в начале новой экономической политики, в начале восстановительного периода. К новым задачам и условиям нового периода они мало приспособлены. Этим безусловно придется заняться теперь партии. Действовать сгоряча, с размаху тут, конечно, нельзя, а надо сначала присмотреться, что, как, в какой части не прилаживается, что и чем надо заменить.

О ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ

Следующий вопрос — основной и решающий все дело нашей революции — вопрос о построении социализма в нашем Советском Союзе.

Прежде чем перейти к этому вопросу, я должен сделать некоторое отступление. Когда вы будете внимательно читать материалы XV конференции, вы там заметите, что, кажется, в речи Каменева, проскользнула такая мысль: «почему, в сущности говоря, этот вопрос сейчас возник?»

Ведь это и в самом деле с первого взгляда может показаться странным. Мы отпраздновали уже девятую годовщину Октября, девять лет мы строим социализм, и вот теперь, в начале уже десятого года, занимаемся вопросом о том, можно ли в самом деле строить в нашем Советском государстве социализм, или нужно об этом деле еще подумать.

Что вопрос этот ставился и раньше, я думаю, все вы знаете.

Всякий, кто внимательно читал сочинения Ленина, знает, что Владимир Ильич этот вопрос не раз ставил и неоднократно к нему возвращался. Но никогда этот вопрос не приобретал еще такой актуальности, какую он приобретает сейчас, и это, конечно, не случайно.

До сих пор в области нашей экономики мы занимались восстановлением нашего хозяйства. Мы старались максимально использовать оставшийся от капиталистов и помещиков основной капитал. Это значит, что после гражданской войны, когда нам в наследство осталась до последней нитки разрушенная экономика и когда на всех фронтах действовали могучие, разрушающие нашу экономику силы, наша работа напоминала работу оборонительную. Мы старались удержать от дальнейшего разрушения всю вашу экономическую систему.

И вот мало-помалу, из года в год, мы пришли к такому положению, когда хозяйство восстановлено почти целиком на 100 %. Применяя военную терминологию, надо сказать, что на нашем хозяйственном фронте мы сейчас от обороны переходим, в полном смысле слова, к наступлению. Вот в этом, по-моему, и заключается главная причина того, что именно теперь, как раз в девятый год нашего существования, вопрос о путях дальнейшего развития встал во всей своей полноте. Вопрос этот стоял и обсуждался достаточно хорошо на последнем партсъезде, но, по-моему, он никогда так полно и всесторонне не обсуждался, как на XV конференции. Самое существенное в этом вопросе, что обычно опускает оппозиция, сводится к тому, что весь символ веры так называемого «европейского социализма», то есть меньшевизма, говорит о невозможности построения социализма в нашей стране.

На конференции воскрес старый спор, который мы вели в свое время с Троцким. Вы прекрасно проработали вопрос о троцкизме, вы прекрасно знаете сущность и значение того теоретического положения, которое выдвигал Троцкий, — теории о «перманентной революции». Обсуждение этого вопроса приводит к основному вопросу о движущих силах революции. От характера этих движущих сил, от направления и развития этих сил зависит все содержание нашей революции. Я не имею никакого желания и думаю, что и от вас не услышу требования о том, чтобы воспроизводить перед вами все те цитаты, которые фигурировали и, наверное, еще долго будут фигурировать в наших суждениях по этому поводу. Я приведу вам только одну цитату для того, чтобы подчеркнуть, как Ленин в начале нашего хозяйственного строительства смотрел на строительство социализма в нашей стране.

Ко второй годовщине Октябрьской революции Ленин собирался написать брошюру под названием «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», но, как он сам сказал, не имел времени и возможности эту брошюру написать. Поэтому он ограничился небольшой журнальной статьей по этому вопросу. Содержание этой статьи сводится к нескольким конспективным теоретическим положениям, а потом приводятся иллюстрации в подкрепление высказанных положений. Иллюстрации эти касались заготовок хлеба для снабжения рабочих в крупных промышленных центрах.

Товарищ Ленин, приводя итоговые цифры тогдашних хлебозаготовок, пишет:

«Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира. Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы, диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удается».

/Ленин, т. XXIV, стр. 509–510. /

На чем основывает товарищ Ленин эту уверенность в том, что мы действительно медленно, но неуклонно и верно идем к делу социалистического переустройства нашей страны? Он приводит справку о том, каким образом протекали у нас государственные хлебозаготовки, которые тогда вел Наркомпрод. Товарищ Ленин приводит справку о производстве и потреблении хлеба в 26 губерниях, из которой видно, что государством в 1918/19 году заготовлено для городов 40,9 миллиона пудов хлеба, а мешечники поставили в города тоже свыше 40 миллионов пудов хлеба (40,6 миллиона пудов). Таким образом, половина хлеба, который имелся тогда, доставлялась в наши крупные рабочие центры мешечниками, но половину поднимало на своих плечах государство. Это было после двух лет нашей социалистической работы.

На этом основании товарищ Ленин делает совершенно определенный вывод, указывая на те действительно крупнейшие достижения, которые мы в этом случае имели. Он считает, что этот момент, взятый даже сам по себе, является уже иллюстрацией несомненной успешности нашей работы в деле социалистического переустройства нашей страны.

Если бы Владимир Ильич свою статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал в нынешнем году, накануне XV партконференции, когда из всех хлебозаготовок, которые ведет сейчас наше государство, этот мешечник, теперь называемый у нас частником, сумел заготовить всего только 6,5 %, я думаю, что те строки, которые я процитировал, были бы Владимиром Ильичем написаны еще гораздо более энергично, гораздо более внушительно, так, что можно было бы и должно было бы понять их и тем, которые до сих пор все еще отрицательно смотрят на успешность строительства социализма в нашей стране.

Основное и главное, вокруг чего идут сейчас споры в нашей партии, заключается вот в чем. Если взять нашу действительно отсталую, действительно недостаточно культурную страну, которая называется Советским Социалистическим Союзом, со всем ее многомиллионным населением, со всем тем, что есть в этой стране, — то можем или не можем мы не только строить, но и построить социалистическое общество у нас без государственной помощи со стороны западноевропейского пролетариата? Этот вопрос стоял у нас на съезде, стоял он и раньше, но особенно острую форму, как я говорил, он принимает сейчас.

Наш Центральный Комитет, а теперь и Всесоюзная партконференция и вся наша партия полагают, что, несомненно, не исключено такое положение, — мы к этому должны быть готовы каждую минуту, — что при известном сочетании международных сил возможна организованная вооруженная интервенция в нашу страну, и тогда все наше социалистическое строительство может быть опрокинуто вверх дном.

Но, кроме этого препятствия, мы не усматриваем никакого другого препятствия, которое было бы непреодолимо при развертывании социалистического строительства в нашей стране. Мы полагаем: с Великой Октябрьской революции весь мир вступил в период величайшего исторического переворота, который называется эпохой социалистической революции; эта социалистическая революция положила себе начало в нашей стране. В нашей стране мы имеем все необходимое, чтобы вести эту социалистическую работу, продолжать ее и закончить. (Аплодисменты.)

Единственное препятствие, которое мы усматриваем, — это всегда возможное вооруженное вмешательство в наши дела, ни что другое. Ни наша культурная отсталость, ни отсутствие у нас

достаточного количества технических средств — все это не является решающим в этом деле. Конечно, было бы смешно говорить, что мы можем абсолютно о этим не считаться. Это, конечно, вздор; конечно, мы с этим должны считаться; конечно, на этом пути будут встречаться всякие затруднения и осложнения, но эти затруднения и эти осложнения не могут играть решающей роли. Мы социалистическую революцию начали, продолжаем, и мы ее победоносно закончим на основании тех сил и средств, которыми располагает наша страна.

ОППОЗИЦИЯ НАСТАИВАЕТ НА СВОИХ МЕНЬШЕВИСТСКИХ ОШИБКАХ

Троцкий выдвигал также другой очень любопытный момент. Я рекомендую обратить на него внимание. Он сомневался не только в том, что можно нашими внутренними силами построить социализм в нашей стране, но он сомневается даже в том, что мы его действительно успешно строим.

Троцкий ставит под сомнение социалистический характер всей нашей работы.

Дело решает направление развития самого хозяйства. Недаром же мы почти целый год собираем статистические данные о том, как развивается социалистический сектор и как развивается капиталистический сектор хозяйства. Это же решает дело. А вовсе не то, что оппозиционеры в шпаргалках писали: «Подумаешь, строят социализм, а у них безработица; подумаешь, строят социализм, а зарплату прибавить по-человечески не могут!»

Дело заключается в том, какой сектор, какое крыло нашего хозяйства развивается.

Каменев также приходит к выводу о невозможности построения социализма в нашей стране. По Каменеву выходит, что при всех наших естественных богатствах мы, очевидно, не только обогнать, но даже догнать капиталистический мир не сумеем.

Оппозиция еще раз на XV конференции заявила, что никакого настоящего строительства социализма в нашей стране до возникновения мировой революции ожидать не приходится. Здесь и обнаруживается вся сущность спора, который мы ведем с оппозиционным блоком.

Что говорят меньшевики по поводу нашего Октября? Они говорят буквально то же самое, что и оппозиция, только более откровенно, более настойчиво. Возьмите любого из них, почитайте любую социал-демократическую газету, выходящую в Европе. Везде вы найдете, что, мол, ни о каком успешном строительстве социализма в нашей стране не может быть и речи, ибо то, что мы называем Великой Октябрьской социалистической революцией, с точки зрения меньшевиков, есть историческая авантюра, ибо предпосылок для победы социализма в нашей стране, по их мнению, нет.

Вы понимаете, что если бы в этом вопросе, который является основным звеном нашей программы, партия хотя на один момент скатилась на точку зрения оппозиционного блока, то завтра же от строительства социализма и всей нашей революции решительно ничего бы не осталось.

Как же можно, после того как мы совершили колоссальную работу, — когда выяснилось, что социалистический сектор у нас действительно развивается, что мы капиталистические остатки из года в год оттесняем все больше и больше, — как же можно говорить: видите ли, темпа нехватит, ресурсов нехватит, еще чего-то нехватит… (Смех.)

Говорят и о том, что страна наша по преимуществу аграрная, крестьянство — в громадном большинстве, рабочие — в ничтожном меньшинстве, беднота, некультурность, а тут еще оппозиция оказалась в жалком меньшинстве (смех); какой же социализм построишь, если не поможет западноевропейский пролетариат? Вот если он поможет, то социализм будет, а если не поможет, то, как Зиновьев здесь часто выражался, «сматывай удочку». . (Смех.)

Ленин, если не ошибаюсь, на IV конгрессе Коммунистического Интернационала указывал в докладе на то, что, несмотря на всяческие затруднения, мы все-таки успешным образом строим наше социалистическое общество, и в качестве материального доказательства нашей успешной работы указывал, что мы сумели отложить на дело нашей промышленности двадцать миллионов рублей. Товарищ Ленин считал это величайшим в то время завоеванием и говорил: видите ли, какие фундаменты мы закладываем; маловато, говорит, это, но все-таки это кое-что уже значит.

А теперь мы можем делать гораздо большие вложения. Один миллиард советских целковых, отложенный на восстановление нашего хозяйства, четыре года назад казался делом совершенно невозможным. Нам бы на это тогда сказали: вздор, фантазия! А как это выходило? В одном году— 184 миллиона, в следующем — 491 миллион, дальше 1 миллиард. Надо быть положительно слепым, чтобы всего этого не видеть!

По Каменеву выходит, что единственное, на чем мы можем базироваться при нашей бедности, — это на развитии всякого рода частного предпринимательства. Отсюда мы можем брать средства для индустриализации путем налогов.

Оппозиция утверждает, что в области торговли, и особенно в деревне, мы капитулируем перед этим частным капиталом самым стремительным образом. Так вот оказалось, что в деревенской торговой сети частная торговля во всем Союзе составляет ничтожный процент. По части розничного оборота оказывается, что частный капитал составляет сейчас 40 %, а государственно-кооперативный— 60 %; а в 1923/24 году оборот частного капитала составлял 57 % всего оборота, а оборот государственной торговли и кооперации — всего 43 %. Весь торговый оборот у нас увеличился, но если разложить по отдельным отраслям нашей торговли это увеличение, то мы имеем следующее: у кооперации и у госторговли оборот возрос почти в 3 раза больше, чем у частника.

Не буду говорить о темпе; я указывал, что есть такие сомнения, будто в области темпов дело у нас обстоит слабовато. В этом отношении особых цифр приводить не надо. Мы условились на одном: если мы в будущем году совершим умеренный шаг вперед в деле развития нашего промышленного хозяйства — примерно на 18 %, то и это, по сравнению со странами высокоразвитого капитализма, превзойдет обычные нормы даже довоенного периода.

О ПУТЯХ И МЕТОДАХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Спор идет о том, каким образом проводить индустриализацию нашей страны.

По этому вопросу конференция в сущности подтвердила то, что неоднократно обсуждалось на пленумах ЦК нашей партии. Те цифры, которые я вам вскользь приводил, в достаточной степени, я думаю, говорят, что мы не скупимся на дело индустриализации, но мы должны помнить, что индустриализация должна осуществляться в соответствии с развитием нашего сельского хозяйства. Мы знаем, что громадный крестьянский рынок представляет, несомненно, колоссальнейшую базу для развития этой индустрии, но эта база сохраняет свое значение только до тех пор, пока будет известная пропорциональность, соразмерность между темпом развития крестьянского хозяйства и темпом развития нашей индустрии.

Мы думаем, что крестьянство не может оказаться материально безучастным в деле индустриализации нашей страны, но основывать индустриализацию на эксплоатации крестьянства было бы гибельной политической ошибкой для нашей партии.

При подсчете ресурсов, которые можно извлечь из разных каналов, все-таки возникает некоторое сомнение: хватит ли этого? Как же мы можем итти таким быстрым темпом дальше? Насколько все это возможно? У нас подсчитано, что в дооктябрьское время в нашей бывшей капиталистической России капиталисты и помещики поглощали для своей собственной утробы ровно 50 % всей прибавочной стоимости, которая создавалась в стране. Какое положение сейчас? Все 100 % прибавочного продукта, производимого в нашей стране, возвращаются обратно на дело расширения нашего государственного хозяйства и улучшения жизни трудящихся. В этом секрет действительно успешного и действительно быстрого движения вперед, которым мы и отличаемся. У нас есть еще очень много источников, на которых наша конференция останавливалась и на которые нужно нажать.

Мы привыкли думать, что наша страна в достаточной степени выправилась, что население уже не находится в таком сугубо безвыходном положении, в котором оно находилось 4–5 лет тому назад, но по части использования сбережений у нас дело обстоит плохо. В настоящем году все сбережения достигают суммы примерно 90 миллионов рублей. Если сравнить с довоенным временем, то это составит всего-навсего 6 % тех сбережений, которые в старое царское время находились во всяких банках, в ссудо-сберегательных кассах и т. д.

Ну, мы, конечно, и не собираемся достигать всей довоенной нормы сбережений в данный период, но все данные говорят о том, что сбережения могут явиться одним из серьезных источников индустриализации нашей страны.

Здесь оппозиция выдвигает другое. «Вы, — говорит она, — товарищи, слишком мало нажимаете на более верный и более надежный источник, а именно на налоги». Здесь Зиновьев, который в свое время не так чтобы вплотную занимался этими вопросами, даже перещеголял всех. Он у нас, в Ленинграде, был гораздо скромнее, чем в партячейках в Москве, где он в пять минут подсчитал, что можно в любое время взять миллиард целковых. Когда он занялся более детально этим вопросом, то на Путиловском заводе он сказал, что можно собрать и больше миллиарда, а на XV конференции он сказал, что если не миллиард, то во всяком случае миллионов семьсот можно собрать, если поднажать на нэпманов, на сельхозналог и так далее.

Можно так повернуть дело, что вся экономическая основа смычки между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством может рассыпаться в пух и прах, если мы хотя на одну минуту последуем советам Преображенского и Зиновьева. Само собой разумеется, такая сверхиндустриализация решительно нам не пристала. Кроме тех источников, которые наша партия уже предопределила, других не найти; итти же вслед за оппозицией, делающей невероятную ошибку в курсе на сверхиндустриализацию, не приходится.

XV ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ О ТРОЦКИСТСКОМ БЛОКЕ

Наконец, товарищи, последний вопрос, который сейчас и, повидимому, порядочный промежуток времени в будущем будет занимать нашу партию, — это вопрос о нашем внутрипартийном положении. Я думаю, что вы найдете время и возможность детальнейшим образом изучить доклад товарища Сталина на XV конференции об оппозиционном блоке. Нельзя сказать, что. то, что случилось на XIV съезде, то, что произошло на XV конференции, — все это случайно.

Основной пружиной, которая породила все эти внутрипартийные осложнения, явился исторический поворот, который мы в деле строительства социализма в нашей стране сейчас переживаем. Пройдет еще некоторое время, и мы сможем более полно охватить взглядом эту эпоху, которая сейчас проходит перед нами. И я думаю, что эта эпоха нисколько не менее значительна по своей грандиозности, чем пройденные ранее этапы нашей революции. Сейчас мы должны будем закладывать совершенно новые, исключительные по своему значению основы нового хозяйственного быта, нового строя.

Товарищи, вы помните выступление Оссовского, который написал свою знаменитую философию о двух партиях, о том, что наша партия в силу своего объективного положения сейчас вынуждена защищать капиталистов. Ведь все это, товарищи, не случайно. Оссовский совершенно правильно заявляет, что единство партии имеет решающее значение, но по Оссовскому выходит, как это ни странно, что сохранение партийного единства возможно лишь, по сути дела, при системе буржуазной демократии. Вот до чего доходили наиболее смелые и откровенные сторонники оппозиционного блока.

Тут дело не только в том, что у Троцкого нет большевистских традиций. Вы, товарищи, подумайте, что совсем еще недавно Каменев писал: «Троцкий вошел в нашу партию как индивидуалист, который думал и думает, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм», далее Каменев говорил, что «Троцкий — не большевик». Сокольников нам в свое время говорил, что в сущности Троцкий — это меньшевик.

Зиновьев в свое время красноречивейшим образом предсказывал несомненную и бесспорную гибель дела революции, если бы мы на момент перешли в каком-либо решающем вопросе на сторону троцкизма.

Теперь оказалось, что все эти люди объединились в блоке, принципиальные основы которого должны быть вам хорошо понятны, если вы вспомните драку между троцкистами и нами в свое время, когда очень горячую и активную роль в этой драке играл Зиновьев. Троцкий, с которым мы вели перманентную и непрерывную драку, на этой конференции с чрезвычайной последовательностью изложил весь свой троцкистский символ веры. Отсюда всем нам стало ясно, что все остальные, примыкающие к этому блоку и образующие на первый взгляд что-то разноплеменное, оказывается, составляют блок очень одноплеменный, выдержанный и ясный. Всем стало ясно, что Зиновьев, так много потрудившийся в борьбе с троцкизмом, сдал свои позиции и перекочевал в лагерь троцкизма. Правда, Каменев на поставленный ему нами в упор вопрос, как он думает насчет Троцкого, заявил, что по части того специфического, что носит в партии название троцкизма, он не согласен с Троцким. Но вы не забывайте, говорил Каменев, что мы, оппозиционный блок, заставили Троцкого написать документ, в котором он признал правоту Ильича в спорах с ним, т. е. с Троцким.

Но мы-то прекрасно понимаем цену всяческим заявлениям и признаниям. Все дело заключалось в том, что троцкизм Троцкий старался подмаслить ленинизмом и так изобразить все дело, будто никакой тут разницы нет: мол, иногда я ошибался, иногда Ильич ошибался, иногда он признавался, что тут выходило не так, иногда я в этом признавался, иногда он меня поправлял, иногда я его поправлял.

У Троцкого вышло так: я, дескать, человек прожженный, я годами могу сидеть и молчать, затаив свое троцкистское дыхание; куда угодно отправьте — на горячие, на холодные, на какие угодно воды, — встану перед партией во фронт, если надо будет, и… обругаю партию, если представится случай. Все что угодно делайте — у меня выдержка есть. А это (Каменев, Зиновьев) народ, видите, хлябает, несколько месяцев прошло, попали в переплет, а теперь — в кусты. Посмотрим, как дело пойдет дальше. (Аплодисменты.)

Все ведет к тому, о чем мы в свое время говорили: как только этот блок стал более или менее намечаться, мы сказали, что имеем перед собой совершенно выявленный рецидив троцкизма.

На XV партконференции мы получили выкованный, ярко выраженный блок, который идет целиком и полностью на поводу у Троцкого. Дернет Троцкий за ниточку — заговорит Зиновьев, потянет за другую — что-то пролепечет Каменев. Но ничего нового мы здесь не имеем. Что здесь нам двадцать тысяч раз повторял Зиновьев? Он говорил, что 1926 год — это не 1923 год. Что это за Америка? Как будто мы наоборот хотим сказать. Что следует из этого заявления Зиновьева? Отсюда следует то, что условия настолько изменились, что в 1923 году Троцкого можно было называть меньшевиком, а

в 1926 году надо заключить с ним блок.

Вы знаете заявление, которое написали сторонники оппозиции. В этом заявлении есть много трогательного о том, что они отмежевались от Шляпникова, от Медведева,

/Группа Шляпникова — Медведева (возглавлявших в 1920–1922 гг. антипартийную «рабочую оппозицию») вошла в оппозиционный блок со своими старыми, анархо-синдикалистскими взглядами, признанными еще X партсъездом (в 1921 г.) несовместимыми с принадлежностью к партии. — Ред. /

от Урбанса, от Рут Фишер;

/Г. Урбанс и Рут Фишер — представители «ультралевой» группировки, исключенные из Германской компартии и Коминтерна. Травля Советского государства и ВКП(б), Германской компартии и Коминтерна — вот что характеризует «платформу» этих ренегатов, врагов коммунизма. — Ред. /

относительно фракций они заявили, что это недопустимо, что это бьет через край, что это ведет к гибели. Но, товарищи, нужно помнить, как все это вышло, под каким давлением написано это заявление. Вы знаете, что ему предшествовал исключительный провал всех вождей оппозиции в Москве и в Ленинграде.

Такое одиночество, такой идейный крах, который обнаружился у них в результате налета на партию, должен был заставить их, несмотря на всю изворотливость и подвохи, которые они придумали, частично капитулировать.

Но мы не должны забывать заявления оппозиции о том, что во всех принципиальных вопросах она остается на старых позициях и будет за них вести борьбу в рамках партийного устава. Партии предстоит борьба с тем уклоном, который выступил теперь и который в свое время был охарактеризован как уклон мелкобуржуазный. Теперь мы уточнили название этого уклона и назвали его социал-демократическим. Это, конечно, в высшей степени разобидело «уважаемых вождей» оппозиции, но тем не менее это сущая правда. Если они в споре с Троцким по тому же вопросу, по которому мы спорим сейчас, вместе с нами говорили, что Троцкий одержим мелкобуржуазным уклоном, если мы признали, что Троцкий является настоящим вдохновителем теперешнего блока, так надо же назвать этот уклон более точно, сделать его для партии более понятным.

Я, товарищи, не хочу быть пророком, но думаю, что если оппозиционеры останутся при своих принципиальных взглядах, то независимо от их воли они докатятся далеко.

Оппозиционеры заявили, что блок потерпел неудачу потому, во-первых, что хозяйственные затруднения не дошли еще до необходимых размеров, потому, во-вторых, что наши рабочие оказались очень «консервативными» для того, чтобы воспринять лозунги оппозиции. Если завтра рабочие будут более «революционны», — очевидно, тогда, когда усилятся наши затруднения, — тогда оппозиция будет иметь шансы на успех. Вот тогда оппозиция развернет «революционную» платформу и со строительством социализма, и с крестьянским вопросом, и с налогами, и с зарплатой, тогда она нам покажет, кто «действительно является ленинцем», а кто «скатывается на рельсы мелкобуржуазного, антипролетарского уклона».

Мы знаем постановление ЦК Германской компартии об исключении Урбанса. А вы знаете, что этому предшествовало.

Я вам прочту чрезвычайно интересную бумагу, за которую нашим оппозиционерам когда-нибудь придется держать ответ. После того, что произошло на «Авиоприборе» и на Путиловском заводе, после того, как в наших газетах было опубликовано заявление наших оппозиционеров, Урбанс предложил в Берлине следующую резолюцию:

«Во главу угла известного заявления Зиновьева, Троцкого, Каменева, Пятакова, Сокольникова и Евдокимова положено подчеркивание того момента, что русская оппозиция от своих политических взглядов отнюдь не отказывается. Германская оппозиция тем более не имеет ни малейшего повода для отказа хотя бы от одного из взглядов, которые она отстаивала и отстаивает по русскому вопросу. .» И далее:

«Мы заимствуем, — обратите внимание, товарищи, на это место, — из поступившего к нам от русской оппозиции несколько дней тому назад обстоятельного изложения разногласий и ее точки зрения, где приведен дословный перечень отдельных пунктов упомянутого уклона от пролетарской линии. .»

Таким образом, в последние дни, когда уже было подписано заявление оппозиции, одновременно по линии Коминтерна передавались «основные пункты», по которым у них существуют разногласия с нашей партией.

ОПРОКИНУВ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ, СОЦИАЛИЗМ БУДЕМ СТРОИТЬ И ПОСТРОИМ

Я все это привел для того, чтобы показать, что если наша оппозиция хочет быть действительно последовательной до конца, то перед ней имеются два выхода. Первый выход заключается в том, — и это единственно большевистский и единственно полезный для партии выход, — чтобы оппозиция нашла мужество признать ошибочными антиленинские взгляды, которые она исповедует до сих пор. Другой выход состоит в том пути, по которому пошел Урбанс, который, как видите, находился в самом непосредственном общении с представителями нашей оппозиции и который действовал по директивам нашей оппозиции.

Оппозиция выбрала третью дорогу и заявила, что она остается на своих идейных позициях, но прекращает фракционную борьбу, — дескать, в дальнейшем ходе событий «будем смотреть, кто из нас прав и кто виноват».

Но на этой выжидательной позиции блок долго оставаться не сможет. Хотят они этого или не хотят, но сама логика вещей заставит их снова повторить свой опыт, встать на тот губительный путь, на который они вышли в последние месяцы. Ведь не подлежит никакому сомнению, что и Зиновьев и Каменев бросились в объятия Троцкого потому, что логика борьбы толкнула их на этот незаконный брак.

Теперь наша партия, как показала последняя дискуссия, вся наша партия в целом, до низового рядового работника включительно, оказалась обладающей всеми прививками против мелкобуржуазных уклонов и шатаний. Во время проработки всех решений, которые вынесла наша партийная конференция, нам надо будет научиться распознавать хорошенько сущность происходящих сдвигов. Нам нужно начать изучение решений, вынесенных партийной конференцией, на основе того, что оставлено нам величайшим основоположником нашей партии и нашей революции — товарищем Лениным. (Аплодисменты.) С помощью этих первоисточников мы сумеем разобраться во всей обстановке, которая в настоящий момент окружает нас, как бы сложна она ни была.

Несмотря на былую популярность руководителей оппозиции, если только они еще раз тем же путем, каким они делали это до сих пор, попробуют нарушить свои собственные обязательства, о которых они написали, обращаясь к ЦК и к партии, то мы сумеем найти средства и возможности для того, чтобы действительно обеспечить не единство (единство нашей партии и без того обеспечено так, как не было обеспечено еще никогда), а условия для приложения всей нашей энергии к трудной, ответственной, большой и важной работе по хозяйственному социалистическому строительству.

Сколько бы ни каркали, сколько бы ни сомневались оппозиционеры, но ту великую задачу, которая называется победоносным строительством социализма в нашей стране, мы уже начали осуществлять.

Девять лет мы уже бьемся над разрешением этой задачи, и эти девять лет служат лучшим залогом и доказательством того, что задача, поставленная перед нами, будет нами разрешена правильно и социализм мы построим. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

В УПОРНОЙ БОРЬБЕ С ОППОЗИЦИЕЙ МЫ ДОСТИГЛИ ПОЛНОГО ЛЕНИНСКОГО ЕДИНСТВА

Из доклада о работе Ленинградского губкома ВКП(б) на XXIV губернской партконференции 27 января 1927 года

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

Товарищи! Прежде чем доложить о практической работе губернского комитета партии за истекший год, я считаю необходимым изложить перед вами общую обстановку, в которой приходилось работать губернскому комитету. По этому поводу говорилось у нас достаточно много и достаточно часто, поэтому я буду краток. То время, которое мы пережили, войдет в историю не только нашей организации, но и нашей партии в целом, ибо эта эпоха действительно во всех отношениях является исключительной. Еще до XIV съезда нашей партии мы вступили в новую полосу партийной работы. Вы знаете, что эта полоса первое время сопровождалась целым рядом хозяйственных затруднений, и я думаю, товарищи, что эти затруднения явились основной предпосылкой того перелома, который пережила впоследствии наша партия. Теперь уже полностью мы дали, себе ясный и точный отчет в тех новых задачах, которые стояли перед нашей партией. И как раз тогда в отдельных рядах нашей партии стали замечаться совершенно определенные колебания.

Вы помните, с чего все началось. Началось с того, что отдельные товарищи, представлявшие тогда еще не совсем отчетливо организованную оппозицию, стали нам указывать на якобы происходящее совершенно определенное перерождение отдельных членов ЦК; потом мало-помалу оппозиционная фантазия стала развертываться, и перерождение приписывалось уже Центральному Комитету в целом. В дальнейшем на фоне все более и более ярко выступавших хозяйственных затруднений стали раздаваться голоса о том, что не только Центральный Комитет, а и вся партия, дескать, переживает страшную болезнь перерождения. Оказалось, что во всей нашей миллионной партии только несколько человек ясно представляли себе те задачи, которые стояли перед партией, все же остальные уклонились в сторону заигрывания с кулаком, с нэпманом.

«Зоркий» глаз наших оппозиционеров, вы помните, видел, как постепенно эта волна мелкобуржуазной стихии стала захлестывать сначала нижние, подвальные, этажи, нашей социалистической храмины, а потом помаленьку полезла и в первый этаж. И нам предрекали, что пройдет немного времени, как мы, чудаки, не замечающие процессов нашей жизни, окажемся на чердаке этой социалистической храмины и, высовываясь из окон, будем с растерянными жестами кричать «караул».

Все это, товарищи, не басни, не сказки, а действительное изображение оппозиционных взглядов. Как ответила наша партия на это? Помимо той работы, которую мы вели внутри нашей партии для защиты основных положений ленинизма, для защиты нашей партии от раскольнической политики, ЦК нашей партии, вместе с огромным, подавляющим большинством ее, вел кропотливую, упорную работу по преодолению хозяйственных затруднений.

Затруднения были в достаточной мере серьезны. Но ЦК партии и вся наша партия не шарахались из стороны в сторону в обстановке этих затруднений, а постепенно, идя от одного хозяйственного фронта к другому, составили себе достаточно точную, достаточно отчетливую программу того, как вывести на новые рельсы дальнейшего развития наше народное хозяйство. И, несмотря на то, что оппозиция обстреливала наши основные командные высоты, ЦК нашей партии сумел в достаточной степени отстоять их.

Вы помните, мы выдерживали натиск и на политику внешней торговой монополии, и на нашу внутрихозяйственную линию, и на другие звенья нашей работы. И вот, товарищи, со времени XIV съезда нашей партии, когда эта борьба приняла особенно острые формы, ничем уже не прикрытые, когда представители нашей оппозиции достаточно развернули свой махровый символ веры, — за год, который прошел, сейчас это можно уже твердо и определенно сказать: мы не только поняли, какие вопросы являются узловыми в нашей хозяйственной жизни, но мы, несомненно, наметили совершенно правильное, совершенно отчетливое разрешение этих вопросов. Я не хочу сказать, что сейчас у нас на фронте хозяйственной работы, которую я считаю основной в данную эпоху, над всеми «i» поставлены точки, уже совершенно ясные для всех и каждого. Отнюдь нет. Вопросов еще масса. О них мы слышали и услышим еще не один раз. Каждый новый наш шаг будет выдвигать новые и новые задачи. Но я хочу сказать, что основная линия этой переходной эпохи к социализму намечена нами, несомненно, совершенно правильно, твердо и определенно.

Я думаю, что это обстоятельство явилось решающим в деле окончательной ликвидации того относительного влияния, которое в некоторых частях нашей партии имела оппозиция. Не буду скрывать, товарищи, — это факт совершенно определенный, — что было время, когда представители оппозиции свили себе гнездо здесь у нас, в Ленинграде, на первый взгляд, казалось, достаточно прочное гнездо. После того как мы в организации проработали итоги XV конференции нашей партии, мы сумели окончательно выяснить, каково же было влияние оппозиции в нашей

организации. Я приведу небольшую справку о том, во что вылились в конечном счете надежды объединенной оппозиции.

Мы провели широчайшую кампанию по разъяснению и популяризации решений XV Всесоюзной партконференции. На всех фабриках и заводах мы самым тщательным образом разъясняли членам нашей партии эти решения. Что же оказалось? Оказалось, что против решений XV конференции голосовало во всей нашей более чем стотысячной организации всего-навсего 27 человек, воздержалось при голосовании этих решений 69 человек. Таким образом, во всей нашей свыше чем стотысячной организации не разделяло точку зрения нашей партии после XV конференции всего-навсего 96 человек.

Но, товарищи, какая бы хорошая семья ни была, но нельзя себе представить такую семью, чтобы не было в ней урода. Мы не будем стыдиться того, что в нашей огромной, стотысячной семье после XV конференции оказалось еще 96 маленьких уродов, которые не разделяли общей линии нашей партии, нашей организации, я все-таки думаю, что, несмотря на такую «устойчивость» этих 96 человек, не все они неизлечимы. Я думаю, что мы все-таки сумеем еще принять кое-какие меры и порядочное количество из этих 96 человек постараемся вылечить.

Я не думаю, что они окончательно искалечены, тем более что опыт нашей работы показал, что иные, как будто безнадежные в этом отношении люди потихоньку-помаленьку, при свете той работы, которую мы здесь проделали, все-таки усвоили настоящую ленинскую линию нашей партии. Тут, товарищи, дело не в нашей ловкости, не в нашем искусстве обращать на путь истинный этих заблудившихся товарищей, возвращать их в наше ленинское лоно. Дело заключается в конечном итоге в самой реальной объективной обстановке.

Можно сказать одно. Вся наша девятилетняя работа совершенно отчетливо показывает, что других путей работы и деятельности, чем те, которые практиковались партией и ЦК, найти нельзя. И все те рецепты, которые предлагали нам старая, новая, новейшая и всякие прочие оппозиции, все-таки, в конечном итоге, оказались фальшивыми, поддельными рецептами, и как наша партия, так и рабочий класс в целом достаточно быстро в этом деле разобрались. Но было бы, конечно, товарищи, совершенно неправильно, не по-большевистски, не по-ленински, успокоиться на том, что объективное соотношение сил, дескать, говорит за нас, наше дело обеспечено и мы можем сидеть совершенно спокойно. Это, конечно, было бы неправильно, и мы — губернский комитет партии — отнюдь не поступали так.

После XIV съезда нам в Ленинграде прочили развал и распад, всякое партийное столпотворение. Нам говорили, что пройдет энное количество времени, пока мы сумеем создать нечто похожее на организованное партийное целое здесь, в Ленинграде. Невзирая на все эти предрекания, невзирая на то, что многие из испытанных старых специалистов организационной партийной работы от нас отвернулись, — правда, часть из них нам пришлось самим «отвернуть» от нашей партийной работы, — мы все-таки терпеливо занялись восстановлением рядов нашей Ленинградской организации. И здесь, товарищи, необходимо отметить, что, несмотря на всю сложность обстановки, мы все-таки находили время для того, чтобы не забывать и другие отрасли нашей работы. Но упор мы взяли главным образом на эту внутреннюю партийную работу.

И вот, подводя сейчас итоги этой работы, мы видим ее результаты. Я бы хотел обратить ваше внимание на прошедшие недавно районные конференции нашей организации. Старожилы, которые хорошо знают Ленинградскую организацию, говорят, что происходившие районные конференции действительно чрезвычайно отличались от прошлых конференций. Первое и главное, что бросается в глаза, это громадная активность и действительно настоящая ленинская организованность, которую мы наблюдали на этих конференциях. Чем губернский комитет достиг этого? Прежде всего тем, что мы после той встряски, которая происходила в Ленинграде, взяли настоящий, ленинский курс на проведение внутрипартийной демократии.

Мы сделали все для того, чтобы дать возможность всей организации понять настоящую сущность этой самой внутрипартийной демократии. Мы начали с того, что стали держать в курсе дел всей нашей партийной жизни не только верхушку, не только организационных командиров, но мы старались жизнь и деятельность Центрального Комитета сделать достоянием всей нашей организации. И вы помните, — мне это неоднократно приходилось говорить, скажу и здесь, — что, когда оппозиционеры упрекали нас из-за угла, что мы учиняем всякие нажимы, прижимы, зажимы, что мы держим постановления ЦК в кармане, что мы по особому отбору знакомим членов партии с его постановлениями, — мы отвечали, что эти обвинения вздорны. Мы старались поставить дело так, чтобы каждый член партии по возможности и, само собой понятно, каждый активный член партии обязательно был знаком не только с решениями, вынесенными ЦК и Политбюро нашей партии, но чтобы каждый знал, чем продиктованы эти решения, чем они вызваны.

Вот эта работа наряду с тем, что мы действительно развернули выборную систему в нашей организации, позволила нам в сравнительно короткий срок сделать так, чтобы все, что проделано нашей партией, было сознательно воспринято всеми членами нашей организации.

И вот, когда мы на районных и уездных конференциях подводили итоги нашей работы, то видели, что ни один из членов партии не пожаловался на то, что он недостаточно осведомлен или что та организация, которую он представлял, недостаточно осведомлена о жизни и деятельности нашей партии, — таких заявлений мы на наших конференциях не слышали. Из многочисленных выступлений, которые были по докладам о работе губкома и райкомов, — а выступавших было 11 % по отношению ко всем присутствующим, — мне помнится, только один товарищ на одной из райконференций пожаловался на недостаточную внутрипартийную демократию у нас в организации, но этот товарищ решительно никем не был поддержан. Каждый видел, что тут что-то не так, что это заявление не соответствует действительности.

Сейчас мы имеем в Ленинграде хорошо организованный партактив. Вы помните, что по адресу нашего партактива тоже раздавались чрезвычайно нелестные характеристики. Говорили, что мы опираемся на каких-то молокососов, что мы ничего не понимаем во внутрипартийной «механике». Второй упрек был совершенно правилен. Бывшие руководители Ленинградской организации слишком большое внимание уделяли этой внутрипартийной механике. За этой механикой они проглядели самое ценное. Когда мы эту механику немного ковырнули, то оказалось, что на ней далеко не уедешь. Поэтому мы, воспитывая наш актив, не делали упора на внутрипартийную механику, хотя ее не забываем и забывать ее нельзя. Мы всю работу направляли вглубь, и сейчас мы имеем достаточно твердый кадр людей, которые являются проводниками наших партийных заданий в наших цехах и в наших звеньях.

ОППОЗИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ АНТИПАРТИЙНУЮ БОРЬБУ

Но все-таки было бы ошибкой думать, что как в отношении разрешения хозяйственных, так и внутрипартийных задач все было сделано на все сто процентов. Я думаю, что этого нет. Верно, что представители так называемой объединенной оппозиции пребывают в исключительном одиночестве, это верно, но сказать, что они, сидя в этом одиночестве, совершенно разочаровались и что они не смогут лишний раз воспользоваться какими-нибудь новыми затруднениями, нельзя.

Я знаю, что мы имеем целый ряд разного рода документов, в которых люди говорят, что они впредь будут партийными паиньками и что если они не будут стоять перед партией во фронт, то будут достаточно вежливы по отношению к большинству и к ЦК партии. Но время от времени появляются признаки, которые показывают, что работа в подполье совершается.

На-днях, накануне нашей губпартконференции, мы от одного из наших товарищей получили заявление, где он рассказывает, что приехал из Ульяновска (в Ленинграде действуют главным образом приезжающие) испытанный, старый троцкист, который теперь является твердокаменным «объединенным» оппозиционером, и рассказывал здесь следующее (у меня есть официальное заявление): «Мы вовсе еще не смотали удочки, как любил выражаться Зиновьев; нет, мы, видя, что погода неблагоприятна, решили, что нужно выждать и отдышаться». И вот этот человек рассказывает о плане оппозиции, примерно, в таких выражениях: «Мы получили директиву, — говорит он, — никогда открыто не выступать, а вести подготовку к XV съезду партии и притом так, чтобы это не было ни для кого заметно. Мы имеем директиву выдавать себя за стопроцентных сторонников большинства ЦК, с тем чтобы получить доверие, добиться мандатов на партсъезд, а там голосование покажет».

Какое будет голосование, что оно покажет на XV съезде, я думаю, мы гадать не будем. Мы знаем, что показало голосование на XIV съезде, на XV партконференции. Не в этом, конечно, дело. Дело в том, что, как видите, надежда еще теплится помаленьку. Вы, конечно, как достаточно испытанные большевики-ленинцы, понимаете, что такого рода тактика — мы сейчас себя выдадим за стопроцентных большевиков-ленинцев, нас выберут на партсъезд, а там мы покажем, — недопустима. Мы тоже достаточно стреляные зайцы во всех отношениях, и только потому, что ты сейчас заорешь на всех углах и перекрестках о том, что ты стопроцентный большевик, мы тебя прямо на съезд, а потом в ЦК, потом, быть может, в Политбюро не выберем. Таких чудаков у нас в партии нет. По-моему, это продиктовано больше отчаянием, чем твердой надеждой добиться успеха. Но так или иначе, сказать сейчас, что теперь все гладко и спокойно, этого сказать нельзя. Конечно, надо как на хозяйственном фронте, так и на внутрипартийном в достаточной степени быть на-чеку, продолжать работу, которую мы вели. Надо вести последовательную работу по все более глубокому внедрению основ ленинизма в сознание широких слоев нашей партии. Эту работу мы должны продолжать по-прежнему.

ПРОВЕРЯТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ. ЧЕТКО ОРГАНИЗОВАТЬ ВСЮ РАБОТУ

Теперь, в заключение, об основном правиле всей нашей работы. Все наши задачи мы будем разрешать хорошо при одном непременном условии, о котором нам напомнило недавно оглашенное письмо товарища Ленина — письмо, написанное еще в 1922 году. В письме этом товарищ Ленин говорит о той важнейшей части в нашей работе, которая называется проверкой решений. Я думаю, что не будет ошибкой сказать, что наверное и Адаму было известно, что можно на досуге посидеть и вынести то или другое решение по поводу того или другого вопроса. Правда, иногда трудно бывает вынести решение, но не так трудно все-таки, как провести его в жизнь, — тут выходит

сложнее. Не знаю, по этим ли причинам или по другим, у нас на практике сплошь и рядом бывает так: решаем сдать в комиссию; комиссия выбирается, собирается, обрабатывает вопрос, выносит решение, мы ставим штамп — и дело готово. А как дальше дело идет — это вопрос, и большой вопрос.

Не подлежит никакому сомнению, что из тех многочисленных постановлений, которые вынес губернский комитет партии даже по чисто партийным делам, наверное порядочный процент лежит втуне: повертели, посмотрели, решили, что больно длинно написано, когда-нибудь в другое время проведем. И так по всем линиям. От проверки решений мы в ближайшее же время перейдем к настоящей постановке работы. Если бы можно было поставить дело таким образом, чтобы по каждому ответственному решению сверху донизу проследить, как идет дело, где надо урезать, где, наоборот, нажать и все такое прочее, то мы прекрасным образом овладели бы громадным механизмом, который у нас имеется, и это было бы лучшей формой борьбы с бюрократизмом. Сидя в кабинете, не все представляешь, как где происходит дело. Выходит: дал задание — и до свидания. Записал для статистики, что этим вопросом занимался. Если действительно будем проверять, по крайней мере, главные решения, проверять прохождение исполнения этих решений, то дело пойдет покрепче: если исполнено — хорошо, если не исполнено — то почему, что мешает, где неладно, где жмет?

Тут перед нами встает вопрос о подборе работников и более подходящей расстановке сил. Если неправильна организация, сама по себе она тормозит дело, надо ее пересмотреть. В той работе, в которой все расставлено по своим местам, нечего открывать новых Америк и заниматься сверхпроблемами, а нужно повседневно строить наше социалистическое общество. На фабриках, заводах, мастерских, дорогах — где угодно эта повседневная работа по проверке решений имеет колоссальное значение. Если мы с вами сумеем эту работу поставить, — а ее надо поставить, — это будет лучшей формой изучения всего нашего советского механизма и борьбы со всеми болячками, которые у нас есть.

С этими болячками бороться надо правильно. На XV партконференции говорили, что, если дело останется в таком же положении, мы можем прямо задохнуться, — слишком большая страна и слишком сложный, запутанный механизм создали мы. Надо как-то его привести в более, как теперь принято выражаться, четкое состояние, чтобы в этой огромной машине, которая управляет по всем линиям нашей 150-миллионной страной, каждый механизм и каждая шестеренка были отчетливо видны не только контрольным органам, но и всем трудящимся. Только при этом условии мы сумеем действительно еще и еще больше привлечь к нашей тяжелой и в высокой степени ответственной работе ту громадную, многомиллионную массу трудящихся, которая имеется в нашей стране.

Если такую задачу выполним, это будет настоящей похоронной песней тем, которые квакали, что все у нас валится, что все рушится, перерождается и термидор на голову сыплется. Избавились, никаких термидоров! Помаленечку из хозяйственных ухабов выходим. Даже в таком вопросе, как с мужиком, который зажал хлеб, вышли. Теперь ничего, — как бы не сглазить. Я думаю, что не сглажу. Дело наладится, потому что стали смотреть в глаза действительности — такой, какая она есть. Еще увидим впереди не такие вещи. Если от каждой штуки будем шарахаться в сторону, будем кричать, что перерождаемся, что рабочий класс стал консервативным, — тогда нужно искать другой рабочий класс. Подожди, мол, когда народится другой, и с ним делай революцию.

Не надо шарахаться в сторону от каждого бревна на дороге, а нужно приковать внимание всех рабочих к тому участку работы, который под угрозой, сказав им: будьте на-чеку, помогите партии, помогите власти преодолеть это зло. Если и впредь мы так поведем работу, — а это один из заветов Ленина, — то мы сумеем справиться с затруднениями, с теми кознями, которые стараются создать вокруг да около нас.

Вот, например, эта черная цепочка, которая лезет с юга на север по нашей западной границе. Конечно, можно испугаться, еще, пожалуй, родимчик схватишь или какую-нибудь другую болезнь, если будешь нудить около этого дела. Я думаю, что Этого не надо делать, а надо притти и рассказать рабочим: так-то и так-то. Конечно, не горит, не гудит, набата нет, но будьте готовы.

Девять лет нашей работы — это лучший экзамен и лучшее свидетельство правоты нашего дела. Если, действительно, — сплошь все ошибка, соглашательство, оппортунизм и прочее, то как же это так вышло, что мы сидим десятый год и не только ничего не растеряли, а, наоборот, каждый чувствует себя гораздо более сильным, гораздо более «крепким, гораздо более уверенным в своей работе.

Таким образом, товарищи, я думаю, что сейчас, вступая в десятую годовщину нашего существования, нет решительно никаких оснований терзаться о нашем прошлом. Ошибки, конечно, были, ошибки есть и сейчас, но в основном линия, которую мы ведем, безусловно правильна, и, сколько бы ни квакали наши отечественные «неверующие», сколько бы ни клеветали на нас враги за границей, дело, к которому мы призваны девять с лишком лет тому назад, мы в общем и целом решаем правильно. И пусть умолкнут, наконец, те, которые говорят, что мы замкнулись в рамках нашей национальной скорлупы. Нет, действительно интернациональное дело, которое делается у

нас в Союзе, — это творчество, это деятельность нашей коммунистической партии. Это настоящее международное, настоящее интернациональное дело.

Каждый шаг нашей работы — это победа мировой революции, каждое ущемление нас — это болячка для мировой революции. Ни капли, ни тени сомнения в той работе, которая вся рассчитана на то, чтобы освободить всех трудящихся и всех угнетенных! (Аплодисменты. Зал встает и приветствует товарища Кирова.)

ИЗ ДОКЛАДА О РАБОТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБКОМА ВКП(Б) НА IX ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКО-НАРВСКОГО РАЙОНА

28—29 октября 1927 года

О ЛЕНИНСКОМ КООПЕРАТИВНОМ ПЛАНЕ

Когда мы подытоживаем все области нашей работы, о которых я здесь говорил, мы, товарищи, можем совершенно точно установить, что социалистический сектор в нашей промышленности усиливается из года в год, из полугодия в полугодие, из квартала в квартал.

Нет такого большого увеличения этого социалистического сектора, если мы возьмем все народное хозяйство в целом, т. е. включая наше огромное, многомиллионное крестьянское хозяйство. Там дело обстоит — вы все это сами знаете, — конечно, совершенно иначе, чем в нашей городской промышленности. Но тем не менее, все то, что мы сейчас, к кануну десятой годовщины Октября, имеем, говорит об укреплении наших командных социалистических высот. Эти высоты, несомненно, у нас окрепли. Такая основная высота, как индустрия, несомненно укрепилась. Государственная торговля, транспорт, кооперация — все эти рычаги нашей работы несомненно, товарищи, из года в год крепнут.

Я не останавливался на таком большом рычаге в деле нашего социалистического утверждения в деревне, как сельскохозяйственная кооперация.

Я хочу вам напомнить, что здесь перед нами еще очень большая часть работы. Надо сказать, что кооперация у нас в деревне, особенно производственная сельскохозяйственная кооперация, находится еще в очень и очень скромном состоянии. Мы, товарищи, только год тому назад развязались с той путаницей, которая у нас была в кооперативном строительстве в деревне, и только теперь перешли на специализацию этой работы, создавая Молокосоюз, Льносоюз и т. д., чтобы по этим специальным каналам развивать наше сельское хозяйство, развивать его по кооперативному руслу, не упуская из своих рук этого огромного рычага, который является на данной стадии нашей работы в деревне одним из основных, одним из главных, одним из решающих.

Конечно, вам оппозиционеры могут сказать, что все, что мы говорим по поводу непризнания оппозицией ленинского кооперативного плана в деревне, — вздор, ко всему этому могут вам процитировать ряд всяческих платформенных постановлений и прочее. Но, товарищи, слова надо отделять от практического дела. Я уже говорил, в чем заключается основной спор с оппозицией в отношении характера расслоения нашей деревни. Отрицать этого никто из оппозиционеров не может, спор этот имеется. На последнем пленуме ЦК

/Имеется в виду объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Пленум утвердил докладчиков и проекты тезисов по вопросам порядка дня XV партсъезда: «О директивах по составлению пятилетнего плана» и «О работе в деревне». В последних тезисах давался подробный анализ отличительных особенностей в развитии крестьянских хозяйств в условиях диктатуры пролетариата и подверглись развернутой критике грубейшие ошибки оппозиции, механически переносившей «закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, таким образом, в хвосте буржуазных идеологов». — Ред. /

Смилга — не совсем, правда, деревенский человек, но изображающий из себя хорошего экономиста — черным по белому свидетельствовал, что стоит именно на этой ошибочной точке зрения и признает капиталистический характер расслоения в сельском хозяйстве. Если, товарищи, это так, если у нас в деревне идет расслоение по капиталистическим путям, так я у вас спрашиваю, каким образом можно будет нашего многомиллионного мужика помаленьку перетаскивать с его частнохозяйственных рельсов на рельсы общественные? Ведь тогда окажутся совершенно правы меньшевики, которые говорят, говорили и будут говорить о том, что никакой социалистической революции в этой крестьянской стране произвести нельзя, пока не произойдет настоящая капитализация страны, пока мужик не снимет, извините за выражение, свои последние собственнические штаны и не окажется на положении пролетария. А на другом полюсе будет огромное развитие капиталистических фабрик, заводов, сельскохозяйственных экономии и прочее. Тут есть своя логика. Мы думаем и убеждены (опыт десятилетней работы оправдал это), что расслоение в деревне идет по другим путям, по тем путям, о которых я говорил. Правда, медленно, но все-таки происходит частичный переход бедноты в группу середняков. Благодаря кооперативному рычагу мы получаем возможность работать в таком направлении, что много миллионов бедняков и середняков постепенно переводится на новые рельсы. Это все благодаря великому ленинскому кооперативному плану — вот в чем дело.

Я вам рекомендую великий кооперативный план Ильича изучить так, как мы в свое время изучали

«Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса.

Кооперация — это действительно подлинная, настоящая, притом единственная столбовая дорога к социализму в деревне. Если этого пути нет, то никакого пути построения социализма в нашей крестьянской стране действительно нет. Вот как стоит вопрос о кооперировании деревни.

Повторяю, что в нашей губернии работа эта оставляет желать еще много лучшего, но все-таки и здесь мы понемножку, потихоньку, не только в области потребительской, но и в области производственной кооперации, движемся вперед. Эта форма работы в деревне является очень большой и ответственной работой, без которой мы смычки, действительно, подлинной и органической, рабочего класса с крестьянством иметь не будем. А такая органическая смычка наша с середняком при руководстве пролетариата в конечном счете означает укрепление диктатуры пролетариата, т. е. нашей революции, — вот как обстоит дело.

Вы знаете решения XIV съезда нашей партии об укреплении этой смычки, о максимальном отвоевании этого самого середняка. К кануну десятой годовщины Октябрьской революции мы можем смело, спокойно и твердо сказать, что в этом отношении наша партия выполнила огромную работу. Сейчас нет необходимости особенно распространяться перед вами, что у нас совершенно другие отношения с крестьянином, чем два года тому назад. Многими из нас, далеко находящимися от деревни, это не так хорошо чувствуется. Возьмем хотя бы такие явления из прошлого, как восстание крестьян на Кавказе, в Грузии, целый ряд мелких вспышек в других местах. Есть ли что-нибудь похожее сейчас? Ничего похожего в этом отношении на то, что было два-три года назад, сейчас у нас нет. Мы сейчас находимся в гораздо лучших отношениях с крестьянином, чем это было тогда. Должны ли мы успокаиваться на этом или нам нужно двигаться дальше? Мы думаем, что нам надо двигаться дальше, и об этом движении говорит последнее постановление нашего правительства, о котором вы читали в последних газетах

/Имеется в виду постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 21 октября 1927 г. «О дополнительных льготах крестьянству по единому сельхозналогу», изданное в развитие статей манифеста ЦИК СССР от 15 октября 1927 г. по поводу освобождения от сельхозналога в 1927/28 г. 35 % крестьянских хозяйств и снятия задолженности и недоимок с маломощных крестьянских хозяйств (см. «Правду» от 22 октября 1927 г.). — Ред. /

ОППОЗИЦИЯ ПЕРЕШЛА ВСЕ ГРАНИЦЫ В СВОЕЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ЦК, ПРОТИВ ПАРТИИ

Теперь последний и самый острый раздел моего доклада — это положение внутри нашей партии, положение, по поводу которого, конечно, каждый из вас в достаточной степени осведомлен, достаточно подумал и определенным образом на это дело реагирует.

Не буду характеризовать всего того, что у нас происходило и происходит. Думаю, что достаточно остановиться только на важнейшем. Напомню вам случай в нашей партии, когда один из представителей оппозиции — Лашевич — пошел решать наши партийные споры в лес. Это было не так давно, но вспомните, каким громом раздалось это во всей нашей миллионной партии. А что сейчас? Если сейчас Бакаев или Зиновьев сообщат, что позавчера были в лесу около наших пригородов и там решали партийные вопросы, то теперь это покажется совершенным пустяком. Ведь они уже пошли на улицу, на демонстрации! После решения Центрального Комитета партии они в Москве пытались устроить демонстрацию около Почтамта и у какого-то театра по поводу исключения из ЦК Троцкого и Зиновьева. (Бакаев: «Пустяк!») Бакаев говорит «пустяк», ему все пустяк. (Смех.) Что такое демонстрация? Это ровным счетом ничего не значит! Демонстрации мы уже перешагнули, теперь занимаемся организацией нелегальных типографий и даже привыкаем к этому помаленьку. После того как в Москве открыли квалифицированную типографию с линотипами и т. д., у нас оказалась группа человек в шестнадцать (об этом вы услышите в отчете контрольной комиссии), из которых 99 % беспартийных, которая занималась печатанием кустарным способом. ДОПЕЛИ ДО таких приемов, которые наша партия допустить не может и не допустит. И после этого приходят и говорят нам — и не только нам, но и всем коммунистическим партиям, и даже за пределами этих партий — о том, какие мы — большинство ЦК и подавляющее большинство нашей партии — какие мы изверги рода человеческого, мы-де так их сжали, ну, буквально дышать нельзя. Типография — это, говорят они, пустяки, демонстрации — пустяки, что бы ни было — все пустяки. Я уже не говорю о той дискредитации, которая идет в разных шпаргалках, на собраниях и т. д. Все время они ссылаются на то, что при Ленине было не так. Я тоже думаю, что при Ленине так не было.

Если кто помнит, товарищи, X съезд нашей партии, если вы помните борьбу Ленина с «рабочей оппозицией», если вы все помните историю вопроса об исключении из партии Шляпникова, — было ли что-нибудь похожее в партии на то, что есть сейчас? Ничего похожего не было. Действительно верно, такого положения в партии, как сейчас, никогда не было.

Теперь у них новый конек. Они и сегодня начали заседание с того, что надо-де обсудить, как мы подготовимся к предстоящему съезду нашей партии. После той дискуссии, которая была перед X съездом партии, Ленин говорил (прочтите протоколы съезда):

«… я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной; допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку…» /Ленин, т. XXVI, стр. 208./ Товарищи, было ли что-нибудь похожее на то, что сейчас у нас происходит? И то Ленин считал это совершенно недопустимым. На том же съезде Ленин говорил: «Троцкий меня упрекал на дискуссии в Большом театре перед ответственными работниками в том, что я срывал дискуссию. Это я зачисляю себе в комплимент: я старался сорвать дискуссию в том виде, как она пошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было вредно. Это только слепым было не видно» 1. Можно еще привести ряд подобных выдержек. Вот, товарищи, как расценивал Ленин то, что было тогда в партии. Но разве спор шел тогда о том, о чем мы с вами спорим сейчас? Разве такие вопросы стояли? И теперь, особенно при тех внешних опасностях, которые у нас сейчас, несомненно, очень велики, мы не можем допустить такой роскоши, как дискуссия, которую нам хотят навязать. Если перед X съездом партии нужно было быть слепым, то сейчас нужно быть вдвойне слепым, чтобы не видеть того, что происходит. Теперь уже забыли всякие нормы и всякие формы обсуждения этих «спорных» вопросов. У них есть и такие аргументы: партия до сих пор ничего не знает, партия в неведении; если партия узнает всю правду, то тогда, конечно, решит и т. д. Товарищи, надо быть слепым, чтобы не видеть, что наша партия не умерла, что наша партия живет, мыслит и действует; она безусловно знает и отдает себе отчет в том, куда она идет и какие задачи разрешает. Вам, конечно, придется до съезда прочитать много различных документов. Самый популярный из них — это знаменитая платформа оппозиции, которая состоит из многих глав и страниц. Ваше внимание я обращаю на последнюю часть платформы, которая озаглавлена «Основные выводы из платформы». В этих основных выводах сформулированы все разногласия, которые, по мнению оппозиции, существуют между нею и большинством партии. Оппозиция обвиняет партию и ЦК в том, что ЦК готов признать долги, что ЦК собирается более или менее ликвидировать монополию внешней торговли, что он собирается уйти из Китая и вообще из стран, в которых возможны национальные революции, ЦК нашей партии думает будто бы еще несколько расширить тот нэп, который у нас существует.

Вот четыре основных линии, которые якобы намечает ЦК нашей партии.

Подумайте, если всерьез у нас имеются такие разногласия, если ЦК партии готов признать, уже признал долги, — не сказано какие, очевидно, всякие, — если мы сейчас уходим из Китая и готовы уйти из всякой страны, где хоть сколько-нибудь теплится революционное движение, если мы готовы еще больше расширить нэп, если мы готовы разменять на мелкую монету нашу монополию внешней торговли, то, конечно, если все это реализовать, — это гибель Советской власти, это совершенно ясно и понятно. Но во всеуслышание предъявить такие обвинения не так просто. Если действительно ЦК доигрался до того, что готов сдать Советскую власть и диктатуру рабочего класса, то я удивляюсь скромности наших оппозиционеров: я бы давным-давно с оружием в руках боролся против такого ЦК. Если сидящие здесь после речи Бакаева убедились, что ЦК сдает командные высоты, как, например, монополию внешней торговли, если мы сейчас уходим из Китая и готовы бросить на произвол судьбы любое национально-революционное движение, если мы готовы расчищать новые горизонты для наших нэпманов и еще совершить ряд подобных грехопадений, то встает вопрос: остается ли у нас хотя бы одна командная высота? Конечно, нет! И после этого можно ограничиваться только. . нелегальной типографией? Это же, товарищи, чепуха! Последователи наших оппозиционеров в Западной Европе ставят вопрос иначе. Они ставят вопрос об июльских днях, вслух, товарищи, открыто об этом говорят, говорят о том, что мы с вами до такой степени переродились, что дело идет уже о спасении диктатуры рабочего класса, Советской власти, что положение приняло такую острую форму, что июльские дни в канун десятилетия Октябрьской революции уже налицо. Если, товарищи, кто-нибудь, в том числе и Бакаев, будет это отрицать, то я скажу на это, что у нас в ЦК есть документы.

Между прочим, на этом и предыдущем пленуме мы несколько раз задавали оппозиции, троцкистам, вопрос: каково ваше отношение к группе Сапронова? До сих пор мы не имеем от них ни одного документа, где бы они сказали, что они считают работу группы Сапронова контрреволюционной. Можно, товарищи, в пылу полемики оскорбить того или иного товарища, это не так уж страшно большевикам. Но написать в спокойной обстановке такой документик, что ЦК партии готовит переворот, в котором страдающими окажутся рабочий класс и крестьянская беднота, это значит заехать из нашей партии туда, откуда вернуться уже нельзя. Так у нас обстоит дело, и когда сейчас мы ведем разговоры с оппозиционерами и говорим: посмотрите, куда вы дошли, — тогда они кричат о тех репрессиях, которые ЦК применяет к отдельным лицам, скажем, к организаторам типографий, и прочее. Когда таких людей выводят из партии, они кричат о «небывалом режиме» в партии, кричат «караул» на весь мир.

ВОКРУГ ОППОЗИЦИИ ОРГАНИЗУЕТСЯ ТРЕТЬЯ СИЛА

Но надо помнить, что опасно в той драке, которая идет сейчас, — опасно не то, что есть в нашей партии крыло, которое так далеко зашло в своей оппозиционности, а опасно другое, опасно то, что всегда во время внутрипартийной драки неизбежно пробуждается третья сила в нашей стране и третья сила вне нашей страны. Можно, товарищи, без всякого преувеличения сказать, что тот

нажим, который сейчас на нас производится иностранными империалистами, в значительной степени обусловливается внутрипартийной дракой, которая сейчас происходит. (Голоса: «Правильно!»)

Надо быть Болдуину или Бриану последними дураками, чтобы таким моментом не воспользоваться. Надо быть чудаками, чтобы не воспользоваться этими трещинами и не выступить в качестве третьей силы.

Возьмем, товарищи, хотя бы документ, который написан не Сапроновым, а, если не ошибаюсь, Зиновьевым, в котором трактовался вопрос об опасностях войны. В одном месте этого документа говорилось, что, действительно, опасность войны наблюдается и прочее. Но вот когда приблизится момент войны, то — написано там — каждый рабочий, каждый батрак и бедняк спросит: какая война, во имя чего будет вестись эта война? Если мы, товарищи, такие штуки будем пускать в оборот и если такого рода иллюстрациями будем снабжать ведущиеся уже порядочное время разговоры о термидорианстве, если к этому приснастим тезисы о Клемансо, которые с легкой — или, вернее, с тяжелой — руки Троцкого были брошены сначала в нашей партии, а теперь гуляют и за пределами ее, — после этого нечего удивляться тому, что вокруг оппозиции понемногу начинает организовываться третья сила.

Мы общедоступным языком рассказали, что дело не дошло еще до того, что мы вас, оппозиционеров, обвиняем в организации военного заговора, но ясно, что ваша работа привела уже вас к тому, что около вас начинают создаваться такие-то и такие-то вещи. Факт это или не факт? (Голос с места: «Факт».) Последними чудаками были бы те, которые мечтают о перевороте в духе Пилсудского, если бы они не воспользовались этим. Это надо понять. В мутной воде — каждый охотник половить рыбку. Вот речь о чем идет, и иначе быть не может. Об этом нас неоднократно предупреждал Ильич. Это настолько очевидная истина, что нет ни малейшей необходимости это доказывать. Каждый из вас это понимает. А оппозиционеры изображают из себя святых и говорят: вот мы какие страдальцы. . Речь идет о том, что нашей дракой и вашей дискредитацией партии пользуются все, кому не лень. Дальше, если, паче чаяния, будет развиваться эта внутрипартийная борьба, этим будут еще шире пользоваться враги.

НАША ПАРТИЯ — ЭТО ТВЕРДЫНЯ

Вы знаете, товарищи, что до XV съезда нашей партии осталось немного времени. Вы знаете, что этим остатком времени оппозиция, конечно, постарается воспользоваться как можно более полно. И вы знаете, что она сделает все для того, чтобы под флагом подготовки к съезду, «доведя до сведения партии» свои взгляды, дезорганизовывать нашу подготовительную работу к предстоящему съезду партии.

Товарищи, вы знаете, что мы достаточно много обсуждали в Центральном Комитете нашей партии эту самую подготовительную работу. Я думаю, что Центральный Комитет сумеет обеспечить такое положение, чтобы взгляды и инакомыслящих были партии достаточно известны. Но как бы ни протекала наша дискуссия,

/По решению ЦК в начале ноября 1927 г. началась дискуссия по вопросам порядка дня XV партсъезда. Дискуссия обнаружила полное банкротство оппозиции и высокую сплоченность партийных масс вокруг руководства партии во главе с товарищем Сталиным. — Ред. /

сейчас не подлежит ни малейшему сомнению — после тех обвинений, которые брошены Центральному Комитету, нашей партии в целом, если эти обвинения действительно брошены всерьез, по-настоящему, — добра в партии у нас на ближайшее время не будет. Конечно, вам тут будут изображать дело так, что мы, мол, не боимся того, что мы в меньшинстве, что и Ленин-де был в меньшинстве, но мы знаем, товарищи, что такое был Ленин и как Ленин воспитывал партию. Мы так же прекрасно знаем, что если кто-либо из настоящих или бывших вождей нашей партии вздумает изобразить из себя Ленина, он сломит себе шею в нашей партии. (Аплодисменты.)

У нас, товарищи, в партии остался один только наследник Ленина — это наша ВКП(б)… (Аплодисменты.) Никому другому, товарищи, Ленин партию свою не завещал. Если это верно, а я думаю, что против этого ни один из оппозиционеров возражать не может, тогда и будьте любезны встать перед этим наследником Ленина во фронт (аплодисменты) и изложить ему не так, как здесь изложено, сущность наших разногласий, а изложить их со всей искренностью, со всей прямотой, со всею откровенностью. (Аплодисменты.)

Если разногласия действительно достигли таких пределов, то, очевидно, еще и еще раз накануне величайшего праздника, десятилетия Октября, нам придется вспомнить не только героические минуты Великого Октября, а вспомнить и то, когда люди, играющие теперь такую активную роль в оппозиции, стояли на самых тяжелых, на самых ответственных, на самых решающих постах и пытались предать революцию и предать Ленина. (Голоса: «Позор, позор!»)

Мы много говорили о строительстве социализма в нашей стране, и мне сейчас очень живо

представляется та версия, которую Каменев и Зиновьев развивали тогда. Сейчас нам говорят, что революция в нашей стране без революции в других капиталистических странах — это национальная ограниченность, это узколобие теперешнего ЦК и прочее. (Голос с места: «Это Ленин говорил».) Пусть решают сидящие здесь, и вы не стройте из себя, Бакаев, пастыря нашей партии, не думайте, будто бы без вас никто не знает, что говорил Ленин. Мы великолепно знаем, что говорил Ленин, а сейчас посмотрим, что говорили Зиновьев и Каменев по поводу нашей революции. Они говорили, что только при одном условии мы удержим власть и победоносно выйдем на октябрьские баррикады: если будет революция на Западе; ее там нет, и, очевидно, если и возьмем власть, мы ее не удержим.

Прошло десять лет. Мы десять лет прожили, причем уже три года мы живем без Ленина, строим наше социалистическое отечество и видим, что строим его успешно. И даже наши враги видят воочию, что мы действительно творим великое, огромное творческое дело. Сейчас мы вступаем в новую стадию нашей работы. Сейчас нужно перешагнуть трудное место, и на этом самом месте нам снова и снова говорят: куда вы идете? Что выйдет из ваших намерений в отношении сермяжного крестьянства? Что выйдет с вашей мудрой политикой в деле лавирования в той сложной обстановке, в которой вы сейчас находитесь? Нам снова хотят сказать, что мы сейчас разменяваем на мелкую монету Советскую власть. Говорят это, между прочим, те, которые нас когда-то поучали: «Что будет из тебя, — говорили они, — если ты пойдешь за Троцким?» Не высохли еще чернила, которыми Зиновьев и Каменев писали о том, что если может войти меньшевизм в нашу партию, то он придет вместе с Троцким. Да, он стучится в двери нашей коммунистической партии накануне десятилетия Октября — этот чистой пробы меньшевизм, но они забывают, что наша партия — это твердыня, замки у наших дверей ленинские, замки закаленные, и миллионный обитатель, живущий в этом коммунистическом дворце, никому не позволит осквернить его меньшевизмом. (Бурные аплодисменты.)

ОППОЗИЦИОНЕРЫ ПРЕДСТАНУТ ПЕРЕД XV СЪЕЗДОМ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ МЕНЬШЕВИСТСКО- ТРОЦКИСТСКОЙ СУЩНОСТИ

Из речи на XII партийной конференции Василеостровского района 29 октября 1927 года

Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред.

Товарищи! Я думал, что несколько иначе построю свое небольшое сообщение вам, но тут, к сожалению, порядок дня немножко изменился, и мне придется начать с выступления Бакаева.

Я не стану вас задерживать и не думаю,» чтобы нужно было доказывать всю вздорность утверждений оппозиции. Укажу на один вопрос — о манифесте,

/Имеется в виду манифест ЦИК СССР от 15 октября 1927 г., принятый 2-И сессией ЦИК СССР IV созыва в Ленинграде в ознаменование 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из пунктов манифеста предусматривался переход в ближайшие годы от 8-часового к 7-часовому рабочему дню без уменьшения зарплаты. — Ред. /

документе величайшей исторической важности Бакаев, бия себя в грудь, говорил: Ленин требовал документов, пусть покажут документы. Пусть же он меня опровергнет, что я неправильно излагаю дело. Дело было вот как.

Прежде всего оппозиционеры критикуют манифест с формальной точки зрения, говоря, что он упал на партию, как снег на голову. Между тем даже насчет 7-часового рабочего дня надо сказать, что Бакаев это давно знал и Зиновьев еще раньше знал. Еще при жизни Дзержинского вопрос о 7-часовом дне ставился, но мы не могли сразу вынести его на такую широкую дискуссию.

Дзержинский поставил вопрос так, что надо провести рационализацию текстильной промышленности (переход на большее число станков) при условии сокращения рабочего дня. Так он вопрос ставил: начнем с текстиля и посмотрим, как дело пойдет, а потом — и в других отраслях. Дзержинский считал, что к 7-часовому рабочему дню мы, видимо, подходим.

Но не это особенно обескураживало оппозиционеров. Вы знаете величайшую «доброту» Зиновьева. Уже если нужно отступить, он отступит по-настоящему, он потребует и крестьянскую фракцию и крестьянскую газету, а если двинулись вперед, то как же он помирится с тем, чтобы его обогнали? А вот с 7-часовым рабочим днем обогнали. (У них ведь программа рабочая разработана изрядно: там все предусмотрено, а 7-часовой день выскочил.)

Привали мы с этим проектом на сессию ЦИК, они выступили против манифеста. Манифест делится на две части: вводную — политическую и практические выводы. Ну, конечно, насчет первой части, не боясь нарушить дисциплину, члены ЦИКа готовы были признать, что, может быть, можно было вдвое длиннее написать, перечислить в манифесте все страны мира и так далее.

Конечно, можно, но не в этом же дело. Основное в манифесте — оценка ближайших перспектив. Основное тут — 7-часовой рабочий день, и Бакаев, несмотря на всю свою фракционность, должен будет сказать, что главным образом около этого вопроса и шли все дебаты и на сессии ЦИКа и в любом коллективе. 7-часовой рабочий день — это громадный поворот в нашей политике, имеющий международное значение. Вот товарищи, которые здесь в президиуме сидели /На конференции присутствовала делегация Межрабпома в составе 40 человек. — Ред. /

, они из разных стран приехали, и во всех странах стоит вопрос об удлинении рабочего дня. В частности в Америке, где некуда девать капиталы, речь сейчас идет об удлинении рабочего дня. А у нас как раз наоборот. Мы как будто бы и бедная страна и прочее, а идем к 7-часовому дню.

Вот стенограмма речи Зиновьева на фракции ЦИКа в Ленинграде. Зиновьев говорит: «Я утверждаю, что более демагогического, авантюристического предложения, чем предложение о 7-часовом рабочем дне, в истории нашей партии еще не бывало». (Шум.) И они после этого говорят: на нас лгут, что мы против 7-часового рабочего дня.

Троцкий тоже говорил, что, конечно, нужно обдумать, нужно обсудить и т. д., а к концу решил, что неудобно так ставить вопрос. После этого они внесли добавочное предложение к манифесту, где наряду с небольшими мероприятиями по части рабочего быта предлагали поставить в порядке дня вопрос о 7-часовом рабочем дне. Так стоял вопрос.

Они, видите ли, обижены тем, что вопрос не был поставлен на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, они потребовали нового обсуждения этого вопроса. Но мы люди занятые, у нас работы много. Мы сказали, что вопрос для нас ясен, давайте голосовать, и проголосовали, и они снова голосовали против. Если они возражали против этого манифеста, как сказали Бакаев и Евдокимов, потому что там не говорится о китайской революции, то разве нельзя было им сказать, что мы за манифест голосуем, т. е. за увеличение пенсий старикам, за снижение налогов и т. д., но, если в нем нет

китайской революции, вносим особое мнение?

Но Бакаев говорит, что они голосовали против потому, что там неправильно изложены взгляды на построение социализма. Какая «глубина» теории! Это действительно одно из основных разногласий оппозиции с нашей партией — вопрос о строительстве социализма в нашей стране. И здесь Бакаеву не мешает особенно напомнить, что когда мы два года тому назад, на XIV съезде партии, проводили дискуссию по этому вопросу, то ни один из них открыто не посмел заявить об этом. А сейчас они распахнулись вовсю. Троцкий по крестьянскому вопросу, по вопросу о перманентной революции расцвел во всей своей троцкистской красоте, целиком выплыл, как есть. Я не буду углубляться в вопрос о построении социализма, думаю, что вы достаточно знаете, что об этом говорил Ленин, но, мне кажется, каждый понимает: если с завтрашнего дня действительно восторжествуют взгляды оппозиции на построение социализма в нашей стране, то я бы не сказал, чтобы нашей работе в дальнейшем поздоровилось.

Заканчивая, мне хочется отметить то, что оппозиционеры любят очень часто прикидываться смиренными иисусиками. Такие выйдут несчастненькие, что прямо дальше ехать некуда. А посмотрите, что они делают! Дело сейчас заходит все дальше. Если бы они были только фракционерами, это еще мы как-нибудь переболели бы — в истории партии это бывало. А что мы имеем в действительности? Мы имеем, несомненно, существующий у них руководящий центр, подпольный оппозиционный ЦК. Они имеют совершенно определенную, уже не фракционную, а свою особую партийную дисциплину, имеют нелегальную печать, нелегальные типографии, систематические нелегальные собрания, происходящие параллельно нашим легальным собраниям здесь, в Москве и где угодно. В Москве происходят заседания коллективов, где обсуждаются серьезные вопросы, а нелегально заседает Троцкий, приглашающий к себе своих сторонников. Одним словом, все элементы особой партии в этой троцкистской фракции налицо.

И после этого они орут на всех углах и перекрестках, что их зажимают и т. д. Но мы понимаем, что они не только поколебали партийную легальность, но уже давно перешагнули за пределы партийности, нарушив элементарную советскую дисциплину.

Не дальше как позавчера (думаю, что не ошибаюсь) на квартире у Евдокимова было нелегальное собрание, на котором присутствовал ряд оппозиционеров и в том числе двое с Металлического завода. Что, как вы думаете, они обсуждали: вопрос о строительстве социализма или о кулаке? Нет, обсуждался вопрос о том, как им вести себя дальше. Там были люди, докладывавшие о положении их оппозиционных дел, там подсчитывались их силы; обсуждался вопрос о предстоящих октябрьских торжествах и в частности о той демонстрации, к которой все честные революционеры сейчас готовятся. И вот там шла речь, как им организовать дело так, чтобы получился настоящий эффект, чтобы превознести вождей этой оппозиции. Они готовятся организовать демонстрацию против нашей партии. Говорили о том, какие плакаты нести, как выставлять портреты Зиновьева и Троцкого, как организовать, чтобы кричали «да здравствуют вожди оппозиции». Это все произвело такое тягостное впечатление на товарищей с Выборгской стороны, что самый отчаянный оппозиционер не выдержал и пришел к секретарю партколлектива Головешко и рассказал, что его буквально охватила жуть от всего того, что там говорилось. Нет, говорит, товарищи, больше я не якшаюсь с ними, — я вижу, куда они идут. (Аплодисменты.)

А Бакаев приходит сюда и драматическим тоном заявляет, что при Ленине этого не было. (Бакаев: «Правильно!») Он говорит: правильно. Я также присоединяюсь к этому и говорю: да, при товарище Ленине этого никогда не было! (Бурные аплодисменты.) При товарище Ленине было иначе. Вы все помните дискуссию о профсоюзах, и все помните проступок перед партией Шляпникова. Не кто иной как товарищ Ленин поставил вопрос об исключении Шляпникова из партии. А ведь у него тогда ничего похожего не было на то, что сейчас делается. Мы бы посмотрели на Троцкого и Зиновьева — много ли у них политических ребер осталось бы, если бы был жив товарищ Ленин! (Бурные аплодисменты.) Вся беда заключается в том, что после смерти Ленина некоторые «вожди», как, например, Троцкий, решили посчитать себя прямыми наследниками Ильича. В этом их основное заблуждение. Они не знают, что после смерти великого учителя у нас остался один единственный наследник — это наша коммунистическая партия в целом (бурные аплодисменты), и никто претендовать на эту величайшую честь не может. И если есть воля Ленина, так это, товарищи, воля нашей партии — и никого другого. Вот так надо ставить вопрос. Об этом они забыли. Что для них большинство, что для них ЦК и что для них XV съезд! Они на всех углах и перекрестках дискредитируют XV съезд, требуют, чтобы дискуссия началась раньше, а если это не удастся, то пусть отодвинется съезд. Одним словом, знают люди, что им готовит XV съезд. А между тем на эту трибуну у них были очень большие расчеты, в частности на Ленинградскую организацию. (Голоса: «Сто процентов».)

Насчет ста процентов не выйдет. Они забыли одну историю. Ленинградской организации было очень тяжело и горько, когда два года тому назад она была запутана ловкими дельцами, но она во-время выбралась из этой трясины, она вовремя вышла на тот исторический путь, который всем ходом революции для нее уготован. И как бы ни мобилизовались наши оппозиционеры, какие бы конспиративные квартиры ни готовили в наших районах, какие бы сети ни расставляли для

малосознательных партийцев, составляя разного рода платформы и заставляя их подписывать, — они обожгутся. И мы, зная, что происходит в партии, должны не покладая рук работать, чтобы отвоевать таких товарищей, которых запутала оппозиция. Мы должны сделать все, чтобы к XV съезду партии оппозиционеры предстали голенькими, во всей своей меньшевистско-троцкистской сущности. Тогда партия выйдет более безболезненно из того кризиса, который она сейчас переживает. (Бурные аплодисменты.)

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА

Речь на торжественном заседания Ленсовета, посвященном десятилетию Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1927 года 1

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

(Появление тов. С. М. Кирова встречается продолжительными аплодисментами.)

Товарищи! Всего несколько часов отделяют нас от десятилетия той великой исторической даты, когда ленинградские рабочие, руководимые вождем нашей партии и рабочего класса товарищем Лениным, подняли знамя восстания против капитала.

Товарищи, мы с вами вступили в такую полосу, когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем. Тот праздник, который мы с вами празднуем сейчас, является праздником рабочего класса, праздником трудящихся всего мира. Говорить, товарищи, об истории Октября, это значит говорить об истории революционного движения не только нашей страны, но и об истории революции во всем мире. История Октября — это есть история освобождения всего трудящегося человечества. В этом главное, основное, великое значение нашей Октябрьской революции.

Вы все, товарищи, помните, как развернули мы наше красное знамя десять лет тому назад. Вы все, товарищи, помните, что первый наш выход на баррикады явился, прежде всего, ударом по международному империализму. Огромная страна, находящаяся вместе с другими великими державами в тисках империалистической войны, оказалась выбывшей из мировой бойни. Наши рабочие, солдаты и крестьяне прорвали железный империалистический фронт и этим положили начало наступающим великим мировым потрясениям. Октябрьская революция разнеслась глубокими раскатами по всем странам. Она не только сбросила власть империалистов внутри нашей страны, она пошла гораздо дальше. Она расшатала ту огромную империалистическую цепь, которая своею тяжестью сковывала весь мир. Значение Октябрьской революции во всех ее последствиях в ту пору, быть может, далеко не для всех было понятно. Мы все помним, как тогда наши противники, люди, стоящие по ту сторону баррикады, находившиеся как внутри, так и за пределами нашей страны, приняли то великое дело, ради которого мы вышли на улицу. Многим и многим из них казалось это временным эпизодом, временной волной, которая должна будет скоро схлынуть. Но не прошло много времени, как раскаты революции, раздавшиеся из нашей страны, разливаясь, постепенно, повсюду, стали подтачивать основы империализма в других странах. В целом ряде европейских государств в сравнительно скором времени мы стали свидетелями глубочайших потрясений. В ряде стран мы наблюдали серьезные революционные бури, правда, закончившиеся не так победоносно, как у нас, но во всяком случае решительным образом всколыхнувшие капиталистические устои этих государств. Именно наша революция послужила величайшим толчком к организации рабочих всех стран мира. Особенно потому, что империалистическая война уже создала почву для объединения рабочих вокруг подлинных освободительных революционных знамен. Вы знаете, что с первых же дней империалистической войны, главным образом благодаря настойчивой работе товарища Ленина, во многих странах стали организовываться и усиливаться коммунистические партии. Но решающий толчок был дан нашей Октябрьской революцией. Прошло немного времени со дня Октябрьской революции, как организация передовых рабочих всех стран в коммунистические партии и создание Коммунистического Интернационала стали фактом. Это явилось как бы формальным завершением того великого коммунистического движения, которое началось как отклик нашей Октябрьской революции.

Но и этим, товарищи, не ограничилось великое значение Октябрьского переворота. Раскаты его вскоре почувствовались в тех далеких странах, которые питали и до сих пор еще питают своими соками современный империализм. Миллионы, сотни миллионов рабов, живущих в колониальных и полуколониальных странах, непосредственно восприняли уроки Великого Октября, и в целом ряде этих стран, главным образом на Востоке, мы стали наблюдать развивающееся глубокое национально-освободительное движение. Это создало еще новую угрозу устоям империализма. Империализм оказался подтачиваемым не только изнутри, в своих собственных странах, но он оказался лицом к лицу с угрозой революционной освободительной борьбы в своих колониях. Победоносная борьба рабочего класса в России разбудила громадную толщу до той поры забитых, отсталых, некультурных народов. Великий Октябрь, между прочим, потому, что он совершился в стране, стоящей на грани Европы и Азии, не мог не сыграть исключительной роли в истории восточных стран, восточных колониальных и полуколониальных народов. Угроза современному капиталу, угроза империализму выросла в полном своем объеме.

Тогда даже маловерному, считавшему скоропреходящим эпизодом или случайной вспышкой великие октябрьские события в нашей стране, стало ясно, что история вступила в какую-то новую полосу, перешла какой-то рубикон, что открываются новые перспективы, которые ставят

человечество перед новыми судьбами.

Товарищи, вы знаете, что и до Октября в истории человечества было много революций. Вы знаете, что эти революции потрясали до самого основания организованные, исторически сложившиеся государства, но ни одна революция в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция.

Вы знаете, что человечество за долгие годы своего существования не раз и не два выдвигало величайшие умы, работавшие над вопросом освобождения угнетенных. Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свергали троны, разрушали устои власти господствующих классов, но все же ни одна революция не сделала того, что сделала Октябрьская революция.

Единственная революция в истории народов — Парижская коммуна — на короткое время сумела сбросить угнетателей и сделать серьезную попытку к установлению власти трудящихся. Но вы знаете, что эта попытка была слишком кратковременной, вы знаете, что она закончилась поражением. Для народа эти революции в истории прошлого заканчивались тем, что вместо одних господ у власти оказывались другие, вместо одного угнетателя трудящихся приходили другие. Угнетение и рабство оставались. Человечество не переставало делиться на угнетенных и угнетателей. И только после Великого Октября, после революции, совершенной нами десять лет тому назад, мы действительно сумели до основания разрушить все то, на чем покоилась власть угнетателей. Мы сумели действительно разметать все то, что создавалось помещиками и капиталистами веками, и установить подлинное освобождение трудящихся. Мы с вами впервые в мире организовали рабочее государство в форме наших советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. (Аплодисменты.)

Мы действительно сумели осуществить тот великий демократический уклад, который позволил нашему рабочему классу стать хозяином в своей стране.

Вы помните, товарищи, с каким ожесточением наши враги встретили провозглашение диктатуры рабочего класса в нашей стране? Вы помните, какой горячий спор вели с нами представители так называемой «революционной демократии» на тему о том, сумеют ли рабочие удержать государственную власть в своих руках?

Рабочий разметал препятствия, стоявшие на его пути, и доказал всему миру, что он способен к бою и к победе, что он способен, идя под красными знаменами, взять власть в свои руки.

Но это, казалось, не решало дела, и наши враги на всех углах и перекрестках кричали о том, что «отсталому», «некультурному», недостаточно вышколенному в капиталистических условиях рабочему если и удалось взять власть, то ему не удастся этой власти удержать. Прошли месяцы, и наш рабочий показал всему миру, что он способен не только взять власть, но и удержать ее под руководством коммунистической партии, под руководством нашего великого учителя Ленина. Рабочие нашей страны, в союзе с солдатами и беднейшими крестьянами, взявшие власть и удержавшие ее, сумели найти в себе силы для того, чтобы начать организовывать новое рабочее государство, начать закладывать основы социалистического переустройства нашего государства.

Вы помните первые декреты, которые издала наша Советская власть. Вы помните декрет о мире, который потряс все армии на фронте мировой войны. Вы помните декреты о земле. Вы помните декреты о свободах. Вы помните декреты, которыми мы сумели в короткий срок привлечь к государственной работе широкие слои женщин, наших работниц, трудящихся всей нашей страны. Вы помните декреты об освобождении тех народов, которые претерпевали особое угнетение под сенью царского самодержавия, решение национального вопроса, который как будто старалось, но отнюдь не сумело «разрешить» Временное правительство. Сто пятьдесят народностей, говорящих на разных языках и населяющих нашу страну, действительно, по-настоящему почувствовали полное, решительное освобождение и получили возможность принять непосредственное участие в великой государственной творческой работе.

Это дало нам возможность успешно приняться за осуществление тех гигантских задач, которые стояли тогда перед нами. А задачи, как вы знаете, действительно были необъятны. Владимир Ильич Ленин, руководитель нашей борьбы за социалистическую революцию, в самом начале предостерегал нас, что нам сравнительно легко будет покончить со всем прошлым, раскачать и разбить оковы капиталистов и помещиков, но нам неизмеримо труднее будет строить на этих развалинах рабочее государство, утвердить начала социалистического общества.

Так, товарищи, и произошло. Когда наши враги, как внутренние, так и внешние, убедились во всей серьезности того великого дела, которое мы с вами начали, когда они поняли, что имеют дело не с кратковременной вспышкой, не с коротким историческим эпизодом, а с началом новой великой эпохи, они не преминули мобилизовать все свои силы против рабочих, против пролетарского государства. И вы знаете, как со всех сторон на нашу рабоче-крестьянскую страну двинулись многочисленные полчища наших врагов. И вот отсюда начинаются невероятно тяжелые,

исключительные по своей трудности, страницы нашей Великой Октябрьской революции.

Черные волны нахлынули на нашу страну. Они захлестывали не только наши окраины — был момент, когда гребни этих черных волн подкатывались к самой столице рабочего государства. Огромные хлебородные пространства нашей страны оказались в руках противника. Железные дороги, фабрики и заводы, водные пути — все было парализовано. Наше молодое рабоче-крестьянское государство, рождавшееся в крови рабочих и крестьян, казалось, доживало свою последнюю историческую минуту. Не было той враждебной нам партии внутри нашей страны и за пределами ее, которая не пела бы отходную первому рабочему государству в мире. Момент был настолько тяжел, что рабочим и крестьянам нашего государства приходилось напрягать свои последние усилия, жертвовать своим последним достоянием для того, чтобы сделать новые и новые попытки отстоять то государство, которое мы с вами организовали.

Когда оказывалось недостаточно внутренних сил контрреволюции для разгрома молодого рабочего государства, на помощь белым бандитам приходили великие и малые капиталистические державы. Не было ни одной из них, которая не принесла бы свою черную лепту на дело удушения рабочих и крестьян нашей страны. Не было ни одного правительства в то время, которое не позаботилось бы отведать живой, горячей крови русских рабочих и русских крестьян. Не было ни одной капиталистической державы, которая не протянула бы свой отравленный меч для того, чтобы вонзить его в сердце наших рабочих и наших крестьян.

Было мобилизовано все, было все сделано для того, чтобы потопить в крови Великую Октябрьскую революцию. Внутри страны свирепствовал голод, свирепствовали эпидемии. Рабочие и крестьяне погибали не только на фронтах гражданской войны — они умирали от голода, холода и эпидемий. Были такие мрачные минуты в истории героической борьбы наших рабочих и наших крестьян, когда нашу страну, казалось, должна была погубить тифозная вошь. И тем не менее наши рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии находили в себе все новые и новые силы, чтобы выбираться из этих невероятных теснин. В стране замолкли фабрики, перестали работать заводы, замерзали железные дороги, прекратилось почти всякое общение между отдельными районами нашей страны. Но тем не менее работала великая освободительная коммунистическая мысль, которая находила доступ к самым отдаленным уголкам нашей страны, непрестанно будила, звала на борьбу рабочих, крестьян, трудящихся нашего огромного, занимающего шестую часть земной суши государства.

И несмотря на то, что наша страна была ввергнута в глубокую пропасть, несмотря на то, что уже торжествовали победу все государства капиталистического мира, старавшиеся похоронить нас во что бы то ни стало, мы мало-помалу все же выбирались из этой трясины, из этой глубочайшей пропасти.

Мы знали, что мы вышли на последний и решительный бой, и это, товарищи, решало дело. Каждый рабочий, каждый честный трудящийся крестьянин понимал, что, взявши фабрики и заводы у капиталистов, отняв землю у помещиков, вернуть обратно эти фабрики и заводы, отдать обратно эти помещичьи владения — значит ввергнуть себя снова в такую кабалу, перед которой прошлая кабала покажется раем. Мы знали, что если мы не сумеем противостоять натиску наших врагов, на наших спинах будут совершать победную тризну не только наши отечественные капиталисты и помещики, но что нам отомстят, смертельно отомстят и капиталисты всего мира. Мы знали, когда выходили на первые баррикады Великого Октября, что мы выходим на последний и решительный бой. На наших знаменах кровью лучших из нас было написано: «Смерть или победа», и мы смело шли туда, где была смерть, но мы твердо знали, что, умирая, мы обеспечим победу. (Аплодисменты.)

И мало-помалу, товарищи, в этом стали убеждаться и наши враги. На протяжении долгих и долгих месяцев, которые в конечном счете вытянулись в целые годы, капиталисты всех стран на опыте убедились, что перед ними действительно стоит такая стена сопротивления, преодолеть которую одним вооруженным вмешательством не удастся. Убедившись в этом на опыте, наши противники мало-помалу стали переходить к иным методам борьбы против молодого государства рабочих и крестьян. Они стали пробовать обходные пути, стали искать таких способов, с помощью которых можно было бы незаметно, с тыла, изнутри отравить нас капиталистическим ядом и тем самым вернуть нас в дооктябрьское состояние. Вы помните, что над этой задачей работали как каждая страна в отдельности, так и все они вместе взятые. Мало-помалу из объекта военного вмешательства в наши внутренние дела мы с вами постепенно стали обращаться в объект более сложных международных построений: к нам пытались применить метод «мирного» удушения.

Вы помните международные конференции, которые были, скажем, в Генуе и в Гааге,

/Генуэзская конференция (10 апреля — 19 мая 1922 г.) была созвана в Генуе (Италия) при участии представителей 34 капиталистических стран, стремившихся экономически закабалить тогда хозяйственно еще слабую Советскую Россию. В меморандуме, переданном советской делегации, правительства капиталистических стран предъявили Советской России требование признания всех долгов царского и временного правительств, возмещения иностранцам всех убытков от революции и т. п. Эти требования были отвергнуты советской делегацией, выдвинувшей контртребование:

немедленное признание советского правительства, предоставление займа, аннулирование военных долгов и т. п. Не достигнув никаких результатов, конференция закрылась. В этот период (16 апреля 1922 г.) был заключен в Рапалло (Италия) договор между Советской Россией и Германией о взаимном признании и отказе от всяких претензий. Гаагская конференция (15 июня — 19 июля 1922 г.) фактически являлась продолжением Генуэзской конференции, также не привела к соглашению. — Ред. /

где в центре внимания империалистических держав стоял наш молодой Советский Союз. Вы помните, как постепенно с нами стали разговаривать несколько иным языком, а не только языком оружия, как стали искать других путей решения той исторической проблемы, которая не могла не являться угрозой для империалистов всех стран. Для них было ясно, что на одной шестой части земной суши действительно строится что-то принципиально новое, совершенно не похожее на все то, что было до сих пор, что та революция, которую начали мы с вами, имеет не только чисто русское значение, но что эта революция является международной, и симпатии к ней со стороны трудящихся всего мира с каждым днем усиливаются все более и более. Чем больше зверств проявляли капиталисты по отношению к нам, тем большие симпатии со стороны трудящихся всего мира возбуждали они к нашему молодому Советскому Союзу.

Я напомню вам, товарищи, ту работу, которую проделали империалисты, скажем, на знаменитом историческом совещании экспертов Антанты, происходившем в Лондоне в 1922 г., когда самые просвещенные, самые образованные экономисты Антанты, умевшие разрешать самые сложные международные хозяйственные проблемы, взялись разрешать и ту проблему, которая называлась социалистической революцией в нашей стране. На это совещание экспертов были приглашены люди, самые испытанные в деле удушения народов, в деле закабаления так называемых «отсталых» сотен миллионов колониальных и полуколониальных народов. На этом совещании, как вы, вероятно, помните, была выработана большая программа разрешения того вопроса, каким образом можно приобщить нашу молодую рабоче-крестьянскую страну к «счастливому лону» капиталистических держав, вернуть нашу страну из того «нечеловеческого», по их мнению, состояния, в котором мы с вами оказались. И эти испытанные в деле экономического порабощения народов эксперты записали в своей программе основной и главный пункт, с помощью которого они надеялись пресечь развертывающуюся социалистическую революцию в нашей огромной стране, — под заглавием: «Меры, способствующие быстрому восстановлению России». Они не постеснялись написать пункт, в котором, между прочим, говорится: «В жилище или учреждении иностранца, проживающего в России, не может быть сделан обыск, он сам не может быть арестован без участия или согласия консула. Если иностранец привлекается к русскому суду по уголовному делу, приговор над ним приводится в исполнение только с согласия консула».

Я, товарищи, умышленно воспроизвел перед вами эту справку. Я это сделал для того, чтобы сопоставить перед вами все то действительно непроходимое и невероятное идейное убожество, которым страдает современный капитализм, с тем величием революционной, социалистической мысли, которая развертывалась тогда и которая продолжает развертываться сейчас в нашей стране. И это — просвещенные люди, имеющие вековую тренировку в деле управления государством» люди, которые прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы в деле разрешения международных проблем. И вот в то время, как уже целые годы развертывается в нашей стране революция, расчистившая путь для построения нового социалистического общества, революция, которая уже сумела совершенно и окончательно потопить в пропасти истории класс капиталистов и помещиков, в стране, которая закладывала мало-помалу основы нового человеческого общества, в огромной стране, населенной десятками миллионов людей, в стране, которая, как магнит, притягивает к себе внимание рабочих всех стран и угнетенных всего мира, — к этой стране люди, сидящие в своем империалистическом «раю», предлагают применить столь жалкие рецепты для скорейшего «восстановления» России, восстановления на условиях существующей у них капиталистической системы. Казалось, что у них историческая слепота и они не видят, что нет уже в нашей стране тех элементов, с которыми можно было бы разговаривать на их языке, на языке буржуазных экспертов, и что наша страна забыла даже в своих поминальных записях записать тех, с которыми можно было бы разговаривать на том языке, на каком с нами хотели разговаривать на Генуэзской и Гаагской конференциях, что наша страна давным-давно отбросила в область прошлого весь тот лексикон, который доступен только капиталистическим и империалистическим державам. Они забыли, что нашей стране удалось действительно заново строить жизнь, что хозяином нашей страны является рабочий, для которого угнетатель, какой бы он национальности ни был, представителем какой бы державы ни являлся, является противником, с которым он готов бороться так же, как со своим собственным, отечественным угнетателем. Они забыли, что наши рабочие, взяв власть, начали строить свою жизнь на совершенно других, на совершенно небывалых началах, и что нам вовсе не нужны те консулы, которые призваны оберегать устои капитализма и империализма. Мы вокруг нашего Коммунистического Интернационала воспитываем новых консулов (бурные аплодисменты), консулов, которых еще никто не знает, консулов, которые будут выполнять не постановления экспертов Антанты, а тех консулов, которые будут проводить в жизнь начала Великой Октябрьской революции. Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается (бурные аплодисменты), она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнет своими красными

волнами страны всего мира (бурные аплодисменты), и несомненно сметет в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света.

Вот этого, товарищи, нового исторического обстоятельства в ту пору империалисты не заметили; они предусмотрели, казалось, все, однако не сумели предусмотреть главного. А здесь-то и была гарантия того, что мы с вами из этой невероятно тяжелой, нечеловечески трудной полосы, в которой мы тогда пребывали, освободимся. И действительно, мы понемногу, постепенно начали освобождаться. В то же время, несмотря на кратковременность пребывания у власти, несмотря на очень ограниченный исторический и государственный наш опыт, все-таки мы поняли, что должен быть такой промежуток времени, когда нам волей-неволей придется жить среди волков и поэтому нам надо будет время от времени прибегать к некоторым «волчьим» приемам по отношению к нашим ближним и дальним соседям. (Аплодисменты.)

Мы точно так же, несмотря на всю нашу политическую незрелость (по мнению политиков буржуазии), несмотря на все наше государственное младенчество, все-таки учли этот опыт и воспользовались соответствующим образом теми маневрами, которые были применены в отношении к нам.

Мы также понимали, что беспредельно вести гражданскую войну мы не можем. Мы знали, что, обороняясь на всех фронтах, мы жертвуем последним своим достоянием. Мы знали, что бесконечно пребывать в тех тисках, в которых мы находились, нельзя. Естественно, что мы решили, со своей стороны, воспользоваться и обходными путями, путями обходной войны с нашими врагами.

Вы помните, что именно с этого периода, после этих конференций, а частью и на них, постепенно, понемножку у нас начинаются так называемые деловые отношения с капиталистическими государствами. Я не буду перечислять вам всей этой длинной истории, тех путей, по которым мы с вами шли, тех средств, при помощи которых мы сумели добиться того, что с некоторыми державами мы установили более или менее деловые, более или менее человеческие взаимоотношения.

Некоторая передышка в нашей голодной поре в результате относительного урожая 1922/23 года дала нам возможность по окончании гражданской войны приступить к укреплению нашего внутреннего хозяйства. Историю этой работы вы все, товарищи, прекрасно знаете; история нашей работы на наших хозяйственных фронтах известна в полной и достаточной мере каждому рабочему. Все мы помним, как, выбираясь из той глубокой ямы, в которой мы были в 1920 году, вначале постепенно и очень медленно, а затем быстрее, из года в год мы стали поднимать наше народное хозяйство, осваивать огромные поля, перешедшие от помещиков к нашим крестьянам. Постепенно мы стали эти находившиеся в безнадежном состоянии хозяйства приводить в некоторый порядок.

Тяжелая это была пора, товарищи! Многие с большим сомнением смотрели на то, удастся ли нам среди этой разрухи, среди этой нищеты оживить, привести в действие то достояние, которое мы отвоевали у наших классовых врагов. Но здесь снова и снова настойчивость наших рабочих, твердость нашей пролетарской диктатуры и исторический опыт нашей коммунистической партии дали нам возможность успешно справляться и с этой стороной нашей задачи. Правда, здесь дело шло гораздо труднее, чем в тот первоначальный период нашей революции, когда мы расчищали дорогу для нашего строительства. Здесь положение было иное. Здесь нужно было камень за камнем собирать все то, что уничтожалось во время империалистической и гражданской войны.

Но тем не менее мы все-таки сумели подняться на ноги. В нашей промышленности, по сравнению с тем, что было, скажем, в 1913 году (если считать уровень 1913 года за 100), мы в 1920 году, в период максимальных разрушений в нашей стране, сумели скатиться всего-навсего до 17 %, а в последующие годы мы стали из года в год подниматься все выше и выше по хозяйственной лестнице: в 1921/22 году мы поднялись уже на 25 %, в 1922/23 году — на 35 %, в 1923/24 году — на 46 % и, наконец, в 1926/27 году мы с вами сумели отпраздновать полное хозяйственное восстановление нашей страны. (Аплодисменты.)

Мы знаем, товарищи, что империалистическая и гражданская войны в страшной степени разорили наше сельское хозяйство. Вы знаете, что лучшие из наших хлебных районов непрерывно переходили в период гражданской войны из рук в руки. Крестьянину не до того было, чтобы бережно смотреть за своей крестьянской полосой. И действительно, мы стояли лицом к лицу с тем, что урожайность наших советских полей к периоду 1920 года упала до чрезвычайно мизерных размеров. Если в так называемое мирное время наш крестьянин имел со своей десятины 62–65 пудов, то в тяжелый период гражданской войны эта урожайность снизилась ровно вдвое; если наш крестьянин получал в мирное время с десятины 80 пудов хлопка, то в период наибольшей тяжести гражданской войны эта десятина давала всего 14 пудов.

Все эти цифровые данные, которые я считал необходимым привести, должны нам еще и еще раз напомнить то состояние, в котором мы так недавно еще находились, для того чтобы лучше понять и уяснить те достижения, которые мы в настоящее время, товарищи, имеем.

Я думаю, что не грех нам, празднующим наш великий Октябрьский праздник, вспомнить не только

о том, где у нас давит, что у нас плохо и не устроено. Я думаю, что по законам всех праздников полагается нам вспомнить и о тех достижениях, которые мы, товарищи, имеем. Я бы спросил вот хотя бы тех же экспертов, заседавших в свое время в одной из лучших капиталистических столиц, пусть бы они порылись в своей просвещенной памяти и напомнили нам, отсталым русским рабочим и русским крестьянам, хотя бы один пример в истории человечества, в истории капиталистического периода существования этого человечества, когда бы народ — пусть он будет дважды европейским — сумел бы из такой трясины, из такой глубокой пропасти, в которой мы находились в 1920–1921 годах, выбраться в такой короткий срок на тот уровень достижений, который мы имеем к десятилетию годовщины нашего Великого Октября. (Бурные аплодисменты.) Было бы, товарищи, очень хорошо, если бы они, эти почтенные буржуазные эксперты, рассеяли наши недоумения и привели бы нам пример того, чтобы народу, разоренному внутренними и внешними врагами, народу, который находился одной ногой буквально в могиле, народу, управляемому рабочими, решительно без всякой внешней помощи, а, наоборот, при самом зверском, при самом бешеном противодействии работе со стороны всех других правительств, удалось бы изжить все те болезни и печали, залечить все те раны, которые у нас были в 1920–1921 годах. Наша пролетарская память такого примера в истории человечества не знает. Наша пролетарская наука, перерыв все фолианты самых героических, самых возвышенных периодов существования человечества, таких успехов в построении нового общества не видела. Не было еще в истории человечества такой поры, когда жизнь трудящихся строил бы своими руками новый, молодой, не бывавший еще у кормила правления класс — класс рабочих. (Аплодисменты.)

У наших просвещенных противников существует мнение о диктатуре пролетариата, как о чем-то только уничтожающем, разрушающем, сокрушающем. Пролетарская диктатура, действительно, имеет за собой много сокрушенного, много разрушенного — ровно столько, сколько надо для того, чтобы молодому классу рабочих победить. Молодому классу, классу рабочих, для того чтобы добраться к своей диктатуре, нужно, действительно, очень основательно и решительно разрушить все то, что стоит на его пути. (Аплодисменты.) Но когда пролетарская диктатура переходит к своей творческой, положительной работе, она не знает границ своему молодому, возвышенному творчеству, она не знает таких препятствий и таких трудностей на пути этой творческой работы, которые бы были непреодолимы. Только этим, и ничем иным, объясняются те действительно исторические успехи, которые мы, товарищи, к десятой годовщине нашего Октября имеем.

Мы, товарищи, строим наше общество не только так, чтобы умножать наши национальные богатства. Нет, перед нами стоят гораздо более сложные и серьезные задачи. Мы каждую минуту должны смотреть за тем, чтобы в этом умножении богатств все большую и большую роль играли те начала, ради которых мы поднимали великое Октябрьское знамя, те начала, которые называются социалистическими началами. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области нашей торговли — во всех отраслях нашей работы мы ни на одну минуту не должны забывать И не забываем того, что мы не просто строим новое общество, но мы строим социалистическое общество, мы строим такое общество, где действительно будет настоящее царство свободного труда, где будет действительно полное, настоящее равенство, где уничтожится без остатка все то, что называется неравенством между людьми. Раз это так, то, очевидно, все линии, все грани нашей работы должны определяться под этим углом зрения.

К десятой годовщине нашего Октября мы в этом отношении можем совершенно спокойно, совершенно твердо подвести итоги нашей работы. Мы сумели, товарищи, обобществить во всем нашем народном хозяйстве — не только в промышленном, но и в сельском хозяйстве — к 1927/28 году свыше 40 % того валового дохода, который мы из года в год получаем.

/Удельный вес обобществленного сектора в народном доходе в 1927/28 г. равнялся 51,7 %. («Контрольные цифры народного хозяйств» СССР на 1929/30 г.», изд. Госплана, стр. 468.) — Ред./

Конечно, сорок процентов — не сто процентов, но, товарищи, и годы нашей работы исчисляются ведь пока что только единицами. Мы с вами, товарищи, празднуем десятилетие Октябрьской революции, но на протяжении этих десяти лет мы добрую половину времени употребили на то, чтобы отстаивать нашу рабоче-крестьянскую страну от покушений на нас с разных сторон, и только половину десятилетия мы сумели использовать для так называемой положительной творческой работы. И за это время мы сумели обобществить, как я вам говорил, свыше сорока процентов всего нашего общего национального дохода. Вы знаете, что, заканчивая наше десятилетие, партия и правительство намечают новые пути для дальнейшего более быстрого и более энергичного обобществления нашего национального достояния. Вы знаете, мы принимаем ряд мер в деле более решительного развития нашей промышленности на уже совершенно новых основаниях. Мы не просто идем по пути индустриализации нашей страны, но мы в ближайшие годы должны, как вы знаете, совершенно реконструировать наше промышленное хозяйство. Мы должны также принять и принимаем ряд мер к более энергичному обобществлению нашего сельского хозяйства. Это также стоит в порядке дня работы как нашей партии, так и нашего советского правительства. И я думаю, что у нас нет решительно никаких оснований сомневаться в том, что мы сумеем должным образом справиться с этой задачей при той огромной поддержке, которую имеют в стране наша партия и наше правительство, при активной поддержке населения, рабочих и крестьян, при твердости

рабочего класса, уверенно держащего в своих руках диктатуру. Я думаю, что мы сумеем разрешить эти наши задачи достаточно полно и достаточно успешно.

Товарищи, около нас, как вы знаете, не прекращаются еще разговоры на тему о том, что мы все-таки не сумеем разрешить тех исторических задач, которые мы выдвинули, прежде всего потому, что мы слишком некультурны, слишком отсталы. Что мы, товарищи, недостаточно культурны — об этом никто не будет спорить, что мы еще недостаточно опытны в деле строительства нового общества — это также всем известно. Это известно и нам. Но что мы не забываем и ту сторону дела, которая называется поднятием культурного состояния нашего населения, — это тоже вне всякого сомнения. Несмотря на все наши недостатки, несмотря на нашу бедность, несмотря на то, что ни один «американский дядюшка» нам до сих пор не оказывает никакой помощи, мы все-таки умеем находить средства не только для того, чтобы возводить гиганты в нашей промышленности, подводить новые фундаменты под нашу промышленную технику, но мы также находим силы и средства для того, чтобы реконструировать мозги нашего населения. Мы уже делаем все к тому, чтобы не только перестроить наше хозяйство, перестроить наш быт, но мы также немало уделяем средств и внимания тому, чтобы перестроить и умы не только того населения, в руках которого находятся основные знамена нашего государства, но и того, которое еще в отдельных своих звеньях недостаточно притерлось к режиму пролетарской диктатуры в нашей стране.

Мы ни на минуту не забываем того, что до тех пор, пока наша страна не будет поголовно грамотной, нам переустраивать жизнь будет вдвое тяжелее. Вслепую итти, хотя бы и с каким угодно энтузиазмом, нельзя за нашими великими знаменами. Нужно не только сердцем, но и умом охватить те великие заветы, которые нам оставил Владимир Ильич. Теперь, к десятому году нашего существования, мы достигли того, что сумели выделить из нашего государственного бюджета на дело народного образования ровно вдвое больше на душу населения, чем это делалось тогда, когда у власти стояли капиталисты и помещики. Мы, товарищи, делаем все к тому, чтобы возможно шире и возможно глубже распространить в нашей стране и печатное слово. Если в 1913 году в старой царской империи все газеты имели тираж в 21/2 миллиона экземпляров, то наши советские, коммунистические газеты расходятся сейчас по всей стране в три раза большим тиражом. То же самое и с книгой.

Товарищи, почему я останавливаюсь на этой, казалось бы, небольшой детали нашей общей работы? Есть, скажут, более серьезные и более яркие звенья нашей работы. Не подлежит никакому сомнению, что, переходя во второе десятилетие нашего социалистического строительства, мы должны о культурном фронте вспоминать все чаще и больше. Если мы сумели не только наших друзей, но и наших врагов убедить в том, что мы достаточно опытные зодчие, для того чтобы строить Волховстрой и Днепрострой, то нам надо точно так же подготовить себя и в культурном отношении в самом широком смысле этого слова.

Нам нужно сделать все к тому, чтобы наше огромное 150-миллионное население действительно имело в своих руках ключ ко всем тем достижениям, которые имеются у современного человечества. Подобно тому как на фабрике и заводе мы используем с вами сейчас технические достижения всех и каждого, для того чтобы применить все это у себя, то же самое мы должны сделать и в отношении культурных достижений по всем разветвлениям человеческого ума и науки. Мы должны все ценное брать и пересаживать на нашу плодородную молодую советскую землю, взращивая это в условиях нашей советской жизни. В ближайший период нашей работы мы должны этому уделить максимум внимания. Попутно мы рассеем окончательно те легенды, которые, правда, мало-помалу уже начинают замирать даже в среде наших врагов, где уже перестают изображать нас первобытными троглодитами.

Дальнейшая наша работа, будем надеяться, покажет нашим врагам, что и в этой области работы, в этой полосе нашего строительства мы также будем не последними. При всей нашей отдаленности от признанных культурных центров, невзирая на все препятствия, мы найдем в себе силы и средства для того, чтобы и здесь открыть новые перспективы и новые горизонты для нашей дальнейшей работы.

Мне необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое, как мне приходилось слышать, особенно сильно и особенно, так сказать, осязательно поражает наших противников.

Вы знаете, что наша страна за последние годы явилась в полном смысле Меккой для всех угнетенных. Вы знаете, что в наших городах и вообще в нашей Советской стране перебывало за последние годы большое количество разного рода делегаций. В составе этих делегаций были не только рабочие, но и люди разных классов, разных партий и разных убеждений. И всех их, помимо всего прочего, поражает цветущее физическое состояние нашего населения. Они все еще живут информацией подчас 1920–1921 годов — информацией, сообщавшей, что у нас в Поволжье люди ели людей, жарили своих собственных братьев и сестер. Они забывают, что с того времени прошли годы и мы не только перестали есть друг друга, но потихоньку-помаленьку начинаем входить в русло самого настоящего человеческого существования. Хотя мы с вами далеко еще не имеем всего того, что мы хотели бы иметь, хотя у нас изъянов, невзгод, недостатков, безработицы и т. д. еще очень много, хотя нужда у нас веет еще изо всех щелей, — это мы видим лучше всякого дальнозоркого

иностранца, — но тем не менее их поражает то, что не только прекратилось вымирание населения нашей страны, а наоборот, не в пример прочим, чрезвычайно крепко как будто бы стоящим капиталистическим державам, где каждый лишний родившийся младенец считается большим достижением, не в пример этим странам, повторяю, у нас не только не замечается убыль нашего советского населения, нашего рабочего, крестьянского, в том числе беспартийного и коммунистического (смех) населения, а наоборот — идет совершенно исключительный рост, идет быстрое умножение населения нашей страны. (Бурные аплодисменты. Смех.)

Если, товарищи, при царе, несмотря на все тогдашнее «благоденствие» (тогда ведь было все тихо, народ, что называется, «благоденствовал»), если при царе на 1 000 человек в год в 1913 г. родилось 45,3 младенца, то у нас, в Советской стране, на 1 000 родилось 46,9. (Аплодисменты.) Если в 1913 г., несмотря на все внешнее благополучие тогдашней царской России, на 1 000 умирало 29 человек, то у нас в 1925 г. умерло на 1 000 только 25 человек. Если в 1913 г. прирост населения составлял 1,6 %, то у нас прирост равняется 2,1 %. Эту справку, товарищи, я вам даю для того, чтобы привести, так сказать, еще свидетельство того, что действительно выходит даже и по чисто физиологическим законам, что дело, ради которого мы боремся десять лет, даже по этой линии показывает плюсы. (Аплодисменты.)

И мы, товарищи, знаем, что чем дальше мы будем углубляться в дело непосредственного устройства нашей новой жизни, тем все больше и больше будем убеждаться в нашей не только хозяйственной, не только экономической, не только классовой, но и общеисторической правоте. Это, товарищи, является бесспорным давно, с тех самых пор, как была написана Марксом его великая книга.

Наша задача заключается в том, чтобы на опыте, на практике все, что там написано, претворить в жизнь и показать трудящимся всего мира, что мы действительно строили не временное, не эфемерное, а настоящее, подлинное новое общество, которое зародилось десять лет тому назад. Мы будем иметь величайшее счастье присутствовать на похоронах того старого общества, на смену которого пришло наше новое общество, и не только в нашей стране, но и во всем современном капиталистическом мире. (Продолжительные аплодисменты.)

На-днях, товарищи, в одной из польских газет, в «Польска-Сбройна» (орган польского военного министерства), была помещена статья, посвященная нашему десятилетию. Автор этой статьи — пожелаем ему долгоденствия — за десять лет убедился в той истине, которую он сообщил в своей статье: «Десятилетие Советов — это не пустой звук». (Смех.) Слава тебе, создатель, добились мы все-таки, что десятилетие нашего существования оказывается не пустым звуком. Я думаю, что будет время, когда убедятся в том, что десятилетнее наше с вами существование не только не пустой звук, но что это такой полный и громогласный звук, который разбудит наконец все те огромные миллионы трудящихся всего света, которые, организуясь вокруг великих Октябрьских знамен, присоединяясь к ним не только платонически, сердцем и умом, выйдут наконец активно на ту великую дорогу, которая называется Октябрем. (Продолжительные аплодисменты.) Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетенный, каждый эксплоатируемый, если он действительно всерьез хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это дорога Октября — и никакая другая. (Продолжительные аплодисменты.)

Всем вам известна, товарищи, роль ленинградского пролетариата в Великой Октябрьской революции — я думаю, что об этом нам долго и много говорить не пристало. Я думаю, что не только мы, но и все те, которые знают историю Октября, они 'знают и историю ленинградского пролетариата. В первой когорте вышел ленинградский пролетариат на октябрьские баррикады, вышел, казалось, один, но не прошло много дней, как следом за ним громадные миллионы трудящихся всей нашей страны пошли на дело великого освобождения. С той поры ленинградский пролетариат, живущий в том городе, который носит имя основоположника нашей партии, великого учителя и воспитателя нашего рабочего класса, ленинградский пролетариат все это десятилетие шел в первой колонне.

Я думаю, что, не вдаваясь в дальнейшие воспоминания о значении и роли лучшей когорты наших рабочих — ленинградских рабочих, мы должны сказать только одно: десять лет ленинградский рабочий шел в первых рядах, в первых рядах он пойдет и впредь. (Аплодисменты.)

И, наконец, товарищи, последнее — то, о чем нам, невзирая на весь наш праздник, необходимо помнить. Те достижения, которые я, как мог, старался напомнить вам, приковывают внимание не только наших друзей, но, как вы знаете, и наших врагов. Я вам указывал на тот период нашей революционной истории, когда внимание всех капиталистических стран было сосредоточено вокруг нашего Советского Союза.

За последнее время, именно как раз на рубеже этого нового десятилетия, против нас, как вы знаете, снова и снова собирают силы разные державы, разные правительства капиталистического мира для того, чтобы еще и еще раз попробовать пресечь победоносное шествие нашей революции. Они основательно заботятся о мобилизации и организации сил против нашего Советского Союза. Вы

также знаете, товарищи, что наше правительство чрезвычайно бдительно следит за этой новой расстановкой сил и делает все к тому, чтобы сохранить мир.

Но, товарищи, надо знать, что существование мира зависит не только от нас, но и от наших противников. И поскольку мы видим подготовку там, нам ни одной минуты не нужно почивать на лаврах, хотя бы и в день нашего десятилетия, а наоборот, каждую минуту думать о возможной новой вооруженной интервенции по отношению к нашему Советскому Союзу.

И вот здесь, товарищи, самой конкретной, самой близкой, самой непосредственной для нас должна явиться забота о нашей дорогой Красной армии. (Аплодисменты.)

Наша Красная армия, товарищи, родилась в огне и в буре. Эту Красную армию рабочие и крестьяне вынесли на своей горячей груди. Эта армия сейчас организована в железную, твердую, проникнутую пролетарским сознанием когорту. Около нее нам нужно сейчас сосредоточить самое исключительное, самое большое внимание. Надо сделать все к тому, чтобы наша армия чувствовала себя еще крепче, еще лучше, еще более близкой к тем миллионам наших трудящихся, из сыновей которых состоят наша Красная армия и наш Красный флот.

Дальнейшая наша усиленная работа на хозяйственном фронте и на всех остальных фронтах будет являться лучшим ответом на новые угрозы, которые нам сейчас готовят.

И, наконец, товарищи, если мы с вами в великие Октябрьские дни были не одни, то за десять лет нашей тяжелой работы мы приобрели множество сторонников. Вы видите здесь сидящих представителей многих и многих отрядов рабочей армии. (Аплодисменты.) На наш великий революционный Октябрьский праздник съехались представители трудящихся и угнетенных буквально со всего света, жаждущих побывать у нас, отпраздновать с нами десятилетие Великого Октября. Один из наших друзей в Англии говорил, что если бы двинули на праздник советов всех тех рабочих и трудящихся Англии, которые желают поехать, не хватило бы всего огромного английского флота, для того чтобы их перевезти на Советскую землю. (Аплодисменты.) И это, товарищи, несомненно так. И на Западе, и на Востоке, на самых далеких и забытых островах, сегодня, завтра и в ближайшие дни, когда будет раздаваться набат наших октябрьских призывов, трудящиеся всех уголков земного шара, несомненно, будут смотреть только туда, где развевается красное знамя Великого Октября. Это новые наши союзники, товарищи, это новые помощники в том великом деле, которое мы с вами начали десять лет тому назад.

Я начал, товарищи, с того, что сказал: Октябрьская революция это не только наша революция, это революция, открывающая двери к свободе трудящимся и угнетенным всех стран света.

И вот, товарищи, завтра, — вы слышите уже, как история начинает отбивать удары на своих тяжелых часах, — когда она будет бить эти исторические десять лет, не забывайте, что сотни миллионов трудящихся и угнетенных всего света вместе с нами будут петь великий интернациональный гимн, объединяющий трудящихся и угнетенных всего мира против вековых угнетателей и эксплоататоров. Помните, товарищи, что те, кто за этот десятилетний путь оказались лишенными такого великого счастья, которое мы сейчас с вами переживаем, те, жизнь которых порвалась раньше, чем наша, те, которых мы похоронили преждевременно, так же как преждевременно похоронили нашего великого учителя Ленина, — все наши жертвы, все наши невзгоды, вся кровь, которую мы пролили, послужат великому оплодотворению той земли, которую мы с вами десять лет тому назад вышли освобождать от темноты, невежества, несправедливости, угнетения и издевательства со стороны сильных всего капиталистического мира.

Да здравствует же мировой Октябрь! (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

ВСЕ, ЧТО ПУТАЕТСЯ ПОД НОГАМИ, ДОЛЖНО БЫТЬ ОТБРОШЕНО, А НАМ С ВАМИ ДОРОГА ТОЛЬКО ВПЕРЕД И ТОЛЬКО К ПОБЕДАМ!

Речь на XV съезде ВКП(б) 5 декабря 1927 года

Товарищи, у нас список ораторов непрерывно претерпевает неожиданные изменения. (Микоян: «Аварии!») Предупреждают одного оратора, а приходится говорить другому. Происходит это потому, что мы слишком, так сказать, добросовестно хотим выслушать представителей оппозиции. (Голоса: «Правильно!») Предоставили слово Смилге, но вы знаете, что этот бывший вождь оппозиции давно разучился ходить своими собственными ногами (возглас: «Его Троцкий носит!»), поэтому он даже на трибуне партийного съезда не желает появиться по первому приглашению. (Смех.)

Товарищи, прежде всего следовало бы парочку слов сказать об оценке общей политики ЦК. Здесь по этому поводу говорилось довольно много, достаточно много о политике ЦК говорили на губернских и областных партийных конференциях. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, несмотря на все Злобные пророчества и предрекания, идущие со стороны оппозиции, два года, прожитые нами, являют собой огромный кусок исторического дела, которое мы с вами делаем десять лет.

Я понимаю нервозность представителей оппозиции. По-моему, здесь многие товарищи выражали простую несправедливость по отношению к ним. Ведь вовсе не за три месяца до съезда, тем более — не за месяц до съезда, тем более — не во время дискуссии, а два года тому назад оппозиция предрекала нашей партии, ее политике неизбежную гибель. Люди спали и во сне видели всякие новые, чрезвычайно сложные и серьезные затруднения, которые дадут им почву, чтобы развернуть свою платформу, свою программу. Представьте себе их положение: прождавши с таким огромным напряжением и с жадностью этих особо серьезных затруднений и невзгод над головою Советского Союза и нашей партии, теперь, через два года, они приходят на съезд — и что они должны сказать? Раковский, выйдя на эту трибуну, начал рассказывать о таких вещах, о которых мы до некоторой степени осведомлены. Как он начал речь? «Товарищи, — сказал он, — земля имеет форму шара (смех); на этом шаре мы занимаем одну шестую часть, а наши противники — пять шестых частей; подумайте, во сколько раз противник нас превосходит по численности, по капиталу и по прочему». (Смех. Аплодисменты.)

В докладе генерального секретаря ЦК говорилось достаточно о международном положении. Раковский, если не ошибаюсь, знает не только западные, но и восточные языки, и он должен был знать, что эту шестую часть мира ни в какой степени просто, арифметически с пятью шестыми нельзя сопоставлять. (Смех. Возгласы: «Правильно!») В том-то и секрет, глубокоуважаемый дипломат, что мы — шестая часть, против нас пять шестых, и пока что мы побеждаем. Я думаю, товарищи, что всем вам известно, почему и как это происходит.

Чем объяснить такую беспомощность оппозиции? Тем достижениям, той линии партии, которую мы проводили, противопоставить решительно нечего. Полагаю, мы сумеем еще выслушать последних ораторов из оппозиции, но я думаю, что нового они ничего не прибавят. Не прибавил ничего и Евдокимов, хотя он, как говорится, человек прожженный в таких делах, но тут у него язык отнялся. Человек он в достаточной мере тренированный, а тут пришлось по бумаге излагать те обвинения, которые они предъявляют нам, и те нужды, которыми, видите ли, болеет рабочий класс. Мы, правда, должны уступить пальму первенства представителям оппозиции: они о нуждах рабочего класса знают, конечно, неизмеримо больше, чем мы все вместе взятые! Потому что вот вы заседаете в таком блестящем дворце, а Зиновьев пребывает в рабочем квартале, в рабочих квартирках, за постненьким чайком! Он непосредственно ощущает, какой сапог и в каком месте жмет рабочему классу. И вот он устами Евдокимова изложил, что вот — заработная плата, 7-часовой рабочий день, против которого они, как известно, голосовали, что вот жилищная нужда и прочие вещи, — все это такая новость, что дальше, как говорится, и ехать некуда. А куда же все-таки делось все то, что было изложено представителями оппозиции в том самом знаменитом евангелии, которое называется платформой оппозиции, ибо в Ленинграде заявляют, что это евангелие имеет особо авторитетный источник? Говорят, что в его составлении участвовало не более, не менее как 200 оппозиционных евангелистов, и поэтому, действительно, там сосредоточена вся соль оппозиционной мудрости, хотя количество здесь не находится ни в каком соответствии с идейным качеством! (Голос с места: «Талмуд!») Повторять все изложенное в платформе не приходится. Но я напомню вам одно место из этой самой платформы, которое суммирует весь символ веры оппозиции, все те обвинения, которые она предъявляет ЦК партии, нашему партийному руководству. Оппозиция говорит: ЦК партии готов платить долги. Не сказано, какие — иностранные, конечно, но не сказано — военные, довоенные или какие-либо другие (голос с места: «Для них все равно!»); ЦК, мол, ведет такую политику, что готов не сегодня-завтра сдать в архив монополию внешней торговли; ЦК партии будто бы склонен отказаться от той позиции, которую наша партия занимала до сих пор по отношению к национально-революционному движению против империализма. И, наконец, ЦК обвиняется в расширении политики нэпа, в переходе на рельсы

неонэпа, а отсюда, конечно, два шага до расширения политических прав нэпмана. И дальше, если признать эти пункты, тогда делается следующий вывод: мы стоим, дескать, накануне ликвидации диктатуры пролетариата, накануне ликвидации Советской власти.

Что нам теперь преподносят, товарищи? Где их разговоры о том, что мы термидорианцы, что мы и то и другое? Выходят и начинают разводить философию насчет заработной платы, 7-часового рабочего дня и насчет таких вещей, которые будто бы сейчас жмут рабочих.

В чем же дело? Дело в том, что банкротство их к XV съезду выявилось полное, абсолютное и решительное. Евдокимов все еще по инерции говорит: вот мы за единство, вот наш «левый сектор», как сегодня говорил Раковский, вот он готов принять все меры к тому, чтобы сохранить единство. Товарищи, ведь это все пустой разговор! Об этом можно было на не совсем квалифицированных собраниях три месяца тому назад разговаривать, но здесь, сейчас — о каком единстве можно говорить? О какой угрозе расколом нашей партии? Что, товарищи, здесь на съезде, имеется? Что это вот здесь, разве это не единство среди сотен и сотен наших делегатов? Где же после этого партия? И после этого выходят и болтают, что они с удовольствием готовы стоять за единство, что рабочий класс только и дышит тем, как бы Евдокимов не оказался вне партии. Беспокоит это, товарищи, и тех, которые уже за пределами партии. Наряду с тем заявлением, о котором здесь рассказывалось, в президиуме есть еще другое заявление за подписью лиц, которые теперь не состоят в партии. Они там, присоединяясь ко всему вышеизложенному в заявлении 121, просят съезд о восстановлении их в партии. Конечно, молчаливо, они, вероятно, думают, что ежели это событие не совершится, то рабочий класс будет метаться из стороны в сторону, революция получит новую угрозу и прочее и прочее. Здесь не присутствует Троцкий, его следовало бы при этом вспомнить. Он был большим мастером измерять одинаковые расстояния разной величиной. Я думаю, что здесь это точно применимо. Товарищи, за последнее время, за год-полтора, оппозиция сделала для партии, для рабочего класса, для диктатуры столько, что оказаться ей за пределами партии — дорога очень небольшая, но вернуться обратно — дорога бесконечно длинная. (Аплодисменты.) И я не знаю, хватит ли жизни даже у такого молодого из оппозиционеров, как, скажем, у Саркиса, чтобы эту долгую дорогу возвращения в партию преодолеть. Так, товарищи, дело сейчас обстоит. (Голоса: «Правильно!»)

Ведь в самом деле, мы за время внутрипартийной борьбы, за время долгой дискуссии на протяжении двух лет привыкли ко многому! Нас совершенно не трогают такие вещи, как нагорная проповедь Лашевича в лесу; мы не обращаем внимания на то, каким образом, скажем, был вознесен на руках «видных вождей» Смилга в вагон; мы также не интересуемся и тем, как реагировал ленинградский пролетариат, о котором Здесь так горячо взывал Евдокимов и о котором он говорил, что пролетариат только и жаждет, когда же Евдокимов и Смилга снова будут руководителями; мы не интересуемся тем, как в великую годовщину Октября этот самый пролетариат вознес Зиновьева не больше, не меньше как на 4-й этаж небольшого особняка, вместо того чтобы дать ему непосредственную возможность ощущать все величие нашего большого праздника! Товарищи, дело действительно зашло очень далеко и приучило нас к самым невероятным событиям в нашей партии, — к таким, которым Владимир Ильич, конечно, дал бы немедленный решительный отпор. И вот они сейчас здесь, бия себя в оппозиционные перси, взывают: вот если бы был Ленин, то, конечно, не было бы того-то и того-то. Во-первых, Ленин беспощадно боролся бы за уничтожение оппозиции, и я думаю, что вне партии представители оппозиции оказались бы, несомненно, раньше, чем это произошло без Ленина. (Аплодисменты.) Это вне всякого сомнения. Можно, конечно, товарищи, на многом играть, но есть все-таки у нас в партии такие вещи, по поводу которых злословить недопустимо ни для кого, даже для самых старейших и самых заслуженных из нас. Я говорю об единстве партии. Об этом ведь здесь так же взывал и Раковский, он тоже говорил, что весь мир, весь международный пролетариат жаждут единства и прочее. Это, товарищи, лицемерие! А что есть на самом деле? Они выходят сюда и со слезой, лживой, оппозиционной слезой говорят о том, как им дорога партия, как им трудно закрыть дверь, выходя из партии, и т. д. Есть из них, конечно, и такие, которые хлопнут, но есть и такие, которые осторожно будут закрывать дверь. Но что делают они одновременно сейчас?

Сейчас у них в Ленинграде находится Сафаров, который, в то время как они писали вот эту бумагу, где они «болеют» за единство, — в то время Сафаров в Нарвском районе, в Ленинграде, собирает нелегальное подпольное собрание, нашпаргаливает публику и говорит: у наших вождей хребты разные — есть такие, которые могут и готовы на рожон переть до последней степени, но есть и не особенно смелые: написать могут все, что угодно, но как доходит до дела, то хотя среди них есть и старые, заслуженные, которые состояли одно время в учениках Ленина, но насчет гаек у них дело слабовато.

Так вот, чтобы не произошло что-нибудь неожиданное, — а у нас есть сомнения насчет некоторых (я не знаю, кого Сафаров имеет в виду, но злые языки говорят, что будто бы некоторых наших ленинградских земляков), — так вот, чтобы этого не произошло, необходимо организовать демократию и пододвинуть эту демократию отсюда, из Ленинграда, на Москву, чтобы подпереть вождей на эти ультраоппозиционные действия. Вот как складывается единство в делах и в словах почтенной оппозиции! Я думаю, что это лишняя иллюстрация, чтобы судить о значении тех

бумажек и документов, которые нам здесь предлагают. Правда, мы здесь видели большое количество документов, мы слушали их присягу, мы неоднократно приводили их к присяге, и эта присяга была даже с свидетелями, но все это перевертывалось. Перевертывается это, товарищи, и теперь. Нужно быть дважды смелым Троцким, чтобы явиться на такой съезд и сказать: вот как я до сих пор делал — устраивал нелегальные собрания, нелегальные типографии и всякие штуки — так и теперь будет. Я думаю, что такой смелости ни у кого не хватит.

Конечно, об этом приходится помолчать, в кулачок помолчать, и здесь изобразить дело так: да, конечно, был такой грех, немножко накуралесили, немножко нашкодили, теперь мы от этого отказываемся, но свои идейные позиции, потому что они у нас «ленинские», мы не оставляем, будем защищать их и теперь. Они в Питере на нелегальных собраниях изображают свое положение так: в свое время у нас Ленин в июльские дни тоже отсиживался. Они точно так же изображают себя и от своих идейных позиций отказываться не хотят.

Все обвинения нашей партии, все основные пункты наших принципиальных программных разногласий, о которых говорил товарищ Сталин, — все это они оставляют незыблемым, оставляют для того, чтобы при первом удобном случае снова и снова развернуть свою оппозиционную платформу, для того, чтобы снова и снова дать лишнюю горячку, лишнюю встряску партии. Я думаю, что какие бы планы они ни строили, как бы они ни угрожали партии, в случае ежели они останутся вне партии, — а мне, грешному человеку, кажется, что им негде оказаться, кроме как вне партии (аплодисменты), — то здесь ничего страшного, ничего особенного ни для нашей диктатуры, ни для рабочего класса не произойдет, а произойдет то, чего действительно ждет рабочий класс.

Нам иллюзии предаваться незачем. Мы не дошли до такого состояния, чтобы утверждать, что наш рабочий класс в полном своем составе отдает себе полный и ясный отчет во всех тех принципиальных разногласиях, которые у нас есть, но основное он знает. И одно из несчастий оппозиции в том, что она понять этого никак не может. Когда они выходят и спорят с нами о том, строим ли мы с вами социализм или же у нас какая-то суздальская ярмарка получается, то это каждому беспартийному рабочему не только понятно, но это его самым непосредственным образом касается. Поэтому оппозиция так осторожно подходила к этой теме и не сразу так изрекла свою формулировку относительно строительства социализма в нашей стране. И когда они являются на те заводы, на которых их так «жаждут», о чем они кричат на всех углах и на всех перекрестках, то рабочие им говорят: уходите, довольно, не мешайте нам работать, спрячьте свою вредную оппозиционную литературу, не путайте нас, дайте нам возможность без ваших помех — у нас их и так достаточно — строить социализм в нашей стране. Рабочие это прекрасно понимают, но этого еще не понимает оппозиция. Оппозиция все еще полна инерции. А инерция — большая вещь не только в физике, но и в политике. Она особенно сильна для тех людей, которые привыкли себя чувствовать почти что с пеленок вождями, — это действительно так, это же верно, — привыкли к тому, что их всякое слово ловится, записывается, в ячейках прорабатывается, в библиотеках раскладывается, в учебниках фиксируется. Ведь это же было, а теперь вышло совсем иначе. Здесь выходил один товарищ и рассказывал о том, что у него голова пошла кругом: два года тому назад в Ленинграде все ячейки формально как будто стояли на одной позиции, а потом довольно скоро перешли на общепартийную точку зрения. Почему это произошло? Потому, что старые руководители Ленинградской организации до XIV съезда партии, на словах защищая перед массами ЦК, борясь против троцкизма, на деле подготавливали исподтишка новую оппозицию. Они добились от партийной организации одобрения, проводя резолюции за ЦК, а на XIV съезде использовали свои мандаты, чтобы выступить против ЦК. Но такие времена в нашей организации прошли, и прежде всего потому, что мы воспитываем, организуем нашу партию на основах заветов Ильича, на основах внутрипартийной демократии, — этой простой вещи не понимают бывшие вожди, не могут ее понять. Мы вокруг наших органов стараемся объединять возможно большие кадры рабочих, стараемся создавать возможно большие кадры для того, чтобы каждая ячейка, каждое самое маленькое звено нашей партии, нашей огромной, сложной партийной и советской жизни так или иначе передавало бы в наши руководящие органы свежие силы, поднимало бы новые глыбы в составе партии. Мы ведем гигантскую политико-воспитательную работу в массах. Это делает диктатуру не только понятной на словах, это делает ее понятной для рабочего во всей его повседневной деятельности. Поэтому на каждом шагу работы мы чувствуем, как растут эти новые кадры, и думаем, что в этом ей, оппозиции, рассчитывать на инерцию никоим образом не приходится. Люди выросли и знают этапы работы, глубоко продумывают перспективы работы, и жить теперь за счет прошлого нельзя. Рабочие и рядовые партийцы требуют от нас настоящего. Что касается прошлого, то на этот предмет у нас есть специальные учреждения: Истпарт и другие, и все, что было хорошего, там мы это запишем. Не то теперь, когда нужно действовать сегодня, когда нужно давать сегодняшние, а не какие-то хорошие прошлые вещи. Есть люди, которые до десятой годовщины революции искренно верили, что стоит им махнуть рукой, как все в Москве перед ними расступится, все станет оппозиционным, и пойдет катавасия, а в более отдаленных местностях стоит только приехать и шикнуть — и все будет сделано. Вот приехали и шикнули. И ничего не вышло. (Голос: «Им шикнули!») Теперь приходится им уподобляться ленинградским «проповедникам», — там есть такие братья Чуриковы, — принимать в самой скромной обстановке своих последователей и направлять их на «путь истины». Ничего не вышло.

Это лучший свидетель, лучший показатель, лучший судья того спора, который у нас был, который ведется у нас не год, не два, а который мы с Троцким ведем с того самого момента, как он перешагнул порог нашей партии. Вот здесь, кстати сказать, Минин удивлялся, как это Ленинградская организация так легко отошла от оппозиции и перешла на путь ленинского руководства партии. Нужно сказать, что один из моментов, который в свое время помог этой работе, заключался в том, что нигде троцкизм не был так разбит, нигде не была до такой степени разобрана по косточкам идеология Троцкого, как в Ленинграде. Там этим делом занимались ряд лет и разобрали его так, как следует разобрать. И тот же Евдокимов раздевал тогда троцкизм донага, смешивал его с самыми последними вещами. А потом вдруг, неожиданно состоялось знаменитое братание между Зиновьевым и Троцким. Этот шаг показался Ленинградской организации чем-то совершенно волшебным: столько лет ее воспитывали, столько лет разъясняли ей сущность троцкизма, а теперь что-то произошло! И, конечно, тогда рабочим стало совершенно ясно, до какой жизни дошли их бывшие вожди, которые еще только вчера всех собак вешали на Троцкого, а сегодня носят его на руках, привозят в Ленинград как самую тяжелую артиллерию.

Рабочий понял, в чем тут дело, понял и наш партиец. Вот в этом, Минин, отчасти заключается секрет того действительно удивительного переворота, который произошел в Ленинграде.

Я думаю, товарищи, и в отношении нашей международной работы и в отношении Коммунистического Интернационала вот такие самые «бракосочетания» нам будут очень много помогать. Можно, конечно, все утверждать, можно какие угодно ошибки найти, можно бичевать Центральный Комитет по поводу того или другого недостатка, но сейчас доказывать то, что нам хотят доказать, что единственным наследником великого учителя — Ленина — является Троцкий, я думаю, что ни один сколько-нибудь честный рабочий, ни один партиец ни на одно мгновение не могут эту действительно невозможную мысль допустить. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

Ведь мы не с сегодняшнего дня, товарищи, в партии. Знаем мы Троцкого, и не со вчерашнего дня знаем, нисколько не хуже, чем его знает Зиновьев. Еще не высохла типографская краска с того, что печатал Зиновьев о Троцком, и теперь короновать его на ленинизм — никак это не получается.

Сейчас, как бы нас ни пугали различными осложнениями, как бы ни говорили о том, что же будет дальше, если оппозиция окажется за пределами партии, мы можем ей только предложить: это вы решайте сами. (Смех.) Мы — народ реальный, зачем мы будем забегать вперед? Подождем, посмотрим и потом решим, как выйдет, когда вы окажетесь вне партии.

Так обстоит сейчас дело. И для того, чтобы нам более плодотворно закончить полосу этой работы, нам необходимо с величайшей энергией продолжать великую работу укрепления внутрипартийной, внутрисоюзной и внутрисоветской демократии. Это самая большая организационная задача на данной стадии работы, когда мы разворачиваем огромные перспективы, когда — как Надежда Константиновна сказала — мы подходим самым непосредственным, самым осязательным образом к строительству социализма в стране. Это мы можем плодотворно осуществить только в том случае, если все большие миллионы трудящихся нашей страны подойдут к этой задаче организованно, сознательно, чтобы каждый — как говорит товарищ Сталин — не только плыл, но и знал, куда он плывет. Если мы этого добьемся, — а я думаю, что мы этого добьемся, как и до сих пор добивались, — то, несмотря на все трудности и несомненные тяжести, которые стоят впереди, мы нашу работу безусловно осилим.

Каждый рабочий понимает, что когда нам говорят о недостатках, недочетах и прочее, то мы, может быть, болеем во сто раз больше, чем оппозиционеры, по поводу недостатков, недочетов и извращений в нашей работе и практике. Но мы знаем вместе с нашими рабочими: то, что пять лет назад являлось пропастью, разорением, нищетой, нуждой и голодом, теперь сменяется достижениями, которые могут удивлять не только европейских рабочих, являющихся нашими друзьями по самой своей природе, но и кое-кого другого. И как бы оппозиция ни куковала и как бы ни пророчила насчет того, что все сроки прошли для нашего существования, — а у Раковского почти так и выходит, что та сторона сильна, а у нас внутри рабочий класс сжимается, и крестьянство спиной становится, и не пора ли нам подумать об организационной сдаче наших позиций, — как бы оппозиция ни пророчила, — это является доказательством действительного, величайшего и полнейшего неверия этих самых ее представителей в те основные, главные задачи, которые разрешает сейчас наша партия.

И не случайно, товарищи, что именно во время десятой годовщины мы являемся свидетелями того, что нам приходится кое-кого отсекать от нашей партии.

Это не случайно. В эти десять лет мы совершили новый гигантский поворот к дальнейшему этапу нашего социалистического строительства. На этом огромном повороте мелкобуржуазная слякоть давит на известные звенья нашей партии. Оппозиция говорит, что не сегодня-завтра будет то-то и то-то, — потому-то она приходит в трепет, в панику от новых шагов, от нового движения великой революции. Для того чтобы нам успешно, без помехи продолжать наше дело, для того чтобы нам пожалеть, посочувствовать и по чувству человечества не трепать нервов представителей оппозиции, я думаю, на теперешнем, XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV

съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом. (Аплодисменты.) Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат. Вот эта действительная основоположница Коминтерна, та партия, откуда родилась мировая революция, которая строит практически социализм, она должна остаться действительно единой. Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам о вами дорога только вперед и только к победам! (Бурные аплодисменты.)

ЕДИНСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖНОЙ ОСНОВОЙ ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

Из речи на XVI съезде ВКП(б) 30 июня 1930 года

Товарищи! Вчера мы слушали пространные речи возглавлявших правую оппозицию, излагавших нам временами весело, временами грозно, а временами в тонах, доходящих даже до библейского пафоса, свою точку зрения на положение нашей социалистической работы на данном отрезке времени. Мы очень внимательно слушали. Я боюсь быть резким, но мне кажется, если коротко сформулировать итоги того, что мы вчера слышали, то выходит как будто бы так, что Томский и Рыков решили, что перед ними сидят «Иваны непомнящие», забывшие истекшую полосу нашей борьбы и работы. (Голоса: «Правильно!»)

Весело излагал свою точку зрения Томский.

Каганович. Весело, действительно весело.

Киров. Но мне кажется, что все его выступление, хотя он несколько раз и оговаривался о том, что он выступает как политический деятель, что он понимает всю ответственность своего выступления, крепко пропитано духом, чтобы не сказать слишком резко, политической обывательщины.

Ворошилов. Правильно.

Киров. Долго нам рассказывали о разных намерениях, об ошибках, покаянные ноты слышались, но, несмотря на это, все-таки не было сказано самого главного и самого основного, из-за чего загорелся весь сыр-бор в нашей партии.

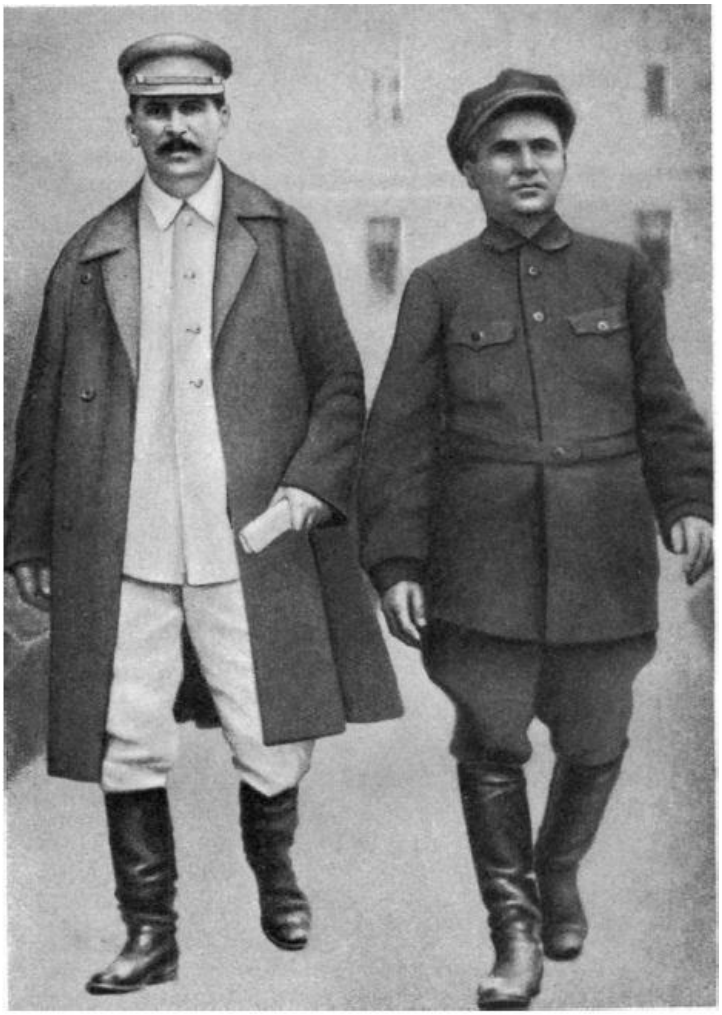
В чем дело? Перед настоящей аудиторией надо поставить вопрос ясно, просто и по-большевистски отчетливо. Надо было сказать то, что сказано нашей партией и Центральным Комитетом уже порядочное бремя тому назад, заявить прямо и откровенно, что с известного времени после XV партийного съезда у нас внутри партии наметились две принципиально различные линии — линия партии и линия правого оппортунизма, которая в случае победы правых в партии неизбежно в конечном счете привела бы к восстановлению капитализма. Это основное и это решающее. Генеральная линия партии заключается в том, что мы осуществляем крепкий курс на индустриализацию нашей страны, на основе этой индустриализации мы проводим перестройку нашего сельского хозяйства на началах обобществления, коллективизации.

Имея перед собой такие грандиозные задачи, партия поставила вопрос о перестройке работы всех своих рядов, о перестройке работы и приводных ремней от нашей партии к рабочему классу, ко всем трудящимся — профсоюзов, советов и т. д.

Вместе с тем партия поставила перед собой задачу оказания всесторонней помощи Коммунистическому Интернационалу в деле укрепления, в деле усиления большевизации братских коммунистических партий.

В противоположность партийному курсу правые выдвинули свою программу, принципиально отличную от генеральной линии нашей партии. Правые выступили совершенно открыто и решительно против взятых партией темпов индустриализации страны. Их проповедь равнения на «узкие места», снижения темпов индустриализации в конечном итоге неизбежно привела бы к срыву индустриализации страны и ее социалистического преобразования.

Правые отстаивали «равнение» на индивидуальное крестьянское хозяйство в тот момент, когда без социалистической переделки мелкого товарного производства и преодоления его чрезмерной отсталости нельзя было двигаться вперед по пути социалистического строительства. В связи с этим правые выступили решительно против всех мероприятий, которые проводила партия в деревне. Возьмете ли вы хлебозаготовки, возьмете ли вы индивидуальное обложение, любой вопрос, строительство совхозов и колхозов, — и каждому станет совершенно ясно, что правые не разделяли генеральной линии партии в основных вопросах политики партии в деревне.



Товарищи И. В. СТАЛИН и С. М. КИРОВ возвращаются
с заседания XVI съезда ВКП(б) (1930 г.)

Товарищи И. В. СТАЛИН и С. М. КИРОВ возвращаются с заседания XVI съезда ВКП(б) (1930 г.)

Правые встали на путь либерального толкования нэпа и склонялась к отказу от пролетарского государственного регулирования наших торговых отношений с крестьянством. Правые выступили против перестройки партийной работы, против перестройки работы всех приводных ремней нашей партии. Далее, позиция правых вела неизбежно к ослаблению большевизации братских коммунистических партий.

В самом деле, товарищи, если правые взяли ставку на развитие индивидуального крестьянского хозяйства как раз в то время, когда партия и рабочий класс вплотную подошли к его социалистическому преобразованию, тем самым, при логическом развитии этой позиции, они неизбежно скатились к защите интересов кулацкого хозяйства, стали идеологами кулачества. Если это расшифровать с точки зрения международной нашей работы, то неизбежно следующее. Всякая буржуазная, вне нашей страны находящаяся контрреволюция имеет непосредственное сцепление с нашей страной через кулака. И если правые оппортунисты выступают с проповедью неизбежного мирного врастания кулацких гнезд в социалистическую систему нашего хозяйства, то всякий, уверовавший в это, должен понять, что тем самым сцепление между капитализмом вне нашей страны и остатками капитализма в нашей стране не представляет собой — в глазах оппортунистов — той опасности, которую постоянно с огромной силой подчеркивает наша партия и которая обязывает нас всемерно крепить оборону Советской страны.

Отсюда совершенно неизбежным является и демобилизация коммунистических партий, смазывание опасности военной интервенции и усыпление революционной бдительности коммунистических братских партий.

Наконец последнее: вооруженная этой оппортунистической идеологией, правая оппозиция задалась целью добиться того, чтобы встать во главе руководства нашей коммунистической партии.

Кто не знает и не помнит, какая травля со стороны правых поднялась против политики ЦК нашей партии, каким ожесточенным нападкам подвергался генеральный секретарь нашей партии товарищ Сталин? У всех нас в памяти замыслы, которые зрели в головах у правых и которые сводились к

овладению руководящими органами партии для крутого поворота политики партии. И после этого приходят сюда правые и так полунаивно, полусердито, полусдержанно рассказывают нам о каких-то сущих пустяках.

С этой трибуны следовало сказать, что было бы, если бы расчеты и надежды правых оправдались, если бы правые сумели захватить руководство нашей партии и ЦК и сумели провести свою оппортунистическую программу. Теперь уже не подлежит никакому сомнению для каждого члена партии, что торжество правых взглядов — проведение оппортунистической теории «непрерывных уступок» крестьянству, выдвинутой Томским, — означало бы развязывание капиталистических элементов в нашей стране, укрепление их позиций в городе и деревне, затухание социалистического сектора народного хозяйства.

Партия не пошла по этому пути. Партия взяла еще более решительный курс на осуществление своих ленинских лозунгов и развернула напряженную борьбу с правыми оппортунистами.

Сейчас правые выглядят довольно скромно. Но что было несколько месяцев тому назад? Что навешивали они тогда на нашу политику, на руководство?...

После этого прошло несколько месяцев — и вот выходит Томский и как «турецкий святой» начинает рассказывать нам анекдоты, рассказывать, как они случайно. . незаметно... мало-помалу. . встретились — два Ивановича и Михаил Павлович, — поговорили между собой, потолковали насчет линии партии. В сущности ничего как будто бы особенного не произошло, кроме того, что эта беседа нашла некоторый отзвук за пределами их голов.

Они, оказывается, как заслуженные и испытанные «вожди» знали, что надо вести борьбу в легальных партийных рамках. Но что же, дескать, сделаешь, — логика борьбы всегда приводит к тому, что кое-кто воспользуется нашими разногласиями, кое-где были перехлестывания и т. д., но никакой по существу фракционной работы мы не вели. Об этом же толковал нам Угланов. Однако не только мы — вся партия и весь рабочий класс отчетливо знают и прекрасно понимают, к чему и куда вели нас правые уклонисты. Об этом и надо было здесь сказать. Надо было говорить о том, что по существу представляет собой программа правого уклона. (Голоса: «Правильно!») Рыков сгоряча в ответ на реплику заявил: «Конечно, вышло так, что мое имя трепали даже враждебные нашей партии силы».

Я бы рекомендовал Рыкову и Томскому прочитать хотя бы показания академика Платонова. Он гораздо лучше изобразил платформу правых, чем это сделал Томский. Он ставит вопрос ребром и правильно. Он сочувствует правым не только потому, что они борются против генеральной линии партии. Конечно, всякая борьба внутри партии неизбежно будет подхвачена враждебными элементами. Но дело обстоит гораздо серьезнее и глубже. Дело в том, что программа правых является родственной по духу, по идеологии, по крови кругу идей этих Платоновых, Устряловых и иже с ними. Об этом идет речь. И об этом мы хотим слышать на данном съезде партии. Дело не в покаянных речах, не в том, что мы кого-то собираемся посылать в пустыню акриды кушать. На съезде партии надо членораздельно сказать, что собой представляет программа правых, каковы ее классовые корни и классовое содержание. Мало признать свои ошибки. Посмотрел бы я на тебя, Михаил Павлович, как бы ты на этом съезде выступил с защитой своих правых взглядов и что бы из этого вышло. (Голоса: «Правильно!») Ведь наша работа протекает не только в стенах этого здания... Ты и твои друзья не могут не видеть, какой огромной волной активности московский пролетариат и пролетариат всей нашей страны подкрепляет работу нашего съезда, какие нити связывают нашу партию со всем рабочим классом... О признании ошибок мы слышали после ноябрьского пленума. Что нам надо сейчас? Чего ждет партия и рабочий класс от вас? Вы, вожди правой оппозиции, вы должны по-большевистски квалифицировать вашу программу и, не вдаваясь в глубоко теоретические изыскания, сказать прямо, что ваша программа по сути дела — программа кулацкая (голоса: «Правильно!», аплодисменты), выполнение которой в конечном счете погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма.

Товарищи, программу социалистического строительства ЦК нашей партии и программу правых проверила жизнь. Рыков говорил, что никто не предвидел нынешних темпов индустриализации и достигнутых успехов в коллективизации, что он также всегда отстаивал быстрые темпы индустриализации, спорил только о том, на сколько процентов больше или меньше и т. д. Но ведь теперь, задним числом, теперь все за наши темпы. Возьмите последнего бюрократа из любого нашего советского учреждения, — он тоже за наши темпы, он тоже за коллективизацию. Больше того, даже Ллойд-Джордж считает, что наша пятилетка не только смела, но и умна, как он выразился. Даже на старости лет Форд, «просвещенный» капиталист, и тот понимает, что наша пятилетка — штука реальная. Разве такие признания необходимы съезду от бывших вождей правой оппозиции?

Основная, коренная моя ошибка заключается в том, говорил Рыков, что я недооценил возможности коллективизации крестьянского хозяйства. В сущности говоря, все дело в недооценке вопроса, будет ли 40–30—50 %.

Нельзя квалифицировать это заявление иначе как уловку, затушевывающую суть дела. Главный недочет вчерашнего выступления Томского и Рыкова состоит как раз в том, что они не дают прямо ответа на вопрос о характере и классовом содержании их оппортунистической платформы... Мы имеем все основания, все объективные основания быть настороже и то, что нам здесь изложили, взять совершенно определенно под подозрение.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о выступлении Угланова. На ноябрьском пленуме он принес покаяние, раскаялся в своих ошибках, признал генеральную линию партии, но прошло несколько месяцев, в деревне получилась заминка, создались затруднения, и он снова, по его собственному признанию, поколебался. Теперь он опять перестал колебаться и признает линию партии целиком правильной. Вольно или невольно напрашивается вывод: а что если завтра будут затруднения, — а они неизбежны в той сложной обстановке, в какой развивается строительство социализма, то где же у нас гарантия в том, что Угланов не колебнется еще раз? Все, кто внимательно его слушал, не могли не уловить того настроения, которое так и сквозило во всех его словах. Об этих настроениях говорил в своем докладе товарищ Сталин, когда он сказал, что оппортунистические настроения создают неуверенность в победе нашего дела. С таким настроением, как у Угланова, можно только сдавать позицию за позицией классовому врагу.

Мне думается, товарищи, что мы будем правы, если на XVI съезде нашей партии скажем, что самого основного и главного от представителей оппозиции мы не услышали. (Голоса: «Правильно!»)

Нам необходимо было услышать из уст Рыкова и Томского не только признание своих ошибок и отказ от платформы, а признание ее, как я уже говорил, кулацкой программой, ведущей в последнем счете к гибели социалистического строительства. Без этого основного и решающего нельзя выполнить и второе требование, которое предъявляется к ним партией. После ноябрьского пленума они разоружились, после этого они должны были с жесточайшим упорством защищать генеральную линию партии, должны были последовательно вести борьбу с правоуклонистскими элементами, с правыми оппортунистами. Видел ли кто-нибудь и где-нибудь выполнение ими партийного долга? Ни в малейшей степени, несмотря на то, что сторонники их взглядов выступали в дискуссионном листке «Правды», выступали и на отдельных ячейках. Дал ли кто-нибудь из них решительный отпор защитникам их оппортунистических взглядов? Ни в какой мере. И впредь этого не будет, если они не поймут всю губительность своей оппортунистической платформы, которую они в свое время защищали.

Теперь мне хочется сказать несколько слов о Бухарине. Порядочное количество лет тому назад Бухарин изобразил чрезвычайно красочно кулацкую теорию врастания кулака в социализм. Он был вместе с тем проповедником прочности стабилизации капитализма и «организованного капитализма» на данной стадии капиталистического развития. Что происходит сейчас? Надо, товарищи, совершенно беспристрастно сказать, что в этих вопросах Бухарин оказался на мели. Бухарин на съезде отсутствует. Говорят, что он болен. Очевидно, это так. Но что отсюда следует? Отсюда следует, что все-таки Бухарин вчера еще мог бы хоть как-нибудь, хоть каким-нибудь способом подать свой голос о своей точке зрения по основным вопросам политики партии. {Голоса: «Правильно!»)

Ведь, товарищи, получается что-то совершенно уродливое. Вы все, вероятно, помните статью Мамаева в «Правде», где он развернул идеологию правого уклона. Если я не ошибаюсь, Мамаев гораздо меньше искушен в литературных делах, чем Бухарин. Так неужели Бухарин не мог ответить на поднятые там вопросы, выступив хотя бы со статьей? Но Бухарин воды в рот набрал — молчит. А между тем, как я уже говорил, не только партия ждет от него слова, но ждут и все те, кто вчера еще возлагал большие надежды на пресловутый «организованный капитализм». Вот все это невольно внушает подозрение в отношении бывших вождей правых и вызывает настороженность партии к ним. И я думаю, что мы будем совершенно правы, если останемся настороженными.

У всех у нас в памяти предыдущая оппозиция Каменева — Зиновьева, к которой, кстати сказать, Бухарин и иже с ним, как вы помните, перебрасывали совершенно определенные мосты, с которой устраивали совершенно определенную смычку и блок в свое время. Все вы помните, что каменевско-зиновьевская оппозиция махровым цветом расцвела пять лет тому назад.

... И тут Томский прав, когда он говорит, что нелегко вчера быть там, а сегодня вернуться на партийную дорогу и сознаться во всем до конца. Верно, Томский, из кулацких лап выбраться на генеральную линию партии — это дело тяжкое, дело это очень тяжелое. У нас принято думать, что троцкизм — это неизбежное скатывание в лагерь контрреволюции. Это верно, но верно также и то, что правооппортунистические дела, если на них настаивать по-серьезному, могут завести весьма и весьма далеко, откуда выбраться будет чрезвычайно трудно. И думаю, что надо сказать на XVI съезде партии: того, что хотела услышать партия — основного, решающего и главного, она от Томского и Рыкова не услышала.

У Рыкова сквозило, как и раньше: в сущности говоря, жизнь сняла наши разногласия; о чем говорить, зачем возвращаться к нашей старой точке зрения, к нашей платформе и т. д.?

. . Индустриализация у нас идет, коллективизация развивается, международное положение Советского Союза крепнет, социалистическая стройка идет, ну о чем же говорить, зачем старое вспоминать? Посмотрим, как будет дальше. Одной из заповедей правого уклона, товарищи, является старая русская пословица: «поживем, увидим». Сейчас они как будто бы становятся, как это в свое время собирался сделать Троцкий, перед партией на колени и готовы сказать: вот вам наша оппортунистическая голова, хотите — ее секите, хотите — милуйте. «Дайте мне возможность поработать», — взывает Томский. Кто же не давал ему до сих пор работать? Даже в то время, когда Томский был захвачен правыми колебаниями, даже в то время мы его заставляли усиленнейшим образом работать. Не желал. После разоружения, после ноябрьского пленума, мы предоставили ему полную возможность — работай не покладая рук. Кто мешал? После этого он обращается к XVI съезду партии и говорит: «Если хотите убедиться, дайте возможность поработать». Не нужно прикидываться такими безгрешными христианами. Томский борьбу правой оппозиции с партией изобразил самым добродушным образом. Все вышло как бы самотеком. Собрались два Ивановича и один Михаил Павлович, что-то хлопочут между собой, а через их головы развивается совершенно антипартийное дело. Мы, говорит, конечно, держались в рамках внутрипартийного положения. Могли, конечно, дескать, поднять знамя борьбы против партии, могли воспользоваться Московской организацией, но мы были скромны. Верно ли это? Ведь это, товарищи, все-таки насквозь, говоря мягко, проникнуто лицемерием. Ведь что делал Томский на съезде профсоюзов? Это что же — не борьба? Ведь если бы у Томского там не получилось осечки, если бы он из двух тысяч делегатов на VIII съезде профсоюзов завоевал на свою сторону не восемьдесят или девяносто человек, а половину или большинство, — мы знаем, куда бы он пошел со своей правой платформой. А у него не вышло, нехватило ни пороху, ни поддержки внутри партии, и поэтому — только поэтому — он не последовал по тем путям, по которым в свое время последовали Каменев и Зиновьев в более открытой и более резкой борьбе против партии.

… В отношении квалификации пропаганды правого оппортунизма, мы остаемся при старом решении, что пропаганда взглядов правого уклона несовместима с пребыванием в рядах нашей коммунистической партии. (Аплодисменты.)

Мы не на словах, не для красного словца, не для агитации и пропаганды записали в своих партийных положениях, что мы правую опасность на данном этапе социалистического строительства считаем главной и основной, и поэтому и впредь с правым уклоном мы будем вести не менее, а еще более решительную борьбу, чем вели мы до сих пор. (Аплодисменты.) Наша партия правоту своей генеральной линии сейчас проверила так, как она не проверяла, может быть, ее прежде. Совершенно конкретны, совершенно реальны и наглядны результаты проверки генеральной линии нашей партии, и поэтому товарищам, которые действительно искренно, по-большевистски, по-настоящему сжигают свои мосты, мы должны сказать: этого мало. Ты не только должен сжечь мосты, ты должен во всеуслышание, перед всем рабочим классом сказать, какие это мосты, из какого материала сделаны и в какое царство эти твои мосты ведут. Ты не только, Томский, должен сжечь эти мосты и мостики, по которым ты гулял до сегодняшнего дня, но ты должен с сегодняшнего дня вооружиться вместе с нами и сделать все к тому, чтобы вести еще более решительную борьбу, чем мы, с теми, которые по твоему опыту стараются пробраться на эти мосты. (Аплодисменты.)

У нас партия революционеров, большевиков, ленинцев. Нам нужна партия действенная, активная. Мы требуем от каждого члена партии, чтобы он был в сто раз активнее на всех участках нашей работы. Я должен вам совершенно откровенно, Томский, сказать, что мы к кандидатам при переводе их в члены партии предъявляем гораздо более повышенные требования, чем те, которыми ты пытался удовлетворить вчера съезд партии. Не выйдет это, никак это не выйдет. Ведь кто перед нами, товарищи, стоял? Это Томский пришел и так это все изобразил, что, собственно, было и не было, хотел, да раздумал, попытался, да потом немножко не вышло (смех), — что это такое, что это за разговор?

… Товарищи, надо прямо сказать, каждый лишний процент темпа в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз — все это было достигнуто не только в борьбе с кулаком и прочими контрреволюционными элементами в нашей стране, это было достигнуто в борьбе против Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. (Бурные аплодисменты. Голос из президиума: «Правильно!») Это же надо понять, товарищи. И после всего этого тут люди ведут душеспасительные и добродушные речи.

Весело, конечно, выходит теперь, но мы знаем, чего это стоило, и для того, товарищи, чтобы нам обеспечить успех нашей социалистической стройки в дальнейшем, нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твердо, решительно и бесповоротно покончить с правым уклоном. (Аплодисменты.) Решительно, твердо и бесповоротно. Надо сделать все к тому, чтобы теперь уже внутри нашей партии с правоуклонистами, активными правоуклонистами, нам не встречаться, сделать так, как поступили мы в свое время с троцкистами, в сознании того, что правая опасность — это главная и основная опасность на данном отрезке времени.

Впереди, товарищи, стоят гигантские задачи перед нашей партией; многое мы, товарищи, решили, но еще многое нам нужно решить. Все объективное для дальнейшей успешной социалистической

стройки мы имеем.

Необходимо заботиться об основном — о том, чтобы наша великая двухмиллионная монолитная ленинская партия была действительно скалой, о которую должны разбиваться головы всех, кто встанет поперек дороги победоносно растущему социализму. (Аплодисменты.)

Этого, товарищи, требует от нас сейчас партия. Этого от нас требует и рабочий класс. Этого он от нас требует. (Возгласы: «Правильно!») С такими настроениями, которые мы здесь слышали, с таким «боевым» пафосом, с которым нам здесь излагали свою точку зрения сторонники оппозиции, не выйдет, не выйдет то, что нам нужно. У нас нет никаких сомнений в том, что наша партия, вооруженная опытом многолетней социалистической стройки, сумеет обеспечить необходимые условия для своей дальнейшей победоносной работы.

С XVI съезда нашей партии мы, товарищи, выйдем еще более подготовленными к дальнейшим боям за социализм.

Дальнейший успех будет зависеть только от того, о чем говорил в заключение товарищ Сталин, когда он сказал: «Да здравствует ленинизм!» Ленинизм, который лежит в основе политики партии, будет гарантией нашей победы не только внутри страны, но и в мировом масштабе. (Продолжительные аплодисменты.)

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА — ЗА РАЗВЕРНУТОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

Доклад об итогах XVI съезда ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 июля 1930 года

Товарищи! XVI съезд нашей партии, заседавший почти три недели, дал такое обилие материалов, что изложить их в одном докладе не представляется никакой физической возможности. Поэтому сегодня придется ограничиться только самыми существенными, самыми основными вопросами, которыми занимался XVI съезд-

Если XIV съезд партии был съездом, на котором партия приняла курс на индустриализацию нашей страны, если XV съезд по преимуществу занимался вопросами коллективизации сельского хозяйства, то XVI съезд можно назвать съездом широкого развернутого социалистического наступления по всему фронту, съездом проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. На XVI съезде мы не только подвели итог той огромной работы, которую наша партия вместе с рабочим классом проделала за 2,5 года, но мы также наметили путь дальнейшего победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Прежде всего возникает вопрос: что происходит в том капиталистическом окружении, в котором мы находимся в нынешней полосе социалистической стройки? Вы знаете, что нас окружает старая, устоявшаяся, располагающая огромным историческим опытом капиталистическая система в виде больших и малых капиталистических государств.

Что представляет собой капиталистическая система в данный отрезок времени? Надо сказать, что в послевоенный период мировой капитализм никогда еще не находился в таком затруднительном состоянии, в каком он находится сейчас. Это обстоятельство имеет огромное, чтобы не сказать больше, значение и для нашей социалистической стройки.

Я не буду приводить обширный цифровой материал, характеризующий состояние капиталистической системы. То обстоятельство, что капиталистическая система в данный отрезок времени вступила в очень тяжелый, очень острый кризис, стало уже общим местом. Между тем, всего несколько месяцев тому назад идеологи буржуазии, ученые экономисты, в высшей степени оптимистически расценивали перспективы развития мирового капитализма. Теперь же перед лицом фактов буржуазные экономисты уже вынуждены признать наличие острого кризиса в мировом капиталистическом хозяйстве. Разумеется, они продолжают сочинять всевозможные «рецепты» выхода из кризиса, преуменьшают его размеры и т. д. Одно совершенно несомненно: на наших глазах развертывается острейший за все время существования капитализма мировой экономический кризис перепроизводства. Мало того, что капитализм переживает этот кризис, — главная острота положения для него заключается в том, что кризис с каждым днем все больше и больше углубляется. Чрезвычайно существенно то, что этого кризиса не удалось избежать самой организованной, самой совершенной в капиталистическом смысле стране — я говорю о Соединенных Штатах Америки. Больше того, они являются источником расширения и углубления кризиса. Вы все помните, что за последние годы именно опыт этой страны породил популярную у буржуазных либералов и социал-демократов теорию о том, что в послевоенный период капитализм якобы обрел новые, так сказать, ультракапиталистические формы своего дальнейшего развития, открывающие перед ним новые возможности «процветания». Я имею в виду пресловутую теорию «организованного капитализма».

Даже в нашем Коммунистическом Интернационале некоторые элементы подпали под влияние этой социал-демократической теории. На ее основе вырос в Коминтерне всем вам известный правый уклон, глашатаи и выразители которого поддерживали в той или иной степени эту насквозь враждебную марксизму-ленинизму теорию. Она, как я уже говорил, питалась, главным образом, состоянием дел в США, которые, несмотря на общую депрессию в ряде европейских стран, за последние годы достигли совершенно определенных и значительных успехов в развитии производительных сил, в технической реконструкции хозяйства.

Но вот сейчас мы с вами являемся свидетелями того, что кризис охватил не только капиталистическую Европу, но с каждым днем, чтобы не сказать с каждым часом, все больше и больше углубляется и в США. Я не сомневаюсь, что вы читаете поступающие почти каждодневно сводки на эту тему, особенно из тех же самых США, и знаете, как стремительно кризис захватывает одну отрасль за другой. Сейчас в США нет ни одной отрасли промышленности, которая не была бы в той или иной прогрессирующей изо дня в день степени затронута кризисом.

Вы, надеюсь, вчера или позавчера читали в газетах о том, что такая решающая отрасль производства в США, как сталелитейная промышленность, находится в таком состоянии, что используются лишь на 56 процентов ее производственные возможности. Вы знаете также, что число безработных в США перевалило за 6 миллионов человек. Такая могущественная фирма, как автомобильная фирма Форда, располагающая огромными материальными средствами, в ближайшие

дни вынуждена совершенно остановить свое производство. Я уже не говорю о других отраслях промышленности США.

То обстоятельство, что США, этот колосс капитализма, оказались в тисках промышленного кризиса, привело к стремительному распространению кризисного состояния на всю Европу. Единственная страна, которая еще более или менее барахтается и сопротивляется этому кризису, — Франция. Но не подлежит никакому сомнению, что в ближайшее время и ей придется испить горькую чашу мирового кризиса перепроизводства.

Я не говорю уже о других странах, например, об Англии или Германии, которая всего еще только вчера сравнительно быстро оправилась от того потрясения, почти полного разорения, какое она пережила в результате последней империалистической войны. Эта страна, в значительной степени находящаяся на поводу американского капитала, сделавшая в последнее время крупный шаг вперед, точно так же переживает сейчас жестокий промышленный кризис.

Дело не ограничивается кризисом в промышленности. Это было бы для капиталистов еще с полгоря. Промышленный кризис усугубляется и обостряется тем обстоятельством, что ему сопутствует кризис и в сельском хозяйстве, что он переплетается с аграрным кризисом во всех или почти во всех аграрных странах. Нельзя забывать и то, что нынешний мировой кризис капитализма протекает в рамках высоких монопольных цен картелей и трестов, что делает его особенно затяжным и крайне мучительным для трудящихся масс.

Современный мировой экономический кризис развивается в обстановке общего кризиса капитализма, начавшегося еще во время империалистической войны и обусловленного такими факторами, как образование на одной шестой земного шара Советского государства, ростом промышленности в колониях и полуколониях, обнищанием масс в результате войны и т. д. Вот почему прав товарищ Сталин, говоря, что «нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов».

Мировой кризис целиком опрокидывает пресловутую теорию «организованного капитализма», которую выдвинули «почтенный» Каутский и господин Гильфердинг, со всем усердием лакеев доказывающие невозможность кризиса капиталистической системы в данный исторический период.

Для этих господ разразившийся сейчас мировой кризис возник неожиданно. На самом же деле ничего неожиданного, сверхъестественного не произошло. Произошло то, что весьма популярно и в высшей степени убедительно изложено в сочинении основоположника научного социализма — Маркса, который неопровержимо доказал, что, до тех пор пока существует капиталистическая система, совершенно неизбежны периодически повторяющиеся кризисы. И вот сейчас перед нами развернулось новое подтверждение теории Маркса. Ничего нового, ничего неожиданного, таким образом, не произошло. Конечно, настоящий кризис имеет ряд своих существенных особенностей, которые и были мной выше названы.

На VI конгрессе Коммунистического Интернационала мы характеризовали переживаемый период как третий период в развитии послевоенного капитализма, как полосу жесточайшего обострения капиталистических противоречий по всей линии, усиленного расшатывания частичной стабилизации капитализма. Как раз это обстоятельство вызвало наибольшую оппозицию со стороны правых элементов почти всех делегаций Коммунистического Интернационала. Оценка положения мирового капитализма, данная VI конгрессом Коммунистического Интернационала, с тех пор получила полнейшее подтверждение. Понадобился небольшой промежуток времени, чтобы еще и еще раз подтвердилась справедливость теории Маркса и подтвердилась правильность оценки переживаемого периода, сделанной VI конгрессом Коминтерна. VI конгресс определил третий период и его особенности следующим образом:

«… третий период в своей основе есть период выхода экономики капитализма за довоенный уровень и почти одновременного выхода за этот уровень экономики СССР (начало так называемого «реконструктивного периода», дальнейшего роста социалистических форм хозяйства на базе новой техники). Для капиталистического мира этот период есть период быстрого роста техники, усиленного роста картелей, трестов, тенденций к государственному капитализму и в то же время период мощного развития противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма (суженные рынки, СССР, колониальные движения, рост внутренних противоречий империализма). Этот третий период, особенно резко обострившийся противоречие между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистских войн между империалистскими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенций империалистов, гигантских классовых битв. Обостряя все международные противоречия (противоречия между капиталистическими странами и СССР, военная оккупация Северного Китая, как начало раздела Китая и борьбы между империалистами, и т. д.), обостряя внутренние противоречия в капиталистических странах (процесс полевения масс рабочего класса, обострение

классовой борьбы), развязывая колониальные движения (Китай, Индия, Египет, Сирия), — этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма» /Сборник «Коммунистический Интернационал в документах, 1919–1932 гг.», стр. 769./. На неизбежность наступления мирового экономического кризиса в результате частичной стабилизации товарищ Сталин указывал еще в политическом отчете ЦК XV съезду партии:

«. . из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации.

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент» /«Стенографический отчет XV съезда ВКП(б)», стр. 39. /. Так определял положение капитализма еще в 1927 году товарищ Сталин. Это определение получило блестящее подтверждение. Сейчас уже ни один здравомыслящий человек не возьмет на себя смелости утверждать, что стабилизация капитализма отличается прочностью и устойчивостью. Наоборот, сейчас помыслы буржуазных идеологов, более или менее внимательно наблюдавших совершающиеся вокруг них события, направлены к тому, чтобы как-нибудь, в какой-либо степени ослабить развивающийся кризис, приостановить процесс развала временной, относительной стабилизации.

В настоящий момент капиталистическая система переживает кризис такой глубины и размаха, какого она никогда еще не знала. Этот кризис разрушил, как картонный домик, все надежды на длительное процветание капитализма, обесславил авторов теории «новой эры» в развитии капитализма, певцов его организованности; этот кризис как нельзя лучше показывает, что производительные силы задыхаются в капиталистической оболочке.

До войны капитализм жил и развивался таким образом, что период его расцвета сменялся периодом упадка, после которого наступал новый расцвет. В этом заключался рост производительных сил в рамках капиталистического общества, закономерность его движения.

На данной стадии развития капиталистической системы, по нашему глубокому убеждению, нет оснований полагать, что эти действительные, так сказать, для вчерашнего дня законы повторятся.

Наоборот, все говорит о том, что результатом теперешнего кризиса будет неизбежно дальнейшее обострение общего кризиса капитализма.

МИРОВОЙ КРИЗИС И ОБОСТРЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Каково же влияние мирового экономического кризиса на взаимоотношения между империалистическими государствами, между ними и колониями, на развитие классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, на международные отношения Советского Союза?

Уже теперь выступает достаточно наглядно небывалое обострение капиталистических противоречий по всем линиям, прежде всего по линии отношений между такими могущественными капиталистическими странами, как Соединенные Штаты и Англия. Происходит несомненное обострение противоречий между отдельными капиталистическими странами внутри старой Европы, между державами-победительницами и побежденными, между континентальными странами Европы и той же самой Англией. Бесспорно обостряются противоречия между США и Японией. Все больше и больше углубляются противоречия между империализмом, с одной стороны, колониальными и полуколониальными странами — с другой. Почему? Да по очень простой причине.

Мы сейчас наблюдаем и в Старом и в Новом Свете огромный избыток всех продуктов производства. Огромную массу продуктов капиталистические страны и отдельные капиталистические компании вынуждены буквально уничтожать. Всем, например, известно, что в Америке происходит обращение кукурузы на топливо. В то время как мы с вами сейчас денно и нощно работаем над расширением посевных площадей для всех видов сельского хозяйства, в той же самой Америке и в других странах производится искусственное сокращение посевов. Если мы с вами сейчас нажимаем на максимальное производство свеклы, чтобы получить больше сахара, то совсем недавно можно было прочитать в газетах о том, что за пределами нашей Советской страны идет торговля, как бы в производящих сахарную свеклу странах добиться искусственного сокращения производства свеклы, а следовательно, и производства сахара.

Все это говорит о том, что в капиталистических странах на одном полюсе создался огромный избыток продуктов, а на другом полюсе усилилась, обострилась нищета, вследствие которой нет

никакой возможности реализовать эти продукты. Отсюда острая и беспощадная конкуренция между капиталистами, отсюда взаимная драка в капиталистической среде, отсюда стремление снова изменить экономическую географию мира.

Большевики совершенно правильно говорили, что империалистическая война, несмотря на огромные мертвые и живые средства, которые она поглотила, ни в малейшей степени не разрешила основных противоречий капиталистической системы, не устранила основных ее болячек.

Если тотчас же после войны это положение могло еще казаться спорным, то теперь всякие иллюзии на этот счет рухнули без остатка.

Сейчас капиталистам всех стран приходится снова и снова думать о том, куда же сбывать избыточные товары и помещать капиталы. Отсюда совершенно неизбежно вытекает обострение капиталистических противоречий, как я вам говорил, по всем линиям, во всех частях Старого и Нового Света.

В поисках выхода из кризиса мировой империализм усиливает нажим на колонии и полуколонии, вызывая дальнейшее обострение взаимоотношений с ними и нарастание революционного движения. Дело отнюдь не ограничивается только взаимными противоречиями между капиталистическими государствами, противоречиями между ними и колониями. В такой обстановке, когда на улицу выбрасываются миллионы и миллионы безработных, в огромной степени обостряются противоречия между трудом и капиталом. Подобно тому как рабочему классу приходится искать новые, более революционные формы организации для успешной борьбы с капитализмом, так же, с другой стороны, капиталистам приходится перестраивать свои ряды, перевооружаться для борьбы с нарастающим революционным движением пролетариата. Это можно наблюдать на том, как стремительно поднимается волна фашизации буржуазного государства во всех странах, от мала до велика. Нам с вами далеко ходить за примерами нечего.

Когда мы заседали на XVI партсъезде, всего за два десятка километров от Ленинграда произошел фашистский переворот по соседству, в Финляндии; накануне фашистского переворота — Германия, фактически уже подпавшая под фашистскую диктатуру в последнее время; чрезвычайно усилился процесс фашизации международной социал-демократии и реформистских профсоюзов.

О несомненном обострении борьбы между трудом и капиталом красноречиво говорит также огромная волна стачечного движения в той же самой Германии и в других странах. Характерно также и то, что ведущаяся рабочими борьба, которая вчера еще носила по преимуществу экономический характер, сейчас приобретает все больше и больше характер политический. Если вчера мы наблюдали забастовочное движение лишь в тех отраслях промышленности, которые непосредственно охвачены кризисом, где непосредственно ухудшилось материальное положение рабочих, то сейчас мы видим, как забастовочное движение развертывается не только в силу непосредственного экономического давления на тот или иной отряд рабочей армии, но и в силу боевой классовой солидарности бастующей группы рабочих со всем рабочим классом данной страны.

Эти два обстоятельства — перерастание стачек из экономических в политические, нарастание боевой солидарности рабочих масс являются в данный период времени самыми характерными чертами рабочего движения.

Я не буду вам перечислять количество забастовок, которые имели место за последние два с половиной года, укажу только, что в такой стране, как Франция, в промежуток времени с 1928 по 1929 год число рабочих, охваченных забастовочным движением, удвоилось, а в Англии увеличилось почти в 4 раза. Этого одного достаточно для того, чтобы убедиться, какие широкие формы приобретает забастовочное движение.

МИРОВОЙ КРИЗИС, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

Ясно, что мировой кризис, усиливший до необычайной степени капиталистические противоречия, и новая волна революционного движения рабочих масс ставят перед Коминтерном новые задачи. Отчетный период времени в деятельности Коминтерна может быть охарактеризован как процесс дальнейшей большевизации секций Коминтерна. В этом деле громадную роль, по признанию братских партий, сыграла делегация нашей партии.

Исполкому Коминтерна пришлось весьма тщательно позаботиться об очищении ряда партий (Германии, Швеции, США и других) от оппортунистических и прежде всего правооппортунистических элементов. Надо сказать, что эту задачу Исполком Коминтерна выполнил с честью. Секции Коминтерна сейчас очищены от оппортунистических элементов, правда, пожалуй, не так крепко, как наша Всесоюзная коммунистическая партия, но все-таки в достаточной степени удовлетворительно. Как у нас в партии, так и во всем Коминтерне за этот отрезок времени главной помехой, главным тормозом движения вперед и основной опасностью является правооппортунистическая опасность. Вы знаете, что правый оппортунизм — это далеко не только

наша, так сказать, «национальная» особенность, это общая для всего международного большевистского движения опасность. Против нее и был обращен главный удар Коминтерна. В некоторых секциях пришлось не останавливаться перед самыми решительными организационными выводами для того, чтобы очистить секции Коминтерна от носителей правого оппортунизма. Надо сказать, что сейчас в идеологическом смысле все 53 коммунистические партии, входящие в Коминтерн, достаточно основательно, достаточно прочно подкованы для того, чтобы во всеоружии встретить обстановку, сложившуюся в лагере мирового капитализма, о которой я вам говорил. Но было бы ошибкой думать, что в коммунистических партиях всюду и целиком все обстоит благополучно. Если в идейно-политическом смысле они достаточно очистились, достаточно подкованы, то в отношении организационном почти всем, пожалуй, за самым небольшим исключением, компартиям нужно еще очень и очень многое. Как ни странно, но секции Коминтерна, за небольшим исключением, никак не могут усвоить одну из основных заповедей ленинизма, состоящую в том, что организационные вопросы в жизни, деятельности и революционной борьбе большевистской партии играли всегда и продолжают играть колоссальную роль. А бывают такие исторические переплеты, во время которых организационная форма партийного существования играет прямо-таки решающую роль. Вот если вы восстановите в памяти нашу длительную борьбу, скажем, с меньшевиками, когда мы с ними находились под одной кровлей, если проследите нашу борьбу с ними, то вы вспомните, что вся эта борьба была пронизана спорами вокруг организационных вопросов и организационных форм. Мало отчеканить ту или иную идею марксизма-ленинизма, — это, конечно, большая и очень почетная, очень ответственная работа, но это далеко еще не все необходимое для успеха нашей работы. Ограничиться выработкой того или иного лозунга, того или иного теоретического положения совершенно недостаточно. Ограничиться только этим — это значит почти ничего не сделать. Хорошо отчеканенное теоретическое положение, лозунг нужно претворить в практику, внедрить в сознание широких слоев рабочего класса, сделать миллионы людей активными проводниками этого лозунга, — иначе самый хороший лозунг повиснет в воздухе. Надо уметь организовать сотни тысяч, миллионы рабочих и работниц вокруг наших лозунгов. Как раз на этом месте дело у наших братских коммунистических партий, к великому сожалению, и на сегодняшний день оставляет желать еще много и много лучшего.

Вы знаете, что, за небольшим исключением, почти во всех странах наши компартии не особенно многочисленны, тем не менее в ряде стран влияние этих компартий на рабочий класс достаточно велико.

Возьмите другое положение — количество голосов, подаваемых за коммунистов на парламентских выборах, превосходит в громадной степени численность коммунистических партий. Это законно, обычно так и бывает. Одно дело — голосовать за компартию, другое дело — стать членом компартии. Во втором случае требуется больше. Но тем не менее, если существует слишком большой разрыв между тем и другим количеством, это говорит о некотором неблагополучии организационной работы данной компартии. Так именно дело обстоит с большей частью наших братских компартий. Организационную хватку, организационную сноровку, кропотливую организационную работу, нужную повседневно, ежечасно, они все еще поставить на должную высоту не могут. Они хорошо проводят коммунистические конференции, съезды и прочее, выковывают отчетливые программы действий, но реализация их программ, популяризация их, внедрение их в умы широких слоев рабочих, организация масс на их основе очень и очень недостаточны.

Для того чтобы понять, товарищи, в чем тут дело, надо вспомнить наше положение в нелегальную пору, когда мы вели драку не только с царем, не только с капиталистами, но и с меньшевиками. Мы тогда не упускали ни малейшей возможности для того, чтобы наших противников так или иначе опрокинуть. Мы делали буквально все, для того чтобы связаться с массами. Мы умеем находить пути и к квалифицированным и к отсталым слоям рабочих. Если у нас не выходило дело на большом заводе, мы не гнушались тем, чтобы пойти на самый маленький какой-нибудь кожевенный заводик и там разворачивать наши большевистские идеи.

Коротко говоря, мы нигде, ничем и никак не пренебрегали, для того чтобы создать ту или иную связь с массами. Мы появлялись везде и всюду, где только это было возможно. Если у нас сегодня проваливалось, мы ни в малейшей мере не уклонялись от того, чтобы выйти на другой день и сделать все-таки свое дело. И этим наши методы коренным образом отличались от методов меньшевистской работы; благодаря этому мы сумели выковать действительно боевую коммунистическую партию. Вот этого не хватает нашим братским коммунистическим партиям в других странах, а это сейчас является чрезвычайно важным обстоятельством, необходимейшим орудием борьбы в той обстановке, которая сейчас создалась за рубежом.

Задача Коммунистического Интернационала, задача нашей партии, весьма непосредственно оказывающей поддержку и помощь Коминтерну, заключается в том, чтобы помочь братским партиям полностью вооружиться для максимального использования создавшейся обстановки в интересах революционной борьбы.

Подводя итог, мы можем уверенно сказать, что наша оценка мирового капитализма и перспектив

его развития оказалась целиком правильной.

ОПАСНОСТЬ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И НОВОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СССР

Если еще вчера пацифисты из лагеря буржуазии и социал-демократы на всех углах и перекрестках, на всех гаагских, женевских и прочих конференциях хлопотали об установлении какого-то прочного мира между капиталистическими странами, то теперь все эти надежды рушатся. Если вожди II, социал-реформистского Интернационала вчера еще твердили о том, что война канула в вечность после последней империалистической бойни, то сейчас нужно быть глухим, чтобы не слышать, что новая империалистическая война стучится в двери самым настойчивым образом. Если вчера еще нас упрекали в том, что большевики занимаются измышлениями, когда говорят, что будто бы капиталистический мир готовит новую интервенцию против Советского Союза, то теперь эта перспектива интервенции против СССР приобретает весьма и весьма реальные очертания.

Чтобы подкрепить это последнее обстоятельство, я сошлюсь на такого свидетеля, как Рябушинский, наш, с позволения сказать, «соотечественник», человек, кое-что понимающий в настроениях капиталистических кругов в данное время. Он выступил всего несколько дней тому назад в газете «Возрождение», выходящей в Париже, со статьей, озаглавленной «Необходимая война».

В этой статье он очень печалится о том, что создалось положение, когда на улицах миллионы безработных рабочих и нет никакой надежды, что они завтра получат работу. Надо, пишет он, этот вопрос как-то решать. По его мнению, самым правильным и самым резонным решением вопроса была бы немедленная интервенция, война против Советского Союза, которую история в угоду Рябушинским отнесет, как он полагает, «к группе справедливейших и наиполезнейших войн». Война против Советского Союза — это, пишет он, «действительно радикальное разрешение проблемы безработицы, а не те жалкие паллиативы, к которым прибегают робкие государственные деятели Западной Европы». Храбрый головорез Рябушинский, который в 1917 году грозил задушить растущую пролетарскую революцию «костлявой рукой голода», как трезвый буржуа подсчитывает, во что обойдется свержение большевизма и что на этом деле можно заработать. «Как удалить большевистскую болячку?» — спрашивает он и отвечает: «В 1920–1925 годах специалисты брались осуществить такую операцию в 6 месяцев с армией в 1 миллион человек. Расходы исчислялись в 100 миллионов английских фунтов. Сейчас механизм Советской власти сильно расшатан, и мелкобуржуазная стихия, главным образом, крестьянство от нее отошло совсем... Вероятно 500 тысяч человек и 3–4 месяцев достаточно для окончания работы вчерне». Правда, после этого придется наводить порядок в Советской стране, но это тоже особого времени не отнимет — это уже не военная, а полицейская задача. Главное — все это обойдется гораздо дешевле, чем тот урон, который сейчас благодаря кризису, с одной стороны, и существованию Советской страны — с другой, капиталисты несут ежегодно.

Рябушинскому как человеку коммерческому, биржевику, попавшему в полосу кризиса капитализма, подобает рассчитать по-бухгалтерски, насколько дешево это будет стоить.

Чтобы свой биржевой план подкрепить, он говорит: здесь лежит коренной выход из безработицы. Стоит объявить добровольную мобилизацию в полмиллионную армию, как уже на полмиллиона безработных в Европе будет меньше, они будут заняты делом. После того, говорит далее Рябушинский, как мы свергнем большевиков, мы получим в свое распоряжение рынок, который расположен на одной шестой части земной суши, а оттуда развернется и капиталистическая торговля, фабрики завертятся как следует, безработица совсем иссякнет. Это радикальный и единственный, по его мнению, путь к тому, чтобы решительно и скоро покончить с кризисом.

Ждать, говорит Рябушинский, не надо, хотя подождать и было бы выгодно с точки зрения экономии в людских жертвах и человеческой крови. Рябушинский думает, что если еще через 5 лет поставить этот вопрос, то тогда еще проще будет свергнуть большевиков, потому что они еще больше разложатся. Хватит на все это дело 2–3 дивизий. Конечно, если так, лучше было бы потерпеть, чем вовлекать в рискованные все-таки расходы капиталистические правительства. Очевидно, однако, он решил не ждать. Поэтому, возвращаясь к своему плану, он говорит, что действовать надо именно теперь. «Затратив миллиард рублей, человечество (т. е. господа Рябушинские и К0) получит доход не менее чем в 5 миллиардов рублей, т. е. 500 % годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100–200 %. Где найти дело лучше?»

В вопросах сроков военного нападения на СССР гадать трудно, но, входя в положение господ Рябушинских всех национальностей, надо понять, что они к этому делу могут притти даже не от «расчета», а просто с отчаяния. Если дальше кризис будет развиваться с такой же стремительностью, как сейчас, то тогда волей-неволей будешь думать не только о том, чтобы насаждать фашистские правительства, не только о том, чтобы ставить палки в колеса своим соседям, но, действительно, всерьез подумаешь о завоевании такого огромного рынка, какой представляет из себя наша Советская страна.

Особенно большим толчком, большим стимулом, для того чтобы попробовать интервенировать нас на данном историческом отрезке времени, является как раз та капиталистическая обстановка, о

которой я вам говорил. Столкновение между нашей системой и капиталистической может произойти раньше, чем столкновение между отдельными капиталистическими государствами.

Вылазка Рябушинского, которая похожа на какой-то сумасшедший бред, характерна как показатель нервозности буржуазии перед лицом надвигающейся революционной бури. Все его расчеты убийственно смехотворны, но они любопытны в том отношении, что обнажают и раскрывают беспокойство буржуазии за ее судьбу, за ее завтрашний день. На подготовку интервенции мы должны ответить удесятеренными усилиями по организации обороны страны и продолжением политики мира. Мы каждую минуту должны быть готовы к тому, чтобы грудью стать на защиту Советского Союза, на защиту победоносно растущего социализма.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Перехожу, товарищи, к нашим внутренним вопросам. Я должен еще раз оговориться, что не намерен давать обильные цифровые выкладки, ибо я убежден, что вы все достаточно внимательно следили за работой съезда и знакомы как с докладами и прениями, происходившими на нем, так и с принятыми им резолюциями. Это в значительной мере упрощает мою задачу, но тем не менее некоторые справки дать необходимо. Прежде всего, что происходит у нас по линии нашей промышленности? Я вам говорил уже, что XVI съезд партии — это съезд, на котором развернулась программа широкого социалистического наступления по всему фронту внутри нашей страны. И это безусловно так. Основное, решающее, главное наступление велось, ведется и впредь пойдет, конечно, по линии нашей социалистической промышленности.

То, что мы получили за последние 2,5–3 года, говорит само за себя. Цифры роста социалистической индустрии не нуждаются ни в каких особых комментариях. Если: капитальные вложения за последние три года в обобществленный сектор промышленности увеличились в нашей стране в три раза, т. е. с 1 270 миллионов рублей они поднялись до 4 275 миллионов рублей; если валовая продукция обобществленного сектора за это время увеличилась больше чем вдвое, т. е. с 1926/27 года до 1929/30 года с 11 999 миллионов рублей поднялась до 24 740 миллионов рублей, и если наряду с этим частный сектор в нашей промышленности сократился на одну пятую часть, — это лучшие, красноречивейшие показатели тех успехов, тех огромных завоеваний, которых мы с вами добились в области социалистической индустриализации.

В крупной промышленности удельный вес социалистического сектора за этот промежуток времени поднялся с 97,7 до 99,3 %, только 0,7 % крупной промышленности находится в руках наших классовых противников — концессионеров и прочих.

Таким образом, тот огромный вопрос, который в период провозглашения нэпа поставил Владимир Ильич — «кто кого», в промышленности, как видите, разрешен окончательно и бесповоротно в пользу социалистических форм.

Наличие необходимых предпосылок для стремительного развития нашей промышленности сейчас не подлежит никакому сомнению не только для руководства партии, но уже совершенно бесспорно как для партии в целом, так и для широчайших масс рабочего класса. Свидетелем этого является лозунг, выросший из активности масс: «Пятилетка — в четыре года».

То положение, что мы так глубоко и широко внедрили в сознание рабочих принятые партией темпы нашей социалистической стройки, позволяет нам сейчас в ряде случаев превзойти популярный лозунг: «Пятилетка — в четыре года».

В ряде решающих отраслей (нефть, машиностроение, особенно крупное электростроение) пятилетний план мы можем выполнить в три года.

Эти успехи социалистической индустриализации показывают всю несостоятельность капитулянтской установки правых оппортунистов, испугавшихся темпов индустриализации, намеченных партией, и защищавших равнение на «узкие места».

Мы поставили перед собой задачу добиться того, чтобы нашу по преимуществу аграрную страну превратить в страну промышленную. И вот, товарищи, на XVI партсъезде мы впервые получили объективные основания сказать полным голосом, что мы достигли того перевала, когда наша страна из страны аграрной действительно превращается на наших глазах в страну промышленную, в страну индустриальную. Если до войны валовая продукция всей промышленности в общем балансе народного хозяйства достигала 42,1 %, то теперь она выражается уже в 53 %.

Мы ставили задачу, и теперь от нее не отходим, в кратчайший исторический срок освободиться от иностранной зависимости в деле развертывания нашего народного хозяйства. И тут за последние три года наши успехи огромны. Если в промышленности, планируемой ВСНХ, средства производства отечественного происхождения составляли в 1927/28 году 42,7 % общей валовой продукции, то сейчас они достигают 48 %.

Благодаря большевистским темпам индустриализации мы догоняем передовые в технико-

экономическом отношении страны, но расстояние, отделяющее нас от них по объему производства, еще очень велико. Как потребности нашего социалистического строительства, так и соревнование наше с капиталистическим миром обязывает нас к тому, чтобы во всей ближайшей работе обеспечить подлинно большевистские темпы индустриализации и дать беспощадный отпор капитулянтской установке правых на снижение темпа индустриального строительства.

Мы с вами и на областной конференции и на районных конференциях установили, что в отношении развития нашей промышленности мы сидим уже в настоящем социалистическом седле. Нужно быть порядочным фантазером, чтобы думать, что нас можно оттуда выбить, — мы обеспечены тут настолько, что можем относительно спокойно взирать на завтрашний день, тут у нас все пути, перспективы продуманы от начала до конца. Такой грандиозный размах, как наметка работы на пять лет вперед, объективно себя оправдал — и даже в более короткий срок, чем тот, который мы себе ставили.

На основе подъема социалистической промышленности мы наблюдаем определенный рост рабочего класса в нашей стране, поднятие материального и культурного уровня рабочего класса, все большее и большее внедрение семичасового рабочего дня в наши предприятия, достаточно быстрый переход на непрерывку, резкое как никогда сокращение безработицы и переход в настоящее время к новому географическому распределению нашей промышленности, что позволяет включить в дело социалистической стройки новые, отставшие до сих пор районы — национальные республики, и тем самым создать гораздо более широкую базу для стремительного развития производительных сил всей нашей страны.

Это, товарищи, такие завоевания, которые ни в какой степени не под силу капиталистическим государствам. Тот лозунг, который мы перед собой поставили, — не только догнать, но и перегнать капиталистические страны, мы осуществляем достаточно успешно.

НАШИ УСПЕХИ ЗАВОЕВАНЫ В БОРЬБЕ С ОППОРТУНИЗМОМ

Основным залогом всех этих успехов является, конечно, генеральная линия нашей Всесоюзной коммунистической партии. Теперь только совершенно безнадежный кретин может еще делать попытку пересмотреть генеральную линию нашей партии. Теперь уже едва ли кому-нибудь всерьез может притти в голову мысль о необходимости умерить, сократить темпы нашей индустрии, нашей социалистической стройки. Товарищ Сталин совершенно правильно сказал на XVI партсъезде, что «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов». Весь опыт практической работы является лучшим доказательством правильности этой формулы.

Теперь как никогда полно оправдалась ленинская характеристика всякого оппортунизма внутри нашей партии. Когда мы спорили с так называемыми «левыми», мы говорили: более левого социалистического и революционного течения, чем ленинизм, придумать нельзя. Это самое левое и самое радикальное течение. Истекший период времени блестяще это подтвердил. Те «ультралевые», которые обвиняли ленинизм в соглашательстве, в центризме и т. д., скатились уже на сторону самой настоящей контрреволюции. Те идеологи правых, которые совсем еще недавно рьяно отстаивали свои позиции внутри нашей партии, должны сейчас признать, что действительно самым подходящим, так сказать, самым верным явился только тот курс, который мы проводили, по которому вел нашу партию ее ЦК. Теперь правые оппортунисты только кое-где, бочком пробуют пошуровать среди наших партийных рядов и наиболее отсталых слоев рабочего класса, пытаясь подорвать доверие к генеральной линии нашей партии. Вслух ни один не осмеливается высказать осуждение темпов нашей грандиозной социалистической стройки.

Наши дальнейшие задачи вытекают из тех завоеваний, какие мы на сегодняшний день имеем. Это прежде всего всемерное, стремительное, поставленное на высокие темпы развитие нашей металлургии, как черной, так и цветной. Работа наших машиностроительных гигантов, которые мы включили и включаем в нашу социалистическую стройку в ближайшие годы, потребует прежде всего огромного количества металла. Если сейчас мы производим в год 5,5 миллиона тонн чугуна, то завтра это окажется для нашей страны совершенно нищенской цифрой.

Сейчас нет уже ни одного работающего сколько-нибудь форсированным темпом завода, который не переживал бы нужды в черном или цветном металле в зависимости от рода производства. В ближайшие годы потребность в металле встанет во всей своей остроте. Сейчас это кардинальная, основная и решающая проблема. Она черным по белому записана в решениях XVI съезда нашей партии. Львиную долю капитальных затрат живой и мертвой силы в ближайшие годы мы должны направлять именно в эту отрасль промышленности. Все вы знаете, каким мы темпом идем из года в год вперед. Прирост продукции на 32–40 % стал обычным явлением. Это прирост, который не снился никакому Форду. Но если взять абсолютное количество всякого добываемого продукта, в том числе и металла, то нужно сказать, что мы находимся в недостойном для диктатуры рабочего класса положении. Это, повторяю, решающий вопрос. Вот почему в решениях последнего съезда не просто записана необходимость развертывания добычи металла, черного и цветного, но там особым пунктом указано на необходимость разворачивания Урало-Кузнецкой угольно-металлургической

базы. Съезд поступил правильно, что это конкретное постановление записал в свои решения. Мы подошли к положению, когда старые районы как по металлу, так и по углю становятся недостаточными. Нам тесно в старых металлургических угольных районах, нам нужно форсированным, социалистическим темпом разворачивать новые районы, а этими многообещающими новыми районами в отношении угля и металла являются Урал и наша огромная Сибирь. Те металлургические и угольные богатства, которые эти районы в себе таят, нам нужно поднять и освоить на протяжении ближайшего времени.

Само собой понятно, что нужно неустанно развивать все виды машиностроения, чем мы и занимались до сих пор. Но особую проблему на ближайшее время представляет из себя тракторостроение и сельхозмашиностроение вообще. Взяв на себя задачу социалистической перелицовки сельского хозяйства, мы должны сказать, что эту задачу мы будем разрешать успешно по мере того, как будем привлекать к ее разрешению технику тракторо- и сельхозмашиностроения.

Мы сейчас, товарищи, достаточно укрепившись на позициях тяжелой индустрии, получаем возможность более быстрым порядком развернуть и легкую индустрию. Общеизвестно, какое огромное значение приобретает для нас продукция легкой промышленности. Нам нужно навалиться на нее основательно. Нужно более форсированно, чем до настоящего времени, поставить вопрос об увеличении экспорта нашей продукции за границу, в капиталистические страны. Когда говоришь об экспорте, то у многих по ассоциации сейчас же мысль набегает о масле, мясе, беконе свином и т. д. Не об этом идет, однако, речь. Все мы должны знать, что и масло, и яйца, и прочие всякие съедобные вещи далеко не доминируют в нашем экспорте. Это весьма ограниченная статья в нашем экспорте. Когда мы говорим об экспорте, мы имеем в виду лес, имеем в виду нефть. Они — основные статьи вывоза, И если к ним еще прибавить такую отрасль экспорта, как пушнина, то это и будут три кита, на которых дело экспорта держится. Но так было до сих пор. Сейчас мы с вами поднимаем новые отрасли промышленности, которые, с одной стороны, нас освобождают от импорта, а с другой стороны, являются основанием для образования новых экспортных статей. Об этом, товарищи, и идет речь.

Огромное значение для дальнейшего социалистического развития приобретает транспорт — железнодорожный, водный и гужевой. В ближайшее время мы это почувствуем так, как никогда еще не чувствовали за все время существования нашей социалистической страны.

Если верно, что без транспорта, вообще говоря, невозможно настоящее развитие никакого народного хозяйства, то в отношении социалистического хозяйства это тем более верно. Мы, конечно, с малого возраста знаем, какую пользу приносят железные дороги. Это бесспорное дело. Мы также знаем значение рек и морей в жизни человека. Это во всякой и даже в советской хрестоматии аккуратно записано. Каждому известно также, какое значение имеет порядочная гужевая дорога.

Все эти три формы нашего транспорта (а водный транспорт— это отрасль, находящаяся у нас в абсолютном загоне), все эти отрасли на ближайший отрезок времени потребуют огромного внимания от нашей партии. Мы уже сейчас самым настоящим образом из-за отставания транспорта задыхаемся.

В прошлом году в хлебозаготовительную кампанию мы заготовили примерно 900 миллионов пудов хлеба, а в этом году мы по плану должны заготовить еще большее количество. Вы можете себе представить, что значит перевозка такого громадного количества хлеба, да притом в кратчайший срок, — мы берем курс на то, чтобы если не к новому хозяйственному году, то во всяком случае к календарному году с хлебозаготовками покончить.

Если вы посмотрите на все остальные отрасли, где, как я вам говорил, мы пятилетку выполняем даже не в четыре, а в три года, если вы вспомните, какое огромное количество металла понадобится нашим гигантам на ближайшие годы, то вы еще отчетливее поймете, что это настоятельно потребует расширения и усиления транспорта. Вот почему каждому из нас надо особенно крепко зарубить это себе на носу и железнодорожный, водный и гужевой транспорт поставить как можно скорее на должную высоту.

Нужно ли вам, товарищи, говорить о том, что надо с гораздо большим рвением, чем до XVI съезда, выполнять промфинплан, программу снижения себестоимости, бороться с потерями, поднимать производительность, дисциплину труда и прочее.

Все это как будто бы прозаические вещи, но на общем фоне гигантской социалистической стройки они приобретают то поэтическое значение, которое должно воодушевить всю нашу плеяду пролетарских поэтов и писателей. Из этих повседневных, как будто бы всем понятных, лозунгов, если осуществить их, и складываются те огромные масштабы нашей социалистической стройки, о которой я вам говорил.

Только на основе этой работы мы сумеем выполнять дальнейшее наше обязательство в отношении рабочего класса в смысле повышения его реальной заработной платы. И само собой понятно, что

эта работа потребует от нас громадного внимания к делу воспитания, взращивания и выдвижения новых кадров по всем линиям нашей социалистической стройки.

ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Другой сектор нашего строительства — сельское хозяйство. В последнее время после очень упорной и настойчивой борьбы с правыми оппортунистами, опираясь на громадные завоевания социалистической промышленности, укрепление авторитета совхозов и колхозов, укрепление сельскохозяйственной кооперации, мы взялись вплотную за осуществление решений XV съезда по массовому объединению бедняцко-середняцких хозяйств в колхозы.

Можно сказать, что эти решения мы выполнили достаточно успешно. Программу, которую мы поставили перед собою в деле колхозного строительства, мы выполняем, как и промышленную программу, гораздо быстрее, чем намечали.

В истекающем сельскохозяйственном году в отношении прежде всего количественном мы добились уже такого успеха, который впервые позволяет нам сказать, что по валовой зерновой продукции мы превосходим довоенный уровень. Но если по валовой продукции мы достигаем сейчас 110 % довоенного уровня, то зерновая товарная продукция держится пока еще на уровне 73 % довоенного выхода товарного зерна. Таким образом, здесь качественная сторона дела у нас хромает. И все же мы с полным правом могли на XVI съезде записать, что в основном эту больную, в то же время большую для нашей социалистической практики зерновую проблему мы разрешили. Сейчас мы можем спокойно сказать, что из затруднений в этой области мы с вами вышли, и вышли прежде всего потому, что внимательно и правильно осуществляли решения XV съезда нашей партии в деле строительства колхозов и совхозов.

Небольшая справка о работе нашего Зернотреста. Посевная площадь Зернотреста в 1928/29 году составляла 150 тысяч гектаров, в 1929/30 году — свыше 1 миллиона гектаров, в 1932/33 году она должна достигнуть уже 14 миллионов гектаров.

Эта небольшая справка говорит о том, что к концу пятилетки зерновые посевы одного только Зернотреста будут равны примерно посевной площади под зерновыми культурами в Аргентине.

Как идет дело с валовой продукцией в совхозах? В 1927/28 году было 9,5 миллиона центнеров, в 1929/30 году—28,2 миллиона центнеров, в 1930/31 году должно быть 71,7 миллиона центнеров, из них 61 миллион центнеров товарного хлеба.

Колхозы наши начинали буквально с пустяков. В 1927 году площадь под колхозами составляла 0,8 миллиона гектаров, в 1929 году — 4,3 миллиона гектаров, в 1930 году уже 36 миллионов гектаров находятся у нас в ведении колхозов. Таким образом, за три года площадь земель, находящихся в колхозах, увеличилась у нас больше чем в 40 раз. Нужно ли вам говорить, что и дальше мы не намерены ослаблять эти темпы, а, наоборот, вести дело переустройства нашей деревни, подкрепляемое поднимающейся и развертывающейся индустрией, также достаточно внушительными и серьезными темпами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ, ПРОБЛЕМА ЖИВОТНОВОДСТВА

Если мы перейдем к нашим техническим культурам, то здесь увидим, что довоенный уровень оставили позади себя уже достаточно давно. Я вам приведу опять только небольшую справку. По хлопку мы уже имеем в 1930 году 217 %, по льну — 125 %, по сахарной свекле — 169 %, по масличным — 260 % довоенных посевных площадей.

Но вот иначе дело обстоит с животноводством. Все вы знаете, — это большая, самая тяжелая, самая острая проблема на ближайший промежуток времени. Что представляет собой наше животноводство по сравнению с довоенным временем? Крупный рогатый скот по сравнению с довоенным временем сейчас составляет 89,1 %, лошади — 88,6 %, свиньи — 60,1 %. Вот здесь — корень всего того положения в области снабжения мясом, которое мы с вами переживаем особенно остро за последнее время.

Надо вам сказать, что перейти к разрешению этого больного вопроса, прежде чем была разрешена зерновая проблема, мы, к великому сожалению, не могли. Тут нужна была совершенно определенная хозяйственная хронология, из которой никак не выскочишь. И лишь после того как мы разрешили в основном зерновую проблему, мы сейчас ставим на рельсы ускоренного практического разрешения и проблему животноводства.

Об этом нужно популярно и понятно для каждого рабочего и крестьянина рассказать. Всю нашу программу разворачивания животноводства в ближайшие годы надо сделать доступной каждому крестьянину, как мы на хорошем заводе делаем доступными каждому рабочему наш план, производственные задания данного завода.

Это надо сделать и в отношении животноводства. Необходимо по всем линиям, по всем звеньям,

пользуясь возможностями, в первую очередь наших совхозов и наших колхозов, этих социалистических оазисов нашего сельского хозяйства, решительно нажать на проблему животноводства.

В связи с этим неразрывно встает несколько проблем — тут и молоко, тут и мясо, тут и масло, тут и кожа, и шерсть, и прочее, что, так сказать, по всем линиям ограничивает сейчас не только снабжение населения, но и возможность роста нашей промышленности.

Целая программа работ на этот счет составлена. Мы должны будем (что в основном и XVI съездом намечено) совершенно точно определить сельскохозяйственную географию наших районов — дать каждому району совершенно точное, определенное производственное задание и потребовать выполнения промфинпланов в сельском хозяйстве так же, как требовали в отношении промышленности.

Особенно подгоняет нас в скорейшем разрешении животноводческой проблемы продовольственное положение наших рабочих. Говорить я об этом много не буду, ибо все вы прекрасно понимаете, какое состояние мы в этом отношении переживаем. Мы должны в ближайшие же годы разрешить проблему животноводства. Отсюда, товарищи, мы на съезде условились, и так мы и до съезда дискуссировали эту проблему, — что если мы хотим скорее и решительнее ее разрешить, — я говорю не о животноводческой проблеме в целом, а только о продовольственной ее части, — то нам все наши надежды и вожделения нужно обратить на то животное, название которого нужно превратить из ругательного слова, как это было до сих пор, в самое почтенное, — я имею в виду свинью.

В одном из докладов я ссылался на то, что, как это ни странно, мы к этому животному подошли не сами, а через иностранную помощь; научил нас этому делу высококвалифицированный в отношении сельского хозяйства германский специалист, объехавший всю нашу страну. В беседе с нашими ответственными работниками он только руками разводил: «Я удивляюсь, что для вас продовольственная проблема является еще вопросом. Никакого вопроса она собой не представляет, если только вы свое внимание обратите на свинью, — этим вы разрешите весь вопрос, вы получите и мясо, и жиры, а главное, получите все это в кратчайший животно-исторический срок». Если корова позволит разрешить эту проблему — и то корова высококультурная, европейская, а не наша — в три года (а наша в пять лет), то свинья разрешает это гораздо раньше. Имея сегодня пару свиней, через 10 лет вы получите не более, не менее как миллион штук. Это смешно, но когда подсчитать, то окажется, что этого можно добиться гораздо раньше. Доказано, что свинья, которую вы кормите в течение 14 месяцев, дает мяса в четыре раза больше, чем вол, т. е. ее вес составляет не более, не менее как 54 пуда, если подойти к ней по-настоящему, не со смехом, а с полным коммунистическим, государственным вниманием. Я на III областной конференции говорил, что мы этому животному должны с сегодняшнего дня посвятить свое партийное внимание, об этом сказал и XVI съезд. Если мы хотим это дело решить всерьез, а решить его можно, нужно использовать для этого все возможности. Если эту невзыскательную скотину поставить в сколько-нибудь подходящие советские условия, то в отношении всех возможностей ее размножения, о которых я вам говорил, дело пойдет гораздо дальше, чем это кажется возможным на первый взгляд.

Почему я так долго задержался на этом вопросе? Потому что, когда мы завтра или послезавтра пойдем на широкие беспартийные собрания с нашими отчетами и докладами, то нас рабочие будут спрашивать. Я должен сказать, что на сегодняшний день, на завтрашний день существенного улучшения продовольственного положения рабочих не будет, — для этого нет реальных объективных данных. Но, товарищи, это не значит, что нужно сидеть сложа руки, это говорит об обратном, о том, что нужно нажимать на это дело, как только можно. С точки зрения скорейшего более или менее сносного разрешения продовольственной проблемы вопрос о свиноводстве приобретает исключительное значение.

Цифры, характеризующие состояние нашего животноводства, которые я привел, не только требуют того, чтобы за довоенный уровень перешагнуть, а они говорят и о том, что надо очень осторожно относиться к уничтожению имеющегося у нас скота.

Если завтра из имеющихся у нас теперь 89 % крупного рогатого скота начать подходящую долю отправлять в желудок, то мы не только не восстановим довоенного уровня, но, наоборот, будет увеличиваться тот урон, который в полосу наших неполадок в колхозном строительстве имел место в деревне. Крестьянин, поняв величайшую опасность убоя скота, стал всячески скотину придерживать, сбывая только то, что, вообще говоря, никаких надежд не подает, что действительно нужно поскорее сбросить со своих хозяйственных счетов.

Все это вместе взятое ставит в области сельского хозяйства на первый план проблему животноводства. Решив зерновую проблему, мы имеем возможность сейчас подойти к созданию кормовой базы и к разрешению животноводческой проблемы. Не подлежит никакому сомнению, что если мы решили зерновую проблему (а объективно говоря, ее решать труднее, чем какую-либо другую проблему сельского хозяйства), то можно быть уверенным, что мы и задачу поднятия животноводства решим.

За этой большой проблемой животноводства ни на минуту нельзя упускать из поля зрения задачу усиления, укрепления наших колхозов и совхозов. Сейчас надо более отчетливо подходить к организации нашей опоры в деревне не только по линии бедноты, на которую мы особенно надежно до сих пор опирались, но надо с полной организационной подготовленностью встречать и использовать новую опору, идущую к нам из деревни, — я говорю о крестьянине-колхознике.

Все наши завоевания достигнуты, конечно, не самотеком. Проценты в промышленности растут не сами по себе; в сельском хозяйстве мы разрешили зерновую проблему не так, что и сами этого не заметили. Ничего подобного, все это протекало в обстановке жесточайшей классовой борьбы внутри нашей страны. Поперек дороги становился кулак, ему помогали в этом деле нэпман, вредитель на фабрике и заводе, молился против советской власти и диктатуры рабочего класса поп. Все, что есть непролетарского, нетрудового в нашей стране, мобилизовалось для того, чтобы тормозить нашу стройку, над которой, товарищи, мы не мало поработали, прежде чем добиться огромных успехов, вопреки умонастроению, стремлениям и деятельности носителей главной, правооппортунистической опасности в нашей партии — идеологов правого оппортунизма.

Дело прошлое, а надо сказать, что они тормозили нашу работу основательно, в этом им надо отдать справедливость. Времени на борьбу с ними мы потратили достаточное количество. Успехи в колхозном строительстве завоеваны также благодаря тому, что партия под руководством ЦК своевременно и решительно одернула «левых» загибщиков. И тем не менее наши успехи, товарищи, налицо, невзирая на огромное сопротивление наших классовых врагов. Почему мы этого добились? Потому, что мы не только создали широкие программы строительства, от начала до конца продуманные, но мы ни на одну минуту не забывали и об организационной перестройке наших рядов.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ НАШЕЙ РАБОТЫ

За отчетный промежуток времени мы перестроили ряды нашей парторганизации, как вы знаете, сверху донизу, лишний раз проверили их, чтобы сделать наиболее гибкими, наиболее восприимчивыми ко всему новому, наиболее способными к возможно более широкому и живому охвату огромной волны инициативы, самодеятельности, энтузиазма и самопожертвования рабочего класса. На основе самокритики мы сумели не только количественно расширить наши партийные ряды, но укрепить их всемерно и качественно. Надо, товарищи, без преувеличения сказать, что, пожалуй, никогда наша партия, численность которой сейчас доходит до 2 миллионов человек, не была настолько единой, настолько крепко спаянной и монолитной, как сейчас. Этого мы тоже добились не случайно, а прежде всего благодаря широкой критике и самокритике. Мы все основные и решающие формулы нашей партработы довели до сознания партийцев, довели до сознания рабочих, на основе развертывания широкой самокритики сумели привлечь каждого рабочего, каждого члена партии к тому, чтобы он не механически воспринимал большие партийные задания, но осуществлял их с полным сознанием. Не меньшая работа проделана нашей партией и в деле перестройки нашей советской системы. Возьмите хотя бы одну область — чистка советского аппарата, повседневная борьба по линии РКИ со всякими чуждыми, заплесневелыми, бюрократическими элементами во всей сложной советской системе. Это превратило наш аппарат в более твердый и надежный проводник диктатуры пролетариата.

Мы стоим сейчас накануне одной реформы, о которой нужно в этой связи сказать, — эта реформа заключается в том, что нам в кратчайший срок нужно советские органы повернуть как можно ближе, как можно непосредственнее к новым задачам нашей работы в деревне, — к району и селу, чтобы мы могли основательнее и крепче решать все вопросы подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Основное, что мы сейчас имеем в деревне — это колхозы и совхозы. Непосредственно руководить ими недоступно ни Совету народных комиссаров, ни ЦИКу, ни областному исполкому, ни даже окружному исполкому. Местной сельской власти прежде всего надлежит ведать совхозами и колхозами. Мы думаем сейчас таким образом повернуть наш советский аппарат в деревне, чтобы решающее, основное звено было как можно ближе к селу, к колхозу и совхозу. Этим звеном является районный аппарат Советской власти. Между районным аппаратом и областным центром имеются окружные исполкомы. Съезд единодушно пришел к такому решению, что эти окружные исполкомы свою роль, в прошлой работе бесспорно крупную, уже выполнили. Теперь в интересах лучшей постановки нашей работы в деревне надо поставить дело так, чтобы областная власть непосредственно сносилась с районной властью, а задача районной власти — именно непосредственно, конкретно, практически работать прежде всего в колхозах и совхозах, не забывая, разумеется, и работы с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, которые нужно подготовлять к вступлению в колхозы. Сейчас в деревне нужны такие работники, как на заводе, фабрике: директор, член дирекции, председатель производственного совещания, секретарь заводского коллектива и т. д.

В колхоз и совхоз нужно дать руководителей, которые занимались бы этим делом не за несколько десятков верст, а непосредственно, чтобы они видели, что там и как происходит.

Сейчас мы вошли в такую полосу работы, когда в деревне все принципиальные, так сказать, вопросы для нас ясны. Теперь нужна практика, практическое, конкретное, повседневное дело.

Ликвидация округов — очень важная реформа, которую XVI съезд нашей партии принял и которую в течение этого хозяйственного года мы должны осуществить. Мы возлагаем на эту реформу огромные надежды; мы знаем, что первое время с ней будет довольно трудновато, довольно кропотливо и хлопотливо. Если вы возьмете, скажем, нашего брата, нам придется сейчас, выражаясь по-старинному, управлять 100 районами. Перед нами будет уже не 8 округов, а будет около 100 районов, им надо будет непосредственно указывать, ими надо будет непосредственно руководить.

Раньше мы находились в более выгодном положении. Мы пошлем директиву в округ, а уже дело округа обмозговать, насколько она подходит к району; если не подходит, он должен был ее поправить. Теперь эти смягчающие наше положение обстоятельства отпадают; теперь надо каждому району отчетливо сказать, как и что он должен делать.

Как видите, положение получается довольно ответственное, но оно зато сильно встряхнет всю нашу партийно-советскую систему в деле продвижения социалистической стройки в деревне и ускорит темпы развития сельского хозяйства. Тут уже не только надо будет думать о том, чтобы лен раньше посеять, а надо будет непосредственно всем этим руководить. Но для того, чтобы руководить, надо знать. Если ты, скажем, ячмень от пшеницы отличить не можешь, то трудно тебе будет сидеть в областном исполкоме или в областном партийном комитете. Не выйдет тогда. Надо будет это дело знать, надо будет знать, как с той же самой свиньей обращаться, чтобы ей более вольготно жилось на советской земле, надо, чтобы всякая прочая живность развивалась более подходяще. За всем этим надо следить и во-время указывать.

ПРОФСОЮЗЫ ПОВЕРНУТЬ ЛИЦОМ К ПРОИЗВОДСТВУ

Громадное место на XVI съезде занимал вопрос о профсоюзах. Нет времени и возможности подробно останавливаться на этом, но если мы говорим о советах, главным образом сельских, что они сейчас встают лицом к деревне, то наши профессиональные союзы должны становиться лицом к производству. К величайшему сожалению, у нас с этим вопросом до самого последнего времени дело обстоит весьма и весьма неблагополучно. То, что мы пережили при так называемом старом руководстве профдвижением, все еще сильно чувствуется. Томский, когда мы взяли курс на индустриализацию, на социалистическую перестройку деревни, когда надо было перевести всю профсоюзную работу на новые рельсы, пытался противопоставить профсоюзы руководству партии.

ЦК снял старое руководство и, конечно, иначе поступить не мог. Но этого оказалось недостаточно: старые традиции продолжают сказываться до сих пор. Сейчас, после решений, вынесенных на XVI съезде, задача профсоюзов — по-настоящему переключиться именно лицом к производству, опереться в повседневной работе на передовые слои рабочих, ударников, подтянуть их к практической работе.

Что им мешало в этом раньше? Мешала, например, такая философия, которую проповедовал Томский. Он говорил, что, дескать, в нашей советской системе защита материальных интересов рабочего класса находятся в некоем противоречии с развертыванием нашей социалистической стройки. Если хотя бы на одну минуту стать на эту точку зрения, тогда, как ни старайся, лицом к производству ни один профсоюз не повернется. Если действительно есть противоречия, хотя бы и «некие», между интересами рабочих и развертывающейся социалистической промышленностью, то это значит, что между интересами рабочих и промышленностью происходит столкновение. А раз так, как же рабочий и его профсоюзная организация могут встать лицом к производству? Лицом встанешь, чтобы драться с промышленностью, но никак не помогать ей, содействовать и всячески разворачивать нашу промышленность всех видов и на всех ее ступенях.

Теперешние решения, вынесенные с полным единодушием по инициативе наших профессиональных работников, заключаются именно в том, чтобы повернуть профсоюзы сверху донизу лицом к производству.

Еще одна маленькая иллюстрация, почему этого до сих пор не было. Огромным звеном в деятельности профсоюзов является культурная работа профорганизаций. Так вот культурный бюджет в 1928 году всех профсоюзов нашего Советского Союза исчислялся в 135 миллионов рублей. Сумма, как видите, порядочная. Из этой суммы, из 135 миллионов рублей, на так называемое производственное просвещение членов союза профсоюзы расходовали 632 тысячи рублей, а вот, скажем, на физкультуру (все мы сторонники физкультуры, это дело хорошее) тратилось 16 миллионов рублей. (Голоса: «Ого!..») Там — 600 тысяч, а здесь — 16 миллионов!

В старину говорили, что в «здоровом теле — здоровый дух». Это все, конечно, правильно, это надо делать, но когда дальше этого не идет, когда на одну лишь физкультуру 16 миллионов, а на производственное просвещение 600 тысяч — это никак не выходит. Это значит — спиной к производству и лицом к физкультуре. Так получалось. Между тем нам надо, чтобы и сама физкультура способствовала росту нашего социалистического хозяйства, повышению производительности труда. Дальше, например, — кино, спектакли, концерты. Конечно, всякий за кино, за спектакль, не грех побывать и на хорошем концерте, это правильно. На все это тратилось в

1928 году 42 миллиона рублей, а на ликвидацию неграмотности — 1,5 миллиона рублей. Видите, как выходило! Если у нас есть неграмотные в профсоюзах, в том числе среди наших квалифицированных профессий, — это никуда не годится.

Если мы говорим о том, что переживаем полосу развернутого наступления на всем фронте социалистической стройки, а я, имя рек, член профсоюза с таким-то стажем, оказывается, расписаться не умею, что участвую в развернутом социалистическом наступлении, — это же ни в какие ворота не лезет.

Сейчас обслуживание членов профсоюзов должно быть самым серьезным образом увязано не только, так сказать, с правами каждого из нас, находящегося в профсоюзе, но и с обязанностями нашими в отношении социалистической стройки. Надо сказать так, что если мы действительно — профсоюз и действительно по-настоящему объединены, так мы должны представлять подлинную, настоящую армию, которая творит, активно действует, организует, ломает всякие препятствия на пути социалистической стройки. Этого надо добиться. Есть ли это до настоящего времени или нет? Я приведу один пример из нашей здешней ленинградской практики. Возьмем работу нашего Ленинградского порта, о котором сейчас каждый день пишут в газетах. Там десятки тысяч народа работают, а если строго посмотреть, как эти самые члены профсоюза лицом к производству стоят, то увидим, что не только лицом, но и в полуоборот к производству не находятся. Значительная их часть приезжает, регистрируется, записывается, а потом, как через проходной двор, проходит, рассеивается, — где, кто куда, никого не поймаешь, не разыщешь. Это называется лицом к производству! Тут надо сделать поворот по-настоящему, и этот поворот может быть прежде всего только в том случае, когда звание члена профсоюза в нашем рабочем государстве будет действительно наполнено соответствующим содержанием. Так надо дело поставить. У нас этого, к сожалению, в настоящее время еще нет. Насчет «прав»; это, конечно, каждый из нас понимает, — где, что и как подписать и прочее, а вот с обязанностями выходит несколько иначе. Так что, когда мы говорим о перестройке профсоюзов, надо иметь в виду необходимость изжить остатки старой, гнилой, оппортунистической закваски в наших профсоюзах, оставленной старым, оппортунистическим руководством во главе с Томским.

Нужно ли говорить о той исключительной роли, которую приобретает наша рабочая кооперация! Перестройка ее работы также назрела и стучится в двери любой рабочей организации. Мы записываем в каждой резолюции, что надо освободить нашу кооперацию от торгашеских и барышнических устремлений, но никак этого разрешить еще не смогли, никак отделаться от этого до сих пор не можем. Кооперация иной раз в погоне за «доходным» товаром забывает, что ее главная задача — лучшая организация рабочего снабжения.

Кооперация должна сделать стержнем всей своей работы систематическую борьбу за повышение реальной заработной платы рабочих. Именно теперь кооперация все более и более приобретает значение непосредственного передатчика продуктов от производителя к потребителю. Торгашеские и барышнические тенденции приносят огромный вред нашей кооперации.

Само собою понятно, что когда мы находимся с вами на таком большом переломе, то и вопросы культурного строительства звучат гораздо более призывно, чем это было, скажем, на XV или XIV съездах партии. Нечего уже говорить о кадрах. Если мы действительно ведем развернутое социалистическое наступление по всему фронту, то это предполагает широчайшее вовлечение в социалистическую работу трудящихся города и деревни. Скажем просто и элементарно: как можно вовлечь человека в активный развернутый фронт происходящей социалистической стройки, если в культурном отношении этот имя рек представляет еще целину. Ясное дело, что тут будет много конфуза; очевидно, что это дело нам нужно подтянуть в самое ближайшее время.

XVI съезд вынес решение о всеобщем обязательном обучении. Конечно, весь перечень мероприятий так называемой культурной революции мы в своих резолюциях осветить не могли — внимание остановлено на основном, главном, решающем, а остальное вытекает само собой. Но во всяком случае, если говорить о необходимости начать по всему фронту осуществление задач культурной революции в нашей стране, то нужно это делать теперь.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ВОПРОСЫ

Теперь я перехожу к тому, как вела наша партия борьбу за генеральную линию, за большевистское единство наших рядов до XVI съезда, и к тому, какие решения приняты XVI съездом об оппортунистических уклонах и уклонистах.

Когда мы постфактум подводим итог нашим достижениям, то теперь кажется, что так это и должно быть — «кто же мог в этом сомневаться», «ну и хорошо, что так вышло». Товарищи, это дело прошлое, но теперь можно сказать, что сомневались очень многие и тормозили нашу работу очень настойчиво. Правый уклон, главная опасность в настоящее время, имел весьма значительное распространение. Одни формулировали идеи правого оппортунизма до конца, смело об этом говорили, спорили, дрались с партией, а другие жили с право-уклонистскими взглядами в практике работы, хотя об этом и не говорили вслух. Таких людей было порядочно во всех звеньях нашей

работы и во всех организациях; именно отсюда у нас в один из периодов и явилось новое, так сказать, выражение — правый уклон на практике. Эти люди на словах вели борьбу против правого уклона, они всегда, видите ли, были за генеральную линию, добросовестно голосовали за генеральную линию партии, приветствовали наши резолюции и т. д., а на практике получалось иначе. Почему? Потому что по-настоящему они были правыми уклонистами, которые избрали такой путь — на практике я буду, мол, помаленечку по-правому действовать, а на народе пусть будет как подобает — за генеральную линию партии. И был, товарищи, порядочный слой в нашей партии, который действовал таким образом.

Если взять, например, так называемых «левых», то те определенно говорили, что «без государственной помощи западноевропейского пролетариата вы никакого социализма не построите». Правые вместе с нами утверждали, что это клевета на партию, на ленинизм, на Маркса, на кого хотите, что социализм в нашей стране можно построить. Вы все помните, как Бухарин, Рыков, Томский помогали нам громить троцкистов. А вот, когда мы начали на практике социализм строить, и чем дальше, тем в масштабе все более крупном, тут и пошли всякие оговорки: «Конечно, можно, но, во-первых, не спеша и без особых, так сказать, препятствий, и, во-вторых, тяжелой промышленности не отдавать предпочтения перед легкой, чтобы и металл был, чтобы и ситцу хватило. Если, скажем, нужно электрификацию развернуть, — почему не развернуть, но надо делать так, чтобы и масло рядом было, чтобы особенно не обделять себя. Одним словом — не торопиться; если нацелили на пять лет, посмотрим первые два года, что из этого выйдет, а потом наметим дальше. Если пойдет — ладно. Если встает, к примеру, вопрос о том, что кулака надо поприжать, — зачем это делать, мы все равно социализм построим, и рано или поздно кулак сам по себе исчезнет, нечего особенно около него хлопотать, сам сгинет. Если надо хлебозаготовки проводить, если нужно, чтобы кулак излишки дал, — зачем его прижимать, когда можно цену прибавить, и он сам отдаст; что жалеть советские червонцы, зачем обострять классовую борьбу и т. д.» Одним словом — правые за социализм, но без особых хлопот, без борьбы, без трудностей. Если не особо искушенному в революционной борьбе человеку сказать, что можно было бы построить социализм без классовой борьбы, всякий дурак за это голоснет: зачем драться, огород городить, когда и так выйдет. Но мы, воспитанные Лениным, знаем, что по-бухарински никакого социализма не выйдет. Недаром Ленин поставил еще в начале нэпа перед партией вопрос ребром: «кто кого» — или мы в борьбе победим капиталистов и построим социализм, или они раздавят диктатуру пролетариата. И эту простую вещь правые оппортунисты понять не хотели. А дело социализма трудно строить не только и не столько потому, что надо нажимать на темпы, выдерживать их и т. д. (а мы намеченные темпы в работе превосходим), но трудно потому, что на каждом шагу — и не ждешь вовсе с этой стороны, — что-то тормозит и осложняет нашу работу. Это основная трудность.

Дело нашей социалистической стройки явилось лучшим судьей в наших спорах с правыми оппортунистами.

Когда мы пришли на XVI партсъезд, то правым не пришлось встать в позу обвинителей и говорить: если на том-то месте партия повернула бы так, то было бы лучше; если бы на этом месте сделали так, то вышло бы скорее и т. д.

В свое время они говорили нам именно так на пленумах ЦК. На съезде они того уже сказать не могли, наоборот, они признали, что партия права и они, правые оппортунисты, ошибались в одном месте, в другом месте и т. д. Союз с середняком крепнет, колхозы и совхозы растут, из посевной кампании вышли, на фабриках и заводах дело кипит; конечно, в такой обстановке язык не повернется сказать, что правые были правы в борьбе против партии. Практика разбила правых оппортунистов с их капитулянтской платформой вдребезги, и тем не менее, по всей справедливости надо сказать, что все-таки правые, по крайней мере их бывшие руководители, всего, что необходимо для партии, на съезде не сказали. Съезд поступил правильно, когда поставил вопрос таким образом: ошибся — признай ошибки и соответствующим образом, по-большевистски дай партии коммунистическое обещание в дальнейшем бороться как только можешь и чем можешь с идеологией и носителями правого уклона; скажи ясно, что дорога, которую ты предлагал партии, неминуемо ведет к восстановлению капитализма. Полной договоренности здесь у нас не получилось, мы решили посмотреть, как покажут они себя на деле в ближайшую полосу работы. Мы дали им возможность доказать их готовность вести активную большевистскую борьбу за генеральную линию партии, против правого оппортунизма. Но для того чтобы партии застраховать себя от всяких оппортунистических помех и т. д., мы в решениях съезда записали одно место, которое, я надеюсь, вы прочли и которое гласит, что не только пропаганду, но и всякие правооппортунистические взгляды мы считаем несовместимыми с пребыванием в нашей партии. И не потому, что XVI съезд партии отличался особым жестокосердием, а только потому, что весь ход социалистической стройки показал гибельность правого оппортунизма для строительства социализма. В своем логическом завершении борьба правых оппортунистов против партии ведет к самой настоящей, подлинной контрреволюции. Тут правые целиком повторяют путь, пройденный троцкистами.

В итоге наша партия вышла со съезда гораздо более объединенной, более сплоченной и, я бы сказал, более могущественной, чем была до XVI съезда. За этот короткий, меньше чем

трехнедельный срок не могло произойти ничего чудесного, сверхъестественного, что внезапно усилило и укрепило бы нашу партию. Но за этот промежуток времени партия сумела посмотреть на весь пройденный путь совершенно открыто, проверила в суровой большевистской самокритике свою политику, и оказалось, что наша партия с невиданным единодушием ведет великую социалистическую стройку.

БОРЬБА МЕЖДУ РАСТУЩИМ СОЦИАЛИЗМОМ И ГИБНУЩИМ КАПИТАЛИЗМОМ

Наша партия сумела еще раз проверить правоту своей генеральной линии не только в работе на социалистической стройке внутри нашей страны, но и путем сравнения с тем, что происходит в окружающих нас капиталистических странах.

Мы еще, товарищи, до XVI съезда ни одной минуты не сомневались в том, что в нашей стране имеются все объективные данные для того, чтобы строить и построить социалистическое общество. Но в данный момент мы уже сможем сопоставить нашу работу с тем, что происходит в странах капитализма.

Когда мы с вами переживали так называемый восстановительный период, нам трудно было полным голосом сказать, что практика нашей работы говорит о преимуществах нашей системы. Но так как мы с того времени перешли к реконструктивному периоду, мы подошли к такой полосе работы, когда остатки капитализма в промышленности ютятся у нас уже только в узких переулочках, когда мы в огромном секторе нашего народного хозяйства — в сельском хозяйстве — приобрели уже огромную, незыблемую опору. И теперь уже полным голосом можем сравнить нашу систему с капиталистической системой не просто в порядке теоретической дискуссии, а в порядке конкретных цифровых показателей. Немного, товарищи, нужно их для того, чтобы в общих чертах наметить направление той и другой системы, с одной стороны — капиталистической и с другой — социалистической.

Несколько лет тому назад, провозглашая нэп, Ленин задал вопрос «кто кого» внутри нашей страны — буржуазия опрокинет нас, или мы опрокинем нашу отечественную буржуазию? Этот вопрос «кто кого» все больше и больше встает перед пролетариями всех стран уже во всемирном масштабе — наша ли социалистическая система, крепнущая и растущая из года в год, или старая, дряхлеющая капиталистическая система? Чья возьмет — кто кого? И вот теперь, я говорю, помимо теоретического состязания мы можем продемонстрировать уже кое-что практическое.

Вы знаете, что в жизни каждой хозяйственной системы имеет огромное значение состояние, скажем, горной промышленности. Так вот, если горную промышленность 1928 года взять за 100, то она сейчас составляет у нас 155,5 %; в США в 1928 году —100 %», сейчас — 95,5 %; в Англии в 1928 году—100 %, сейчас—107,4 %; в Германии в 1928 году — 100 %, сейчас — 93,4 %; в Польше в 1928 году —100 %, сейчас — 84,6 %.

Это цифры, показывающие состояние одной из решающих отраслей — горного дела; туда входят металл, уголь и прочее, вообще все, что добывается руками горнорабочих, что имеется в этой области у них и у нас. За короткий промежуток времени мы превзошли уровень 1928 года в полтора раза, а у них в лучшем случае мы замечаем топтание на одном месте.

Дальше о безработице. Мы сейчас с вами занимаемся вопросом о том, как найти рабочую силу, не только квалифицированную, но даже чернорабочую силу для наших фабрик и заводов. Я не скрою, что когда мы в первый раз обсуждали наш пятилетний план, авторы пятилетнего плана боялись даже заикнуться о том, что мы к концу пятилетки ликвидируем безработицу. Наоборот, говорили они, ликвидировать безработицу к концу пятилетки — безнадежное дело, потому что будет избыточное крестьянское население, потому что каждый год прибывает 3,5 миллиона человек населения. Все это поглотить не удастся. Самые смелые из нас не решались сказать, что к концу пятилетия мы безработицу изживем. Трех лет не прошло, и вопрос о безработице принял у нас обратную форму: мы ищем рабочего. И когда говорим о кадрах, мы в этот вопрос включаем и необходимость подготовки и организации новой рабочей силы для наших фабрик и заводов.

А что у них, по ту сторону нашего социалистического рубежа? В Соединенных Штатах более 6 миллионов безработных, в Германии — 5 миллионов безработных, в Англии — более 2 миллионов, в Италии — 1 миллион, в Японии — 1 миллион, в Южной Америке — 1 миллион, в Польше, Австрии, Чехословакии — по полмиллиона и т. д. Нет ни одной страны, в двери которой не стучала бы своей костлявой рукой безработица.

Возьмем другой сектор нашей работы — сельское хозяйство. Здесь мы, конечно, отстали, наши крестьяне неграмотны, до сих пор еще местами на пень молятся; одним словом, нас изображают знаете каким образом. А что происходит в нашем сельском хозяйстве, как мы используем для развития сельского хозяйства новые социалистические формы земледелия?

Я вам рассказывал, на каком уровне находится наше сельское хозяйство. Теперь, в интересах справедливости, расскажу, как оно развивается в Америке. Так вот, американские статистики

подсчитали, что за последнее десятилетие после войны в Америке прибавилось тракторов не больше, не меньше как миллион штук. Переводя на лошадиную силу, получится на круг 20 миллионов лошадиных сил. А насколько увеличилась в Америке посевная площадь благодаря такой огромной вещи, как миллион тракторов, брошенных в сельское хозяйство? Посевная площадь в Соединенных Штатах Америки почти не увеличилась за эти десять лет.

О чем это говорит? Почему такая мощная вещь, как трактор, не имеет там эффекта? Мы, теперь это каждый понимает, трактором посевную площадь расширяем, глубже запашку производим, колхозы создаем, попа скорее молчать заставляем; если привозим трактор, ячейка веселее начинает работать и прочее, — одним словом, кроме благ трактор нам ничего не дает. Почему в Америке так: миллион тракторов — и ни шагу с места в смысле расширения земельных площадей?

Мало тракторов, — влили в сельское хозяйство 45 тысяч комбайнов, этих сложных, сказочных машин сельского хозяйства. 800 тысяч грузовых автомобилей работают в этом сельском хозяйстве. И тем не менее, увеличения посевной площади в Америке почти не происходит. Почему? По очень простой причине, товарищи.

Было время, когда там и трактор, и плуг, и всякая такая штука производили чудеса. Это было тогда, когда капиталистическая система была молодой, когда крупные хозяйства находили значительные возможности для своего развития, когда не нужно было кукурузой топить котлы, когда товары находили широкий сбыт. Теперь эта система загнила. Можно влить в сельское хозяйство миллионы тракторов, десятки тысяч комбайнов, можно с грехом пополам поддерживать бренное существование обреченной на слом капиталистической системы, но думать, что она омолодится и заживет какой-то новой жизнью, уже не приходится. Она себя исторически уже исчерпала.

Одно из доказательств величайшей силы растущего коммунизма состоит в том, что лучшие люди из рядов интеллигенции переходят на его сторону. Виднейшие военные специалисты Красной армии, крупнейшие ученые Советского Союза подают заявления о вступлении в коммунистическую партию. Среди них академик Марр и другие.

Производительные силы задыхаются в капиталистической оболочке. Учение Карла Маркса и Ленина подтверждается сейчас самым наглядным и самым непосредственным образом.

Сейчас, товарищи, мы находимся в такой полосе, когда производительные силы могут найти широкий простор для своего дальнейшего роста лишь при условии уничтожения капиталистической формы присвоения, при условии уничтожения капитализма.

На наших глазах развивается практическое соревнование двух систем: с одной стороны, капиталистической и, с другой стороны, нашей, социалистической. Не пройдет много лет, как мы не только приведенными выше выкладками, но и другим, еще более неопровержимым и вразумительным образом докажем, что не только теоретически, но уже и практически совершенно ясно огромное превосходство социализма над капитализмом.

Для того чтобы ускорить гибель капитализма, нам нужно крепче нажимать на наши темпы, лучше выполнять наши производственные, хозяйственные и культурные задачи. Чем быстрее мы идем по пути осуществления наших планов социалистической стройки, тем вернее приближаем мы час смерти мирового капитализма.

Под ленинским знаменем, по пути развернутого социалистического наступления по всему фронту — навстречу грядущей мировой пролетарской революции!

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ СОЦИАЛИЗМА!

Из докладов на Объединенном пленуме Закавказского краевого комитета и Закавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) и на собрании Тифлисского актива совместно с ЦК и ЦКК КП(б) Грузии 19–20 ноября 1930 года

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫЗЫВАЮТ БЕШЕНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ВРАГА

Товарищи, мы не должны упиваться нашими успехами и закрывать глаза на те трудности, которые проистекают и сопровождают нашу советскую стройку. Эти трудности идут с двух сторон: трудности, порожденные внутри нашей страны, и трудности, идущие извне. Особенно большую организацию сил, направленную против нашей советской социалистической стройки, мы встретили как раз в тот момент, когда наше социалистическое наступление развернулось широким фронтом не только в городе, но и в деревне.

Вспомните, товарищи, наши шаги, направленные к тому, чтобы на основе сплошной коллективизации перейти к ликвидации последнего оставшегося на нашей советской земле капиталистического класса — кулака. Как только мы взяли, что называется, за горло первый десяток кулаков, раздался неимоверный вопль, который стал слышен не только в нашей стране, но и за пределами нашего Союза. Кулацкий вой был услышан не только в деревне, волости, но он стал слышен кое-где на фабриках, заводах и, больше того, отразился эхом и в некоторых звеньях нашей коммунистической партии. К этому же моменту как раз созрели и те организации за пределами нашей страны, которые классовым инстинктом почуяли, к чему клонится дело, к чему клонят большевики на данном этапе развития Октябрьской революции. И отнюдь не случайно, что с нашим наступлением на кулачество совпало очень широкое распространение вредительства не только в нашей промышленности, но и в нашем сельском хозяйстве, во всей нашей государственной стройке. С этим нашим наступлением совпал отчаянный вопль контрреволюционных сил за пределами нашей страны, с ним совпал и вопль в отдельных звеньях нашей коммунистической партии. Мы подошли к последнему барьеру, стали брать последний, решающий барьер, стоящий на пути нашего социалистического строительства, — и каждый из наших врагов понял (для этого ведь не нужно быть особенно грамотным), что если упустить решающий момент, то дальше уже будет поздно.

С этим моментом, как я уже сказал вначале, совпал и решающий перелом в нашем социалистическом строительстве во втором году нашего пятилетнего плана.

Последние два года работы по пятилетнему плану являются блестящим доказательством нашей правоты. Внутри своей страны мы повели решительную борьбу против сопротивляющегося социалистическому наступлению кулачества, пытавшегося в обостренной классовой борьбе против пролетарской диктатуры повести за собой и середняка. Мы вскрыли широчайшую сеть вредительства верхов буржуазных специалистов — агентов буржуазии и интервентов, засевших буквально во всех отраслях нашего народного хозяйства — на транспорте, в сельском хозяйстве и даже в определяющих наше социалистическое строительство плановых и хозяйственных органах. Но никому не под силу оказалось не только опрокинуть нас, но даже и затормозить нашу социалистическую стройку. И вот, чтобы испытать последнее, решающее и единственное средство, о котором говорил товарищ Ленин, враги наши попытались создать смычку между силами, действующими внутри нас, и силами внешними. Отсюда — все то, о чем мы все на-днях читали в газетах.

Я имею в виду самую крупную, самую зверскую, самую организованную контрреволюцию из всех тех, какие мы имели за последний отрезок времени. Это — работа в нашей стране так называемой «промышленной партии». То, что опубликовано в газетах и что вы все читали, — это только часть того материала, которым мы располагаем в отношении деятельности «промпартии». Помимо задач «промпартии», изложенных в обвинительном акте, и тех, что будут вскрыты в судебном процессе, который начинается 25 ноября, существовала целая система борьбы против диктатуры рабочего класса в нашей стране. Но главное и основное в том, что изложено в опубликованном в газетах обвинительном акте.

Теперь и нашим врагам ясно, что на том этапе социалистического строительства, на котором мы ныне находимся, можно так или иначе затормозить нагие развитие только при сочетании всех внутренних и внешних сил, борющихся против нас. Других средств, других способов — это осознала и отечественная контрреволюция — в их распоряжении не имеется и быть не может.

В этом смысле в последующих материалах мы прочли чрезвычайно много интересного. Все эти Рамзины, Осадчие и прочие, — кстати сказать, люди умные, образованные и в политике кое-что понимающие, — все они в один голос говорят о бессилии взорвать советскую систему изнутри. И не случайна поэтому их смычка с иностранной контрреволюцией и империалистами. Рамзины, Осадчие и иже с ними в своих переговорах с зарубежниками говорили, что мы, дескать, сделаем со своей стороны все, чтобы вам помочь, чтобы с тыла ударить, — и большевиков травить будем, где и

кого удастся, и прочее, — но все это лишь вспомогательные средства. Решительного удара можно ожидать только извне.

НЕПРИМИРИМАЯ БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Если представить себе всю эту сеть наглядно, если представить себе четко все препятствия, что стоят на пути нашего развития, то каждому будет ясно, какие действительно огромные, хотя, пожалуй, не каждым еще осязаемые барьеры мы преодолеваем. Каждый наш шаг, каждое наше действие вызывает такое сопротивление, от которого — надо прямо сказать — вздрагивает время от времени то или иное звено, та или иная группа или ячейка внутри нашей партии. Это не случайно и вполне закономерно.

Если верно наше утверждение, — а оно безусловно верно, — что мы не можем строить социализм без того, чтобы внутри нашей партии не было отдельных колебаний в силу того, что стройка наша происходит в обстановке жесточайшей классовой борьбы, — то с неизбежной закономерностью будут повторяться и колебания внутри нашей партии. Едва мы только более или менее основательно надавим на наших врагов, как через невидимые нити это уже рикошетом отражается на отдельных звеньях нашей партии.

Вспомните, как возникла и развивалась у нас оппозиция в прошлом, и вы убедитесь, что возникновение и развитие каждой оппозиции сопровождало тот или иной поворот нашей политики внутри страны. Мы сделали решительный поворот, развернув широко реконструкцию нашего хозяйства, фабрик и заводов, мы перешли в социалистическое наступление развернутым фронтом в городе, а затем и в деревне, — и надо было ожидать, что где-нибудь, у кого-нибудь, на каком-нибудь месте да ёкнет еще и до этого крутого поворота. Выступили против партии Рыков, Томский, Бухарин. Но заикается и спотыкается значительно большее количество, чем мы видим и замечаем. Это надо явственно понять каждому из нас.

ПРАВО-«ЛЕВЫЕ» ОППОРТУНИСТЫ — ПРОТИВ ЛИНИИ ПАРТИИ, ПРОТИВ ЛЕНИНСКОГО ЦК

Не случайно поэтому, так сказать, и рождение новой оппозиции, именуемой теперь право-«левым» блоком Сырцова — Ломинадзе. Это тоже не с неба свалилось. Сырцов «надломился» именно потому, что те огромные достижения, о которых я вам говорил, добыты нами путем преодоления очень больших и очень сложных трудностей, которым он противостоять не смог.

Вы знаете, что наша стройка идет вверх, идет вперед по очень сложному пути, который не пройти сплошь с пением «Интернационала». Наш путь затруднен большими перевалами и препятствиями, преодолевать которые не так легко, — и вот как раз на таких перевалах обычно случается так, что то или иное звено нашей партии начинает дрожать. Мне сдается, что именно на таком серьезном перевале — на нашей социалистической стройке в деревне — «споткнулась» и группа Ломинадзе — Сырцова, хотя оба они и отрицают это самым решительным образом.

Я приведу вам небольшие иллюстрации. Все вы знаете, с каким трудом даются нам наши новые фабрики, наши новые гиганты, наши новые заводы. Сталинградский тракторный завод мы выстроили по последнему слову европейско-американской техники — это завод, равного которому буквально нет в мире. Мы недостаточно искушены в технике, — в этом отношении мы еще малограмотны, — но мы пригласили в Сталинград знаменитых специалистов со всего света, и как это ни трудно было, а завод мы все же пустили. Далее, мы строим Магнитогорский гигант. Мы и для него выписали наилучших, достаточно искушенных американских инженеров, но Магнитострой и для них новое дело, и вместе с нами они ломают над ним головы. Сами понимаете, не такая уж это легкая и простая штука!

Я остановил ваше внимание всего лишь на двух пунктах нашего громадного строительства, но и по ним уже достаточно видно, что, с одной стороны, у нас как будто и достижения, а с другой — не все выходит так гладко, как хочется; завод мы выстроили, а полного пуска сразу не дали. . И вот придет домой после «трудов праведных» председатель Совета народных комиссаров РСФСР, займется чтением материалов, полученных из ГПУ, о том, как Рамзины и Осадчие замышляли интервенцию, как уже закончились переговоры в этом направлении, как по западному берегу нашего Союза (я говорю о Румынии и Польше) создан единый фронт против нас, как все сорганизовано для того, чтобы взять головной штаб в свои руки, как подготовлен враг, — и плюс к этому. . внутренние недочеты! Когда все это суммируешь, то действительно — как же не «надорваться» слабому человеку! (Смех.)

Мы отдаем все до последнего, сплошь и рядом отказываем себе в самом необходимом, чтобы наш, к примеру, Магнитогорск как следует закончить, — но ежели ты от сопутствующих великой стройке трудностей смущаешься, приходишь в смятение, то уж запутаться можно в два счета! Это нетрудно.

Оно, собственно говоря, так и произошло. Человек, глядя на всю эту обстановку, да еще при таком окружении (а вы знаете, в каком окружении мы иногда находимся, особенно в наших советских органах, когда на партийную ячейку, на рабочее собрание раз в полгода попадешь, да и то по

какому-нибудь весьма торжественному случаю, а тут тебе Осадчие да Рамзины подготовляют изо дня в день всякие материалы и доклады, отравленные вредительским ядом), поистине должен иметь даже не железные, а вольфрамовы нервы, чтобы выдержать, всю эту музыку, чтобы сохранить необходимую стойкость. Ведь иной раз кажется, что вот только перешагнуть порог— и дело готово, но не у каждого, оказывается, хватает для этого ног. И Сырцов, хотя он человек и высокий, оказалось, не сумел перешагнуть такой порог — дрогнул, не выдержал! (Смех.)

Что касается Ломинадзе, то пожалуйте — в момент, когда мы вступили в полосу социализма в нашей стране, когда мы не на словах, а на деле осуществляем бесклассовое общество, и только бы дело делать, он вдруг — извольте радоваться!..

Отчего это произошло? Да не иначе, как оттого, что не сумел человек переварить всей сложности того переплета, той обстановки, в которой мы сейчас находимся. А в этой обстановке есть как будто очень страшное внутреннее противоречие: с одной стороны, гигантские размахи, величайшее и усиленное движение вперед, а с другой — угроза, которая может показаться смертельной. Это нужно уметь сочетать, а если ты этого сочетать не сможешь, то обязательно скажется та «болезнь», которой и «заболели» Сырцов, Ломинадзе и их единомышленники. Правда, «заболели» они по разным линиям: Сырцов — тот сразу на правую ногу захромал, Ломинадзе же казалось (кстати, ему так казалось не сегодня, он и раньше «задумывался» над проблемой нашего социалистического строительства), ему казалось, что крен надо больше брать «влево», заходить «полевее» — тогда лучше будет, скорее победишь, скорее построишь и скорее выйдешь из всех трудностей.

Вы, товарищи, достаточно, конечно, разбираетесь во всех тонкостях оппозиционной политики, и мне не придется доказывать вам, что в правом лагере в конце концов обязательно окажется каждый, кто пойдет вправо или «влево» — все равно, — кто вообще вступит на путь оппозиции в отношении политики нашей партии. Этим я хочу сказать, что не от глупости простой происходит оппозиционное заболевание того или иного товарища, но, конечно, и не от очень большого ума. (Смех.)

Но объективно, как все же обстоит дело? Объективно, внутри нашей страны, в нашей стройке есть такая почва, на которую если вступить без большевистских калош, обязательно, как пить дать, заболеешь. Так вышло с Ломинадзе и Сырцовым. «Заболели» они, с первого взгляда, на очень скромных вопросах. Например, Ломинадзе в ЦК партии нам доказывал: если вам по совести сказать, я давно болею таким недостатком, который иначе как фрондированием перед ЦК я назвать не могу. Задача нашего ЦК и Политбюро заключается не в том, чтобы быть «приятными» для членов партии, для рабочего класса, для трудящегося крестьянства. Не для того там сидят люди, чтобы произносить лойяльные фразы в отношении членов партии и прочее. Там политика! Там ничего другого нет, быть не может и быть не должно. Для того туда и посылаются люди. И если ты заявляешь, что фрондируешь перед этими организациями, то не забывай, что ты фрондируешь перед той генеральной линией, которую мы так тщательно, с таким упорством и с такой настойчивостью проводим. Фрондировать около этого дела — шуточки весьма скверные. Ломинадзе такие шуточки откалывал и раньше вместе с Стэном и другими, но мы лечили его, исправляли, потому что дело не заходило далеко и мы приписывали это грехам молодости. Молодость ведь такое дело, что человек попадается в самых разных вещах — может он допустить некоторую несдержанность и в политике. Но на нынешней стадии дело у него пошло значительно дальше, и то, что мы могли раньше излечить у Ломинадзе, теперь пошло гораздо глубже.

ДВУРУШНИЧЕСКИЙ БЛОК НА ПЛАТФОРМЕ ПРАВЫХ

Группа Сырцова, взявшая свою идеологию, главным образом, из арсенала правых, и группа Ломинадзе и Шацкина, как будто питаемая из арсенала «слева», как известно, сблокировались. Потому ли это произошло, что обе группы были не особенно многочисленны, потому ли, что возглавлялись они людьми не шибко авторитетными в нашей партии, но факт тот, что природа возникновения и той и другой группы совершенно неизбежно продиктовала им необходимость организации единого блока для наступления на генеральную линию нашей партии и на ее руководство — ЦК.

Надо сказать, что, получив первые весточки о том, что случилось с Ломинадзе — Сырцовым, мы даже не подозревали, как далеко зашло дело. Но когда нами были получены дальнейшие подтверждения и мы сопоставили их с прошлой деятельностью и того и другого, когда, наконец, они сами более подробно порассказали о своих делах, то оказалось, что, в основном первые вести оказались верными. Оба они — и Сырцов и Ломинадзе — действительно заболели самой настоящей оппозиционной проказой, притом весьма злокачественной ее формой. И тот и другой взяли под обстрел самые основные вопросы нашей политики.

Возьмем хотя бы одно из основных положений, выдвинутых Ломинадзе в его разговоре в ЦК и ЦКК нашей партии. В своих показаниях о том, как дошел он «до жизни такой», Ломинадзе говорил, что он видел всяческие затруднения и отягощения культурно-материального бюджета нашего рабочего класса, он поведал нам, как это его тревожило и как он «вычитал в каком-то партийном документе» о том, что ЦК партии якобы стал на путь «сужения фронта капитального строительства». Тогда он,

Ломинадзе, успокоился, увидев, по его словам, что партия поняла, что нужно делать. Он хотел об этом подсказать ЦК, но не успел, так как ЦК сам догадался перейти на линию «сужения капитального строительства» в нашей стране, и это его вполне удовлетворило.

Так думал и думает Ломинадзе. Я уже приводил вам последние данные о том, как на самом деле разворачивается наше капитальное строительство. Если бы ЦК ВКП(б) действительно вступил на путь «сужения фронта капитального строительства», то я первый поднял бы тарарам против такого ЦК, ибо вступить на такой путь — значит нечего больше разговаривать о социализме, значит пойти по тем рельсам, которые старался проложить, но неудачно, Бухарин, проповедовавшей философию, что без кирпича здания не построишь и т. д.

С первого взгляда это как будто; и бесспорная истина. Конечно, без кирпича не построишь здания, ничего не сделаешь также и без металла, но ведь не это имел в виду Бухарин, а то, что для дальнейшей социалистической стройки нам надо сначала сто раз примерить, десять раз все взвесить, а потом уже по одежке протягивать ножки. Есть, мол, столько-то кирпича, значит дальше нечего залезать. А мы ведем работу в обстановке так называемых напряженных планов. Мы каждому хозяйственному органу, каждому тресту, коммунальному отделу совершенно умышленно, сознательно и правильно даем такие планы, которые они, пусть пыхтя, напрягаясь, нажимая, но должны выполнить! Если же мы будем строить так, как рекомендовал Бухарин, то мы и с кирпичами и без кирпичей все равно никакого социализма не построим.

То же самое рекомендовал нам и Ломинадзе. Он где-то «вычитал», что у нас взят курс «на сужение капитального строительства», а мы говорим, что оно у нас увеличилось на 84 процента. Это прирост суммы капитальных вложений за прошлый год. И если нам в дальнейшем средств не хватит, то нужно будет пересмотреть все наши советские закрома и вытащить оттуда все, что найдется, и как можно больше.

Вы все знаете, что XVI съезд нашей партии в своих решениях совершенно определенно указал на то, что наряду с успехами социалистической стройки у нас растет и культурно-материальное благосостояние рабочего класса. Совершенно объективными выкладками это положение доказано полностью. Цифры о состоянии зарплаты мы проверили по всем каналам, по которым только можно было проверить, и такой, например, канал, как ВЦСПС, призванный бдительно следить за состоянием зарплаты также подтвердил, что зарплата у нас растет, растет во всем Союзе. Это, конечно, не значит, что где-нибудь в далеком местечке не может быть какой-нибудь заминки. Но если мы возьмем положение рабочего класса в целом, то надо быть слепым, чтобы не видеть, — как бы парадоксально это ни было на первый взгляд, — что зарплата у нас растет на самом деле. (С места: «Правильно!»)

Я должен сказать по чистой совести, что каждый из вас, бывающий на фабриках и заводах, особенно в обстановке, выражаясь не совсем литературным языком, «бузотерской», знает, как подчас нам бывает там трудно. Случается, когда мы говорим там о росте зарплаты, рабочие нас спрашивают: а сколько раз в месяц даете вы нам мясо? Как известно, мясо мы даем не все 30 раз в месяц, а иногда и 20 и 15 раз. Но когда на этой основе кое-кто пытается утверждать, что зарплата у нас падает, то это только изобличает весьма примитивный подход к такому сложному вопросу.

Почему я останавливаюсь на этом вопросе? Да потому, что знаю, и надо прямо сказать об этом, что в вопросе о зарплате группа Ломинадзе — Сырцова имеет гораздо больше сторонников, чем это установлено контрольными и всякими другими органами нашей партии. Вне всякого сомнения, что на этом вопросе легче всего и чаще всего можно споткнуться, Если достаточно того перечня вопросов, о которых я говорю, то каждый из вас легко может догадаться, из какого арсенала все это взято оппозицией. Тут есть и от троцкизма, и от того, что в свое время выдвигали Зиновьев и Каменев, например, по вопросу о зарплате, тут есть и от Бухарина, и от Рыкова, приложил свою руку ко всему этому и Томский.

РАЗОБЛАЧИТЬ МЕНЬШЕВИСТСКО-ТРОЦКИСТСКУЮ КЛЕВЕТУ НА ПАРТИЮ, НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Все мы знаем, какую роль в нашей работе играет такое звено, как советский аппарат, Советы. Всем ясно, что это орган диктатуры рабочего класса в нашей стране, это орган наш, коммунистический, если не поголовно, то по крайней мере в своем руководстве. За весь советский аппарат, за это наше звено в первую голову целиком отвечает соответствующая группа коммунистов, его возглавляющая и им руководящая.

А как расценивает Ломинадзе этот наш советский аппарат? Он говорит, что в нем господствует «барско-феодальное отношение к нуждам рабочих и крестьян». Ну, знаете ли, надо же уметь договориться до такой ереси, причем, договориться вслух, всерьез, по-настоящему! Ведь так отзываются о нашем государственном аппарате только наши злейшие враги. Почитайте Керенского, почитайте «Социалистический вестник», — ведь это они изображают дело так. Все эти взгляды и Ломинадзе и Шацкин и другие позаимствовали из арсенала правых.

Сырцову все кажется в необычайно мрачном свете. Всюду для него тьма непроглядная. Ему мерещится, что все становится вверх ногами, что нет никакой возможности это исправить, что не сегодня, так завтра разразится страшнейший кризис и мы попадем в преисподнюю, если нас не спасут вовремя они, Сырцов и Ломинадзе. И он думал, что когда все задрожит и мы полетим в эту преисподнюю, то он вместе с Нусиновым и другими снизойдет к печальной судьбе партии и вытащит ее из беды.

Сырцов пробовал кое с кем об этом поговорить, но у него ничего не вышло. Он мечется по Совнаркому, не спит по ночам, а Политбюро его волнений не понимает, потому что, видите ли, оно замкнулось в своей скорлупе и там высасывает из пальца коммунистическую политику. Поэтому-то не сегодня-завтра все должно погибнуть, И вот Сырцов начинает собирать вокруг себя своих сибирских однокашников, чтобы вместе с ними попытаться спасти положение.

Словом, каждому оппозиционеру, как только он начинает формулировать свою оппозицию, как только он замыкается в свою оппозиционную скорлупу, тотчас же все начинает казаться наоборот: что замкнулось руководство, что ничего не видит и не слышит руководство и что только он, оппозиционер, находясь в своей оппозиционной скорлупе, все видит и все чувствует. О замкнутом руководстве, вы знаете, говорил еще Зиновьев, говорил о нем и Бухарин.

Насколько я сумел, я сказал вам уже о наших достижениях. Но я умышленно не говорил о тех достижениях, которые характеризуют новые формы труда в нашем Союзе. Я уверен, что каждый из вас знает, какие новые устремления проявляются у нас путем социалистического соревнования, встречного промфинплана и разного рода новых форм работы. Мы ведь теперь даже в партию начинаем принимать по-иному; сегодня при приеме в партию мы уже подходим к рабочему не так, как вчера. Если раньше при приеме рабочего в партию мы интересовались производственным его стажем, его политической выдержанностью и т. д., то сейчас всего этого уже недостаточно. Помимо всего указанного, теперь мы спрашиваем у рабочего: состоит ли он в ударной группе или бригаде, какое место он занимал во время проработки встречного промфинплана, какое участие принимает в борьбе за его выполнение на том участке, где он работает, и т. д. И лишь после положительного на эти вопросы ответа мы ему говорим: да, ты можешь и должен быть в рядах коммунистической партии.

На заводах и фабриках у нас большие достижения, большие успехи, но, конечно, и очень много трудностей; однако при наших новых формах и методах работы мы эти трудности преодолеваем и преодолеем окончательно. И всего существеннее то, что не только на заводах и фабриках, но, как я уже отмечал, эти новые формы труда мы мало-помалу внедряем сейчас и в деревне.

Наше строительство, гордость нашей работы, чем мы восторгаемся и что привлекает теперь величайшее внимание рабочих всего мира, — это наши новые гиганты, новые, буквально, перлы современной техники. Как же к ним относятся представители новоявленной оппозиции и тот же самый Сырцов?

Я уже говорил мельком о Сталинградском заводе, — там были неполадки, как и на всяком новом заводе, но разве это умаляет по существу наши достижения, разве это умаляет огромные размеры наших успехов, которых мы добиваемся по линии производства тракторов, чтобы освободить себя от иностранной зависимости, когда Сталинградский завод пойдет полным ходом? Сырцов этого не видит. Для Сталинградского завода он не находит иной аналогии, как с потемкинскими деревнями; дескать, как тогда, так и теперь очки втирают. Сталинградские коммунисты — выходит по Сырцову — хотят лишь выслужиться тракторным заводом и обманывают общественное мнение нашей партии и рабочего класса.

Наконец, еще одной достопримечательной особенностью новой оппозиции является то, что она с первых же дней своего существования приняла строго конспиративный характер. Это, в полном смысле слова, подпольная организация, имеющая свою чрезвычайно жесткую дисциплину, дисциплину — молчать, друг друга не выдавать, правду ЦК не говорить.

ДВУРУШНИЧЕСТВО, ФРАКЦИОННОСТЬ — ТАКТИКА ПРАВО-«ЛЕВОГО» БЛОКА

Здесь мне особо хочется остановиться на поведении Ломинадзе. О нем принято думать, что у него душа нараспашку, что он откровенен со всяким и каждым. Ну, кажется, с кем уж тогда и быть откровенным и искренним, как не с ЦК партии? Однако Ломинадзе — «душа-парень» — с ЦК откровенничал меньше всего. Наоборот, все свои сомнения, все вопросы, которые рождались у него в голове, он тщательнейшим образом скрывал от ЦК и культивировал их в своем замкнутом фракционном кружке. Они разговаривали на самые животрепещущие для них темы о социалистическом строительстве только с Каврайскими, Нусиновыми и им подобными, а для разговоров с ЦК у них язык не поворачивался.

Это отличительная особенность новой оппозиции. Назвать ее «двурушничеством» будет слишком мягко. Гораздо правильнее охарактеризовать эту оппозицию как организацию, действительно с первых же шагов принявшую совершенно предательские формы и методы работы против нашей

партии. (Голоса: «Правильно!») Если ты член партии, — к тому же еще и член ЦК, — если ты руководишь огромнейшей организацией, руководишь коммунистами всего Закавказья, если ты действительно увидел, что партия берет крен в какую-то преисподнюю, и если ты обладаешь рецептом гораздо более действенным, нежели все постановления съездов и директивы ЦК, то ты должен быть последним мерзавцем и негодяем, если этого рецепта, в который ты так искренно веришь, не покажешь ЦК! Что это? Это совершенно небывалое кощунство над ленинскими заветами партии. Каврайскому и Нусинову показать свою платформу можно, Шацкину — тоже можно, поехать в Гагры и там на панихиде над умершим Костровым развертывать эту свою, спасающую революцию, платформу тоже можно, а вот в ЦК и ЦКК об этой платформе, в которую ты веришь, можно молчать!

Если верно то, что перед нами перспективы, снижающие материальное благосостояние рабочего класса, если это объективно совершенно точно установлено, то надо об этом сейчас же ставить в известность ЦК нашей партии. Ведь каждый из нас, когда бывает заминка с зарплатой или предвидятся временные колебания в сторону понижения ее уровня, в первую голову кричит об этом ЦК. Это абсолютно оправдано всей историей нашей работы. Только в этом огромном коллективе, при общей, дружной, единой работе мы сумеем нести ту ответственную ношу, которая возложена на нас историей. А тут Сырцов — председатель Совнаркома, кандидат Политбюро, в руках которого все пружины нашего государственного и партийного управления, от которого не скрывается ничего, что делается в нашей партии, оказывается, только тем и занят, что целые ночи лежит, рыдает в подушку, стонет — «болеет» за судьбы революции и партии. Ему кажется, что кризис, надвигающийся на нашу социалистическую стройку, разразится даже не через несколько месяцев, а через несколько недель, и он, словно кисейная барышня, или сидит у себя в предсовнаркомовском кресле и «плачет» о судьбах революции, или, в лучшем случае, собирает Нусинова, Каврайского и прочих и с ними справляет тризну и «намечает пути», как выйти из положения. Но от ЦК партии эти вопросы им скрываются. Если бы, товарищи, завтра каждый из нас — я прямо говорю о совершенно немыслимом, чудовищном явлении — хотя бы на один-два дня заразился такой болезнью, то что бы это получилось? Получился бы сумасшедший дом, и мы действительно угробили бы наше социалистическое строительство.

Большевистская партия, в отличие от других партий, тем и сильна, что в своей политике, в своей линии поведения она должна быть совершенно откровенной, у нас не должно быть никакой конспирации. Ежели ты начинаешь заблуждаться, ошибаться, — партия сделает все, чтобы помочь тебе разобраться, одуматься, опомниться, чтобы вылечить тебя как только можно и где это можно, вплоть до… заграничного курорта. Но если и это не помогает, то тогда мы уже говорим: уйдите ко всем чертям и не оскверняйте наших рядов.

Сырцов, оказывается, «заболел» настолько, что стал поручать подбирать ему материалы, цифры и пр. тем самым «специалистам», процесс которых мы будем слушать 25 числа сего месяца! Это абсолютный факт. Сырцов и иже с ним готовы скорее прислушаться к голосу этих людей, нежели к голосу партии, к голосу ЦК. Среди этих людей они откровенны, им они могут говорить свою «правду», а вот с ЦК партии, даже тогда, когда их взяли за грудки, когда привели с поличным, когда все на очной ставке уже было засвидетельствовано, они и тогда разговаривать отказывались. Внутренняя фракционность не позволяла им сразу раскрыть свои оппозиционные взгляды, и понадобилось исключить из партии — после того как была установлена принадлежность их к оппозиции — Нусинова, Каврайского и других, чтобы все эти приверженцы Сырцова — Ломинадзе рассказали нам, как, что и к чему.

Что это за нравы?! Дальше уж итти некуда! А если будет так, если такое положение будет культивироваться в том или ином звене нашей партии, то можно разложиться вконец. Со стороны и Сырцова и Ломинадзе мы видим лишь замкнутость, нежелание говорить и, больше того, клевету на партию, на ее руководство. Ломинадзе, не только не всегда и далеко не везде говорил правду, но даже умышленно, сознательно подкапывался под руководство, организовывал силы против ЦК ВКП(б) и все это скрывал. Я считаю это самым большим и самым главным преступлением, которое совершила группа Сырцова — Ломинадзе.

Оппозиционной лихорадкой они были одержимы в достаточной степени уже на XVI съезде партии. Сырцов о своих сомнениях на съезде откровенно не говорил, больше того — он уверял, что он за линию ЦК ВКП(б). Ломинадзе всюду, и в Москве, во всех резолюциях с треском, с барабанным боем кричал и клялся, что он за генеральную линию партии, за ЦК ВКП(б) и прочее и прочее, а на деле ушел в подполье, где проводил свои оппозиционные взгляды и делал свою двурушническую политику.

Ярче всего эта двурушническая, предательская работа у Ломинадзе сказалась в известном обращении Заккрайкома, выпущенном после сентябрьского обращения ЦК, а у Сырцова — в его брошюре, в докладе, сделанном в Государственной плановой комиссии.

Я не буду долго останавливаться на обращении Заккрайкома. Вы все его читали, и думаю, что теперь все достаточно поняли его и разобрались в нем. Бакинцы, как вам известно, протестовали против этого обращения. Теперь, в свете событий, которые развертываются перед нами, не

подлежит никакому сомнению, что, двурушнически прикрываясь генеральной линией партии, Ломинадзе проводил в Закавказье свои фракционные взгляды и что, в частности, он провел их через этот документ, через обращение Заккрайкома.

Надо вам сказать, товарищи, что в этом деле не без греха и наши лидеры правых. Кой от кого вам, вероятно, приходится слышать такой вопрос: ну, вот, Ломинадзе «свихнулся», Сырцов «заболел», но при чем здесь Рыков, Томский и другие? Не чрезмерную ли внутрипартийную нетерпимость проявляет к ним ЦК? Но фабрики и заводы, один за другим, клеймят совершенно определенно этих лидеров правых в связи с новоявленной оппозицией Сырцова — Ломинадзе. И это не случайно. Я старался вам доказать, что весь материал, все положения, которые выдвигают Сырцов и Ломинадзе, — все это преимущественно из арсенала правых. Но не надо забывать, что в отношении правых на XVI съезде мы вынесли весьма категорическое решение — о несовместимости правых взглядов с пребыванием в рядах нашей партии. Мы обязали — отчетливо обязали — Рыкова, Томского и Бухарина повести решительную борьбу с оппортунизмом вообще и с правым в особенности, как с главной опасностью внутри нашей партии. Но прошли месяцы, а они и до сегодняшнего дня, как в рот воды набрали, — помалкивают, очень мало выступают или, вернее, просто молчат по тем животрепещущим темам, которыми живет вся наша партия, которыми занимался XVI съезд. Они молчат. Если они действительно решительно, твердо и бесповоротно порвали с оппозицией и раскаялись в своих заблуждениях, тогда надо не только открыто и членораздельно об этом заявить, но и повести вместе с партией борьбу против уклонов. И это молчание — в то время, когда партия оберегает генеральную линию от наскоков «слева» и справа, в то время, когда все вредители, один за другим, документально свидетельствуют о том, как они обрабатывали отдельных представителей нашей партии, находящихся в том или ином советском плановом органе.

Надо понять, товарищи (сейчас это полностью установлено), что нашими врагами, заговорщиками и контрреволюционерами, оказались такие люди, как Осадчий, являвшийся не кем иным, как заместителем председателя Госплана СССР, членом Центрального Исполнительного Комитета, человеком, который был вхож во все наши советские учреждения, который участвовал в составлении пятилетки. Ведь все эти Осадчие и Рамзины в один голос признаются, что у них была несомненная надежда на победу правых на XVI съезде. Вредители не сомневались, что победит правое крыло, и потому, мол, заявляют они, мы всячески старались помочь правым, вплоть до того, чтобы, если бы на съезде правым изменило мужество, пойти на физическое уничтожение вождя коммунистической партии и его ближайших помощников, лишь бы организационно закрепить торжество правых.

Если Рыков, Томский и другие на словах признают и как будто разделяют все решения нашей партии, а на деле этого ничем не доказывают, то у нас невольно возникают сомнения: чего тут больше — неискренности или двурушничества? Такое поведение лидеров оппозиции порождает и культивирует подобное же поведение у Ломинадзе, Сырцова и людей несколько меньшего масштаба.

В партии создается совершенно небывалое явление, явление, какого не бывало ни при какой оппозиции, явление, представляющее собою опасность на данном отрезке времени. Это — двурушничество, это — формальное признание генеральной линии партии, а на деле — подпольная работа против нее, против партии.

Вы знаете, в чем это проявилось здесь, у нас. Надо вам сказать, что, конечно, там, во всем Союзе, оппозиция Ломинадзе и Сырцова особого потрясения не произвела. Но здесь, в Закавказье, являвшемся ареной деятельности Ломинадзе, где он возглавлял Закавказскую организацию, вы знаете, что случилось, вы знаете, что сейчас переживает Закавказская организация, которая ему верила — верила гораздо больше, чем это нужно было, шла за ним в полной уверенности, что он совершенно беззаветно осуществляет генеральную линию партии, поддерживала его как только могла.

И что же получилось в результате именно этого двурушничества Ломинадзе? Получилось то, что в частности в Грузинской организации не было никаких подозрений в отношении Ломинадзе до самого последнего времени. Закавказское руководство, надо прямо сказать, с того момента, как было установлено двурушничество, предательство Ломинадзе, растерялось настолько, что до самых последних дней мы, в сущности говоря, пребываем без закавказской партийной верхушки. Это положение неизбежным рикошетом прежде всего и в первую очередь отразилось на Грузинской партийной организации, затем в достаточной степени на Армянской, и лишь Бакинская организация, к чести ее надо сказать, во-время сигнализировала опасность «знаменитого» обращения. Рабочий нюх Бакинской организации подсказал ей, что в обращении Заккрайкома что-то не все благополучно, но этого было недостаточно в частности для Грузинской организации и общего Закавказского руководства. До самых последних дней в Закавказском руководстве все еще проявлялась такая растерянность, такая нерешительность и расхлябанность, что мы только сегодня, на только что закончившемся объединенном пленуме ЗКК и ЗККК, организовали новую партийную власть для Закавказья. А до этого прошло немало времени, немало дней, играющих

решающую роль в нашем строительстве.

Мы здесь, в особых условиях закавказской жизни, воспитаны так, что взаимное доверие, панибратство, дружба, землячество имеют чрезмерно большое значение. А это и послужило благодатной почвой для Ломинадзе и в значительной мере облегчило его предательскую работу. Многие, сами того не замечая, являлись орудием в его руках. Зная его чуть не с детства, сызмальства, веря ему, считая его стопроцентным большевиком, некоторые товарищи облегчили ему протаскивание установок, которые далеко не соответствовали генеральной линии нашей партии. В частности драка с бакинцами по вопросу Закфедерации. Я только здесь, на месте, сумел досконально разобраться в этом. Ломинадзе построил все очень хитро и изворотливо. Для того чтобы иметь свою арену в Баку, для того чтобы иметь на своей стороне Азербайджанский и Бакинский комитеты, — он понимал, что в лоб ему итти нельзя, — он решил обвинить бакинцев в том, что они якобы препятствуют укреплению Закфедерации, что они якобы делают все, чтобы отмежеваться от Закавказского руководства, от других республик, входящих в Закфедерацию, и хотят обособиться на своем Апшеронском полуострове. На этом можно поймать, и очень легко. И не подлежит никакому сомнению, что многие на это поддались, и драка, которую вел Ломинадзе с Бакинским комитетом (это тоже установлено), поддерживалась очень многими именно под флагом защиты и спасения Закфедерации. Если бы это дело продолжалось дальше, то, несомненно, назрела бы угроза федерации, но только с другого конца, а не со стороны Баку. Ломинадзе насадил бы в Баку таких людей, которые если бы и не были его полными единомышленниками, то во всяком случае беспрекословно делали бы все, что он им предлагал бы. Вот какими методами и способами завоевывались Ломинадзе и другими отдельные звенья, связывающие Закфедерацию. Я должен сказать, — и как будто на сегодняшнем объединенном пленуме ЗКК и ЗККК это никем не оспаривалось, — что и до самого последнего времени многие и многие все еще не поняли полностью, досконально, до дна всего того, что происходит. Многие еще не понимают, что борьба происходит вокруг решающих, принципиальных вопросов нашей партийной политики и что Ломинадзе запутался в этом деле как безнадежный оппозиционер, что он дошел до такого градуса фракционного состояния, когда помимо всех прочих средств к нему надо применить и самые решительные организационные меры.

Таково единодушное мнение пленума Заккрайкома, и я думаю, что перед самыми крайними организационными мерами в отношении группы Ломинадзе не остановится и настоящая аудитория. Мне думается, что только это заставит его опомниться, передумать, изменить и проревизовать свои взгляды.

Слишком уж далеко зашло дело, а мы в Закавказье не полностью отдаем себе в этом отчет. Для того чтобы теперь помочь Ломинадзе, — раз уж дело пошло на то, — надо шарахнуть его как следует, шарахнуть так, чтобы он, наконец, очухался, опомнился, если вообще он еще способен когда-нибудь опомниться.

Сегодня на объединенном пленуме ЗКК и ЗККК — не помню кто — очень хорошо сказал, что нам препятствуют в усвоении всей глубины принципиальной борьбы с Ломинадзе наши земляческие, товарищеские и всякие групповые чувства, доводящие нас временами до политического бесчувствия. Это абсолютно верно. А в политике должно быть как раз наоборот, и в особенности в данный, весьма ответственный и сложный период.

В этом отношении Закавказское руководство и в частности Грузинское, несомненно, проявили совершенно исключительную растерянность. Вместо того чтобы — как только в их руках оказались совершенно непреложные материалы ЦК ВКП(б) — выйти на нашу большевистскую площадь и кликнуть клич — что, как и почему случилось, вместо того чтобы немедленно взять бразды правления в свои руки и начать решительную расчистку всего того, что облепляло Ломинадзе, вместо того чтобы поставить все и всех на свои места и потребовать от всех и каждого из нас выполнения генеральной линии не за страх, а за совесть, — руководство растерялось и только машет руками.

Дело не только в том, чтобы во-время дать политическую оценку положению, а и в том, чтобы во-время и немедленно развернуть работу. Этого у нас не было, и это самый основной наш недостаток.

В БОРЬБЕ НА ДВА ФРОНТА, ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОГО ЦК, ЗА ПЯТИЛЕТКУ, ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ СТРОЙКУ, ЗА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Какие практические задачи стоят сейчас перед Закавказской организацией? У республик Закавказья имеется целый ряд недоимок в отношении выполнения плановых заданий.

Республики Закавказья имеют долг перед ЦК ВКП(б), а нам приходится две недели заниматься убеждением друг друга, ходить с одного собрания на другое, кочевать из одной республики в другую, прорабатывать, вырабатывать все эти резолюции и т. д. Надо сказать, что наша работа в Закавказье вообще проходит не с той быстротой, не с той напористостью, какая сейчас нужна. Объясняется это теми самыми отношениями, которые все еще царят здесь.

Я должен указать, что наряду с борьбой со всякого рода оппозиционными уклонами нам надо по возможности быстрее устранить те традиции, которые у нас еще не изжиты, — это в отношении «дружбы» и т. д. Я за дружбу, но политика — прежде всего. Когда дружат люди, находящиеся на разных полюсах, и когда из-за дружбы они не желают прямо ставить друг перед другом отдельные политические вопросы, то это — вред для партии, и с этим злом мы будем все чаще сталкиваться, если мы во-время не сумеем устранить примат дружбы.

Пусть нам не кажется, что все вопросы ясны и т. д. Нам надо все материалы, которых вполне достаточно в нашем распоряжении, самым тщательным образом проработать во всех ячейках, вплоть до самых низовых, чтобы каждый член партии совершенно отчетливо понял, в чем дело. Когда он это поймет, тогда легче ему будет выкорчевывать остатки ломинадзевщины, которые безусловно здесь имеются, да и не может их не быть. Тогда он совершенно твердо и сознательно будет выравнивать то положение, в котором мы оказались, это даст нам лишнюю энергию и большую напористость для того, чтобы крепче навалиться на разрешение текущих практических задач, стоящих перед нами.

Важнейшая для Закавказья задача — это поставленная ЦК ВКП(б) задача укрепления Закфедерации. Эта директива дана была ЦК год тому назад. Кое-что в этом направлении уже сделано, но я должен сказать, что пока сделано больше формально, чем по существу. Работы еще непочатый край.

Постановление ЦК совершенно четко формулирует задачи, стоящие перед Закфедерацией. В этом постановлении говорится, что органы Закфедерации, игравшие в первый период по преимуществу политическую роль, обеспечившие успешное развитие закавказских национальных республик, укрепление диктатуры пролетариата и упрочение национального мира, должны в нынешний период сосредоточить свои усилия на хозяйственном социалистическом строительстве в национальных республиках, их индустриализации, технической и социальной перестройке сельского хозяйства.

Текущие наши вопросы в Закавказье — нефть и хлопок. Особенно по хлопку Закавказская организация имеет большой долг перед ЦК ВКП(б).

В начале доклада я говорил о перестройке на социалистических началах нашей деревни, в том числе и закавказской, правда, не в такой степени, как делается это в решающих зерновых районах. В этом отношении национальные районы отодвинуты, так сказать, на вторую очередь, но и то, что им полагается разрешить в эту вторую очередь, — позвольте вам засвидетельствовать, — для этого почва еще не подготовлена. Да не только коллективизации ждет закавказская деревня. Разрешите вам прямо сказать, что в некоторых районах, например в Ганджинском и Шамхорском, деревни ждут организации Советской власти. И это после тринадцати лет существования Советской власти! Там ждут и тоскуют по Советской власти, — а уж при таких обстоятельствах нечего говорить о действительных успехах коллективизации, о колхозном строительстве. С этим надо возможно скорее покончить, а для этого в первую очередь надо восстановить во всех звеньях Закавказской организации генеральную линию нашей партии, трудами Ломинадзе и его приспешников поколебленную, опороченную, а местами даже осквернённую.

Вот как обстоит дело.

Товарищи! Начиная от ячейковых собраний, вплоть до последнего объединенного пленума, закавказские партийные организации давали очень много твердых обещаний бороться за генеральную линию партии. Но борьба эта должна заключаться не только в том, чтобы послать соответствующую телеграмму или дать соответствующее обещание. Она заключается в том, чтобы выполнять все наши хозяйственные задачи. Я говорил и еще раз говорю: Закавказская партийная организация работает у южных дверей Советской страны. В эти двери империалисты стучатся самым настойчивым образом, и чем быстрее мы будем выполнять задачи, выдвинутые ЦК ВКП(б) перед Закфедерацией, тем скорее мы усилим мощь и обороноспособность нашего великого Союза в целом. Каждый процент недовыполнения промфинплана, каждый недобор хлопка, чая, табака, нефти и пр. есть не что иное, как подрыв общей мощи, подрыв обороноспособности нашей страны.

Само собой разумеется, что успехи нашей борьбы тем больше будут облегчены, чем скорее мы изживем передряги, заострим внимание на решающих участках нашего социалистического строительства и не покладая рук — и в печати, и на собраниях, и в ячейках широко развернем нашу работу.

Всяческие двурушнические действия необходимо разъяснить каждому рабочему, каждому члену партии, колхознику, бедняку, батраку. Каждый должен понять, что только один путь есть у нас для преодоления всех затруднений — это путь генеральной линии нашей партии, и никакой иной.

Чтобы обеспечить исход этого боя в нашу пользу, нам необходимо в оставшиеся два года пятилетки работать буквально не покладая рук.

Товарищи, помните, что осуществление пятилетки — это победа идеи коммунизма не только

внутри, но и за пределами нашей страны. Победим пятилеткой не только остатки наших внутренних врагов, но победим всю капиталистическую систему.

За работу, за пятилетку, за мировую революцию! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

ИЗ ДОКЛАДА ОБ ИТОГАХ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б) НА СОБРАНИИ ПАРТИЙНОГО АКТИВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б)

24 декабря 1930 года

ГРАНДИОЗНЫЕ ЗАДАЧИ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО ГОДА

Не случайно, товарищи, мы называем третий год пятилетки решающим годом.

До сих пор, когда мы говорили о том, что этот год должен быть решающим, мы еще не имели возможности придать, так сказать, цифрового выражения этому решающему значению третьего года пятилетки. Сейчас этот вопрос нами проработан на пленуме

/Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), происходивший 17–21 декабря 1930 г., рассмотрел следующие вопросы: 1. О народнохозяйственном плане на 1931 г. (контрольные цифры). 2. Отчетный доклад Наркомснаба о снабжении мясом и овощами с содокладом РКИ. 3. Отчетный доклад Центросоюза о работе потребкооперации с содокладом РКИ. 4. О перевыборах советов. — Ред. /

и обсужден достаточно подробно и внимательно. Теперь мы видим, что если мы осуществим те директивы, — а для их осуществления у нас есть все необходимые предпосылки, — которые дал в своих решениях последний пленум ЦК нашей партии, то получится, что народный доход Союза Советских Социалистических Республик будет выражаться в 1931 году в 49 миллиардов рублей. Это в то время, когда по нашему пятилетнему плану народный доход только к концу пятилетки должен был достигнуть 49,7 миллиарда рублей. Таким образом, в отношении народного дохода в третьем году пятилетки мы уже почти достигнем — пустяков нам не хватит — того, что мы намечали во всем нашем пятилетнем плане.

Что такое 49 миллиардов рублей — я думаю, вы представляете себе не хуже, чем я. Надо иметь в виду, что в 1929/30 году народный доход выражался в сумме 35 миллиардов рублей. Таким образом, за один 1931 год мы должны будем увеличить общий годовой народный доход на 35 %.

Если говорить о головокружительных успехах, темпах и цифрах, более головокружительные показатели трудно найти, потому что когда мы имеем дело с отдельными участками нашего народного хозяйства, мы считаем на миллионы, сотни миллионов, в редких случаях оперируем цифрами около миллиарда, а здесь с 35 миллиардов рублей мы с вами должны будем за один год шагнуть до 49 миллиардов рублей, или на 35 %. Это, товарищи, очень трудно укладывается даже в самой квалифицированной бухгалтерской голове. Этот один показатель в достаточной степени характеризует темпы, размах нашей работы на грядущий год. Чтобы несколько подкрепить вам эту иллюстрацию, сошлюсь на такие примеры: народнохозяйственный доход в такой могущественной капиталистической стране, как США, в самой богатой стране мира, в среднем за последние годы возрастает на 3–4 % в год максимум, в Германии народный доход увеличивается за год от 2,5 до 3,5 %, в Англии народный доход увеличивается в среднем в год примерно на 1,5 %, в лучшем случае — на 2 %. А мы с вами поставили задачу увеличить наш народный доход в 1931 году на 35 %.

Фонд промышленных товаров широкого потребления для удовлетворения нужд нашего населения мы должны будем довести в 1931 году до 14,6 миллиарда рублей вместо 11,5 миллиарда рублей, которые у нас были в 1930 году. Если эту продукцию сложить вместе с соответствующей продукцией сельского хозяйства, то мы должны будем производство предметов так называемого широкого потребления увеличить в 1931 году на 25–30 %.

Нельзя также, товарищи, особо не отметить тех задач, которые мы поставили перед собой в отношении сельского хозяйства. То, что я вам говорил до сих пор, касалось народного хозяйства в целом. Как бы ни были грандиозны наши наметки в отношении нашей промышленности (я на них подробнее остановлюсь дальше), все вы знаете, что она почти целиком и уже не первый год является промышленностью государственной, социалистической, обобществленной, и это обстоятельство, конечно, облегчает выполнение наших задач. Гораздо более важным является вопрос о том, в каком темпе мы дальше поведем преобразование нашего сельского хозяйства. В 1930 году обобществленный сектор сельского хозяйства давал нам 28 % всей товарной сельскохозяйственной продукции, в 1931 году товарная продукция обобществленного сектора сельского хозяйства составит более 50 %. Это показатель, который говорит о том, что мы с вами не только стали уже господами положения в отношении фабрично-заводской промышленности и транспорта, но что мы на решающую половину становимся уже хозяевами нашего сельского хозяйства, т. е. что половина товарной продукции нашего сельского хозяйства в 1931 году пойдет уже по руслу обобществленного сектора. Это значит, другими словами, что вопрос о строительстве социализма мы решили не только в отношении города, промышленности, фабрики, завода, но что мы в 1931 году вопрос о закладке фундамента социализма в основном решим и в деревне.

ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Я хочу вам напомнить, что именно этот вопрос вызывал сомнения и скептицизм в оппортунистических звеньях нашей партии. На этом месте «спотыкался» и «споткнулся» безнадежно Троцкий. На этом месте «заболели» Каменев и Зиновьев, Бухарин, Рыков и Томский. 1931 год уже практически разрешает этот вопрос для нас на основе ленинизма. Мы уже и практическую программу своей работы строим таким образом, что дело социализма обеспечивается у нас и в деревне.

Поэтому совершенно не случайно это заняло и в решениях последнего пленума ЦК о контрольных цифрах кардинальное место. В этих решениях говорится, что наша страна, где социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве, вступила в период развернутого социалистического наступления, в период социализма. Наступающий 1931 год будет годом новых достижений, новых крупнейших успехов социализма в его борьбе с капитализмом.

«Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистических элементов над индивидуальным сектором в деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР. Это будет победа всемирно-исторического значения». (Из постановления пленума о народнохозяйственном плане на 1931 год.) /«ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 450, изд. 5-е./ Вот эту мысль надо понять, товарищи. В этой короткой фразе сконцентрирована по существу вся программа нашего пятилетнего плана, и совершенно не случайно это говорится именно о третьем годе пятилетки, а не о каком другом.

Именно третий год явится решающим во всем пятилетнем плане нашего социалистического строительства. В самом деле, если абсолютно большая часть сельского хозяйства оказывается уже в обобществленном секторе, то, очевидно, отсюда само собой логически следует, что мы в 1931 году действительно завершим построение фундамента социалистической стройки нашего Советского Союза. Это, товарищи, то самое, о чем нам так часто и так много говорил Владимир Ильич; это целиком и полностью подтверждает мысль Владимира Ильича о том, что в нашей стране имеются все объективные условия для того, чтобы строить и построить социализм; это свидетельствует о полном банкротстве «левых» и правых оппортунистов, которые скатывались — одни в теории, другие на деле, фактически — к отрицанию самой возможности построения социализма в нашей стране в силу ее экономической и культурной отсталости.

Этот большой спор, который мы вели с оппозиционерами всех оттенков, потому что именно около этого вопроса в конечном счете вращались все споры, этот спор теперь решается не только нашими логическими доводами и теоретическими аргументами, — этот спор решается в пользу партии и ее ленинского ЦК самой практикой, самой ж и з н ь ю, нашей социалистической работой.

Для того чтобы не забегать особенно вперед, надо сказать, что также не случайны те последние события, которые были как внутри нашей страны, так и за пределами ее. Я хочу вам сказать о том, что все контрреволюционные группы, группочки и организации, имеющиеся внутри нашей страны, все замыслы против нас, которые зрели и, несомненно, зреют и по настоящий день в умах империалистов всех стран, — все эти замыслы, повторяю, не случайно сосредоточиваются именно вокруг 1930–1931 годов. Это происходит не случайно, а потому, что именно эти два года нашей социалистической стройки, особенно 1931 год, решают все дело. Отсюда, товарищи, и та ожесточенная классовая борьба внутри нашей страны, которую мы сейчас переживаем. Когда эти цифры приводишь отдельно взятыми, то на первый взгляд кажется, что это просто цифры как цифры — одни поменьше, другие побольше, третьи совсем грандиозные, но все-таки это как будто просто мертвая арифметика. Но когда немножко вдумаешься в них, когда посмотришь на эти огромные пространства, заселенные 150 миллионами людей, на которых осуществляются эти грандиозные цифры, то нельзя не заметить, какая огромная ожесточенная классовая борьба происходила в 1930 году и развернется в 1931 году. Закрепившись на решающих позициях нашей индустрии, развернув широким фронтом наши фабрики, заводы, наше социалистическое хозяйство, мы ринулись в наступление в деле строительства социализма по всему фронту. Мы не только учитывали при этом в своей социалистической бухгалтерии нарастание такого-то количества колхозов, такого-то количества гектаров, занятых под колхозами, и т. д., но вместе со всем этим мы вели сложную классовую борьбу внутри той же самой деревни. Каждый новый процент колхозов, каждая лишняя десятина колхозной земли — классовая война не только внутри нашей страны, но война нашего рабочего класса в союзе с трудящимся крестьянством против окружающих нас империалистов. По-моему, нет необходимости напоминать о том, что, когда мы добились передышки, исторической передышки, было бы ошибкой думать, что это есть, так сказать, передышка в буквальном смысле этого слова, т. е. что у нас с вами, ведущих огромную работу на одной шестой части земного шара, — тишь, гладь и божья благодать, никто нас не беспокоит, никто нам не мешает, никто у нас в ногах не путается. Это не верно. Передышка заключается в том, что мы изменили форму борьбы с исторически враждебным нам капиталистическим классом: вместо вооруженной прямой борьбы при помощи пушек, пулеметов мы ведем борьбу по другим линиям, но борьбу не менее ожесточенную и не менее решающую для дела социалистической стройки. Так или

иначе, невзирая на величайшее сопротивление, которое оказывает классовый враг внутри страны, и на всевозможные помехи извне, вы видите, что мы к третьему году пятилетки пришли достаточно вооруженными не только, так сказать, в идеологическом отношении, но и в материальном. Мы имеем все реальные основания для того, чтобы эти темпы работы, иллюстрацию которых я приводил, в 1931 году выполнить.

О БОРЬБЕ ПРОТИВ ПРАВОГО И «ЛЕВОГО» ОППОРТУНИЗМА

Когда мы разрабатывали и утверждали планы социалистического строительства на третий год пятилетки, принимали и намечали программу великих работ на 1931 год, мы не могли не остановиться на том, что представляют собой наши «почтенные» правые. Несмотря на всякие их заявления на последнем съезде, наша партия не может не вспомнить тех решений, которые мы вынесли на XVI съезде партии. А вы помните, на чем мы на съезде условились? Лидеры правых разоружились и разоружились как будто основательно. Но мы сказали лидерам бывшей правой оппозиции по-товарищески, что нам этого мало, что мы это принимаем к сведению, но что мы требуем, чтобы с завтрашнего, буквально с завтрашнего дня, в календарном, а не историческом значении этого слова, они засучили рукава и дрались за генеральную линию партии. И мы тут же добавили, что они должны драться с правым уклоном больше, чем мы, тогда мы им поверим, тогда дело пойдет.

Было это или нет со стороны бывших лидеров правой оппозиции? Ничего подобного и даже после того, как пойманные вредители рассказали нам о своей ставке на победу правых в партии. Но тем не менее на протяжении полугода после съезда партия полагала, что они по-настоящему встанут в ряды большевистской партии.

Но этого нет до сих пор. Некоторые думают, что достаточно сделать партии заявление об отказе от правых взглядов, о формальном согласии с линией партии. Но этого мало. Надо уметь быть активным проводником ленинской политики, уметь бороться против оппортунизма и прежде всего против правых оппортунистов.

Мы здесь с вами в этом зале несколько раз говорили о том, что в стране, где классы еще не уничтожены, где сейчас только мы их уничтожаем, эти враждебные нам классовые силы оказывают давление на отдельные звенья нашей партии, питают мелкобуржуазные шатания и уклоны. Все это верно. Дальше мы добавляли: правизна заключается не только в том, что формально люди стоят на правых позициях; правизна может заключаться еще и в том, что называется словом «самотек», как принято говорить в нашей партийной практике.

Если мы с вами будем думать, что все, что мы наметили на 1931 год, может пойти в нашей стране самотеком, что здесь не потребуется напора, нажима, напряжений, что 5,5 миллиарда рублей, которые мы нацелили на капитальные вложения, как только мы встретим новый хозяйственный год, сами разбегутся по всем рубрикам, сами встанут, куда им полагается, — не выйдет это, и надо быть чудаком, чтобы так думать. Все эти миллиарды необходимо тщательно расставить, должным образом повернуть, проявив величайшую активность, настойчивость, упорство, чтобы все было проделано с максимальной пользой. Вот что называется выполнением генеральной линии нашей партии.

А если понадеяться на самотек — не выйдет это. Эта ставка на самотек имеет непосредственное отношение к правому оппортунизму на практике. У нас часто бывает, что когда мы возьмем за грудки того или иного товарища за правый уклон на практике, то он, когда очухается и лихорадка его бьет, говорит: «Когда же я был правым? Никогда. Я с таких-то времен в партии, с Троцким боролся, Зиновьева разбивал, Каменева осуждал, за все резолюции против Рыкова и Бухарина голосовал». Формально он прав, а по существу, на деле, — не совсем так. С промфинпланом у него из рук вон плохо, и не потому, что абсолютно ничего нельзя было сделать, а потому, что на самотек понадеялся, думал, что все это само по себе пойдет. Вместо того чтобы во-время нажать, — постеснялся, полиберальничал, все пытался сделать потихоньку да помаленьку. Особенно часто приходится нам встречаться с такими фактами в деревне. Нужно сказать, что мы, например, — стопроцентная большевистская организация, стоим за генеральную линию партии, организация сплоченная, нас в пример другим ставят, а если мы пройдемся по деревенским районам, то увидим такую картину: вынесут какую угодно резолюцию против правых, обеими руками будут голосовать за нее, а посмотрите на месте на работу — и вы сплошь и рядом увидите самых настоящих правых людей. Такой правый на практике знает, что мы развернутым фронтом идем в наступление на капиталистические элементы, он сам напишет об этом великолепную резолюцию. Но вот как только он у себя на селе или в районе подошел к кулацкой избе, у него ноги маршируют уже немножко не по генеральной линии, а чуток сваливаются на правый бок. Когда ему нужно подойти к кулаку с хлебозаготовками, с самообложением и т. д., тут у него никак не получается. Вчера проголосовал за резолюцию, а сегодня не выходит. Дать твердое задание кулаку, чтобы он представил 50 пудов хлеба, — не выходит, не может. И он начинает говорить, что это-де не кулак и т. п.

Есть у нас и такие люди, которые на вопрос: «Как вы кулака прижимаете?», — отвечают: «Я, знаете ли, боялся, как бы меня в «левом» загибе не обвинили». Вот куда гнет!

Вот это, товарищи, такие носители самотека, которые очень аккуратно голосуют за резолюции, а на практике получается несколько иное.

К чему я это веду? Да к тому, что со всем этим бороться надо, бороться так, чтобы все это выправлять. Нам нужно сейчас дело поставить так, чтобы не только партия, но и советы, и профсоюзы, и кооперация по-настоящему, по-большевистски проводили генеральную линию партии. Одно из двух, товарищи, — если мы с вами не болтаем, когда говорим, что сейчас находимся на очень ответственном историческом гребне, когда утверждаем, что третий год пятилетки решает дело всей пятилетки, что пятилетка решает дело социалистического строительства в стране; если мы не просто нарочно пугаем кого-нибудь, когда говорим, что интервенты на всех углах и перекрестках готовят военное нападение и что внутри идет ожесточеннейшая классовая борьба; если мы не болтаем, а изображаем настоящую действительность, то нужно делать отсюда соответствующий вывод, — вывод прежде всего тот, что внутри нашей партии должна итти совершенно беспощадная, совершенно непримиримая борьба со всякого рода оппортунистами, правыми и «левыми», скрытыми, открытыми, мягкими и жесткими, — какими угодно. Генеральную линию партии нужно проводить буквально всюду. Мало того, нужно так построить работу в наших государственных органах, а не только в нашей партии, чтобы мы были руководителями, — а мы руководим, коммунистическая партия руководит рабочим классом, руководит всей нашей страной, — и если мы действительно хотим руководить так, чтобы успех победы был обеспечен за нами, то нужно создать такое положение, чтобы наша партия и Советы представляли собой в еще большей мере нераздельное целое, — тогда дело пойдет.

Пленум ЦК и ЦКК еще раз демонстрировал полнейшее банкротство идеологии правых уклонистов в среде нашей партии. В начале пятилетки можно было подводить кое-какую теорию, приводить разные цифры, но теперь мы два года прожили, пятилетку перевыполняем, теперь, конечно, буквально никакого аргумента не приведешь в защиту того, что выдвигали против партии правые оппортунисты. Даже Ллойд-Джордж говорит, что у нас дело идет вперед, что у коммунистов строительство социализма совершается успешно. Ллойд-Джордж написал огромную статью по этому поводу, и понятно, что после этого члену коммунистической партии — и не просто коммунистической партии, а той партии, которая занята непосредственным строительством социализма, — начать наши успехи отрицать, это никак не выйдет.

В этих условиях одних признаний и заявлений со стороны правых мало. Прежде всего мы должны потребовать, чтобы вслед за заявлением были и партийные дела. Нам не нужно клясться в том, в чем клянутся все оппозиционеры, которые говорят: неужели вы думаете, что, если завтра Советскому Союзу будет грозить опасность, я не буду в первых рядах? Так это же обывательская болтовня. А сейчас что происходит? Что мы с вами на именинах, что ли, сидим? Ведь мы же каждый день и ночь нажимаем, напираем, отбиваемся от многочисленных врагов и препятствий в деле социалистической стройки, а нам говорят, что, если что-нибудь случится, я буду в первых рядах, не изменю социализму, умру за рабочий класс. Это детский лепет! Что сейчас происходит? Сейчас в ожесточенной борьбе происходит закрепление и расширение решающих позиций социализма в нашей стране; надо по-настоящему засучив рукава взять свой коммунистический опыт и весь его выложить партии и рабочему классу и помогать стройке, вместе с партией нанося сокрушительный удар ее врагам.

Правый оппортунизм остается главной опасностью внутри партии.

«Лево»-правый блок Ломинадзе — Сырцова в борьбе с партией также сделал своей платформой капитулянтские установки правых оппортунистов, прикрыв их «левой» фразой.

Лозунг «борьба на два фронта» сохраняет, однако, свою силу и значение, мобилизуя партию на борьбу как против мелкобуржуазного либерализма правых, так и против мелкобуржуазного радикализма «левых». В борьбе с уклонами мы должны преодолевать гнилое примиренчество и беспощадно искоренять двурушничество». (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Доклад в ленинградском отделении Комакадемии в январе 1931 г.

/Печатается по сокращенной стенограмме. — Ред. /

Наше сегодняшнее собрание является, пожалуй (если подобрать громкое слово), историческим в жизни Ленинградской организации.

Комакадемия существует уже порядочно времени, но как-то все получалось так, что мы не находили времени поговорить по вопросам, которыми занимаются работники Комакадемии.

Отсюда, мне кажется, и проистекают трудности нашего первого собеседования по столь важным вопросам. Тем не менее, если учесть итог работы последнего объединенного пленума ЦК и ЦКК, если постараться сразу поставить в поле зрения те задачи, которые записаны в этих решениях, то каждому будет ясно, что осуществить, выполнить и разрешить эти задачи на протяжении ближайшего отрезка времени, скажем, на протяжении настоящего года, мы сможем только в том случае, если действительно сумеем мобилизовать весь наш актив всей нашей партии, всего рабочего класса. Мне кажется, что если говорить об отдельных группах нашей партии, нашей организации, так надо совершенно твердо сказать, что задача, роль и значение квалифицированных кадров нашей партии, разной квалификации, сейчас представляются особенно ответственными.

Если посмотреть поверхностно, если можно так выразиться, на те задачи, которые мы сейчас перед собой выдвинули, может даже показаться, что, в сущности говоря, ничего особенного в них нет, что те вопросы, те задачи, которые перед нами стоят, они, так сказать, являются продолжением вчерашнего дня, ничего тут принципиально-отличного от вчерашнего нет, и, пожалуй, дело скорей в количестве, чем в качестве. Это далеко не так.

Об этом свидетельствует то центральное место в наших решениях, которое говорит, что мы в наступившем хозяйственном и календарном (которые совпадают) году завершим строительство фундамента социализма в нашей стране. Если это так, а это так, то отсюда, конечно, вытекает то кардинальное, решающее новое, что сейчас выступает в нашей работе на ближайший отрезок времени.

Но, прежде чем об этом говорить, я хотел вам напомнить ту сложность обстановки, которая окружает нашу социалистическую стройку.

Я, к великому сожалению, не располагаю ни временем, ни возможностью, чтобы дать вам подробную картину этого положения, я напомню вам (боюсь стать очень популярным), напомню то обстоятельство, которое сейчас является основным во всей международной жизни и вокруг чего вращаются все вопросы международной политики нашей и международной политики вообще — это кризис, который сейчас переживает капиталистический мир. Я не буду возвращать вас к характеристике этого кризиса.

Надо лишь сказать, что все то, что мы по этому поводу говорили, все это целиком и полностью сейчас подтверждается. Кризис протекает на фоне общего распада мирового капитализма.

Он гораздо болезненнее, гораздо тяжелее переносится капиталистической системой, чем все прошлые кризисы, хотя бы по одному тому, что капитализм находится в монополистической стадии своего развития. Это в огромной степени осложняет дело и создает такое положение, в котором действительно и по сей день не видно просвета. Вы знаете, что теперь уже трудно найти такую капиталистическую страну, которая так или иначе не была бы охвачена этим самым кризисом. Не нужно приводить общих мест, общих данных для характеристики этого дела, так как это вы все знаете и знаете, что этот кризис является самым серьезным и самым глубоким из всех капиталистических кризисов, бывших до настоящего времени. Когда мы впервые выдвинули это положение, оно казалось для многих и многих, не только наших противников, но и даже некоторых наших сторонников, преувеличением. Теперь это ясно, справедливость этой формулировки абсолютно доказана.

Все вы понимаете, что в основе кризиса лежит перепроизводство. Интересные цифры публикует в этом отношении Варга. Они относятся к сентябрю 1930 г., но они достаточно любопытны и показательны.

Есть один из показателей, на основании которого можно судить безошибочно, что будет с кризисом в данной стране или во всем капиталистическом мире завтра. Хорошим барометром этого дела являются запасы, во-первых, сырьевые запасы, готовые быть двинутыми на фабрику, и, во-вторых, продукция капиталистической промышленности. Количество того и другого определяет, что будет завтра: можно ли надеяться на то, что снова создастся соответствующее равновесие и производительные силы найдут новые звенья, за которые зацепятся, и вся эта капиталистическая машина завертится вновь, вовлекая, возбуждая новые и новые звенья производительных сил.

Так вот что получается:

Если взять запасы предыдущего года за 100, то каков будет коэффициент за 1930 г.?

Каменный уголь в Германии и Бельгии 481

Медь (электролитная) (тут имеется в виду главным образом

Америка). 381

Цинк (США) 257

Шелк-сырец (Япония) 364

Каучук (США и Великобритания) 158

Кофе 137

Олово 165

Хлопок 153

О чем это говорит? Это говорит о том, что несмотря на стремительнейшее сокращение производства во всех странах, несмотря на то, что в капиталистических странах десятки миллионов безработных, когда промышленность сплошь и рядом используется только на 50 % своей мощности и таким образом выпуск товара сокращается в невероятных размерах, — запасы все еще такие, которые превосходят предыдущие годы.

Вы можете задать вопрос: может быть, с готовыми товарами дело обстоит иначе?

Вот данные, относящиеся к 1929/30 г.: Если в 1923–1925 гг. соответствующую продукцию взять за 100, то получается следующее:

По разного рода товарам в 1929 г. общий индекс получается 122, в 1930 г. — 150 (в 11/2 раза больше, чем был в 1923 и в 1925 г.). Промышленные изделия в 1929 г. — 121, в 1930 г. — 127. Железные и стальные изделия в 1929 г. — 132, в 1930 г. — 134.

Вот эта небольшая справка, она должна дать яркую иллюстрацию того, насколько можно надеяться, что кризис в ближайшие месяцы, в ближайшие даже годы может, так сказать, рассосаться. Ведь если взять с обратной стороны, прежде всего вы должны будете получить показатели того, что эти запасы товаров начинают рассасываться, т. е. перепроизводство каким-то образом ликвидируется, и таким образом является новая возможность дальнейшего развертывания производства. До середины прошлого года мы не видели не только сокращения этих запасов, но видели их увеличение.

То, что мы говорили относительно судьбы капиталистической стабилизации, развертывания революционного движения среди рабочих масс, все это на ближайший период времени обеспечено целиком и полностью.

К чему я это веду, товарищи? Я веду это к тому, что все эти вопросы сейчас, в работе нашей большевистской теоретической мысли, должны найти совершенно определенное, совершенно отчетливое отражение. Очевидно, этим вопросом нам нужно, не переставая, заниматься и развертывать эти самые вопросы все глубже и больше изучать их во всех деталях, потому что кризис действительно носит исключительный характер, и если говорить с точки зрения пророчества на завтрашний день, надо сказать, что очень трудно быть уверенным в том, что, вообще говоря, капиталистическая система из этого тупика, в котором она оказалась, сумеет выбраться, чтобы, так сказать, безболезненно, но чтобы вообще можно было выйти на те рубежи, на которых эта капиталистическая система находилась накануне мирового кризиса, — скорей можно утверждать как раз обратное. Я говорил вначале, что кризис, который развернулся теперь, это кризис не обычного порядка, это не тот кризис, который, как бывало раньше, затронет капиталистическую систему, а после этого с новой силой, с еще большей жадностью разворачиваются в капиталистических рамках производительные силы капиталистической системы со всеми проистекающими последствиями. В отношении этого кризиса мы говорили, как вы помните, о том, что этот кризис, если не везде, то, во всяком случае, в ряде капиталистических стран, неизбежно перерастает в кризис политический. И вот это обстоятельство, имеющее огромное значение для дальнейшего развертывания революционного движения рабочих масс Западной Европы и Америки, играет, как вы знаете, решающее значение. Так вот сейчас подтверждений тому, что этот кризис местами перерастает в кризис политический, подтверждений этому много искать не приходится, в этом нет никаких сомнений.

Все вы, конечно, знаете, что самой удобоваримой для капитализма государственной формой

является буржуазно-демократическая республика. Она всеми своими гранями прилажена именно к тому, чтобы капитализм чувствовал себя «как у Христа за пазухой». Это высшая форма, высшая государственная оболочка для максимального развертывания всех возможностей в системе капитализма.

Что получается сейчас?

В самой классической, так сказать, стране парламентаризма и буржуазного демократизма — в Англии — не только со стороны консерваторов, но даже и со стороны отдельных представителей английской меньшевистской партии сейчас выдвигается вопрос о необходимости образования такого правительства, которое бы гарантировало английскую промышленность и английскую государственность от дальнейших неизбежных потрясений. Там уже говорят: довольно иметь дело с отдельными партиями, все это чепуха, а надо просто-напросто доверить руль государственного управления пяти наиболее изысканным, наиболее опытным и прожженным политическим, финансовым, экономическим и прочим деятелям; им передать всю полноту власти, пусть они расправляются с верхней и нижней палатой, «как бог на душу положит», но чтоб была настоящая твердая власть.

Может быть, это звучит некоторым анекдотом в английской обстановке; может быть, это еще недостаточно серьезно. Но, товарищи, если события будут развертываться дальше так, как они развертываются сегодня, — завтра эти разговоры встанут самым серьезным образом, это, я говорю, пока-что звучит анекдотично, но что звучит совершенно не анекдотично, это то, что происходит сейчас в Германии.

Ведь там, в сущности говоря, от всего парламентаризма в самое ближайшее время может ничего не остаться. Кризис этой самой политической системы абсолютно налицо.

Не стоит и говорить о том, что происходит в Польше, которая одна из первых вступила в экономический кризис, на которую особенно тяжко этот кризис давит, и где переход в полосу политического кризиса абсолютно налицо. Там нет сейчас никакого сейма, никаких парламентов, и для того, чтобы поддерживать эту самую расшатавшуюся капиталистическую экономику, пану Пилсудскому приходится прямым насилием проводить целый ряд мероприятий.

Короче говоря, самая покладистая для капиталистической системы форма государственного существования — буржуазно-демократический уклад — сходит на-нет, и от него в ряде стран остается все меньше следов.

Почему это происходит? Да потому и происходит, что дело зашло настолько далеко, что сейчас уже нужны какие-то сверхординарные формы для того, чтобы так или иначе еще удержать эту расшатывающуюся капиталистическую систему, расшатывающуюся не по дням, а по часам.

Отсюда совершенно не случайно появление фашистской партии, которую мы сейчас имеем налицо почти во всех странах. На данном отрезке времени это особенно резко выступает в той же самой Германии. Приход фашистов там уже, в ряде каналов теперешней германской политики, становится фактом. Конечно, никакие парламенты там уже не действуют, а действует эта самая гитлеровская банда, которая все больше и больше идет к диктатуре. Нужны уже сверхординарные меры для того, чтобы как-то еще удерживаться в той обстановке, в которую сейчас ввержена сама капиталистическая система.

Таким образом и то положение, которое многими и многими оспаривалось (считалось необоснованным то, что в ряде стран современный капиталистический кризис неизбежно будет перерастать в кризис политический), мы теперь уже видим совершенно реально, совершенно объективно подтверждающимся. Повторяю, это второе обстоятельство играет тоже очень большую роль не только для общей мировой политики, но и для нашей советской политики на данный отрезок времени. Ведь тут осложнение теперь получилось еще и потому, что просвета нигде не вырисовывается, и потому, что уже нет ни одной страны, которая не была бы охвачена этим самым кризисом, и потому, что для ликвидации этого кризиса отрезаны уже самим историческим ходом развития современной экономики те возможности, которые практиковались обычно раньше. И вам теперь станет ясным то положение, которое там создалось. Ведь если раньше было перепроизводство, можно было искать для него выход где-то на другом материке, где-то в колониях, и проч. Теперь положение другое. Сейчас вышло так, что делить уже нечего, все разделено, особенно, в последнюю империалистическую войну. Теперь все разделено настолько, что сейчас нет живого места, которое стало бы поглощать с большого капиталистического стола его продукты.

Наконец, если прибавить к этому, чего не было раньше, существование нашего Советского Союза, который также выключается из системы возможного использования для капиталистов, — то станет ясным, как тяжело, безвыходно положение капитализма.

Вся обстановка мирового капитализма и гигантские успехи социализма в СССР усиливают опасность войны против Советского Союза. Когда мы говорим о том, что интервенция никогда не

была так близка, как сейчас, между прочим, мы имеем в виду именно положение капитализма, потому что ход капиталистического развития сейчас таков, что вольно или невольно, хочешь или не хочешь, для любого буржуазного правительства создается такая перспектива (мы-то понимаем, что это ложная перспектива возможности плодотворного выхода из положения, но для них это может показаться и не ложным) — попробовать одну из возможностей, найти отдушину из той очень густой атмосферы, которая там создалась, путем похода против СССР.

У нас есть очень много данных, помимо того, что мы обнаружили на процессе той же самой «Промпартии», помимо всего этого, по разным каналам мы уже имеем всякого рода сведения, говорящие о том, что опасность интервенции в СССР, именно в силу положения, в котором оказался сейчас капитализм в Европе и Америке, сейчас гораздо ближе, неизмеримо ближе, чем когда бы то ни было.

Ведь надо прямо сказать, что капиталисты всегда были не прочь предпринять поход против СССР. Вы это прекрасно понимаете. Но ведь надо же сказать и то, что никогда II Интернационал не был так увязан в этих интервенционистских замыслах, как сейчас. Если меньшевики, будут отрицать то, что они замышляют интервенцию в 1930 г. и сейчас в 1931 г., то разрешите усомниться.

Я веду это к тому, что эта самая политика интервенции сейчас находит сторонников не только у самых непосредственных классовых врагов наших, но даже и у таких людей, как предатели II Интернационала, которых некоторая часть рабочих до сих пор рассматривала как друзей. Они никогда нашими друзьями не были, они всегда были нашими врагами, а в последнее время они стали активными сторонниками интервенции.

Вспомните философию того же Вандервельде, который побывал в нашем Советском Союзе. Возвращаясь к себе домой, он распространял против нас всякого рода слухи, но, как только вопрос доходил до того, что СССР угрожает война, он говорил, что этого допустить нельзя. Он говорил: «Сами сгниют, сгниют на корне».

А сейчас и более пацифистски (если можно так выразиться) настроенные из них другого выхода не видят.

Ставка на наше перерождение окончательно бита.

Нет выхода, хочешь или. не хочешь, будь ты двадцать тысяч раз пацифист, если сегодня ты не поставил в порядок дня вооруженную борьбу против Советского Союза, завтра ты это обязательно поставишь и запишешь потому, что надо сказать, что тут действительно столкновение капитализма и коммунизма.

Столкновение между этими двумя мирами неизбежно в ближайший исторический этап. И вот сейчас мы видим совершенно резкий, совершенно твердый и решительный поворот, поворот даже, повторяю, II Интернационала, у которого на знамени сегодня написано: «Интервенция в Советский Союз». Вчера этого не было. Вчера они думали, что все-таки все наши фантастические планы столкнутся со всяческими препятствиями и пр. и пр. Но вот жизнь шла и шла все успешней и успешней, развивалась социалистическая стройка из года в год, сейчас они видят, что на этом месте ожидать реального перерождения нашей революции, ожидать, что практика нас победит, что революция обанкротится — не приходится, и поэтому твердо и прямо ставится вопрос об интервенции в Советскую страну. Это обстоятельство имеет огромное значение, и если мы отдаем себе ясный отчет в том, в какой стадии развала и разложения находится сейчас капиталистическая система, если до конца продумать все те установки, которые мы дали, — ничего неожиданного не будет в том, как себя, скажем, ведет тот же самый Абрамович. Иначе и быть не может.

Если раньше могли быть такие мнения у отдельных лиц, то только потому, что они недооценивали глубины кризиса, который сейчас разъедает капиталистическую систему. А поскольку мы это себе представляем, следует логически, что не только Пуанкарэ, не только Бриан и прочие жрецы капитализма хотят интервенции в СССР, но им на помощь идет, конечно, и II Интернационал.

Вот почему, между прочим, изучение современного мирового кризиса приобретает первостепенное мировое значение для нашей непосредственной социалистической работы внутри нашей страны.

Всяческий кризис интересен, а теперешний, мировой, со всеми его особенностями, представляет сугубый интерес. Можно сидеть на любой полочке Комакадемии и этим вопросом заниматься, но это интересное просто само по себе, а интересно для того, что мы сегодня делаем внутри нашей страны, для нашей социалистической стройки. Потому что, когда мы говорим: надо быть на-чеку — это совершенно правильно, но надо определенно знать, кто и как должен быть на-чеку. Для этого надо очень внимательно изучать те процессы, которые сейчас в капиталистической системе происходят.

Это обстоятельство должно лечь в основу теоретической работы для того, чтобы мы действительно по-настоящему вооружились.

Для того, чтобы вооружиться по-настоящему в той обстановке, которая нас сейчас окружает, для этого необходимо внимательнейшее изучение через соответствующие органы нашей партии мирового кризиса. Это крупнейший вопрос сегодняшнего дня. Он не просто сам по себе интересен, а он диктуется необходимостью, это диктуется нашим сегодняшним существованием. В современной обстановке надо следить, каким образом развивается, зреет, организуется то необходимое большинство в среде рабочего класса Европы и Америки, которое в конечном счете решит судьбу капитализма.

Вы знаете, что бросаться в бой за революцию ни одна из стран не сможет, пока необходимое большинство рабочего класса не встанет на новые позиции.

Надо вам сказать, что никогда действительно ожесточение против нас не росло в такой степени, как в настоящий период. В иностранных газетах читаешь, что никакой интервенции не предполагается, что большевики все это придумывают. Но все это — одна видимость. А по существу надо прямо сказать, что более энергичного наступления на нас, чем то, которое ведется в настоящее время, мы давно не видали.

Я не буду повторять тех решений, которые у нас вынесены последним пленумом Центрального Комитета партии, эти решения иначе как историческими назвать нельзя. Но тут нам надо условиться только об одном, — что теперь речь идет не только о том, чтобы еще раз подтвердить правильность тех решений, которые мы приняли, сейчас идет речь о том, чтобы действительно в максимальной степени мобилизоваться вокруг всех этих вопросов. В них выражена программа нашей дальнейшей социалистической стройки и в городе и в деревне. Я хотел только сказать, что с завтрашнего же дня, с сегодняшнего дня, с настоящей минуты еще раз и еще раз требуется огромнейшая мобилизация вокруг всех этих вопросов, причем должен сказать то, что мы на всех собраниях повторяем, по-моему правильно, что сейчас, на данный 1931 год, речь идет не только о количественных показателях, о количестве нашей работы, вообще о всех количествах, — речь идет о качестве более, чем когда бы тони было. И не так надо понимать это качество, чтобы всякая пепельница была лучше, чем делалась до сих пор.

Она должна быть лучше. Но надо сказать, что качество нашей стройки решительно меняется и дальше будет изменяться, как никогда.

Мы с вами живем в таком периоде, когда мы в СССР с капитализмом в основном рассчитались, но коммунизма еще не достигли. Мы вступили в период социализма, хотя до построения социалистического общества еще далеко.

Нет никакого сомнения в том, что и в период социализма наше движение вперед не будет совершаться гладенько из года в год.

Когда мы говорим о качестве, когда записано в наших решениях, что мы в 1931 году завершим фундамент социалистической стройки, надо все громадное значение этого факта понять. Тут речь идет не только о том, что наши доходы будут достигать 49 миллиардов.

Надо поднять качество всей работы вообще и качество нашей теоретической работы. Вот мне сдается, что вся теперешняя наша обстановка и вот этот ответственнейший перевал, который мы переживаем, требуют и от нашей теоретической мысли гораздо большей остроты, гораздо большей мобилизованности, чем, например, несколько лет тому назад.

Мне кажется, вы должны со мной согласиться, что если верно, что мы сейчас проходим огромный исторический этап, то как раз на этом ответственном этапе наша теоретическая мысль и ее развитие приобретают колоссальную важность.

Поэтому вопрос об этом самом качестве я хочу поставить гораздо шире, чем мы иной раз привыкли думать. Может быть тут нужно подобрать другое слово. Требование повышения качества распространить решительно на все области нашей работы и в том числе, далеко не в последнюю очередь, распространить и на нашу теоретическую мысль.

О качестве, скажем, промышленной и сельскохозяйственной продукции очень часто говорилось. Это — уже общее место. Но я напираю особенно на необходимость повысить качество работы именно тех наших организаций, которые призваны, в первую очередь, воспитывать и двигать вперед нашу теоретическую мысль.

Тут я вам комплиментов говорить не собираюсь, но один из вопросов, обращенных ко мне, гласил: «Какое место Комакадемия должна занимать в вашей Ленинградской организации?»

Если коротенько ответить, то надо сказать, что Комакадемия должна стать идеологическим и организационным штабом развертывания теоретической работы в нашей организации.

Это налагает весьма и весьма большие обязанности на Комакадемию, и в частности — на нас, руководителей нашей Ленинградской организации. Если кто-нибудь думает, что Комакадемия

может занять какое-нибудь другое, более скромное положение, тогда может стать вопрос: нужно ли вообще такое учреждение?

Так дело обстоит сейчас. Оно так просто и коротко сформулировано, а ставит очень большие задачи перед вами и перед нами и перед всеми нами, вместе взятыми.

Я приведу один-два примера. Мы очень часто говорим о перестройке работы. У нас, ведь, нет ни одной организации, которая бы не ставила первым пунктом своей резолюции: «Недостаточно перестроились, недостаточно настроились..» Так начинается каждая резолюция.

Так, по-моему, пора перестать с этого дела начинать, а надо действительно перестраиваться буквально по всем звеньям нашей работы.

Я скажу по собственному опыту — огромные затруднения даже в этой перестройке мы претерпеваем потому, что как следует не можем обмозговать, как это перестроить, что перестроить, чтобы дело пошло более форсированным темпом, чем до сих пор.

Колоссальные задачи стоят перед нами. Возьмем для примера перестройку профсоюзов. Как она вырисовывается в данный момент?

Возьмем Союз металлистов. Я не знаю, сколько членов он насчитывает, но это настолько грандиозная — армия, управлять которой из одного штаба — ЦК Союза металлистов, при том огромном многообразии отраслей, которое называется металлопромышленностью, — надо быть сверх-Архимедом, чтобы с этим делом справиться.

Возьмем Союз горнорабочих. Все вы знаете роль топлива. Туда входят, как две главные ветви наших пролетариев, горняки и нефтяные рабочие.

Скажите, что общего между той и другой отраслью промышленности? Я сегодня говорил: общее то, что и тот и другой продукт — черный, но и это не всегда. Тот и другой вынимается из земли, но мало ли что вынимается из земли! Общее найти трудно, а разницу найти легко. Иная техника, иные методы — разное все. Никакой нефтяной рабочий не может быть хорошим углекопом, хорошим забойщиком и т. д. Почему же эти обе отрасли должны быть в одном союзе?

Любое из этих дел возьмите, и вы придете к следующему заключению: если мы действительно хотим стать лицом к производству, то слишком мало будет притти в фабзавкомы и говорить по поводу зарплаты, соцстраха и проч. Теперь, если ты хочешь помогать и повернуться лицом к этому производству, то, если у тебя тут турбостроение, — ты должен знать, что это такое, как, из чего, иначе — грош цена твоему руководству. А если это так, надо это все диференцировать, ограничить отдельной отраслью.

Коснемся другого вопроса, поставленного ликвидацией безработицы. Когда у нас была порядочная армия безработных, то трудно было найти рабочего, который бы не пожелал быть членом профсоюза, и вы понимаете, почему. Не только потому, что он совершенно сознателен, зрел и проч., не только поэтому. А каждый приезжающий от сохи, из деревни, у которого насчет сознания слабовато, как только приезжает в город, он знает, в какой союз обратиться, как туда можно вклиниться, потому что, не будучи членом профсоюза, найти работу было трудно.

А что сейчас получается? Мы сейчас переживаем огромный недостаток рабочей силы в ряде отраслей. На одном из очень крупных заводов под самой Москвой, в нескольких десятках километров от Москвы, 60 % рабочих не состоят членами профсоюзов.

Мы только теперь начинаем в это вглядываться, и не подлежит никакому сомнению, что если мы соответствующим образом не перестроим свою работу, то это и дальше так пойдет, потому что прямая заинтересованность отпала, так как сейчас не рабочий ищет работу, а работа ищет рабочего. Так что в этом отношении надо создавать какие-то новые стимулы для вовлечения в профсоюзы.

С одной стороны, мы сейчас видим на фабриках и заводах совершенно исключительные, новые, социалистические формы труда, мы видим такие явления, как у нас в последние дни хозяйственного года для стопроцентного выполнения промфинплана люди работали сверх урока на заводах, вопреки нашему запрещению сверхурочно работать, и отказывались от какой бы то ни было сверхурочной оплаты. Значит, мы подходим к тому положению, когда труд для организованного звена рабочего класса не становится предметом существования, когда работают не потому, что иначе не проживешь, если не станешь работать, но как раз наоборот — появляются проблески того, чем должен быть труд в коммунистическом обществе.

С другой стороны, на этом же самом этапе 60 % рабочего слоя по отдельным предприятиям не состоят членами профсоюза. Тут нечему удивляться, это противоречие, обусловленное характером той эпохи, которую мы с вами переживаем. С одной стороны — полнейший расчет, все более и более усиливающийся расчет с остатками капиталистической системы, но эти остатки еще

сохраняются, и, с другой стороны, — нарастающие элементы нового коммунистического отношения к работе. Здесь громадный участок теоретической деятельности наших организаций, как, скажем, Комакадемия.

Наши задачи в деревне, в частности в Ленинградской области, огромны. Если мы их не осветим настоящим прожектором теории, все уголки нашей деревенской работы, — уверяю вас, что наша задача в деревне очень и очень усложнится. Деревня нашей Ленинградской области очень своеобразна. Она во многом отличается от деревни чисто сельскохозяйственной области.

Тут много разных условий, перечислять которые нет никакой надобности. Но вот кардинальный, решающий вопрос социалистического строительства в деревне — это наше колхозное строительство.

Все мы понимаем, что укрупненные хозяйства, обобществление — это все замечательно. Мы это понимаем и во всех резолюциях пишем. Но как это делать? И тут, оказывается, это гораздо сложнее. Что крупное лучше, чем мелкое, — это ясно, но как это крупное организовать — это не совсем ясно и сплошь и рядом очень и очень неясно.

Организация крупного общественного хозяйства в земледелии требует самого предельного внимания теоретической мысли. В заключение должен сказать одно: что, если мы будем по-настоящему думать о повышении качества всей нашей работы, то нам надо, в отношении нашей Комакадемии, те решения, которые вынесены Областным комитетом партии, возможно сильнее развернуть по линии практического осуществления. Я знаю, что там много трудностей, все это абсолютно верно. Но так же верно и то, что надо извлечь максимум того, что можно извлечь из Комакадемии для успеха работы нашей партии.

Надо сделать так, чтобы работа Комакадемии была увязана теснейшим образом с проведением основных задач, которые стоят как в частности перед Ленинградской организацией, так и перед всей нашей партией в целом.

Я думаю, что до настоящего времени этого у нас не было в необходимой степени в какой надо. Я просматривал кое-какие материалы до сегодняшнего заседания. Вот, скажем, если взять работу нашего Института истории в 1930 г.: у вас там 43 темы были, там есть много интересного, много любопытного, история прошлого занимает немало места (смех), но иногда бывает, что чем дальше в историю заглянешь, тем менее глубоко занимаешься историей (смех). Я думаю, что в том смысле, в каком нам нужна история, известная нам — ленинцам, большевикам, непосредственным строителям социализма, — я думаю, для того, чтобы углубить работу исторического института, надо заняться более близкими историческими темами.

Например там есть IV век — Греции, это очень далеко, да и с практикой нашей работы мало связано. Где там вспоминать Александра Македонского, не глубже ли будет, если поближе возьмем.

Это не значит, что запретно читать Канта и проч. — это все нужно. Но надо читать то, что действительно сегодня помогло бы нашему социалистическому строительству, чтобы это было прожектором, который освещал бы пути нашего соцстроительства.

Под этим углом зрения и вынесено решение Обкома партии, которое, наверное, известно работникам Комакадемии. Может быть там чего-нибудь не хватает, но одно для нас ясно, что жизнь и деятельность такого высоко-необходимого учреждения, как Комакадемия, должны быть увязаны с практикой нашей работы, должны явиться не просто лабораторией теоретической мысли: где-то, что-то, откуда-то. Отнюдь нет, нужно, чтобы все это было самым непосредственным образом увязано с тем генеральным планом, генеральной линией, которая у нас есть. В этом отношении Комакадемия может нам оказать громадную помощь.

Я вам приведу два примера, совершенно прозаических, которые потерпели некоторый ущерб именно потому, что мы не посмотрели на проведение этих вопросов достаточно основательно теоретически.

Я хочу сказать о нашей финансовой реформе. В основе реформа, безусловно, правильная. Но то, что мы, с самого появления, не осветили эту финансовую реформу со всех сторон острым теоретическим прожектором, — привело к тому, что в ряде сторон эта самая финансовая реформа ударила очень и очень отрицательно по всему нашему народному хозяйству.

Второй пример. Мы совсем недавно провели громадную работу по реорганизации нашего транспорта. Все мы, конечно, Знаем, и еще Маркс говорил, что без транспорта. . и т. д. социализма не построишь. Мы и решили, что раз так — транспорт необходимо реорганизовать. Эта реорганизация началась без достаточно всестороннего освещения всех перемен, вносимых перестройкой. Теперь мы должны вновь заниматься транспортом.

Тут, может быть, скажут: вот тебе на, Комакадемия, ленинизм, марксизм! Транспорт затормозился — теоретическая мысль во-время не подоспела. Но, товарищи, это именно так. И вот, если мы

сумеем это взаимодействие между практикой нашей работы и теорией установить, не подлежит никакому сомнению, что через некоторый промежуток времени, когда мы встретимся с вами снова, мы тогда с несколько иными итогами придем в нашей общей работе и в частности — в работе Комакадемии. Еще раз и еще раз повторяю, глубокую ошибку сделаем мы, если будем думать, что чем ближе к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории. Никогда ни в одну эпоху эта теория не играла такого колоссального значения, какое она играет сейчас.

А к великому сожалению, если говорить в порядке самокритики, когда мы подбираем кадры для наших научных учреждений, у нас до сих пор даже ни сил, ни средств не оказывается, мы даже, шутя, бросаем такие фразы: «Подумаешь, нашел чем заниматься — доцентурой», если у нас пятилетка в программе дня! Надо здесь произвести перелом, надо добиться этого, это нужно во что бы то ни стало!

Каждое теоретическое положение освещает нашу социалистическую стройку, оно в буквальном смысле слова становится достоянием миллионов и миллионов трудящихся, и чем ближе будем подвигаться к социализму, тем более почетное, более достойное положение будет занимать и теоретическая мысль, хотя не будет того разрыва между, скажем, трудом интеллигентным и трудом рабочего, человека, именно потому, что теория и теоретическая мысль все больше и больше должны становиться уделом не только избранных. (Аплодисменты.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Из речи на совещании секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов 29 июня 1931 года

МЫ НЕ МОЖЕМ МИРИТЬСЯ С ПРОРЫВОМ НИ НА ОДНОМ ИЗ УЧАСТКОВ РАБОТЫ

Очень большой и важный вопрос, который в данном случае решает все дело, вопрос — как расставить силы, кто на какой работе должен быть. Помимо этого, каждый должен иметь перед собой точный, конечно, не математически точный до сотой процента, а хозяйственно-точный план всей работы, о чем мы не первый раз нашим районам говорим и чего, к великому сожалению, отнюдь еще нет. Мы все еще продолжаем работать кампанейски, от случая к случаю, и эта кампанейщина часто становится основным методом работы.

Безусловно, что уборочная кампания требует от нас большого напряжения сил, как указывали некоторые товарищи. Это верно, ибо без напряжения социализма не построишь, но то, что при этом напряжении легче работать по хорошо составленному плану, — вряд ли кто станет оспаривать. Нам предстоят не только уборка урожая и осенний сев (в частности большие задачи по зяблевой вспашке и подъему целины, от выполнения которых зависит успех весенней кампании будущего года), но нам надо полностью выполнить и торфозаготовки, и лесосплав, и лесозаготовки, и т. д., и когда все сразу сложишь, кажется некоторым, что выполнить это будет очень трудно. Однако, если все продумать и заблаговременно организовать как следует и, главное, времени не терять, то весь этот план, несмотря на всю напряженность, мы в состоянии, выполнить, а в некоторых частях и перевыполнить.

Когда мы смотрим на отдельные задания, то надо понять, что они не являются разрозненными участками работы, а частью общего хозяйственного плана, чего многие до сих пор никак, к великому сожалению, понять не могут. Мы до сих пор еще толкуем и целую дискуссию разводим по вопросу об отходничестве. И я каждый раз на каждом совещании говорю, что у нас почти половина бюджета крестьянина, в том числе и колхозника, — так называемые неземледельческие заработки. Это надо понять. Поэтому нельзя смотреть на такие работы, как лес и торф (особенно эти работы), как на что-то чуждое сельскому хозяйству. Это основная часть плановой работы в нашем сельском хозяйстве, план именно таким образом и надо составлять. Совершенно правильно в нашей резолюции записано, что, пока сенокос не наступил и хлеб убирать нужно будет не скоро, надо сейчас же переключиться и выполнять задания по лесозаготовкам, сплаву и т. д.

Возьмем такой вопрос, как дрова. Мы живем в области, богатой лесом, никто нам извне леса не завезет, и мы сами должны программу дровозаготовок выполнить во что бы то ни стало. Некоторые районы говорят, что у них не хватает рабочей силы для лесозаготовок. Когда говорят о недостатке рабочей силы, я могу только ответить, что в условиях, когда все предоставляется самотеку, может случиться, что рабочей силы не хватит. Если заготовлять на человека по кубометру в день, то наверняка не хватит. Но люди, знающие лесное дело, говорят, что два человека в районе заготовок могут дать в летнее время от 10 до 18 складочных кубометров древесины в день. А чтобы нельзя было найти в области для тех же дровозаготовок 30 тысяч людей на сравнительно короткий промежуток времени, чтобы этих людей нельзя было как следует организовать и поставить дело по-настоящему, — это совершенно несостоятельное утверждение.

Вопрос о торфе — не менее острый вопрос. Ведь только подумайте, товарищи: если мы, благодаря своему неумению, неорганизованности, безрукости не сумеем эти 30 тысяч рабочих бросить на дровозаготовки, не сумеем выделить нужную рабочую силу на торф, — что получится? А после этого будем говорить — «Мы, конечно, за генеральную линию партии, мы, твердокаменные большевики, «левым» и правым уклонистам даем сокрушительный отпор». А на деле что получится? Худшее проявление правого уклона, чем лишение рабочих и промышленности топлива в результате оппортунистического самотека, вряд ли найдешь. Надо, товарищи, при составлении районных планов, которыми мы все должны заняться, все эти задания учесть.

Производственные планы колхозов должны охватывать задачи, связанные с отходом колхозников на лесо-торфо-разработки.

Важнейшим участком является наша финансовая работа. Финансовый план выполняется районами области из рук вон неудовлетворительно. Когда облфо приводил цифры денежных заданий, некоторые районные работники говорили: тут и сельхозналог, и заем, и самообложение, и прочее. А как, вы думаете, все это проходит в городе? Только благодаря напряженной работе наших организаций нам удается в кратчайший срок разместить новый заем. На основе глубокой работы в цехах, на фабриках и заводах мы добились крупных побед.

В городе нам это удается, в деревне мы пока еще так работать не научились, но обязаны это сделать как можно скорее.

Несколько слов скажу о заготовках.

Мы поставили этот вопрос сейчас раньше, чем в прошлом году. Мы готовимся к нему лучше и, я думаю, добьемся лучших результатов. Но нужно помнить, что и тут самотеком дело не пойдет. Тут нужна организованность, правильная расстановка сил, энергичнейшая мобилизация общественности, и в первую очередь колхозной общественности, для того чтобы заготовительный план выполнить.

УДАРИТЬ ПО САМОТЕКУ — ВЕСТИ ДЕЛО ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ

В заключение несколько слов относительно методов работы. Я говорил относительно плановости — вы понимаете, что нужно было бы сказать по адресу планирующих органов несколько слов. С кампанейскими методами работы нужно покончить; нужно в 1931 году, почти накануне второй пятилетки, научиться работать по-настоящему, по плану. Это в значительной степени облегчит нашу работу. Имейте в виду, что план — не отвлеченная штука, выдуманная экономистами, а необходимейший элемент социалистического строительства.

Без плана социализма не построить.

К сожалению, надо сказать, что у нас вместо плана в ряде мест наблюдается самый настоящий самотек, — нужно это прямо сказать. Идет этот самотек до тех пор, пока не хватятся, не ударят в колокола. А после этого начинаются такие явления, о которых вы лучше меня знаете, особенно в районах, отдаленных от железных дорог, лишенных хорошей связи, — начинается спешка, горячка, пока, наконец, после большой затраты сил, дело не идет на выправление.

По самотеку нужно ударить как следует, нужно вести дело по-настоящему, по-большевистски. Тут церемониться решительно не приходится, потому что иначе, кроме вреда и разложения, ничего не получится.

С другой стороны, нужно предостеречь в нашей работе от увлечения голым администрированием.

Путем голого администрирования, без организации масс, без проверки своих решений дело не пойдет, при таких условиях наша социалистическая стройка не двинется ни в городе, ни в деревне.

О «МЕЛОЧАХ», НА КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ ВОСПИТЫВАТЬСЯ РАБОТНИКИ

Затем, товарищи, — об этом мы тоже, кажется, не раз говорили, — я бы хотел обратить внимание на вопрос о так называемых «мелочах». Я тут хочу указать вот на что: мы говорим об организации труда в колхозе, но до тех пор ни один из вас не сможет это дело поставить по-настоящему и понять все трудности, пока вы сами не окунетесь в это дело непосредственно, иначе у вас ничего не выйдет. Вот, председатель рика или секретарь райкома, возьмите и поезжайте в один из колхозов, попробуйте организовать дело. И тут, уверяю вас, первое, что потребуется, — это объяснить, что такое трудодень, учет и т. д. И вы сами тогда должны будете понять значение этих «мелочей», так как колхозник вас об этом спросит, бригадир спросит, как записать, и прочее. И вы все это увидите на деле, в жизни, вы поговорите с практиком, вас потянет к литературе, вы почитаете соответствующую книжку и т. д. И вот на этих «мелочах» и воспитывается работник. Низовой практик в этом сможет вам во многом Помочь (беру практика, конечно, честного, хорошего работника): он укажет вам на то новое, что есть сейчас в деревне, потому что хотя вы и работаете в деревне, но не думайте, что вы все знаете, там есть много нового, и то, что вчера считалось последним словом агротехники, сегодня уступает место другому, там, где, казалось, вчера нельзя было сеять, — сегодня можно, и результаты еще лучше, чем раньше. Практик все это нам даст при условии, если мы выедем на место и поглядим, что и как на месте происходит.

Мелкие детали в работе, о которых даже может быть иной раз, кажется, смешно говорить, они решают дело; и вот кто за это конкретное звенышко большой или малой цепи или цепочки возьмется, тот увидит, как сразу потянется ряд вопросов — один к другому. Так происходит выращивание кадров, помноженное на наш опыт и достижения. Таким образом мы сможем избежать тех крупных ошибок, которые часто делаем.

ВЫШЕ КАЧЕСТВО РУКОВОДСТВА

Товарищи, я просмотрел перечень районов, которые у нас идут впереди, и тех, которые отстают, и оказалось, как правило, что в тех районах, в которых на партийную работу и на работу сельсоветов обращено соответствующее внимание и подобраны люди, дело идет лучше, а в тех районах, где районные организации на сельсоветы и партячейки обращают мало внимания, дело не двигается. Это факт, и в этом нет ничего неожиданного.

В отношении партийности имеется такая справка: у нас в области 9200 колхозов, а колхозных ячеек всего-навсего 500 с чем-то, комсомольских ячеек также немного.

Укрепление сельсоветов и развитие массово-партийной работы по преимуществу является нашей

основной задачей, если мы хотим двигать дело не только на сегодняшний день, а на более продолжительное время.

Здесь сетовали на работу областных организаций, и жалобы эти в значительной мере основательны. Я думаю, что если говорить всерьез и по-настоящему, то наши областные организации далеко еще не достаточно гибко и конкретно руководят. Правда, мы могли бы привести кучу «объективных» обстоятельств — дальность расстояния и прочее, но все это не исчерпало бы изъянов и недочетов, которые имеются.

Трудности есть, но есть и большие возможности реально улучшить руководство. Возьмем живое руководство и живую помощь районам. Цифры я приводить не буду, но если сложить областные аппараты, партийные, советские, кооперативные и т. д., — везде есть инструкторы, их очень большое количество, в среднем выйдет по нескольку человек на район. Мы посылаем их, они ездят, вы их видите. Правда, говорят, что они бывают больше в районах, близких к железной дороге, и это верно. Он поедет, побудет некоторое время (вот как говорили насчет кооперативных гастролей), потом уедет и пишет докладную записку своему шефу: тут безобразия, там неполадки и прочее. А спросите, как он помог на месте исправить, — на этот счет как-то туго. Надо поставить дело так, чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет или рик, поменьше командуй, поменьше изображай ревизора, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь. Вот, когда доведешь дело до конца, — тогда выезжай.

Живое руководство и инструктаж, изучение областными организациями районов— это необходимейшая вещь. Правда, известный сдвиг в этом направлении есть, некоторая диференциация руководства устанавливается, но этого еще недостаточно.

Если отчетливо себе представить этап, на котором мы находимся, и те задачи, которые перед нами стоят, если помнить, что мы — большевики и что мы способны и не такие горы преодолевать и в более трудной, более опасной и более сложной обстановке, если мы так подойдем к решению наших задач, то я убежден, что в кратчайший срок мы добьемся перелома на всех отстающих участках и добьемся такого выполнения плана, какое достойно Ленинградской области, возглавляемой таким городом, как город Ленина.

Товарищи, надо понять каждому, что сейчас надо работать засучив рукава. Надо помнить, товарищи, одно, что, когда мы начинали великую социалистическую стройку, мы сказали себе, и совершенно справедливо, что в нашей стране имеются все объективные условия для того, чтобы строить и построить социализм. Это было, товарищи, еще несколько лет тому назад. Теперь уже никто не ставит вопроса: можем или не можем строить? Каждый видит, чувствует и понимает, что мы не только можем, но строим успешно и действительно победоносно. Но для того чтобы еще успешнее, еще победоноснее строить, для того чтобы скорее выйти на еще более широкую, просторную дорогу социалистической работы, — надо навалиться со всей силой на проведение в жизнь намеченных партией решений. Не забывайте того, что наша большевистская партия всегда отличалась от всех других партий тем, что она слово не отделяет от дела, тем, что свои решения она твердо проводит, невзирая ни на что, потому что эти решения правильные, единственно возможные и действительно победоносные.

К НОВЫМ БОЯМ И ПОБЕДАМ!

Из доклада на I Ленинградской городской партконференции 12 декабря 1931 года

ОБРАЩЕНИЕ ЦК И СОВНАРКОМА — БОЕВАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ

/Обращение ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР за подписью товарищей Сталина и Молотова ко всем партийным, профессиональным и комсомольским организациям Ленинграда 3 декабря 1931 г. ЦК и СНК поставили перед Ленинградским комитетом партии и Ленинградским советом задачу в 1932 г. приступить к усиленному развертыванию работ по реконструкции городского хозяйства и в первую очередь — жилищного строительства, городского транспорта и водоснабжения. — Ред. /

Мы много и часто говорим, и правильно говорим, что на нашу долю выпала почетная историческая роль — переработать, перевоспитать старого человека, сделать из него нового человека, достойного современной эпохи. Большая задача, но мы не всегда правильно подходим к ее разрешению. Иногда возникают разного рода бытовые коммуны, в которых коммунизма вначале как будто все 100 %. Продолжается это примерно месяца три, полгода, потом коммуна разваливается на составные элементы. Это происходит потому, что люди спешат, торопятся, неправильно понимают, одним словом, боком подходят к разрешению этой огромной проблемы, а между тем это задача, от которой не отмахнуться и которой не разрешить одним наскоком.

Я, товарищи, отнюдь не выступаю в качестве противника бытовых коммун. Есть коммуны, организованные на здоровой основе, которые живут и будут жить. Но надо, товарищи, понять, что на данном этапе нашего социалистического строительства задача массовой реконструкции быта, — я подчеркиваю, массовой, так как речь идет о реконструкции быта не тысяч или десятков тысяч, а сотен тысяч и миллионов рабочих семей, — разрешается иными путями, а не путем бытовых коммун. Вот послушаем женщину, работницу. Она правильно сетует на то, что ей приходится стоять у плиты, няньчить ребят, возиться со стиркой, что все эти обязанности падают на нее, что из-за них она подчас не может принять достаточно активного участия в общественной работе, не может повышать свою квалификацию и т. д. Послушаем жену рабочего, так называемую «домашнюю хозяйку», которую эти три обязанности: уход за детьми, стирка и кухня, приковывают к дому и не дают возможности пойти на завод, на фабрику. Вот по линии именно этих важнейших практических, на первый взгляд прозаических, вопросов должна разрешаться задача социалистического преобразования быта. Это можно сделать, конечно, не путем фейерверка, тут надо систематически и настойчиво двигаться по всему фронту, тут надо наладить работу и общественной прачечной, и общественной столовой, и общественных яслей, и школы, и детской площадки, и всех бытовых и культурных институтов. Только тогда полным ходом пойдет в быту настоящее высвобождение, настоящее перевоспитание старого человека в нового, социалистического. Все эти вопросы, товарищи, как будто элементарны, настолько само собой разумеющиеся, что, казалось бы, нет нужды о них говорить. Между тем это не так. Мне кажется, что мы не всегда держим в памяти, особенно в практической работе, то положение, о котором нам говорил товарищ Сталин: «Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия» /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 453, изд. 10-е. /. Это указание товарища Сталина должно быть положено в основу нашей дальнейшей работы.

Через год мы с вами закончим нашу первую пятилетку. В 1932 году мы должны будем развернуть напряженными темпами работы по подготовке второй пятилетки нашего социалистического строительства.

Если в первую пятилетку мы закончим построение фундамента социалистической экономики в нашей стране, то легко понять, какие колоссальные задачи встанут при осуществлении второй пятилетки. Эта пятилетка не только должна дать нам дальнейшие огромные достижения в деле электрификации, индустриализации и механизации всей нашей страны, не только решительным образом продвинуть нас к тому, чтобы догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, но она должна также поднять материальный и культурный уровень нашего советского рабочего на недосягаемую при капитализме высоту.

Вот почему, еще раз повторяю, на июньском пленуме ЦК вопрос о культурно-жилищно-бытовых нуждах наших рабочих был со всей остротой поставлен в порядок дня нашей практической работы. Вы знаете, что часть решений июньского пленума уже осуществляется, но к значительной части их мы только теперь начинаем подходить вплотную и по-настоящему. ЦК не мог поставить задачу сразу и развернуть реконструкцию коммунального хозяйства одновременно по всем пунктам нашей огромной страны. Пришлось установить соответствующую очередность, выдвинуть на первое место наиболее ответственные, наиболее ведущие области и районы нашего Союза и с них начинать. Все вы помните, что начали мы эту работу с Москвы, теперь переходим к Ленинграду. Уже есть

решение ЦК о Нижнем-Новгороде. В ближайшее время последует — решение и в отношении других наиболее крупных районов и пунктов нашего Союза.

Недавно ЦК ВКП(б) и Совнарком нашего Союза опубликовали чрезвычайно важное решение в отношении Ленинграда. Это решение ставит перед нами, товарищи, не только важную, но и весьма трудную задачу, которую мы должны разрешить во что бы то ни стало. Я не буду вдаваться в детали этих решений, вынесенных ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза, а остановлю ваше внимание только на основных цифрах. В 1932 году мы должны будем вложить в жилищно-коммунальное хозяйство Ленинграда 290 миллионов рублей. Для того чтобы понять, что это такое, нужно вспомнить, что в текущем, 1931 году мы в наше жилищно-коммунальное хозяйство вкладываем около 70 миллионов рублей, а в будущем году должны будем вложить 290 миллионов, т. е. больше в четыре с лишним раза. В течение 1931 года мы построили с грехом пополам немного более 200 тысяч квадратных метров новой жилой площади, а в 1932 году должны построить 1 миллион 200 тысяч квадратных метров, т. е. в шесть раз больше того, что мы строим в этом году.

Чтобы привести вам еще иллюстрацию, я должен сослаться на пример более «опытных» муниципалитетов. Возьмите, например, ту же Вену, знаменитую меньшевистскую Вену, которую они всем показывают: там за 12 лет в коммунальное и жилищное хозяйство вложено всего-навсего 240 миллионов рублей на наши деньги, а мы за один год в наше городское строительство должны будем вложить 290 миллионов рублей. Мы должны будем в 1932 году приступить к решительной реконструкции ряда решающих отраслей нашего городского хозяйства. Все вы знаете, как перегружен наш трамвай, особенно в часы, когда рабочие едут с работы и на работу. Нужно сказать, товарищи, что это далеко не маленький, ведомственный «откомхозовский» вопрос. Если, скажем, в Нарвском районе живет всего треть всех рабочих, работающих на территории района, а две трети ездят, если в Московском районе живет одна пятая, а остальные ездят, если в Выборгском районе на ряде заводов, по свидетельству партийных организаций, основной причиной опозданий на работу является перегрузка трамвая, то надо, товарищи, понять, что вопрос о трамвае — не мелкий вопрос, что от него в известной мере зависит и выполнение промфинплана и здоровье и удобство многих сотен тысяч рабочих и трудящихся. ЦК и Совнарком постановили в наступающем 1932 году расширить трамвайный пассажирский парк на 450 вагонов, проложить 55 километров нового трамвайного пути, закончить в 1932 году постройку главных трамвайных мастерских. Одновременно с этим решено значительно увеличить число работающих в Ленинграде грузовых машин, дать 370 автобусов и 500 такси, а также восстановить водно-пассажирское движение по Неве, для чего уже в течение 1932 года пустить 40 катеров. Проведение всех этих мероприятий, при условии, конечно, если мы уделим им достаточное внимание, позволит нам в значительной мере ликвидировать теперешнюю перегрузку трамвая.

Радикальные мероприятия намечают решения ЦК и Совнаркома и по другому важнейшему звену нашего коммунального хозяйства — по водопроводу. Мы уже сейчас имеем такое положение, когда наша водопроводная станция работает с предельной нагрузкой, когда расход воды настолько велик, что в некоторых районах, например, в Нарвском, бывают случаи, когда вода не подается даже в третий этаж, когда вопрос о водоснабжении грозит стать узким местом в работе некоторых наших фабрично-заводских предприятий.

Решения ЦК и Совнаркома намечают проведение работ, обеспечивающих увеличение мощности главной водопроводной станции до 90 тысяч кубометров суточной подачи воды и окончание к началу 1933 года строительства первой очереди Южной станции мощностью в 160 тысяч кубометров суточной подачи. Одновременно с этим решен вопрос о приступе в 1933 году к строительству Ладожского водопровода, которое должно уже целиком и полностью разрешить вопрос о снабжении Ленинграда достаточным количеством чистой и здоровой воды.

Постановлением ЦК и Совнаркома решено начать постройку нового моста через Неву (у фабрики «Красный ткач»). Я не могу подробно останавливаться на вопросе о мостовых, набережных, мостах, канализации и т. д.; я хочу выделить только два вопроса: о банях и прачечных и о газовом хозяйстве.

Постановление ЦК и Совнаркома предлагает осуществить в 1932 году в Ленинграде строительство 5 бань и 3 банно-прачечных комбинатов. Все вы знаете, какое большое значение имеет баня с точки зрения гигиены и санитарии и просто с точки зрения бытовых удобств. И вот в связи с этим я хотел обратить ваше внимание на одну маленькую деталь, на одну мелочь, которая, однако, не является такой мелкой, как это кажется с первого взгляда. Всем известно, что у нас не хватает бань, что подчас стоят очереди, люди ждут, чтобы помыться, и т. д. Объясняют все это объективными причинами, теснотой старых бань, разрушением их в военные годы и т. д. Все это верно. Ну, а скажите, какими объективными причинами можно объяснить то, что в банях не хватает шаек?

А очереди стоят не только потому, что в бане места нет, но и потому, что шаек меньше, чем мест. Попал в баню — и сиди, мыться не можешь, шайки нет, а если и есть, — она дырявая. Вот это явление, товарищи, оно тоже имеет свои причины, и причины отнюдь не объективные, а причины, имя которым — глупость, халатность и разгильдяйство. Я это, товарищи, говорю к тому, что нужно не только построить новые бани, нужно решительным образом улучшить существующее банное

хозяйство. Нужно, товарищи, чтобы у нас не было таких фактов, какие мы имеем сейчас, что в бане на 370 мест 150 шаек, большинство дырявых; вода из шаек течет, а на стенах, повсюду плакаты: «Экономьте воду». Это, товарищи, не придумано, это факт. Решение ЦК специально ставит вопрос о прачечных. У нас, в Ленинграде, имеется, оказывается, завод, который снабжает оборудованием прачечные всего СССР, выпускает 600 комплектов в год, а с маленькой задачей — открыть в этом году 38 механизированных прачечных — мы справиться не могли. Это безобразие, товарищи, но это факт, и на этот участок мы сейчас должны навалиться.

Последнее, на чем я хотел остановиться, — это вопрос о газовом хозяйстве. Имеющийся в Ленинграде газовый завод бездействовал за все время революции. Сейчас постановление ЦК и Совнаркома предлагает форсировать работы по восстановлению газового хозяйства, с тем чтобы к началу 1933 года обеспечить производство 60 миллионов кубометров газа, т. е. значительно больше того, что давал этот завод при царе.

Большое место уделено в постановлении ЦК вопросу об обслуживании культурных потребностей рабочих и благоустройстве города. ЦК и Совнарком признали необходимым увеличить площадь зеленых насаждений, усилить освещение, укрепить пожарное дело и т. д. Нам предложено в ускоренном порядке провести мероприятия по созданию Парка культуры и отдыха на Островах, по расширению сети пляжей, купален, лодочных станций и т. д. Одновременно с этим ЦК и Совнарком обратили наше внимание на необходимость улучшения работы существующих клубов и домов культуры и лучшего использования пригородных парков и дворцов для отдыха рабочих.

И вот, товарищи, если мы взглянем на все эти цифры, на все эти объекты работы, если попробуем все это оценить и сравнить с тем, что мы делали до сих пор, то станет видно, что перед нами поставлена действительно грандиозная программа.

Я хочу сказать еще пару слов о самой цифре в 290 миллионов рублей. Эта цифра утверждена постановлением ЦК и Совнаркома, но было бы ошибкой думать, что эти 290 миллионов рублей уже находятся в кармане Исполкома. Надо сказать и подчеркнуть, что эти 290 миллионов рублей мы пока имеем, в известном смысле слова, условно, иными словами, получение их будет зависеть от нашей работы.

Если мы будем, скажем, работать дальше по линии нашего коммунального хозяйства теми же темпами, не торопясь, то мы этих 290 миллионов иметь не будем. Их должны нам дать не от американского дядюшки, — львиная доля их должна быть получена прежде всего в результате работы нашего коммунального хозяйства. Это важнейшее обстоятельство, которого нельзя забывать.

«ПО-НОВОМУ РАБОТАТЬ, ПО-НОВОМУ РУКОВОДИТЬ»

Я думаю, товарищи, что для того, чтобы действительно по-настоящему перейти на новые рельсы в нашем коммунальном хозяйстве, нам нужно проделать большую работу по перестройке не только органов, непосредственно ведающих коммунально-жилищными вопросами, настала пора вообще поставить в порядок дня и разрешить вопрос о более глубокой и более широкой реорганизации всей системы нашей работы. Вы знаете, что большевики, в отличие от других партий, вопросам организационным придают, согласно заветам Ленина, исключительное значение.

Я уже говорил, товарищи, о тех достижениях, которые мы имеем после XVI съезда нашей партии. Разрешите вам одновременно с этим напомнить, что этим успехам социалистической стройки со времени XVI партсъезда содействовала коренная перестройка целого ряда наших органов. Возьмите управление нашей промышленностью — все, начиная от завода и кончая ВСНХ, организовано теперь иначе, чем полтора-два года тому назад. Возьмите транспорт. Вы помните, мы недавно занимались этим вопросом и провели огромную перестройку транспорта. Мы проделали колоссальную реформу советской работы в нашей деревне, упразднили округа, приблизив тем самым власть к районам, к селу. Мы перестраиваем наши профсоюзы по линии обеспечения наиболее диференцированного и наиболее детального руководства всей работой, и эта перестройка еще до сих пор не закончена.

Возьмем нашу партийную работу, — каждый, имеющий то или другое отношение к ней, знает, какая глубокая перестройка произошла на этом участке. Торговля наша, кооперация, общественное питание, наша школа, — какой бы области нашего строительства вы ни коснулись, особенно за последние полтора года, вы везде и всюду видите коренное переустройство наших органов. Это делается не потому, что у большевиков мода от времени до времени перестраиваться, а потому, что на данном отрезке нашей социалистической стройки нам необходимо по-новому работать, по-новому руководить. Это положение товарища Сталина, под которым решительно все подписываются, за которое все голосуют, но которое, к сожалению, далеко не всегда проводится в жизнь. Я могу привести ряд примеров безобразного, головотяпского, никудышного руководства. Вот мне, например, говорили, что по Стругокрасненскому леспромхозу за одну только декаду — с 21 по 30 ноября — получено от Леспромтреста 129 бумаг, по 13 бумаг в день. Вы скажете, что лесозаготовки — это неудачный пример, что в нашей городской ленинградской промышленности

дело обстоит иначе. Но я могу привести примеры и из области нашей городской работы. Есть у нас в Ленинграде один квалифицированный завод, где с внешней стороны по-новому работают, по-новому руководят, а на деле получается другое. Несколько времени тому назад сделали штамп в 8–9 тонн весом, обработали, потом положили, потом об этом штампе забыли. Отковали новую болванку, снова хотели обрабатывать новый штамп, и только случайно один из рабочих подсказал им, что уже есть сделанный, обработанный штамп.

Вы скажете — это пустяки? Нет, это далеко не мелочь и не пустяк, когда на заводе 8–9 тонн стали валяются, и никто не хочет об этом знать и только случайно об этом вспоминают.

Я мог бы привести целый ряд других, буквально возмутительных фактов. Я вам приводил пример с банями без шаек.

Я мог бы вам привести завод, где выстроили новые корпуса, оборудовали их по всем правилам техники, но забыли… об уборных. Я мог бы вам рассказать, как летом возили рыбу в обыкновенных вагонах и она портилась, но зато в вагонах-ледниках возили помидоры. Я мог бы вам рассказать, как в одной из наших транспортных организаций (управление Октябрьской железной дороги) рабочего-ударника, старика, премировали… лыжами. Это не анекдоты, товарищи, это факты. Почему они происходят? Они происходят потому, что целый ряд наших работников не умеет, а кое-кто и не хочет «по-новому работать, по-новому руководить». Потому что люди любят руководить «вообще», руководить на бумаге, а конкретное, живое дело забывают, а от этого и происходят всякие безобразия.

Вы читали в газетах о суровых мерах, которые приняли ЦК и Совнарком по отношению к дезорганизаторам рабочего снабжения, к людям, которые отправляли печение без тары, затоваривали консервы, махорку и т. д. Вы знаете, что ряд из них исключен из партии, отдан под суд и т. д. Правильно ли поступил ЦК? Совершенно правильно. Если ты сидишь на каком-либо участке работы и руководишь этим участком, а в результате получаются безобразия, и от этих безобразий страдает рабочий, — неси строжайшую ответственность.

Партия и Советская власть за такие дела гладить по головке не будут.

Что значит «по-новому работать, по-новому руководить»? Это значит — уделять внимание тем «мелочам» нашей конкретной социалистической действительности, о которых нам товарищ Сталин так много говорил.

Из кабинета делать это невозможно. Сейчас руководить, не бывая непосредственно на местах, в цеху, в жакте, в столовой, — будь ты откомхозник, директор завода, профсоюзник, партработник, кто угодно, — становится невозможным. Во-первых, там ты кое-чему научишь, а во-вторых, что бывает чаще, тебя там кое-чему научат, потому что из кабинета тебе дело представляется одним, а на месте, когда посмотришь, может представиться совсем иным. По этой линии нужно вести реорганизацию наших органов, чтобы действительно по-новому работать, по-новому руководить.

Товарищ Сталин чрезвычайно ярко формулировал задачу организации руководства по-новому: «Что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому?

Для этого требуется прежде всего, чтобы наши хозяйственные руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития промышленности и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки.

Для этого требуется, далее, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела» /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 464–465, изд. 10-е. 467 /. Исходя из осуществления этого лозунга, мы поставили вопрос о необходимости диференцировать работу руководящих областных органов — партийного комитета и областного исполкома. Мне думается, что при данной обстановке мы имеем все основания к тому, чтобы выделить Ленинград в пределах области в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу, организовать городской комитет партии и городской исполком, которые будут заниматься городскими делами, будут осуществлять в первую очередь ту огромную программу, о которой я вам говорил. Опыт в этом отношении есть: вы знаете, что Москва с полгода тому назад провела такую же работу и опыт оказался очень удачным.

Мы решили, и ЦК это дело утвердил, выделить Ленинград в пределах области в самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Но этого еще мало. За этим должна последовать соответствующая перегруппировка остальных наших органов. Но я еще и еще раз повторяю: если мы только формально отнесемся к этому большому начинанию, к этой партийной и советской реформе, то из этого, конечно, ничего не выйдет. Нам надо в эту реформу вложить новое содержание, работу действительно конкретизировать и диференцировать, каждого из нас, каждую

организацию, каждый орган поставить по возможности ближе к тому участку, на котором он должен работать или которым он должен руководить.

УСКОРИТЬ ТЕМПЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ ОТ ИНОСТРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В заключение, товарищи, мне хочется остановить ваше внимание на некоторых ближайших задачах нашей очередной работы на пороге четвертого года пятилетки. Мы с вами заканчиваем сейчас третий год пятилетки. Вы на районных конференциях слушали, и я в докладе говорил о тех больших достижениях, которые мы имели в области развертывания промышленности. Но было бы ошибкой думать, что у нас в этом отношении дело не оставляет желать лучшего ни на одном участке. Это неверно. У нас есть прекрасные предприятия, которые выполнили пятилетку, кончают пятилетку, но есть такие предприятия, которым нужно очень и очень подтянуться. У нас мало времени осталось до конца текущего хозяйственного года, но мы в практике знаем случаи, когда в течение, скажем, одной декады, при известной мобилизации и настойчивости всех фабрично-заводских сил, удавалось проделать такую работу, которую в обыкновенное время не удавалось сделать даже на протяжении квартала.

Остаток текущего года нам надо употребить на максимальную мобилизацию сил и средств для того, чтобы как можно полнее и основательнее выполнить те задачи, которые стоят перед нами в области нашей промышленности. В этот отрезок времени надо приготовиться к новому хозяйственному году, провести все необходимые мероприятия, которые целиком и полностью обеспечили бы выполнение программы 1932 года.

Есть одна важнейшая задача, которая должна красной нитью проходить в программе четвертого года нашей пятилетки и в которой одно из решающих мест занимает наш Ленинград. Я говорю о работе тех предприятий, которые главным образом изготовляют оборудование, т. е. об основных заводах нашей ленинградской промышленности.

Мы ведь ставим перед собой задачу индустриализировать нашу страну и на этой основе в кратчайший срок освободиться от капиталистической зависимости. Мы сейчас достигли больших результатов в этом отношении, но успокаиваться на этих результатах еще нельзя. Нам нужно поставить задачу ускорения темпов освобождения нашей страны от иностранной зависимости, пересмотреть программы наших заводов.

Под этим углом зрения надо пересмотреть все наши предполагаемые импортные заявки, и не только наши, но притти на помощь также и заводам, находящимся за пределами нашей области, для того чтобы наметить по возможности все, что можно изготовить внутри страны.

Наша ленинградская промышленность может выполнять сейчас ответственнейшие технические задания, о чем мы сами иногда и не подозреваем. Это показал хотя бы блюминг, выпущенный Ижорским заводом, и электропривод для блюминга, изготовленный «Электросилой». Мы еще не научились достаточно эффективно использовать наше оборудование. У нас, в Ленинграде, есть ряд заводов, которые могут быть буквально образцами для многих европейских или американских заводов, а между тем на этих заграничных слабее оборудованных заводах сплошь и рядом производят более сложные вещи, чем мы.

Техническая база нашей промышленности сейчас укреплена основательно, есть много нового. Этим надо воспользоваться в максимальной степени, для того чтобы действительно более форсированными темпами итти по пути нашего освобождения от заграницы.

Мы должны со всей энергией вести борьбу за осуществление шести условий товарища Сталина, за умножение источников и ускорение темпов социалистического накопления, за строжайшее проведение действительного хозрасчета во всех звеньях промышленности. Нам необходимо еще шире поставить работу по овладению техникой, по подготовке собственной технической интеллигенции рабочего класса. Особого внимания требуют к себе качественные показатели работы промышленности, которые до сих пор остаются неудовлетворительными.

Крупнейшая задача стоит перед нами в области транспорта. Наши организации должны приложить все силы к тому, чтобы Октябрьскую и Мурманскую железные дороги и водный транспорт сделать образцовыми в Советском Союзе. Можно ли это сделать? Я убежден, что можно. На помощь нужно взять нашу ленинградскую технику, провести ряд организационных мероприятии. ЦК прикрепляет сейчас ответственных людей к заводам, работающим на наш железнодорожный транспорт. Здесь нужно мобилизоваться по-настоящему и помочь транспорту чем и как только можно. Мы это сделать можем и должны, особенно у нас, в Ленинграде.

Сложные и ответственные задачи стоят перед нами в области сельского хозяйства и его социалистического преобразования.

Наше сельское хозяйство крепнет, вооружается новой техникой, принимает с каждым годом все более дифференцированный характер.

Возрастают его роль и значение как продовольственной, сырьевой и топливной базы для Ленинграда, экспортной базы для Советского Союза.

В колхозном строительстве мы должны сосредоточить главное внимание на организационно-хозяйственном укреплении колхозов, преодолении мелкособственнических колебаний и кулацких влияний в отдельных звеньях колхозного движения.

На этой основе необходимо обеспечить повышение урожайности и увеличение товарного выхода сельскохозяйственной продукции.

Надо сказать еще об одном обстоятельстве — наша внешняя обстановка такова, что каждый чувствует, что сейчас больше чем когда-либо нам нужно очень внимательно, по-большевистски отнестись к максимальному укреплению и усилению нашей обороноспособности. Во всем мире идет сейчас бешеная подготовка новой антисоветской войны.

Целый ряд буржуазных политиков видит в войне единственный выход из того громадного кризиса, который переживают Западная Европа и Америка. Для нас, ленинградцев, этот вопрос имеет исключительное значение. Мы ведь, как вы знаете, в двух шагах от границы, мы все знаем, какое место занимает Ленинград в Союзе, какое исключительное значение он имеет и какие исключительные сокровища для дальнейшей социалистической стройки находятся в нашем городе. Именно поэтому обязанностью нашей организации является с особым вниманием, с особой, исключительной настойчивостью заняться вопросами усиления мощи нашей Красной армии и нашего Флота.

ТВЕРДО, СОЗНАТЕЛЬНО И УБЕЖДЕННО СТОЯТЬ НА ПОЗИЦИЯХ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Я хочу остановить также ваше внимание на одной задаче из области внутрипартийной работы.

Самое ценное, самое дорогое, самое близкое дело для всякой парторганизации — это ленинское воспитание членов нашей партии. Мы сейчас в Ленинграде имеем 200 тысяч членов и кандидатов партии, не считая военных организаций. Это огромная величина. Но, товарищи, в этом числе мы имеем много молодняка, у нас свыше 30 % кандидатов, а в отдельных районах нашей организации этот процент доходит до 40. Это, товарищи, такое обстоятельство, которое нас к очень многому и многому обязывает.

Нашей партией и ее ЦК в данный момент все коренные принципиальные вопросы решены, и решены правильно. Коллективизация не вызывает никаких сомнений, индустриализация тоже.

Но вы знаете, что правооппортунистические колебания и «левые» загибы еще остаются в практической работе, что время от времени прорываются различного рода извращения марксизма-ленинизма на отдельных участках теоретического фронта. Все это показывает, что классовый враг на разных участках все еще пытается задержать победоносное наступление социализма.

Мелкобуржуазные колебания в отдельных звеньях колхозного движения, буржуазные тенденции в отдельных совхозах, оппортунистическое сопротивление переходу на новые формы работы и руководства, вылазки классового врага на теоретическом фронте, троцкистская контрабанда в истории большевизма, разоблаченная товарищем Сталиным, различные формы проявления давления враждебных нам классовых сил на отдельных участках социалистической стройки — все это требует от нас величайшей бдительности.

К теоретическому фронту я хотел бы особо привлечь ваше внимание. В нашей практической работе по хозяйству мы сплошь и рядом этому фронту не уделяем необходимого внимания. Это, товарищи, недопустимо. Чем крепче, чем шире мы будем внедрять во все звенья нашего огромного партийного организма, во все звенья нашего огромного советского аппарата принципы ленинизма, тем тверже, тем надежнее пойдет наше движение вперед по укреплению и расширению позиций социализма.

Вся история нашей партии складывалась таким образом, что мы всегда были сильны и богаты именно тем, что основные ведущие кадры нашей партии всегда твердо, сознательно и убежденно стояли на Ленинско-марксистских позициях. Я обращаю ваше внимание на последнее письмо товарища Сталина, написанное в связи с некоторыми вопросами истории нашей партии.

История нашей партии, ее борьбы — самая сокровенная вещь в огромном багаже, который имеет наша партия. История большевизма, его непримиримой борьбы с оппортунизмом воспитывает миллионы рабочих и работниц.

На нас, на Ленинградской организации, в этом отношении лежит сугубая ответственность. Мы с вами являемся поставщиками механического оборудования для всего Союза, но мы такие же поставщики и партийных кадров на весь наш Советский Союз, и на ближайший период времени это еще будет продолжаться. Поэтому наша обязанность — готовить стойких большевиков, способных драться за генеральную линию партии, за чистоту марксистско-ленинской теории, против всех врагов рабочего класса, против оппортунистов всех мастей.

ЦК нашей партии должен знать, что наша Ленинградская организация была, есть и будет одной из передовых колонн большевистской партии, надежной опорой Центрального Комитета нашей партии, надежной опорой ленинизма, на основе которого мы с вами поведем и впредь великую работу социалистической стройки, которую вслед за нами будут поднимать все новые и новые миллионы людей.

Товарищи, в порядке дня нашей конференции стояли как будто очень прозаические вопросы. Но эти вопросы являются частями одного большого, великого вопроса — дела нашей дальнейшей социалистической стройки.

Еще и еще раз хочу вам, товарищи, напомнить, что дело индустриализации, коллективизации страны неразрывно, органически связано с делом величайшего подъема материально-культурного уровня советского рабочего — носителя социализма в нашей стране. Именно поэтому обсужденные нами сегодня вопросы должны занять то почетное, то исключительное место, которого они заслуживают. Одним из главных рычагов в деле обслуживания нужд рабочих является наше жилищное и коммунальное хозяйство, которое мы обязаны сейчас перестроить на новых началах, на новых основах. Настало время развернуть широкую работу в деле реконструкции на социалистических началах и этого участка нашей страны.

Товарищи, несколько десятков лет тому назад, выходя на арену тяжелой исторической борьбы, французские революционеры шли под лозунгом «мир хижинам, война дворцам». Мы, товарищи, живем в такую пору, когда на смену хижинам и старым дворцам мы выдвигаем новые, рабочие города, новые, социалистические дворцы. И каждый из нас считает для себя огромным счастьем быть прорабом на этих великих работах. Дело наше, товарищи, непобедимо не только потому, что у нас великая армия строителей, но и потому, что мы строим по плану такого архитектора, который не собьется с правильной исторической дороги, наш архитектор — это наша непобедимая большевистская партия, вооруженная ленинизмом. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

НА ИСТОРИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ МЕЖДУ ПЕРВЫМ И ВТОРЫМ ПЯТИЛЕТНИМ ПЛАНОМ

Из доклада на объединенной IV областной и городской Ленинградской конференции ВКП(б) 23 января 1932 года

БОГАТСТВА СЕВЕРА — НА СЛУЖБУ СОЦИАЛИЗМУ

В директивах к составлению второго пятилетнего плана говорится, что мы должны принять все меры к тому, чтобы развивать производительные силы в нашей стране. В этом отношении наш край представляет собой чрезвычайно богатый район. К нам уже стучится в двери вопрос о местной металлургической базе для нашей ленинградской промышленности. Когда я говорю об этой местной металлургической базе, я подразумеваю отнюдь не то, что мы строим Колпинский завод на отходах и остатках металла в нашей промышленности. Нет, пора — и в 1932 году это надо твердо сделать — поставить вопрос об обеспечении Ленинграда и ленинградской промышленности своим собственным чугуном и известной частью цветных металлов за счет использования внутриобластных рудных месторождений. Есть все основания думать, что если не в 1932 году, то уже в 1933 году мы разрешим эту проблему. Мы имеем железо около Мурманска, на западе от Хибиногорска имеем район с совершенно определенными залежами железной руды. Мы имеем те же самые показатели в ряде мест в Карелии. Почему приходится так энергично подчеркивать значение этой отрасли работы? Да потому, что к концу 1937 года мы в Советском Союзе должны будем добыть 22 миллиона тонн чугуна, а в истекшем 1931 году мы добыли всего около 5,5 миллиона тонн.

22 миллиона тонн чугуна во второй пятилетке как минимум — это колоссальная проблема для нашего народного хозяйства. На прошлой конференции один из товарищей, выступая с этой кафедры, говорил про Карелию и Мурманский край, край, который еще так недавно назывался краем «непуганой птицы». Мы теперь должны встряхнуть эту старую землю, — геологи говорят, что она самая старая на всем земном шаре, — за это не ручаюсь, но, старая она или молодая, надо посмотреть недра этой земли, чтобы установить все, что в ней содержится. Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил 200 лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы, — добавлял Ломоносов, — сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать совету Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае.

Мы живем в огромном городе, мы располагаем всеми нужными научными и культурными силами, а между тем о естественных богатствах нашей Ленинградской области и Карелии мы имеем еще очень мало сведений.

Оказывается, в лучшем случае мы имеем всего каких-нибудь 5 % территории нашей области более или менее исследованных. Об остальных 95 % территории области и Карелии мы ничего не знаем. С этим надо покончить. В 1932 году необходимо по этой линии поставить работу таким образом, чтобы помочь всему Советскому Союзу максимально развернуть свои производительные силы во вторую пятилетку.

Во второй пятилетке мы должны выполнить огромную, всемирно-историческую задачу, мы должны в течение этой пятилетки ликвидировать окончательно и бесповоротно капиталистические элементы и уничтожить эксплоататорские классы в нашей стране. Для этого нужна колоссальная хозяйственно-организационная работа, которая дала бы возможность эту задачу выполнить. Мы должны завершить реконструкцию всего нашего народного хозяйства на основе действительно последнего и новейшего слова техники и науки. Мы должны будем в три с половиной раза увеличить наше машиностроение. Мы должны будем выработать 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии вместо 17 миллиардов, вырабатываемых сейчас. Мы должны добыть 250 миллионов тонн угля, увеличить в два-три раза добычу нефти. Мы должны будем добыть 22 миллиона тонн чугуна. Мы должны будем добиться полного удовлетворения народного хозяйства цветными металлами и ликвидировать отставание химии.

Все эти миллиарды, которые я перечислял, не лежат в одном месте, а расположены по всей нашей огромной стране. Для того чтобы их привести в движение, нужно по-настоящему, революционно реконструировать наш транспорт. Необходимо развить легкую индустрию и пищевую промышленность таким образом, чтобы обеспечение населения основными потребительскими товарами и продуктами питания увеличить к концу второй пятилетки не менее чем в два-три раза. Надо, наконец, создать условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Есть ли для всего этого необходимые предпосылки? Не слишком ли большие задачи мы перед собой ставим? Здесь порукой и экзаменом является первая пятилетка и реальная возможность

победоносно окончить ее в 1932 году. Все говорит о том, что объективные условия налицо. Все говорит о том, что если мы с вами по-настоящему вооружимся, то мы это дело выполним.

И на фоне этой работы ни на одну минуту мы не должны забывать о необходимости всячески ограждать целость и независимость нашего Советского Союза. Если во всяком хозяйственно-политическом и каком угодно вопросе мы будем постоянно помнить о необходимости усиления обороноспособности нашей страны, — чем можно, как можно и где можно всемерно помогать Красной армии и Флоту, — то все остальное будет зависеть действительно целиком от нас.

Программа второй пятилетки не отличается от первой в том отношении, что никакой метафизики, ничего сверхъестественного, ничего невозможного для большевиков в ней нет. Весь этот план, вся эта программа, говоря словами товарища Сталина, — это мы с вами, наша готовность к борьбе, наша выдержка, наше стремление к победе. Если все это будет, то во вторую пятилетку, товарищи, мы войдем подготовленными настолько, чтобы к концу пятилетки, в 1937 году, заявить партии о полном, стопроцентном выполнении тех основных заданий, о которых я только что вам говорил.

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ, ОТТАЧИВАТЬ ОРУЖИЕ САМОКРИТИКИ

В разрешении всех стоящих перед нами задач громадная работа падает на долю массовых организаций. Вы знаете отношение рабочих и колхозников к нашей социалистической стройке. Дело зависит от наших организаций, которые призваны поставить работу таким образом, чтобы даром не пропадала инициатива масс, чтобы она была подхвачена и перенесена на практические рельсы, а то у нас дело доходит иной раз до совершенно безобразного отношения к инициативе, идущей снизу.

В Москве был съезд изобретателей. Подавляющее большинство — рабочие. И оказывается, что у них дело иногда упирается в то, что их готовность работать и отдать силы социалистической стройке разбивается о бездушно-бюрократическое отношение со стороны некоторых организаций.

В деле овладения техникой одно из первых мест должно принадлежать комсомолу, у которого энергия бьет ключом, который не раз давал образцы большевистской борьбы за осуществление лозунгов партии.

И именно сейчас комсомол должен решительно подтянуться в области учебы. Техническая учеба, учеба вообще и политическое воспитание комсомола — это самое главное в работе комсомола в текущий период.

В данный момент количественно комсомол растет в огромной степени, усваивает новые организационные формы, а систематическая, упорная методическая работа по политическому воспитанию еще основательно хромает. Может быть комсомольцев смущает то обстоятельство, что при хорошей, упорной, большевистской учебе они станут умнее нас, стариков, и как бы собьются на осужденный партией «авангардизм». Мы можем сказать, что этого бояться совершенно не следует, никакого сползания с партийной линии тут не получится.

Лозунг «учиться», выдвинутый Владимиром Ильичом на III съезде комсомола, в наше время приобретает для комсомола небывало ответственное значение. Учиться коммунизму и овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством, везде и во всем быть последовательным борцом за коммунизм, за чистоту ленинизма, за международную пролетарскую революцию — такова центральная задача Ленинского комсомола в текущий период.

Чрезвычайно ответственное место в социалистическом строительстве принадлежит профсоюзам.

Профсоюзы проделали сейчас большую работу в смысле перестройки. Они должны еще более полно включиться в каждое звено, каждый цех и бригаду, чтобы всюду чувствовалась руководящая рука профессиональной организации. Наши профессиональные организации за последнее время сильно выросли. Дальнейшая перестройка, еще более глубокое освоение новых задач, в особенности борьба за решительное улучшение организации труда и проведение действительного хозрасчета, улучшение массовой воспитательной работы, в особенности с новыми слоями, — главнейшие моменты профсоюзной работы.

Нужно ли вам напоминать, товарищи, о таком важнейшем методе нашей работы, как самокритика!

Значение самокритики в текущей полосе нашей работы не только не ослабевает, но возрастает и усиливается. Самокритика необходима не только для искоренения всякого рода прорывов и недостатков, она нужна и для предупреждения чрезвычайно опасного для нас «головокружения от успехов». Ленин в свое время предупреждал нашу партию от опасности «зазнаться», от опасности самомнения. Самокритика — вернейшее оружие против зазнайства. Мы одержали грандиозные победы, подходим вплотную к пятилетке уничтожения классов. Тут кое у кого может закружиться голова. Вот почему нам надо шлифовать и оттачивать оружие большевистской самокритики. В этом деле огромную роль играет печать. Укрепление печати, ее кадров, улучшение всей ее работы —

важнейшее звено деятельности нашей организации.

И самое важное и ценное, от чего будет зависеть выполнение нашей программы социалистического строительства, — это наша партийная организация.

БЕЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ НЕЛЬЗЯ ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД

Я не буду приводить подробные цифры, скажу только, что на 1 января 1932 года мы имеем в нашей объединенной городской и деревенской организации 252 714 коммунистов. за последние 1,5 года мы приняли в партию более 104 тысяч человек, из них рабочих — 82,9 %, колхозников — 10,6 %, женщин — 21,7'%. Последняя цифра говорит о том, что прием в партию женщин — работниц и колхозниц — еще недостаточен.

В связи с этим огромным ростом наших рядов особенное внимание надо обратить на партийно-политическое воспитание наших кадров. Надо сказать, что у нас происходят большие перемены в составе партактива в различных отраслях работы. Я приведу несколько цифр. Мы провели обследование партстажа всего нашего хозактива по Ленинграду. Получаются следующие цифры: до 1924 года вступили в партию 36,2 %, в 1924–1926 годах — 26,7 %, в 1926–1931 годах (подчеркиваю) — 36,2 %, т. е. больше трети актива вступило в партию после 1926 года. Такого же рода процесс наблюдается и в составе партийного актива. Отсюда напрашивается вывод, который мы должны совершенно отчетливо понять.

Мы должны поставить перед собой в качестве центральной задачи во всей внутрипартийной работе организацию политического ленинского воспитания этих новых кадров партийного актива в духе большевистской партийности, в духе основных принципов нашей большевистской партии. Учтите, что это актив, а у нас есть еще 91 тысяча кандидатов, или 36,1 % всей организации, у нас 48,8 % кандидатов в сельрайонах, 42,4 % всех членов партии вступили в партию в 1929–1931 годах. Это уже совсем молодые кадры, и отсюда ясно, какое исключительное значение для нашей Ленинградской организации, которая является одной из передовых организаций, имеют вопросы партийно-политического воспитания. Надо твердо помнить, что ленинская теория даст этим молодым кадрам «силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 299–300, изд. 10-е. /

Надо помнить, что партийное воспитание, большевистская закалка, подъем на более высокий уровень всей нашей теоретической работы — главнейшая задача партийной работы, еще раз с исключительной силой и четкостью подчеркнутая в письме товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Основоположники научного коммунизма — Маркс и Энгельс, наш великий учитель Владимир Ильич всегда придавали исключительное значение революционной теории, ибо без нее нельзя победоносно двигаться вперед.

На нашу партию, воспитанную Лениным, победоносно строящую социализм, падает особо ответственная задача в деле борьбы за чистоту ленинизма, за дальнейшую разработку теоретического наследства Маркса — Энгельса — Ленина, за дальнейшее развитие их революционного учения. Нашей партии принадлежит руководящая роль в Коммунистическом Интернационале, мы — авангард международной пролетарской революции. Это обязывает нас высоко держать знамя ленинизма, знамя революционной теории Маркса — Ленина.

Особенно бдительными нам надо быть в вопросах истории нашей большевистской партии, на которой учатся и воспитываются миллионы рабочих и работниц всех стран.

Наши классовые враги — как показывает пример троцкистских контрабандистов Слуцких и Волосевичей — пытаются опорочить и оклеветать научную историю нашей партии, с тем чтобы подорвать доверие международного пролетариата к ее руководству. Борьба с гнилым либерализмом в вопросах истории партии и ленинизма является важнейшим участком всей борьбы пролетариата за социализм.

Эти вопросы требуют к себе особенного внимания, так как даже отдельные большевистские историки допускают грубейшие ошибки в вопросах истории ленинской партии, облегчая тем самым контрабандистские вылазки троцкизму.

Энгельс рассматривал теоретическую борьбу как одно из трех основных направлений классовой борьбы международного пролетариата.

«Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения» /Карл Маркс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 427–428, изд. 1933 г./

Товарищ Сталин дает каждому из нас, всей нашей партии пример того, как надо по-ленински вести борьбу за социализм, за торжество мировой пролетарской революции.

Глубокий марксистско-ленинский теоретический анализ коренных изменений в экономике и соотношении классовых сил в стране в результате поворота основных масс крестьянства на путь коллективизации позволил товарищу Сталину выдвинуть величайшей политической важности лозунг ликвидации кулачества как класса.

Вооруженный революционной теорией Маркса — Ленина, обогащающий и развивающий ее на основе богатейшей практики строительства социализма и международной борьбы пролетариата, товарищ Сталин разоблачил контрреволюционную теорию Троцкого о невозможности построения социализма в нашей стране и буржуазно-кулацкую платформу правооппортунистической бухаринской оппозиции.

Решающее условие наших дальнейших побед — твердое, непреклонное проведение ленинской политики партии и ее ЦК, непримиримая борьба против правого и «левого» оппортунизма, против всяческих проявлений мелкобуржуазных колебаний и гнилого либерализма к вылазкам классового врага.

Мы должны быть особенно, беспощадны к троцкизму, ставшему передовым отрядом буржуазной контрреволюции, дающему ей идейно-политическое, тактическое и организационное оружие в борьбе против побеждающего социализма.

ТВЕРДО И НАСТОЙЧИВО ВЕСТИ ВПЕРЕД ВЕЛИКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

Заключительная речь перед закрытием IV Ленинградской областной и городской конференции ВКП(б) 28 января 1932 года

Работа нашей объединенной IV областной и городской конференции заканчивается. Необходимо, хотя бы в кратких чертах, подвести итоги той работы, которую мы за эти дни проделали.

Наша конференция и выступавшие на этой конференции делегации рабочих и колхозников еще и еще раз демонстрировали безусловную правильность ленинской политики нашей партии и ее ЦК, непреклонную решимость и волю нашей партийной организации, рабочих масс города Ленина и всех трудящихся нашей области твердо и настойчиво вести вперед великое дело строительства социализма.

Незыблемость генеральной линии партии — вот что проходило красной нитью через все выступления.

Мы видели здесь представителей науки и техники, мы слушали их выступления. Мы слышали здесь крупнейших ученых, известных не только в нашем Союзе, но и во всем буржуазном мире. Они в один голос говорили о том, что единственный путь прогресса, дальнейшего развития науки — это только путь социализма. Что это значит? Это значит, что наше дело, дело строительства социализма, окрепло настолько, что оно глубоко захватило даже тех людей, которые вчера еще рассматривали нашу стройку в лучшем случае лишь как смелый опыт.

1931 год явился, как записано в тезисах по промышленности к XVII Всесоюзной партконференции, решающим годом в деле поворота всей сети научно-исследовательских учреждений (от Академии наук СССР до отраслевых институтов) в сторону обслуживания нужд Социалистического строительства.

Нельзя не сказать того, что сейчас для представителей науки и техники более чем когда-либо открыты широчайшие возможности приобщения их к величайшей исторической работе, осуществляемой диктатурой рабочего класса в нашей стране.

Каждый честный ученый, каждый добросовестный деятель в области науки и техники перед лицом огромных побед социализма в СССР и растущего развала системы капиталистического хозяйства, сковывающего прогресс науки и техники, должен признать, что капитализм отжил свое время, что ему приходит конец, что он стал уже глубоко реакционным фактором, мешающим человечеству двигаться вперед. Наша с вами задача — сделать все к тому, чтобы полностью обеспечить представителям науки и техники возможность включиться в нашу социалистическую стройку.

В своем докладе я много и долго говорил о том, какое значение на нынешнем этапе нашей работы имеет для коммунистов, всех рабочих и колхозников овладение всеми завоеваниями современной науки и техники. Во второй пятилетке нам надо будет завершить техническую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства, а без овладения передовой техникой эту задачу разрешить невозможно.

Мы подытожили работу нашей промышленности за 1931 год и наметили план работы промышленности на 1932 год. Надо иметь в виду, что первый месяц чрезвычайно ответственного 1932 года уже позади. Перед нами 11 месяцев, в течение которых мы должны поставленные перед нами в 1932 году задачи в области промышленности выполнить во что бы то ни стало.

Я здесь остановлю ваше внимание только на одном. У нас налицо все объективные данные для того, чтобы мы этот план выполнили. Кроме того, в 1932 году мы подходим к выполнению нашего промышленного плана более подготовленно и более организованно, чем это было в прошлом.

План 1932 года мы проработали тщательнее, детальнее, основательнее, чем предыдущий план, потому что опыт прошлого для нас, конечно, не проходит даром. План 1932 года мы утвердили и развернули для практического осуществления раньше, своевременнее, чем делали это в отношении наших прошлых промышленных планов.

Эти обстоятельства, а также и то, что мы добились крупных побед в 1931 году, дают уверенность в том, что мы план заключительного, 1932 года при большевистской организации работ выполним.

Перед нами в 1932 году стоит задача — выполнить не только в количественном отношении производственную программу, но и сделать все к тому, чтобы выполнить качественные показатели. Мы много говорили здесь о качественной стороне работы. Нигде так основательно не чувствуются изъяны в качестве работы, как, пожалуй, в области промышленности.

Скажем, если мы снижаем себестоимость нашей промышленности по Союзу на один процент, то это означает, что в бюджете нашего рабочего государства получается приращение в 300 миллионов

рублей.

Если мы выполним всю нашу программу по снижению себестоимости, то вы понимаете, как улучшится общее состояние нашего народного хозяйства. Я думаю, что и областной комитет партии, который вы только что избрали, и городской комитет партии, который вы единодушно утвердили, должны будут в своей работе поставить в центре внимания борьбу за выполнение качественных показателей, за решительное улучшение качества работы по всему фронту. Мы подробно обсуждали вопросы дальнейшего развития и социалистической реконструкции сельского хозяйства нашей области. Главное условие наших дальнейших успехов в деревне лежит в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, социалистическом перевоспитании колхозных масс. В организационно-хозяйственном укреплении колхозов — залог успешной борьбы против кулачества, скорейшего преодоления остатков мелкособственнических навыков и привычек среди колхозников — вчерашних мелких товаропроизводителей. Само собой разумеется, мы должны изо дня в день крепить основные рычаги социалистической реконструкции сельского хозяйства — наши совхозы и МТС.

Мне хочется в двух словах напомнить вам о необходимости поднять работу такого большого звена в нашей деревне, как сельсоветы. Надо сказать, что здесь очень многое надо будет сделать. Сельсоветы надо поставить на должную высоту и надо постоянно помнить, что они были и остаются мощным проводником диктатуры рабочего класса в деревне.

Я хочу обратить ваше внимание также на необходимость выполнения программы сельскохозяйственных заготовок, в особенности льна, и лесозаготовок. Не за горами у нас весенняя посевная кампания.

К посевной кампании надо начать подготовку с завтрашнего же дня самым усиленным, самым организованным порядком, проверить под углом зрения успешной подготовки к весеннему севу все звенья нашей работы в деревне и работу областных организаций.

Дело социализма в нашей стране одержало решающие победы. Вторая пятилетка намечает окончательную ликвидацию капиталистических элементов и уничтожение классов вообще. При таких перспективах кое у кого может закружиться голова, кое-кому может показаться, что теперь уже дальше все пойдет как бы самотеком, гладко, без трудностей и классовой борьбы.

Когда вы посмотрите на нашу работу, скажем, в разрезе второй пятилетки, то может получиться так: классов к концу пятилетки не будет, а отсюда вывод — если нет классов, значит некому бороться, значит нет классовой борьбы, нет препятствий, которые мы сейчас преодолеваем. Это абсолютно неверно, это крупнейшая политическая ошибка, разоружающая нашу партию и рабочий класс, идущая на пользу классовому врагу.

Вторая пятилетка ставит задачу окончательной ликвидации капиталистических элементов и уничтожения классов в нашей стране, но ведь надо перестать быть большевиком, чтобы не понимать того, что мы сможем осуществить эту величайшую, исторической важности задачу лишь в напряженной борьбе с классовым врагом, в непримиримой борьбе с его агентурой внутри нашей партии — правыми и «левыми» оппортунистами.

В самом деле, разве можно, оставаясь большевиком, утверждать, что классовая борьба в нашей стране закончится к концу пятилетки? Разве буржуазные тенденции в совхозах, мелкособственнические колебания в отдельных звеньях колхозного движения, наличие мелкобуржуазных предрассудков среди отдельных отсталых групп рабочих, среди трудящихся деревни не являются особыми формами классовой борьбы и не отражают собой проникновения буржуазных влияний в среду трудящихся? К тому же надо постоянно помнить о капиталистическом окружении и усиливающемся сопротивлении классового врага.

Вот почему надо подчеркнуть со всей решительностью, что двигаться вперед мы можем лишь ведя упорную борьбу с остатками капитализма, всемерно укрепляя диктатуру пролетариата, в непримиримой борьбе с оппортунистической агентурой классового врага и прежде всего с правым оппортунизмом, главной опасностью на данном этапе.

Впереди перед нами еще значительные трудности. Как я вам докладывал, мы в этом году спланировали наше народное хозяйство так, что вкладываем в него 18 миллиардов рублей. Это потребует упорной и широкой мобилизации внутренних ресурсов, привлечения средств трудящихся на нашу социалистическую стройку.

Вы хорошо знаете, что в строительстве социализма мы можем рассчитывать только на самих себя, на наши силы и средства. Капиталисты нас никогда кредитом особенно не жаловали, а теперь, когда вся система капитализма переживает жесточайший кризис, они в поисках выхода усиленно ведут подготовку к интервенции, проводя, где только можно, экономический нажим на пролетарскую диктатуру.

А мы со своей стороны обязаны все сделать для того, чтобы ускорить темпы нашего социалистического наступления и сделать СССР не больше чем в десять лет самой передовой в технико-экономическом отношении страной во всем мире.

Мы побеждали до сих пор потому, что рабочие и крестьяне относились с высокой сознательностью к строительству социализма. В этом залог и наших будущих побед. Для успеха всей нашей работы надо мобилизовать все наши внутренние ресурсы.

Один из крупных источников социалистического накопления — усиление товарооборота. Всемерное развертывание товарооборота, способствуя дальнейшему ускорению темпов строительства социализма, является вместе с тем одним из решающих условий дальнейшего улучшения культурно-бытового обслуживания трудящихся города и деревни.

Нельзя ни на минуту забывать о предстоящих трудностях в осуществлении программы 1932 года, в подготовке второй пятилетки, Надо засучив рукава, по-большевистски драться за выполнение и перевыполнение плана 1932 года, обеспечить его всем необходимым. Перед нами впереди большая задача — дальнейшее систематическое улучшение материального и бытового положения рабочего класса. Несмотря на всю трудность обстановки, мы ни на одну минуту не должны забывать того, что из года в год, из месяца в месяц материально-бытовое положение рабочего класса и его всестороннее культурное обслуживание должны укрепляться и улучшаться. Мы пока что еще не имеем возможности сделать в этом отношении все, что хотели бы сделать. Но тем не менее каждый рабочий видит, что наша коммунистическая партия делает все возможное, чтобы улучшить положение рабочего класса. Бюджет рабочей семьи за последние два года возрос на 50 %. Улучшена организация рабочего снабжения. Партия проводит коренную перестройку жилищно-коммунального хозяйства основных индустриальных центров. Повышается культурный уровень рабочих, работниц, всех трудящихся города и деревни. Борьба за дальнейшее улучшение культурно-бытового обслуживания рабочих масс — важнейшая политическая задача.

Товарищи, вы должны знать, что выполнение программы 1932 года — непременная предпосылка успеха второй пятилетки.

На 1932 год мы запроектировали значительно больший рост нашего народного хозяйства по всем линиям, чем это фактически было в 1931 году, и только оппортунистические элементы внутри партии могут болтать о происходящем якобы свертывании темпов нашего строительства. Они не видят того, что наша партия, значительно увеличив по сравнению с 1931 годом темпы индустриализации страны, в плане 1932 года концентрирует средства прежде всего на таких главных участках работы, как уголь, металл и транспорт.

Выполнение пятилетнего плана в четыре года будет не только величайшей победой рабочих и всех трудящихся СССР, — это будет колоссальным завоеванием международной пролетарской революции. Это надо каждому из нас крепко запомнить.

1932 год, заключительный год пятилетки, потребует от нас буквально героических усилий, для того чтобы выполнить производственную программу. В последнем году пятилетки усиливается бешеная ненависть к нашей стране со стороны международной буржуазии и вождей II Интернационала. Вместе с тем за нашей работой в этом году будут с исключительно напряженным вниманием следить трудящиеся всех стран. Пятилетка — боевое знамя победоносной борьбы рабочих СССР за социализм, великая программа социалистического наступления. И если наша пятилетка увенчается полным успехом и если к тому же пятилетний план будет выполнен раньше установленного срока, то для каждого сознательного рабочего во всех странах мира не останется сомнения в том, что путь большевиков, путь рабочих Советского Союза есть единственно правильный путь освобождения рабочего класса, есть единственный выход из нищеты, рабства и голода, на которые обречены трудящиеся при капитализме.

Товарищи, очень важным звеном в нашей работе на 1932 год будет наше жилищно-коммунальное хозяйство. На городской конференции мы специально и обстоятельно этим вопросом занимались. Мы должны будем на протяжении 1932 года вложить 290 миллионов рублей в реконструкцию города Ленина. Это выдвигает перед нами огромную задачу. Я, грешный человек, думаю, что, пожалуй, не каждый из нас, хотя мы привыкли с миллионами и миллиардами обращаться, отчетливо себе представляет объем и размах этой задачи.

Жилищно-коммунальное хозяйство — это очень своеобразное хозяйство, его нельзя сравнить полностью ни с одной отраслью нашей промышленности, ни с каким заводом, ни с какой фабрикой. Это многосложная, очень разнообразная, раздробленная отрасль работы, хозяйство, разбросанное по всему громадному городу. Ленинградский городской комитет и Ленсовет уже приняли практический план осуществления по важнейшим участкам постановления ЦК и СНК о реконструкции Ленинграда.

К реализации этого плана мы должны приступить в ближайшее время. Через каких-нибудь два месяца надо разворачивать работу по жилищному строительству, трамваям, мостовым,

набережным, канализации, водопроводу и т. д. С весны надо широчайшим фронтом это дело развернуть. Сейчас мы имеем так называемый подготовительный период в осуществлении громадного жилищно-коммунального плана; остается, повторяю, каких-нибудь два месяца. За эти два месяца нужно всем органам Ленинградского совета, всем звеньям подковаться так, чтобы действительно вполне организованно, во всеоружии встретить поставленные перед нами партией задачи.

За короткий промежуток времени подготовительной работы нам надо так подготовиться, чтобы огромную задачу, которую поставили ЦК и СНК в отношении жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда, действительно выполнить. Задача, повторяю еще раз, огромна. Мы провели реорганизацию наших жилищно-коммунальных органов, останавливаться на этом я сейчас подробно не буду. Надо вслед за этим добиться того, чтобы в результате проведенной реорганизации работа пошла действительно по-настоящему, по-новому.

Товарищи, я говорил уже о трудностях нашей социалистической стройки. Эти трудности не только внутреннего, но и международного порядка.

Империалисты стремятся всячески сорвать или хотя бы затормозить строительство социализма. В интересах успешной социалистической стройки, в интересах трудящихся всего мира мы настойчиво проводим политику мира. Вы знаете, что за последние дни мы добились ряда успехов в борьбе за дело мира. Мы, как вы знаете, парафировали, или, говоря по-русски, предварительно подписали пакт о ненападении с Финляндией; такой же пакт подписан нами с Польшей.

Думаю, что недалеко то время, когда и с другими Прибалтийскими странами, а быть может, даже и с Румынией, мы подпишем аналогичный пакт. Это доказывает нашу волю к сохранению мира и способствует разоблачению поджигателей новых империалистических войн и интервенций против Советского Союза.

Величайшие задачи, стоящие перед нами в 1932 году и на весь ближайший период, требуют дальнейшего укрепления боеспособности нашей парторганизации, еще более полного вооружения ее теорией марксизма-ленинизма, большевистской борьбы за генеральную линию партии на всех участках работы.

Партия разгромила контрреволюционный троцкизм, разбила правый оппортунизм и его кулацкие, капитулянтские установки. Однако борьба партии с оппортунизмом и в первую очередь с главной, правооппортунистической опасностью сохраняет всю свою силу и значение на весь ближайший период времени, ибо классовая борьба в стране продолжается и враждебные классовые влияния будут неизбежно проникать в среду рабочего класса и даже в его авангард — нашу партию. Отсюда следует, что надо, как зеницу ока, хранить чистоту нашего ленинского учения, твердость наших большевистских рядов, всемерно улучшать работу по воспитанию членов нашей партии на основе марксизма-ленинизма, на основе генеральной линии нашей партии.

К этому обязывают нас особенно те факты троцкистской контрабанды в истории большевизма, которые вскрыты товарищем Сталиным и которые свидетельствуют о распространении гнилого либерализма в отношении к вылазкам классового врага со стороны некоторой части коммунистов. Вы понимаете, как нужно охранять ленинизм и оберегать от всяких извращений историю нашей большевистской партии.

История большевизма — боевое оружие международного пролетариата в борьбе за коммунизм, непобедимое оружие рабочего класса СССР в строительстве социализма. История нашей партии учит тому, как освобождать трудящихся от гнета капитала, как завоевать диктатуру рабочего класса.

История нашей коммунистической партии есть история победоносной пролетарской революции и строительства социализма. Каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой нельзя делать пролетарскую революцию.

Вот почему, товарищи, с такой подлинно ленинской страстностью товарищ Сталин выступил против гнилого либерализма некоторых коммунистов к контрабанде контрреволюционного троцкизма, гнилого либерализма к троцкистской фальсификации истории большевизма, пособничества классовому врагу. И не случайно, что это выступление товарища Сталина нашло огромный отклик во всех коммунистических партиях.

Каждый сознательный коммунист, каждый революционер-коммунист на Западе, на Востоке, где бы он ни находился, прекрасно понимает, о чем тут идет речь.

Я думаю, что наша Ленинградская организация, испытанная и старейшая большевистская организация, которая имеет свою очень большую и очень богатую историю, в борьбе за чистоту ленинизма будет, как и во всей работе, занимать одно из первых мест.

Мы должны сказать XVII Всесоюзной конференции, что Ленинградская организация была, есть и будет вернейшей опорой ЦК нашей партии.

В заключение несколько слов о той обстановке, которая нас окружает.

Развал капиталистической системы хозяйства продолжает углубляться. В результате этого обостряются по всей линии противоречия мирового капитализма. Действительно, никогда еще человечество не делилось так резко и отчетливо на угнетенных и угнетающих, как оно разделилось сейчас.

Для того чтобы спасти капиталистическую систему, буржуазия мобилизует все, что только можно, мобилизует все средства, которые возродили бы эту капиталистическую систему.

Товарищи, в какую бы глубокую трясину капитализм ни зашел, какой бы развал он ни переживал сейчас, империалисты сделают все к тому, чтобы так или иначе выбраться из этого положения. Не так далеко от нас первая мировая империалистическая война. Вы знаете, что в этой войне капиталисты не остановились перед убийством миллионов людей.

Между тем положение для мирового капитализма сейчас гораздо более опасное, гораздо более сложное, чем накануне войны 1914–1918 годов. Не может быть никаких сомнений в том, что капиталисты, если только они не встретят противодействия трудящихся, не остановятся ни перед чем для спасения капиталистической системы, и, если нужно будет потопить в крови рабочий класс любой страны, они это сделают, и сделают совершенно спокойно. Необычайно ответственные задачи в современной обстановке падают на наши братские компартии, на Коммунистический Интернационал.

Нельзя думать, будто величайший международный капиталистический кризис сам по себе, автоматически может уничтожить капиталистическую систему. Это неверно. Капитализм надо свергнуть. В какой бы трясине капитализм ни находился, он сам не умрет, его надо уничтожить, и путь к этому лежит через пролетарскую революцию. Никакого самотека, никакого механического самоубийства капиталистической системы ожидать нельзя.

Капиталисты ищут выхода из кризиса в новых империалистических войнах, в интервенции против СССР. Японские империалисты при попустительстве и содействии Лиги наций уже ведут империалистическую войну против Китая. Вы знаете, как далеко зашла уже империалистическая Япония.

Мы знаем, что в грабеже и разделе Китая заинтересованы не одни японцы, а все так называемые великие державы, и тем не менее каждая из них до поры до времени ждет и молчит, потому что видит главный выход в совместном империалистическом походе против нашего Советского Союза. Они понимают, что победоносное строительство социализма в СССР наносит сокрушительный удар существованию мирового капитализма.

Товарищи, как бы там соглашатели ни хлопотали, как бы Каутский на старости лет ни изощрялся в отношении примирения труда с капиталом, но наши компартии, имеющие перед собой такой огромный опыт, который дает наша великая ВКП(б), сначала под руководством великого ее основоположника Владимира Ильича Ленина, а теперь под руководством нашего ЦК партии, возглавляемого таким железным борцом и последовательным учеником Ленина, как товарищ Сталин, завоевывают с каждым днем все более широкие массы рабочего класса и трудящихся на сторону коммунизма. Социализм в СССР гигантскими шагами идет вперед, укрепляя базу международной пролетарской революции.

Надо быть глухим, чтобы не слышать, как дрожит и стонет земля под тяжестью той великой борьбы, которая развернулась сейчас и в Старом и в Новом Свете между трудом и капиталом.

Теперь уже не призрак коммунизма бродит по Европе, — коммунизм волей и усилиями рабочих и крестьян СССР победоносно укрепляет свои незыблемые позиции на одной шестой части земной суши. И как бы ни пытались империалисты Европы и Америки потопить в крови восстания рабочих и угнетенных народов колоний и полуколоний, каждый трудящийся и угнетенный видит сейчас образ великого Ленина, того, кого мы похоронили восемь лет назад, кто указывает дорогу, единственную дорогу для того, чтобы победить в этой великой исторической борьбе. Эта дорога — великий Мировой Октябрь. (Бурные аплодисменты. Делегаты стоя приветствуют товарища Кирова. Все поют «Интернационал».)

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ ПРОВЕРЕНА МИЛЛИОНАМИ

Из речи на пленуме Ленинградского совета 28 апреля 1932 года

ДО МЕЛОЧЕЙ ПРОВЕРЯТЬ ВСЮ ПОСТАНОВКУ РАБОТЫ, БУДИТЬ ТВОРЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦ

За три с лишним года нашей работы в рамках пятилетнего плана мы сумели достигнуть крупнейших успехов не только в тех областях, о которых я вам говорил. Не подлежит никакому сомнению, что за последние годы мы добились серьезных улучшений в культурно-бытовом обслуживании рабочих масс, значительных успехов в повышении их материального благосостояния.

Мы не скрываем того, что рост бюджета рабочей семьи в известной мере подрывается некоторым повышением цен. Но если взять всю сумму мероприятий, которая называется культурно-бытовым обслуживанием нашего рабочего, то совершенно бесспорно, что мы из года в год идем по восходящей линии.

В этом смысле никоим образом нельзя недооценивать такой важнейший факт, как ликвидация безработицы, которая еще совсем недавно обрекала десятки тысяч людей на тяжелое существование, держала их под гнетом постоянной заботы о завтрашнем дне.

Партия и Советская власть проводят коренное переустройство городского хозяйства в основных промышленных центрах Советского Союза. Это переустройство направлено к улучшению жилищных условий рабочих и работниц, к повышению работы городского транспорта, к расширению сети культурно-бытовых учреждений и т. д.

Широкую программу осуществляет партия и по улучшению организации рабочего снабжения, развертыванию пригородного хозяйства и развитию советской торговли. Тем не менее немедленно устранить все трудности на нашем пути нельзя.

Некоторые нетерпеливые и горячие товарищи рассуждают так: «Скоро уже первая пятилетка останется позади, мы заканчиваем ее в четыре года, а трудностей впереди еще остается очень много. Когда же им будет конец, не пора ли перестать толковать о трудностях?» Эти товарищи не отдают себе полного отчета в источниках наших трудностей, не понимают того, что устранение одной группы трудностей связано с окончательным уничтожением классов внутри страны, устранение другой — требует уничтожения капитализма в мировом масштабе. Когда мы с вами приступили к строительству социализма, мы знали, что это социалистическое строительство потребует от рабочих и трудящихся нашей страны огромнейшего напряжения, огромнейшей работы, что путь социалистической стройки будет усеян большими трудностями.

Если бы мы совершили экскурсию в недавнее прошлое нашей социалистической работы, если бы мы вспомнили тот период, когда мы еще только расчищали поле для нашей социалистической стройки, то мы увидели бы, какие перспективы стояли тогда перед нашей страной. То, о чем я говорил в самом начале, казалось отдаленнейшим идеалом, к которому мы придем лишь в результате длинного и тяжелого пути, а некоторые в наших рядах усомнились вообще в успехе нашего дела.

Однако в течение небольшого исторического срока на основе ленинской политики партии, в непримиримой борьбе против правого и «левого» оппортунизма мы достигли громаднейших завоеваний в индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Мы успешно закончили в главных сельскохозяйственных районах ликвидацию кулачества как класса.

Правые оппортунисты, сами смертельно напуганные сопротивлением классового врага, пугали партию и рабочий класс всякими кризисами и бедствиями. Рабочий класс не убоялся трудностей, смело смотрел им в лицо и, руководимый партией, одержал величайшие победы в строительстве социализма.

Мы не скрываем от себя трудностей в дальнейшей работе, но мы относимся к ним так, как учил нас Владимир Ильич, мы делаем все для того, чтобы каждый рабочий и работница, каждый колхозник и единоличник совершенно сознательно и открыто смотрели на те трудности, которые стоят перед ними, научились по-большевистски преодолевать их.

Кроме того, нельзя забывать, что особенно большие трудности, которые стояли перед нами, уже уходят все дальше в область прошлого.

Мы разрешили в основном такой больной вопрос, как хлебный вопрос. Это обстоятельство, несомненно, дает нам полную уверенность в том, что мы и другие вопросы, связанные в частности со снабжением нашего рабочего, безусловно решим успешно на основе твердого и неуклонного проведения генеральной линии партии, проверенной практикой социалистического строительства, практикой десятков миллионов трудящихся города и деревни.

В деле нашего социалистического строительства громаднейшие задачи стоят перед нашими Советами. Мы в своей повседневной работе убеждаемся в том, что роль Советов на данной стадии исторического развития нашей диктатуры не только ни в какой степени не ослабевает, но, наоборот, с каждым днем она все больше и больше возрастает.

Я вам сказал, что во второй пятилетке мы с вами построим социалистическое общество в нашей стране. Кое-кому может показаться, что ввиду этого роль проводника диктатуры пролетариата — Советов — должна постепенно ослабевать. Это — глубочайшее заблуждение, влекущее за собой вредные политические последствия.

Без всемерного укрепления Советов, основного рычага диктатуры пролетариата, нельзя сломить сопротивление гибнущих капиталистических элементов, нельзя отстоять Советскую страну против международного империализма, нельзя победоносно завершить первую пятилетку, нельзя построить бесклассовое социалистическое общество.

Укрепление диктатуры пролетариата, усиление руководящей роли рабочего класса — важнейший залог наших новых побед.

Союз рабочего класса с крестьянством на данной стадии социалистической стройки приобретает особо важное значение.

Я хотел бы особо обратить ваше внимание на выполнение нашего промышленного плана в 1932 году. Я должен сказать, что по первому кварталу выполнение нашей программы во всем Союзе и в Ленинграде оставляет желать лучшего.

Мы не только недовыполняем количественную сторону наших планов, но мы особенно отстаем в отношении качества нашей работы, в деле снижения себестоимости и повышения качества нашей продукции.

Каждый из нас обязан сделать все для того, чтобы программа 1932 года была выполнена и перевыполнена. Каждый рабочий и работница должны осознать особо важное и ответственное значение промфинплана текущего года, который завершает первую пятилетку и вводит нас во вторую пятилетку, еще более важную по своему значению. От успешного выполнения нашей программы зависит не только укрепление индустриальной мощи нашей страны, улучшение снабжения трудящихся города и деревни, — надо постоянно помнить и другое: чем лучше будет работа наших фабрик и заводов, тем надежнее и прочнее будет обороноспособность Советского Союза, военная мощь социалистического отечества всех трудящихся. В выполнении программы 1932 года Ленинградскому совету принадлежит крупнейшая роль.

РУКОВОДИТЬ КРЕПЧЕ, КОНКРЕТНЕЕ, С ГЛУБОКИМ ЗНАНИЕМ ДЕЛА

Громадное значение имеет сейчас работа наших советских органов — наших Советов по улучшению государственного аппарата. Об этом мы говорим не переставая на протяжении всех лет революции. Государственный аппарат у нас лучший по сравнению с любой буржуазной страной, но все-таки такой, в котором еще очень много всякого рода изъянов. Государственный аппарат, как мы его ни совершенствуем, ни шлифуем, нуждается в дальнейших улучшениях. Роль Совета, роль каждого депутата Совета очень велика. Мы поставили перед собой задачу на данном историческом этапе провести работу так, чтобы перестроиться и по-новому руководить работой. Надо на это дело, на эти новые способы руководства и новые способы работы обратить самое серьезное внимание.

Дело складывается таким образом, что из года в год, по мере того как множатся материальные ресурсы нашей страны, развивается народное хозяйство, растет социалистическая стройка, вырастает и наш социалистический аппетит, вырастают более высокие требования к нашему руководству.

Для того чтобы дело социалистической стройки двигать вперед более форсированным темпом, для этого надо руководство всеми областями нашего хозяйства, всей нашей хозяйственной и какой угодно работой ставить по-новому, руководить поближе, поплотнее, покрепче и конкретнее, с глубоким знанием дела. Надо научиться полностью использовать не только каждый день, но и каждую минуту нашего драгоценного времени, покончить навсегда с такой привычкой в работе, когда люди действуют по пословице: «работа не медведь, в лес не убежит», — спешить некуда. Ну, прошел первый квартал 1932 года, подумаешь — какая важность. Впереди, слава богу, три квартала, успеем, дескать, — подождет.

Когда спрашиваешь, как программа такого-то квартала выполнена? — отвечают: на 75 %. Почему не на 100 %? — Еще успеем, еще несколько дней есть.

Смотришь, в прошлом месяце — 31 день, один день лишний — еще «гак» получается. Как-нибудь набежит.

Это — вреднейшее оппортунистическое рассуждение. Это — оправдание самотека. Это — ставка на

то, что все само как-нибудь образуется.

На деле это обязательно приведет к срыву программы. Если не навалишься и не нажмешь, ничего вперед не двинется. Вот даже на том уровне социалистического строительства, на котором мы сейчас находимся, — успехи громадные, стоим мы на гребне очень высоком, — но если бы так случилось, что мы задержались на некоторое время, то назад нас потянуло бы стремительным маршем.

Иногда бывает даже так, что вот поставили перед собой задачу, записываем ее в торжественной обстановке; когда надо принимать резолюцию, все за нее: какие могут быть разговоры, мы — пролетарии, да еще ленинградские, что это для нас — пустяки. Приняли резолюцию. Начали работать — и начинаются со всех сторон недомогания, начинают появляться сомнения: не много ли взяли, не хватили ли через край и т. д. И пока не произойдет крепкой большевистской встряски, дела не получается.

Я вам приведу только один пример.

В начале зимы мы в Ленинграде испытывали затруднения с нефтью. Нефти по разным причинам мы завезли с прошлого лета не столько, сколько бы нам хотелось. Да тут еще вышло так, что нефть стали расходовать в большом количестве. После всяческих шагов и мероприятий взялись за это дело как следует и из трудного положения с нефтью вышли. И так в любом деле: как только вы несколько ослабляете темпы — развал неизбежен, и, наоборот, — то, что кажется сегодня невозможным, оказывается выполнимым, если все как следует взвесить, учесть все ресурсы, до мелочей проверить всю постановку работы, разбудить творческую энергию рабочих и работниц.

Ни на одну минуту нельзя пускать дело социалистической стройки на рельсы самотека: самотек — бич, который причиняет нам большой ущерб каждый день. Вместо того чтобы активно бросить все средства на выполнение программы — ждут, пока само придет. Проходит день, другой — не приходит. Нельзя ни одной минуты надеяться на это «само придет», нужно вести беспощадную борьбу против самотека.

Я хочу остановить ваше внимание на вопросах жилищно-коммунального хозяйства.

Несмотря на предстоящий праздник, должен сказать вам, что в этом отношении нужно основательно подтянуться. Та исключительная программа, которую поставили перед нами партия и Советская власть, которой вы занимаетесь каждый день, требует колоссальнейшего напряжения со стороны каждого советского работника, каждого депутата Совета. Нужно сказать, что в этой отрасли работы сосчитаны не только месяцы, но буквально и дни.

Надо развернуть работу так, чтобы действительно в каждом звене нашего советского аппарата кипела работа, нужно сверху донизу провести мобилизацию всех сил и средств нашего Ленинградского и районных советов, для того чтобы выполнить, а тем более перевыполнить наш план.

А у нас есть признаки глубоко неправильного подхода к этому важному для трудящихся делу.

Если начать приобретать стройматериалы так, как иной раз их приобретаем, платить по 250 рублей за 1 тысячу штук кирпича, тогда, извините, всякий человек может повести строительство, для этого вовсе не нужно особых деловых качеств.

Мы обязаны сделать так, чтобы кирпичом, песком, гравием себя обеспечить по цене, которая была бы ниже плановой цены прошлого года на 4 %. Так должен ставить перед собой задачу каждый рабочий и работница, так должны вести дело все строительные организации, все советские органы. А если перестать считать деньги, перестать смотреть за качеством, лишь бы как-нибудь собрать да построить, тогда, конечно, никакого коммунального хозяйства не построишь.

Перед нами стоит задача не только вложения громадных денег в преобразование нашего города, но и широкого, систематического улучшения существующих фондов жилищно-коммунального хозяйства.

В нашем громадном городе заложены миллиарды. Город этот принадлежит трудящимся. Надо воспитать в каждом трудящемся заботливое и бережное отношение к городскому хозяйству, к улице, мостовой, мостам, трамваям, дому и т. д.

Посмотрите наши жакты. Мы имеем богатейший старый жилищный фонд. А отношение к жилищам в целом ряде случаев самое возмутительное. Живем в доме и думаем, что приехали на постоялый двор, где пожил, уехал — и тебя не касается. Это неверно. Это — безобразнейшее отношение к делу.

У каждого из нас должно быть чувство общественной собственности.

Мы должны быть собственниками гораздо более, чем любой капиталист. Каждую гайку, каждое звенышко нашего дела надо беречь, надо холить самым настоящим образом, потому что это наше, рабочее, трудовое, это завоевано нами. Мы иной раз все это забываем. Если дует — пусть дует, если льет — пусть льет, не наше, дескать.

Если намечено 340 миллионов рублей вложений, то мы говорим: не мало ли, не лучше ли вдвое больше? Это может быть законное рассуждение, но прежде чем так говорить, надо научиться беречь то, что есть, бережно относиться к эксплоатации наличных фондов. Если относиться по-хозяйски, так, чтобы каждая копеечка жгла руку, когда платишь, то из того, что есть, можно сделать очень и очень много.

Чтобы закончить, надо сказать одно: тут нам нечего ждать, надо разворачивать широчайшим фронтом всю работу по преобразованию нашего города.

Я, грешный человек, думаю, что, если хотим по-настоящему преобразовать Ленинград, то должны дело так поставить, чтобы, куда ни посмотришь, чувствовалось во всем, что кипит напряженная работа. А у нас этого пока что нет: то мы ждем, чтобы снег растаял — нельзя мостовые чинить; но вот снег растаял, снега нет, будто бы все в порядке, а мы все ждем, планируем. А посмотрите на наши мостовые вплоть до Невского — на хороших улицах шашки понемногу вываливаются, а мы ходим около этого дела с большими портфелями подмышкой и спрашиваем: где генеральный план реконструкции всего города? (Смех, голоса: «Правильно».) А чтобы попробовать эти шашки на место поставить — этого нет.

И большие, и малые, и пустяковые объекты надо по-настоящему поставить в порядок дня нашей работы. Дело социалистической реконструкции нашего города заключается не только в постройке новых домов, комбинатов и прочее, но и в том, чтобы привести в надлежащий порядок то, что мы имеем.

Товарищи, во всей нашей работе громадное значение будет иметь применение шести исторических указаний товарища Сталина. Без их проведения на деле, в практике работы нельзя по-большевистски вести борьбу за победоносное строительство социализма. Некоторые думают, что достаточно записать шесть условий товарища Сталина в резолюции, и все дело пойдет. Конечно, такое отношение к шести условиям товарища Сталина ничего, кроме вреда, делу принести не может и открывает настежь ворота оппортунистическому самотеку.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ, ПРОВЕРЕННАЯ ОПЫТОМ РАБОТЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА, — ОСНОВА И ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ ПОБЕД

Из доклада об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) 8 октября 1932 года

ЯСНО ВИДЕТЬ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА, БЕСПОЩАДНО БИТЬ ПО ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ

Последний пленум ЦК нашей партии

/Пленум ЦК ВКП(б) происходил 28 сентября — 2 октября 1932 г. В повестке дня стояли вопросы: 1. О развитии советской торговли. 2. О производстве товаров широкого потребления. 3. О черной металлургии. — Ред./

на основе суровой большевистской самокритики произвел тщательную проверку всех звеньев нашей советской торговли и наметил пути ее дальнейшего развития. Надо прямо сказать, товарищи, что, несмотря на то, что мы имеем несомненные достижения, несомненный крупный сдвиг в деле развертывания советской торговли, все же это дело оставляет желать еще много лучшего. У многих наших работников все еще нет полного и ясного представления о том, чего мы можем достигнуть, если по-настоящему, по-большевистски будем развертывать советскую торговлю.

Наша потребкооперация, которая проводит большую работу по рабочему снабжению, имеет некоторые достижения в деле советской торговли. Несомненные плюсы и достижения есть и в нашей государственной торговле. Однако всего этого совершенно недостаточно для большевистского выполнения директив партии.

Большинство работников нашей кооперации, госторговли и наших ЗРК все еще продолжают жить по-старинке, все еще ждут, что те товары, которых недостаточно на полках наших кооперативных и государственных магазинов, сами собой прибудут из Наркомснаба и Комитета фондов или каких-нибудь других учреждений, которые будут доставлять им эти товары автоматически из месяца в месяц, из квартала в квартал, а все их дело будет заключаться лишь в том, чтобы в получении этих товаров расписаться и как-нибудь их распределить. Если мы сумели расширить нашу торговую сеть и если мы понемногу овладеваем практикой советской торговли, то у нас еще очень мало сделано и делается по сравнению с тем, что мы можем сделать, для того чтобы вызвать к жизни все новые и новые массы товаров.

Возьмем хотя бы такой важнейший источник пополнения наших ресурсов в отношении продовольственных товаров и укрепления рабочего снабжения, как колхозная торговля, которой партия уделяла и уделяет исключительное внимание.

Когда мы произвели подсчет (правда, не по всей стране, а только по 7 областям), то оказалось, что из 27 с лишним тысяч обследованных колхозов с мая по август на рынок вышли 5400 колхозов, или 19 %, причем эти колхозы вывезли на рынок примерно от 2 до 20 % своей товарной продукции. Если взять нашу Ленинградскую область, то на 1 июня торговали всего 15 % колхозов. В Ленинграде колхозами было открыто 80 колхозных торговых точек.

Эта цифра и сама по себе невелика для такого города, как Ленинград, но она окажется еще меньше, если принять во внимание, что эти торговые точки иной раз день работают, а два дня стоят без дела. Наши снабженческие органы подсчитали, что весь оборот колхозной торговли в Ленинграде за истекшие месяцы, включая колхозную ярмарку и колхозные базары, составил всего пять с небольшим миллионов рублей. Это буквально ничтожная сумма для такого огромного города, как Ленинград, с его более чем 200-миллионным ежемесячным товарооборотом.

Наши возможности для дальнейшего расширения товарооборота по линии развертывания колхозной торговли далеко еще не использованы. Опыт показал, что все дело успешного роста колхозной торговли зависит от нашего уменья, от наших способностей, от нашей энергии и нашей большевистской инициативы. Мы все приветствовали постановление партии и правительства о колхозной торговле, мы считали это дело принципиально выдержанным и абсолютно своевременным. Но вместо того чтобы из этого сделать соответствующие практические выводы — как следует организовать колхозную торговлю и не допустить самотека, многие наши организации и работники спокойно ждут, пока кто-нибудь для них добудет товары. Вместо того чтобы подумать о том, как больше и лучше вызвать на рынок новые массы товаров, наши торговые и кооперативные организации во многих случаях ограничились тем, что как можно быстрее закупали тот товар, который уже находился на рынке.

Вместо того чтобы поглубже и побольше внедряться в наши громадные отдаленные сельскохозяйственные районы, мы, как «экономные» покупатели, старались покупать товары поближе к железной дороге, поближе к транспорту, чем значительно повысили спрос в этих

местностях, что и повело к непомерному росту цен. Ряд торговых организаций впадал в буквальный ажиотаж, забывая все установки партии и прямо способствуя вздуванию цен. Дело доходило до того, что в одном районе, в ЦЧО, куда съехались после декрета о колхозной торговле представители ЛСПО и МСПО, они в объединенном конвенционном бюро (учреждение, которое устанавливает и регулирует для государственных и кооперативных организаций закупочные цены сельскохозяйственных продуктов) установили такие цены, которые превышали цены колхозного базара.

Все это, конечно, нарушает нормальное развертывание нашей колхозной торговли. Конечно, колхозника надо поощрять, надо колхозную торговлю развивать, но ее необходимо организовывать и регулировать, а не предоставлять самотеку. Только при этом условии мы добьемся снижения цен на колхозном рынке, значительного дополнительного увеличения массы продовольственных товаров в городах и полностью реализуем те громадные плюсы, которые может дать колхозная торговля.

Колхозная торговля должна будет дать большие положительные результаты не только для дальнейшего улучшения рабочего снабжения, но и для дальнейшего укрепления всей нашей колхозной системы. Это абсолютно правильно, но этого нельзя достигнуть без твердого проведения директивы партии о колхозной торговле. А для этого надо прежде всего обеспечить четкое понимание этих директив, четкое понимание всех особенностей нашей современной обстановки.

Там, где этого четкого понимания нет, там неизбежны грубые промахи, ошибки и прямые искажения линии нашей партии и в частности те извращения, о которых я вам говорил и которые явились одной из причин непомерного роста цен на наших колхозных базарах.

Некоторая часть наших кооперативных и торговых работников допускает грубейшие извращения советской торговли, сбиваясь на путь буржуазной торговли с ее стихийными рыночными законами. Они не понимают, что назначение советской торговли — дальнейшее укрепление социализма, что советская торговля не допускает перекупщика, что спекуляция является ее злейшим врагом, они не видят громадной разницы между начальной и нынешней стадией нэпа.

Если в 1921 году продукция всего нашего народного хозяйства исчислялась в 2 миллиарда рублей, то сейчас, в 1932 году, ее объем достигает 32 миллиардов рублей. Если в 1921 году основную массу товаров на рынке продвигал частник, торговец-посредник, то сейчас вся торговля, за самым ничтожным исключением, находится в руках кооперации, государственных организаций, наших колхозников и единоличников.

В 1921 году мы имели более 23 миллионов разрозненных индивидуальных крестьянских хозяйств, в данный момент свыше 60 % крестьянских хозяйств охвачено колхозами, у которых сосредоточено 80 % общей посевной площади нашего Советского Союза.

Если в 1921 году в сельском хозяйстве трактор нужно было искать днем с огнем, то сейчас мы имеем на наших полях свыше 100 тысяч тракторов. Я уже не говорю о других сельскохозяйственных машинах, вроде комбайна, о которых и намека не было в 1921 году. В 1921 году автомобиль являлся исключительной принадлежностью города, сейчас в деревне тысячи автомобилей, и число их беспрерывно растет. Мы сейчас достигли совершенно исключительных высот в деле развертывания нашей индустрии.

В 1921 году у нас была разрушенная промышленность, теперь мы имеем свою советскую тяжелую промышленность, мы пустили Магнитострой, Кузнецкстрой, новые тракторные и автомобильные заводы, величайшую в мире электрическую гидростанцию — Днепрострой.

В 1921 году, как я уже говорил, у нас основным торговцем был частник. В 1932 году мы, всемерно развертывая советскую торговлю, одновременно искореняем частника, перекупщика и спекулянта.

В текущем, 1932 году, мы все ближе и плотнее подходим к завершению ликвидации кулачества как класса.

Вопрос «кто кого» в нашей стране решен твердо в пользу социализма. СССР окончательно утвердился на социалистическом пути.

Этой справки достаточно для того, чтобы понять особенность современного этапа и природу нашей советской торговли.

Необходимо дать самый сокрушительный отпор либерально-буржуазному толкованию задач развертывания советской торговли, ведя в то же время решительную борьбу против левацкой недооценки советской торговли и против попыток подмены советской торговли механическим распределением.

Надо помнить, что укрепление торговой смычки между городом и деревней на данном этапе имеет громадное значение. Победы партии в организации производственной смычки создали новую

основу для усиления смычки по линии торговли.

Пленум ЦК записал:

«… одержанная партией в борьбе с правым оппортунизмом победа в деле организации социалистической производственной смычки между городом и деревней не только не снимает, но выдвигает с особой силой задачу укрепления на этой базе торговой смычки города с деревней» /«ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 507, изд. 5-е. 1. /

Без этого мы не сможем обеспечить дальнейшее успешное развертывание товарооборота.

Крупная практическая задача в организации советской торговли — сокращение накладных расходов. Надо добиться решительного сокращения накидок, решительного удешевления работы нашего торгового и кооперативного аппарата.

Обследование наших торговых органов показало, что прибавки и наценки на себестоимость товаров доходят до 50 %, а где люди посмелее — там и до 275 %.

РКИ Союза обследовала 16 тысяч магазинов, из которых значительная часть нарушает советскую политику цен, причем 35 % из них продают товары по повышенным ценам совершенно незаконно, другие же занимаются всяческим отступлением от наших советских правил и законоположений под тем или другим формальным предлогом. Беда заключается и в том, что в целом ряде случаев это произвольное повышение цен работники вышестоящих кооперативных органов считают «в порядке вещей».

Эти незаконные накидки и надбавки в значительной степени объясняются громоздкостью нашего торгового и кооперативного аппаратов, наличием в них далеко еще не изжитых элементов бюрократизма и волокиты.

Ведь в самом деле, если товар в своем пути до потребителя должен пройти через двадцать инстанций и в каждой инстанции на его цену делается какая-то прибавка, то в результате этого странствования он придет к потребителю сильно вздувшимся в цене.

Поэтому мы ставим сейчас вопрос об ускорении продвижения товаров к потребителю, о том, чтобы вместо двадцати звеньев его можно было бы пропустить через десять (на первый раз), а потом через пять, а затем и непосредственно к потребителю.

Все это поведет к удешевлению товара.

Для наиболее быстрого продвижения товаров, для улучшения ассортимента мы, по решению ЦК нашей партии, организовали специальные товарные базы. Вообще говоря, базы — вещь хорошая, там товары собираются, сортируются и направляются по периферии. Все это правильно, и эти базы нужны, но если мы живем в Ленинграде и тут же в Ленинграде имеется завод, производящий нужный для нас товар, то вряд ли нужно и целесообразно, чтобы ЛСПО получал этот товар для продажи нашим ленинградским рабочим не непосредственно с завода, а из базы, и этим самым обязательно увеличивал накладной расход.

Базу-то нужно иметь, но нигде не написано, что каждый товар обязательно должен проходить через эту базу, и нигде не написано, что каждый товар должен проходить минимум такое-то количество звеньев, такое-то количество этажей.

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ — НЕСОКРУШИМАЯ СИЛА, ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Товарищи, к пятнадцатой годовщине Великой Октябрьской революции наша пролетарская страна приходит с громадными победами в деле социалистического строительства. Сейчас, когда победа социализма в нашей стране обеспечена, когда вопрос «кто кого» окончательно решен в пользу социализма не только в городе, но и в деревне, когда Советский Союз является несокрушимой силой, грозной для врагов, только явный белогвардеец, враг рабочего класса и враг пролетарской диктатуры, может выступить против генеральной линии партии, против ее ленинского руководства. Было время, когда мы дрались с различными внутрипартийными группировками по вопросам, которые были принципиально ясны и бесспорны для громадного большинства членов нашей партии, но которые казались спорными для той или другой оппозиционной группы. Мы дрались с ними тогда внутри нашей партии, но мы в то же время предупреждали их, что борьба имеет свою логику, что всякая группа, которая будет упорствовать в своей оппозиционной борьбе против генеральной линии партии и ее ЦК, совершенно неизбежно логически скатится в лагерь контрреволюции. Сейчас все вопросы, по которым мы когда-то спорили с «левыми» и правыми оппозиционерами, решены победоносным строительством социализма в пользу ленинской линии партии.

Рассыпались в прах пророчества контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма. Остатки правой и «левой» оппозиции, пытавшиеся сохранить свои политические взгляды, потеряли всякую

связь с рабочим классом и за последнее время безудержно скатились в лагерь контрреволюции.

Индустриализация страны сделала колоссальный и решающий шаг вперед.

Мы создали мощную тяжелую индустрию. Решен вопрос о путях развития сельского хозяйства, так как свыше 60 % всех крестьянских хозяйств объединены в колхозы. Основные вопросы строительства социализма решены практически волей миллионов трудящихся города и деревни, спорить по ним больше нельзя, победа социализма обеспечена. Поэтому сейчас может быть только такое разделение: или с партией, с пролетарской диктатурой — или с контрреволюцией; или с рабочим классом в борьбе за мировую коммунистическую революцию — или в рядах буржуазно-помещичьей реакции. Так стоит вопрос на данной стадии, и иначе стоять он не может.

Пятнадцать лет тому назад Великая Октябрьская революция повернула старую буржуазно-помещичью Россию на новый, социалистический путь. К пятнадцатой годовщине Октября Советский Союз окончательно утвердился на социалистическом пути. И если сейчас, на рубеже второй пятилетки, находятся отдельные кучки бывших оппозиционеров, иной раз даже сохранивших партийные билеты, которые осмеливаются предлагать партии вступить на путь буржуазно-капиталистической реставрации, для чего предлагают свернуть промышленность, отказаться от ликвидации кулачества как класса, и которые болтают о нерентабельности наших совхозов, — с этими людьми нам спорить больше не о чем. Это враги социализма, это люди, перешедшие в лагерь контрреволюции, это прямые пособники мировой буржуазии. С врагами социализма, с людьми, которые выступают против завоеваний Октября, мы не спорим и спорить не собираемся.

Мы с ними ведем борьбу как с врагами, окончательно перешедшими на сторону белогвардейцев, в лагерь явных врагов пролетарской диктатуры.

Мы предупреждали в свое время лидеров правой и «левой» оппозиции — Зиновьева, Каменева и других, что если они во-время не остановятся, то придут в лагерь контрреволюции. Мы их предупреждали, что, упорствуя в своих ошибках, они неизбежно скатятся на путь Троцкого — человека, который оказался по ту сторону баррикад, в стане злейших врагов рабочего класса. И теперь каждый может видеть, что мы были совершенно правы, что чем дальше мы продвигаемся по пути строительства социализма, тем ярче выступает контрреволюционный характер всяких оппозиционных течений.

В последнее время обанкротившиеся осколки разбитых партией оппозиций, правые и «левые» оппортунисты сомкнулись в объединенную контрреволюционную группу, поставившую себе задачей восстановление буржуазно-капиталистического строя. В этой группе мы находим немало людей, частью выброшенных из партии, частью посредством двурушничества оставшихся в ее рядах.

Эти жалкие банкроты пытались поколебать железную мощь пролетарской диктатуры.

Они встретили сокрушительный отпор партии и рабочего класса, они подписали себе окончательный приговор, они стали политическими мертвецами.

От пленума к пленуму, от съезда к съезду, от конференции к конференции вся наша партия и весь рабочий класс снова и снова на практической работе убеждаются, что единственно правильным, единственно возможным путем строительства социализма в нашей стране был и остается тот путь, который нам завещал Ленин и по которому ведет нас ленинский ЦК во главе с товарищем Сталиным.

Посмотрите, какая бешеная свистопляска развертывается во всем капиталистическом мире на основе глубочайшего мирового кризиса, конца которому не видно, который охватил одну за другой капиталистические страны. Этот кризис все больше и больше тянет вниз державшуюся дольше других Францию, которая сейчас стремительнее других погружается в пучину кризиса. В этой обстановке, когда наступил конец гнилой капиталистической стабилизации, когда противоречия обнажились с небывалой остротой, когда каждая капиталистическая держава выпускает когти против другой, когда буржуазные правительства, партии и политические деятели мечутся в поисках выхода из этого кризиса, — на этом фоне еще рельефнее выступает социалистический Советский Союз, единственная страна, которой обеспечен непрерывный мощный хозяйственный подъем.

Трудности у нас есть, трудности у нас еще несомненно будут. Но мы с каждым днем убеждаемся, как успешно на основе указаний партии преодолевает наш рабочий класс эти трудности. Решающим условием, обеспечивающим наши победы и разгром классового врага, является железная сплоченность, монолитное единство рядов нашей партии.

Наша партия является передовым отрядом мировой революции. Отсюда наше исключительное внимание к дальнейшему укреплению партийных рядов, к дальнейшему усилению партийно-массовой работы, к охвату большевистским влиянием партии каждого рабочего, работницы и каждого трудящегося.

Рабочий класс и угнетенные всего мира собирают свои силы для новых и решающих битв под руководством Коминтерна.

Сейчас больше чем когда бы то ни было мы должны помнить слова товарища Сталина:

«Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество. .» /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 446, изд. 10-е./

Не сегодня, так завтра все рабочие Европы, Америки, Ближнего и Дальнего Востока окончательно поймут, что наш великий Советский Союз — единственное отечество трудящихся, что это не красивая социальная утопия, подобная тем, о которых когда-то мечтало человечество, а страна, которая на практике, в реальной жизни строит социализм. И вся эта громадная социалистическая стройка, весь этот гигантский организм, поднимающийся на одной шестой части земной суши, именно потому так велик, так крепок, потому представляет собой такую несокрушимую силу для всех наших врагов, что вся наша работа, вся наша стройка находится в прочной и совершенно незыблемой стальной оправе, которая называется нашей великой Ленинской Коммунистической партией.

Под знаменем этой партии, под руководством нашего Центрального Комитета мы успешно решали великие исторические вопросы на протяжении пятнадцати лет. Под ленинским знаменем, под испытанным, исторически проверенным руководством ЦК во главе с товарищем Сталиным и теперь, на современном этапе, когда весь старый мир дрожит и разлагается, наша социалистическая стройка еще более быстро, еще более форсированно пойдет вперед, к окончательной победе трудящихся во всем мире. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

ОДЕРЖАНА ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

Доклад об итогах январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 января 1933 года

Товарищи, январский объединенный пленум ЦК и ЦКК

/Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), происходивший 7—12 января 1933 г., рассмотрел следующие вопросы: 1. Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 года — первого года второй пятилетки. 2. Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов. 3. Внутрипартийные вопросы. — Ред. /

имеет совершенно исключительное значение.

Основной вопрос, которым был занят объединенный пленум, — это итоги нашей работы за последние четыре года, в течение которых мы осуществили нашу первую пятилетку.

Эта пятилетка, имеющая всемирно-историческое значение, войдет в историю как эпоха великих работ социалистического строительства в нашей стране.

Вы все помните, товарищи, ту обстановку, в которой происходило составление плана нашей первой пятилетки.

Когда мы только что приступили к основным наметкам нашего пятилетнего плана, то многим казалось, что это настолько грандиозная работа, что нужно иметь громадную смелость, чтобы так или иначе определить основные задания этого плана.

Мне вспоминаются первоначальные наброски, проекты и докладные записки, которые говорили отнюдь не о том, что мы получили в действительности в итоге работы по осуществлению пятилетнего плана, которые не говорили о тех положительных великих достижениях, которые мы имеем сейчас. Эти первоначальные наметки останавливались главным образом на тех трудностях, которые авторам их казались неразрешимыми.

В первоначальном проекте говорилось о том, что едва ли в нашей стране найдутся материальные средства, с помощью которых можно было бы браться за осуществление этого грандиозного исторического плана. Нам говорили о том, что мы на первых же шагах этой работы столкнемся с такими трудностями, которых, пожалуй, еще не знала наша страна.

Нас пугали громадным перенаселением в нашей стране, нам говорили об исключительном росте безработицы, который неизбежно будет, если мы начнем осуществлять программу этих великих работ. Это заявляли нам с серьезнейшим видом «ученые» экономисты (часть которых потом оказалась вредителями), и это же повторяли отдельные члены нашей партии, впоследствии открыто перешедшие в лагерь правой оппозиции.

Но вот теперь, товарищи, мы уже имеем возможность не теоретически рассуждать о значимости и выполнимости пятилетнего плана, а на основе конкретных данных, подытоживая реальные результаты этой огромной работы. Если говорить коротко, то выполнением первого пятилетнего плана мы ответили в положительной форме на основные вопросы строительства социализма, которые стояли перед нами. Все вы знаете, как много времени мы потратили в дискуссиях на тему о том, возможно ли построение социализма в нашей стране. Троцкисты отрицали самую возможность построения социализма в одной стране; правые оппортунисты на словах не оспаривали возможности строительства социализма, предлагая, однако, на деле такую программу, которая неизбежно привела бы к буржуазно-капиталистической реставрации. Мне кажется, что сейчас уже трудно найти человека, конечно, здорового человека, который взялся бы отстаивать те положения, с которыми выступали оппозиционные течения всех направлений в нашей партии. Победоносным осуществлением нашего пятилетнего плана мы доказали, что строительство социализма в нашей стране, которая была в начале первой пятилетки крайне отсталой в технико-экономическом и культурном отношении, возможно.

Больше того, мы уже одержали решающие победы в социалистическом строительстве. Мы твердо, в положительной форме ответили на основной вопрос, который поставил Владимир Ильич, на вопрос «кто кого».

Выдающаяся роль в нашей исторической борьбе за пятилетку принадлежит товарищу Сталину.

Когда мы только что вступили в первые этапы нашей работы по пятилетнему плану, товарищ Сталин задавал вопрос:

«Существуют ли у нас, в нашей советской стране, средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать возможность восстановления капитализма?» И отвечал:

«Да, существуют. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о возможности построения в СССР полного социалистического общества. Для этого необходимо упрочение пролетарской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, развитие наших командных высот под углом индустриализации страны, быстрый темп развития индустрии, электрификация страны, перевод всего народного хозяйства на новую техническую базу, массовое кооперирование крестьянства и поднятие урожайности его хозяйства, постепенное объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные хозяйства, развитие совхозов, ограничение и преодоление капиталистических элементов города и деревни и т. д. и т. п.» /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 232, иэд. 10-е., Так стоял вопрос, когда мы подходили к работам по пятилетнему плану.

Программа, которую наметил в 1928 году товарищ Сталин, и легла в основу всей нашей работы.

МЫ СОЗДАЛИ НОВЫЕ ГРОМАДНЫЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Что мы теперь в результате первой пятилетки имеем? Тут я должен заранее оговориться, что мне придется привести довольно порядочное количество цифр, тех цифр, которые, как мне кажется, должны быть постоянно в голове каждого коммуниста, каждого сознательного рабочего, каждого колхозника. Мы должны помнить наизусть по крайней мере основные показатели той работы, которую мы закончили на протяжении этой пятилетки.

Если мы обратимся к основной работе в нашем социалистическом строительстве, к развертыванию социалистической промышленности, то здесь мы имеем по валовой продукции в среднем по всем отраслям промышленности выполнение на 93,7 % нашего пятилетнего плана.

Как видите, если взять на круг, то некоторое количество процентов мы недовыполнили, хотя общая валовая продукция всей промышленности нашей страны более чем вдвое превысила уровень 1928 года.

Но если брать группу «А», т. е. тяжелую промышленность, основу нашей индустриализации, то мы пятилетний план по ней выполнили на 108 % и произвели в 1932 году 258,6 % того, что выпустили в 1928 году.

По группе «Б», т. е. по легкой промышленности, мы выполнили план на 84,9 %. Это отнюдь не значит, конечно, что мы не имеем за это время в области легкой промышленности громадных успехов. Достаточно сказать, что выпуск легкой промышленности составил в 1932 году 187 % того, что она произвела в 1928 году. Но известное отставание от плана тут, конечно, налицо.

Мы запроектировали капитальные вложения в нашу промышленность на протяжении пятилетки в 18,8 миллиарда рублей. Фактически они выразились в сумме 23,3 миллиарда рублей, т. е. на 24 % больше, чем мы полагали. Сами по себе эти проценты говорят уже много, но они становятся еще значительнее, если сопоставить их с тем, как мы выполнили пятилетку в ее основных, решающих, узловых местах.

Вы знаете, что мы поставили основной задачей на протяжении пятилетки индустриализировать нашу страну. Это одна из основных, кардинальных задач нашей работы, и в этом отношении мы имеем показатели еще более значительные, чем те проценты, которые я только что огласил.

Мы сумели на протяжении четырех с небольшим лет поднять на невиданную высоту отрасли индустрии, имевшиеся раньше у нас в зачаточном состоянии. Мы за этот промежуток времени сумели создать новые отрасли промышленности, которых старая Россия и наш Советский Союз до пятилетнего плана не имели.

Товарищ Сталин, подводя на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) величайшие итоги нашей работы, говорил:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы

выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новых базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии» 1 /Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 489–490, изд. 10-е… /

Если перевести то, что говорил товарищ Сталин, на язык цифр, то получаются такие достижения: на протяжении нашей пятилетки мы сумели увеличить производство чугуна до 190 % по сравнению с 1928 годом; на протяжении пятилетки мы ввели в действие 40 доменных печей, из которых 17 совершенно новых; мы установили 66 мартеновских печей, из которых 45 совершенно новых.

В 1933 году мы думаем зажечь новых 15 доменных печей и 51 мартен. На протяжении пятилетки мы сумели поднять важнейшие отрасли народного хозяйства, без которых невозможна никакая индустриализация. Я говорю о цветной металлургии. Мы поставили тракторное производство и далеко обогнали в этой отрасли все европейские страны. Мы приступили к постройке автомобилей, и в частности здесь, в Ленинграде, мы должны будем разрешить в 1933 году на «Красном путиловце» новую задачу по постройке легковых автомобилей европейского типа. Мы сумели на протяжении пятилетки в четыре с половиной раза по сравнению с 1928 годом увеличить наше машиностроение и станкостроение.

В области химии, где мы являлись наиболее отсталой страной, мы заново поставили на протяжении четырех с небольшим лет 58 крупных химических заводов, вложив в них почти 1,5 миллиарда рублей.

В области сельскохозяйственного машиностроения в 1928 году мы имели продукции на 140 миллионов рублей, теперь же, в 1932 году, мы добились выпуска ее на 412 миллионов рублей, или в три раза больше, чем было накануне пятилетки. Мы здесь сумели переключиться на производство особенно сложных сельскохозяйственных машин, таких, как комбайны, и машин, преимущественно направленных к развертыванию и поднятию технических культур сельского хозяйства, — я говорю о разного рода уборочных машинах. Мы в течение 1931/32 года сумели освоить около 130 марок новых сельскохозяйственных машин.

Мы сумели поставить авиационную промышленность и в частности наладить производство мощных авиамоторов; производство электроэнергии мы сумели увеличить с 5 миллиардов киловатт-часов в 1928 году до 13 540 миллионов киловатт-часов в 1932 году, причем мощность электростанций с 1905 тысяч киловатт в 1928 году выросла до 4677 тысяч киловатт в 1932 году. Вместо 18 районных электростанций в 1928 году мы сейчас имеем 44 районных станции, в том числе 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт, в то время как в 1928 году мы не имели ни одной такой станции. Я мог бы продолжить перечисление этих цифр, но я думаю, что это заняло бы слишком много времени; вы можете ознакомиться с ними по опубликованным в нашей печати материалам пленума. Но я еще раз подчеркиваю, что во всех этих показателях нельзя забывать ни на одну минуту качественную сторону дела. Речь идет не только о массовом количестве валовой продукции, речь идет о ее характере, о том, что мы добились выпуска продукции наиболее сложной, наиболее совершенной, наиболее отвечающей последним техническим требованиям Европы и Америки. В этом отношении мы проделали настоящую революцию в таких отраслях, как угольная, нефтяная и торфяная промышленность. Мы в 1932 году механизировали зарубку добычи угля на 65,1 %, но при этом нужно иметь в виду, что в этой области мы уже почти вплотную подошли к такой стране, как США, где процент механизации не намного больше, чем у нас. Сейчас у нас 72 %, а у них — 77 %.

В нефтяной промышленности мы на протяжении пятилетки добились того, что добыча нефти механизирована на все 100 %. Вся нефть добывается исключительно механизированным путем. Если при царе и в первые годы нашего советского строительства нефть добывалась знаменитой желонкой, то сейчас эта желонка уже музейная редкость. Даже добычу торфа мы сумели механизировать, и если в 1928 году добыча его была механизирована всего на 15 %, то сейчас уже на 64 %.

Нужно ли вам, товарищи, перечислять наши гиганты, которые мы за эти четыре года построили и пустили в ход? Мне кажется, что сейчас уже в любой школе всех ступеней, даже наши малыши знают о наших гигантах — Магнитогорске, Кузнецке, Днепрострое, тракторных заводах,

Московском автомобильном заводе, Сельмаше, Березниках и длинном ряде тех новых гигантов, которые мы построили за эти четыре с небольшим года. Надо иметь в виду, что это не просто гиганты, т. е. большие заводы с большим количеством станков и оборудования, с большим количеством работающих на них рабочих. Эти заводы по своему оборудованию представляют собой образцы передовой промышленной техники. Об этом вы все прекрасно знаете, это у нас уже достаточно популяризировано. Я хочу обратить ваше внимание на другое. Дело в том, что наряду со строительством новых заводов, новых гигантов мы ни на одну минуту не забывали реконструкции наших старых заводов, что особенно важно в частности для нашей ленинградской промышленности. И в этом отношении мы, товарищи, добились также совершенно исключительных успехов. Установка новых машин и станков на наших предприятиях по годам происходила следующим образом: в 1928 году мы поставили на наших фабриках и заводах 9 400 новых станков, из них 34 % станков и машин отечественного производства; в 1929 году —11 800 новых станков, из них 43 % отечественного производства; в 1930 году — 21 500 новых станков, из них 42 % отечественного производства; в 1931 году поставили 31 200 станков, из них 41 % отечественного производства, и в одном только первом квартале 1932 года мы поставили 10 300 новых станков и машин, из них 46 % отечественного производства.

В этой области, товарищи, мы также успешно догоняем и перегоняем передовые капиталистические страны. У нас нет совершенно точных сравнительных цифр, ибо эти страны пока что еще не завели социалистического учета своей промышленной мощи, но даже по тем данным, которыми мы располагаем, не подлежит никакому сомнению, что у нас машин и станков больше, чем, скажем, во Франции, и, несомненно, не меньше, чем в Англии. А вот если взять США, эту страну, которая буквально насыщена станками, то мы имеем одну пятую того, что имеют США.

Если взять структурную сторону нашего оборудования, наших машин, т. е. их качество и их техническое совершенство, то здесь, товарищи, надо прямо сказать, что если мы в отношении количества, по сравнению с Америкой, представляем собой величину в пять раз меньшую, то в отношении качественной стороны мы едва ли в чем-нибудь ей уступим. А если взять такие гиганты, как наши тракторные заводы, то надо прямо сказать, что таких заводов в мире нет не только по величине, но и именно по качеству своего оборудования.

РАЗРЕШЕНЫ СЛОЖНЕЙШИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Наряду со строительством новых гигантских заводов мы провели громадную работу в отношении переоборудования и увеличения производительности наших старых заводов. В этом отношении особенно интересны данные нашей ленинградской промышленности. Они частично фигурировали на последнем пленуме ЦК нашей партии.

Например, если взять завод «Светлана», то здесь мы имеем такие данные. В 1928 году основной капитал этого завода равнялся 3 560 тысячам рублей, в 1932 году — 5 600 тысячам рублей. Рабочих было 583 человека, теперь 5 тысяч человек. Валовая продукция составляла 3,97 миллиона рублей, а в 1932 году уже 78,2 миллиона рублей.

Если взять такой завод, как «Электроприбор» (я буду говорить только по выпуску продукции), то он в 1928 году выпускал на 707 тысяч рублей продукции, а сейчас выпускает на 24,4 миллиона рублей. Основной капитал этого завода возрос в два с половиной раза, с 2,8 до 7,6 миллиона рублей.

«Электросила» выпускала продукции на 23 миллиона рублей, а сейчас выпускает на 78 миллионов рублей. Основной капитал «Электросилы» вырос почти в два раза (с 12,9 до 23,3 миллиона рублей).

«Красный путиловец» выпускал продукции на 47 миллионов рублей, а сейчас выпускает на 163 миллиона рублей. Основной капитал «Красного путиловца» возрос с 59 миллионов рублей в 1928 году до 109,2 миллиона рублей в 1932 году.

Оптический завод выпускал продукции на 4 495 тысяч рублей, а сейчас выпускает на 35 с лишним миллионов рублей. Основной капитал этого завода увеличился за пятилетку в три с лишним раза.

Если взять 23 аналогичных завода по всему нашему Союзу (старые заводы), то оказывается, что основной капитал этих заводов в 1928 году был 257,8 миллиона рублей, теперь этот капитал равен 493 миллионам рублей. Работали на этих 23 заводах 54 тысячи человек, сейчас работают 139 тысяч. Если эти заводы в 1928 году выпустили продукции на 284 миллиона рублей, то сейчас они выпускают на 1 308 миллионов рублей.

Выработка на одного рабочего увеличилась на протяжении пятилетки на 82 %.

Говоря о качественной стороне реконструкции нашего народного хозяйства, нельзя не привести еще одной области нашей работы, которая внешне кажется наиболее отсталой, которая оставляет желать (это надо прямо сказать) в настоящее время еще много лучшего. Я имею в виду нашу строительную промышленность. Все вы знаете, что качество работы нашей строительной промышленности и многих наших строительных организаций стоит не на должной высоте. В

частности это мы видим по нашему коммунальному и жилищному строительству в Ленинграде.

И все-таки, если мы возьмем даже эту, значительно отставшую отрасль промышленности и подытожим ту работу, которую мы проделали по ее реконструкции, то результаты получатся очень интересные.

Центральное статистическое управление подсчитало, что в строительной промышленности к концу пятилетки мы имеем около 30 тысяч электромоторов, которые представляют в общем 400 тысяч лошадиных сил, в то время как до войны все электрические станции старой царской России давали 1 миллион лошадиных сил. Таким образом, только механизация и электрификация нашего строительства потребляют 40 % всей той электрической энергии, которая добывалась в старой царской России.

Еще один показатель, который я возьму также по сравнению со старой царской Россией. Если взять так называемое ударно-обжимное оборудование нашей промышленности и, скажем, приравнять к 100 то, что было в самом начале империалистической войны, то мы имеем сейчас 465 %.

Если взять так называемые режущие станки и машины, то по сравнению с 1914 годом 1932 год дает 541 %, т. е. почти в пять с половиной раз больше. Вот если бы сейчас взять всех этих Гучковых, Рябушинских, Путиловых и т. д. и ткнуть их носом в эти цифры, то они должны были бы по совести (если бы у них была совесть) признать, что за четыре года пятилетки рабочий класс сделал больше для индустриализации и технического подъема нашей страны, чем сделали фабриканты и банкиры за десятки лет своего господства.

Я еще раз, товарищи, обращаю ваше внимание на то, что ни в коем случае нельзя останавливаться только на чисто цифровых данных, а нужно постоянно помнить о качественной стороне этого нового оборудования. Мы сейчас можем твердо, без хвастовства, с полной уверенностью заявить, что нет сейчас на свете такой сложной машины, нет такого сложного станка, которых мы не смогли бы сделать на наших советских социалистических заводах. Если мы чего-нибудь не делаем или делаем что-нибудь плохо, то не потому, что этого не позволяет нам мощность оборудования наших фабрик и заводов, а только потому, что мы не всегда умело обращаемся с тем, что мы имеем. Совсем еще недавно, какие-нибудь два, два с половиной года тому назад, мы отказывались делать целый ряд станков и машин, считая, что мы до этого не доросли, и нужен был величайший нажим ЦК нашей партии, чтобы приняться за это дело. Так, в начале 1932 года, по инициативе товарища Сталина, ЦК жестким образом ограничил ввоз импортного оборудования в нашу страну. И когда нас поставили перед дилеммой — или производи свое оборудование, или вообще его не получишь, то наши хозяйственники, наши партийцы, наши ударники и инженеры стали пошевеливать мозгами и в 1932 году сделали гигантский шаг вперед. И теперь, когда открываешь любую из наших газет, интересующуюся вопросами нашего промышленного хозяйства, то изо дня в день встречаешь сообщения: то там, то сям, то на одном, то на другом заводе выпускаются новая машина, новый станок, новая установка, которых до сих пор в Советской стране не делали. Надо сказать еще раз, сказать прямо, что нет сейчас такой машины, которую мы не сумели бы сделать, если бы захотели.

Первое время мы копировали иностранный технический опыт. Теперь положение иное — наши молодые и старые специалисты разрешают сейчас такие конструктивные задачи, которые вчера казались совершенно неразрешимыми, мы разрешаем их самостоятельно, без всякой помощи со стороны. Мы вырастили за это время кадры своих, советских, высококвалифицированных инженеров, инженеров-конструкторов, мы сломили сопротивление и разгромили организации вредителей, мы сделали все, чтобы использовать технический опыт и знания старого инженера — и в результате мы добились разрешения сложнейших технических проблем.

Достаточно вспомнить только блюминг, производство высоковольтного кабеля, карбюраторов, производство высококачественных сталей и многое другое.

Я уже говорил вначале, что мы по пятилетнему плану в общем валовом выпуске нашей промышленности недовыполнили несколько процентов. Надо сказать, что это мы большим ущербом, большим недочетом в нашей работе не считаем. Дело в том, что за последние полтора года и особенно 3 а 1932 год нам пришлось произвести большое переключение работы наших машиностроительных заводов в сторону поворота их на производство орудий и средств обороны нашей страны. Вы знаете, что как раз накануне последнего года пятилетки, четвертого года, вокруг нашего Советского Союза очень сильно сгустились тучи, главным образом на Востоке. И тогда Центральный Комитет, по инициативе товарища Сталина, крепко поставил вопрос о том, что пятилетний план, конечно, пятилетним планом, ширпотреб, конечно, ширпотребом, всякая легкая индустрия, конечно, своим чередом, но, если мы будем сидеть и ждать у моря погоды, если мы будем сидеть и ждать, когда кто-нибудь попробует, насколько подготовлена Советская страна к защите нашей социалистической стройки, и не будем принимать меры к тому, чтобы должным образом встретить любого врага, мы можем оказаться в очень тяжелом положении. Мы вели и ведем твердую политику мира, но все вы великолепно понимаете, что, проводя эту политику, мы должны быть в полной готовности к обороне нашей страны, и притом к обороне от противника, вооруженного и снабженного по всем правилам современной военной техники. И это заставило нас

обратить особое внимание на техническую базу нашей обороны.

И вот то относительное недовыполнение нашей программы, о котором я вам говорил, целиком обусловлено тем, что мы переключили значительную долю внимания на производство предметов обороны. Плохо или хорошо сделали мы? Безусловно сделали очень хорошо.

В современных международных отношениях происходит то же самое, что в обычных человеческих отношениях. Если, скажем, человек драчливого нрава встречается с человеком саженного роста, то при всей своей драчливости он деликатно походит вокруг этого человека. А если он встретит человека слабого, развинченного, который идет и ноги волочит, то у драчуна невольно руки чешутся и хочется подраться. Это сравнение, может быть, немного грубое, но в нынешних международных отношениях именно так и происходит. Если ты слаб, не вооружен, ты хоть двадцать тысяч раз исповедуй мирную политику, тебя будут грабить и бить, и никакими словесными протестами ты этого грабежа не остановишь. Таков закон капитализма. Если до сих пор были наивные люди, которые этого не понимали, то то, что происходит сейчас на Дальнем Востоке, должно отрезвить самого наивного человека.

А так как мы отнюдь не хотим, чтобы нас били и грабили, и так как мы отнюдь не хотим, чтобы кто-нибудь извне вмешивался в нашу социалистическую стройку, чтобы ее немножко «поправить» на капиталистический образец, то мы должны были поставить перед собой задачу создать мощную техническую базу обороны нашей страны. Мы эту задачу поставили, мы сделали все, чтобы ее выполнить, и мы ее выполнили.

И, товарищи, прямым следствием укрепления обороноспособности нашей страны являются пакты о ненападении. Тут надо прямо сказать, что если мы и дальше хотим обеспечить спокойствие нашей социалистической стройки, то безусловно надо, наряду с настойчивым проведением политики мира, наряду с беспощадным разоблачением империалистической комедии о «разоружении», надо систематически и упорно работать над дальнейшим усилением обороноспособности нашей страны. И в 1933 и 1934 годах нам надо этот участок работы обеспечить на все 100 %.

ГОРОД ЛЕНИНА ГЕРОИЧЕСКИ БОРОЛСЯ ЗА ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ

Товарищи, в героической борьбе за досрочное выполнение нашей первой пятилетки, борьбе, которую успешно завершил рабочий класс нашей страны, почетное место принадлежит нашему городу, в котором мы с вами живем, городу Ленина.

Наша ленинградская промышленность за время первой пятилетки больше чем утроила выпуск своей продукции. Если в 1928 году мы выпустили продукции на 1,5 миллиарда рублей, то в 1932 году валовая продукция ленинградской промышленности достигла 4,7 миллиарда рублей.

Свой пятилетний план ленинградская промышленность, в основном, выполнила в три года. А если взять 1932 год и сравнить его с теми наметками, которые мы делали для последнего года пятилетки, то окажется, что план последнего года выполнен нами на 115,8 %. Соответствующая цифра по Союзу, как я уже говорил, равняется 93,7 %.

Мы сумели за время нашей пятилетки в Ленинграде освоить свыше 200 новых производств, которых не знала старая, дореволюционная ленинградская и вообще российская промышленность. Громадную роль в этих технических завоеваниях сыграли, надо это особенно отметить, научно-исследовательские организации Ленинграда, которые проделали громадную работу в области металлургии, химии, электротехники и т. д.

Ленинград и ленинградские научные учреждения сыграли чрезвычайно большую роль в той гигантской работе по выявлению и освоению громадных природных богатств нашей страны, которую мы проделали в первой пятилетке.

Число лиц, занятых наемным трудом в Ленинграде и области, с 917 тысяч человек в 1928 году увеличилось до 1919 тысяч человек, т. е. на один миллион человек. Число лиц, занятых в цензовой промышленности, увеличилось с 401 тысячи человек до 882 тысяч, т. е. на 481 тысячу человек.

По отдельным отраслям пятилетний план выполнен ленинградской промышленностью следующим образом: тяжелая промышленность выполнила пятилетку на 142 %. Валовая продукция тяжелой промышленности в 1932 году составила к валовой продукции 1928 года 435 %. Легкая промышленность выполнила пятилетку на 82,6 %. Как вы видите, легкая промышленность отстает, но и она по отношению к 1928 году, взятому за 100, дает увеличение продукции почти в два раза (188,9 %).

Лесная промышленность выполнила пятилетку на 77,7 %, валовая продукция 1932 года в процентах к 1928 году равна 174 %.

Пищевая промышленность выполнила пятилетку на 129,5 %, валовая продукция в процентах к 1928 году — 281,9 %.

Вся промышленность, как я уже сказал, дала в 1932 году 115,8 % того, что она должна была дать в последнем году пятилетки, и 301,9 % по сравнению с фактическим уровнем 1928 года. Мощность электростанций Ленинграда со 128 тысяч киловатт в 1928 году поднялась до 300 тысяч киловатт в 1932 году. Удельный вес ленинградской промышленности в отношении к союзной промышленности в 1928 году выражался в 10 %. Сейчас наш удельный вес равен 15 %. Таким образом, наша роль не только не падает, но увеличивается.

Нельзя не отметить, что мы, главным образом во второй половине нашей пятилетки, произвели громадные работы по реконструкции нашего Ленинграда, особенно много сделано в этом отношении в 1932 году — последнем году пятилетки.

Мы сейчас подошли вплотную к настоящей, глубокой и основательной реконструкции всего городского хозяйства. Правда, мы делаем это не совсем успешно в некоторых областях, но в общем и целом мы достигаем здесь очень высокого уровня.

Нужно особо отметить ту большую работу, которая проделана на протяжении пятилетки в отношении освоения северных районов нашей области. Я имею в виду Карельскую республику и Кольский полуостров, особенно ту часть его, которая находится за Полярным кругом и которая три года тому назад казалась не только нам, но и вообще всему Союзу недоступной. Совсем недавно казалось, что заниматься освоением тяжелой северной природы там, за Полярным кругом, где вечные холода и полугодовые ночи, является слишком трудной задачей. Но сейчас эта задача успешно разрешена.

За последние два-три года в северных районах нашей области нами произведена колоссальная работа. Все вы слышали о сложнейшем комбинате, который расцвел в Хибинах вокруг апатитов. Мы сейчас имеем созданный буквально на пустом месте город с населением в 45 тысяч человек. И каждый день несет новые открытия, если не в Хибинах, то в окружающих районах.

Эта северная, считавшаяся бесплодной и бесполезной, пустыня оказалась в действительности одним из богатейших мест на земле. В настоящее время апатиты, которые мы думали вначале употреблять только как средство удобрения нашей советской земли, являются одним из важнейших видов технического сырья и находят себе применение свыше чем в двадцати производствах, причем каждый новый день открывает все новые возможности применения этого совершенно исключительного минерала.

В этих же северных районах мы ставим производство* алюминия, собираемся ставить производство серной кислоты, там мы имеем громадные богатства разных редких металлов.

Мы открыли залежи железных руд, которые простираются от Мурманских берегов дальше на юг. Сейчас там идет и в 1933 году должно быть закончено строительство довольно большой, по тамошним масштабам, станции на реке Ниве мощностью в 60 тысяч киловатт. И, наконец, что имеет особо громадное значение в деле освоения Севера, там разрешается поставленная по инициативе товарища Сталина задача — соединить водным путем Балтийское море с Белым. Уже в старину были смелые люди, которые мечтали об этом, но ни у кого не хватило сил и средств осуществить этот смелый замысел. Нет сомнения, что если не в мае, то летом 1933 года Балтийско-Беломорский канал будет открыт. Он будет иметь большое народнохозяйственное значение, ему будет принадлежать также большая роль в деле усиления обороны наших северных границ.

ОСВОИМ НОВЫЕ ГИГАНТЫ, ОВЛАДЕЕМ НОВОЙ ТЕХНИКОЙ

Успехи нашей социалистической индустриализации и реконструкции сельского хозяйства обеспечили на протяжении первой пятилетки значительные сдвиги в росте материального и культурного уровня широких трудящихся масс. Весь народный доход нашего Союза дал на протяжении пятилетки прирост на 85 % и достиг в 1932 году 45,1 миллиарда рублей.

Мы сумели за это время вдвое увеличить число рабочих и служащих нашей страны. Мы подняли заработную плату на 67 % в среднем, увеличили фонды нашего социального страхования на 292 %; охват общественным питанием за время пятилетки увеличился в шесть раз, и сейчас около 70 % рабочих и служащих ведущих предприятий охвачены общественным питанием.

Все эти показатели достаточно ярко говорят о систематическом улучшении материально-бытового положения широких рабочих масс в результате первой пятилетки.

Особенно крупные достижения в деле улучшения материального положения трудящихся мы имеем в связи с полной ликвидацией безработицы. Товарищ Сталин достаточно ярко обрисовал наши исключительные достижения в области ликвидации безработицы и ликвидации нищеты в деревне. Я думаю, что среди присутствующих есть такие товарищи, которые в свое время бывали на положении безработных и знают, какое это величайшее несчастье для человека; И вот уже третий год мы не знаем безработицы, и наши рабочие не знают того чувства постоянной боязни лишиться работы, постоянной неуверенности в завтрашнем дне, которое тяжелым бременем висит над

каждым европейским и американским рабочим.

Помимо этих моментов, тесно связанных с материальным положением нашего рабочего, ликвидация безработицы является громадным плюсом и с точки зрения народнохозяйственной. Надо сказать, что в 1926 году мы имели зарегистрированных безработных около 1 миллиона человек, в 1928 году их было 1,5 миллиона. Полтора миллиона безработных обходились государству примерно (не все еще подсчитано) около 1 700 миллионов рублей в год. Если бы мы не сумели ликвидировать безработицу, то, несомненно, в данное время, скажем, в 1932 году, мы тратили бы в результате этой безработицы 2–3 миллиарда рублей в год. Вы понимаете, товарищи, каким громадным ущербом это явилось бы для всего нашего народного хозяйства.

Сейчас мы приступили к выполнению плана второй пятилетки. Пока мы имеем записанный и установленный план работы на 1933 год, в ближайшее время полностью будет утверждена вторая пятилетка.

Основным для второй пятилетки является то, что нам надо сейчас мобилизовать себя таким образом, чтобы в кратчайший срок суметь полностью овладеть всем тем, что было нами создано на протяжении первой пятилетки. Я имею в виду не только освоение новых гигантов промышленности, но я имею в виду освоение той техники, которая вложена как в новые, так и в старые предприятия нашей промышленности. Это огромная, совершенно исключительная задача, которая стоит перед каждым из нас и решение которой требует напряженной работы, подъема на более высокую ступень качества и организации руководства промышленными предприятиями.

Первая пятилетка имела свои задачи — задачи проведения индустриализации нашей страны наиболее ускоренными темпами.

Задачи второй пятилетки будут заключаться в освоении в кратчайший срок всего того, что мы создали до настоящего времени. Нам необходимо полностью овладеть всей этой новой техникой, новыми заводами и установками и организовать производство таким образом, чтобы в ближайшее время загрузить полностью весь имеющийся у нас огромный производственный аппарат, оборудованный согласно требованиям современной передовой техники.

Не говоря уже о новых заводах, подсчитано, что наши старые заводы имеют еще в данное время запасную, резервную мощность от 25 до 30 %. Всем этим мы должны, товарищи, овладеть. Отсюда для второй пятилетки мы берем уже несколько менее ускоренные темпы, чем те, которые были в первой пятилетке.

Это, товарищи, отнюдь не значит, что наше абсолютное движение вперед станет медленным. Об этом очень понятно и исчерпывающе сказано в докладе товарища Сталина. Если в 1925 году каждый процент прироста нашей продукции давал всего 45 миллионов рублей, а в 1928 году каждый процент равнялся 126 миллионам рублей, то в 1933 году каждый процент прироста промышленной продукции составляет уже 320–340 миллионов рублей. О чем говорят эти цифры? Они говорят о нашей возросшей во много раз индустриальной мощи. Они говорят о том, что если 66 % прироста продукции в 1925 году составляли всего 3 миллиарда рублей, то 16 % прироста продукции в 1933 году составляют свыше 5 миллиардов рублей, т. е. почти вдвое больше. Это надо помнить для того, чтобы совершенно ясно представить себе, что означают в условиях второй пятилетки те или другие проценты прироста.

Мы накопили на протяжении первой пятилетки порядочно опыта, обогатили наши знания, научились лучше работать, и все это нам нужно приложить на протяжении второй пятилетки, с тем чтобы, двигаясь менее ускоренными темпами на протяжении первых лет второй пятилетки, через два-три года суметь развернуть наши творческие силы таким образом, чтобы двинуться вперед быстрее, опираясь на новые громадные технические возможности, которые имеются в нашей социалистической промышленности.

СДЕЛАЕМ КОЛХОЗЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БОЛЬШЕВИСТСКИМИ

Перехожу к нашему сельскому хозяйству. Здесь мы на протяжении пятилетки, опираясь на достижения, которые мы имели в промышленности, также достигли громадных успехов. Заложив основу, укрепив нашу тяжелую промышленность, создав мощную техническую базу индустриализации, мы тем самым получили возможность развернуть социалистическую перестройку нашего народного хозяйства в других областях — и в сельском хозяйстве, и на транспорте, и в коммунальном хозяйстве, и во всех прочих областях нашей народнохозяйственной работы. Но особенным вниманием партии пользовалось наше сельское хозяйство, и это понятно. На протяжении этой пятилетки мы решали кардинальную задачу, ту задачу, о которой говорил в 1928 году товарищ Сталин, задачу объединения индивидуальных крестьянских хозяйств в обобществленные хозяйства, развития совхозов, ликвидации капиталистических элементов деревни на базе сплошной коллективизации.

Сейчас, как вы уже знаете, мы вместо 23–25 миллионов распыленных индивидуальных

крестьянских хозяйств имеем около 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов, причем эти 200 тысяч колхозов обслуживаются 2 446 машинно-тракторными станциями, этими основными рычагами технической реконструкции сельского хозяйства. Благодаря этому мы получили возможность в значительной степени повысить эффективность нашего сельского хозяйства. Если в начале пятилетки мы получали от нашего сельского хозяйства около 600 миллионов пудов хлеба для государства, то сейчас эта цифра достигает уже 1 200—1 400 миллионов пудов. Посевные площади за это время увеличились на 21 миллион гектаров, причем технические культуры расширились на 75 %. В частности в нашей Ленинградской области основная техническая культура — лен — увеличилась за эту пятилетку на 75 %.

Здесь, как и в промышленности, нельзя говорить только о количественной стороне дела, здесь также необходимо иметь в виду, что каждый наш шаг в перевооружении сельского хозяйства надо рассматривать в первую очередь с точки зрения качественного переворота в нашем сельском хозяйстве, и в этом отношении мы имеем также чрезвычайно показательные цифры. К началу пятилетки у 27 % крестьянских хозяйств не было рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, и 47 % крестьянских хозяйств имели только пахотный инвентарь, другого не было. Таким образом, в итоге, 74 % крестьянских хозяйств или совсем не имели никакого рабочего скота и инвентаря, или имели только пахотный инвентарь.

Что же мы имеем к концу первой пятилетки? 25 % крестьянских хозяйств имеют уже целую систему сложных машин, 30 % крестьянских хозяйств имеют набор машин для конной тяги, не только для пахотной работы, но и для прочих сельскохозяйственных работ. Таким образом, больше половины крестьянских хозяйств обеспечено достаточно совершенным сельскохозяйственным инвентарем. Надо иметь в виду, что к началу пятилетки 40 % крестьянских хозяйств молотили хлеб вручную, цепом, чем молотили еще при Владимире Мономахе. В 1933 году мы ставим задачу — и думаем, что осуществим ее на все 100 %, — производить обмолот машинами.

Вот те немногие показатели, которые я привел для того, чтобы показать, каким стремительным темпом идет реконструкция нашего сельского хозяйства. Я не говорю о том, какое громадное количество тракторов, автомобилей и прочей тяговой силы мы перебросили в наше сельское хозяйство. Достаточно сказать, что в 1932 году на полях нашего Союза работало 148 тысяч тракторов. В нашем сельском хозяйстве происходит сейчас громадная техническая революция, значение которой тем более важно, что наше сельское хозяйство еще вчера представляло собою совершенно отсталый участок. Главная задача, поставленная пятилеткой в области сельского хозяйства, заключалась в проведении коллективизации.

Если взять на круг по Союзу, мы имеем свыше 60 % крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, причем около 70 % лучших, надо подчеркнуть, земель находится в распоряжении обобществленного сектора. Таким образом, задача коллективизации нашей деревни на протяжении первой пятилетки решена, и решена прочно.

«Теперь вопрос стоит уже не об ускоренных темпах коллективизации, и тем более не о том — быть или не быть колхозам, — этот вопрос уже решен положительно. Колхозы закреплены, и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими. В этом теперь главное» / Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 500, изд. 10-е / Есть еще много, конечно, недочетов и изъянов в практике колхозного строительства. Но в основном дело коллективизации нашей деревни в основных районах закончено.

Однако находятся люди, которые за отдельными недостатками в колхозном строительстве не замечают этого величайшего завоевания партии, не понимают значения проделанной нами работы в деревне. Ведь надо понять, что коллективизация нашей деревни это не просто организационная перестройка, — это громадный исторический сдвиг.

Ведь трещат вековые устои, ломаются предрассудки, которые долгое время владели многомиллионной деревней.

Происходит социалистическая перестройка деревни, и только наивные люди могут думать, что все это может проходить без изъянов, без трудностей.

Так может рассуждать только тот человек, который в экономике ничего не смыслит. Достаточно провести параллель с тем временем, когда мы только приступали к организации нашей социалистической фабрично-заводской промышленности. Вспомните, какие громадные трудности пришлось преодолеть нашей партии, когда налаживалась социалистическая промышленность. А в деревне мы имеем гораздо более сложные и тяжелые условия, и тем не менее, в основном, повторяю, задача социалистического переустройства деревни нами решена.

Если говорить о прочности смычки между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней на этой новой производственной базе, на базе новой современной сельскохозяйственной

техники, которую город дает деревне, рабочий — крестьянину, мы сейчас имеем смычку такой прочности, какой мы никогда не имели.

Главное на данном этапе заключается в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и в овладении всей той массой технических средств и орудий, которые мы в таком изобилии направляем в деревню. Это очень сложная задача, которая стоит не только перед товарищами, непосредственно работающими в деревне, но и перед всей нашей коммунистической партией.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ВАЖНЕЙШИЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ

Товарищи, я уже сказал, что пленум наметил программу работ на 1933 год, на первый год второй пятилетки. Я не буду подробно останавливаться на ней, скажу лишь об основных показателях. Важнейшие хозяйственные задачи 1933 года подробно изложены в докладах товарищей Молотова и Куйбышева.

Мы намечаем рост продукции на 1933 год по всей нашей промышленности на 16,5 %, причем производительность труда должна подняться на 14 %. По тяжелой промышленности мы намечаем прирост продукции на 21,2 % и прирост производительности труда на 16,5 %. По легкой промышленности — на 10,5 % и производительность труда должна вырасти на 12 %. Рост продукции пищевой промышленности намечен на 13 %, производительность труда должна повыситься на 15 %. Лесная промышленность должна увеличить свою продукцию на 12 % и поднять производительность труда на 18 %.

В сельском хозяйстве, оставляя существующие размеры посевных площадей, мы поставили перед собой задачу поднять урожайность в среднем на 13 %. По такой важнейшей для нашей области культуре, как лен, мы должны поднять в 1933 году урожайность на 20 %.

Вот общие показатели первого года второй пятилетки. Мы здесь совершенно сознательно берем упор на качественную сторону дела как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Теперь каждой фабрике и заводу необходимо во главу угла поставить задачу повышения качества продукции. Необходимо поставить во всю ширь вопрос о снижении себестоимости этой продукции. Необходимо на производительность труда начать смотреть несколько иначе, чем мы смотрели до настоящего времени. Основное, что отличает план 1933 года — это качественные показатели. Тем большей работы, напряженной большевистской работы план 1933 года потребует от нас.

Большая работа, товарищи, предстоит нам на протяжении 1933 года в отношении нашей деревни. Я уже сказал вам о тех достижениях, которые мы имеем в деревне, но было бы большой ошибкой недооценить те недостатки, те отрицательные стороны, которые мы там имеем. Выступление по этому поводу товарища Сталина каждому из вас я рекомендую самым внимательным образом прочесть, и не только прочесть, но и тщательно продумать и понять.

Надо сказать, что если основная линия, основное направление нашей работы в области сельского хозяйства было безусловно правильно, то в отдельных местах у нас получились в нашей деревенской работе известные изъяны. Главный источник недостатков в деревенской работе, как это с исчерпывающей глубиной показал товарищ Сталин, в том, что многие сельские и ряд областных организаций не поняли новых условий, новой обстановки в деревне, созданных победами в колхозном строительстве, не поняли новых задач партийного руководства. В результате дело было предоставлено зачастую самотеку. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что не всегда правильно учитывалось соотношение между промышленностью и сельским хозяйством.

Мы все усвоили, так сказать, основные «азы» нашей политики, заключающиеся в том, что городская промышленность, особенно тяжелая, играет ведущую роль. И это, конечно, правильно, потому что если мы решаем основные вопросы в нашей промышленности, особенно в тяжелой, то тем самым мы предопределяем в основном и решение всех других вопросов, в том числе и вопроса о нашем сельском хозяйстве.

Однако нельзя это дело схематизировать и представлять так, что все идет автоматически, в раз установленном порядке. Впереди идет тяжелая промышленность, за ней легкая, пищевая, лесная и всякая другая, и потом уже идет сельское хозяйство, — так все это громадной колонной и шествует стройно, одно за другим. На деле, на практике все это получается, гораздо сложнее, и вот в этой практической сложности не сумел разобраться ряд наших работников, особенно на местах. У многих голова закружилась еще и потому, что мы, опираясь на развитую тяжелую индустрию, в короткий срок сумели в основном реконструировать наше сельское хозяйство и в техническом и в социальном отношении, как я уже говорил. Это окончательно укрепило их в мысли, что теперь сельское хозяйство уже само по себе пойдет за промышленностью.

Они, примерно, рассуждали так, что если в деревне имеется громадная сеть машинно-тракторных станций, имеется мощная техническая база, если большинство крестьянских хозяйств обобществлено, коллективизировано, если кулака мы уже разгромили достаточно основательно, то

теперь о чем же говорить, теперь там дело в полном порядке и нужно только наблюдать и регистрировать.

Но на деле вышло иначе, на деле оказалось, что колхозы сами по себе без надлежащего руководства, без надлежащего нашего партийного вмешательства могут повернуться таким образом, что вместо положительных мы будем иметь отрицательные результаты. Это может получиться не только с колхозами, но и с любым мероприятием, будь оно двадцать тысяч раз коммунистическим, социалистическим по форме, если при проведении его не будет на всех решающих участках обеспечено твердое, настоящее большевистское руководство. Об этом многие наши работники забыли, и на практике получилось, что в ряде мест колхозы, а иногда и совхозы оказались в руках враждебных нам классовых элементов. Выходцы из капиталистической среды, остатки разбитых нами старых капиталистических классов, разного рода авантюристы, темные элементы и явные контрреволюционеры оказались в ряде мест у руководства нашей колхозной работой. Особенно сильно сказалось это за истекший 1932 год на практике такой важнейшей кампании, как хлебозаготовки, которые во многих отношениях явились проверкой всего качества нашей работы в деревне.

Многие решили, что, поскольку хлебозаготовительный план понижен, постольку выход товарной продукции должен быть больше, чем в прошлом году, и урожай лучше, чем в прошлом году, — очевидно, что хлеб пойдет сам собой, а нам остается только сесть и принимать его. Но они забыли, что хотя свыше 60 % крестьян и находится в колхозах, в обобществленном секторе, но все-таки вчерашний единоличник-индивидуалист еще далеко не стал социалистическим работником.

Крупнейшую ошибку допустил ряд наших товарищей и в области колхозной торговли. Они не поняли, что новая обстановка в связи с этим делает более сложным и ответственным проведение всех заготовок, и в частности заготовок хлеба. Они не поняли, что один факт наличия двойной цены создает в неустойчивой, во многом еще мелкособственнической психологии колхозника стимул к тому, чтобы уклониться от важнейших государственных обязательств. И вот, увидев и поняв только одну сторону колхозной торговли, поняв, что партия разрешила торговать колхознику, забыли о том, что партия разрешила торговать только после выполнения государственных заготовок.

И не удивительно, что при таком «понимании» соответственно строилось и «руководство» колхозной торговлей на местах, что это «руководство» сводилось к стихийности и самотеку. Прямым результатом этого явилось вздувание цен и попытки классового врага использовать колхозную торговлю в своих интересах. Поэтому совершенно правильны те мероприятия, которые мы намечаем сейчас и которые должны внести в дело колхозной торговли необходимую организацию и» в частности, понизить непомерно вздутые цены.

Повторяю, обо всем этом с исключительной яркостью сказано в речи товарища Сталина о работе в деревне, в речи, которая является важнейшим документом, освещающим ряд наиболее сложных вопросов нашей работы в деревне. Именно в отношении работы в деревне нам необходимо скорейшее устранение недостатков, указанных товарищем Сталиным. Надо сказать, что деревня потребует от нас исключительного внимания, в особенности на протяжении ближайших двух лет. Старая психологическая закваска крестьянина-индивидуалиста еще очень крепка и в течение известного времени будет давить на сознание крестьянина и будет мешать осуществлению ряда мероприятий нашего правительства и нашей партии. Но, поскольку основные недостатки нашей работы в деревне сейчас ясны, я думаю, не потребуется много времени, чтобы их выправить, тем более, что мы выявили, откуда проистекают наши недостатки, а тем самым нашли и способы их устранения.

Укрепление нашей коммунистической партии на селе должно сыграть решающую роль в деле оздоровления всей нашей работы в деревне. Тут надо прямо сказать, что в ряде мест наши партийные организации в деревне, в том числе и в нашей Ленинградской области, оставляют желать много лучшего. У нас есть засоренность чуждым элементом наших партийных рядов, и это, конечно, прежде всего сказывается в деревне. И поэтому нам нужно начать крепить дело в первую очередь «с нашей партийной организации. Товарищ Сталин прав, когда он говорит, что за неудачу, недостатки отвечает прежде всего коммунист, прежде всего наша коммунистическая организация, включая и секретарей наших областных комитетов партии.

Если во главе колхоза стоят люди, преданные нашей партии и Советской власти, умеющие вести дело по-революционному, — там дело идет прекрасно. Если же во главе колхоза стоит классовый враг — вчерашний дьякон, кулак, белогвардейский офицер, петлюровец и т. п. — там дело идет из рук вон плохо и поворачивается против нас.

Вся работа в деревне определяется уровнем работы нашей партийной организации и качеством наших партийных рядов, и именно на укрепление этого решающего звена направлены последние мероприятия ЦК нашей партии.

В обстоятельном докладе товарища Кагановича были намечены практические мероприятия по улучшению партийной работы в деревне на основе создания политотделов при МТС и совхозах.

Когда вы читаете о создании политотделов при МТС и совхозах, то не понимайте задачу узко, что строится новое партийное учреждение и этим дело ограничивается. Ничего подобного, — это начало укрепления, и, может быть, не будет преувеличением сказать, начало создания настоящей, подлинной большевистской партийной организации на селе. Сейчас вопрос поставлен так, что без этого мы основных задач нашей работы в деревне не разрешим, тем более не разрешим, что сейчас в деревенской работе мы имеем новую, отличную от прошлой обстановку, которая, наряду с громадными достижениями и возможностями дальнейшего социалистического роста, порождает и новые своеобразные трудности, которых мы раньше не имели.

Когда раньше у нас было море индивидуальных, разобщенных крестьянских хозяйств, перед нами не стояла задача руководства, планирования и контроля каждого отдельного хозяйства.

Сейчас положение другое, сейчас мы имеем в деревне 200 тысяч колхозов, т. е. 200 тысяч крупных сельскохозяйственных предприятий. Этими предприятиями нужно руководить, эти предприятия нужно направлять по определенному руслу, эти предприятия нужно каким-то образом планировать, для чего необходимо, прежде всего, совершенно твердое, устойчивое партийное руководство, — только после этого можно будет решать все остальные задачи.

Таким образом, на ближайшие 1 — 1,5 — 2 года нам нужно громадную долю нашего партийного внимания, а соответственно и большую долю наших партийных кадров перенести на деревню.

НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ КАЧЕСТВО ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ

Мы начинаем работу по выполнению плана второй пятилетки. Если первая пятилетка завершила дело построения фундамента социализма в нашей стране, то вторая пятилетка должна будет поднять всю нашу социалистическую стройку на недосягаемую высоту, должна будет, как это записано в решениях нашей последней партийной конференции, окончательно ликвидировать классы и уничтожить причины, порождающие возникновение классовых различий и эксплоатацию человека человеком.

Мы, товарищи, на протяжении первой пятилетки решили величайшую задачу, задачу ни в коей мере не меньшую той, которую мы решили в великие Октябрьские дни, когда впервые в истории пролетариат взял власть в свои руки. Это было величайшее событие мировой истории, и вторым величайшим историческим событием является осуществление первой пятилетки, когда социализм из области теории претворился в практику, когда пролетариат огромной страны показал всему миру, как надо строить социализм.

Вспомните, товарищи, завет В. И. Ленина, который часто и крепко напоминал нам, что успехи нашей социалистической стройки являются лучшим и самым убедительным агитатором за дело коммунизма, что рабочие и угнетенные всего мира будут относиться к нашему Советскому Союзу в зависимости от того, как мы на деле, на практике будем двигать вперед дело нашей социалистической стройки. Вот эта наша конкретная социалистическая работа — лучший агитатор и лучший пропагандист за дело коммунизма не только в нашей стране, но и во всем мире.

Первая пятилетка завершена с успехом. Вторая пятилетка поставила новые гигантские задачи. И важнейшей из этих задач является поднять на новую, высшую ступень качество всей нашей работы.

Надо вам сказать, что если в общем и целом мы имеем в своем активе такие громадные успехи, если мы успешно ликвидировали вековую отсталость нашей страны и по целому ряду показателей, в том числе и по качеству технического оборудования ряда наших заводов, уже догнали и перегнали передовые капиталистические страны, то вместе с тем, подытоживая все эти громадные достижения, нельзя не остановиться и на ряде отрицательных сторон и недостатков в нашей работе. Я уже приводил вам основные цифры о том, как мы выполнили пятилетний план по промышленности в Ленинграде. Мы занимаем не последнее место в общих рядах индустриальных центров нашей страны, но если в порядке самокритики, — благо есть в зале и хозяйственники, и профработники, и партийные работники, т. е. представители всех звеньев нашей работы, — остановиться на наших отрицательных сторонах, то их найдется у нас немало.

Я хотел бы на пару минут привлечь ваше внимание к тому, что мы называем качественными показателями работы нашей промышленности; под этим мы понимаем себестоимость, производительность труда, брак и т. д., — те показатели, которые у нас часто отступают на второй план перед показателями количественного роста.

У нас в Ленинграде есть прекрасные заводы-гиганты с большим прошлым, с громадными революционными традициями, с первоклассным техническим оборудованием. Многие из этих заводов недурно выполнили свой промфинплан по общему выпуску продукции, многие из них добились крупных технических достижений. Но когда переходишь к качественным показателям их работы, видишь другое.

И для того, чтобы найти завод, который справился не только с количественными, но и

качественными показателями программы, приходится, товарищи, обойти гигантов и обратиться к заводам, так сказать, второй величины. Вот здесь мы действительно находим предприятия, достойные того, чтобы о них говорить на данном собрании, чтобы их поставить в пример другим.

Я вам назову, товарищи, такой относительно небольшой для нашего ленинградского масштаба завод, как «Красный инструментальщик». Он выполнил годовую программу по валовой продукции на 138 %, поднял производительность труда на 38 % выше плана и на 68 % по сравнению с 1931 годом, снизил себестоимость на 30,8 %, в то время как по плану дано снизить на 12,8 %.

Как видите, показатели неплохие, и остается пожелать, чтобы завод в 1933 году остался на том же высоком уровне.

Я вам назову и второй завод, завод побольше — «Красный гвоздильщик». Годовую программу он выполнил на 116 %, производительность труда поднял на 14 % сверх плана и на 25 % к 1931 году, несколько недотянул по себестоимости — снизил на 8,2 % вместо 9,5 % по плану.

Затем «Красный металлист». Программу выполнил на 166 %, производительность труда увеличил сверх плана на 21 %, себестоимость снизил на 12,1 % (по плану — на 12,3 %).

Завод имени Энгельса. Программу выполнил на 122 %, производительность труда составляет к плану 106 %, себестоимость снизил на 19,4 % вместо 7,5 % по плану.

Неплохо работали заводы «Кооператор», «Ильич», имени Молотова, имени Войкова. Я перечисляю вам эти заводы, а ведь они не так уже популярны. Ведь если взять завод «Красный инструментальщик», то во всей стране его, пожалуй, не знают, да и в Ленинграде не крепко знают. А вот если взять такие заводы — директора, наверно, здесь — как, скажем, Путиловский — весь мир его знает, металлический завод имени Сталина тоже хорошо знают, и другие, — там насчет программы еще можно козырнуть, а вот насчет качественных показателей не выходит.

Я вам назвал предприятия, которые могут для десятков других, в том числе и для заводов, превосходящих их размерами во много раз, быть примером, как надо работать, каких показателей надо добиваться. Но я мог бы вам привести и ряд других примеров, примеров того, как работать нельзя.

Есть такая фабрика имени Дзержинского. В первом квартале на этой фабрике было брака 38 %, а себестоимость вместо понижения поднялась на 19 %. Во втором квартале брак составлял 27 %, а себестоимость поднялась на 12 %. В третьем квартале брак составлял 39 %, а себестоимость повысилась на 14 %. В четвертом квартале брак составлял 59 %, а себестоимость поднялась на 8 %. Прочел я эти цифры и не поверил, попросил проверить, что-то тут уж очень сногсшибательные «успехи» накануне второй пятилетки. Оказалось — правильно.

Дальше, Невхимкомбинат — это химический завод, который знает вся страна; там программа выполнена на 69,3 %, производительность труда — на 87 % вместо 100 % нормальных, а зато заработная плата поднялась сверх плана на 28,6 %, себестоимость увеличилась на 21 %. Завод новый, недавно работает, но так работать, как работает Невхимкомбинат, не выйдет — и особенно накануне второй пятилетки.

К чему я все это, товарищи, веду? Я хочу подчеркнуть, какие сложные и серьезные задачи стоят перед нами во второй пятилетке, и хочу разбить те настроения, которые кое-где проглядывают. Некоторые говорят, что первая пятилетка была такая крутая, так быстро шли вверх, что тяжело было, а теперь «полегче стало», темпы пониже, можно будет передохнуть.

И вот этих товарищей, любителей преждевременного отдыха, я должен предупредить, что их ждет большое разочарование. Дать прирост продукции больше чем на 5 миллиардов за один год, да еще выдержать полностью качественные показатели, это, товарищи, далеко не легкая задача. И тысячу раз прав товарищ Сталин, когда он говорит, что для выполнения всех этих задач мы должны энтузиазм и пафос нового строительства

«дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.

В этом теперь главное» / Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 494, изд. 10-е./.

Пафос и энтузиазм, а не отдых и самотек! Тот, кто рассчитывает выполнить план первого года второй пятилетки сложа руки, на волнах самотека — плохой хозяйственник и плохой коммунист.

Я уже говорил вам о таких качественных показателях, как себестоимость, производительность труда и т. п. Я хочу обратить ваше внимание и на вопросы качества в прямом смысле, в смысле непосредственного качества выпускаемой продукции. Нужно сказать, что на этом участке у нас особенно много изъянов. Правда, мы уже научились выпускать целый ряд изделий, не уступающих по качеству самым лучшим заграничным образцам. Мы уже выпускаем генераторы здесь у нас, в

Ленинграде, на «Электросиле», которые, по отзывам большинства наших электростанций, работают не хуже импортных заграничных генераторов. Мы освоили за последний год производство ряда сложнейших приборов и машин. Я вам уже упоминал заводы имени Энгельса и «Красный инструментальщик». Помимо перечисленных цифровых показателей, эти заводы сумели добиться высокого качества своей продукции. По отзывам наших обувных фабрик, те обувные машины, которые делает завод имени Энгельса, не уступают лучшим заграничным образцам. «Красный инструментальщик» добился в 1932 году выпуска 75 % микрометров высшего класса точности.

Этот список я мог бы продолжить и отнять у вас этим перечислением очень много времени. Но, к сожалению, еще больше можно продолжить, и еще больше времени отняло бы у вас перечисление буквально позорных изъянов в качестве продукции, выпускаемой рядом наших фабрик и заводов и рядом артелей нашей промкооперации. Я начну с последней, ибо, несмотря на всю свою внешнюю скромность в сравнении с гигантами нашей индустрии, промкооперация играет и должна играть большую роль в деле снабжения наших рабочих и крестьян предметами ширпотреба.

В этой области мы имеем особенно много изъянов и явных безобразий.

Есть такая артель белодеревцев; туда ездила целая комиссия, проверяла работу, и что же? — сколько изделий ни проверили, ни одно изделие не отвечает требованиям в смысле качества продукции. Эта артель объединяет белодеревцев, — это верно, но нужно посмотреть, нет ли там белогвардейцев у руководства этим делом. То же самое в артели «Деревообделочник», где тоже нет ни одного изделий, где бы не было того или другого дефекта. Почти то же самое в артели «Металл» и в ряде других. И на этой почве порой дело доходит до печальных курьезов. Приведу вам один случай, который был выявлен уже в торговой сети, т. е. там, где продукция уже непосредственно ждет того, чтобы попасть в руки потребителя. Есть такая организация, как Ленпромторг, которая в числе прочего торгует музыкальными инструментами. Мы же люди теперь культурные, занимаемся вопросами искусства, в том числе музыкой; наша музыкальная промышленность не только гармошками занимается, но делает и сложные вещи, например такой симфонический инструмент, как флейта. Цена флейты — 700 рублей. Привезли эту флейту в торговую сеть; там, прежде чем продать, испытали, и оказалось — пустяковое дело, — флейта, как флейта, все клапаны отполированы, на вид — красота, но один лишь «маленький недостаток» — не играет.

И вы думаете, что такого рода вещи, такого рода безответственное отношение к качеству выпускаемых изделий имеет место только в артелях, только в мелких предприятиях? Ничего подобного. Этим грешат и более солидные организации — наши большие заводы. Получить в срок хороший серьезный заказ с большого завода — дело в высшей степени трудное, редко кто из директоров «способен» большой заказ выполнить в срок.

Если говорят, что заказ надо сдать к 1 марта, то это вовсе не значит, что заказ к 1 марта действительно будет готов. Правда, директор заказ принимает, обязательство подписывает, но чтобы пошевелиться и сдать заказ к сроку — этого не ждите. Получается на манер старого прожженного купца — он никогда вам в срок не платил денег, он считал, что если в срок заплатит, то всякое уважение потеряет к себе. И наши директора рассуждают так, что, мол, заказ надо взять, но чтобы его во-время сделать, об этом не думают. Это в отношении сроков. А возьмите в отношении комплектности. Если малоопытный в этом отношении человек попадет на завод, ему показывают большие агрегаты, уникумы для больших заводов, поводят около них, похвастают, а на вопрос о готовности ответят, что машина выполнена «в основном». Это слово «в основном» в промышленности прививается все больше и больше. Что значит «в основном»? Это значит, что агрегат привезли заказчику, собрали, и тут выясняется, что не привезли плиты, на которой он должен стоять: она еще не готова; потом придет плита; пока устанавливают плиту, оказывается, нет болтов — они еще не сделаны. К сожалению, так еще бывает иной раз в нашей практике.

Мы умеем строить пароходы, теплоходы, рефрижераторы, многие из них сделаны очень прилично, тральщиков несколько десятков сделали, а посмотрите, как наши тральщики работают. Машина на месте, плавает неплохо, но лебедка, оказывается, плохо работает, как раз та лебедка, которой надо вытаскивать трал. И вот ходим около трала, вместо того чтобы вытащить трал в положенное время, и много часов приходится ждать, пока лебедка наша вытащит трал. Сплошь и рядом, товарищи, мы на этих мелочах терпим серьезный урон в практической работе. Много недостатков еще и в кооперировании заводов. Я основной выполнитель заказов, но все выполнить не могу, мне не хватает, скажем, литья, стального или какого-нибудь другого, другой завод должен его сделать. Вот тут-то и начинается зачастую настоящая канитель. Если для себя заказ с грехом пополам каждый директор еще старается более или менее в срок уложить, то для другого завода этого уж не получается.

Я это веду к тому, что на протяжении второй пятилетки нам надо со всей этой расхлябанностью кончать и кончать самым решительным, самым революционным образом.

Возьмем план. Вот составляется план на 1933 год. Как у нас отдельные хозяйственники на план смотрят? Это, говорят, там запланировано, а как, что выйдет, это еще посмотрим. А чем в действительности должен быть план для директора завода, председателя объединения или треста?

План — это приказ. Это значит — выполняй и не рассуждай. А как у нас иной раз происходит? Формально план примут, но выполнять по-большевистски не будут.

Возьмем, далее, выполнение важнейших заказов. На весь Союз мы нашумели заказами для черной металлургии. В газетах нашим директорам объявлены выговоры. Дается приказ — выполнить такой-то заказ. Проходит месяц, два, три, а завод не только не выполняет заказа, а даже не приступает к выполнению, и только после того, как его берут как следует по партийной линии, заказ начинают выполнять. Разве так можно работать? Не выйдет дело. Если так работать, то никаких качественных показателей мы не сумеем дать в 1933 году. Во второй пятилетке мы должны работать по-настоящему, на все 100 % во всех отношениях. Работать и руководить по-новому, как это подчеркивал товарищ Сталин, мы должны научиться во что бы то ни стало.

Это относится к срокам и качеству, это целиком относится к стоимости. Ведь до сих пор мы все еще мало интересуемся тем, чтобы подсчитать, что такая-то машина, такой-то станок, такое-то изделие стоит столько-то. Мы меньше всего думаем о том, чтобы мобилизоваться и сделать возможно дешевле, потому что это крайне необходимо, крайне нужно. Тут, товарищи, надо очень крепко подтянуться.

И в этом деле громадную роль должна сыграть наша работа над кадрами. Работа над кадрами, их распределением, расстановкой, воспитанием имеет колоссальное значение. Надо иметь в виду, что за прошедшую пятилетку мы и по линии кадров много продвинулись вперед. Например, если взять по линии тяжелой промышленности, то у нас инженеров с дипломами стало вдвое больше. Это большое достижение. А сейчас у нас колоссальное количество всяких школ, которые готовят новые и новые десятки молодых пролетарских специалистов, которые в ближайшие годы вольются в нашу промышленность. И в этих условиях правильная расстановка наших кадров имеет важнейшее значение.

КРЕПИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ ВО ВСЕХ ЗВЕНЬЯХ НАШЕЙ СТРОЙКИ

Товарищи, одним из ближайших условий всемирно-исторических побед первой пятилетки была самоотверженность рабочего класса, его революционный энтузиазм, нашедший свое выражение в развернутом социалистическом соревновании и ударничестве, встречном промфинплане и хозрасчетных бригадах.

Вступая во вторую пятилетку, мы должны научиться лучше организовывать инициативу масс, поднять качество социалистического соревнования и ударничества.

Из всех задач, стоящих перед нами, я хотел особенно выделить вопрос о дальнейшем улучшении рабочего снабжения. Вы знаете, что этим вопросом за последнее время особенно много занимался ЦК и, в частности, товарищ Сталин. Вы знаете, что в результате проведенных ЦК мероприятий мы уже добились несомненного улучшения в деле снабжения рабочих таким основным продуктом питания, как мясо. Сейчас ЦК и СНК проводят ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы улучшить снабжение рабочих жирами и молочными продуктами. И в деле снабжения, как во всех других отраслях, решающее значение также имеет качество нашей работы. Правильно организовать дело снабжения, довести фонды снабжения до рабочего, отсеять всех прихлебателей и тунеядцев, дать по рукам ворам и всем пытающимся примазаться к делу снабжения — в этом сейчас заключается основная задача наших снабженческих и хозяйственных организаций.

И второе, — что мы неоднократно повторяли, что в своих решениях записал сентябрьский пленум ЦК, — это развитие местной инициативы. И здесь, товарищи, дело не только в количестве. Можно завести много свиней, много коров, на бумаге все это будет выглядеть очень внушительно, но если всю эту скотину оставишь без корма, ничего не получится, кроме конфуза. Добиться того, чтобы скот был обеспечен кормами, не падал и не болел, чтобы каждая корова давала максимальный удой, чтобы каждая свинья давала максимальный нагул, чтобы каждый гектар огорода давал максимальный, а не минимальный, как это сейчас бывает, урожай, — вот какую задачу должны поставить перед собой и наши кооператоры, и наши директора, и вновь организованные отделы рабочего снабжения.

Мы должны добиться четкой ответственности во всех звеньях нашего аппарата и жесткой дисциплины. Мы много раз говорили об этой задаче, но до сих пор, пожалуй, не ставили ее достаточно решительно. А теперь мы ее поставили и надеемся целиком разрешить. Многим из вас, быть может, покажутся странными слова «советская дисциплина». О партийной дисциплине слыхали, что такое военная дисциплина — знаем, а советская дисциплина — это что-то новое. И я боюсь, что для тех товарищей, которые этих слов действительно не понимают, они могут принести много неприятного. Ибо, товарищи, Советская власть есть диктатура пролетариата, и этого характера нашей власти мы не скрывали и не скрываем. Аппарат Советской власти есть аппарат диктатуры, и тот, кто этого не хочет понять, кто думает, что расхлябанность, безответственность, разгильдяйство будут и должны мирно жить в стенах советского аппарата, тот должен пенять сам на себя.

Советская, социалистическая дисциплина должна быть установлена в наших учреждениях, на наших фабриках и заводах. Мы должны покончить с таким положением, когда отдельные наши предприятия больше напоминают собой проходные дворы, чем организованную производственную единицу. Мы должны по-большевистски проводить последнее решение партии и правительства о прогулах и беспощадно выбрасывать из рядов партии, профсоюзов и хозорганизаций тех, кто попытается подменить борьбу за железную пролетарскую дисциплину на производстве гнилым либерализмом. И я знаю так же, как знает и всякий из вас, что в этой работе мы будем поддержаны всем, что есть лучшего и революционного в рядах рабочего класса.

Мы должны, товарищи, в этом первом году второй пятилетки добиться подлинной экономии и подлинного хозрасчета. Небрежное отношение к советскому рублю мы должны преследовать, как худший вид расточительства, мы должны научиться рассматривать перерасход, как растрату, мы должны уметь выявлять расхитителей, вытаскивать их на свет, клеймить их позором перед лицом всей нашей общественности и карать их по всей строгости наших пролетарских законов.

И мне хотелось бы сказать еще одно: вопросы качества работы, которые сейчас выпирают везде и всюду — и в городе, и в деревне, и на фабрике, и на заводе, и в советских учреждениях, где угодно, эти вопросы мы решим лучше, полнее и быстрее, если позаботимся в первую очередь об одном — это о поднятии партийности во всех звеньях и во всех секторах нашей работы. У нас иногда так говорят: партийная заповедь, партийное решение — само по себе, а тут дело техническое, причем тут решение ЦК, тут надо свою хозяйственную программу выполнять, тут вопросы техники, тут никакой особой партийности не требуется. Неверно это. Без повышения партийной идейности, партийной ответственности в работе на всех участках трудно будет разрешать те громадные задачи, которые стоят перед нами во второй пятилетке. Именно поэтому, товарищи, мы вынесли решение о необходимости чистки нашей партии, потому что без того, чтобы подтянуть наши партийные ряды, — без этого разрешить успешно задачи второй пятилетки будет трудно. Безусловно правильно поступил ЦК, принявший решение о чистке. Без очищения от шатких элементов, как сказал товарищ Сталин, партия не может укрепляться.

Товарищ Ленин учил, что партия может укрепляться, только освобождаясь от неустойчивых элементов, которые проникают в партию. Надо почиститься. У нас партия очень большая, мы за последние годы местами двери открывали широко, и, несомненно, что тут влилось в ряды партии известное количество вредного балласта. Эта чистка будет отличаться от всех предыдущих тем, что в ней будет меньше всякого рода формальных моментов, а будет больше проверки по существу, чтобы каждый член партии отчитался в том, как он проводит в жизнь генеральную линию партии, как он проявляет себя в деле конкретного проведения партийных решений, как он повседневно, ежечасно участвует в нашей гигантской социалистической стройке.

Я думаю, товарищи, что на пороге второй пятилетки великое звание члена партии надо поднять на такую высоту, на какой оно никогда еще не было. Это — большое и высокое звание, и, для того чтобы поднять его на должную высоту, нужно будет не останавливаться даже перед тем, чтобы, если потребуется, отсечь несколько сот тысяч человек. Конечно, не надо устанавливать никаких контрольных цифр, но все лишнее, все ненужное, все тормозящее, присосавшееся к партии надо самым решительным образом отсечь. Этого требует современная обстановка, этого требуют задачи второй пятилетки, этого требует переживаемое нами обострение классовой борьбы.

ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ВДОХНОВИТЕЛЯ И ОРГАНИЗАТОРА ПЯТИЛЕТКИ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

Мы добились, товарищи, решающих успехов, мы разрешили в пользу социализма основной вопрос «кто кого», мы разгромили классового врага и его агентуру, но было бы величайшей ошибкой думать, что мы впредь будем вести нашу социалистическую стройку без малейших затруднений, что все пойдет гладко и ровно, — ничего подобного!

Сейчас мы, товарищи, переживаем такой момент, когда представители оппозиций всех мастей вынуждены признать правильность генеральной линии партии и банкротство своих взглядов, признать ленинское руководство нашего ЦК во главе с товарищем Сталиным. Теперь, когда наша пятилетка выполнена в четыре года и почти на 100 %, теперь бывшие оппозиционеры выходят на трибуну, говоря: мы за партию, мы за ленинизм, мы за товарища Сталина и т. д. Вы читали покаянные речи Томского и Рыкова, почитайте их еще раз, но прежде чем прочитать, задайте себе такой вопрос: а какие бы они произнесли речи, если бы пятилетка вышла не так, как сейчас?

Есть ли у нас трудности в предстоящей работе? Безусловно, есть. Классовая борьба еще не окончена, остатки враждебных разбитых революцией классов еще не добиты окончательно, они рассеяны по всей стране, остатки, пережитки прошлого еще цепко живут в психологии, в навыках, в быту миллионов людей. И вот в этих условиях дисциплина, ленинская стойкость, чистота рядов нашей партии имеют совершенно исключительное значение. Ведь если завтра, а это вполне возможно, мы станем лицом к лицу с новыми затруднениями — что тогда получится? Если во главе колхоза или совхоза будет стоять коммунист, который за панибрата с кулаком, с попом, с бывшим офицером, то с такими «молодцами» далеко не уйдешь, с такими людьми успешной борьбы за

социализм не поведешь. И поэтому необходимо нашу партию почистить самым основательным образом и тем самым гарантировать ее от всяких шатаний, которые затрудняют нашу работу.

В этом отношении чрезвычайно показательны те факты, которые мы наблюдали на протяжении последних 3–4 месяцев. Не успели мы закончить дело контрреволюционной Рютинской группы, как вылезло другое дело, которое мы рассматривали на последнем пленуме ЦК, — дело группочки Эйсмонта, Толмачева, Смирнова и других. Правда, эта группочка не особенно многочисленна, но дело обстоит так, что такая группа все же создалась.

В чем же дело?

А дело в том, что, несмотря на то, что у нас безусловно превалирует социалистический сектор не только в городе, но и в деревне, несмотря на то, что капиталистические элементы мы вышибли с производственных позиций, несмотря на то, что кулачество ликвидировано в основных районах, остатки враждебных классовых сил имеются в большом количестве.

Они рассосались по нашей огромной стране, по всем каналам нашей сложной советской системы, проникли в наши советские, хозяйственные и даже партийные организации. Все это вместе взятое в обстановке острой классовой борьбы не может не находить отражения в отдельных звеньях нашей партии. Поэтому не удивительно, что Смирнов, Эйсмонт, выражая чаяния и интересы остатков разбитого революцией классового врага, додумались до того, что надо пойти назад в деле коллективизации, надо пойти назад в деле индустриализации, а для того чтобы этого достичь, надо изменить состав Центрального Комитета и руководство ЦК.

Товарищи, классовая борьба продолжается. Она продолжается и принимает новые формы в зависимости от новых этапов и задач нашей социалистической стройки. И сейчас, когда социализм победил и растет по всему фронту, когда место капиталистической основы эксплоатации человека человеком занимает общественная социалистическая собственность, активность классового врага направлена в первую очередь в эту сторону. Хищения, воровство, сознательная порча, утаивание от государства — вот сейчас методы и приемы классового врага. И плох тот коммунист, который не умеет распознать сейчас классового врага в его новом виде, кто представляет его по-прежнему обязательно с винтовкой или обрезом в руках и благодушно проходит мимо хищника, вора и вредителя.

Товарищи, в продолжение веков буржуазия объявляла свою частную собственность «священной и неприкосновенной». В течение веков буржуазия заливала потоками крови всякую попытку рабочего класса и трудящегося крестьянства посягнуть на «святость и неприкосновенность» этой, основанной на грабеже, насилии и обмане, собственности. И теперь, когда эта частная собственность на средства производства ликвидирована, когда пролетариат создал свою священную и неприкосновенную социалистическую собственность, осколки разбитых революцией классов всячески стараются подорвать Эту общественную собственность, основу социалистического строя. Здесь, на этом участке, проходит сейчас фронт ожесточенной классовой борьбы. Здесь проверяется бдительность каждого коммуниста, каждого честного советского работника, классовая стойкость каждого рабочего и колхозника. И именно здесь, на этом участке, мы должны со всей силой обрушиться на голову нашего классового врага, всей мощью нашей революционной законности, нашей пролетарской диктатуры. Очиститься от лодырей, тунеядцев, прихлебателей и паразитов, каленым железом выжечь хищения, растраты, воровство — в этом, товарищи, заключается сейчас одна из важнейших задач. Укрепление революционной законности в этой обстановке приобретает огромную политическую важность.

И вот все это вместе взятое еще и еще раз подтверждает мысль о необходимости чистки нашей партии. Я думаю, что во всей нашей дальнейшей партийной работе красной нитью должна проходить борьба за повышение и укрепление партийной дисциплины. Тут тоже, нечего греха таить, под влиянием успехов нашей стройки мы несколько распустились. Есть целые звенья, которые перестали представлять отряды боевых революционеров-большевиков.

Революционная теория и железная сознательная дисциплина — это ведь то, что, в конечном счете, крепко отличает нас от всех остальных партий. Ни одна партия не обладала и не может обладать такой железной дисциплиной, как наша партия. Ведь недаром же Ленин говорил, что тот, кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата. Это сказано не для красного словца. Каждый нарушающий партийную дисциплину подрывает мощь нашей партии, а тем самым увеличивает шансы нашего противника. В этом нет никакого сомнения.

Вот на эту партийную дисциплину в процессе чистки нужно очень крепко нажать всем нашим партийным организациям.

Товарищи, в 1917 году Ленин писал:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала

передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически…

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» / Ленин, т. XXI, стр. 191. / С тех пор, товарищи, как мы закончили восстановительный период, мы по-настоящему, вплотную занялись делом нашего социалистического строительства, главным образом за последние четыре года. И вот как говорил товарищ Сталин на последнем пленуме Центрального Комитета:

«Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства» / Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 512, изд. 10-е. /. Вот, товарищи, итоги нашей работы на протяжении первой пятилетки.

А что происходит вокруг нас? Тут я не буду утруждать ваше внимание, все вы знаете, в какой невероятной трясине находится на данном историческом этапе вся капиталистическая система Старого и Нового Света. Я не говорю уже о том страшном бедствии, в котором находится рабочий класс Европы и Америки.

Все вы знаете, в каком направлении представители современного империализма ищут выхода из того положения, в котором оказались капиталисты всех стран. Империалисты всех стран буквально со скрежетом зубовным оценивают наши достижения.

Товарищи, наша страна вступает во вторую пятилетку гораздо более крепкой, гораздо более сильной, чем она была, вступая в работу по выполнению плана нашей первой пятилетки. Но, товарищи, и ответственность и задачи, стоящие перед нами, также более сложны, чем они были четыре года тому назад. Четыре года тому назад мы с вами были значительно дальше от последнего, решающего боя с международным капитализмом, чем мы находимся сейчас, накануне второй пятилетки. Поэтому наша задача — отнюдь с не меньшей, а с гораздо большей энергией и самопожертвованием включиться в работу по выполнению плана великих работ нашей второй пятилетки.

Товарищи, партия, членами которой мы с вами являемся, не имеет себе равной в мире, партия наша крепнет с каждым днем. Руководство нашей партии находится в верных руках твердого ленинца. Центральный Комитет нашей партии возглавляется лучшим ленинцем, который является вождем всего Коммунистического Интернационала. На протяжении всей работы по пятилетнему плану мы, товарищи, неоднократно убеждались в том, какую исключительную историческую роль в деле нашей социалистической стройки играет товарищ Сталин. Организатором пятилетки, ее вдохновителем, организатором всемирно-исторических побед партии и рабочего класса в первой пятилетке был товарищ Сталин. Никто, как он, с такой твердостью не защищал пятилетнего плана, никто, как он, не защищал чистоты наших ленинских рядов, ленинских заповедей. Я думаю, что под этим надежным, испытанным руководством мы, несмотря на множество недостатков в нашей работе, так же победно, так же много осуществим в эти ближайшие годы, как мы сделали на протяжении первой пятилетки.

Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, для того чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, как мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И ТОВАРИЩ СТАЛИН ДАЮТ НАМ НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР ЛЕНИНСКОГО РУКОВОДСТВА

Из речи на объединенном пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) 9 февраля 1933 года

Наше руководство должно плотно и крепко охватить одновременно все основные отрасли нашей работы. Между тем возьмите любую работу и вы увидите, что это еще в редких случаях удается. Обычно так выходит: подналяжем на хлеб — начинают хромать льнозаготовки, навалимся на льнозаготовки — начинают отставать лесозаготовки и т. д.

С лесом до самого последнего времени было очень худо. В начале января мы подтянулись и добились по заготовкам 100 % выполнения программы первой пятилетки. Продолжает резко отставать вывоз заготовленного леса. Надо научиться работать так, чтобы вся система работы обеспечивала постоянное и крепкое руководство каждым участком нашей стройки.

Тут говорили много о посевной кампании, обсуждали, предлагали. Если со стороны посмотреть, скажем, из Америки приехать, можно подумать, что в Ленинградской области никогда не сеяли, только первый раз начинаем. Между тем вот уже шестнадцатый раз будем сеять. Казалось бы, пора научиться очень многому. На словах «четвертая большевистская весна», «первая весна второй пятилетки» и т. д., на деле — большевистского подхода к подготовке сева во многих случаях все еще нет.

Мы имеем боевую программу для улучшения качества нашей работы — шесть условий товарища Сталина. Кто из вас, товарищи, по многу раз не голосовал за шесть исторических условий товарища Сталина? А они все действительно исторические, они являются основой для правильной организации работы на фабриках, на заводах, в колхозах, совхозах, на лесозаготовках и т. д. Там, где люди всерьез дерутся за их воплощение в повседневной работе, там мы получаем крупные положительные результаты. Но, к сожалению, чаще другого рода случаи, когда дальше слов и резолюций дело не двигается. Больше того, кое-кто ухитряется даже забыть о шести условиях товарища Сталина, полагая, очевидно, что это была какая-то кампания, которая теперь уже позади.

Повышение качества руководства, повышение ответственности, суровая проверка исполнения отучат нас от этой привычки забывать решения, которые мы выносим. У нас охотно помнят те решения, где записано, кому что-либо получить. Если записано такого-то числа Исполкомом: отпустить столько-то такому-то рику или другому, — это помнят. Другой раз вытащат мелким шрифтом записанное — запомнили, оказывается. А там, где записано: посеять льна столько-то, ржи столько-то, никак не меньше, — тут плохо или совсем не помнят и прячутся за то, что их план несколько раз меняли, а потому, видите ли, они его не выполнили.

Любую задачу, любой вопрос можно поднять и разрешить, если будет правильно организовано руководство. И я думаю, что наша организация со всеми задачами, которые поставлены в решениях ЦК и нашего пленума, безусловно справится, если только мы с завтрашнего же дня будем по-большевистски их проводить, если мы повысим качество нашего руководства и поднимем чувство ответственности.

В заключение я хотел сказать еще одно. Вы знаете, что те успехи, которых мы достигли, дались нам недаром. Мы завоевали их в условиях жесточайшей классовой борьбы — классовой борьбы, которая не только не ослабевает в современных условиях, а, наоборот, обостряется, принимая чрезвычайно сложные формы. Классовый враг главный удар направляет на подрыв и расхищение священной социалистической собственности.

Мы должны обрушить на голову враждебных нам классовых сил революционную законность, могучее оружие в нашей борьбе против остатков капиталистических элементов в городе и деревне.

Отчаянное сопротивление классового врага не может не находить соответствующего отражения среди отдельных, наименее устойчивых элементов внутри нашей партии. На январском пленуме Центрального Комитета мы не слышали никаких оппозиционных выступлений, нам не предъявляли никаких оппозиционных деклараций, а, наоборот, как вы знаете из отчета, выступали бывшие вожди правой оппозиции, произносили длинные речи в защиту генеральной линии партии и ее руководства во главе с товарищем Сталиным. Почему? Да потому, что пятилетний план победоносно завершен в четыре года, а всякие оппозиции со всеми их программами и платформами обанкротились. И до сих пор, даже на победоносном рубеже между первой и второй пятилетками, в партии есть известное количество если не ярко выраженных оппозиционеров, то во всяком случае таких людей, которые вообще в народнохозяйственный план «верят», а вот на своем отдельном участке в его выполнение не верят. Если, вообще говоря, они готовы призвать к проявлению энтузиазма рабочий класс, то себя-то они, во всяком случае, не потревожат энтузиазмом ни в какой степени. Я уже не говорю о таких элементах, которые сидят и выжидают.

Победоносная армия рабочего класса под руководством ленинской партии развивает громадное социалистическое наступление, стойко преодолевая всяческие трудности на своем пути.

Но в этих боевых колоннах есть и такие люди, которые прикидывают в уме, нельзя ли свернуть куда-нибудь в сторону, чтобы отсидеться, если слишком круто пойдет. Расчет тут простой. Идет огромная армия, как на войне, — а ведь мы на войне, товарищи! — идет наступление, там впереди стреляют, убить ведь могут, лучше отсидеться. Есть такие, которые были бы непрочь дезертировать, но боятся, потому что это тоже дело рискованное, — поймают, за это на войне пощады не дают. И он плетется в хвосте, думая: чорт его знает, когда-нибудь ведь все-таки остановятся. Он не хочет наступать, он ждет, не выйдет ли чего-нибудь, хотя бы передышку на год, на два дали, тогда у него настроение поднимется. Такие тоже есть.

И, наконец, есть такие, которые до сих пор думают про себя, что мы на социалистической стройке рано или поздно сломим себе голову. Если вы пятилетний план выполнили — брюзжат они, — то какой ценой? Такие элементы безусловно есть, и проявление таких настроений мы наблюдаем в отдельных разговорах, которые ведутся шопотом и полушопотом. Возьмите дело Рютина, возьмите группу Эйсмонта — Смирнова, дело которых рассматривалось на январском пленуме ЦК и ЦКК. Что это такое? Это и есть выражение всех этих антипартийных настроений. Есть разные канальцы, через которые антипартийные настроения передаются иной раз даже отдельным старым партийцам. Объективная обстановка такова, что она порождает и будет еще порождать проявления оппозиционных настроений внутри отдельных звеньев нашей партии. Новое, что раньше было в потенции, заключается в том, что сейчас всякое оппозиционное отклонение от генеральной линии нашей партии ведет гораздо дальше, чем в предшествующие годы. Сейчас, когда основные вопросы строительства в городе и деревне решены в пользу партии и ее генеральной линии, вступление на путь оппозиции (если только не заметить во-время своих ошибок) прямо и непосредственно ведет в лагерь контрреволюции. Тут уж дело не во фракции внутри нашей партии, а в неизбежном переходе на ту сторону баррикад, на сторону оголтелой контрреволюции. Поэтому не случайно, что группа Рютина приняла сразу же контрреволюционную платформу.

Группа Эйсмонта — Смирнова, вступившая на путь борьбы с партией, повторила по существу рютинско-слепковскую платформу, с первых же шагов своей деятельности стала вбирать в себя антисоветские контрреволюционные элементы. И это неизбежно.

Дальнейшие успехи нашей социалистической стройки в решающей степени будут зависеть от боеспособности каждого звена партийной организации, от монолитности нашей партии.

Громадную роль в смысле мобилизации всех наших сил и укрепления нашей партии, роста ее авторитета среди трудящихся сыграет предстоящая партийная чистка. Но этого мало, к этому должно присоединиться дальнейшее улучшение всего дела воспитания наших партийных рядов. От большевика требуется революционная работа, самоотверженная и беззаветная, — вот что нас отличает от всякой другой партии. Для этого нужно крепить связь с массами, чаще бывать там, где строится социализм, — на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах. Вот там надо учиться, воспитываться и закаляться каждому большевику.

Надо построить всю нашу партийную жизнь так, чтобы укрепить нашу большевистскую мощь ленинской учебой, где соединяется живая революционная практика с теорией марксизма-ленинизма. Тогда мы будем и во всей предстоящей работе действительно настоящими последователями Ленина, основоположника нашей партии, достойными членами партии, которые твердо идут вперед под руководством Центрального Комитета партии во главе с товарищем Сталиным, великим продолжателем великого дела Ленина.

Товарищ Сталин — это образец большевика в полном смысле и значении этого слова. Не случайно поэтому враги направляют свои стрелы прежде всего в товарища Сталина, воплощающего в себе непобедимость и величие большевистской партии. Если мы хотим итти за ним и достойно следовать тем заветам, которые оставил Владимир Ильич Ленин, нам нужно постоянно помнить о самом главном для члена нашей партии — о своем боевом большевистском воспитании членов нашей партии. (Бурные аплодисменты. Пленум стоя приветствует товарища Кирова.)

СДЕЛАЕМ КАЖДЫЙ КОЛХОЗ БОЛЬШЕВИСТСКИМ, КАЖДОГО КОЛХОЗНИКА ЗАЖИТОЧНЫМ

Из речи на I съезде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии 12 марта 1933 года

Товарищи, с самых первых дней существования человечества лучшие умы его занимала мысль о том, как бы построить человеческую жизнь таким образом, чтобы на земле не было ни господ, ни рабов, ни эксплоататоров, ни эксплоатируемых; как бы сделать так, чтобы все люди стали действительно творцами своей жизни.

Проходили многие тысячелетия, и на протяжении этих тысячелетий лучшие люди пытались построить новую жизнь, но никому это не удавалось.

И только после победоносной Великой Октябрьской революции в огромной стране, бывшей царской России, под руководством величайшего человека нашего века — Ленина, люди стали успешно практически разрешать эту давно стоящую перед человечеством задачу.

Когда мы вышли в октябре 1917 года на арену этой великой борьбы, помещики и капиталисты, все их прихвостни — меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты ответили на восстание рабочих и крестьян вооруженным сопротивлением, организовали против нас гражданскую войну. В этом деле им усердно и много помогала буржуазия всего мира деньгами, оружием, войсками, офицерскими кадрами. А на нашей стороне была железная воля к победе, железная дисциплина, героизм, сочувствие и помощь рабочих и трудящихся всего мира.

Враги были богаче нас, у них было больше оружия, техники, и все же победа осталась за нами, за Советской властью.

Разгромив полчища белой армий и проучив всех и всяческих интервентов, рабочие и крестьяне принялись за мирное социалистическое строительство.

Самым большим и самым великим делом социалистической стройки в нашей стране явился пятилетний план.

МЫ ПОКОНЧИЛИ НАВСЕГДА И БЕСПОВОРОТНО С ДЕРЕВЕНСКОЙ НИЩЕТОЙ

Мы недавно подводили итоги выполнения пятилетки в городе и деревне. Мы осуществили пятилетку в четыре года. За этот короткий промежуток времени рабочий класс Советской страны в союзе с основными массами крестьянства достиг в своей работе совершенно исключительных успехов. Сейчас уже нет ни одного здорового человека, который взял бы на себя смелость опровергать, оспаривать те колоссальные завоевания, которых рабочий класс в союзе с крестьянством под руководством нашей великой коммунистической партии большевиков добился за этот промежуток времени.

Вчера еще нищая, полуграмотная, невежественная, угнетенная страна, какой была Россия при царе, помещиках и капиталистах, стала сейчас неузнаваемой во всех отношениях.

Нет еще такой книги, которая описала бы все достижения, которые мы имеем. Каждый из вас знает, какими исключительными гигантами — фабриками, заводами, электростанциями, железными дорогами покрылась Советская страна за эти четыре года, в течение которых мы выполнили наш первый пятилетний план.

Мы сделали Советский Союз мощной индустриальной страной, производящей у себя самые сложные машины для всего народного хозяйства. Наша страна теперь по ряду отраслей промышленности догнала, а иногда и превосходит передовые капиталистические страны.

На основе строительства новых фабрик и заводов, новых железных дорог мы создали твердый фундамент для того, чтобы дело социализма не ограничивалось только фабриками и заводами, а распространилось и на наши обширные крестьянские поля. Туда, где еще вчера темный и суеверный крестьянин молился на пень, где вчера еще ждали помощи только с неба, мы руками рабочих наших фабрик и заводов двинули огромное количество сельскохозяйственных машин, тракторов, послали из города в деревню тысячи и десятки тысяч наших лучших рабочих в помощь крестьянам для устройства новой, счастливой жизни.

Я кратко назову, сколько сельскохозяйственных машин за эти четыре года Советская власть дала нашим крестьянским полям:

Тракторов 120 000

Автомобилей 70 000

Комбайнов 13 690

Тракторных молотилок 62 400

Плугов тракторных 173 650

Плугов конных 3 229 150

Сеялок тракторных 103 960

Сеялок конных 501 730

Сноповязалок тракторных 14 500

Сноповязалок конных 23 500

Сенокосилок тракторных 29 520

Свеклокопателей тракторных 9 330

Льнотеребилок 15 370

Молотилок конных 56 550

Хлопкоуборочных машин 3 340

Картофелекопателей 27 000

Картофелесажалок 9 600

Мы организовали по Советскому Союзу 2,5 тысячи машинно-тракторных станций, мы построили заводы, которые ежегодно отправляют на наши социалистические поля десятки тысяч тракторов, комбайнов, миллионы тонн химических удобрений. Мы дали возможность нашему крестьянину бросить соху, которой он пахал землю со времен святого Владимира, дали ему возможность работать новейшими сельскохозяйственными орудиями, и это, товарищи, решило дело социалистической стройки в деревне.

А вот что получили колхозники и единоличники Ленинградской области за 1929–1932 годы:

Тракторов — 2 000, мощностью в 24 тысячи лошадиных сил, сенокосилок более 5 000, сеялок рядовых и конных — 3 577 штук, плугов конных — 161 400, молотилок конных — 6 651, льновязалок — 6 754, силосорезок — 579, сеялок клеверных — 2 844, жаток — 4 000, льнотеребилок — 300 и 20 тысяч разных машин по зерно- и семеочистке и т. д.

На этой основе, путем убеждения, показа и примера мы поставили миллионы распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического земледелия, на рельсы колхозов и в ходе сплошной коллективизации успешно ликвидируем кулачество.

В этом переходе к колхозам совершенно исключительная роль принадлежит товарищу Сталину. Он непосредственно направлял колхозное строительство, он исправлял ошибки, которые допускали на местах, он учил нас тому, как надо вести борьбу против кулачества.

Сейчас дело социалистической стройки в деревне, дело коллективизации мы можем считать решенным навсегда.

Подавляющее большинство бедняцко-середняцких масс крестьянства теперь уже полностью убедилось в правильности политики Советской власти и нашей коммунистической партии. Мы покончили навсегда и бесповоротно с нищетой в деревне, с постоянной угрозой голода, которая при царе и помещике висела над десятками миллионов крестьян.

Не имея возможности развивать перед вами в деталях все достижения, я остановлюсь только на одном. Четыре года работы по пятилетнему плану дали нам прежде всего то, что мы уничтожили в городе безработицу; в деревне свыше 20 миллионов крестьян и крестьянок, бывших вчера еще бедняками, мы объединили в колхозы и тем самым подняли их на ступень, по-старому выражаясь, середняцких хозяйств.

Вот эти два измерителя как нельзя лучше свидетельствуют о тех действительно исключительных достижениях, которые завоевали в первой пятилетке трудящиеся нашей страны под руководством большевистской партии.

Чему мы обязаны, товарищи, этими успехами? Прежде всего — и это должны знать каждый колхозник и каждая колхозница — мы обязаны правильному руководству большевистской,

коммунистической партии, партии рабочего класса. Это единственная партия на земле, которая действительно по-настоящему умеет защищать интересы трудящегося крестьянства.

Во-вторых, мы обязаны успехами тому, что с первых же дней нашей революционной социалистической работы сумели настоящим образом поставить союз рабочего класса с крестьянством. И на протяжении всей нашей социалистической работы мы этот великий союз всемерно укрепляем.

Мы обязаны нашими победами, в-третьих, тому, что самым беспощадным образом сокрушали на нашем пути сопротивление, которое нам оказывал классовый враг — помещик, капиталист, генерал, офицер, кулак, поп, вредитель и т. д.

Эта беспощадная борьба с классовым врагом расчистила путь нашей победоносной социалистической стройке, обеспечила победу первой пятилетки.

Программа второй пятилетки не менее значительна, чем программа первой пятилетки. Мы построили за время первой пятилетки много заводов, фабрик, шахт. Таких гигантов, как наши передовые предприятия, не знала старая царская Россия, многим из них нет равных во всем мире; сейчас мы должны полностью овладеть техникой новых предприятий, для того чтобы как можно лучше использовать мощь этих новых индустриальных гигантов. Не ослабляя нашего внимания и напора в работе на фабриках и заводах, на транспорте, продолжая развертывание нашей социалистической индустрии, огромные достижения которой вы видели при посещении предприятий, мы одновременно делаем упор на работу по подъему сельского хозяйства на основе укрепления социалистического сектора и прежде всего укрепления наших колхозов.

Я, товарищи, не буду здесь подробно останавливаться на достижениях нашего колхозного строительства потому, что на нашем съезде приводилось вполне достаточное количество ярких и убедительных примеров.

Успехи нашего колхозного движения, несомненно, огромны, колхозы как форма социалистического хозяйства победили в сельском хозяйстве окончательно. Решающее теперь в укреплении колхозов в том, чтобы сделать их большевистскими.

Тут нам предстоит огромная работа, тут придется потрудиться всей нашей партии, рабочему классу и всем колхозникам.

Колхоз — дело сравнительно новое, молодое, во многом неокрепшее.

Это не фабрика, не завод, которые организованы давно и организованы крепко. Если мы возьмем колхозы нашей Ленинградской области, то, как вы знаете, большинство из них существует два, в лучшем случае три года.

НИКАКОЙ ЖАЛОСТИ, НИКАКОЙ ПОЩАДЫ КЛАССОВОМУ ВРАГУ!

За те несколько лет, что у нас существуют колхозы как массовое явление, мы имеем коренную перемену в отношении к колхозам со стороны трудящегося крестьянства. Сейчас даже единоличник относится к колхозу совсем иначе, чем относился к колхозу два-три года назад, не говоря уже о самих колхозниках. А между тем, если у вас память не коротка, — а у колхозника она должна быть крепкой, — вы должны вспомнить, что три-четыре года тому назад наша пропаганда организации колхозов казалась для многих не совсем подходящей, а кое-кому из тех товарищей, которые живут подальше от Ленинграда, от железной дороги, от всех культурных средств и источников, казалось, что начинается что-то вроде светопреставления.

Теперь этого уже нет, но это было вчера, и это вчера оставило большие следы на нашей работе.

Поэтому каждому из вас и всем нам вместе еще очень и очень много надо будет поработать над укреплением наших колхозов.

Вы правильно зоветесь передовыми людьми в деревне. Но не в обиду будь вам, колхозникам, сказано, ведь даже работая в колхозах, иной раз многие из вас чувствуют себя несколько раздвоенными: с одной стороны, выходит, что человек как будто бы колхозник и что все преимущества колхоза ему ясны и понятны, а с другой стороны — нет-нет, да и дадут себя знать вчерашние мелкособственнические настроения. И сплошь и рядом мы видим, как эта двойственность сказывается в отношении к колхозной работе, к колхозному добру, в отношении к выполнению своих обязанностей перед государством. Ведь ни для кого из вас не секрет, что сплошь и рядом бывает так, что если колхозник или колхозница обслуживают колхозное стадо, имея в то же время и в своем единоличном хозяйстве какую-нибудь живность, скажем корову, скажем пару поросят, то, когда вы выходите из избы и засыпаете в кормушку овес, как-то невольно хочется накормить сперва свою, единоличную скотину, а потом уже перейти к кормежке колхозного скота. (С места: «Так и бывает».)

Правильно, так и бывает. Скажем дальше, приходится колхознице доить корову, и вот, когда она доит колхозную корову — это одно дело, а если доит усадебную корову — это другое дело. Как-то своя чище выдаивается. Колхозная корова какая-то более беспокойная и канители с ней больше, и если даже в вымени некоторое количество молока останется, то кажется, что это небольшая беда.

Мы ведь еще колхозники молодые, у нас на съезде есть колхозники, которые только пять-шесть месяцев в колхозе, они не свыклись еще с новой обстановкой, их нет-нет, да и назад тянет.

Надо наметить мероприятия для того, чтобы изжить эти остатки вчерашнего дня, которые мешают колхозному строительству.

Я не буду развивать здесь подробно те меры, которые поведут к укреплению колхозов. Об этом с исключительной силой и ясностью сказал в своей речи на Всесоюзном съезде колхозников наш вождь товарищ Сталин, об этом здесь говорили очень много, много книг написано, порядочно и в газетах об этом пишут. Я хочу обратить ваше внимание на те трудности, которые перед нами стоят и которые надо преодолеть для того, чтобы по-настоящему укрепить колхозы.

Для того чтобы успешно укреплять колхозы, стать настоящими колхозниками, требуется немного: первое — по-настоящему, по-колхозному, по-честному, — подчеркиваю, по-честному, — работать в колхозах, как об этом сказал на Всесоюзном съезде колхозников товарищ Сталин, и второе — удалить из колхозов кулаков, вредителей и всякую нечисть, которая этой честной работе мешает, тогда все остальное приложится само собой. Если не работать по-честному, то сколько бы здесь на нашем I съезде колхозников, который будет иметь историческое значение для колхозного строительства в нашей области, ни говорилось по части укрепления колхозов, мало что из этого выйдет.

Если же, разъехавшись по своим селам, вы все вместе по-настоящему, по-колхозному рассердитесь и начнете по-честному, по-хорошему работать, дело пойдет.

Второе, что нужно, — это решительно и твердо очистить колхозы от всего постороннего, чуждого, вредного, что еще имеется в наших колхозах. Все мы знаем, что в деле колхозного строительства нам мешает кулак. Это правильно, но мешает нам не только кулак, мешает и подкулачник, мешает лодырь, мешает расхититель, прощалыга, расстрига, поп, дьякон — все это люди, которые всячески препятствуют нашему колхозному строительству.

Все это вы прекрасно понимаете, не хуже, чем я, но вам подчас не хватает решимости. Вы знаете, что надо изгонять классового врага, очищать от него нашу стройку, но когда доходит до практики, то тут дело тормозится, нет смелости. Я слышал ваши выступления здесь на съезде, мне часто приходится читать всякие бумаги, которые вы посылаете, и часто бывает, что читаешь такую бумагу, в которой сказано, что в колхозе таком-то, имя рек, обнаружено пять кулаков — один из них бывший помещик, 550 десятин земли имел, у другого три мельницы было, потом мельницы отобрали, а он в колхозе находится, он нам мешает строить и ослабляет колхоз. Вот я спрашиваю вас: откуда этот помещик или мельник? С неба упал, что ли? Ведь все вы знаете его почти с пеленок, вся его жизнь вам хорошо известна. Спрашивается: каким же образом он в колхоз-то попал? Вы знаете, что если он находится в колхозе, то от него добра не будет, от бывшего помещика. Это вы знаете. Тем не менее он оказался в колхозе. Надо выкорчевать его из колхоза, а мы на местах часто ходим вокруг да около и решительных мер не принимаем.

Я понимаю, что когда вы только вступали на путь колхозного строительства, то у многих из вас еще робость была. Но теперь перед вами есть реальные показатели того, что получается, когда мы переходим к строительству новой жизни, на основе колхозной системы. С этой робостью пора кончать. Мы уже видим теперь, что в тех колхозах, где колхозники по-боевому подошли к делу, где кулака выгнали, там все выходит гораздо лучше, чем было раньше. Некоторые из вас чувствуют еще какую-то жалость к классовому врагу. Вместе, дескать, росли, вместе столько лет жили, крестил он у меня, этот проклятый бывший полупомещик, мою красавицу, которую я за большевика замуж выдаю.

Такое благодушное отношение к врагу вредит колхозам. Для успешного строительства нашей настоящей колхозной жизни с этим надо покончить самым решительным образом.

А многие из вас до сих пор еще рассуждают так: «Хотя он и кулак, а все-таки с душой; хотя и кулак, а тоже ему умирать не хочется», Что кулаку умирать не хочется — это факт, но что мы должны его экономически, хозяйственно уничтожить — это должен крепко усвоить каждый колхозник.

Если это кому-нибудь не ясно, то пусть вспомнит недавнее прошлое, когда кучка этих людей — помещиков, капиталистов, кулаков — донага раздевала бедноту и середняка, издевалась, измывалась, эксплоатировала бесчеловечным образом рабочего и крестьянина.

С этими бывшими эксплоататорами строить новую жизнь нельзя. Какими бы христианскими чувствами ни были некоторые из вас одержимы, если только мы не очистим колхоз от всех

вредоносных элементов, то никакой успешной социалистической стройки у нас не получится. На каждом шагу они будут ставить нам препоны, помехи, на каждом шагу будут разрушать нашу работу, на каждом шагу поворачивать назад. Чистку колхозов от всех враждебных элементов нашему делу надо провести твердо и решительно.

У нас бывают иногда такие случаи в отдельных колхозах: «почтенных» кулаков выселили, а хата бывшего кулака, земля его гуляют до сих пор, а колхозники ходят вокруг и около пустого дома, около порожней земли, ходят, а взяться за нее не могут. Почему? Робость берет — чужая земля. Пора с этим покончить, теперь нет чужой земли, а есть одна наша земля, советская, рабоче-крестьянская, не божья, не чья-либо, а наша, никому другому она не принадлежит. Этой землей нужно управлять на пользу всего Советского Союза, на пользу рабочих и крестьян.

Недавно все мы читали в газетах о том вредительстве, которое раскрыла Советская власть в сельском хозяйстве, в органах руководства совхозами, МТС и колхозами. Враг не дремлет. Всюду, где только у нас ослабевает революционно-классовая бдительность или проявляется благодушие, он нас подстерегает. Врага мало разгромить, его надо добить до конца.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВЕЛИКОЙ ЭМБЛЕМЕ ТРУДА

Мы много трудов положили уже на дело социалистической стройки. Все громадные достижения дались нам не даром, не всегда с песнями проходило наше социалистическое строительство, было много нужды и тяжелых лишений на отдельных ступенях нашей работы. Теперь мы покончили навсегда с безработицей в городе и нищетой в деревне.

Мы вышли на широкую, большую социалистическую дорогу, — дело социалистической стройки обеспечено целиком и полностью. Для того чтобы успешно двигаться вперед, рабочие и крестьяне, колхозники в первую очередь, должны твердо и самоотверженно работать на пользу социалистической стройки.

Товарищи, вы знаете, что мы окружены врагами со всех сторон, за всеми границами Советской страны живет, правда, старый, дряхлый, но все еще опасный враг — капиталистический строй. И мы сделаем ошибку, если забудем об этом хоть на минуту, если не будем всемерно укреплять наши границы, нашу Красную армию и Красный флот.

Каждое капиталистическое государство постоянно помышляет о том, как бы затормозить и сорвать социалистическую стройку в нашей стране. Все империалисты мечтают об этом.

Готовя войну против СССР, они стремятся провести разгром коммунистических партий у себя. Не случайно то, что происходит сейчас в Германии, где наши товарищи коммунисты подвергаются исключительным гонениям. Германская буржуазия прекрасно понимает, что дальнейшее развитие коммунистической партии в Германии приведет неизбежно к установлению советского строя, и для того, чтобы приостановить рабочее движение, они хотят обезглавить его, лишить руководителей, лишить его коммунистической партии.

Но не подлежит сомнению, какие бы испытания ни переживал германский пролетариат, какие бы дикие расправы ни устраивали фашистские бандиты над революционными рабочими, — дело торжества социалистической революции в Германии, как и во всем мире, обеспечено.

Для того чтобы понять, в какую глубочайшую трясину зашла современная капиталистическая система, достаточно посмотреть хотя бы на то, что делается сейчас в самой мощной, в самой богатой и самой крепкой капиталистической стране. Я говорю о Соединенных Штатах Америки. То, что называлось долларом, перед чем молились банкиры всего мира еще вчера, — сегодня этот доллар, вслед за английским фунтом стерлингов, повалился под откос.

Это новое доказательство того, в какую бездну погружается капиталистическая система. И какие бы союзы между собой ни заключали капиталисты, какие бы козни капиталисты всех стран ни строили против великого рабоче-крестьянского Советского Союза, сейчас не подлежит никакому сомнению, что ни той эмблеме, которая изображает льва, ни той эмблеме, которая изображает орла с одной или двумя головами, будущее не принадлежит. Будущее принадлежит той эмблеме труда, которая нарисована на наших знаменах, с которыми мы вышли в Октябрьскую революцию, будущее принадлежит Серпу и Молоту.

(Бурные аплодисменты, «ура». Возгласы: «Да здравствует наш дорогой, любимый руководитель ленинградских большевиков — товарищ Киров!», «Да здравствует товарищ Сталин, вождь нашей партии!»)

БУДНИЧНАЯ КОЛХОЗНАЯ РАБОТА — ВЕЛИКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДЕЛО

Из речи на II Ленинградском областном съезде колхозников 17 июня 1933 года

РАБОТАТЬ ПО-ХОЗЯЙСКИ, КРЕПИТЬ ОБЩЕЕ КОЛХОЗНОЕ ДЕЛО

Для того чтобы развернуть работу по укреплению колхозов, для того чтобы сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, надо всю работу поставить на основе указаний товарища Сталина о том, что надо работать по-честному, по-большевистски.

Что значит работать по-честному, по-большевистски?

Работать по-честному — люди понимают, а вот что значит работать по-большевистски — не всегда понимают, говорят или думают, что это сказано для красного словца. Не верно это, товарищи.

Что значит работать по-большевистски? Начнем хотя бы с постановления, только что принятого нашим съездом.

То самое решение, которое вы сейчас приняли, — это большое обязательство, его надо понимать таким образом, что раз это дело приняли, надо провести его обязательно. Это и будет по-большевистски.

А если проголосовали только для того, чтобы проголосовать, а завтра эту бумагу свернули на цыгарки, то это будет совсем не по-большевистски, это выйдет по-кулацки.

Возьмем другое. Если настала страдная пора, весенняя, уборочная или какая другая, всю свою работу следует вести, не считаясь с временем.

Надо дать каждому работу по силам и чтобы каждый трудился добросовестно, выполняя не формально, а по-хозяйски, общее колхозное дело. Вот это и значит работать по-большевистски. Если что-нибудь не успели сделать вчера, нужно сделать все для того, чтобы наверстать и нагнать сегодня. Если ты считаешься ударником, будь действительно ударником и оправдай это высокое звание. Большевики отличаются от всех прочих людей таким качеством: у них слова не расходятся с делом, — уж если ты сказал и обещал, то хоть в лепешку разбейся, а сделай. Вот это называется работать и действовать по-большевистски. Ничего, кроме хорошего, как вы знаете и убедились на опыте, при таком способе работы не будет. На этой основе мы должны организовать труд.

Изо дня в день надо вести работу над тем, чтобы сделать колхозы крепче, очистить их от кулака, изгнать лодыря из колхоза, если он неисправим, удалить из колхозов всяких воров и вредителей.

Нужно поставить дело так, чтобы работа каждого колхозника в колхозе рассматривалась в зависимости от того, насколько он усердно работает. Ведь люди работают по-разному. Когда сравниваешь работу колхозника с работой на заводе, то нужно знать, что ведь и на заводе не все рабочие работают одинаково. Один умеет делать более сложную работу, работает более усиленно, более упорно, более старательно, поэтому он и получит больше за день, а кто знает свое дело хуже, работает с прохладцей — тот меньше и получит, а порой и совсем потеряет место у станка, уступит его тому, кто больше пользы принесет. Так же нужно делать и в колхозе.

К великому сожалению, этого в большинстве случаев еще нет, чаще оценивают работу по «справедливости», уравнительно. Эта «справедливость», товарищи, — гнилая, кулацкая, не наша пролетарская справедливость. Потому что, если я работаю больше, а ты меньше, то на каком основании мы получаем одинаково? Из этого ничего не выйдет, так нельзя людей воспитывать. Нужно каждого — это и будет по-большевистски — оплачивать в зависимости от его работы: веселее работаешь — веселее и получишь, хуже работаешь — меньше и получишь. Тогда есть смысл подтягиваться. Возьмем такое дело, как социалистическое соревнование, которое проводится между колхозами и между отдельными колхозниками.

Вот представим себе такое положение: я работаю и рядом со мной работает Степан, мы с ним заключили договор на социалистическое соревнование — я его вызываю, он меня вызывает. Поработали месяц — у него 25 трудодней, у меня 25 трудодней, у меня столько-то рублей заработано, у него столько же. А работали мы по-разному. Выйдет ли что-нибудь из такого соревнования? Не выйдет. Может быть, мне будет, конечно, приятно, если я знаю, что лучше работаю. Но этого мало. Необходимо каждого материально заинтересовать в результатах работы.

Если вы будете не только знать, что больше и лучше работаете, но получите больше, то и работа будет спориться лучше. Но у нас этого еще во многих местах нет. У нас часто еще получается по-старому, все еще тянет дать каждому обязательно поровну.

Мы знаем, что у нас есть случаи, когда люди не только не хотят работать, но попросту слоняются без дела. Им нужно сказать: либо работай, либо иди, куда хочешь, живи, как хочешь, но нам в

нашем социалистическом деле не мешай.

К сожалению, так на практике не всегда получается. Смотрим мы подчас на такого лодыря и говорим: «Да как же так, ведь он наш, деревенский, мы с ним раньше в бабки играли, на гулянку ходили, как же этого человека выгнать, ведь он ни с чем останется». Это не годится.

НАВЕСТИ В КОЛХОЗАХ СТРОГИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Кто хочет есть, тот будет работать и должен работать в городе или в деревне, на фабрике или в колхозе. А если не хочешь есть, можешь не работать. Если никакая агитация и пропаганда не помогают, — а как видно они некоторым не помогают, — то нужно поставить дело так, чтобы человек по-настоящему понял, что не работая — жить нельзя.

Если колхозы не станут работать по-другому, если не уничтожат уравниловку в оплате труда, то хорошего ничего не получится. Мы должны завести в колхозах не гнилую божескую справедливость, а навести порядок, строгий социалистический порядок.

Если правильно, что лодыря выгоняют из колхоза, то почему будет неправильно, когда за разную работу будут платить по-разному? Иначе ничего не выйдет. Многие колхозы на это переключаются, и они делают правильно, тем более что сейчас очень много стимулов к тому, чтобы работать по-настоящему, стараться по-настоящему. Ведь у колхозников имеется не только колхозная работа, а работа и в усадьбе, т. е. личная собственность.

Каждый колхозник должен отдавать максимум силы и времени на общественную работу, на работу колхоза, тогда и на усадьбе будет работать веселее, а если мы на колхоз будем — а это есть — смотреть вроде как на какую-то повинность, а на усадьбу — что это мое, родное, а что будет с колхозом — это второе дело, то так дело не пойдет.

Усадьба и колхоз связаны так, что если будет хорошее положение дел в колхозе и если колхозное добро будет множиться с каждым годом, с каждым сезоном работы, то и усадебное дело будет веселее.

Не забывайте, что колхозная работа тесно соприкасается с работой в усадьбе. Если верно, — а это верно, как говорил товарищ Сталин, — что от нас требуется только честно работать, то опыт весеннего сева говорит не только о том, что товарищ Сталин был целиком и полностью прав, но и о том, что дело колхозного строительства мы можем двинуть такими быстрыми шагами вперед, какие и не снились нам до сих пор.

Если не только колхозники-ударники, но и все колхозники начнут работать по-настоящему, если колхозное добро будут, как зеницу ока, оберегать, если кулаков, вредителей из колхозов выгонят, если лодырям предложат или работать, или убираться на все четыре стороны, то мы доживем до такого цветущего состояния в колхозах, когда настоящее положение покажется очень скромным.

Надо только взяться за работу по-настоящему. Резервов у нас, товарищи, много, сил много. Есть в колхозах и молодежь хорошая, есть старики, у которых надо взять хороший стариковский опыт, не тот опыт, когда выходили и перед каждым пнем молились, а опыт, как получше обработать землю и побольше взять, побольше из нее извлечь пользы.

Молодежь надо организовать покрепче, для нее огромное количество работы в колхозах. Молодежь — вообще народ горячий, и если эта молодежь направит всю свою энергию на нивы, на поля, на животноводство, то она громадное дело сумеет сделать.

Возьмем такой участок, как работа среди колхозниц. Кстати, надо сказать, что вы их обидели — на этом съезде мало присутствует женщин, а ведь в колхозе сколько мужчин, столько и женщин.

Колхозницы — громадный источник силы колхозов. Если женский труд поставить по-настоящему, если сделать таким образом, чтобы та обязанность, которая лежит на женщине, — ребят рожать, — а впредь тоже надо будет рожать, потому что ребята нам нужны, — не мешала женщине участвовать в общей колхозной работе, то колхозная стройка пойдет вперед еще более быстрыми шагами.

Надо поставить дело так, чтобы женщина не была вынуждена слишком много сил тратить на ребенка, чтобы, как только этот маленький большевичок родился, матери помочь, и дело так организовать, чтобы и ребенок рос хорошо и она могла работать.

Ясли и очаги для детей надо развить очень широко. Этого требуют как наши обязанности по отношению к детям, которые только что нас приветствовали, так и задачи хозяйственной работы в колхозах. Если хорошо поработать с колхозницами, то вы увидите, какой неисчерпаемый источник новой силы мы получим. Для улучшения работы среди женщин мы полагаем необходимым выделение женорганиэаторов в политотделах МТС.

Наше государство не ограничивается только тем, что уже дало 120 тысяч новых тракторов. Недавно мы пустили новый Челябинский завод. Один этот завод будет давать до 40 тысяч мощных гусеничных тракторов в год, а вместе с ним будут работать и другие заводы — Сталинградский и Харьковский. И все это мы не англичанам будем увозить и не японцам отдадим, а все это пойдет на наши колхозные поля.

Наши громадные гиганты-заводы дают нам и сложные и несложные сельскохозяйственные машины, и если вы к этой машине подойдете по-человечески, как подходите к своей коровушке, которая у вас в собственности, к своему коню, когда он был у вас в собственности, тогда у нас будут другие результаты. А вот некоторые колхозники иногда думают, садясь на машину: чего ее там беречь, гони трактор, пока не остановится. Машина тоже, товарищи, требует серьезного и внимательного ухода, без конца на ней работать невозможно.

А есть машины, Которые требуют еще большего ухода, чем конь и корова. Вы знаете, каким большим источником усиления колхозов является машина, и поэтому надо бережно ухаживать За этой машиной, уметь с ней обращаться, освоить ее по-настоящему.

Когда мы говорим: сделать наши колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, это не пустая фраза. У нас есть полная возможность для этого, только надо работать по-честному.

ТОЧНО, СВОЕВРЕМЕННО ВЫПОЛНЯТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Нужно ли вам, товарищи, говорить, — здесь уже об этом говорилось, и мы это единодушно и крепко приняли, — что каждый колхозник должен помнить о первоочередности своих обязательств перед нашим рабоче-крестьянским государством. И вот в той бумаге, которую вы проголосовали, прямо написано: «Хлеб первого обмолота обязуемся сдать государству, все, что полагается государству, сдадим в установленные сроки, а колхозники-ударники приложат все силы к тому, чтобы государственные обязательства выполнить еще раньше». Почему требуется от вас такое отношение к государственным обязательствам? Правильно ли это?

Мы знаем, что около этого вопроса немало разговоров в деревне. Как же это так? Вот когда работаешь, трудишься на себя — все понятно, а когда государству хлеб отдавать, да еще по цене значительно ниже рыночной, то на первый взгляд получается как-то неладно. Конечно, государство получает хлеб от колхозников и единоличников по цене значительно ниже рыночной. Это верно, но надо же разобраться внимательно, куда и кому поступает хлеб и все остальные сельскохозяйственные продукты. Мы даем их государству. Что такое государство у нас, в Советской стране?

Раньше были помещики, капиталисты, мироеды-кулаки, попы и т. д., вся эта орава снимала, так сказать, сметану с общественного достояния.

А теперь как дело обстоит? Помещиков, слава богу, не стало, капиталистов мы прогнали, кулаков мы ликвидировали почти дочиста.

Кое-где они остались, вроде сорняков на поле, но мы их завтра выполем, произведя прополку на своих полях. Спрашивается, кто же остался? Остались рабочие, остались крестьяне — колхозники и единоличники. Осталась Красная армия. Остались те, кто руководит государством, и служащие наших государственных учреждений.

Но посмотрите, как это выходит. В буржуазных странах правят капиталисты, банкиры, землевладельцы, там уважают богатство, частную собственность и капитал. У каждого из министров либо своя земля, свое поместье, либо акции крупного банка или трестов, свои капиталы за границей.

Нашей страной руководят те, которые сами вышли из рабочих и крестьян, у них никаких особых доходов, кроме заработка, нет, поместий нет, фабрик, капиталов за границей не водится. Служащие в государственных учреждениях у нас под контролем самих трудящихся, безнаказанно измываться над трудящимися не могут. За воровство, хищение государственного добра, за взятки мы жестоко караем. Государственный аппарат мы держим такой, какой совершенно необходим для нашей работы, не больше.

Если это так, то я вас спрашиваю: когда вы хлеб, мясо, молоко, масло и прочее поставляете и продаете государству, кому вы даете — помещикам, капиталистам, кулакам? Нет. Мы их прогнали. Остался крестьянин, рабочий, армия и флот, небольшое количество служащих в государственных учреждениях, работающих под контролем самих рабочих и крестьян. Значит, все эти сельскохозяйственные продукты мы отдаем себе, самим трудящимся и никому другому.

Для того, товарищи, чтобы колхоз был надежным, чтобы крепко стоял на своих ногах, для этого недостаточно только по-честному выполнять те решения правительства и партии, которые направлены на укрепление колхозов. Нет, надо, чтобы колхоз находился на такой земле, которая прочно охранялась бы со всех сторон, на земле, которую никто не беспокоил бы, чтобы люди могли

спокойно работать, действительно отдавая работе все силы. А для этого, товарищи, нужно крепкое и мощное пролетарское государство, которое и внутри могло бы все в порядке держать и любому врагу извне в любой момент дать отпор. А этого можно добиться лишь тогда, если вы будете добросовестно помогать своему государству, выделять какую-то долю продуктов своего труда на общее благо. Это совершенно бесспорно. Ведь каждый из вас понимает: если у тебя будет колхоз цветущий, а армия и флот не будут иметь хлеба, мяса и т. д., из этого «порядка» ничего не выйдет. Никакому царю, капиталисту, паразиту все те поставки, которые мы берем с нашей деревни, не пойдут, — все пойдет только на надобности наших фабрик и заводов, которые дают громадное количество машин всех видов и сортов для наших колхозов, пойдет на надобности нашей доблестной Красной армии и Красного флота, которые охраняют труд наших рабочих и крестьян, и на содержание того государственного аппарата, который нам безусловно, как это каждый из вас понимает, необходим.

Источник силы нашего государства — в самих рабочих и крестьянах. Не получая ничего от них, оно не могло бы помогать колхозам ни машинами, ни удобрениями, ни деньгами.

Вот, товарищи, как надо поступать, если мы действительно честно, действительно по-настоящему хотим работать и строить социализм. Другая дорога — это возврат к старому и больше никуда. И я не в похвалу, а по совести должен сказать, что мы изо дня в день начинаем замечать, что колхозник все больше и больше понимает необходимость своевременной поставки продуктов государству, выполнения хлебного налога и сбора денежных средств.

Те обязательства, которые вы тут приняли, надо надлежащим образом выполнить. Там сказано, в какие сроки, что и как сдавать.

Если — бы я был председателем колхоза, я бы так, по-хозяйски, рассудил. Колхоз снял во-время урожай, ничего он не оставил на полях. Собрали мы урожай, обмолотили, вот я и собрал бы всех своих колхозников и колхозниц и сказал бы им: «Уважаемые колхозники и колхозницы, уважаемые ударники и ударницы, с нас полагается государству столько-то пудов. Как тут быть? Я думаю — давайте, чтобы потом канители не было, теперь, пока дороги в порядке, пока распутицы нет, пока дрово-лесозаготовок нет, пока никаких затруднений у нас нет, давайте теперь же, поскорее рассчитаемся с государством. Там написано у нас — в августе и сентябре сдать процентов 60. Давайте, отдадим все, раскланяемся с приемщиком, получим от него квитанцию, и тогда гораздо свободнее, лучше будем себя чувствовать и работать».

Ведь если праздник подойдет, — вы думаете, мы от праздников отказались? — ничего подобного: когда страдная пора отойдет, мы и праздники будем устраивать, — то куда свободнее будет каждый из вас себя чувствовать, если будет знать, что за ним ничего не числится, что он все, что с него причитается, сдал, что никто за ним не ходит. А вы знаете, какой народ приемщики — он будет ходить за тобой следом, пока не получит с тебя всего, что требуется. Так вот, если по-хозяйски рассудить, будет гораздо лучше поскорее сдать все, что с тебя причитается. (Голоса: «Мы так и делаем».) Нет, далеко еще не всегда. Если бы так делали, я бы вас здесь не убеждал; во многих случаях как раз наоборот делается.

Раньше сдать свою продукцию государству — проще будет, веселее дело дальше пойдет, тем более что у нас в этом году такой твердый порядок — хлебный налог. Взносы эти — как государственная повинность, тут не выполнить нельзя. Вы все на руках имеете соответствующие окладные листы на продукты сельского хозяйства, и расчет очень простой.

И то, что надо помогать государству, и с точки зрения ведения хозяйства и распорядка в колхозе, говорит за то, чтобы сдать продукцию государству пораньше. Вы сами были вчера единоличниками и знаете, какая у единоличников психология. Как по-старому было? Когда это мое и я знаю, что надо завтра отдать, то думаешь: «Жалко как-то, дай до завтра не отдам, пускай еще около меня побудет». Потом, смотришь, завтра можно не отдавать, послезавтра можно не отдавать. Думаешь: «А может быть, и совсем не расстанусь, жалко, посутяжить хочется». Раньше, когда это было единоличное, собственное, тогда выходило так, что для тебя свое хозяйство и своя усадьба — все, а дальше — хоть трава не расти. А теперь не то, теперь дело миром строится, как раньше говорили. Поэтому надо и работать так, чтобы для всех было лучше, и поскорее сдать, что причитается государству, — и себе и государству хлопот меньше. Вы знаете, как иногда приходится проводить заготовки. Мало того, что заготовители ездят, — если заготовки медленно идут, то мы еще всякие бригады в деревни посылаем: одни за хлебом едут, другие — за мясом, третьи — за маслом, одни с толком ездят, а другие — без толку, а все это государству стоит денег. Ведь иной заготовитель хоть и одного фунта масла не заготовит, а по железной дороге он едет — за билет платить надо, где он остановится — за харчи платить надо, он и харчи-то не оправдает, а платить надо. Я не скрою этого от вас, это наша общая беда: государство платит иногда и лишнее. Всего этого не надо, все это ни к чему, надо все сделать попроще, надо, чтобы между колхозником и партией и Советской властью отношения складывались попроще. И поэтому можно только приветствовать то обязательство, которое вы дали, — сдать сено целиком к 1 августа, выполнить обязательства по поставке зерна к 20 октября, причем 20 % дать не позднее 1 сентября и 75 % не позднее 1 октября; сдать лен на заводы к 1-му и трепаный лен к 15 декабря; выполнить поставки картофеля к 15 октября.

И тут, так же как и в отношении уборочных работ, вы обязались сделать все, чтобы эти сроки не остались на бумаге, чтобы каждый единоличник по вашему примеру тоже подогнал всю сдачу к этим срокам.

Одна из ваших больших задач, над которой вы должны упорно работать, — это выполнение плана дрово-лесозаготовок. Дело чести колхозников области — обеспечить дровами ленинградских рабочих и работниц, дать лес Советскому государству.

КОЛХОЗНИКАМ ОТКРЫТА ДОРОГА К ЗАЖИТОЧНОЙ ЖИЗНИ

Совсем еще недавно кулаки и подкулачники пугали вас большевиками и социализмом. Ведь недавно еще наши враги вам говорили: «Вот, видишь, — колхоз, сегодня ты будешь колхозником, а завтра тебя в большевики запишут». И тот, кто постарше, так рассуждал: «В колхоз-то я пошел бы (особенно это женщины говорили), ну, а в большевики пойти — никак дело не выйдет, у меня дочь замужем, внучата есть, как я на старости лет в большевики пойду; если так случится, в гробу перевернемся». Боялись. В колхоз можно, а в большевики не годится. И кулак агитировал: «Сегодня ты пойдешь в колхоз, а завтра к социализму тебя поведут». Ну, в колхоз — это понятно, это вроде кооперации, а вот к социализму — это неизвестно куда. Сижу я на земле, земля подходящая и природа хорошая, и в колхоз можно, а к социализму не годится. А тут кулак свое зудит: «Ты сегодня в колхоз пошел, у тебя лошадь обобществили, завтра корову обобществят, а послезавтра бабу обобществят большевики». Было так? (С места: «Было».) Верил кое-кто из вас этому? Верил. А что получилось? Никто никуда никого насильно не повел, женщин не «обобществили», жить в колхозе, там, где с умом за дело берутся, оказалось лучше, чем в единоличном хозяйстве.

Таким образом, товарищи, я еще раз должен вам сказать: тысячу раз был прав товарищ Сталин, когда он говорил, что колхозная стройка сейчас находится у нас на твердом основании — теперь все зависит от нас самих. Мы имеем громадный опыт.

Сейчас каждый месяц учит нас большему, чему учил раньше год, время измеряется иначе. Теперь на опыте, на практике каждый колхозник знает, что такое колхоз, если он только по-честному, по-большевистски, по-трудовому относится к этому колхозу. Ваша задача — укреплять колхоз дальше, работать по-честному, стать действительно зажиточными и колхоз сделать большевистским.

Несколько слов о зажиточности колхозника. Кулаки говорили: «Если пойдешь в колхоз, то тебя поведут к социализму, а для кого существует социализм, для кого существуют большевики? Если ходишь без штанов, если ешь через два дня в третий, то ты подходящий материал для большевиков, потому что большевики за тех, которым есть нечего, одеть нечего. Вот в чем заключается большевистская истина». Теперь вы сами уже поняли всю ложь и весь обман кулацкой агитации.

Большевики организуют для трудящихся города и деревни такую жизнь, когда ни один трудящийся не только не будет знать, что такое нужда, нищета, а у всех работников будет всего вдоволь, не будет никаких паразитов.

Мы говорим, что результаты труда должны принадлежать только тому, кто трудится, и никому больше, никаких эксплоататоров не должно быть. Если это так, то вы в колхозах пойдете вперед по пути к зажиточности. Раньше бедняк и масса середняков не могли стать зажиточными. Одному из тысячи середняков, может быть, и удавалось выскочить как-нибудь в зажиточные, остальные же разорялись.

У нас есть все к тому, чтобы спокойно и твердо двигаться вперед по нашей социалистической дороге, которая ведет к громадному подъему и улучшению жизни трудящихся.

И вы должны знать, что укрепление колхозов является великим делом строительства социализма в нашей стране, оно ведет к повышению благосостояния каждого трудящегося в отдельности, делает каждого колхозника зажиточным, делает каждого из вас более сознательным, более культурным.

Тут выступала женщина, председатель колхоза, товарищ Шалаева, которая с обидой говорила, что колхоз работает неплохо, не хуже других, но ей трудно справляться, потому что она неграмотная, потому что ей нехватает культуры, знаний. Это очень тяжелое, проклятое наследие прошлого, но и с ним мы в короткий срок покончим.

БЫТЬ НАЧЕКУ, ЕЩЕ БОЛЕЕ КРЕПИТЬ ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ

Товарищи, одновременно с тем, как здесь заседает наш съезд колхозников-ударников, в другом месте происходит не съезд, а конференция, созванная капиталистами. Я говорю о мировой экономической конференции в Лондоне.

Мы сейчас подводили итоги и намечали дальнейшие пути в нашей сельскохозяйственной работе.

Там тоже подводят итоги, подводят их представители всех капиталистических стран — и больших и малых, они подводят итоги капитализма за последние годы.

И здесь и там подводятся итоги, но между тем, что происходит там и на нашем съезде, — громадная разница. Эта разница заключается не только в том, что на лондонской конференции, за исключением советской делегации, нет ни одного рабочего, ни одного крестьянина, ни одного колхозника, ни одной колхозницы, что большевиками является только советская делегация. А разница в том, что там люди, казалось бы, наиболее выдающиеся в буржуазном мире, вооруженные опытом, ворочающие не только банками и предприятиями, но ворочающие целыми государствами, управляющие целыми народами, — они, подводя итоги работы капиталистов за последние годы в Старом и Новом Свете, приходят к совершенно неутешительным для них выводам. Устами председателя французского совета министров Даладье положение, которое там имеется, капиталисты обрисовали так: «В итоге нынешнего кризиса мы имеем 30 миллионов безработных и 30 или больше даже миллиардов долларов потерь от кризиса». Эти цифры, товарищи, он сильно преуменьшил, но дело даже не в этом, а в том, что они, собравшись на эту конференцию, ничего о своей работе не могли сказать, кроме вынужденного признания громадной разрухи и громадного развала, в котором капиталистическая система находится. И не будет странным, если в поисках выхода они снова и снова будут обращать свои взоры на единственное здоровое место на земном шаре, где расположен Советский Союз, если они снова попытаются раздавить страну рабочих и крестьян, чтобы тем самым поддержать гибнущую капиталистическую систему.

Империалистов, у которых дела становятся с каждым днем все хуже и безнадежнее, очень подмывает выступить против Советского Союза. Треплет лихорадка не в меру горячие военные круги японской буржуазии, но особенное усердие в подготовке вооруженного нападения на Советский Союз проявляют германские фашисты.

Не умея дать трудящимся массам ни хлеба, ни работы, не будучи в состоянии демагогией, парадами, трескотней и шумом заглушить растущее недовольство рабочего класса и пробуждающихся от обмана крестьян, фашисты носятся со всякого рода авантюристскими замыслами против Советского Союза. Один из министров фашистской Германии — Гугенберг на Лондонской конференции выступил с заявлением, согласно Которому фашистской Германии должны быть возвращены африканские колонии и открыт доступ для заселения территории СССР «энергичной» германской расой. Ну, товарищи, по части энергичности мы беремся теперь поспорить с любой расой на земном шаре.

Но гвоздь гугенберговского предложения не в этом.

Германские фашисты предлагают себя мировому империализму в качестве силы для организации антисоветского похода, разумеется, за приличное вознаграждение.

Авантюристы, все более и более теряющие голову, носятся с сумасбродными планами, с идеями, достойными людей из сумасшедшего дома. Это должно заставить нас быть еще больше на-чеку, еще более крепить оборону и военную мощь нашей страны. Проводя политику мира, мы никому не позволим шутить с великой страной трудящихся.

Мы можем сказать совершенно твердо, что если несколько лет тому назад рабочий класс, идя рука об руку с крестьянством, поворачивая горы внутри своей страны, умел защищать границы Советской страны от нападения извне, то теперь, когда мы стали несравненно сильнее, когда мы вооружили Красную армию передовой техникой, Страна советов сумеет постоять за себя. (Бурные аплодисменты.)

За последние годы в нашей стране изменилось все к лучшему, в том числе и в нашей деревне. Разобщенные, разбросанные по всей Советской стране миллионы мелких единоличных крестьянских хозяйств объединились сейчас в великую, мощную, незыблемую твердыню, которая называется нашими колхозами.

Нет теперь в мире такой силы, которая могла бы опрокинуть великий союз советских рабочих и колхозного крестьянства.

Одного, товарищи, требуют сейчас от нас партия, правительство и угнетенные всех стран мира — работать по-большевистски, не покладая рук, работать изо дня в день. И это, казалось бы, будничное дело — посев, уборка урожая, выращивание поросят, бережное отношение к зерну, к своему хозяйству — сейчас является великим социалистическим делом, и всякий ударник, который целиком и полностью отдает себя этой работе, который умеет объединить вокруг себя менее сознательных колхозников и единоличников, становится тем самым активным борцом за освобождение страждущего и угнетенного человечества.

Немного времени пройдет, и, если мы будем работать так, как обещали в нашем торжественном обязательстве, если мы и впредь высоко будем держать знамя Ленина, если твердо будем, как и до сих пор, следовать за коммунистической партией, жить и работать по указаниям великого вождя и учителя трудящихся товарища Сталина, — наше дело победит во всем мире.

(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, все присутствующие встают. Возгласы: «Ура!».

«Интернационал».)

ДЕЛО ЧЕСТИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ — ВЫПОЛНИТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ

Из речи на конференции рабочих-машиностроителей Ленинграда 17 октября 1933 года

ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПОСТАВИТЬ ВОПРОС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Товарищи, ваша конференция будет обсуждать целый ряд вопросов, будет обсуждать и вопрос о максимально целесообразном использовании рабочего времени.

Казалось бы, такой простой вопрос — целесообразное использование рабочего времени! А что мы наблюдаем? Потери времени, например, по вашему союзу (выборочно по 15 предприятиям) доходят до 23 %. Значит, на 15 крупных предприятиях четверть рабочего времени тратится нецелесообразно, впустую. На заводе им. Сталина — 30 %, на заводе «Электрик» (правда, этот завод к вам не относится, но там ведь тоже работают такие же пролетарии, как и вы) — 21 %.

Но есть заводы, о которых прямо даже страшно сказать: например, на Опытном заводе ВОМП за сентябрь чуть ли не 77 % рабочего времени пошло впустую. Мне кажется, здесь есть над чем задуматься. Или вот «Красный путиловец», который знает весь мир, завод заслуженный, это все верно, — но вот оказывается, 19 500 рабочих часов здесь ежедневно идут впустую. Или если перевести на деньги — 81 тысяча рублей летит каждый день в трубу. Про завод «Большевик» все вы знаете из опубликованных материалов. Там, как оказывается, на раскачку в начале дня и в обеденный перерыв идет 40 минут. Но я, грешный человек, не совсем в это верю, думаю, что побольше. А вот в инструментальной мастерской — там тратится бесплодно до 70 % рабочего времени. На заводе им. Ленина — 33 %. Больше я не стану приводить примеров. Этим вопросом, как вы знаете, занялись многие организации вплотную. Интересны письма, которые поступают с заводов от отдельных рабочих. Вот, например, рабочий Данилов с «Красной зари» пишет, что в течение дня он из 7 часов потерял впустую 2 часа 23 минуты: бродил по заводу, искал инструменты, материал и т. д.

Товарищи, повторяю, здесь в этом вопросе новых рецептов не придумаешь. Давным-давно все сказано. Но, к великому сожалению, у нас частенько думают не о том, как бы исправить это дело, а начинают спорить — 40 минут тратится впустую или 30. И те, кто посмелее, назначают побольше, а те, кто поскромнее, особенно директора предприятий, утверждают, что ничего подобного, не 40 минут, а 36,7 минуты. Дело, конечно, не в том в конце концов 40 или 30 минут, а нужно со всем этим кончать, нужно лечить эту болезнь. Позвольте привести одно сопоставление, про которое даже горестно говорить. На заводе им. Молотова три года тому назад проверяли использование рабочего времени в кузнице. Оказалось, что в этой самой кузнице на раскачку тратится* 30 минут. Все это проверили, проверили с хронометром, как это у нас теперь полагается. Мы ведь все теперь по науке делаем, математика у нас в порядке. Вот проверили это дело ровно 3 года назад. А теперь, в этом году, стали опять проверять, послали другого человека, опять с хронометрами, вновь проверили, и оказалось, что те же самые полчаса идут на раскачку, как это было три года назад.

Есть у нас Ижорский завод. Здесь выступал сегодня его директор. Там решили покончить с потерями, и вот каким путем. В одной из мастерских, механической № 2, чтобы рабочие не тратили времени на раскачку, работали бы до гудка, решили снять часы в мастерской. Мера, как видите, совершенно «революционная». А что получилось? Если раньше рабочие начинали мыть руки минут за 20 до гудка, то теперь, не видя часов, этак примерно за час соображают: а не пора ли помыть руки? (Смех.)

Товарищи, я взял нарочно один только вопрос для того, чтобы вам показать, как все действительно зависит от руководства, от организации дела. Оказывается, очень легко и очень просто определить, какое количество времени тратится зря, но гораздо труднее устранить это вредное явление, тормозящее развитие нашей промышленности. Ведь что у нас получается? Вот на заводе им. Молотова, как 3 года тому назад, в кузнице полчаса тратили на раскачку, так до сих пор и на 5 минут не сократили этого времени. А я ведь убежден, что если собрать кузнецов, инженерно-технический персонал, директора завода, поставить перед ними этот вопрос, то они сейчас же примут соответствующую резолюцию, пошлют приветственную телеграмму высшим органам, а полчаса будут болтаться по-прежнему. Вот, товарищи, я и хотел здесь сказать, что если мы тут решим серьезно, что нужно программу выполнить, и выполнить по-настоящему, то надо с расхлябанностью, с такого рода работой решительно и твердо кончать. Если мы примем какое-либо постановление, и примем его серьезно, то мы должны будем бороться по-настоящему за его выполнение, иначе ничего у нас не получится. Что мы должны сделать сейчас? Мы должны выполнить на 100 % нашу годовую программу. И для этого мы должны прежде всего устранить те явления, которые тянут нас назад. Если четверть рабочего времени пропадает впустую, то тут никакие тысячи лишних рабочих не помогут, никаких помещений не хватит, никакого сырья не хватит, и программу вы не в состоянии будете выполнить. Пора по-революционному, по-большевистски эти вопросы поставить! В них мы сейчас упираемся.

ПРОЛЕТАРСКУЮ МАССОВУЮ САМОКРИТИКУ — НА СЛУЖБУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

От нас требуется внимательное, бережное, большевистское, честное отношение ко всем вопросам — и к крупным и к самым мелким — нашей великой строительной работы. Чтобы выполнять программу, надо не только директору, не только техническому директору, но и каждому рабочему чувствовать себя хозяином завода, хозяином нашей социалистической собственности. Когда летят минуты и часы рабочего времени без толку, без пользы, когда портят сырье, нужно, чтобы каждый чувствовал себя ответственным за это — и рабочий, и техник, и инженер.

Во всей нашей работе по борьбе за план перед профессиональной организацией встает одна из почетнейших задач. Но тут я должен сказать в порядке самокритики, что с профработой дело обстоит у нас на многих предприятиях плохо. Здесь надо прямо смотреть правде в глаза.

Возьмем вопросы соцсоревнования и ударничества. Если мне память не изменяет, наши ленинградские заводы в этой области были не на последнем месте. Если мне память не изменяет, даже застрельщиком этих методов работы явился Ленинград. Казалось, что от нас теперь требуется? Требуется, чтобы мы, как говорится, культивировали эти формы. А что мы видим на деле? Позвольте спросить в порядке самокритики, все ли у нас делается для того, чтобы социалистическое соревнование развивалось, крепло, росло? Я думаю, что этого сказать нельзя.

Я, например, просматривал договоры в отношении ударничества и соцсоревнования. И вот в одном из договоров дается такое обязательство: отныне я обязуюсь являться трезвым на работу. Вот удивил к XVI годовщине Октября! И ведь это не анекдот. С подобным опошлением соревнования приходится еще встречаться. Это говорит о том, что дело требует ремонта. Соревнующихся и ударников у нас имеется довольно порядочный процент, около 70, но если вы ударниками будете называть тех, кто трезвым приходит на работу, то вы не 70, а все 90 наберете. Тут надо дело основательно проверить и причислять к ударникам только тех, кто этого действительно заслуживает.

Наша страна, в городе и в деревне, окончательно утвердилась на социалистическом пути. Но надо помнить, что классовый враг еще не добит. Нам нужно полностью решить великую задачу ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Мы должны неустанно развертывать массовую работу по коммунистическому перевоспитанию трудящихся. Наша общественная работа должна развиваться, углубляться. наша социалистическая культура, одним из важнейших моментов которой является соревнование и ударничество, должна крепнуть и расти.

Товарищи! Я хотел бы в двух словах остановиться на заводах оборонного значения. Вы знаете, что в любой момент международная обстановка может измениться, вы знаете, что многие из нас должны будут тогда бросить станки и выйти на поле битвы с классовым врагом. Величайшая ответственность падает на рабочих и инженеров, работающих в оборонной промышленности. Я не хочу сказать, что завтра должна наступить война. Так вопрос не стоит. Сейчас мы достаточно крепко обеспечили себе мирные позиции; но если мы хотим мира, нам надо, чтобы крепко выполнялись такие заказы, как заказы черной металлургии, транспорта, нефти, электростанций. На это нужно особое внимание обратить.

Наконец, качество и конкретность нашей работы.

Мы уже давно вышли из того возраста, когда все, что хоть сколько-нибудь походило на продукцию, отрывалось с руками. Нет, теперь вопрос иначе стоит. И те заводы, которые не переключились на качество и комплектность, переживают тяжелое положение. Вот Металлический завод расхлебывает сейчас те ошибки, которые были им сделаны три года назад. Вышло так, что турбина сделана, отослана, но где-то маринуется, потому что Металлический завод не прислал вспомогательных механизмов, потому что то, что должно быть около турбины, отсутствует. Вопросы качества сейчас приобретают исключительное значение. Те заводы, которые 5–6 лет тому назад брали любую продукцию, какая бы она ни была, даже если нужно было одно, а давалось другое, сейчас требуют — давай все точное, определенное, отвечающее на все 100 % установленным требованиям.

Можем ли мы дать такую продукцию? Можем, но, к сожалению, нас нередко подрывает расхлябанность, привычка делать все спустя рукава.

Вопросы организации производства приобретают сейчас решающую роль. И если мы разовьем здоровую, революционную массовую самокритику, мобилизуем вокруг этих вопросов внимание каждого инженера и техника, каждого рабочего, мы безусловно нашу программу выполним. Но для этого нельзя терять ни одной минуты, потому что осталось в нашем распоряжении только 21/2 месяца. И здесь роль профсоюзов, роль наших завкомов так же, как и партийных организаций, огромна.

Работа IV квартала не может рассматриваться изолированно от задач второго года пятилетки. Если мы этот квартал будем работать организованно, если недоделки сумеем устранить за остающиеся

21/2 месяца, то тем самым мы хорошо подготовимся и к следующему году.

Приближается XVI годовщина Великого Октября. Никогда еще не были так грандиозны наши завоевания не только в городе — на фабриках и заводах, но и в деревне — на наших беспредельных колхозных полях. Наш славный революционный праздник мы будем проводить под знаменем Ленина и Сталина, под лозунгом 100-процентного выполнения — качественного и количественного — нашей программы.

Вам, питерские пролетарии, которые 16 лет тому назад первые в нашей стране вышли с красным знаменем социализма, не к лицу отставать в деле гигантской социалистической стройки! (Бурные аплодисменты.)

ВСЕГДА И ВСЮДУ СЛЕДОВАТЬ ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

Выступление на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда, посвященном пятнадцатилетию со дня основания ВЛКСМ, 28 октября 1933 года

Товарищи, позвольте мне от имени большевиков Ленинградской организации передать вам, юбилярам, горячий большевистский привет. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, история Коммунистического союза молодежи должна рассматриваться в самой тесной, в самой непосредственной связи с историей борьбы нашего рабочего класса, историей нашей коммунистической партии. Наш Ленинский комсомол — это плоть от плоти, кровь от крови наших революционных рабочих и нашей славной ленинской коммунистической партии.

Товарищи, я думаю, что едва ли мы располагаем нужным арсеналом слов для того, чтобы полностью изобразить героическую 15-летнюю историю нашего комсомола. Я говорю это не потому, что сегодня у нас праздник, не потому, что юбилярам принято говорить только хорошее, — нет, а потому, что всей своей борьбой, всем своим существованием комсомол действительно вписал в историю высокие, героические, подымающие, возвышающие трудящееся человечество страницы.

НАШ КОМСОМОЛ ВЫСОКО ДЕРЖИТ ЗНАМЯ БОЛЬШЕВИЗМА

Еще задолго до формального образования Коммунистического союза молодежи в старой царской России наша рабочая молодежь, еще не организованная, не оформленная в какое-либо целое, давала знать царскому самодержавию о своем существовании. Еще задолго не только до Октября, но и до Февральской революции мы уже наблюдали революционные выступления нашей рабочей молодежи. Параллельно тому, как развивалось рабочее движение в России в целом, развивалось и революционное движение рабочей молодежи. Вот почему как только грянули залпы Февральской революции, наша рабочая молодежь, как будто бы по какому-то сигналу, широким потоком двинулась на поле революционной борьбы. И с тех пор мы не знаем ни одного сколько-нибудь заметного революционного этапа, в котором того или иного участия не принимала бы рабочая молодежь.

Не только в городах, на фабриках, заводах, в учебных заведениях, в армии, но и в деревне широким потоком разлилось рабоче-крестьянское молодежное движение.

Не надо удивляться, что вскоре после Великого Октября мы уже имели оформленное коммунистическое молодежное рабочее движение, которое своим мощным размахом захватило, увлекло молодежь не только нашей России, — отзвуки его слышались во всех рабочих центрах за рубежом.

Я не имею ни возможности, ни времени проследить за дальнейшими этапами развития и роста Коммунистического союза молодежи. Но я не могу не остановиться хотя бы в двух словах на той исключительной роли, которую сыграл наш комсомол в период гражданской войны. Это, товарищи, необходимо особенно подчеркнуть потому, что мы с вами сейчас переживаем так называемый мирный период социалистического строительства.

Вспомните, товарищи, что в наиболее тяжелый, наиболее гнетущий период гражданской войны, в тот момент, когда широко развернулось наступление Деникина, когда многим и многим казалось, что звон кремлевских колоколов скоро будет аккомпанировать вхождению деникинских полчищ в нашу столицу, — в этот момент наш комсомол объявил в тех губерниях, которые соприкасались непосредственно с южным фронтом, поголовную мобилизацию всего комсомола на фронт.

И те из нас, которые тогда были на фронте, те помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели на героев, которых давал тогда комсомол. Достаточно было взглянуть на молодые полки комсомольцев, чтобы приобрести новые силы, новую уверенность в победе. И не случайно, товарищи, что в этот трехлетний период гражданской войны, как вы помните, комсомол, несмотря на огромные жертвы, какие он нес на всех фронтах, увеличил свою численность почти в двадцать раз. А с тех пор, после окончания гражданской войны, мы, товарищи, на всех этапах, на всех фронтах социалистической стройки видим растущие, крепнущие кадры помощников, основных помощников нашей партии в лице Ленинского комсомола.

И после окончания гражданской войны, когда перед нами развернулась широкая программа социалистической стройки, комсомол с честью нес свое новое наименование, свое звание — Ленинский комсомол.

Были, конечно, товарищи, и изъяны в движении комсомола, были отдельные ошибки в отдельных звеньях комсомольской организации, были отдельные увлечения особо горячих, еще не устоявшихся комсомольских голов, но в общем и целом, если иметь в виду основную линию

направления нашей революционной борьбы и социалистической стройки, надо признать, что наш комсомол всегда, везде, на всех этапах был вместе с партией, работал по ее директивам. В этом, товарищи, сила комсомола. Как только молодежное движение встало под знамя Ленина, под знамя большевизма, оно получило самую главную, основную цементовку. Некоторая расплывчатость, неустойчивость, которая характеризовала первые шаги молодежного движения, стала достоянием прошлого.

Но, товарищи, вспоминая пройденный путь, нельзя ни на одну минуту забывать о задачах, которые стоят перед нами сейчас.

ВСЕ ШИРЕ, ВСЕ ГЛУБЖЕ РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ БОРЬБА МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Нынешний этап социалистического строительства представляет собою замечательную страницу нашей революционной истории. Именно в данную эпоху все основные элементы двух миров — социалистического и капиталистического — ведут жестокую, смертельную борьбу. Правда, сейчас нет войны против Советского Союза. Уже несколько лет мы переживаем период так называемого мирного социалистического строительства. В связи с этим кое-кто думает, что мы целиком и полностью, чуть ли не навеки, вступили в полосу мирного развития. Но, товарищи, это, конечно, не верно. Это заблуждение. В действительности дело обстоит совершенно иначе.

После решающих побед за последние годы, побед, которые мы одержали главным образом за период первой пятилетки, наше государство — Советский Союз поднялся на такую высоту, вырос в такую гигантскую силу, что капиталистический мир, раздираемый противоречиями, вынужден итти на признание нас, вынужден все больше и больше считаться с СССР. Вы знаете, товарищи, что за последнее время мы заключили ряд мирных договоров со многими государствами, перечислять которые я не буду. Дело дошло до того, что, как вы на-днях все читали, состоялся обмен посланиями между Рузвельтом и товарищем Калининым. Это акт весьма крупного международного значения.

Президент США Рузвельт советует Михаилу Ивановичу Калинину послать представителей для обсуждения вопроса об установлении более нормальных, более культурных, более цивилизованных взаимоотношений между двумя великими народами, тех отношений, которых, — к слову сказать, по вине США — до сих пор не было. Таким образом, мы, видимо, скоро получим нового приятеля в лице президента США, тех самых США, которые являются наиболее матерыми, наиболее твердокаменными представителями современной капиталистической системы.

Все это так. Все это ценно в общем балансе нашей международной политики, но все это нисколько не говорит о том, что борьба между двумя системами — системой нарождающегося, крепнущего социализма и отживающего капиталистического строя — в какой бы то ни было мере ослабевает. Напротив, эта борьба идет все глубже, все шире, все резче. И если вчера был период войны и мы боролись с нашим противником вооруженной рукой, то сейчас мы вынуждены вести решительную борьбу на всех фронтах, возьмете ли вы фронт промышленного строительства, торговли или фронт сельскохозяйственный, работу ли наших городов, жизнь ли нашей школы, научных учреждений, тех или иных культурных организаций, фронт ли нашего искусства, — какую хотите область человеческой жизни вы сейчас ни возьмете, — везде и всюду мы ведем смертельную борьбу с отживающим капиталистическим миром. Я говорю: отживающим, но вы, комсомольцы, прекрасно понимаете, что отсюда отнюдь не следует, что пройдет известное время и из отживающего этот капиталистический строй превратится сам собой в отживший. Нет, так это не выйдет. Сколь он ни отживает, как он ни гнил, как он ни смердит всякими неприятными запахами, но дело складывается так, что без того, чтобы мировая пролетарская революция его не добила, без того, чтобы она его окончательно не сокрушила, — дело не обойдется.

Товарищи, я не собираюсь перед вами развивать программу работы нашей партии и нашего Ленинского комсомола на ближайший период времени, но я думаю, что в день вашего юбилея нужно вспомнить основную, решающую задачу, которая стояла, стоит и будет стоять перед нашим Ленинским комсомолом, задачу, очень хорошо сформулированную еще в 1920 году Владимиром Ильичем Лениным.

УЧИТЬСЯ УПОРНО, ТЕРПЕЛИВО

Ленин говорил, что дело складывается таким образом, что комсомол будет настоящим, подлинным, непосредственным строителем коммунистического общества. Если это так было в 1920 году, то тем более верно это положение в 1933 году. Отсюда во всей своей силе и полноте остается и та задача, которую сформулировал Ленин. Эту задачу Ленина можно уложить в одно слово — учиться. Вот если в это простое, как будто бы самое обыкновенное слово вдуматься, если понять, что хотел сказать этим словом, формулируя основные задачи комсомола, Ленин, то станет ясно, что все остальные задачи — большие и малые, сегодняшние и завтрашние, повседневные и принципиальные — все эти задачи комсомола упираются, покрываются в конечном счете одной общей задачей — задачей учиться.

Я знаю, товарищи, что за плечами комсомола громадная героическая история. Но если говорить о недочетах, недоделках в работе комсомола, то я думаю, что самым большим недостатком в нашей работе до сих пор является недостаточно полное, недостаточно беззаветное восприятие этого лозунга — учиться.

Товарищи, я уже вам сказал, что сейчас наша социалистическая система ведет смертельную борьбу с капиталистической системой. Что это значит? Это значит, что нам нужно уметь побеждать не только на войне, в которой мы безусловно победим, если даже на нас нападут завтра; это значит, что мы должны побеждать не только на наших фабриках и заводах, что мы делали и делаем, создавая новые гиганты нашего промышленного строительства; это значит, что нам нужно не только побеждать в нашем сельском хозяйстве, внедряя новую современную технику, технику, покоящуюся на последнем слове науки, а это значит, что нам нужно побеждать и в области литературы, нам нужно побеждать и в искусстве, нам нужно побеждать во всех решительно отраслях знания, если мы действительно всерьез и по-настоящему решаем хоронить капитализм. А ведь присягу в этом мы дали еще 16 лет тому назад.

Сейчас наша задача, наша борьба усложняется с каждым днем. Возьмите любой участок работы. Возьмите, например, область техники, — я знаю, что вы на этот счет большие застрельщики, — но, товарищи, хотя я и не шибко боюсь буржуазной техники, все-таки, говоря по совести, буржуазная техника — вещь довольно солидная, многовековая, овладеть ею в два счета, нахрапом, по постановлению комсомольской ячейки — не выйдет. (Аплодисменты.) Надо подзаняться, и при этом самым серьезным, самым терпеливым образом. Когда поближе подойдешь к этой технике, то тут порядочно может быть разочарования, здесь, может быть, придется вспомнить слова одного пионера, который заявил: «Чорт его знает, почему я не родился грамотным, это было бы гораздо лучше, чем теперь заниматься арифметикой». Может быть, и многие из нас жалеют, почему они не родились технически грамотными, но тут уж жалей, не жалей, а овладевать этим делом придется. И здесь вновь и вновь приходится вернуться к вопросу об осуществлении и проведении в жизнь лозунга товарища Ленина — учиться.

В нашей огромной, многомиллионной Советской стране есть еще много изъянов, много некультурного, бедного, но во всей нашей великой стране нет сейчас ни одного места, где не было бы новых ростков, создающих новую социалистическую систему. Вчера еще — голая песчаная степь, а сегодня вы встречаете здесь расцветающие новые социалистические города; вчерашняя пустыня сегодня прорезается новыми способами культурного человеческого сообщения. Все это требует от нас правильного использования, правильного всем этим делом управления, руководства. Я повторяю, перед нами стоит та задача, о которой особенно часто и совершенно правильно говорит товарищ Сталин, — задача воспитания и выковывания новых кадров, новых строителей социалистического общества.

Но как же мы можем иметь эти новые кадры, этих новых надежных, твердых, уверенных строителей, если мы не вспомним еще и еще раз и крепко не запишем, а еще лучше не зарубим на комсомольском, партийном и каком угодно, только честном носу, не зарубим лозунг Ленина о необходимости учиться, учиться и учиться. Товарищи, ведь и капиталисты не дремлют, не зевают, они делают все к тому, чтобы срок соревнования двух систем продлить как можно дольше, они изыскивают все новые и новые способы и методы, чтобы противостоять напирающей, растущей и крепнущей нашей социалистической стройке.

Уверяю вас, товарищи, что если мы с вами сегодня, в день нашего торжества, дадим настоящую комсомольскую, большевистскую клятву, что каждый из нас, на каком бы фронте или участке работы он ни находился, что каждый из нас действительно будет проводить в жизнь этот лозунг «учиться», уверяю вас, что наша вторая пятилетка даст нам гораздо больше результатов, гораздо больше достижений, чем те, которые мы имели в период первой пятилетки. Я знаю, что в ряде организаций и в целом — в комсомоле сейчас вокруг этого лозунга подымается очень большая волна, и это, товарищи, обещает нам в ближайшее время значительные результаты, ибо тогда остающийся в истории человечества период совместного существования двух систем, социалистической и капиталистической, несомненно, будет сокращен.

Если каждый день, каждый час нашего существования дает не только нам, но и всему трудящемуся и угнетенному человечеству все новые и новые доказательства правильности великого ленинского пути освобождения человека от векового рабства, то там, на той стороне, дело обстоит иначе. Там не могут найти надежный и твердый путь, который вывел бы капиталистическую систему из тупика, в котором она оказалась. И вот наши успехи, наш гигантский рост возбуждают бешеную ненависть врагов, вызывают новые поползновения фашистского отребья искать выход в войне против нашего Советского Союза.

В связи с этим, товарищи, несколько слов о задачах комсомола в области обороны нашего Советского Союза. Наряду с учебой, которой вы должны будете отвести очень заметное, очень большое место, вы должны уделить силы и внимание военному делу в широком смысле этого слова.

Товарищи, ваш союз насчитывает пять миллионов человек. Но ведь это не просто человек, а

комсомольцев, и не просто комсомольцев, а комсомольцев-ленинцев. Так вот вы сейчас на одну минуту представьте, что эти пять миллионов человек, до мозга костей преданных нашей коммунистической партии, рабочему классу и нашей социалистической стройке, эти пять миллионов человек научились в достаточной степени основательно владеть всеми средствами обороны, с помощью которых мы будем отстаивать независимость нашего Советского Союза, — так вот я вас спрашиваю, товарищи, найдется ли в мире какая-нибудь сила, которая в состоянии будет опрокинуть этот огромный, великий ленинский отряд? Я думаю, что такой силы не найдется, особенно в том случае, если мы действительно делу учебы и военной науки уделим достаточно полное внимание.

Все наше воспитание, вся наша учеба должны проходить под знаком интернационализма. Не комсомолец тот юноша или та девушка, которые дальше своей страны ничего не видят. Не ленинцы тот комсомолец и та комсомолка, которые не находят в поле своего зрения миллионов трудящихся и угнетенных Старого и Нового Света. Все существование комсомола, вся его борьба шла под ленинским знаменем интернационализма. Она пойдет под этим знаменем и впредь. И вот, если мы с вами в сегодняшний великий наш праздник условимся бережно, самоотверженно следовать тем указаниям, которые нам даны великим основоположником нашей партии — В. И. Лениным, если мы, независимо от того, на каком участке работы мы исполняем наши обязанности, — будем ли мы полоть огурцы на огородах или будем взлетать на чудесных шарах в стратосферу, — если мы будем помнить этот основной завет великого учителя, то мы, товарищи, и впредь будем так же успешно, так же победоносно продолжать великое дело того, которого с нами сегодня в нашу историческую дату нет. Ленина, товарищи, с нами нет, но Ленин есть! Есть Ленин! Это — миллионы выкованных, воспитанных в кровавой классовой борьбе рабочих, партийцев, беспартийных и комсомольцев, которые ведут за собою миллионы страждущих и угнетенных, перед которыми история открыла одну единственную дорогу — дорогу вперед.

Под руководством великого продолжателя дела Ленина — товарища Сталина мы, могучая коммунистическая партия вместе с нашим бодрым, веселым, призванным осуществить во всем мире коммунистическую революцию Союзом молодежи, пойдем по этой единственной дороге вперед, и мы победим! (Бурные аплодисменты. Комсомольский актив стоя приветствует товарища Кирова. Со всех концов зала несутся возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует товарищ Киров!»)

ПОБЕДА ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Из доклада о работе ЦК ВКП(б) на V областной и II городской Ленинградской партконференции 17 января 1934 года

С. М. КИРОВ
па объединенной V Областной и II Городской
партийной конференции (1934 г.)

У НАС И У НИХ

Если Маркс говорил, что «призрак коммунизма бродит по Европе», то теперь уже коммунизм не призрак, а могучая реальная сила, он находит свое воплощение в СССР — цитадели мировой революции.

На одной стороне мы имеем растущую социалистическую систему хозяйства, победно идущую вперед, а на другой — гниющий капитализм.

Я приведу лишь немного цифр, чтобы подчеркнуть разительную противоположность этих двух непримиримых систем. Если считать 1929 год за 100 и взять физический объем продукции нашей страны и капиталистических стран, то получается, что в 1933 году по сравнению с 1929 годом ф изический объем продукции СССР выражается в 201,6, в Англии — в 86,1, во Франции — в 77,4, в Германии — в 66,8, в Соединенных Штатах — в 64,9.

Если брать общее валовое выражение, то по росту физического объема продукции мы заняли первое место в мире.

Как развивается народный доход у нас и в старых «богатых», как принято называть, капиталистических странах? Если взять 1929 год за 100, то в Советском Союзе 1930 год дал 121, 1931 год — 141, 1932 год — 157, 1933 год — 173. В Англии по части народного дохода имеем соответственно по годам — 98, 87, 82. В Германии — 92, 75, 61. В Соединенных Штатах Америки — 83, 61, 43, т. е. уменьшение больше чем вдвое.

Если взять продукцию машиностроения, то если в 1928 году было 100, то в 1932 году в нашем

Советском Союзе этот индекс со 100 возрос до 404. В Англии же мы имеем 78, во Франции — 69, в Польше — 44, в Германии — 38, в США — 18.

Вот куда мы идем и куда они идут.

Помните, товарищи, было время, когда мы, подытоживая наши успехи, делали обычно сравнение с 1913 годом. И если мы говорили тогда о задаче «догнать и перегнать», то было немало таких, которые думали, что на это уйдет 50 и больше лет. А вот как обернулось дело сейчас. Мы и догоняем, и перегоняем, и из года в год улучшаем положение наших рабочих и крестьян.

Возьмите чугун. Чугун — основа всего промышленного хозяйства. В 1928 году США были на первом месте — они добывали 38 миллионов тонн, а Германия — 11 миллионов, Франция — 10 миллионов, Англия — 6 миллионов, Бельгия — 3,8 миллиона, СССР — 3,2 миллиона тонн, т. е. мы в 1928 году, стоя на шестом месте, фактически среди мировых держав стояли на последнем месте.

А что получилось в 1932 году? (У меня нет данных за 1933 год по другим государствам, поэтому беру 1932 год.) В 1932 году США добывали 8,9 миллиона тонн, Советский Союз — 6,1 миллиона, Франция — 5,5 миллиона, Германия — 3,9 миллиона, Англия — 3,6 миллиона, Бельгия — 2,7 миллиона тонн. Таким образом, в 1932 году по чугуну мы стояли уже на втором месте, а в 1933 году мы добыли 7,2 миллиона тонн и поставили в программу 1937 года 18 миллионов тонн. Чугун — это то, что решает дело всего народного хозяйства, и мы с шестого места за небольшой промежуток времени перешли, как видите, на второе место. (Аплодисменты.)

Возьмем производство грузовых автомобилей. Мы в 1928 году занимали девятое место, причем впереди стояли США, Франция, Англия, Канада, Германия, Италия, Чехословакия. Теперь, в 1933 году, спор идет о том, занимаем ли мы второе или третье место. Если взять такую машину, как трактор, то в 1928 году первое место занимали США — они произвели 171 тысячу штук, а мы всего лишь 1,4 тысячи штук. В 1932 году США произвели 68,8 тысячи, мы — 50,6 тысячи штук. За 1933 год у меня данных по Америке нет, а у нас произведено 78,1 тысячи, т. е. мы занимаем первое место по тракторам. (Аплодисменты.) Товарищи, вы помните слова Ленина, который мечтал о ста тысячах тракторов, как о решающем условии победы социализма в деревне:

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)» / Ленин, т. XXIV, стр. 170./.

Теперь только видишь, как был в этом вопросе прав наш великий вождь и учитель. Мы двинули в деревню тракторы десятками тысяч, и оказалось, что трактор решил дело.

Я вам приводил данные о том, как развивается наше коммунальное хозяйство. Так, если 1929 год взять за 100, то в 1932 году в Советском Союзе затраты на жилищное строительство выражаются в 289, а в Германии — 17,1 вместо 100 и в Соединенных Штатах—14,9. Вот какое положение. Вот, товарищи, что происходит у нас и у них. Тут и цифры, тут и факты. Причем все эти цифры для буржуазных стран взяты не из нашей Коммунистической академии, а из их буржуазной статистики.

Они кичатся своей старинной культурой и «цивилизацией», они говорят, что мы варвары и отсталые люди. Мы готовы признать, что мы еще не настолько культурны, насколько мы того хотели бы, но если взять состояние науки и культуры сейчас у нас и у них, то вряд ли сравнение окажется в их пользу. Если у нас каждый пионер, каждый октябренок что-то делает, шевелится, хочет овладеть техникой и из этого получается толк, то там, за границей Советского Союза, для заслуженных, для опытных людей науки и техники не находится работы, не находится места. Я не говорю об «арийцах», которые борьбу против науки, за средневековое мракобесие сделали своим знаменем.

Ведь это факт, что люди науки и искусства, мастера техники, изобретатели десятками тысяч выброшены буржуазией из производства и обречены на нищету и голодную смерть. Вот к чему привела буржуазная «цивилизация» и буржуазная культура.

Капиталистам сейчас в условиях кризиса не нужно иной техники, кроме военной техники, и не нужна наука.

После этого становится ясным для всех, что только Советский Союз является подлинным носителем культуры и прогресса.

Я хочу привести еще один, не менее важный, показатель — общий рост населения у нас и у них.

Если взять 1913 год, то в Англии на 1 тысячу населения прирост составлял 9—10 человек, в 1932 году на 1 тысячу — 3,3, т. е. в три раза меньше. В Германии в 1913 году на 1 тысячу населения прирост — 13 человек, а в 1932 году — 4,3. В Советском Союзе в 1933 году еще нет подсчета, сколько родилось, но порядочно. (Смех.) В 1932 году прирост на 1 тысячу составлял 17 человек. (Аплодисменты.)

Это, товарищи, не последний вопрос, ибо эти цифры в самом обобщенном виде отражают общее благосостояние народных масс.

КАМНЯ НА КАМНЕ НЕ ОСТАЛОСЬ ОТ ВСЕХ ПРОРОЧЕСТВ ОППОРТУНИСТОВ

Вот вам сопоставление двух систем — у нас и у них, из которого совершенно ясно, кто идет в гору, кто идет под гору, в чью пользу решает история, за кем будущее всего человечества — за нами или за ними. А ведь всего несколько лет тому назад троцкисты и правые оппортунисты — Рыков, Томский, Бухарин, Угланов и другие — пророчили нам гибель и позорный провал нашей пятилетки. Буржуазные перерожденцы и поганенькие капитулянты называли нас термидорианцами, обвиняли нас в том, что мы изменили ленинизму и марксизму.

Камня на камне не осталось от их пророчеств. Сейчас они пишут покаянные статьи, они заявляют о торжестве генеральной линии партии, они каются в своих ошибках — да иначе и не может быть, так как говорить сейчас о «термидорианстве», о перерождении нашей партии может, пожалуй, только кандидат в сумасшедший дом.

А чего нам только ни пророчили наши враги из «солидного» буржуазного лагеря! Есть такая «почтенная» английская буржуазная газета «Таймс». В 1923 году она писала:

«Из здоровой страны Россия превратилась в вырождающийся малярийный район».

Буржуазный писака хотя по-русски и не понимает, но нарочно пишет «район», так как для него Россия, которая раньше при царе была «великой», «могучей» страной и т. д., после Октябрьской революции превратилась просто в «малярийный район». Дальше он пишет: «Египет, Вавилон, классическая Греция пришли к упадку благодаря появлению малярии». А мы тут говорим о хозяйственной системе, о производственных отношениях по Марксу и Ленину. Чепуха все это, оказывается. Пришла малярия, и Греция к чортовой матери полетела. «Те, кто любят русский народ, — продолжает этот почтенный писатель (это уже для слезы), — поражены трагедией, которая угрожает ему и его будущему».

Та же газета в 1927 году писала: «Идея Ленина о переделке русского сельского хозяйства, путем раздела земли между огромными коллективными хозяйствами, вместо миллионов мелких хозяйств, умерла и похоронена». Он, видите ли, был на панихиде. (Смех.) «Как печальный монумент, над его гробом возвышается горсточка так называемых советских хозяйств».

Здесь следует напомнить, что оппозиционеры то же самое писали и говорили в свое время.

Наконец, дальше — 1930 год. Та же газета пишет: «Самое большое, на что можно надеяться, это то, что правое крыло партии усилится, настоит на более медленной и осторожной политике в области коллективизации сельского хозяйства».

Надежды наших врагов, как вы видите, связывались с внутрипартийным переворотом.

Так было, товарищи, немного лет тому назад. Сейчас, в 1933 году, дело изменилось, и «Таймс» пишет о нашем строительстве по-иному. Иную выдержку из «Таймса» можно зачитать в любом пропагандистском кружке, не говоря, кто писал, и подумают, что это мы сами про себя написали, пожалуй, даже чересчур, — самокритики нет. Вот как отражаются успехи нашей стройки даже на самых твердолобых из наших врагов.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что если сейчас мы признаны всеми, если успехи нашей социалистической стройки заставляют удивляться весь мир, то наряду с этим бурный рост производительных сил в нашей стране вызывает ненависть и злобу по отношению к Советскому Союзу со стороны наших классовых врагов.

И вполне понятно, что в буржуазном лагере находятся люди, которые ищут выхода из кризиса капиталистической системы за счет раздела Советской страны. Наиболее яркими и прямолинейными выразителями этой политики являются два представителя воинствующего империализма, с одной стороны — Араки, с другой стороны — Гитлер. Один мечтает дойти до Читы, а другой — «скромно» отхватить Украину вместе с Черноморьем и Прибалтикой.

Повторяю, это самые прямолинейные и откровенные из наших врагов.

Самое серьезное положение, с точки зрения возможности посягательства на Советский Союз, создалось на Дальнем Востоке.

Среди японских империалистов идет борьба вокруг вопроса о том, воевать или не воевать с Советским Союзом за Дальневосточный край и дальневосточные земли. Наиболее разумная часть японской буржуазии против войны, она понимает, что это дело может обернуться для них худо, такова же позиция и некоторой части военщины, так как не вся военщина поддерживает Араки в том, чтобы организовать нападение на Советский Союз-

Наиболее дальновидная часть японской буржуазии рассуждает так: вот если бы Араки или фашистская группа военщины могла гарантировать стопроцентную победу над Советским Союзом, то, конечно, завтра же вся японская буржуазия объявила бы войну.

Но тут же для них возникает вопрос: а что будет в том случае, если война принесет не победу, а поражение?

Перед лицом растущей военной опасности мы должны вопросам обороны уделять самое серьезное, самое пристальное внимание. Нельзя сказать, что мы уже сейчас настолько обеспечены, что больше хлопотать не о чем. Это было бы величайшей ошибкой. Завоевания у нас во всех областях социалистической стройки колоссальные, но и соблазн ударить по Советской стране тоже очень большой.

Нам надо не упиваться победами и завоеваниями, которые мы имеем, мы не должны допустить того, чтобы у нас от этих успехов закружилась голова, а это может быть потому, что успехи наши действительно огромны и программа работ на будущее тоже колоссальна.

Для неискушенного человека вторая пятилетка покажется головокружительной, но наша большевистская голова кружиться ни в коем случае не должна.

УЗЛОВЫЕ ЗАДАЧИ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Основная задача, которая стоит перед нами на ближайшие годы, — это успешное осуществление второй пятилетки, подобно тому как мы выполнили первую пятилетку. Внешне кажется, что вторая пятилетка будет легче, потому что она вторая — одну уже сделали, вторую как будто легче делать. Но это не всегда так и в данном случае это тоже не так. Вторая пятилетка потребует еще большего напряжения сил от партии и рабочего класса, большего уменья и гибкости от каждого из нас на всех участках социалистической стройки.

Перед нами во второй пятилетке стоят грандиозные задачи, которые подробно изложены в тезисах к XVII съезду партии по докладам товарищей Молотова и Куйбышева. Я задержу ваше внимание и приведу несколько цифр. Объем продукции в 1937 году должен составить 103 миллиарда рублей против 43 миллиардов, которые мы имели в 1932 году. Производство средств производства должно составить 209,4 %» к тому, что было в 1932 году. Производство предметов потребления должно составить 268,8 %. Необходимо техническое вооружение всех отраслей народного хозяйства, если мы действительно хотим поднять нашу программу. Своим отечественным машиностроением мы должны обеспечить все отрасли народного хозяйства. В цифрах этого не выразить, но это громадная задача.

Мы должны завершить в основном механизацию всех трудоемких процессов. Это звучит очень кратко, а на деле это колоссальная задача.

Мы должны завершить в основном электрификацию и развернуть теплофикацию в крупных городах.

Мы должны изжить отставание в области черной металлургии, добиться решающего сдвига в развитии химии.

Мы должны всемерно развить легкую и пищевую промышленность. Наша задача — поднять производительность труда в промышленности за вторую пятилетку на 63 % и снизить себестоимость на 26 %. Нам предстоит добиться резкого улучшения качества и ассортимента.

Мы должны поднять продукцию сельского хозяйства с 13,1 миллиарда до 26,2 миллиарда рублей, в основном завершить механизацию сельского хозяйства, на протяжении второй пятилетки полностью внедрить агротехнику в сельском хозяйстве и повысить значение химических удобрений.

Мы должны поднять грузооборот по железным дорогам с 169 миллионов до 300 миллионов тонн, в речном транспорте — с 26 до 63 миллионов тонн, в морском — с 18 до 51 миллиона тонн, обеспечить железные дороги и водный транспорт подвижным составом.

Мы должны повести гигантское строительство новых водных путей, — я имею в виду Балтийско-Беломорский канал, канал Москва — Волга, постройку нового канала Волга — Дон, реконструкцию Мариинской системы и постройку ряда магистралей, благодаря чему мы еще теснее свяжем и скрепим важнейшие экономические области нашего Советского Союза.

Мы должны за этот промежуток времени проделать огромную работу в области воспитания, поднятия уровня наших кадров по всем линиям нашей работы.

Мы должны целесообразно, с толком, со вниманием, с максимальным эффектом повысить объем капитальных работ до 133,4 миллиарда рублей против 50,5 миллиарда рублей за первую пятилетку. Мы должны увеличить численность рабочих и служащих за это время на 30 % и поднять реальную зарплату в два раза.

Мы должны ввести всеобщее политехническое образование во всей стране.

Мы должны поднять коммунально-жилищную культуру наших городов.

Мы должны будем увеличить во второй пятилетке товарооборот с 31,9 миллиарда рублей до 80 миллиардов рублей (в ценах 1932 года). Мы должны снизить розничные цены на предметы широкого потребления на 35–40 %. Мы должны будем добиться того, чтобы размер народного дохода во второй пятилетке поднялся с 45,5 миллиарда рублей до 100 миллиардов рублей, т. е. в 2,2 раза.

Среди этих громадных проблем, которые стоят перед нами, исключительного внимания требуют две задачи, о чем говорил товарищ Сталин в беседе с американским корреспондентом Дюранти, — это коренное улучшение работы нашего транспорта, прежде всего железнодорожного, и дальнейшее энергичное развертывание товарооборота. Нам нужно на транспорт навалиться силами всей партии, как мы это умеем делать, и в кратчайший срок упорядочить работу всех видов транспорта.

Вторая, не менее огромная, не только хозяйственная, но и политическая задача стоит перед нами в деле развертывания товарооборота. Я имею в виду не только товарооборот сам по себе, а все проблемы, которые связаны с этим вопросом, начиная с широкого развертывания товаропроводящей сети, всемерного улучшения и рационализации этой сети и включая производство товаров широкого потребления. Нам надо будет произвести в два с половиной, три раза больше товаров широкого потребления, чем мы производим сейчас, и решительно улучшить качество их. Это, товарищи, чрезвычайно важная задача в работе нашей партии, ее нужно выполнить во что бы то ни стало.

Продукцию сельского хозяйства во второй пятилетке нам предстоит увеличить вдвое. Следовательно, громадное количество товарной продукции двинется из села в город, который должен встретить эту сельскохозяйственную продукцию встречным потоком своих товаров, товаров фабрик и заводов, для нашего крестьянина.

Это все такие задачи, которые сейчас приобретают особую важность.

Мы шестнадцать лет строим социализм, и с каждым годом повышаются и будут повышаться материальные и культурные запросы рабочих и колхозных масс.

С каждым годом будет расти спрос на товары, и не просто на товары, а на товары высокого качества. Сейчас рабочий, работница, колхозница не купят первый попавшийся предмет.

Сейчас, покупая материал на платье или костюм, народ приходит и смотрит, чтобы выбрать что-нибудь покрасивее. Теперь работницы, колхозницы приходят и спрашивают, нет ли с искоркой, в полоску, нет ли чего-нибудь такого, чтобы помолодеть, когда наденешь. Можем мы сделать хорошие товары или нет? Говорят тут о тысяче препятствий, говорят о том, что нет красителей, того, другого. Сидят люди и ждут у моря погоды, а дела не идут.

Я считаю, что с этим надо кончать. Мы можем и должны поднять качество наших тканей, обуви, одежды. Мы можем и должны дать нашему рабочему, колхознику, специалисту, нашей советской растущей молодежи не только в нужном количестве, но и высококачественный советский товар.

Мы должны добиться того, чтобы каждый трудящийся нашей страны, который честно и добросовестно работает, мог лучше одеться, получше покушать, поднять свой культурный уровень и побольше знать, что делается на свете.

И если мы вторую пятилетку осуществим так же успешно, как первую, то политический итог будет тот, что мы сделаем социалистическую систему производства единственной системой в нашей стране и придем к окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще. Успешным осуществлением второй пятилетки мы завершим техническую реконструкцию всего народного хозяйства, поднимем в два-три раза благосостояние рабочих и крестьян. Но для этого необходима большевистская мобилизация всех сил партии и рабочего класса. Во второй, как и в первой, пятилетке меньше всего можно полагаться на самотек.

Выполнение второй пятилетки, которая несет окончательную гибель остаткам паразитических классов, будет происходить в условиях ожесточенной классовой борьбы.

«. .социализма нельзя «ввести»… он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы. .» / Ленин, т. XXII, стр. 156. /

Мы должны крепить диктатуру пролетариата, повышать революционно-классовую бдительность, неизмеримо больше сделать для дальнейшего укрепления обороноспособности нашего Советского Союза. Мы должны быть на страже генеральной линии нашей партии, вести беспощадную борьбу против всех разновидностей оппортунизма. Мы должны будем, как сказано в тезисах, добиться того, чтобы после осуществления работ второй пятилетки наш Советский Социалистический Союз

превратился в технико-экономически независимую страну, в самое передовое в техническом отношении государство в Европе. (Аплодисменты.)

СТАЛИН — ВЕЛИКИЙ ОРГАНИЗАТОР ПОБЕД РАБОЧЕГО КЛАССА

Для успеха второй пятилетки надо работать по-большевистски, надо работать по-сталински.

Все возможности у нас есть для того, чтобы организовать новые победы во второй пятилетке. Заводы и фабрики наши, власть наша, порядки на заводе целиком зависят от нас. Мы провели огромную техническую реконструкцию, всяческие, даже самые сложные, машины научились делать сами.

Надо глубоко освоить новую технику, надо поднять до невиданных пределов производительность труда, и все это зависит только от нас самих. В сельском хозяйстве, в колхозах ли, в совхозах ли, земля наша, земли сколько угодно, власть в наших руках, порядки в работе так же, как и в промышленности, зависят целиком от нас. Технику даем в колхоз огромную. Надо овладеть ею, надо поднять производительность колхозного труда. Все дело в нас самих, в организации нашей работы.

Генеральная линия нашей партии проверена практикой и опытом миллионных масс трудящихся; рабочий класс и колхозное крестьянство неуклонно идут по пути, указанному нашей партией. Вторую пятилетку они единодушно одобряют как боевую программу их дальнейшей работы. В этих условиях совершенно исключительное значение получает правильная организация работы и руководства.

Товарищи, есть одна единственная сила, которая руководит всем делом социалистической стройки, направляет все наше движение вперед, — это наша коммунистическая партия.

Мы выковывали генеральную линию партии в боях с правым и «левым» оппортунизмом, неуклонно проводя заветы великого основоположника нашей партии — Владимира Ильича Ленина.

Мы организовали развернутое наступление социализма на основе учения Ленина — Сталина о строительстве социализма в одной стране. Наша борьба принесла полное торжество ленинской политики партии. Надо и в дальнейшей работе твердо проводить проверенную жизнью генеральную линию построения социализма в нашей стране, помня, что новые успехи работы зависят только от нас самих, от правильного построения организационно-практического руководства во всех отраслях строительства.

Товарищи, заманчивая картина открывается перед нами в конце 1937 года. Основная задача второй пятилетки — окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, освоение новой техники и новых предприятий, машинизация сельского хозяйства и поднятие его продуктивности. Мы подходим и в итоге второй пятилетки придем, если будем работать, как учит нас товарищ Сталин, к бесклассовому социалистическому обществу. Это, товарищи, такая всемирно-исторического значения перспектива, которая действительно, мне кажется, и мертвого должна разбудить для широкой, большой творческой, созидательной работы. Но было бы ошибкой думать, что так легко это дается и так легко повернуть на новые рельсы нашу работу.

Товарищи, говоря о заслугах нашей партии, об успехах нашей партии, нельзя не сказать о великом организаторе тех гигантских побед, которые мы имеем. Я говорю о товарище Сталине. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)

Я должен сказать вам, что это действительно полный, действительно всегранный последователь, продолжатель того, что нам оставил великий основатель нашей партии, которого мы потеряли вот уже десять лет тому назад.

Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны.

Я должен сказать, что это относится не только к строительству социализма в целом, но и к отдельным вопросам нашей работы. Например, если взять вопросы обороны нашей страны, то надо со всей силой подчеркнуть, что всеми нашими успехами, о которых я говорил, мы целиком и полностью обязаны Сталину. (Аплодисменты.)

Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивает партии

своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма.

Возьмите лозунги товарища Сталина: «Сделать колхозника зажиточным», «Сделать колхозы большевистскими», «Овладеть техникой», шесть исторических условий товарища Сталина, — все, что направляет строительство социализма на данной стадии нашей работы, исходит от этого человека, и все, что нами завоевано в первой пятилетке, достигнуто на основе его указаний.

По указанию товарища Сталина мы ставим в программу дня нашей ближайшей работы и вопрос об организационной перестройке всех наших организаций, начиная от партийной и кончая хозяйственной, советской и другими. Этот вопрос сейчас приобретает совершенно исключительное! значение. Потому что, если верно, что в наших руках есть все для того, чтобы победоносно завершить строительство социализма в нашей стране, чтобы крепко держать в руках нити международного пролетарского движения, — если все это так, если все зависит от нас, то, следовательно, организационное построение наших органов, учреждений и прочее приобретает сейчас особое значение.

Надо вам сказать, что между XVI и XVII съездами в этом отношении ЦК проделана колоссальная работа. Я вам уже говорил, что ЦК произвел дальнейшее районирование наших сельских местностей, разукрупнил наркоматы, производил периодическую чистку наших учреждений, развернул широкую борьбу с канцелярско-бюрократическими методами руководства. ЦК, как вы знаете, давал конкретные указания в области работы угольной промышленности, транспорта, ЦК обращал внимание не только на большие организационные вопросы, давал директивы не только целым отраслям промышленности, но и отдельным заводам.

ЦК произвел разукрупнение профессиональных союзов, организовал политотделы на транспорте, в МТС и совхозах. По решению ЦК проводится чистка партии — не только потому, что в нашу партию проникли отдельные чуждые элементы, но и для того, чтобы в ходе этой чистки поднять на новую идейную ступень, на новый идейный уровень наши партийные организации. Тут присутствует товарищ Шкирятов, который много поработал по чистке нашей организации, принесшей нам колоссальную пользу. Результаты чистки окажут свою пользу и впредь, если мы не будем рассматривать работу товарища Шкирятова формально, не будем рассматривать ее так: чистка прошла, кое-кого вычистили и все в порядке. А сделаны ли необходимые выводы для улучшения работы?

Вот, товарищи, основные вехи нашей организационной работы, краткий перечень того, что проделано.

В настоящее время партия развертывает огромную дальнейшую организационную перестройку, которая должна создать такие формы организации в партии, советах, хозяйственных организациях, профсоюзах, которые дадут возможность еще более полно овладеть всем существом дела во всех областях социалистического строительства, поднять организационно-практическую работу на уровень политического руководства.

Товарищ Сталин не раз говорил: пора начать работать по-новому, пора начать руководить по-новому, — конкретно, со знанием дела. Мы посылали приветствие товарищу Сталину, в котором говорили: «Ты научил нас работать по-новому, ты научил нас руководить по-новому», а ведь, товарищи, надо признаться, что подчас у нас было больше пустых слов, больше хлопанья в ладоши, чем действительной перестройки и конкретного руководства. Это факт.

Мы сейчас по инициативе товарища Сталина думаем так организацию работы построить, чтобы в корне ликвидировать те крупные недостатки, которыми болеют наши советские, хозяйственные и партийные организации. Мы хотим уничтожить функционалку во всех наших организациях и учреждениях. Мы хотим глубоко и всерьез перейти от руководства вообще к так называемому конкретному руководству. Мы хотим увеличить на деле, а не на словах личную ответственность руководителя той или иной работы. Мы хотим поставить по-настоящему проверку исполнения решений, которые выносят партия и Советская власть. Мы хотим на деле сократить штаты, и так, чтобы они снова не разбухали. Мы хотим перебросить квалифицированные силы с бюрократических верхушек ближе к тем звеньям, которые руководят настоящей работой и настоящей жизнью. Мы ставим задачу перестроить тарифную систему оплаты труда не только на фабриках и заводах, но и в учреждениях. Мы хотим по-настоящему установить технический минимум знаний каждого работника, на каком бы посту он ни находился. Мы хотим организовать проверку технической и деловой квалификации работников независимо от их партийного стажа. Мы хотим поднять качество массового контроля и вовлечь наши профессиональные организации как контрольные учреждения в работу наших хозяйственных и советских организаций. Мы хотим значительно привлечь к практической контрольной работе наш комсомол. И, наконец, товарищи, мы хотим решительным образом перестроить нашу партийную организацию.

Но, прежде чем говорить о перестройке партийной организации, я хотел бы сказать несколько слов об усилении партийного контроля.

Товарищи, когда люди прочитали тезисы по докладу товарища Кагановича, то многим показалось, что настает «новая эра», — Контрольная комиссия ликвидируется, РКИ упраздняется, и теперь дело поворачивается так, что можно немножко «свободнее вздохнуть». Однако в тезисах, товарищи, точно указано, что ликвидируется и упраздняется и что перестраивается на новых началах. Мы считаем, что в тех формах, в которых существовали Контрольная комиссия и РКИ, они безусловно сделали для нашей социалистической стройки многое, они сыграли колоссальную роль. Но мы считаем, что дальше нужно произвести реформу в том направлении, чтобы не только не ослабить той строгой и жесткой линии контроля, которая существовала до сих пор, а, наоборот, повысить значение партийного и советского контроля.

И то обстоятельство, что мы на съезде партии изберем руководящих людей нашего советского и партийного контроля и что эти люди не будут находиться в такой «демократической» связи с местными организациями, а контроль будет организован в форме уполномоченных сверху по линии партии и Советов, мы думаем, что это должно будет усилить значение наших контрольных органов, и это, несомненно, так.

Мы все, конечно, замечательные люди, передовые, в частности мы, ленинградцы, — авангард, это все верно. Но верно и то, что когда ты избираешь контрольный орган здесь, на конференции, а потом он тебя будет контролировать, то тут есть свои особенности, выражаясь мягко.

Иное дело будет тогда, когда уполномоченный по контролю, облеченный волею съезда, явится сюда к нам и может с точки зрения общих партийных и советских интересов посмотреть на любую из наших организаций совершенно объективно, невзирая на лица. Не об ослаблении и умалении контроля идет речь, — речь идет как раз об его усилении.

В проекте тезисов по докладу товарища Кагановича записано, какие требования будут предъявляться в отношении ответственности, контроля, единоначалия и всего прочего.

РАБОТАТЬ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ, РАБОТАТЬ ПО-СТАЛИНСКИ

Надо сделать таким образом, чтобы человек действительно отвечал за свою работу, где бы он ни сидел, что бы он ни делал. Для этого надо подумать о дисциплине не только партийной, но и о дисциплине советской, хозяйственной и прочей. Поэтому в проекте тезисов написано:

«Съезд партии предупреждает всех работников партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций, в первую очередь коммунистов, что, поощряя лучших работников, ЦК партии и советские руководящие органы будут снимать со всяких постов, ставить на низшие посты и строго взыскивать со всех работников, невзирая на лица, которые будут нарушать партийную и советскую дисциплину». Этот пункт говорит о том, что мы дисциплину ставим во главу угла практики нашей работы. Коротко, наши организационные мероприятия сводятся к следующему. Мы хотим дело обставить таким образом, чтобы обеспечить конкретное руководство, перестать заниматься руководством вообще. Все мы как будто понимаем, что такое конкретное руководство, но перейти к этому конкретному руководству не всегда удается. Вот поэтому мы хотим и контроль поставить таким образом, чтобы, скажем, Комиссия проверки исполнения при Совнаркоме проверяла выполнение конкретных заданий правительства на местах. Мы хотим по всей линии перейти к такому руководству, которое давно практикует Центральный Комитет.

Вот, например, Центральный Комитет не ограничивается только тем, что определяет общий план рыбного хозяйства в нашей стране. Нет, этого мало. Центральный Комитет определяет, какое количество должна выловить Ленинградская область, и не только вообще вся область, а по водоемам: скажем, в Онежском озере столько-то, в искусственных прудах — столько-то, для этого необходимо построить столько-то станций и т. д. Это есть конкретное руководство. И потом, когда нужно будет проверять партийным или контрольным органам, они сумеют не вообще проверять, как обстоит дело по области, а как обстоит дело во внутренних водоемах, как на Севере, как в прудах, поймали что-нибудь или не поймали. Мы хотим перейти к такому руководству во что бы то ни стало. Это даст громадный толчок для улучшения работы. Проверка исполнения — старый, но всегда новый вопрос. И вот сейчас, реорганизуя контрольные органы, необходимо будет поставить действительно по-настоящему, не на словах, а на деле проверку работы и проверку людей.

В тезисах написано, что периодически нужно проверять техническую, деловую сторону того или другого работника. Что это значит? А это значит, что время от времени мы возьмем любого нашего работника и проверим его деловые качества, что он из себя представляет. Если он отвечает заданиям, которые стоят перед ним как человеком, находящимся на том или ином посту, тогда одно; если не выходит, — пожалуйте пониже, опять не выходит — еще пониже, а вырос человек — надо двигать его вверх. И это твердо надо провести по всей линии.

Технорук, — мы проверим тебя как технорука; если ты красный директор, любишь рапортовать о технологических процессах, посмотрим, какой ты на самом деле организатор, как умеешь людей расставить, как умеешь изучать работу. Сразу тогда все видно будет. А для того, чтобы человек был виднее, надо по возможности все наши излишние надстройки уничтожить.

Здесь речь идет не о простом сокращении штатов. Если у нас раньше в городских и районных партийных комитетах было много отделов, то сейчас мы их хотим упразднить и оставить один — отдел культуры и ленинской пропаганды. Раз отделы ликвидированы, попробуйте штаты завести — не выйдет. По линии хозяйственной мы хотим поставить дело так: если ты директор и овладел руководством завода, то остальных, тех, которые хорошо знают производство, мы перекинем в цеха, — в аппарате они тебе не нужны.

Одной из важнейших задач, вытекающих из тезисов ЦК по организационному вопросу, является укрепление единоначалия во всех областях работы. Нам необходимо покончить с коллегиальным способом управления и заседательским бесплодием.

Нам нужна строгая, деловая критика людей на работе — как партийных, так и беспартийных.

Я знаю, что мы будем иметь трудности при практическом проведении намеченной перестройки. Но мы во что бы то ни стало должны это сделать, если хотим работать по-сталински. Я говорю о товарище Сталине потому, что метод его работы — образец для нас всех.

Если он взялся за какое-нибудь дело, он его доведет до конца.

Совсем не так бывает иногда в нашей повседневной практике. Сплошь и рядом выходит: выносим решение, подходящее решение как будто бы, а потом положат его, не спрашивают о нем, и оно потихоньку забывается. Ты забыл, и все забывают. Я рекомендую всем руководителям учреждений проверить на досуге, сколько они вынесли решений и сколько решений не только в жизнь не проведено, а просто забыто.

Почему это? Потому, что многое мы делаем «вообще» и не наладили проверки исполнения.

Товарищи, последнее, на чем я хочу остановиться, — это то новое, что вносит ЦК в наш устав. Я очень рекомендовал бы вам крепко и твердо запомнить это новое в нашем партийном уставе.

В чем тут дело? Теперь в новой редакции устава коммунистической партии прямо и открыто говорится, какую задачу наша партия ставит перед собой, а раз мы ставим перед собой такую задачу и запечатлеваем ее в уставе, то значит мы целиком и полностью должны отвечать за то, что там сказано. «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), являющаяся секцией Коммунистического Интернационала, есть передовой, организованный отряд пролетариата Союза ССР, высшая форма его классовой организации. Партия осуществляет руководство пролетариатом, трудящимся крестьянством и всеми трудящимися массами в борьбе за диктатуру пролетариата, за победу социализма. Партия руководит всеми органами пролетарской диктатуры и обеспечивает успешное построение социалистического общества». Мы говорим открыто, не скрывая, что всеми органами Советской власти руководим мы, и это записано в нашем уставе: «Партия является единой боевой организацией, связанной сознательной железной пролетарской дисциплиной. Партия сильна своей сплоченностью, единством воли и единством действий, несовместимых с отступлением от программы, нарушением партийной дисциплины и с фракционными группировками внутри партии.

Партия требует от своих членов активной и самоотверженной работы по осуществлению программы и устава партии, выполнению всех решений партии и ее органов, обеспечению единства рядов партии и укреплению братских, интернациональных отношений как между трудящимися национальностей СССР, так и с пролетариями всех стран мира». Отсюда вытекают те требования, которые в новом уставе мы предъявляем к членам нашей партии. «Член партии обязан:

а) соблюдать строжайшую партийную дисциплину, активно участвовать в политической жизни партии и страны, проводить на практике политику партии и решения партийных органов;

б) неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, важнейших политических и организационных решений партии и разъяснять их беспартийным массам;

в) как член правящей партии в Советском государстве быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины, овладевать техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную, деловую квалификацию».

Вот, товарищи, почему новый устав предусматривает такую тщательную проверку людей при приеме их в нашу партию. Там записано:

«Прием в члены партии производится исключительно в индивидуальном порядке. Новые члены принимаются из числа кандидатов, прошедших установленный кандидатский стаж, школу политической грамоты и усвоивших программу и устав партии.

В члены партии принимаются рабочие, колхозники, красноармейцы, учащиеся и служащие, проявившие себя на работе в группах сочувствующих, в советах, профсоюзах, комсомоле,

кооперации, делегатских собраниях, после получения отзыва той организации, где вступающий работал или работает.

Порядок приема в члены партии из кандидатов следующий:

а) Устанавливаются четыре категории:

1) промышленные рабочие с производственным стажем не менее 5 лет; 2) промышленные рабочие с производственным стажем менее 5 лет, сельскохозяйственные рабочие, красноармейцы из рабочих и колхозников и инженерно-технические работники, работающие непосредственно в цеху или на участке; 3) колхозники, члены кустарно-промысловых артелей и учителя начальной школы; 4) остальные служащие.

б) Для приема в партию лица первой категории представляют три рекомендации членов партии с пятилетним партийным стажем; лица второй категории — пять рекомендаций членов партии с пятилетним партийным стажем; лица третьей категории — пять рекомендаций членов партии с пятилетним партийным стажем и рекомендацию представителя политотдела МТС или райкома; лица четвертой категории — пять рекомендаций членов партии с десятилетним партийным стажем» /«Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б)», стр. 674–675» /. Вот в основных чертах то новое, что записано в проекте устава, который на XVII съезде партии, надеюсь, будет утвержден. Эти пункты устава имеют колоссальное значение. Если к этим пунктам подойти, как нужно большевикам, то вы поймете, какие огромные новые требования, а с ними и новые задачи стоят перед каждым членом партии в связи с проектом партийного устава.

Я не сомневаюсь, что партия, а вместе с ней и наша Ленинградская организация сумеют сделать надлежащий вывод из той огромной работы, которую наша партия проделала за отчетный период, за последние три с половиной года. Я думаю, что мы сумеем достаточно самокритично оценить на огромном фронте наших побед и завоеваний ту часть работы, которая выпала за этот период времени на долю нашей славной, заслуженной Ленинградской партийной организации, и сделать все, что требует от нас ЦК для перестройки работы, чтобы успешно выполнить программу второй пятилетки.

Много тяжелого осталось позади, основные трудности пройдены, и пройдены победоносно. Это произошло потому, что руководила нами великая наука, которая называется марксизмом-ленинизмом, потому, что непосредственно вел нас за последние десять лет от победы к победе великий стратег, великий вождь международной революции товарищ Сталин. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, пролетариат нашей 160-миллионной страны крепко взял в свои руки судьбу трудящихся великого Советского Союза. Героический рабочий класс нашей страны, руководителем которого является лучшая из партий — партия большевиков, воспитанных и закаленных Лениным и Сталиным, обеспечит построение бесклассового социалистического общества во второй пятилетке и сумеет поднять трудящихся и угнетенных всего мира на решающий бой за победу коммунизма на всем земном шаре. (Бурные аплодисменты, овация, пение «Интернационала».)

ДОКЛАД ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ПРОГРАММА ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ

Речь на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 года

Выступление С. М. КИРОВА на XVII съезде ВКП(б) *(С картины худ. Д. Налбандьян)*

САМЫЙ ЯРКИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Товарищи, мы подводим итоги работы нашей партии и нашего Центрального Комитета за период времени в три с половиной года. Я думаю, товарищи, что самым коротким выражением содержания нашей работы за этот промежуток времени является то, что мы доказали практически (теоретически это было установлено партией значительно раньше) возможность победоносного строительства социализма в нашей, отдельно взятой стране и пришли к XVII съезду с величайшими победами.

Возможность построения социализма в одной стране — формула сама по себе очень короткая, и теперь она в рядах партии не вызывает ни в ком никаких сомнений. Но если вспомнить, какой путь предшествовал этой нашей победе, то станет ясным, какую исключительную роль сыграла наша партия, какую исключительную борьбу вынес под руководством нашей партии рабочий класс в деле осуществления ленинского плана строительства социализма в одной стране.

Ведь если вспомнить, товарищи, все наши внутрипартийные споры, то в конечном итоге все они вращались вокруг этой основной оси, вокруг решающего для пролетарской революции вопроса о возможности строительства социализма в отдельно взятой стране. Правда, не всегда и не везде атакующие генеральную линию нашей партии представители правых, «левых» и «лево»-правых оппортунистов откровенно высказывали свои сомнения относительно этой основной темы. Но мы знаем, что, с какой бы стороны ни начиналась атака на генеральную линию нашей партии, в конечном итоге, расшифровывая эту атаку, мы всегда видели, что в корне ее лежит вопрос о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Сейчас, повторяю, этот вопрос решен для нас не только теоретически, но и практически. Мы имеем не только колоссальные завоевания в деле нашей промышленности, в осуществлении ленинского лозунга индустриализации нашей страны, но мы за эти три с половиной года решительным образом повернули многомиллионное единоличное крестьянское хозяйство на новые, социалистические рельсы.

Социалистическое преобразование мелкобуржуазного крестьянского хозяйства было самой трудной, самой тяжелой и самой сложной проблемой для пролетарской диктатуры в ее борьбе за новое, социалистическое общество. Именно эта проблема, именно этот так называемый крестьянский вопрос и порождал в головах оппозиционеров сомнения в возможности победоносного строительства социализма в нашей стране. Этот главнейший вопрос пролетарской революции

решен теперь бесповоротно и окончательно в пользу социализма.

В итоге всей нашей работы мы на данной стадии нашего развития имеем такое укрепление диктатуры рабочего класса в нашей стране, какого мы не имели никогда. Мы имеем сейчас действительно крепко слаженное и прочно сцементированное наше великое Советское государство, создавшее фундамент социалистической экономики. Это дает огромное моральное удовлетворение не только рабочему классу и многомиллионному колхозному крестьянству нашей страны, но это является лучшим агитатором, самым сильным пропагандистом за дело социализма за пределами нашей страны среди международного пролетариата, среди всех угнетенных Востока и Запада.

Мне, товарищи, кажется, что многие из нас недостаточно учитывают итоги той работы, которую мы проделали за последние три с половиной года. В истории часто бывает так, что для того, чтобы оценить то, что было сделано исторически вчера, нужно отойти на порядочное историческое расстояние, посмотреть издали на то, что мы сделали.

Самым ярким и самым полным документом, который мы знаем до сегодняшнего дня, который нарисовал перед нами всю картину нашей великой социалистической стройки за три с половиной года, является отчетный доклад товарища Сталина на настоящем съезде. (Аплодисменты.)

Я думаю, не будет также преувеличением сказать, что мы еще не подошли к тому времени, когда мы досконально, полностью, до каждой запятой разберемся во всем том, что нам сказал здесь товарищ Сталин. (Голоса: «Правильно!») В его докладе был не только итог проделанной нами работы, — товарищ Сталин доказал нам путем глубочайшего марксистско-ленинского анализа, как мы этого достигли, почему мы этого добились. Товарищ Сталин не ограничился отчетной стороной своего доклада, он развернул перед нами гигантские перспективы работы на ближайшие годы, эту новую страницу нашей великой программы. И больше того, товарищи, там не только нарисована, изображена программа этой работы, — товарищ Сталин нам сказал, как нужно осуществлять эту программу, как нужно дальше укреплять и умножать нашу социалистическую стройку.

Мне, товарищи, казалось бы, что в итоге такого подробного обсуждения доклада ЦК нашей партии, которое имело место на настоящем съезде, было бы напрасно ломать голову над вопросом о том, какое вынести решение, какую вынести резолюцию по докладу товарища Сталина. Будет правильнее, по-моему, — и для дела во всяком случае это будет гораздо целесообразнее, чем всякое другое решение, — принять к исполнению как партийный закон все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина. (Голоса: «Правильно!» Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.)

Но этого мало, товарищи, одного этого далеко еще не достаточно для успеха дальнейшей работы. Принять — это одно, а второе — надо будет гарантировать нам всем авторитетом нашего великого съезда действительное, полное, настоящее, честное большевистское выполнение всего того, что здесь было сказано товарищем Сталиным. (Бурные аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»)

О ТЕХ, КТО ПРОСИДЕЛ В ОБОЗЕ

Товарищи, в итоге всей работы между XVI и XVII съездами мы видим, какая громадная перестройка всего народного хозяйства произошла в нашей стране, какая громадная передвижка в распределении социальных сил произошла у нас в пользу социализма.

Во всех звеньях нашей социалистической стройки сейчас преобладает социалистическое начало. И вот в такой-то обстановке, при таких-то итогах, казалось: стоило ли останавливаться на выступлениях, которые мы слышали здесь со стороны бывших лидеров правой и троцкистской оппозиции?

Съезд без особого внимания слушал их выступления, и вот, мне кажется, что к этим выступлениям надо теперь уже подойти не только с точки зрения теоретической, — мы эти дела дискутировали уже целый ряд лет тому назад (возгласы: «Правильно!»), а надо несколько более практически, так сказать, по-человечеству взглянуть на то, что произошло с вождями бывших оппозиционных группировок. Не вдаваясь в теоретический анализ взглядов всякого рода оппозиций, которых они и сами-то теперь не защищают, мне хотелось бы воспользоваться присутствием здесь военных и представить себе, скажем, такую картину. Мы с вами — наша великая коммунистическая армия под авторитетным командованием Центрального Комитета нашей партии, возглавляемого таким величайшим стратегом социалистической стройки, как товарищ Сталин, — мы повели решительное социалистическое наступление по всему фронту. Миллионы рабочих, с ними в союзе еще большие миллионы крестьян во главе с твердой, железной, стальной ленинской партией пошли в бой. В этом бою, товарищи, нам пришлось потерпеть немало отдельных неудач и невзгод, но в итоге мы вышли к XVII съезду партии на такие новые победные высоты, что все эти изъяны и все эти недочеты стушевываются перед величием наших побед.

Но вы знаете, товарищи, что во всякой войне, а в том числе, оказывается, и в той войне, которая ведется за строительство социализма, случилось так, что отдельные товарищи по разным причинам

начали сомневаться в целесообразности и успешности того великого похода, который мы развернули, и вместо того, чтобы сражаться в рядах основных бойцов, они то поодиночке, то целыми группами даже из руководящих рядов иногда либо ныряли в сторону, либо приотставали, либо скрывались в обозе или еще где-нибудь, несмотря на то, что по физическим достаткам им было место в передовой линии огня. А армия идет, потому что это никоим образом колебать боеспособную армию не должно и не может. Армия идет вперед, одерживает одну победу за другой. Но там — в обозе, среди этих отдельных колеблющихся групп, звеньев и группочек, все-таки продолжается своя работа. Получая приказы командования, эти люди не только не стараются проводить эти приказы, наоборот, они всячески стараются подорвать авторитет этих приказов, они всячески стараются расшатать ближайшие к ним шеренги.

Дело доходит до того, как случается и на войне, что противник, заметив наличие чрезмерного количества таких «обозных» элементов, начинает даже некоторые расчеты держать на эти слои армии. А борьба идет, армия одерживает одну победу за другой. И вот представьте себе картину: после того как армия одержала решающие победы над врагом — основные позиции заняты, война еще не кончилась, далеко не кончилась, но наступило нечто вроде победной передышки, если можно так выразиться, — и вот вся великая победоносная рать бойцов поет могучую победную песню. И в это время что остается делать всем тем, которые до сегодняшнего дня были в обозе? (Аплодисменты, смех.)

Они, товарищи, выходят, пытаются тоже вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъем. Но как они ни стараются — не выходит и не получается. (Смех, аплодисменты.)

Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот. (Смех, аплодисменты.) Я уже не говорю о Рыкове, о Томском. Тут даже и мелодия другая. (Смех, аплодисменты.) И в тон не попадают и в шаг не поспевают.

И я по-человечеству, товарищи, должен сказать, что это не так просто. Надо войти в положение людей, которые целые годы, решающие годы напряженнейшей борьбы партии и рабочего класса сидели в обозе. Им очень трудно стать на партийные позиции.

Товарищи, мы называем свой съезд съездом победителей. Это верно. Но вот из всего того, что я старался попросту рассказать, очень элементарно, — по-моему, это правильно, так сказать, по существу (аплодисменты), — мне кажется, что из всего этого нужно сделать необходимые выводы именно потому, что борьба не кончилась, борьба продолжается. Впереди — осуществление той программы, которую нам нарисовал товарищ Сталин.

Впереди еще очень много хлопот и забот для всей партии, для каждого из нас и для всего рабочего класса. И может еще случиться, что кое-кому, отдельным товарищам, а может быть отдельным группам снова придется кое в чем разочароваться; это не исключено. Поэтому из того примера, который я вам привел, мы должны извлечь урок в том смысле, что нам необходимо и впредь соблюдать в наших рядах, в рядах нашей коммунистической партии, величайшую, глубочайшую партийную бдительность и железную, большевистскую дисциплину. То, что мы победили, то, что сейчас эти разбитые оппозиционеры пытаются всячески подладиться к нашим победам, это еще ни в какой степени, товарищи, не снижает с порядка дня вопроса о том, что нам и впредь нужно беречь чистоту и неприкосновенность генеральной линии нашей партии. (Аплодисменты.)

Я повторяю: впереди, товарищи, еще очень много очень тяжелых и очень сложных вопросов и внутреннего и внешнего порядка, которые нам придется решать.

ГОРОД ЛЕНИНА ВЫДЕРЖАЛ ЭКЗАМЕН

Я являюсь представителем так называемого старого промышленного района, работающего на дело социалистической стройки.

Но мне кажется, что если мы на XVI съезде партии делили наши промышленные районы на старые и новые, то на XVII съезде нашей партии мы имеем много оснований для того, чтобы отказаться от этого разделения. Тут уже много говорилось, я повторять не буду, какие гигантские работы, какие гигантские успехи мы имеем в деле социалистической стройки в новых районах. И вместе с тем следует сказать, что и так называемые старые районы за эти три с половиной года перестали быть старыми.

У нас, например, ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым. (Аплодисменты.)

И это, товарищи, действительно так. Если взять нашу промышленность, то за отчетный промежуток времени, точнее за три года (я не буду утруждать вас цифрами), мы основные фонды ленинградской промышленности увеличили на 70 % с лишним. Но тут мало говорить просто об увеличении

основных фондов, о рублях и о количестве станков и оборудования. Говоря об обновлении наших старых заводов, нужно всегда иметь в виду качественную сторону этого обновления, потому что новые станки, которыми мы заменяем прежние станки, ничего общего со старыми станками не имеют; те агрегаты, которые мы ставим сейчас, они коренным образом отличаются от тех, которые были раньше. В итоге вот такое обновление нашей ленинградской промышленности и привело к тому, что, как это ни странно, мы с XVI по XVII съезд почти сохраняем удельный вес в валовой продукции Советского Союза — он колеблется от 14 до 15 %. Но дело не только в этом. Дело в том, что такие решающие отрасли промышленности, как машиностроение, судостроение, электростроение и оптика, т. е. те отрасли промышленности, которые являются ведущими в Ленинграде, они как были, так и остаются на прежнем высоком уровне. Например, вся металлическая промышленность выросла за три года ни много, ни мало как на 92 % с лишним. Я это веду к тому, что этого не было бы, если бы мы во-время не сумели обновить решительным образом наш основной капитал, который мы имеем в нашей ленинградской промышленности.

Нельзя обойти молчанием и роль Ленинграда как мощной кузницы кадров для наших новых, социалистических строек и научно-исследовательских учреждений всего Советского Союза. В 1932 и 1933 годах мы направили за пределы нашей области 7500 квалифицированных работников.

Это не значит, что у нас нет никаких недостатков и никаких недочетов в нашей работе. Несмотря на громадный опыт, который имеет ленинградская промышленность, ленинградские рабочие, несмотря на огромные революционные традиции, и у нас недостатков, недочетов еще очень и очень много. Но в основном город Ленина выдержал тот экзамен, который Центральный Комитет партии предъявил ему, и успешно справился с возложенными на него задачами по вооружению передовым техническим оборудованием важнейших новых строек и решающих отраслей промышленности всего Советского Союза.

Впереди, товарищи, у нас в перспективе ближайших лет громадные задачи в дальнейшем развитии нашей промышленности.

Я бы хотел обратить внимание на одну сторону дела, которая очень затрудняет дальнейший рост ленинградской промышленности. Это вопрос о наших топливных ресурсах. Вы знаете, на каком расстоянии находится ленинградская промышленность от нефти и угля. Старались мы изо всех сил, в особенности под нажимом товарища Сталина, найти хоть какой-нибудь горючий материал в нашей области или у нас на Севере, но до сих пор пока что это дело безуспешно. Но у нас есть — и не только у нас, а на всем Севере — громадные запасы торфа, на добычу которого и мы, ленинградцы, и наши соседи, живущие в торфяных местах, должного напора не проявляли. Количественно, правда, мы добываем его несравненно больше, чем это было раньше.

При царе ленинградская промышленность питалась не местным углем и даже не донецким, а английским топливом.

Сейчас мы переключились на наше отечественное топливо. В последнее время нам удалось добиться порядочных результатов в деле более целесообразного использования торфяного топлива. Я имею в виду, товарищи, приспособление топок для хорошего, продуктивного сжигания так называемого фрезерного торфа. Мы имеем сейчас новые, проверенные не только лабораторными опытами, но и фабрично-заводским путем, новые топки профессора Макарьева для сжигания фрезерного торфа. Это вносит целую революцию в топливоснабжение нашей промышленности.

Известно, что добыча фрезерного торфа гораздо легче, чем добыча какого-либо другого вида торфа. Но дальше идет целый ряд вопросов, таких, как хранить фрезерный торф, как его предохранить от самовоспламенения и т. д. Все эти вопросы мы и другие области, которые сидят на торфу, должны будем поставить во главу угла своей хозяйственной работы. Товарищи, никоим образом нельзя пренебрегать этим видом топлива. Если сравнить его с другими видами топлива, то, конечно, нефтяное топливо лучше и удобнее, конечно, донецкий уголь приятнее и т. д. Но, товарищи, если взяться за торф как следует, можно сделать громадное дело. Я уже не говорю о перспективах дальнейшего развития торфяной промышленности, о газификации и т. д. Я говорю о задачах сегодняшнего дня.

А запасы торфяного топлива неиссякаемы. То, что мы взяли сейчас в орбиту своего наблюдения, говорит о том, что мы не сжигаем еще и того количества торфа, которое нарождается у нас каждый год.

Второе — это развертывание у нас в Ленинградской области работы по добыче сланца. Мы нашли за последние годы громадные залежи сланцев. Пугало нас несколько то, что в 1932 году, взявшись вплотную за это дело, мы имели целый ряд всякого рода неудач, связанных с обилием грунтовых вод в залежах сланцев; но сейчас мы это дело осилили. Громадное будет завоевание для промышленности нашей области, если мы дело сланцев освоим, — а мы должны это сделать.

Ко всему этому надо прибавить, что мы нашли в нашей области на Севере громаднейшие залежи железной руды. Я не хочу вам цифры называть. Железо там очень подходящее. Мы его исследовали

всячески: и в лабораториях и на заводе, и видим, что это такое железо, которое по своему качеству (я никого не хочу здесь обидеть) с любым районом может поспорить и потягаться. Но весь вопрос с использованием этих железных руд упирается в отсутствие местного топлива, необходимого для металлургии.

Если мы имеем такой громадный, десятками лет складывавшийся промышленный центр, и если нам удастся действительно с завтрашнего дня организовать новую твердую топливную базу, и если раскрываются такие природные перспективы, то подумайте, что тут выходит для дальнейшего развития не одной только ленинградской промышленности. Даже на одном этом примере можно понять, в каких необъятных пределах на социалистических основах может разворачиваться дальнейший подъем производительных сил. То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, Макар телят не гонял, куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь, там волей большевиков на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и др.), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр заполярного круга.

Там же, на Севере, по инициативе товарища Сталина построен Беломорско-Балтийский канал — это гигантское сооружение нашей эпохи…

В итоге мы связали Белое море с Балтийским и создали водный путь через Мариинскую систему, через Волгу из Белого моря в Каспийское. А в ближайшие годы этот великий водный путь завернет и в нашу красную столицу — Москву. И украинцы заключают с нами союз, чтобы провести новый водный путь прямо от нас к Черному морю. Подумайте, как тесно свяжем мы наш великий и необъятный Советский Союз сетью рек, каналов и как через них соединим и оживим необитаемые моря и океаны!

Далее, крупнейшей задачей для нас является создание в пределах области своей продовольственной сельскохозяйственной базы. Товарищ Сталин в своем докладе указал, что в данный момент каждый промышленный центр должен рассчитывать в первую очередь на использование своих внутриобластных продовольственных ресурсов, так как теперь нет уже больше чисто сельскохозяйственных областей, которые могли бы в прежних размерах снабжать старые промышленные районы.

Всем известно, кстати здесь много старых питерцев сидит, что до революции Ленинград был окружен немножко большей сельскохозяйственной территорией; все вы знаете, что границы с соседними государствами прошли так, что много сельскохозяйственных районов от нас отошло. И, если говорить о прошлом, совсем недавнем прошлом, дело складывалось так, что не только мы, работники, живущие в Ленинграде, жили привозным хлебом, но и крестьяне-псковичи. Им хватало своего хлеба до января — февраля самое большое, а дальше надо было из других районов завозить. Теперь мы добились того, что крестьяне Ленинградской области в привозном хлебе не нуждаются; больше того, мы кое-что заготовляем и для государства. Но Ленинград не обеспечивает себя хлебом и особенно овощами за счет внутриобластных ресурсов. Мы ставим задачей в 1934 году — и тут ЦК нам всячески помогает — довести свою продукцию картофеля для удовлетворения ленинградских рабочих в 1934 году до 60 % и овощей — до 50 %. Это очень большой рост по сравнению с тем, что мы имеем до сих пор, и трудновато придется нам. Но надо во что бы то ни стало наряду с сырьевой базой для промышленности развивать и нашу продовольственную базу. Думаю, товарищи, что в год этого дела мы не решим, но мы так ставим себе: годика два-три, если вы нам немножко будете помогать овощами и картофелем, каждый год все меньше и меньше, в конце концов мы станем на свои собственные ноги, — в этом отношении у нас нет никакого сомнения.

Товарищи, я думаю, что помочь нам следует, тем более что на нас лежат очень большие задачи. Вы знаете, что в деле индустриализации Ленинград играет исключительно ответственную роль: нет ни одного места, нет ни одного уголка в Советском Союзе, куда не шла бы продукция ленинградской промышленности. Правда, она не всегда доброкачественна, но это мы постараемся устранить. В порядке взаимодействия основным сельскохозяйственным областям придется пока что помогать Ленинграду по части сельскохозяйственных продуктов, тем более что этому славному городу помочь не грех.

Товарищи, на-днях исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград.

За эти десять лет ленинградские рабочие и работницы своей самоотверженной борьбой за генеральную линию партии показали, что они достойны имени города Ленина, в котором они живут и работают. Я тут воспользуюсь случаем и от лица ленинградских рабочих должен вам засвидетельствовать, что они всегда были не в последних рядах той великой борьбы за социалистическую стройку, которую мы с вами вели. Они и впредь будут одной из самых верных, самых незыблемых и самых надежных колонн нашей большевистской партии и ее Центрального Комитета. (Бурные аплодисменты.).

Товарищи, мне хотелось бы на основе опыта нашей ленинградской промышленности взять один-два

вопроса, касающихся, по-моему, работы всей промышленности Союза.

Первое — это качество нашей работы на наших фабриках и заводах. Это больное место, и, я думаю, не только у нас в Ленинграде. Упиваться всякими 100–200 % количественного роста нам никак не приходится. Это все очень хорошо, что количество растет, но качество оставляет желать очень многого. Ведь недаром же ЦК нашей партии, Совнарком жмут на это дело. Ведь мы дошли, — тут я забегаю немножко вперед, — до того, что недавно наше советское правительство и наш ЦК вынуждены были издать декрет, закон, по которому за плохое качество продукции мы, — кто бы то ни было: партийные, советские и хозяйственные работники, каждый из нас, кого это касается, — будем привлекаться к уголовной ответственности. Такой декрет, товарищи, как бы сказать помягче, — позор для нашей работы, и тут надо реально дать себе отчет в том, что у нас происходит.

Мы в Ленинграде, например, наблюдаем: кадры у нас неплохие, уменье как будто есть, заводы тоже не из последних, а все-таки, как что особо новое и особо новый заказ, то получается следующее: начинаем потихоньку делать, наконец, сделаем; начинаем собирать — все как будто выходит; перенесем на место — этого нехватает, это не прилажено, это не подходит, это несолидно. И получается целая канитель.

Вот, например, турбостроение: на весь Союз делаем турбины, занимаем первое место, а наши турбины до последнего времени причиняют нам массу хлопот.

Только теперь мы распутываемся с теми, которые мы делали в предшествующие годы. И до сих пор еще до конца не распутали. На вопросы качества надо навалиться нам всем, и партийцам и хозяйственникам, самым зверским образом.

И заметьте, что у нас выходит: есть продукция, которую мы вывозим за границу. Например, мы в Ленинграде делаем машины на экспорт, для заграницы, и не такие простые машины, но я вам должен сказать, что если нужно машину для заграницы, — сделают как следует, а когда для себя, так совсем не то. Возьмите более простую продукцию, скажем, пищевой промышленности. Тоже порядочное количество делаем для вывоза за границу, вплоть до всякой конфетки и прочего. Так если вам показать заграничные наши конфетки, — просто от одного вида приятно становится, не говоря уже о том, когда ее скушаешь. (Смех.) А возьмите наши. Вот наши рабочие на тех же заводах говорят — сырье, материал другой. Насчет материала тоже можно поспорить. Тут ведь так: немножко послаще, немножко поменьше — не решает дела, а самый вид и качество этой продукции — за это надо приняться по-настоящему.

Я знаю на примере Ленинграда, как мы добиваемся наших успехов. Там, где мы навалились, — там выходит. Два случая приведу всего, не буду затягивать. У нас есть такой Ижорский завод, вы знаете — огромный завод, имеет громадные хозяйственные задачи, ответственные вещи делает. Завод был долгое время в прорыве. Что мы сделали? Мы воспользовались случаем, тем, что показал нам Донбасс и другие места, где реорганизация работы и управления в корне изменила дело. Мы. навалились на этот завод. За последние полгода, как бы не сглазить, завод изменился к лучшему. Ничего не прибавили: снабжение то же, те же люди в основном, то же оборудование, но только завод поставлен на человеческую ногу, каждый отвечает за свое место, каждый отвечает за свое дело и прочее. Дело пошло. Ту же картину мы видим и на другом большом и важном ленинградском заводе — «Красная заря», который почти весь 1933 год находился в большом прорыве, а теперь только после перестановки людей и улучшения организации работы успешно выправляется и, несомненно, выполнит январскую программу текущего 1934 года.

Таким образом, как вы видите, от организации дела зависит успех работы и качество и все прочее.

Теперь несколько слов по вопросу относительно дальнейших затрат на закупку за границей всякого оборудования для наших фабрик и заводов.

Если вы просмотрите все наши резолюции за последнее время на всех конференциях, то в них записано, что наша тяжелая промышленность находится сейчас на таком высоком уровне, что может сделать любую машину, любой станок и агрегат. Мы все голосуем за это, громко аплодируем этому делу. У нас в Ленинграде мы приняли такие установки, и я уверен, что и везде исходят из таких же установок. (Голоса: «Правильно!»)

Вы говорите «правильно». С другой стороны, я не сомневаюсь, что завтра же, если будет дано какое-нибудь серьезное новое задание тому или другому заводу, в том числе нашему ленинградскому, то первое, что встретишь от директора завода, Это будет: заказ нужно принять, но для этого необходимо выписать такое-то и такое-то оборудование из-за границы. Вчера только голосовали, что все сами сделаем, а сегодня будут требовать — давай импорт.

С этим делом нужно покончить. Мы имеем в этом отношении такую практику и опыт, что, когда беремся за дело по-настоящему, по-честному, — выходит. Оказывается, можно. Я не хочу всю вину сваливать на одних только хозяйственников-коммунистов. Тут виноваты и наши работники, ведущие

непосредственную партийную работу на заводах, нечего греха таить. Когда принимают заказ, то обставляют выполнение его такими сроками, которые, как правило, содержат ничем не оправдываемые резервы времени. Это делается для того, чтобы можно было отрапортовать об исполнении заказа в срок и даже досрочно.

И вот здесь часто наблюдается между нашими хозяйственниками и партийцами некий «альянс». Если предлагают 100— давайте возьмем 50. Это надежнее, а потом покозыряем: перевыполнили. А раз так, то должной мобилизации всех внутренних ресурсов не получается.

С этим непартийным подходом к заказам надо кончать.

Я бы хотел сказать тут, что нашим партийным работникам нужно в этом отношении из-под влияния хозяйственников освободиться. А с другой стороны, нужно сказать нашим хозяйственникам-директорам, что они должны подходить к этому, как и ко всей своей работе, более близко, более по-партийному, помня всегда о том, что они не просто директора, не просто технические директора, но прежде всего члены нашей коммунистической партии.

Вот если будет, с одной стороны, побольше чисто хозяйственного взгляда на все у наших партийных работников и, с другой стороны, больше партийного духа во всей повседневной работе хозяйственников, мы в короткий срок сумеем устранить многие недостатки в работе промышленности.

Далее, пора также самым решительным образом бросить наши старые приемы и методы работы, какими мы пользовались до сих пор на наших промышленных предприятиях, и, я бы сказал, крайне нам необходимо революционным образом внедрять новую культуру в организацию производства.

В этом деле играет громадную роль введение техпромфинплана, дающего более высокую основу для работы наших промышленных предприятий.

Я, товарищи, затянул свое выступление. Чтобы вас не обременять больше, хотел бы только сказать относительно тех общих задач, которые стоят перед нами сейчас, которые подчеркнул товарищ Сталин, и прежде всего относительно железнодорожного транспорта.

В силу нашего особого географического положения мы, ленинградцы, затруднения в транспорте чувствуем, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было. Мы должны сейчас больше чем когда-либо уделять внимания проблеме транспорта, но выступавшие товарищи говорили больше о железнодорожном транспорте и мало подчеркивали значение водного транспорта. Мы здесь даже представителей этого водного транспорта не видим, а все-таки пора бы им пуститься в настоящее плавание по нашим огромным рекам и морям. (Смех и аплодисменты.) Такое плавание будет огромным подспорьем железнодорожному транспорту. Ведь мы имеем такие водные артерии, каких не имеет ни одна страна. А что получается? Мы даже внятной программы развития водного транспорта не получили. Мы построили Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, строим огромные сооружения, скажем, канал Москва — Волга, другие каналы намечены. Это создает новые водные пути. Если сегодня водники не поймут новых задач, как они будут работать дальше? Завтра еще большие требования встанут, послезавтра еще большие и так далее. У нас иногда принято говорить так: вопросы работы транспорта — это дело всей партии. Это верно, кто же в этом сомневается? Но это не только не ослабляет, но и усиливает, поднимает ответственность за состояние транспорта тех органов и руководителей, на которые возложена прямо и непосредственно задача — организовать работу транспорта. Так надо дело ставить. Я нисколько не умаляю того положения, что вопросы транспорта — это вопросы всей партии. Это абсолютно правильно. Но прежде всего — это вопросы тех организаций, которые призваны это дело делать.

Тут много говорили на съезде о железнодорожном транспорте, и Ворошилов изложил дело очень хорошо, но транспортники обычно говорят: вы нам мало помогаете, транспорт — дело всей партии. Но вы-то, вы, милые люди, где вы? Прежде всего вы должны по-большевистски взяться за дело, разбудить, расшевелить рабочих, поднять на ноги партийную организацию того же самого железнодорожного, водного транспорта. Ведь там рабочие вовсе не второстепенные. Это чепуха.

На транспорте такие же рабочие, такие же члены партии, как и во всех других отраслях хозяйства. Нужно только суметь опереться на них.

Так же следует подойти и к разрешению животноводческой проблемы.

Вся партия ставит и вплотную берется за разрешение вопросов животноводческого хозяйства, но прежде всего это значит, что все органы Наркомзема, снизу доверху, должны коренным образом улучшить практику их работы и руководства. Без этого ничего не выйдет.

Товарищ Сталин подробно рассказывал нам о значении товарооборота на данном этапе социалистического строительства. Я не знаю, ясно ли для всех в полном объеме то, что он сказал. Ведь в самом деле, если мы будем оставлять товарооборот в его нынешнем состоянии, то дело может сложиться так, что и товары будут, и спрос, конечно, будет, и все-таки может наступить

серьезное расстройство хозяйственной жизни нашей страны только потому, что такое звено нашей работы, как товаропроводящая сеть, будет работать из рук вон плохо. Это надо понять, и тут я возвращаюсь к тому, что дело не только в том, чтобы записать, что данная задача является задачей всей партии.

Надо поднять прежде всего ответственность всех организаций, отвечающих за дело развития советской торговли.

О ПАРТИЙНОЙ УЧЕБЕ И САМОКРИТИКЕ

И последний вопрос, на котором хочу остановиться и о котором мы часто забываем в увлечении, очевидно, всеми остальными работами. Я имею в виду партийно-массовую работу наших организаций, вопросы пропаганды марксизма-ленинизма и политического воспитания рабочих масс.

Это один из очень ответственных участков всей нашей партийной работы. Надо прямо, по-честному признаться, что мы, занятые заводами, промфинпланами, программами, колхозами, совхозами, углем и т. д. и пр., оставляем подчас дело партийного воспитания в стороне, и нет, чтобы позаняться этими вопросами вплотную и глубоко. Составляются всякие методички, программы, тезисы и для агитации и для пропаганды, все спускается вниз. А я по-честному признаюсь, что далеко не всегда интересовался до сих пор близко, какие программы, какие методички, чему и как они учат. Агитируют, пропагандируют, в общем, конечно, правильно агитируют; но вот всегда ли понимает агитируемый то, что ему говорят, и как доводятся до рабочего и колхозника наши лозунги и решения, — об этом мы, руководители, не всегда знаем. А это далеко не последний вопрос. От него в громадной степени зависят наши дальнейшие успехи.

Конечно, очень отрадно видеть пьесу какого-нибудь писателя, пишущего наши советские пьесы, о том, как растет новое поколение, которое не видело в жизни, что такое живой городовой, и т. д. Это все, конечно, очень хорошо. Но вот сейчас растет еще более молодое поколение, которое не знает, не имеет никакого живого представления, кроме мозгового, о том, что такое безработица, нужда, голод, а на практике совершенно не знает этих вещей. Но ведь этих же людей надо воспитать, надо дать им понять, отчего и почему это произошло. А это могут дать только хорошо поставленная пропаганда и агитация в пользу нашей великой марксистско-ленинской науки. Никаким другим способом этого дела не возьмешь. Я думаю, что всякую науку, в том числе и технику и механику, мы должны поднимать на такую высоту, которая недоступна капиталистическим странам. Это совершенно верно. Скажем, наука о сопротивлении материалов — это крайне необходимая наука. Но мы ни на одну минуту не должны забывать, что мы живем в такой обстановке, когда та наука, которая изучает сопротивление противостоящих нам классов внутри страны и за ее пределами, — эта наука должна занимать первое место. (Гром аплодисментов.)

Вооруженная ленинизмом, в непримиримой борьбе с оппортунизмом всех мастей, широко поставив большевистское воспитание в своих рядах, наша партия как никогда едина, монолитна, тверда и сплочена вокруг своего ЦК и вождя товарища Сталина.

Товарищи, наша дальнейшая стройка будет также в громадной степени зависеть от того, насколько мы будем бережно и любовно осуществлять один из величайших лозунгов нашей партии — лозунг самокритики. Распространяться об этом я бы не хотел, но мне приходит в голову этот вопрос в связи со вчерашним выступлением товарища Ворошилова. Я слышал от отдельных товарищей, которые говорили, что Ворошилов вроде как бы чересчур хватил в критике недостатков железнодорожного транспорта. Это говорили отдельные товарищи, а съезд, вы знаете, встретил выступление товарища Ворошилова совсем по-другому. (Бурные аплодисменты по адресу товарища Ворошилова.)

Рассуждения некоторых товарищей о том, не слишком ли много самокритики, — очень вредная штука. На самом деле, если плохо, если не годится, так где же об этом говорить, как не в среде нашей партии? Если я сегодня как будто ничего, смазливенький, а завтра стал неказистым, — куда же мне итти, кроме партии, за лечением? (Аплодисменты.) Только таким порядком можно мобилизовать партию. Тут иногда я, грешный человек, думаю, не страшно даже, если перегнешь; тут гораздо опаснее, если не догнешь, потому что «женевская» самокритика, которой там занимаются, — и так и этак, в которой не поймешь, плохо или хорошо, — нам не к лицу, нам такой самокритики не надо.

У нас, большевиков, так ведется: если самокритика — доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится. Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин.

Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. (Смех.) На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт! (Бурные аплодисменты.)

Но есть опасность: можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что

кругом творится. (Смех.)

А без самокритики предупредить себя от головокружения никоим образом нельзя.

Самокритика — самое надежное, единственное и самое прочное оружие для предупреждения той болезни, которую товарищ Сталин назвал головокружением от успехов.

Я знаю, что и мне неприятно было бы, если бы меня немножко критикнули, может быть, и я не так весело бы об этом рассказывал (смех), но это не значит, что то, что я говорю, неверно. Это абсолютно правильно. И в этом отношении доклад товарища Сталина является совершенно исключительным. (Голоса с мест: «Правильно!» Аплодисменты.)

Посмотрите, товарищи: там не было сказано Иванов, Петров, Сидоров, но возьмите вопрос о животноводстве, — разве это не тяжелая вещь для всех нас? А когда товарищ Сталин сказал об этом, то некоторые говорили: «Не лучше ли было бы не говорить об этом?»

Между тем большевистская партия может и должна ставить больные вопросы только так, как это сделал товарищ Сталин. А это значит, что животноводческое хозяйство требует громадной и немедленной работы партии. И это было поставлено прямо в лоб для того, чтобы это дело выправить. И от такой постановки мы только выигрываем, так как она мобилизует партию и рабочий класс, поднимает их активность.

Только партия, сознающая свою силу, только партия, смело идущая вперед, может открыто перед всем миром так вскрыть недостатки своей работы. Пусть попробуют господа капиталисты, которые установили фашистский режим, даже для статистики, рассказать правду о том, что у них делается с их хозяйством, предприятиями, банками, валютой и т. д.

Я считаю, что образец самокритики, — если брать ее по-настоящему, по-деловому, в действии, а не теоретически, — дан нам в докладе товарища Сталина. (Аплодисменты.)

Товарищи, когда-то Троцкий (произносишь это имя, и нехорошее сразу настроение делается, будь он трижды проклят, чтобы его поминать на таких наших съездах!) обвинял нашу партию в «национальной ограниченности», в измене интернационализму. Теперь больше чем когда-либо видно, чего стоит эта контрреволюционная болтовня. Ведь теперь как никогда стоит высоко наш авторитет во всем мире среди широчайших масс рабочих и среди крестьян. А враги наши научились уважать нашу силу и мощь. Товарищ Литвинов лучше меня рассказал бы, почему достигнуты наши успехи в международной политике, все эти пакты и прочее. Если бы мы пошли с этими же пактами пять лет тому назад, с тем багажом, который имели тогда в нашем социалистическом балансе, на международную арену, нас бы всерьез не взяли, за чудаков сочли бы. Сейчас не то, мы говорим не так громко, может быть, без лишних фраз, но каждый понимает, что сейчас за каждой фразой скрывается в той или иной степени то, о чем нам товарищ Ворошилов так подробно вчера рассказывал. (Аплодисменты.)

И тут, товарищи, как ни прикидывай, нравится это кому-нибудь или не нравится, а могущество наше — оно сейчас видно для всех, и этим, товарищи, мы завоевываем новые и новые позиции не только внутри нашей страны, но и за пределами нашего великого социалистического отечества.

Товарищ Сталин говорил, что мы закончили фундамент социалистической стройки, что мы развертываем работу для того, чтобы воздвигнуть на этом великом фундаменте все надстройки, которые создадут новое, небывалое в истории человечества общество, коммунистическое общество.

Работа, товарищи, не только захватывающая, но работа очень трудная, очень сложная и очень ответственная. Но когда мы имеем такой героический рабочий класс, который населяет нашу Советскую страну, когда мы имеем такую партию, которую выпестовал величайший из людей — Владимир Ильич Ленин, цвет которой заседает вот здесь сейчас, партию, которая не знает никаких преград, никаких препятствий, партию, у которой в правоте своего дела нет ни малейшего сомнения, — я думаю, что с такой партией, с таким рабочим классом стоящие впереди задачи не только разрешимы, но разрешимы блестяще и разрешимы победно, тем более что основные трудности уже остались позади.

Товарищи, десять лет тому назад мы похоронили того, кто создал нашу партию, кто создал наше пролетарское государство. Но также десять лет назад устами лучшего продолжателя дела Ленина, лучшего кормчего нашей великой социалистической стройки, нашей миллионной партии, нашего миллионного рабочего класса, устами этого лучшего мы дали священную клятву выполнить великие заветы Ленина. Мы, товарищи, с гордостью перед памятью Ленина можем сказать: мы эту клятву выполняем, мы эту клятву и впредь будем выполнять, потому что клятву эту дал великий стратег освобождения трудящихся нашей страны и всего мира — товарищ Сталин. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, горячая овация всего зала. Все встают.)

НАША ПАРТИЯ ТВЕРДА, КАК ГРАНИТ

Речь на Красной площади в Москве 31 января 1934 года

Товарищи рабочие, работницы нашей славной красной столицы!

По поручению XVII съезда нашей партии большевиков передаю вам пламенный привет. (Крики: «Ура!»)

Товарищи, съезд нашей партии подводит итоги великих работ, совершенных рабочим классом в союзе с нашим трудовым крестьянством, под руководством коммунистической партии на протяжении трех с лишним лет. Съезд снова и снова устанавливает, насколько правильной, надежной и творческой была генеральная линия партии, линия построения социализма в нашей стране.

Со всех концов великой советской земли собрались представители нашей ленинской коммунистической партии, и все они говорят о том, что нет на нашей советской земле ни одного такого уголка, где бы не горела новая, коммунистическая, большевистская работа, созидающая новую, социалистическую жизнь. Не только в основных городах нашей страны, но и в городах, названия которых не были широко известны, и там создаются очаги социалистической стройки — фабрики и заводы. Там, где вчера были пустыни, необитаемые места, ныне воздвигаются гиганты индустрии.

На основе гигантских завоеваний нашей социалистической промышленности, давшей огромные технические средства, мы за этот период времени сумели повернуть на новые, колхозные рельсы нашу деревню. Это огромное завоевание дало новое основание для еще более прочного утверждения союза рабочих и крестьян в нашей стране.

Товарищи, все это вместе взятое в огромной степени укрепило обороноспособность нашего Советского Союза, подняло авторитет нашей страны во всем мире.

Главное и самое трудное, самое большое завоевание нашей партии и нашего рабочего класса заключается, товарищи, в том, что мы сумели за последние годы окончательно, с корнем уничтожить те основы, на которых мог произрастать и развиваться капитализм в деревне. Тем самым мы решительно и навсегда похоронили в прошлом старый, проклятый эксплоататорский, помещичье-буржуазный строй. Это одно из самых победоносных завоеваний великой нашей коммунистической партии, которой руководит наш славный, твердокаменный, великий ленинец — товарищ Сталин. (Крики: «Ура!»)

Вы должны, товарищи, знать, что не раз в прошлом рабочие поднимали знамя восстания против своих поработителей. Самой трудной и неразрешимой задачей был для них крестьянский вопрос. Из-за не разрешения этого вопроса была потоплена в крови рабочих Парижская коммуна. Этот же вопрос не смогла разрешить венгерская революция. Но этот вопрос решила та партия, которую создал, выпестовал и воспитал величайший из вождей, у могилы которого мы собрались сегодня с вами.

Этот вопрос разрешила наша Всесоюзная коммунистическая партия, руководимая лучшим ленинцем — товарищем Сталиным. (Крики: «Ура!»)

Мы обязаны, товарищи, нашими победами тому, что мы имеем огромную коммунистическую партию, в которой собрано все лучшее, все творческое и революционное из среды славного рабочего класса СССР.

Мы имеем такую партию, которая умеет праздновать победы своих великих работ. Мы имеем такую партию, которая не сгибает своей большевистской головы ни перед какими трудностями и опасностями, порождаемыми изнутри и извне.

Наша партия тверда, как гранит! Наша партия едина, нераздельна, как монолит!

Мы имели нападки, натиски на нашу великую партию с разных сторон, но наша партия, закаленная в великих боях, под руководством товарища Сталина, всегда оказывалась незыблемой, прочной, отражая все нападения на нашу коммунистическую партию.

Подводя итоги нашим работам, съезд намечает дальнейший путь к утверждению социализма в городе и деревне, к дальнейшему поднятию благосостояния рабочих нашей страны и многомиллионного колхозного крестьянства.

Съезд не сомневается, что при поддержке великого рабочего класса нашей страны мы в ближайшие годы сумеем задачу поднятия благосостояния рабочих и колхозников разрешить гораздо быстрее, чем мы это делали до сегодняшнего дня.

Съезд намечает, товарищи, дальнейшие пути и возможности укрепления обороны нашего Советского Союза. Победы наши велики, неотразимы, но, товарищи, вокруг нас все еще живет, существует, правда, разлагающийся, но враждебный нам капиталистический мир. Он бросает на борьбу с крепнущим коммунизмом свои последние силы.

На площадях своих столиц фашисты сжигают творения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, забывая, что в миллионах сердец трудящихся и угнетенных запечатлено учение наших великих руководителей — основоположников марксизма-ленинизма.

Товарищи, мы должны сделать все для того, чтобы, если наши враги на Востоке или на Западе вздумают посягнуть на священные границы великого Советского Союза, быть готовыми дать победоносный, сокрушительный отпор.

Товарищи, работы XVII съезда партии это гарантируют.

Позвольте мне в заключение передать вам братский большевистский привет от того города, делегатом которого я имею счастье быть, — от нашего славного Ленинграда.

Да здравствуют рабочие нашей великой красной столицы — Москвы!

Да здравствует рабочий класс нашего Советского Союза, ведущий за собой многомиллионное колхозное крестьянство!

Да здравствуют руководительница всех наших побед — наша славная, несокрушимая, великая, единая коммунистическая партия, ее XVII съезд и ее славный, несгибаемый, великий руководитель и стратег — товарищ Сталин! (Крики: «Ура!», «Да здравствует XVII съезд!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует мировая революция!» Овации. «Интернационал».)

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫМ НУЖДАМ РАБОЧЕГО, ЕГО СЕМЬИ, ДЕТЕЙ

Речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 11 июля 1934 года

Все три вопроса, обсуждавшиеся на нашем пленуме, между собою тесно связаны. Все они направлены на обслуживание повседневных нужд рабочих, трудящихся, их семей. Мы сейчас успешно справляемся с нашими народнохозяйственными заданиями, справляемся и в области промышленности и в области сельского хозяйства. Наша ленинградская промышленность перевыполнила план полугодия. Но вот когда речь заходит об обслуживании непосредственных нужд рабочего, его семьи и детей, картина получается несколько другая.

Вам здесь уже говорили о том, что мы в последние годы систематически не выполняем плана жилищного строительства, недодаем рабочему жилплощади, недостаточно ремонтируем ту площадь, которую он занимает. И в то же время мы почти систематически выполняем план по промышленности и сельскому хозяйству. Если мы возьмем наши предприятия, постановку ухода за машинами, питание наших фабрик и заводов, то с этим делом мы, несмотря на все трудности, справляемся гораздо лучше, чем со снабжением и питанием рабочих. Конечно, тут многое можно сказать в наше оправдание. До последнего времени мы были заняты подведением основного фундамента социалистической стройки. Было бы неправильно, если бы мы подошли к строительству социализма с потребительской точки зрения. Мы бы проели скудные запасы, оставленные капиталистами, и ничего не создали бы. Но сейчас, когда мы достигли огромных успехов, это оправдание теряет силу. Сейчас мы можем и должны переключиться со всей силой на борьбу за полное удовлетворение нужд рабочего, его семьи и детей.

Имеем ли мы материальные возможности, чтобы по-настоящему подойти к разрешению этой задачи? Да, эти возможности мы имеем. Возьмем, к примеру, жилищное строительство. Не надо быть особым знатоком, чтобы с уверенностью сказать: программу по жилстроительству выполнить можно. Можем ли мы поднять общественное питание? Несомненно, можем. Имеются у нас, конечно, и все возможности для того, чтобы привести в порядок, отремонтировать наши школы. Вся беда в том, что мы считаем: есть более ответственные задачи, а эти участки потерпят.

Посмотрите на наши промышленные гиганты, созданные в последние годы. Они отличаются своей прочностью, фундаментальностью. Видно, что мы строили их, исходя не только из интересов сегодняшнего дня, но и учитывая перспективу, строили не на годы, а на десятилетия. А если вы войдете в рабочий дом, у вас может создаться впечатление, что он построен временно, — сегодня в него въедут, а послезавтра выедут.

Нам все еще кажется, что нет у нас достаточных условий для того, чтобы вопросами жилья, питания, культуры заняться так же, как мы занимаемся вопросами промышленности и сельского хозяйства. Кончается, например, полугодие. Любой район вам сразу подсчитает, что программа выполнена предприятиями на 101 %, что Металлический завод отстал, а Балтийский обогнал и т. д. и т. п. А вот мне ни разу не приходилось слышать, чтобы к концу полугодия какой-нибудь район сообщил о том, что у него школы так-то закончили учебу, у стольких-то учащихся хорошие отметки, столько-то учащихся училось неудовлетворительно.

Или возьмем фабрику-кухню, хлебозавод. Пока они строятся, мы их еще держим в поле зрения. Рапортуем о том, что хлебозавод системы Марсакова, например, построен до срока. А слышал ли кто-нибудь, чтобы район отрапортовал о том, что у него на такой-то фабрике-кухне работа поставлена хорошо, стало меньше воровства, увеличилась калорийность обедов? У нас еще нет вкуса к этим вопросам. Нам все еще кажется, что эти участки нам не по плечу. Вспомните, как выступали на нашем пленуме некоторые работники общественного питания. Ведь если их слушать, может создаться впечатление, что ничего для улучшения общественного питания сделать нельзя, что Советская власть не доросла еще, чтобы всерьез улучшить постановку общественного питания. Это, конечно, глубочайшее и вредное заблуждение. Мы имеем полную возможность осуществить все, что намечено партией в области улучшения обслуживания рабочих и трудящихся масс.

Если вы просмотрите стенограмму выступлений по вопросам общественного питания, то увидите, что три четверти из них посвящены ценам на обеды. Конечно, здесь много еще безобразий, — с произвольным повышением цен нужно бороться самым жестоким образом. Но в то же время спросите любого рабочего, и он вам скажет, что центральным вопросом является сейчас вопрос о качестве обедов, о качестве общественного питания. Нам надо как следует оценить наши возможности, с одной стороны, рост потребностей трудящихся масс — с другой стороны, и мы тогда будем в области удовлетворения запросов трудящихся двигаться вперед гораздо быстрее.

Возьмем ремонт школ. Кто может поверить, что в огромном Ленинграде нельзя отремонтировать какую-нибудь сотню школьных зданий! Многие еще не хотят понять, что сейчас мы далеко не так бедны, как 7–8 лет назад. Нужно посмелее, покрепче подходить к удовлетворению бытовых и культурных нужд трудящихся.

Состояние жилищной стройки — это наш позор. Но я все же думаю, что мы располагаем достаточными ресурсами, чтобы выправить создавшееся положение. Программа у нас сравнительно небольшая, и, если навалиться как следует, можно ее одолеть.

Как одну из главных причин невыполнения плана приводят недостаток фондов. А вот наша промышленность выполнила полностью свою полугодовую программу. И нет у нас ни одного предприятия, которое бы снабжалось всем необходимым на 100 %. Некоторые предприятия получали лишь 30–40 % потребности, а план все-таки выполнили. Объясняется это тем, что их руководители прошли известную школу, что они умеют преодолевать объективные трудности. А вот те же люди, когда дело идет о жилищном строительстве, работают совеем по-иному, работают не так, как нужно. Если директор завода или фабрики строит цех, он преодолеет и плохое снабжение и недостаток арматуры, железа, кирпича. Но когда дело идет о строительстве жилья или фабрики-кухни, тут у нас быстрее чем в пять лет не выходит. Возьмем фабрику-кухню на «Большевике». При таких темпах, как сейчас, чтобы она была полностью закончена, потребуется еще, должно быть, вторая пятилетка. Мне уже приходилось говорить на бюро обкома ВКП(б), и я повторяю сейчас: я не поверю, чтобы у директора какого-либо ленинградского предприятия не было материальных возможностей осилить нынешнюю ограниченную программу жилищного, бытового строительства. Дело все в том, что рабочий где-то живет, где-то ночует, что когда директор приходит отчитываться в хозяйственный орган, у него не спрашивают, как с жилищами для рабочих, а спрашивают, как выполнен тот или иной заказ. Вот и отодвигаются эти вопросы на задний план.

Кое-кто пытался здесь объяснить низкое качество общественного питания тем, что мы кормим больше людей, чем позволяют нам наши фонды. Это разговоры для бедных! Мы используем безобразно то, что мы имеем. Питание рабочих все еще на некоторых предприятиях считается третьестепенным делом. Давно ли уж прошло время, когда директор предприятия не знал дороги к столовой? Спросите сейчас у директора, что представляет собой на его предприятии заведующий столовой. Не всякий ответит. А начальника производственного цеха он знает досконально.

Нам следует и в деле общественного питания руководствоваться указаниями товарища Сталина: заняться здесь делом, а не болтовней, не подсчитыванием средних цифр. Есть у нас районные тресты общественного питания. У каждого из них в среднем около 200 столовых. Может ли трест руководить двумястами столовых? Несомненно, может. Надо только, чтобы дело у него было поставлено так, как поставлено на хорошем заводе, где организована диспетчерская связь, где директор знает, как у него идет работа в каждом цеху, на каждой линии, на каждом конвейере. А сейчас дело в органах общественного питания запущено до того, что там даже нельзя отпустить продуктов на два дня вперед, — хранение не обеспечено. Если так будет продолжаться, никакого улучшения, конечно, не добьешься.

Как у нас поставлен контроль над работой общественного питания? Приходит работник, спрашивает, сколько отпускает столовая мясных блюд в месяц, сколько рыбных, сколько мучных, записывает, уходит и думает, что он изучил дело. А на самом деле он ничего не изучил и ничего не понял. Надо больше говорить с людьми, которые обедают в этой столовой, расспрашивать их о качестве обедов, о ценах, внимательнее прислушиваться к их запросам.

Нужно по-хозяйски распоряжаться фондами, диференцированно подходить к потребителю. Если ты сидишь в канцелярии, тебе требуется один обед, а если ты состоишь в молотобойцах, — требуется другой. Мы много говорим о калориях. Подсчитали, что в среднем приходится 1 100 калорий на обед. Надо вам сказать, товарищи, что калории — дело темное. В лаборатории выходит 1 100 калорий, а на деле проверишь, — они куда-то упорхнули. Давайте говорить не столько о калориях, но прежде всего проверять, сколько крупы, сколько мяса положено в обед, тщательнее контролировать, — тогда дело пойдет вернее.

Надо покончить и с таким позором, как воровство в столовых. Надо окружить честных работников общественного питания вниманием, перестать считать поваров, официантов и т. д. работниками второго сорта. Ведь любопытная история получается: кто ухаживает, например, за паровой машиной, тот считается ударником, механиком, одной ногой в ИТР стоит. А кто ухаживает за рабочим, кто кормит его, тот считается работником двадцатого разряда.

Нужно по-настоящему поставить дело подготовки кадров общественного питания, создать школу ученичества. И если мы по-хозяйски будем относиться к фондам, если мы будем пополнять эти фонды дополнительными заготовками, положим конец воровству, — мы добьемся несомненных успехов.

Наши партийные, хозяйственные и профсоюзные организации еще не переключились как следует на борьбу за общественное питание. Бывает у нас сплошь и рядом так: проливается из термоса пища, и мы не можем никак поправить термос. Печь «миге» можем сделать, а вот термос починить — это у нас не выходит.

Мы растем, у нас в цехах, у станков становится чище, цветники разбиваем, а зайдешь в столовую — порою грязь непролазная, Неужели нельзя поставить дело почище, покультурнее? Если на заводе, к

примеру, 12 столовых, то директор навалится на одну столовую, украсит ее цветами, линолеумом, а на вторую, на третью не хватает пороху.

Между тем хозяйственники должны понять, что от хорошей столовой помимо всего прочего прямая выгода производству. Пройдитесь по Путиловскому заводу. Неплохой завод, и неплохие люди работают там. А вот начиная с 11 часов дня там непрерывно бродят по заводскому двору люди. Оказывается, это все обедающие, это все обеденный перерыв. Столовых не хватает, и вот сейчас обедает один цех, через час другой, а потом третий — и так все время. Спрашивается: можно ли при таких условиях установить настоящую трудовую дисциплину?

Перехожу к вопросу о школе. В чем ее основной недостаток? В том, что она выпускает ребят недостаточно грамотных, неподготовленных для учебы в высшей школе. Здесь много говорили об иностранных языках. Я за французский язык, и за английский, и за диалектику, и за логику, но давайте сначала сделаем так, чтобы наш учащийся был элементарно грамотным, чтобы он знал свой родной, русский язык, знал так, как говорит об этом Горький.

Особенно плохо обстоит у нас дело, как указывает постановление ЦК, с преподаванием истории и географии. Один из товарищей, выступавших на пленуме, говорил, что у него в районе из 40 преподавателей истории 27 — коммунисты. Но беда-то вся в том, что историки эти в подавляющем большинстве живут с историей в не совсем добрососедских отношениях. У нас по существу упразднили преподавание истории. Упразднили исторические факультеты, забраковали старые учебники истории, а новых не написали. Вот и получается: кончил человек педагогический вуз, а кто его учил истории — неизвестно. Можем ли мы претендовать на звание грамотных людей, если мы не знаем истории развития человечества?

А у нас в школе заменили историю обществоведением. Ребята в пятом, шестом классах изучают, — впрочем, у нас в школе по отношению к обществоведению даже такого термина нет «изучают», он заменен термином «прорабатывают», — так вот 10—12-летние ребята «прорабатывают» Маркса, Энгельса, Ленина. «Мы, — говорят они, — проработали Маркса — Энгельса до половины и перешли к Ленину». Это не что иное, как издевательство и над Марксом, и над Энгельсом, и над Лениным.

Спросите у школьника, который «прорабатывает» Маркса, где находится Германия и какие реки в Европе, — он не знает.

Центральный Комитет категорически потребовал, чтобы в школе начали по-настоящему учить истории и географии и чтобы были написаны грамотные, высококачественные учебники.

Нынешний год, говорят, мы закончили с известным успехом, наблюдается повышение знаний, но всего этого еще очень мало. Нужно понять, что вопрос о школе — это вопрос о нашем дальнейшем движении вперед. Священная обязанность Советской власти и партии — поднимать школу, давать больше знаний учащимся. Вот почему Центральный Комитет вплотную занимается школой, занимается каждым отдельным учебником. Ведь надо понять, что наши школьники не знают эксплоатации, не знают проклятого прошлого. Надо им рассказать о нашем пути, о нашей борьбе. Путем знаний, учебы, путем овладения наукой они должны дойти до того, до чего мы в отличие от них доходили не только через книжку, но и через тюрьмы, через ссылки, голодовку и эксплоатацию.

Я не склонен умалять значение таких вопросов, как обеспечение школы помещениями, материалами, средствами. Но и эти задачи нам будет легче решить, если мы поймем, какую огромную роль призвана сыграть наша школа.

Нужно установить в школах порядок и дисциплину. Двенадцатилетние ребята разбираются в своих поступках и могут за них отвечать. Нужно только к ним умело подойти. Нужно регулировать поведение учащихся и вне школы, потому что если ребенок вне школы проводит время на трамвайной «кишке», то и в школе дисциплину установить трудно. Тут многое зависит и от родителей. Если мамаша занимается еще кое-как детьми, то папаша не знает даже порой, кто когда родился, кому сколько лет. У нас бывает так, что ребенок неделями не ходит в школу, а родители узнают об этом лишь через полтора-два месяца. Нужно взять ребят в руки, сделать так, чтобы класс был похож на класс. Решение ЦК о школе, о превращении заведующего школой в директора требует установления порядка и дисциплины в школе.

Если мы говорим о том, что мы открываем новые источники культуры, если мы выступаем знаменосцами великой социалистической культуры, находящейся на такой высоте, которая и не снилась капиталистическим странам, — то надо признать, что вся наша дальнейшая работа в этой области прежде всего упирается в школу. Нужно сделать все, чтобы по-большевистски, по-настоящему выполнить директиву партии о школе.

Вопросы, обсуждавшиеся на нашем пленуме, имеют огромнейшее значение. Каждый рабочий, честно работающий для укрепления Советской власти, имеет право потребовать от нас максимум того, что мы можем сделать для удовлетворения его культурных, бытовых запросов. Каждый ребенок рабочего, трудящегося имеет право потребовать от нас, чтобы мы воспитали из него

полноценного, творческого гражданина социалистической страны, который мог бы заменить своего отца и повести дело Ленина вперед еще более мощными, еще более грандиозными темпами.
(Бурная овация. Пленум стоя приветствует товарища Кирова.)

ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ ИНСТРУКТОРА

Речь на областном совещании инструкторов сельских райкомов ВКП(б) 17 июля 1934 года

Товарищи, я хочу сказать несколько слов об основном вопросе, который стоял на данном совещании.

Вы знаете, что после XVII съезда партия провела большую реконструкцию партийных организаций, особенно в деревне. И я должен сказать, что это дело не так просто было проводить, не все были согласны с этой перестройкой. Кое у кого были сомнения насчет того, правильно ли, что мы так круто поворачиваем. Большинство из вас имело отношение к прошлой работе райкомов, и вы сами знаете, как много надо было сделать, чтобы раскассировать, упразднить бюрократические надстройки, скажем, в районном аппарате, чтобы начать работать действительно по-новому. Тем не менее мы можем сейчас твердо сказать, что решение ЦК, решения съезда, как показала сама жизнь, уже целиком и полностью себя оправдали.

Но было бы, товарищи, большой ошибкой думать, что все уже нами сделано, все перестроено, все отработано так, как об этом записано в постановлениях съезда. До этого еще далеко. И это верно не только в отношении низовых районных организаций, но и в отношении нас, работающих в областных организациях. Вот мы собираем впервые в области инструкторов райкомов, — это факт большой важности. Ваше совещание — это очень важное совещание, а видите ли вы здесь, среди присутствующих, больших руководителей наших областных организаций? Их нет, и это не случайно, ибо кое-кто из них думает: ну, собираются инструктора — и ладно, а мне там делать нечего. Это, товарищи, ошибка с их стороны. И ошибка эта связна с тем, что далеко еще не все у нас сделано, чтобы проводить решения партии так, как это нужно. Наше внимание к инструктору райкома еще слабо. У нас, например, есть тысячи способов общения друг с другом. Но налажено ли это дело? Далеко еще нет. И это тоже один из основных недочетов, который нам необходимо восполнить.

Если мы в обкоме утверждали председателей райисполкомов, секретарей райкомов, если мы на-днях решили также утверждать начальников земельных отделов районов, принимая во внимание огромное значение работы земорганов, — то я думаю, что еще одно мы должны сделать. Надо добиться, чтобы мы в областном комитете обязательно знали всех инструкторов районов. И не только знали бы об инструкторе, когда он голову сломит, наколлективизирует где-нибудь на 120 % (смех), но и знали бы его на повседневной, текущей практической работе, которую он ведет по поручению партии. У нас 250 инструкторов в области, и всех их надо знать областному комитету. Недаром теперь во всей нашей партийной литературе подчеркивается, что инструктор — центральная, основная фигура в партийной организации. Фигуры, как вы знаете, разные бывают. Нам надо, чтобы инструктора были настоящими, крепкими проводниками партийной политики, и об инструкторах мы должны знать не только то, что вот человек окончил комвуз и его надо отправить в деревню, — этого слишком мало. Надо знать, как он там работает, как проводит решения партии.

Следующее, что нам обязательно необходимо, товарищи, — это организовать работу инструктора так, чтобы какой-то уголок времени он непременно оставлял для учебы, для работы над самим собой. К величайшему сожалению, это у нас пока еще плохо удается. Еще очень многие рассуждают примерно так: вот, скажем, икаписты, им и по штату положено работать над собой, книги читать, а нам, грешным, некогда, — времени не выкроить. Это, товарищи, аргумент не скажу — от оппортунизма, это аргумент немножко от ленивости, вернее, от неорганизованности нашей. Сколько бы ты ни был занят, при желании можно всегда найти время для учебы. Давайте начнем хотя бы с часа в день. Давайте попробуем выделять ежедневно час-полтора, чтобы поработать над самим собор. Этаких часов в году порядочно наберется, и вы будете по-настоящему пополнять и освежать свои теоретические и практические знания. Если же мы этого делать не будем, то, надо прямо сказать, что предпринятая нами большая реорганизация работы будет поставлена под удар.

Ведь как у нас с учебой дело поставлено? Я боюсь обидеть вас, но признайтесь сами, бывают же случаи, что инструктор по неделе газеты не читает. Я слышал вчера здесь говорили, что по три дня не читают газет. (Голоса с мест: «Бывает, и по неделе».) Вот видите. А как можно руководить, товарищи, кустом, причем руководить во всех отношениях, по всем линиям, не читая газеты! Не выйдет это дело. Ведь за неделю вы узнаете в газете не только о тех или других международных событиях, не только о том, что Гитлер того или другого человека расстрелял, задушил, но и о крупнейших событиях внутри нашей страны. Конечно, читать газету надо так, чтобы не за чайком только бегло ее проглядеть, — в газете много есть над чем поразмыслить. Этот вопрос об учебе, о политвоспитании — громадной важности вопрос, товарищи. Надо ежедневно вдумчиво читать центральный орган партии — «Правду» и областную газету. Если привьете себе такую привычку — сами увидите: не прочитал газету — не то сапог давит, не то не наелся, одним словом, чего-то тебе не хватает. А дальше явится потребность серьезно почитать «Большевик». А то, как у нас частенько бывает, — оглавление журнала посмотришь, скажешь себе: дескать, вечерком прочитаю, а там вечерок за вечерком — смотришь, следующий номер почта доставила, и складывается журнал на полочку непрочитанным. Это я не утрирую, товарищи, — это факт. Наша беда, что мы так мало времени уделяем самообразованию, повышению своего культурного и политического уровня. А эти

вопросы тесно, неразрывно связаны друг с другом. Как бывает? Сидишь в районе, селе, начинаешь помаленьку привыкать к сидению. Кругом тебя разные люди живут, и эти люди то или другое влияние на тебя оказывают, и бывает, что иной работник под влиянием враждебных нам сил, осколков прошлого, начинает разлагаться. Пришлось же, например, за последнее время снимать нескольких начальников политотделов, занявшихся совсем неподходящими делами, и не только снимать, но кое-кого и под суд отдавать, из партии изгонять. Надо, повторяю, понять, оценить в полном объеме значение работы по повышению своего идейного уровня, по укреплению своей большевистской закалки. Упорная, настойчивая работа над самим собой — без этого, товарищи, ничего не выйдет.

Но заботиться надо не только о пополнении своих политических знаний. Как можно быть инструктором, если ты не Знаешь агроминимума и побольше агроминимума? Я слышал, как т. Алдашкина, из Оредежского района, говорила здесь, что организации района проморгали весенний отёл. И такие факты неизбежно будут повторяться, пока мы не возьмемся как следует за усвоение самых основных знаний по сельскому хозяйству, по животноводству, не будем знать, когда и где надо пахать, боронить, сеять, как ухаживать за скотом и так дальше. Без этого ничего не выйдет. Без этого ты будешь одним из тех болтунов, о которых говорил на XVII съезде товарищ Сталин. Болтун может иногда играть первую скрипку, не сразу его раскусишь, не сразу поймешь, — это порой сложный народ, он тебе наговорит с три короба, все резолюции отлично перескажет, но дело повести не сможет, ибо, оказывается, он по сути дела без царя в голове. Чтобы такими болтунами нам не оказаться, надо обязательно сопровождать теоретическую партийную учебу усвоением знаний по сельскому хозяйству.

В этой связи я хотел указать на одну ошибку у некоторых инструкторов. Раньше райкомы посылали их уполномоченными на всевозможные кампании. Партийная работа велась слабо, подчас забрасывалась, о члене партии забывали. Теперь повернулось дело иначе. Я бы сказал, что некоторые чересчур иначе обернули дело. Они считают, что теперь их дело — внутрипартийная работа и партийная пропаганда, и только. Один из инструкторов так прямо и пишет в своем письме в областной комитет: был, дескать, у меня грех, когда я считал проведение хозяйственных кампаний своей основной задачей, но вот после решений ЦК и обкома я понял свою ошибку и переключился только на чисто партийную работу. Это, товарищи, человек из огня в полымя попал. (Смех.) Если вы только этим будете ограничиваться, то вы рискуете превратиться в пономарей партийной азбуки. Партийная работа — безусловно главное и коренное. Надо поставить пропагандистскую работу с каждым отдельным коммунистом. Но все это надо делать для того, чтобы на этой основе организовывать и сплачивать беспартийный актив, всю массу колхозников на выполнение боевых задач подъема народного хозяйства, поставленных партией и правительством. Если же мы, например, хлеб уберем лишь наполовину или с большими потерями, то какая цена будет нашей пропагандистской работе! На XVII съезде мы твердо договорились, что сейчас в деревне все условия налицо, чтобы победоносно развертывать социалистическое строительство. Все зависит от нашей организованности, от нашего умения организовать многомиллионную колхозную массу.

Товарищи мне рассказывали, как один из деревенских коммунистов-одиночек раз семь читал доклад товарища Сталина, всю книжку истрепал и признался, что многого он все-таки еще не усвоил. Я хорошо понимаю положение этого колхозника. Не грех не только рядовому колхознику, но и нашему брату перечитывать не один раз труды товарища Сталина. Уверяю вас, глубоко ошибается тот, кто думает, что он исчерпал речь товарища Сталина до конца. Каждый раз он будет находить при чтении этой речи новое и новое. Но нам нужно не то, чтобы человек сидел один и зубрил, как катехизис, партийные решения. Нам нужно, чтобы эти партийные решения, чтобы великие указания товарища Сталина каждодневно оплодотворяли всю нашу практическую работу.

И если кое-кто из вас сейчас говорит: я уже теперь больше не уполномоченный, то я должен, товарищи, сказать обратное. По-моему, уполномоченные раньше были, так сказать, уродливыми уполномоченными — он и швец, и жнец, и в дуду игрец, летал он с места на место, суетился, а в деле часто получался кавардак. Выступавший здесь инструктор из Славковского района говорил, что он был уполномоченным и не видел творившихся в районе перегибов и нарушений советского закона. Ему трудно было увидеть, ибо он волчком вертелся по селу. А безобразия не всегда увидишь сразу. Чтобы их разглядеть, надо посидеть в деревне. Повторяю: раньше уполномоченные сбивались на гастролерство. А сейчас вы настоящие партийные уполномоченные районных комитетов, в полном смысле этого слова. У вас все в руках, и отвечать вы должны за все, что творится на территории вашего куста, — и в партийном отношении и в советском. Вы настоящие уполномоченные — в хорошем, в здоровом смысле этого слова. Каждый из вас — первый человек в своем кусте, и с вас, как с первых людей, приходится много спрашивать. Ответственность на вас лежит огромная. И поэтому не надо поддаваться настроениям успокоенности, а некоторые нотки самоуспокоения здесь на совещании были. Что хорошо — то хорошо. Зачем из хорошего делать плохое? Это не в наших правилах. Но вот, когда здесь некоторые выступали и говорили: у меня столько-то одиночек-коммунистов, я их всех изучил, со всеми наладил работу, — это неверно, товарищи. У нас теперь подчас бывает, что если инструктор знает, как зовут того или другого колхозника по имени и отчеству, — дескать, зовут его Иван Сидоров, — то он считает, что этого

довольно. А я скажу: пускай наш инструктор не всякого знает по имени и отчеству, но если он пришел в деревню, то пусть знает, какие люди здесь проживают, какую роль они в деревне играют, как лучше их использовать для решения наших задач.

Я говорю, что если ты первый человек в кусте, то как только ты придешь в село, тебе шагу не дадут ступить, чтобы не обратиться к тебе за разъяснением, за справкой, с жалобой. Тебя все должны хорошо знать как представителя партии, который справедливо решает, который может дать настоящий совет. И говорить, товарищи, что теперь, дескать, инструктора уже до всех одиночек дошли, хоть новых одиночек создавай, что делать вам больше нечего (смех), — уверяю вас, это совсем не так. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть на пеструю картину выполнения наших государственных заданий. По посевной кампании, например, мы в героях ходим, а вот задания по пшенице ряд районов и колхозов все же недовыполнил. Это не пустяк. Нет у нас пустяков в работе по социалистическому строительству. Если задача поставлена, надо ее выполнить полностью, и на любом участке. Я хотел бы вас предостеречь от некоторых недочетов в деле перестройки. Прежде всего избегайте казенщины. Инструктор не имеет своего аппарата, не имеет ни машинистки, ни стенографистки, и мы нарочно это сделали, чтобы человек искал конкретного дела, чтобы; человек не скрывался за бумагой, чтобы бумага ему не мешала, чтобы сразу все видно становилось вам и чтобы вы сами виднее были. Эту линию и дальше нужно проводить, избегая бумажной волокиты и налаживая обмен живым опытом. Тут товарищи говорили, что они всегда бывают на бюро райкомов. Дело не в том, чтобы бывать на каждом заседании бюро райкома. Важно, как бывать, в каком качестве бывать. Один из секретарей докладывал, что у них дело идет прямо по-военному — все инструктора сидят на бюро райкома, но вот кончилось бюро — и им дается лишь полчаса сроку, чтобы получить, так сказать, зарядку от секретаря райкома, собраться и разъехаться по деревням. Мне сдается, что такая постановка дела, когда люди пришли, отзаседали и в полчаса разъехались, — неправильна, что здесь создается большая опасность для работы. Здесь создается опасность, что секретарь райкома и инструктор перестанут друг друга понимать. Ведь как получается: вы засядете в свои кусты, как здесь рассказывали, дней на 20, и секретарь сидит в районе. Сидите, потом соберетесь, чуть-чуть поговорите — и снова разъезжаетесь. При такой постановке дела секретарь райкома, районные организации могут оказаться оторванными от жизни колхозов еще больше, чем раньше были оторваны. Здесь определенная опасность. Я веду речь к тому, что нам дело надо ставить поживее. Надо, чтобы секретарь райкома не забывал о вашем существовании, чтобы он постоянно вам помогал и чутко прислушивался. Это его первейшая обязанность. Секретарь, конечно, начальство, его уважать надо. Но к начальству надо по — партийному относиться, добиваться от него лучшего руководства, проявлять самим побольше активности: и в область написать, и через газету поделиться своим опытом, — ведь вы же чрезвычайно много интересного и поучительного наблюдаете. Каждый из нас должен проявлять больше самостоятельности, инициативы, почина, каждый должен учиться сам и в то же время учить других. Обмен опытом приобретает колоссальное значение. Надо сделать так, чтобы это совещание не было последним. Другое дело, может быть, лучше проводить межрайонные совещания инструкторов, во всяком случае их надо практиковать чаще. И аппарат областного комитета должен чаще держать совет с инструкторами, писать им время от времени, запрашивать их мнение по тем или другим вопросам. В этом отношении нам нужно брать пример с Центрального Комитета ВКП(б). Сейчас, например, ЦК по решению июньского пленума должен дать каждой области соответствующий конкретный план развития животноводства. И вот, прежде чем составить эту программу, дать ту или другую директиву, ЦК запрашивает нас, областных работников, как мы думаем по такому-то вопросу. И нам нужно практиковать такие же методы, в частности использовать опыт инструкторов.

Если мы сумеем по-настоящему, по-большевистски, на основе жесткой самокритики организовать работу наших партийных инструкторов, если они сумеют сплотить всех коммунистов, комсомольцев, колхозный актив, если они проявят хорошую, творческую, живую, большевистскую активность, — уверяю вас, на данной стадии нашего развития мы сможем в деревне сделать буквально чудеса.

Нам, работникам Ленинградской области, часто приходится сталкиваться с одним обстоятельством, немало тормозящим до сих пор нашу работу. Наша область особенная. В центре области стоит гигантский индустриальный город, насыщенный массивными высококультурными предприятиями. И надо сказать, товарищи, что это обстоятельство кое-кому давит на мозги и кое-кто оценивает деревенскую работу в нашей области как работу второго разряда. Это абсолютно неправильно. Я думаю, надо добиться обратного. Если мы хотим и тяжелую и легкую индустрию развивать и двигать вперед, нам надо развернуть бешеную работу по дальнейшему подъему нашего сельского хозяйства. Я не говорю уже о том, что от успехов развития сельского хозяйства зависит снабжение трудящихся. Помимо продуктов питания нам нужно и сырье. Ведь когда задышат полной грудью наши новые стройки, наши гигантские предприятия, — их железные желудки будут поглощать неизмеримо большее количество сырья, чем сейчас. На июньском пленуме ЦК мы утвердили программу развития и улучшения животноводства не только потому, что у нас мало мяса, но и потому, что нам нужны в огромных количествах кожа, шерсть, сало промышленное и т. д.

И надо понять, что если сейчас важна и почетна работа на фабрике, заводе, на стройке гиганта, то ничуть не менее почетна и ответственна, а, пожалуй, даже более важна наша работа в деревне…

Больше чем когда-либо мы видим сейчас, какие неисчерпаемые возможности имеются у нас для дальнейшей социалистической стройки. Именно сейчас, именно в данный момент, особенно рельефно подтверждается великий ленинский тезис о том, что в нашей стране есть все, чтобы строить и построить полное социалистическое общество.

В ближайшие два-три года второй пятилетки развернутся в нашей великой стране и особенно в сельском хозяйстве такие гигантские новые производительные силы, которых еще никогда не видел мир. Наша победоносная социалистическая стройка идет полным ходом, идет громовым, всеподнимающим маршем вперед! (Бурная овация. Зал стоя приветствует товарища Кирова.)

МОБИЛИЗОВАТЬ СИЛЫ, УБРАТЬ И СОХРАНИТЬ КАЖДОЕ ЗЕРНО

Из речи на заседании бюро Карагандинского обкома ВКП(б) 26 сентября 1934 года

/ В 1934 г. Казахстан плохо справлялся с уборкой замечательного урожая и срывал выполнение плана хлебозаготовок. ЦК ВКП(б) командировал С. М. Кирова в Казахстан для мобилизации партийной организации и широких трудящихся масс Казахстана по ликвидации прорыва.

Почти месяц пробыл С. М. в Казахстане, посетил десятки районов, МТС, колхозов. С его помощью и под его руководством Казахстан выполнил свои обязательства перед Советским государством. — Ред. /

Мне хотелось бы остановиться на некоторых положениях, которые характеризуют работу в Казахстане в целом и в вашей области в частности.

Надо говорить прямо и откровенно. Краевой комитет партии оказался недостаточно подготовленным к уборке урожая текущего года, областные комитеты оказались еще более неподготовленными. В частности Карагандинская парторганизация не была мобилизована на решение вопросов хлебоуборки и хлебопоставок. Отсюда большие ошибки в руководстве, нервозность, сутолока, растерянность и особая отсталость многих местных районных организаций. Неподготовленность усугубилась тем, что размер урожая оказался больше, чем ожидали. Получилось, что люди опустили руки перед богатым урожаем. Неподготовленными оказались заготовительные и прочие организации.

У нас в большевистской практике так заведено: когда мы приступаем к большой работе, мы всегда прежде всего мобилизуем все звенья нашей партии, поднимаем людей, организуем их вокруг этой работы. Но тут этого не было. На хлебосдачу и хлебоуборку смотрели, как на обыкновенную текущую кампанию, которая повторяется каждый год: в прошлом году справились неплохо и в этом году сумеем. А в результате оказались неподготовленными. Это и есть основная причина растерянности и неуверенности руководства, которые здесь наблюдаются.

Слово «дождь» — это в Казахстане жупел. От одного этого слова люди приходят в смятение, и некоторые партийцы, даже очень ответственные, от него теряются. Однако иной раз дождик приобретает особые свойства: он является для многих руководителей в некотором роде спасением. Такие «руководители» думают, что было бы очень хорошо, если бы дождь лил 40 дней и 40 ночей: тогда было бы легко отвечать партии — вот, мол, в связи с дождями урожай не только снизился, но и все погибло.

Такая демобилизация и растерянность порождают неуверенность в завтрашнем дне. Отсюда и ошибки руководства. В повседневной работе в таких случаях люди мечутся из стороны в сторону, и толку от такой работы бывает мало.

Есть решение ЦК о том, как колхозу расплачиваться с государством, а здесь выносят свои решения. Видимо, хотят больше эффекта получить. Вот вы вынесли решение к первому числу сдать сто процентов плана тем колхозам, которые находятся в радиусе 30 километров от железной дороги. Почему 30 километров? Почему не 31? Выходит, что колхозам, находящимся дальше 30 километров от железной дороги, не нужно выполнять хлебопоставки к первому числу. С другой стороны, в этом же радиусе есть такие колхозы, которые до сих пор даже не приступили к сдаче потому, что у них тоже есть свои причины. Разве одним расстоянием измеряются трудности хлебопоставок? Не верно это.

Непростительны ошибки областных и районных организаций, допустивших неограниченный наем рабочей силы колхозами без учета их особенностей и состояния. Колхозам огульно разрешается наем рабочей силы в неограниченных размерах, с оплатой по 4–5 килограммов зерна за рабочий день и т. д. А все это получается потому, что к уборке не подготовились и рассуждают примерно так: хлеба много, всем хватит, — колхозникам хватит, государству хватит и наемным рабочим хватит.

Здесь докладывали, что в некоторых колхозах при распределении доходов придется только по 2–3 килограмма на трудодень, а наемному рабочему дают 4–5 килограммов в день. А есть такие места, где выдают наемным рабочим по 7 килограммов за день работы. Это самое безжалостное, преступное разбазаривание хлеба. Хлеба много, ну и летят люди со всех сторон на этот хлеб. Говорят, даже из Кургана приезжают. Конечно, если будете давать по 10 килограммов в день, тут не только из Кургана, из Ленинграда люди приедут. Делается это часто вовсе не потому, что не хватает людей: в колхозах невыходы на работу доходят в некоторых местах до 50 процентов. А просто во-время не подготовились к уборке и теперь идут на все, чтобы осилить высокий урожай.

И сейчас еще нет правильной ориентировки. Есть телеграмма обкома, где говорится, что по всем данным погода на ближайшие дни должна установиться, что нужно воспользоваться этой возможностью. Сама по себе директива правильная. Но почему мы говорим только о хорошей

погоде, ориентируемся только на хорошую погоду, а не говорим о том, что нужно делать, когда плохая погода?

В этой директиве, по-моему, надо было бы указать, что у нас в этом году сложная уборка, более сжатые сроки, чем в прошлом, и поэтому нужно каждому начальнику политотдела, каждому райкому, каждому колхозу не только часы, но и минуты взвешивать на вес золота, делать все возможное для быстрейшей уборки урожая, независимо от того, хорошая или плохая погода. Люди привыкли, что только при хорошей погоде можно работать, а если плохая погода, то можно ничего не делать. И таких случаев не мало. Люди буквально саботировали уборку и проводили время в разговорах и дискуссиях о дожде.

Конечно, условия уборки в Казахстане в этом году значительно сложнее, чем в прошлом. Но это обязывает нас крепче мобилизоваться и не терять ни минуты времени.

Ведь ясно, что в такой громадной республике, как Казахстан, где и горы и степи, в один и тот же день в одних местах может быть дождик, в других — снег, в третьих — прекрасная погода.

Я считаю, что при всем том, что у вас имеется, урожай собрать можно и собрать без потерь. Надо сказать, что Карагандинская область занимает среди областей Казахстана самое последнее место и по уборке и по сдаче хлеба государству. А ведь Карагандинская область одна из передовых областей края, — с точки зрения культуры, насыщенности кадрами и машинами, она имеет все данные итти впереди других. А выходит наоборот. Я был в ряде районов Карагандинской области и должен сказать, что такие решающие районы, как Сталинский, Щучинский, Кокчетавский, и их политотделы работают так плохо, как нигде в Казахстане. Эти районы и их МТС отстают по всем показателям. В результате плохой работы политотделов и райкомов в ряде мест налицо явный саботаж уборки и хлебопоставок, ослаблена трудовая дисциплина; колхозный труд не организован, машины не используются.

Это не везде, но во многих колхозах наблюдаются такие явления. Ведь дело не только в том, что слабо идет уборка, плохо идут хлебопоставки, а в том, как мы подходим к созданию наших настоящих большевистских колхозов. Так как во многих МТС вашей области работа организована плохо, то, как правило, колхозы, находящиеся вне радиуса МТС, работают лучше колхозов, охваченных МТС, и во всяком случае не отстают от колхозов, охваченных МТС. Это очень печальное явление. Это говорит о том, что машинно-тракторные станции в ряде районов вашей области никаких плюсов пока еще не показывают. Этого нет в других областях Казахстана. Там колхозы, обслуживаемые МТС, как правило, по уборке и по сдаче хлеба государству идут впереди колхозов, не обслуживаемых МТС.

Почему это происходит? Прежде всего это зависит от нас, от работы МТС. Напрасно некоторые начальники политотделов думают, что они в сельском хозяйстве все превзошли. Конечно, я не сомневаюсь, что они скирду от валка отличить смогут. Но это далеко не все. Нам многому надо еще учиться. Есть у нас в МТС такие люди, которые говорят, что вот так-то хорошо было бы сделать, а сами никогда не видели, как это делают. Когда мы ездили по колхозам, в одном из политотделов нам говорили, что если в комбайн запрячь быков и на ходу подбирать копны и молотить, то это даст эффект. Причем одни говорят, что за день можно так убрать 7 гектаров, другие — 3 гектара. Но ни один из них не видел, как это самое дело происходит. .

О чем это говорит? Это говорит о том, что около комбайна находятся люди, совершенно ничего не понимающие в комбайне. Они, грубо говоря, смотрят на это дело, как баран на новые ворота, и приписывают машине такие свойства, которых она не имеет. Здесь докладывали, что в Джамантузской МТС на комбайн в среднем убирается за день 2,9 гектара, следующая станция убирает по 7,5 гектара, третья — 8,9 гектара и еще одна станция дает на комбайн по 11 гектаров. По всем МТС области выходит 4,2 гектара на комбайн в среднем. И вот возьмите колхоз, в котором этот самый комбайн осилил 2,9 гектара, и подсчитайте, во что обойдется стоимость уборки. Учтите стоимость амортизации и прочее.

А как работают молотилки? На одной из станций обмолачивали за день урожай с 6 гектаров, на другой — с 3 и на третьей — с 9. Подсчитайте, во что обойдется хлеб, намолоченный этими молотилками. Дорого, работают страшно медленно.

При таких условиях неудивительно, что безмашинный колхоз иногда побеждает тот, где применяют комбайн, дающий не больше 3 гектаров в сутки.

Так работать нельзя. Деньги вы не считаете, машину не бережете. Чуть что случилось, сразу требуете другой комбайн, другой трактор, да еще не простой, а давайте, мол, гусеничный. А почему стоят тракторы и комбайны — этим не интересуетесь. Если все это сложить, то получается, что колхозы, обслуживаемые МТС, работают хуже, чем колхозы вне их радиуса. Машины не используются как следует и т. д.

Надо прямо сказать, что в отношении овладения техникой, особенно комбайнами, дело у вас

обстоит из рук вон плохо. Из-за этого комбайны много простаивают. Разве нельзя так работать, как работает, к примеру, комбайнер Злобин из Кияхинского совхоза, который снимает 24 гектара в сутки? Выходит, комбайны могут работать, но надо обязательно овладеть техникой комбайна, — без этого ничего не выйдет. Я уверен в том, что если бы вы рассчитывали на большой урожай, вы бы сумели и молотилки и комбайны привести в надлежащий порядок, да и людей могли бы лучше подготовить. Заявил же здесь один товарищ, что он убрал комбайнами большую часть площади и что своим успехом он обязан больше всего комбайну. Но он мог бы еще больше от комбайна получить, если бы комбайн использовался как следует. Можно и должно использовать комбайн гораздо больше, чем вы это делаете.

Сегодня вы слышали представителей некоторых МТС и районов, которые на вопрос о том, как они оценивают урожай, — ответили, что в среднем намолачивают по 6 центнеров с гектара. Занятно получается! При первой встрече с казахстанцами мне сказали: «Урожай такой, какого не видали 20–30 лет». А чем дальше на север, в хлебные районы, тем урожай становится все ниже, и я боюсь, чтобы не свели его на-нет. В одном месте нас даже поразили: мы, говорят, намолотили 42 центнера с гектара. А сегодня я слышу, что намолачивают только 6 центнеров и подсказывают, что и 5,5, мол, бывает. А если, спросишь: может быть, 5? Скажут: да, не больше 5. Как легко уменьшают люди урожай!

Не знаю, что тут влияет. Влияет ли погода, влияет ли план? Вы, очевидно, сами не замечаете, что появляется у вас этакое желание избавиться от лишних хлопот. Вы указываете — урожай 5 центнеров, рассчитывая, что тогда и ЦК больше 5 не будет требовать, а 5 центнеров не так уж много, о чем же беспокоиться.

А вот и другой пример. Встретился я в совхозе с одним из руководителей. Спросил:

— Ну, как урожай? Руководитель говорит:

— 7,2 центнера.

Часом позже пришел начальник политотдела и заявил:

— Урожай не меньше 8,4 центнера.

Этот немного прибавил. Если бы встретил третьего руководителя, он, наверное, заявил бы, что 9 центнеров будет.

Разве это не говорит о несерьезном отношении к очень серьезному делу?

Неладно и со сроками. Люди уж очень легко устанавливают сроки окончания уборки и хлебосдачи. Устанавливают такие сроки, о которых сами заранее знают, что не выдержат.

Такая работа ничего общего не имеет с большевистским руководством. Надо понять, что если мы не сможем поднять на ноги всю колхозную массу так, как она должна быть поднята, если не сумеем мобилизовать себя, то поставим урожай под угрозу. И поймите, что урожаю угрожает не дождь, — дело не в дожде, дело зависит от того, как мы сумеем вокруг уборки поднять и мобилизовать колхозников. В этом все. Я прямо заявляю, что если мы будем более организованно работать, то уберем весь хлеб. В этом нет никакого сомнения.

Я хочу предостеречь товарищей от одной очень распространенной болезни — от легкомысленных заверений. Мы наслушались всяких заверений, но уборка от этого продвигается мало. В нашей партии так практикуют: директива есть, надо ее выполнять без всяких заверений. А некоторые понимают иначе, и на любом собрании, не считаясь с условиями и возможностями, назначают самые фантастические сроки. В одном месте нас упорно заверили в том, что выполнят план к 1 октября, и вот осталось всего 4 дня, а выполнять им надо еще 90 %. И выходит, что работают люди без всяких расчетов, без всякого здравого смысля.

Надо широко использовать опыт самих колхозников. Если собрать стариков-колхозников, опытных хозяев, они многому вас научат, потому что бывали в разных переплетах и все испытали. Они научат и как скирды делать, и как хлеб сушить. Думаю, что некоторые начальники политотделов не очень-то еще разбираются в сельском хозяйстве, да и сидят они на этой работе без году неделю; а несмотря на это, мало прислушиваются к практикам сельского хозяйства, поэтому сразу вдаются в панику. Там дожди где-то в Африке прошли, а здесь паника, что будет дождь. .

Я встретил одного старика на току. Подошел к нему и говорю:

— А что, если будет дождь? А он говорит:

— Будет, — пусть будет.

— Как же, — говорю, — зерно подмочит. А он отвечает:

— Зерно нужно собрать правильно в кучи, а после дождя снять верхний слой, и под ним зерно будет сухое.

А ответственные люди говорят, что если дождь прошел, то все зерно обязательно должно промокнуть насквозь.

К чему я речь веду?

Я веду речь к тому, что учиться нам, товарищи, надо, овладеть техникой сельского хозяйства надо. Некоторые начальники политотделов рассуждают примерно так: прислал нас Центральный Комитет, значит, мы люди первого ранга. И начинают философствовать — подчиняемся ли мы или не подчиняемся райкому, какие отношения у нас с райкомом должны быть и т. п. Очень нехорошие это настроения. В вопросах колхозного строительства мы все должны работу вести в деловом контакте, а не делиться на людей «маленьких» и «больших». Вопрос о «правах» за последнее время стал «проблемой». Все о правах толкуют. Раздумывают, как ему приказ дать: «через голову или через две головы», «посредственно или непосредственно», «согласиться с решением или не согласиться».

А время идет, не ждет, а мы к уборке не готовились. Рассуждали о своих «правах» и «положениях», а как гром ударил, дождь полил, — руки опустили. Куда это годится?

В практических вопросах сельского хозяйства надо опираться на опытных колхозников. Хорошо помню, что когда в ЦК принимали решение по железнодорожному транспорту, мы предварительно побеседовали с практиками, рабочими-железнодорожниками. Товарищ Сталин сказал: давайте соберем совещание, вызовем людей, которые действительно работают на железной дороге, вплоть до стрелочника. И железнодорожники очень многому нас научили. Взять хотя бы спаренную езду, которая так много дала транспорту. Думаете, что ее профессора выдумали? Нет, это практики подсказали.

То же и здесь. Возьмем скирдование. Есть люди, которые годами сидят на этом деле, конечно, я говорю не о кулачье, а о честных людях, о рядовых колхозниках. Разве они не знают сотни способов этого скирдования? И прямая обязанность политотдела заключается в том, чтобы мобилизовать колхозные массы, пробудить колхозную инициативу.

А я видел таких начальников политотделов, которые превратились в чиновников и, бывая в колхозе, не разговаривают с колхозниками. Я слышал, как один секретарь райкома партии держал такую речь: «Исходя из общего положения, в связи с природными условиями, основное звено у нас должно быть в скирдовании. .» Работает он недавно, условий как следует не знает, а говорит с полным убеждением. Люди простой вещи понять не могут, что колхоз от колхоза отличается и подход к каждому должен быть диференцированным.

В Казахстане вопрос о хорошей уборке урожая приобретает особое значение, гораздо большее, чем в любой другой области. Ведь еще в прошлом году многие жили впроголодь, а теперь хлеб уродился, громадный урожай получили. Этим урожаем можно все дело поправить. Я сам видел, с какой радостью люди ходят около нового хлеба, — буквально праздник это для них, особенно для казахского населения. Видел я, как старик, сам уже не способный к работе, с ребятишками ходит вокруг намолоченного хлеба, любуется и радуется. Я прекрасно понимаю этих людей: у них действительно радость — хлеб уродился! Вчера ничего не было, а сегодня есть так много.

Этот исключительный урожай дает большой стимул, дает громадную базу для дальнейшей работы в Казахстане, ибо без хлеба, без урожая трудно двинуть дело вперед. Я повторяю — нам нужно провести уборку и заготовку хлеба не только для того, чтобы хлеб сдать государству, а и для того, чтобы действительно поднять Казахстан, создать все условия для дальнейшего хозяйственного расцвета. Мы все знаем роль Казахстана в развитии животноводства. Но мы также знаем, что без поднятия зерновой базы мы животноводства не разовьем. И вот сбор урожая текущего года является одной из очередных громадных задач, которые стоят перед Казахстаном.

Если мы соберем больше хлеба, с большей бережливостью будем относиться к сбору урожая, к каждому зерну, мы эту базу создадим. Когда мы смотрели хлеб и указывали руководителям, что хлеб гниет, то хоть они этого и не сказали, но можно было понять, что люди думают: «Без вас знаем, уезжали бы скорее туда, откуда приехали. Хлеба много — на всех хватит, подумаешь, какое дело». Такие «руководители» похожи на чудаков, которые получили богатое наследство, а считать не умеют, и это наследство разбазаривают направо и налево, забывая, что придет день, когда от этого наследства ничего не останется и они опять сделаются бедняками.

Тут так и получается: оплачивают наемных рабочих в колхозах по 7 килограммов за день, по 2 центнера с гектара теряют — и все это как бы в порядке вещей. Шутка сказать — 12 пудов! У нас есть края, где 12 пудов — это весь урожай, а здесь 2 центнера ничего не стоят. Если так будем относиться к богатому урожаю, то мы ничего не добьемся. Завтра вы прочтете постановление краевого комитета партии, в котором крайком крепко бьет тех людей, которые не понимают всей

важности задачи сохранения урожая. Крайком снял с работы первого секретаря Алмаатинского обкома партии, снял за плохую работу целый ряд других людей. Убеждаем, убеждаем, чтобы люди поняли задачи, но когда никакие убеждения не помогают, то краевой комитет, а если не краевой, то Центральный Комитет меры примет. Кто явно саботирует, не желает осуществлять важнейших политических решений и крупнейших хозяйственных задач, поставленных партией, к тем придется применять самые суровые меры воздействия.

Сейчас никаких собраний, никаких конференций проводить уже не надо. Дело сейчас не в резолюциях. Указания все даны. Нужно каждому уяснить, что, приспосабливаясь к условиям своего района, колхоза, все силы надо мобилизовать на выполнение тех задач, которые перед вами стоят. Не надо ждать никаких больших инструкций о том, как убирать, как молотить, — все теперь ясно. Нельзя терять буквально ни одной минуты, надо во что бы то ни стало убрать и сохранить каждое зерно.

Думаю, что вы дадите мне право от лица всего актива, который здесь присутствует, передать Центральному Комитету, что те задачи, которые стоят перед вашей областью, будут выполнены.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — ЭТО НАУКА, КОТОРАЯ УЧИТ ТРУДЯЩИХСЯ ПОБЕЖДАТЬ СВОИХ ВРАГОВ

Речь на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) 10 октября 1934 года

Товарищи, я думаю, что первый вывод, который нужно сделать из докладов, заслушанных нами на пленуме, и из решений, которые мы приняли, — это то, что необходимо еще более энергично, еще более организованно закончить в текущем году сельскохозяйственные кампании.

НАШИ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Как вы слышали здесь, Ленинградская область в целом успешно справилась с хлебосдачей всех видов. Выполнен полностью также план заготовок льносемян. Но было бы ошибочным думать, что основные сельскохозяйственные заготовки уже позади. Достаточно сказать, что на 5 октября мы сдали всего 45,5 % льнотресты, 1,5 % волокна, только 68,7 % картофеля по поставкам и еще меньше — всего 9,9 % — сдано картофеля по хозяйственным договорам. Овощей мы заготовили всего 65,3 %, мяса — 68,8 %, сена — 94,8 % годового плана. И, наконец, лишь в самые последние дни у нас начали развертываться закупки хлеба. Всего на сегодняшний день закуплено по области хлеба 628 тысяч пудов, в то время как мы считаем, что урожай этого года дает возможность закупить минимально 2 миллиона пудов. Наконец, товарищи, еще не все закончено и по зернопоставкам. Только 34 района полностью выполнили установленный для них план, а за другими районами — где десять, где двадцать, а где и вся сотня тонн (как, например, в Лядском районе) задолженности перед государством. Таким образом, думать, что сельскохозяйственный год уже окончен, что основное сделано и остаются только какие-то «остаточки», которые, дескать, легко дойдут сами собой, — было бы вреднейшим заблуждением.

Мы здесь на пленуме установили ориентировочные сроки окончания заготовок льна, картофеля, овощей и завершения таких кампаний, как силосование. Мы отметили недостаточность нашей организационной работы вокруг хлебозакупок. И сейчас, товарищи, нам предстоит бороться за реализацию этих сроков и наших решений, бороться, не ослабляя энергии, сил, напряжения, потому что заготовить то, что осталось, не менее трудно, чем то, что мы уже заготовили.

Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы каждый колхоз, колхозник и единоличник выполнил полностью все свои обязательства перед государством. Надо, чтобы каждый колхозник и единоличник твердо знал, что эти обязательства имеют силу закона.

Я хочу остановиться особо еще на одной задаче, без выполнения которой нельзя говорить об успешном завершении текущего сельскохозяйственного года, — я имею в виду программу нашей работы в области развития животноводства. Вы слышали из доклада, и вы все это знаете из своей практики на местах, что в этом году мы сохранили молодняка значительно больше, чем в прошлом году. Так было по состоянию стада в середине лета, как показал июньский учет скота, так это обстоит и сейчас. Но ведь это, товарищи, только полдела. Конечно, не так просто добиться сохранения молодняка с весны, т. е. сделать то, что мы уже сделали, но гораздо сложнее, труднее, ответственнее сохранить молодняк сейчас, осенью, зимой, сохранить его в течение всего стойлового периода до будущей весны. Это, товарищи, задача, которая требует самой напряженной, самой усиленной работы, ибо здесь мы встретимся с враждебной агитацией кулацких элементов, которые будут нашептывать и колхозникам и единоличникам, что нужно резать скот; мы столкнемся и с безрукостью, бесхозяйственностью отдельных головотяпов, которые не сумеют правильно подготовить и организовать зимовку скота, и, наконец, с отсталыми настроениями некоторой части колхозников. И поэтому наша задача — взяться за это дело со всей большевистской напористостью, поставить нашу массовую работу вокруг животноводства так, чтобы каждый колхозник, каждый единоличник знал, что зарезать телку — это значит совершить преступление перед государством.

Мы должны поднять на борьбу за сохранение молодняка и тем самым за расширение стада всю массу колхозников, колхозниц и молодежи, до школьников и пионеров включительно. Было бы ошибкой думать, что задачу подъема животноводства можно решить из кабинета, из канцелярии, в порядке обращения или приказа, без широкой и глубокой, действительно массовой организационной работы. Кроме этого я хочу указать еще на один рычаг, который мы до сих пор не использовали в достаточной мере для подъема животноводства. Этот рычаг — государственный план. В постановлениях июньского пленума ЦК ВКП(б) записано, что мы начинаем сейчас совершенно по-новому дело развития животноводства, что мы ставим его на основе такого же твердого государственного плана, как планы сева, которые мы успешно проводим уже на протяжении ряда лет.

«Для обеспечения скорейшего подъема животноводства пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым применить, по примеру государственного посевного плана, метод государственного плана развития животноводства с установлением плановых заданий по росту поголовья скота в совхозах и товарных колхозных фермах, плана выращивания молодняка совхозами, колхозами, колхозниками и единоличниками и плана производства кормов, с доведением этих планов до совхозов, колхозов и

сельсоветов» /«ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 613, изд. 5-е. 674 / Это, товарищи, громадный рычаг, которым мы должны воспользоваться, и воспользоваться немедленно, в ближайшие же дни, так как осень уже наступила, и если мы упустим несколько недель, то столкнемся с непоправимыми потерями. Вот почему мы в своих постановлениях пишем, что райкомы и райисполкомы должны немедленно приступить к реализации плана подъема животноводства; чтобы к 1 ноября эти планы были спущены на места и стать основой практической работы по сохранению и расширенному воспроизводству стада.

Вот то основное, товарищи, что нам осталось еще сделать в текущем сельскохозяйственном году, и этот «остаточек» такого солидного свойства, что, я думаю, и нам и вам придется еще немало поработать, чтобы его к сроку выполнить.

Нельзя забывать также и того, что остающееся время надо использовать для максимально организованной подготовки к будущему году. Возьмите такие работы, как зяблевая вспашка, подъем целины (где, кстати сказать, у нас дело очень неважно идет), ремонт тракторов, машин, ссыпка семян и т. д. Ведь без своевременного, и притом не просто своевременного, а еще и высококачественного выполнения всех этих работ, я подчеркиваю слово высококачественного, все разговоры о борьбе за повышение урожайности в будущем году останутся пустыми разговорами.

Вот, товарищи, те важнейшие очередные задачи в области нашего сельского хозяйства, которые стоят перед нами на ближайший период времени.

НАМ НАДО ЕЩЕ КРЕПКО ПОРАБОТАТЬ НАД УКРЕПЛЕНИЕМ КОЛХОЗОВ

Но я думаю, что, подводя итоги нашего пленума, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на тех основных вопросах, которые отчетливо выступают на фоне итогов всей нашей работы в деревне, на фоне итогов, которые мы здесь подводили.

Первое, и это главное, на что нужно обратить внимание, — это на состояние колхозов нашей Ленинградской области. С первого взгляда многим товарищам может показаться, что вопросы колхозного строительства у нас не только теоретически разрешены, но что и на практике они разрешаются настолько успешно, что никаких трудностей мы на этом пути в настоящее время уже не встречаем. Верно, что мы добились огромных успехов в колхозной стройке. Эти успехи настолько громадны, что их сейчас не смеют отрицать даже наши враги. Но тем товарищам, которые склонны представлять себе дело так, что вся колхозная стройка идет совершенно безоблачно и что теперь больше, собственно, и говорить уже как бы не о чем и делать нечего, я должен, к их разочарованию, в порядке самокритики сказать, что в колхозном строительстве дело обстоит не совсем так, в частности у нас, в Ленинградской области. Я не собираюсь приводить цифровые выкладки, но ясно одно, что за последние месяцы темпы коллективизации у нас по области замедлились, а по ряду районов коллективизация как бы стабилизировалась в отношении дальнейшего количественного роста. Я должен привлечь ваше внимание к тем недостаткам, которые мы имеем в деле организационно-хозяйственного укрепления наших колхозов.

Мне кажется, что тот исторический лозунг, который в свое время дал товарищ Сталин, — сделать все колхозы большевистскими, а всех колхозников зажиточными, — мы этот лозунг подчас проводим недостаточно по-большевистски. И поэтому до сих пор довольно значительная часть наших колхозов еще не является колхозами большевистскими, колхозами в подлинном значении этого слова.

И беда в том, что мы этого очень часто не замечаем в практической работе. Здесь выступал один из секретарей сельрайкомов и удивлялся тому, что один колхоз, трижды премированный за прошлую работу, при развертывании кампании по закупке хлеба на предложение о продаже хлеба государству ответил категорическим отказом. В чем тут дело, какой вывод надо сделать из этого? Надо сделать тот вывод, что мы в данном случае имеем дело с таким колхозом, который не только не надо было премировать, но вообще это не настоящий колхоз, потому что для настоящего колхоза немыслимо такое противопоставление своих интересов интересам государства.

Я мог бы привести вам еще ряд примеров, когда мы имеем просто формальные колхозы, в которых по существу живут единоличники и работают, собственно говоря, на единоличных началах. Если посмотреть наши колхозы, то мы нередко в них обнаружим такого рода недостатки. Вы знаете, что, когда мы говорим об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, мы подразумеваем под этим, что надо сделать сельскохозяйственную артель такой, чтобы она несла в себе начала социалистической организации производства и работы.

А во многих колхозах в настоящее время на деле это еще зачастую не так, и отсюда проистекают те мелкобуржуазные колебания и антигосударственные тенденции, которые мы еще видим в части колхозов. Текущая хлебозаготовительная кампания показала, что нам надо еще крепко поработать над укреплением колхозов.

И поэтому первый вывод, который надо сделать, — это неустанно продолжать, и не только

продолжать, но и всемерно усилить нашу работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Я приведу немногие примеры, которые показывают, насколько важна эта задача. Например, в Волховском районе есть колхоз, который называется «Верный путь»; он имеет 28 хозяйств, 48 гектаров посева, трудоспособных 78 человек, из них работают всего 23 человека. Если подвести итог их работе в 1934 году, то окажется: скажем, Александров в прошлом году выработал 6,6 трудодня, в 1934 году — ни одного трудодня; Александров второй выработал в прошлом году 0,2 трудодня, в этом году — пока что ни одного; Тимофеев в прошлом году выработал 11 трудодней, в этом году — 7; Березина в прошлом году—15 трудодней, в этом году — 4; Кузьмин в прошлом году — 1,8 трудодня, в этом году — ни одного.

Вы не думайте, что это единственный случай. Такие колхозы встречаются почти во всех районах. И вот я вас спрашиваю: как можно жить в колхозе и иметь нуль трудодней? Ясное дело, что перед нами колхозник только формальный, с колхозом в работе у него никакой связи нет.

Это значит, что он живет где-то вне колхоза, по существу, как единоличник, используя колхоз для получения всяческих льгот. Значит, эти пять человек, взятые на выборку, они по сути дела не колхозники, и не подлежит никакому сомнению, что и некоторые другие в этом колхозе представляют собой примерно то же самое. Повторяю, что это не единичные примеры, которые мы встречаем, когда поближе подходим к изучению наших колхозов.

Есть у нас образцовые, хорошо поставленные и крепкие колхозы, но наряду с ними очень часто встречаются и такие, о которых я здесь говорил. Отсюда вывод — нам надо плотнее, чем до сих пор, подойти к организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

НЕ ЗАМАЗЫВАТЬ, А РЕШИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЯТЬ НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ МТС

Остановлюсь сейчас на одном рычаге, который в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов должен играть первую скрипку, — я имею в виду МТС. Вы знаете, что партия придавала и придает громадное значение МТС в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства. На пленуме, может быть, не удастся, но, очевидно, на бюро областкома надо будет поставить вопрос о работе МТС в целом. Опыт их работы уже большой, практика большая, и нам на бюро надо будет подвести некоторые итоги.

То, что я сейчас скажу, относится не только к Ленинградской области.

Вы знаете, что у нас колхозы в общем делятся на две группы: одна часть колхозов (большая или меньшая — это зависит от района) обслуживается МТС, другая группа находится вне этого обслуживания. Заранее напрашивается мысль, что те колхозы, которые обслуживаются МТС, должны работать лучше, чем те, которые МТС не обслуживаются. Но вот что получается на практике у нас, в Ленинградской области. Возьмем, например, уборку зерновых. На 10 августа колхозы, обслуживаемые МТС, убрали 48 %, колхозы, находящиеся вне радиуса МТС, — 50,7 % всей площади; на 10 сентября колхозы, обслуживаемые МТС, убрали 98 %, колхозы, находящиеся вне радиуса МТС, закончили уборочную кампанию. Возьмем, дальше, теребление льна. На 10 августа колхозы, обслуживаемые МТС, убрали льна 57 %, остальные колхозы — 60 %; на 20 августа — соответственно 88 и 96,5 %. Если взять сенокошение, то тут первая цифра на 1 июля как будто бы говорит о некоторых успехах колхозов, обслуживаемых МТС. На 1 июля колхозы, находящиеся вне обслуживания МТС, убрали 20,6 %, колхозы, обслуживаемые МТС, — 23,7 %, но уже на 1 августа это дело сразу повернулось, и колхозы, обслуживаемые МТС, убрали всего 87,3 %, а находящиеся вне обслуживания МТС закончили сеноуборочную кампанию.

О чем это говорит? По уборке хлебов и сена колхозы, не обслуживаемые МТС, шли почти все время впереди колхозов, обслуживаемых МТС. Должен оговориться, что некоторые работники эти цифры оспаривают, но у нас, во-первых, других цифр нет, и, во-вторых, если есть ошибки, то они имеются как с одной, так и с другой стороны. Во всяком случае, тенденция такая, как я сказал, и не только у нас в области. Такое же явление наблюдается и в ряде других областей нашего Советского Союза.

То же самое явление мы имеем и в деле зернопоставок. Казалось бы, там, где работают не только районные партийные организации, но и политотделы, — там зерно должно итти веселей, скорей. А что мы имели в Ленинградской области? На 20 августа колхозы, обслуживаемые МТС, выполнили план зернопоставок на 26,7 %, колхозы, находящиеся вне обслуживания МТС, — на 32,9 %; на 25 августа — соответственно 31,7 и 36,5 %; на 1 сентября — 39,5 и 45,7 %; на 5 сентября — 49 и 56,8 %; на 10 сентября — 68 и 73,4 %. И только позднее начинается подтягивание колхозов, обслуживаемых МТС, потому что надо заканчивать хлебозаготовки. Получается на 15 сентября 95,2 и 95,7 %, на 20 сентября — 99,5 и 101,5 %, на 25 сентября — 101,7 и 103,2 %.

Если взять показатели текущих сельскохозяйственных работ на 5 октября, то получим такую же картину. Возьмем, например, силосование: колхозы, обслуживаемые МТС, выполнили 71 %, не обслуживаемые МТС — 73,3 %.

Подъем целины: колхозы, обслуживаемые МТС, выполнили 54 %, не обслуживаемые — 71,6 %. Зябь

подняли: колхозы, обслуживаемые МТС, — 29 %, не обслуживаемые — 37,8 %.

Одним словом, товарищи, какой бы показатель ни взять, мы встречаемся с этой же самой закономерностью.

Какой вывод здесь нужно сделать? Наши МТС до сих пор работают еще далеко не так, как этого от них требует наша партия. А между тем мы затратили на их организацию громадные деньги, бросили на их укрепление тысячи людей, создали политотделы. И поэтому мы имеем право требовать от МТС образцовой работы.

Я должен сказать, что меня буквально поразило, что отдельные работники политотделов МТС, выступавшие на пленуме, не хотят видеть этих цифр, не умеют вдумываться в их значение, пытаясь скрыть крупнейшие недостатки в работе МТС.

Приведенные мною цифры говорят о том, — и в этом их основное значение, — что мы в наших МТС работаем еще плохо, работаем по-казенному, формально. Мы еще не оценили в достаточной мере машины в сельскохозяйственном производстве и не сумели добиться правильной расстановки сил и хорошей организации труда вокруг этой машины. Я приведу один пример (он взят из сельскохозяйственной практики не нашей области, а Казахстана), чтобы показать, как формально еще во многих случаях работают наши МТС. Я имею в виду комбайн. Это ведь изумительная, прекрасная машина, которой принадлежит огромное будущее. Как мы организуем и планируем работу комбайна? Оказывается, наше планирование построено таким образом, что задание на комбайн дается не на день, не на пятидневку, а на весь сезон уборки хлеба. Предположим, планируется, что каждый комбайн в такой-то области должен собрать, обмолотить хлеба 150 гектаров. Не надо быть сельским хозяином, достаточно быть просто разумным человеком, чтобы понять, что можно хлеб убрать в течение недели, можно и в течение двух, даже трех недель, а у нас иногда еще больше затягивается уборка. И поэтому цифра 150 гектаров уборки на комбайн за сезон ничего не определяет, ни о каких темпах уборки не говорит. Если бы мы так считали рабочее время машины на заводах, ничего из этого не вышло бы.

Я это привожу как пример, чтобы показать, насколько мы еще неграмотно управляем таким важнейшим орудием, как комбайн. Не лучше обстоит дело и с тракторами и с другими сложными сельскохозяйственными машинами.

Выходит, что мы настолько плохо организуем наше машинное хозяйство, что колхоз, слабее машинизированный, не обслуживаемый МТС, в сельскохозяйственной работе обгоняет колхоз, опирающийся на громадную машинную базу наших МТС.

Этого никак нельзя было бы понять, если не заметить, что наши МТС работают плохо, и отсюда эти странные, на первый взгляд, и во всяком случае достаточно неприглядные результаты их работы.

В плохой работе наших МТС, этих могучих рычагов социалистической реконструкции сельского хозяйства, прежде всего повинны формальные, канцелярско-бюрократические методы руководства, которые так решительно и категорически осуждены нашей партией. Ведь зачастую мы так планируем, считаем, рассчитываем, так увлекаемся бумагой, графиком, расписанием, что упускаем из виду, что жизнь идет, что погода (а от погоды, вы знаете, в сельском деле многое зависит) не укладывается в график, что хлеб созрел быстрее, чем мы думали, и т. д. А отсюда — провалы, разрыв, простои машин, с одной стороны, осыпание хлеба — с другой. Я не против планов, расписаний, графиков. Все это должно быть, но все это должно быть оперативно, должно подкрепляться знанием жизни, знанием колхозов, обстановки, знанием того, что конкретно делается на поле, все это должно исправляться и дополняться на ходу. А у нас этого часто не бывает, а отсюда и происходит то явление, что, пока МТС план составит, пока этот план ходит и согласовывается, колхоз, обслуживаемый МТС, еще ждет, а другой колхоз уже начал работать во-всю, и там 25 % уже готово. Пока мы развернули работу МТС по-настоящему, пока пошли все машины в ход, колхозы, работающие без помощи МТС, эти работы уже кончили.

Отсюда второй вывод, что нужно не только укреплять наши колхозы, но нужно всячески укрепить и работу МТС и, следовательно, обратить серьезное внимание на улучшение работы политотделов МТС. Если мы будем так смотреть на работу МТС, как это выходило у отдельных выступавших товарищей, то тут возникнет серьезная опасность. Нельзя закрывать глаза на недостатки МТС и тем более скрывать и замазывать эти недостатки.

Отставание колхозов, обслуживаемых МТС, — это вопрос чрезвычайно серьезный, и над ним надо политотделам основательно подумать. Надо нам, областному комитету, поставить этот вопрос специально, собрать директоров МТС, начальников политотделов и показать им действительную картину работы МТС. Надо немедленно поставить на ноги наших работников и добиться того, чтобы МТС, опираясь на мощную тракторную базу, которую они получили, правильно расставив силы и обеспечив сочетание трактора с лошадью, двинули дело укрепления колхозов семимильными шагами вперед.

Третье, что нам надо проделать для укрепления колхозов, — это добиться дальнейшего роста стоимости трудодня. Мы должны сделать наших колхозников зажиточными, и для этого надо, чтобы каждый колхозник получал на трудодень много больше, чем он получает сейчас, и продуктов и особенно денег.

А это в свою очередь возможно только в том случае, если колхозы будут лучше работать, если выше подымется производительность труда, если меньше станет в колхозах лодырей, лжеколхозников, если наши колхозы действительно по-большевистски будут драться за высокий урожай.

Тут же я хочу сказать и об единоличнике. Мы после пленума ЦК ВКП(б) об этом подробно говорили, но надо сказать, что от разговоров мы еще робко переходим к делу. Мы должны поставить всю нашу работу так, чтобы обеспечить на деле все преимущества колхозов и колхозников перед единоличниками.

Некоторые товарищи говорят о том, что у нас сейчас мало единоличников и поэтому, дескать, большой важности этот вопрос не представляет. Это неверно. Колхозное движение не может стоять на месте.

Став на путь коллективизации, мы должны притти к стопроцентной коллективизации, и растягивать без конца этого нельзя. А для успешного решения этой задачи крайне важно, чтобы колхозники были во всем поставлены в преимущественное положение перед единоличником, чтобы единоличник в колхозе видел для себя единственный выход к лучшей, зажиточной жизни. Надо жизнь колхоза построить таким образом, чтобы сразу можно было отличить колхозника от неколхозника, чтобы каждый колхозник реально, на деле каждый день чувствовал свое преимущество перед единоличником. А что у нас выходит? На прошлом пленуме мы много и подробно об этом говорили, а когда товарищи из Дновского района приехали с пленума и когда им нужно было обеспечить фуражом ветеринарные пункты, то они не придумали ничего лучшего, как просто, в порядке постановления, обязать колхозы предоставить такое-то количество фуража и прочее. Вообще этого нельзя приказать в порядке постановления, но дело не только в этом, а и в том, что единоличника это постановление Дновского райкома совершенно не касалось. И, таким образом, колхозы обязывались сено и фураж на ветпункты выделять, а единоличнику райком разрешал пройти мимо этого дела, а когда надо, конечно, тем же ветпунктом пользоваться. На первый взгляд как будто это пустяки, но это не пустяки, потому что из этого складывается колхозная жизнь. И если мы хотим завершить коллективизацию нашей области, то надо, во-первых, на практике обеспечить преимущества колхозников перед единоличниками и, во-вторых, заставить единоличника по-настоящему выполнять государственные и общественные обязательства. У нас есть такие работники, которые из-за боязни сделать перегиб либерально относятся к единоличникам, нарушающим советские законы. Эти люди являются «героями самотека» в самом чистом его виде. Они рассуждают примерно так: для того чтобы не было загибов и недогибов, лучше сидеть сложа руки и ничего не делать. (Смех.)

Эти люди, допускающие гнилой либерализм на практике по отношению к единоличнику, не умеют проводить политику партии по отношению к колхозникам. С этим нужно кончать.

Надо показать единоличнику, что советские законы нужно уважать, неуклонно выполнять, что в общественных повинностях надо участвовать и что во всем этом Советская власть дает реальные преимущества колхознику перед единоличником. Только тогда единоличник поймет, что путь коллективизации — это действительно единственная для него дорога к лучшей, зажиточной жизни.

И поэтому, если мы хотим, — а мы хотим этого всерьез, — усилить организационно-хозяйственное укрепление колхозов, то надо решительно покончить с либерализмом и попустительством в отношении выполнения государственных обязательств единоличником, в отношении соблюдения им советских законов.

САМОУСПОКОЕННОСТЬ — ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ НАШЕЙ РАБОТЫ

И еще один большой практический вывод нам следует сделать из нашей работы в области сельского хозяйства в текущем году.

Для того чтобы сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, мы должны безусловно выполнить поставленные задания по поднятию урожайности. Мы подчас мало об этом думаем, а сейчас это важнейший боевой вопрос. Посмотрите, что получается по плану сева 1935 года. Мы кое-где расширяем посевные площади, кое-где расширяем площадь под пшеницу, но в общем в будущем году у нас площадь останется почти такая же, как и в этом году, потому что 2–3 % расширения ничего существенного не изменяют, площадь остается почти стабильной.

А раз площадь на будущий год останется почти стабильной, а по многим культурам, например по льну, совершенно стабильной, то прямой вывод отсюда: для того чтобы больше собрать, нужно поднимать урожайность. Нынешний год у нас был в общем урожайный, и мы успокоились на том, что он урожайный.

Но ведь, товарищи, нужно по совести сказать, что хотя большая доля урожайности зависела и от нас, от нашей работы, но значительная доля зависела и «от бога»: погода была нам наруку, нам повезло, — и это вместе с нашей собственной работой обеспечило сносный урожай. Так было в этом году, но нельзя надеяться на то, что так будет и в будущем году. Нам нужно драться, и крепко драться, за повышение урожайности. Мы говорим: не плох урожай этого года. Вы думаете, что можно на этом успокоиться, этим ограничиться? Ничего подобного: урожаю текущего года еще далеко до настоящего, культурного урожая. Сейчас у нас есть большие возможности для повышения урожая, мы можем поставить дело лучше, вложить больше удобрений, больше использовать химию и т. д. Нужно по всем культурам поднимать урожайность: по зерновым, по льну, не говоря уже о клевере, где мы собираем крайне низкий урожай.

Относительно картофеля и овощей. В нашем проекте написано, что урожай по овощам должен быть в текущем году с одного гектара 14 тонн. В 1934 году площадь под овощами была увеличена на 40 %, тем не менее мы поставили в качестве задачи добиться урожая овощей не менее 14 тонн с гектара в среднем. В будущем 1935 году мы увеличиваем площадь под овощами на 7,6 %, и опять выдвигается проект записать урожайность в 14 тонн с гектара. Я считаю, что этого мало.

Нужно, чтобы в будущем году мы не топтались на месте, а качественно двинули вперед дело нашего овощеводства.

То же и по картофелю. Здесь нужно поставить дело так, чтобы каждый знал, что нужно сделать, чтобы поднять урожайность. Ведь если даже говорить с точки зрения простого хозяйственного расчета, то лучше занимать поменьше земли, но побольше с нее собирать, потому что если слишком разбрасываться, то нехватит сил для обработки. У нас есть все возможности для того, чтобы реально поставить и выполнить задачу повышения урожайности. Конечно, эту задачу надо ставить отдельно для каждого района, подходить к каждому району, как выражаются, диференцированно, а районам необходимо те задания, которые они получили, безусловно выполнять. Разумеется, это требует самой напряженной, большевистской мобилизации сил и средств.

К сожалению, наша повседневная практика и руководство оставляют еще желать много лучшего: иной раз план или задание примут, а делом его не подкрепят. Происходит это в значительной степени потому, что у целого ряда наших работников и здесь, в области, и у вас, в районах, существует глубоко вредное для нашей работы настроение, которое можно назвать настроением самоуспокоенности. Происходит это, видно, потому, что еще вчера мы были в жестких исторических тисках, метала нас борьба из стороны в сторону, переживали мы величайшие испытания; эти тиски мы разбили, врагов, которые нам в свое время угрожали, разгромили и вышли победоносно на широкую социалистическую дорогу. И вот от этих наших успехов многим кажется, что теперь все уже обеспечено, что беспокоиться больше нечего, а между тем эта самоуспокоенность иной раз обходится нам очень дорого.

Вы знаете по газетам, что Западная Сибирь, Челябинская область и Казахстан отстают в хлебосдаче и не сходят со страниц печати. Все это получилось в результате того, что люди там предались самоуспокоению. Мы имеем в текущем году исключительно хорошие урожаи в Западной Сибири и Казахстане, в Челябинской области, и мы их не можем убрать. Почему? Только потому, что тамошние работники, увидев прекрасный урожай, успокоились и решили, что раз хороший урожай налицо, то остальное все само приложится. И поэтому там упустили самое дорогое время, вместо того чтобы по-большевистски организовать уборку, обмолот, сдачу государству. А сейчас вследствие этого они уборки еще не кончили, хлебосдачу растянули и каждый день терпят потери.

Я привел этот пример к тому, чтобы показать вам, как из-за самоуспокоенности можно даже при великолепных объективных условиях терпеть неудачи в решении задач, поставленных партией.

Такая самоуспокоенность становится бичом не только для выполнения хлебозаготовок, хлебоуборки, но и вообще для всей работы.

Я упомянул вам про восточные области, но ведь такие же настроения наблюдаются и у нас в Ленинградской области. У нас ряд районов не выполнил полностью хозяйственного договора на картофель, и иногда рассуждают так: чего нам тут особенно волноваться, ну, картошку не выполнили, так ведь завозим все равно из других областей, завезем еще каких-нибудь тысячу тонн. Такое настроение существует, в нем и находит свое проявление самоуспокоенность, которая проникает во все области нашей работы.

Я считаю это плохим симптомом, ибо самоуспокоенность — это не только благодарная почва для оппортунистического самотека, но и его прямое оправдание.

И в этой связи мне хочется еще раз вернуться к вопросу об МТС и об их политотделах. Вспомните прошлый год. Политотделы были самой свежей струей в деревне, которая оживляла и подталкивала работу и секретарей райкомов, и председателей райисполкомов, и директоров совхозов и МТС. А сейчас, как вы видите, положение изменилось.

Секретари райкомов не могут пожаловаться на то, что им политотделы причиняют беспокойство. А когда начальники политотделов теперь выступают на пленуме, они уже не говорят, что «встретили атмосферу неподвижности», «косности», что им приходится ее преодолевать, «преодолевать оппортунизм» и т. д. Они с этой трибуны больше стараются оправдать неудовлетворительную работу МТС ссылкой на другие органы.

На фоне самоуспокоения появляются и явления бытового разложения, излишеств, по которым сейчас так резко ударяет ЦК и наша партийная печать.

Возьмите хотя бы то, что было в Череповце, об этом писали в газетах. Там в мае весь актив «увлекся» настолько, что все перепились до полной потери своего достоинства. И череповецкий райком только в сентябре удосужился это дело разобрать. Я привел этот пример потому, что если самоуспокоение будет распускаться пышным цветком, то на его фоне могут и в другом месте вырасти такие же уродливые вещи, как в Череповце. Самоуспокоенность — злейший враг нашей работы.

Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная, внутренняя тревога за дело партии.

ВСЮ ВНУТРИПАРТИЙНУЮ РАБОТУ НА БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ

Если говорить о внутрипартийной работе, то и здесь налицо элементы самоуспокоенности.

Нет нужды подробно доказывать, что за последние годы наша партия, руководимая нашим мудрым вождем товарищем Сталиным, идейно выросла и окрепла в боях с оппортунизмом в процессе гигантской социалистической стройки.

Поднялась активность партийных масс, внутрипартийная демократия стала еще более глубокой, большевистская самокритика способствовала подъему на более высокий уровень всей практической работы партийных организаций. И тем не менее — нам всего этого недостаточно для успешного решения великих задач второй пятилетки.

Вот почему XVII партийный съезд постановил и требует от нас повышения качества идейно-политической работы по всему фронту. Я убежден, что одна из основных причин проявлений формализма не только в школьной учебе, но и во всей массовой воспитательной работе, заключается в том, что и в этой области работы дает себя в той или иной степени Знать самоуспокоенность. Марксистско-ленинская воспитательная работа, которой мы занимались на пленуме, — это не простое дело, это очень большой и сложный вопрос. Тут просто написать резолюцию и думать, что остальное приложится, — не выйдет. Вы все помните решения XVII партийного съезда и Центрального Комитета ВКП(б) о перестройке наших партийных органов. Об этих решениях мы потом много толковали, выносили ряд постановлений — посмотрим теперь в порядке самокритики, что нами сделано.

Мне кажется, что мы далеко еще не сделали всего. Надо сказать, что вопрос о марксистско-ленинском воспитании при перестройке нашей партийной организации должен был занять одно из главных мест в партийной работе. Что же у нас вышло? Мы аппарат формально упростили, но это упрощение и перестройка аппарата произошли больше формально, чем по существу. Мы, например, у себя, в городском комитете сделали по-новому, организовали институт ответственных инструкторов. В принципе это, конечно, гораздо лучше, чем бывшие отделы, но на практике этот институт еще далеко не работает так, как надо.

Происходит это потому, что бывшие отделы исчезли, а функции, которые эти отделы выполняли, еще не целиком выполняются нашими инструкторами. Мы знаем ряд областей работы, где наши инструктора занимаются исключительно технологией дела и меньше всего партийно-воспитательной работой. То же самое и в ряде отделов нашего областного комитета. Это дело надо решительно и самым резким образом повернуть.

Я имею в виду не только перестройку наших областной и городской партийных организаций. Мы за этот промежуток времени создали политотделы в МТС, на транспорте — железнодорожном и водном — выдвинули целый ряд парторганизаторов, утверждаемых в особом порядке. Все это направлено к тому, чтобы поднять на более высокий уровень внутрипартийную жизнь и внутрипартийную работу во всех звеньях нашей великой партии. Но дело это проводится в ряде случаев не так, как это записано в решениях партии. Я не хочу сказать, что в этом виноваты инструктора или парторганизаторы, — мы тут все вместе не совсем правильно поставили это дело.

Возьмем такой вопрос, как партийная дисциплина. На последнем съезде в новом уставе партии мы особо записали об этом. Между тем здесь мы имеем ряд серьезных недочетов и слабых мест, в отдельных первичных партийных организациях внимание к нашей внутрипартийной жизни не стоит подчас на должной высоте. Я приведу небольшую справку, чтобы вы поняли, о чем идет речь. Возьмите такой важнейший показатель, как изменения количества членов партии в нашей

партийной городской организации. Возьмите завод «Электросила» — было на 1 января 1539, на 1 октября — 1319. На фабрике «Скороход» было 1731 человек, сейчас — 1579. Шинный завод — было 740 человек, сейчас — 598. Галошный завод — было 1654 человека, сейчас 1374. Завод «Русский дизель» — было 579 человек, сейчас — 518. Надо посмотреть, как обстоит дело на других заводах. Я не забываю ни мобилизаций, ни того, что мы исключаем из партии, не производя приема новых членов, и все-таки этими причинами уменьшения количественного состава в таком размере не объяснишь. Это явление говорит о том, что внутрипартийная воспитательная работа хромает. С другой стороны, из этого примера видно, что мы на эти вопросы обращаем подчас недостаточно внимания, не анализируем их, не изучаем так, как следовало бы изучать.

Вопрос о повышении идейного уровня членов партии, который мы поставили на этом пленуме, — один из самых насущных вопросов, и будет ошибкой, если мы весь этот вопрос сведем к формальной учебе. У нас есть громадная сеть кружков, школ и т. д., где происходит пополнение знаний. Тут много нового, тут много новых условий, огромное количество людей, и надо особо подумать об улучшении системы руководства этой сетью.

Но мне сдается, что мы сделаем большую ошибку, если, работая на местах, на фабриках и заводах, мы будем придерживаться трафарета, будем ждать, чтобы кто-то преподал новые формы партийной учебы. Это не выйдет.

Я думаю, что на каждом заводе нужно проявлять (нечего бояться, никакого греха от этого не произойдет) больше почина, больше творчества, вовлекать больше людей в учебу, начиная от верхушек актива и не забывая самых широких масс членов нашей партии.

Мы не можем ограничиться формальной учебной сетью, потому что ведь вся жизнь партии, вся ее работа есть огромная марксистско-ленинская школа — такой она и должна быть. Мы должны поставить дело так, чтобы каждое наше мероприятие — постановление, решение, декрет имели популярное идейно — ленинское обоснование, которое должно быть доступно широким массам, широким слоям партии и беспартийным трудящимся. Как обстоит дело на практике? Слабо, особенно в деревне. Я говорил об этом на областном совещании инструкторов и сейчас повторю. В деревне меньше всего мы можем строить нашу воспитательную работу на формальной учебной сети, на регламентированных собраниях и т. д. Я думаю, что там мы должны проявлять особую гибкость в постановке массовой политической работы. Мне казалось, что нужно было бы подойти к этому примерно так. На большой молотилке молотит человек 50. Перерыв. Не потому, что молотилка сломалась, а обеденный перерыв. Поели, а затем нужно взять газету. Убили, например, короля (королей осталось теперь не так много), прочитать об этом — будут слушать. Будет это интересно или нет? Будет. Будет интересно и для колхозников и для единоличников. А начав с этого, можно рассказать и побольше: и что такое фашизм, и как мы боремся за мир, и кто нам в этом мешает. И так рассказать, что каждый крестьянин этим заинтересуется, и то, чего он раньше не понимал, поймет. Можно об этом рассказать по газетам, — и уверяю вас, что этот перерыв будет использован как следует. Можно наладить простое чтение о разных агрономических вещах, но чтобы это не было ни с того, ни с сего, а было, что называется, к случаю. Потому что иначе может получиться так, как это часто у нас бывает, — у человека неполадки в работе, ему никто не посоветует как быть, а говорят: «Давайте потолкуем насчет МЮДа», а там все «юноши» за 60 лет. И вот такой «юноша» думает: «Да провались ты со своим МЮДом подальше». Я веду это к тому, что нам нужно уметь сочетать теорию с знанием практики жизни. Не надо недооценивать учебу, но не надо закрывать глаза и на то, что в деревне есть много азбучно неграмотных людей. А азбучно грамотным считает себя тот, кто умеет из угла в угол написать фамилию так, что она не влезает в трудовую книжку. Он говорит, что грамотный, а если дашь газету, то ни в каких очках не прочитает, скажет, что мелка печать. Таких много. Им надо помогать.

Многие скажут, что в деревне так, а в городе не так. Я думаю, что внешкольную учебу надо развивать и среди широких масс членов партии в городе. Уверяю вас, что тогда мы сделаем большое дело. Я не мыслю марксистско-ленинское воспитание оторвано, как мы выражаемся, для актива, а масса членов партии при этом остается в «нетях». Надо помогать и тут и там, тогда масса хорошо подопрет актив. Пропагандистов будут критиковать тогда не только в том случае, если кто-нибудь из культпроповских работников удосужился их проэкзаменовать, но и широкие массы членов партии в повседневной работе.

НЕТ ПОЧЕТНЕЕ ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ МАСС

Поднимая повседневно, настойчиво, систематически уровень всех членов нашей партии, мы будем подталкивать вверх и всю нашу систему учебы, всю нашу разветвленную школьную сеть. Масса членов партии будет подрастать на работе, получать большевистскую закалку. Нам надо добиться того, чтобы каждый член партии умел объяснить беспартийным политику партии и ее решения. В повседневной жизни накопляется много вопросов, и ответ на них иной раз бывает трудно получить. Ведь у нас иногда практика такая: прочтет человек, что мы вступили в Лигу наций, заинтересуется этим, кое-что захочет выяснить; придет он на кружок, а спросить не может, так как кружок по заранее установленной программе идет, — ты спросишь про Лигу наций, а там обсуждается вопрос о перестройке профсоюзов, и никто с тобой о Лиге наций говорить не станет. То же самое и в

партийный день. Ведь большей частью повестки партийного дня мы даем из Смольного. Я думаю, что от этой практики нужно отказаться, чтобы парткомы и парторганизаторы больше ставили и лучше подготовляли свои местные вопросы.

Большим бичом партийного воспитания и просвещения является формализм и в школах и вне школы.

Простым житейским делом, толковым, разъяснением иной раз можно сделать больше, чем мы достигаем якобы «высококвалифицированной» учебой. А мы часто обманываем себя. Вот наши пропагандисты. Я некоторых видал. Другой из них ничему не научит, ничему не может научить, так как он сам ничего не знает, он кое-что прочитал, а что касается жизни и как к ней теорию применить, он сам не знает. Это факт. И чтобы это дело повернуть, надо поближе к жизни поставить партийную, марксистско-ленинскую учебу. Я не хочу отрицать значения работы кружков партийной учебы. Ее надо крепить, надо отбирать для пропагандистской работы лучшие партийные кадры, надо пропагандистов воспитывать, но этого одного недостаточно. Надо усилить также политико-воспитательную работу среди беспартийного актива рабочих и колхозников.

Третьим в повестке дня нашего пленума стоял вопрос о перевыборах советов. Это громадная, массовая кампания, кампания, в которой мы должны перед трудящимися массами города и деревни отчитаться об итогах нашей стройки, поднимая их к решению новых великих задач, с тем чтобы на основе этого еще более быстро и уверенно широким фронтом двигаться вперед к социалистическому обществу.

Перевыборам советов мы должны уделить максимум сил, максимум внимания, показать себя на перевыборах достойными организаторами миллионных масс, борющихся за социализм, так поставить агитацию и пропаганду, чтобы самый отсталый рабочий и колхозник, самые отсталые трудящиеся поняли, что им дала и куда их ведет наша пролетарская Советская власть, руководимая большевистской партией.

Мы должны выдвинуть в Советы лучших трудящихся, передовых организаторов нашей социалистической стройки, преданных и самоотверженных борцов за социализм. Мы должны в перевыборную кампанию шире развернуть самокритику, беспощадно разоблачая все враждебное, гнилое, чуждое советскому строю.

Здесь задавали вопросы: как поставить партийную работу? заниматься производственными вопросами или нет? Ясно, что надо заниматься производственными вопросами, но заниматься так, чтобы фундамент под производство подвести, чтобы изо дня в день идейный уровень людей поднимать. Дело это серьезное, и надо на это дело всячески нажать, потому что время, потраченное на большевистское, ленинское воспитание трудящихся, на подъем их культурного уровня, никогда даром не пропадет.

Некоторые ответственные работники подчас хвастаются тем, что не читают беллетристики. «Нашел, мол, чем заниматься, беллетристикой, тут газету некогда почитать». Этим хвастаться нельзя. Это говорит как раз о нашем неумении работать. Надо найти время и для газеты, и для книг Ленина и Сталина, а если ты Маркса и Энгельса поглядишь, тоже не потерянное это время. И для беллетристики надо время найти, иначе мозги засохнут. Я во время заготовок видел одного секретаря партийной организации — бегает кругом да около молотилки и заявляет, что уже три ночи не спал. Конечно, ему не до беллетристики!

Только надо себе задать другой вопрос — правильно ли у этого секретаря организована работа и выйдет ли из нее толк? Думаю, что нет, — и практика будет хромать, и без теории останется, и без культуры.

Когда мы касаемся вопросов самообразования, у нас чаще всего один аргумент — некогда, целый день беготня, целый день язык на плече. А я советую, вот попробуйте этот язык с плеча снять хотя бы на час (смех), и вы увидите, что ничего страшного не произойдет, лучше будет. Думают, что если ты запыхался, если пот с тебя градом катит — вот это работа.

Мы хотим так наладить нашу работу, чтобы каждый из нас находил время и для газеты, и для книги, и для изучения ленинизма, и для повышения своего культурного уровня. Это будет огромным вкладом в нашу практическую работу и вознаградится сторицей. Только так и можно поднять на должную высоту теоретический уровень членов партии. Чего требует от нас товарищ Сталин?

«1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского

интернационализма;

5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений» / Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 589, изд. 10-е. /

И тут я подхожу к вопросу о дисциплине, о дисциплине в широком смысле этого слова. Надо, чтобы каждый внутри себя обладал крепкой партийной дисциплиной, чтобы член партии все отдавал партии и чтобы то, что он получает от учебы, от самообразования, шло на дело партии. Иной практический работник рассуждает примерно так: как отлучиться с работы и заняться учебой, — если тебя на месте нет, без тебя ничего не выйдет. Как же, сегодня на заводе, я, мол, собрал пропагандистов, актив, как же я не приду? И вот придет, покажется «ясное солнышко», не знает, в чем дело, сядет в уголочек, как святой, посидит полчаса, и вот, видите ли, массовую работу провел. (Смех.) Так лучше не приходить, а если уже приходишь, приходи подготовленным, расскажи, как и что надо делать. Надо начинать поднимать большевистское воспитание с наших партийных кадров. Повторяю, надо не столько бумагами, циркулярами действовать, а так поставить нашу работу, чтобы каждое решение, даже такое, например, как исключение из партии (о чем здесь говорили), провести так, чтобы человек понял, за что его исключили. Если мы наказали, записали выговор, надо, чтобы человек понял, за что ему этот выговор дали, и надо научить этого человека, чтобы он в следующий раз выговора не получал, чтобы он поправился в работе. Это и будет большевистское воспитание членов партии.

Несколько слов мне хотелось бы сказать о нашем комсомоле. Тут выступавшие товарищи целиком правы: на воспитательную работу в комсомоле нам всем надо обратить серьезнейшее внимание. В комсомоле дело с большевистским воспитанием, я бы сказал, обстоит (тут нечего греха таить) хуже, чем в партийной организации.

А между тем в комсомоле этот вопрос стоит гораздо острее, чем в нашей партии. Только что закончился призыв в армию 1912 года. Эти призывники родились за два года до мировой войны. Сегодняшний призывник был двухлетним карапузиком, когда началась мировая война, был пятилетним ребенком, когда началась великая русская революция. Этот человек сейчас идет охранять наше отечество, нашу родину. Ему 22 года. Призывники — цвет комсомола, цвет нашей молодежи, это будущее нашей страны, это самое сильное, самое ценное, что у нас сейчас есть. А это самое сильное, самое ценное было еще маленькими ребятами тогда, когда началась великая русская революция. И для того, чтобы из таких людей выросли настоящие, выдержанные большевики, твердокаменные революционеры, которые действительно способны защищать нашу страну по-настоящему, и физически и идейно, необходимо хорошо поставленное ленинское воспитание. Ведь мы, люди старшего поколения, мы живем, я прямо должен сказать, пускай меня поправят люди моего возраста, — мы живем на 90 % багажом, который мы получили в старые, подпольные времена. И тут правильно говорят: не только книжки, а каждый лишний год тюрьмы давал очень много — там подумаешь, пофилософствуешь, все обсудишь 20 раз, и когда принимаешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь, к чему это обязывает, что это значит. А комсомольцы — это всходы, выросшие уже на советской ниве, прекрасные всходы, и потому им нужно уделить особое внимание, им нужна такая школа, чтобы из них выросли настоящие строители социализма. Правы комсомольцы, когда предъявляют нам большие требования, но они повинны в том, что сами иногда недостаточно глубоко понимают свои задачи в этой работе. Я думаю, что если пропорционально делить то внимание, которое мы должны уделять марксистско-ленинской учебе, то большая доля должна уделяться этому новому, подрастающему поколению. Я его очень уважаю, но оно одно с этим делом не справится, ему нужна большая партийная помощь. Это дело надо поднять на надлежащую высоту, на которой должны стоять вопросы марксистско-ленинского воспитания в нашей партии.

И сейчас, когда во всем мире «идея штурма зреет в сознании масс», когда поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению. Марксизм-ленинизм — это действительно настоящая и единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов. Не владея ею, нельзя победно совершить мировую революцию. Но так как мы с вами выросли и воспитались в той партии, которая сейчас является руководящей силой Коммунистического Интернационала, той партии, которой руководит величайший из ленинцев — товарищ Сталин, мы сумеем теорию марксизма-ленинизма использовать для того, чтобы добиться победы коммунизма во всем мире.

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)